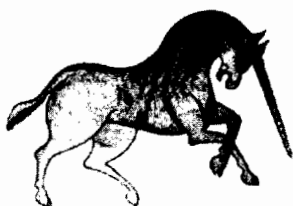

НАШИ МИРОТВОРЦЫ НА БАЛКАНАХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

СЕРГЕЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА МАЛЬЦЕВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА

Н А Ш И
МИРОТВОРЦЫ
НА БАЛКАНАХ

МОСКВА «ИНДРИК» 2007

УДК 94(497.1-6)

ББК 63.3(4)

Н 37

Составитель и
ответственный редактор
доктор исторических наук
Е. Ю. Гуськова

Наши миротворцы на Балканах / Составитель и ответственный редактор
Е. Ю. Гуськова. — М.: Индрик, 2007. — 360 с.

ISBN 5-85759-397-2

Внимание читателей представляется первый в нашей стране сборник свидетельств россиян (и жителей ближнего зарубежья) — непосредственных участников миротворческой миссии на Балканах, тех, кто в трудных условиях военного противостояния осуществлял или продолжает осуществлять свою нелёгкую службу в одной из самых горячих точек мира. Среди авторов — военный наблюдатель, полицейские, начальник штаба сектора «Сараево», сотрудники гуманитарных организаций, журналист, учёный. Они писали о Боснии, Хорватии, Косове и Метохии, о Гаагском Трибунале. Писали по-разному: кто-то ежедневно вёл дневник, кто-то записывал увиденное в виде литературных зарисовок и даже маленьких рассказов, а некоторые только сегодня изложили то, что происходило с ними в 90-е. Сборник подготовлен в Центре по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской Академии Наук.

The first is represented to attention of readers in our country the collection of certificates of Russians (and inhabitants of near foreign countries) — direct participants of peace-making mission on the Balkan, those who in difficult conditions of a military opposition carried out or continues to carry out the hard service in one of the hottest points of the world. Among authors — military observer, policemen, chief of a staff of sector «Sarajevo», employees of the humanitarian organizations, journalist, scientific. They wrote about Bosnia, Croatia, Kosovo and Metohiji, about the Hague Tribunal. Wrote differently: someone daily kept a diary, someone wrote down seen as literary sketches and even small stories, and some only today have stated that occurred to them in 90 gg. The collection is prepared in the Centre on studying modern Balkan crisis of Institute of Slavic studies of the Russian Academy of sciences and issues on means of the Centre of national glory of Fund sacred apostle Andrey Pervozvannogo.

© Авторский коллектив, 2007
© Составление, Е. Ю. Гуськова, 2007
© Издательство «Индрик», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

	ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	7
В. А. АНДРЕЕВ	СТРАСТИ ПО-САРАЕВСКИ	9
А. В. ДЕМУРЕНКО	МЕНЯ МУЧИЛИ СОМНЕНИЯ	61
Б. К. РАКИТИН	ВОСПОМИНАНИЯ О ЧУЖОЙ ВОЙНЕ	67
В. А. ВОРОБЬЕВ	ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МИРОТВОРЦЕМ?	131
Е. Ю. ГУСЬКОВА	ЯХОРИНА	151
Р. А. АНДЖЕЛИЧ	КОСОВО: АЛБАНУТАЯ МОЗАИКА	163
Я. БОКС	О ДЕРЬМЕ И ЧУВСТВЕ СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА	173
В. И. ТАРУСИН	МИРОТВОРЕЦ	177
Д. В. ЯХНОВ	ИЗ АЛБАНИИ В КОСОВО	203
Е. Ю. ГУСЬКОВА	ТРИБУНАЛ В ГААГЕ. ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	207
К. Б. КАЧАЛИН	КАРЛА ДЕЛЬ ПОНТЕ ЗАЩИЩАЕТ МУСУЛЬМАН И ХОРВАТОВ (ЗАМЕТКИ СВИДЕТЕЛЯ)	211
А. Л. ЗЕЛИЧЕНКО	КОСОВСКИЙ ДНЕВНИК	215

О Т С О С Т А В И Т Е Л Я

Кризис на территории бывшей Югославии длится уже почти 15 лет. Все эти годы в урегулировании балканского конфликта принимали участие многочисленные международные организации и институты, миротворцы из разных стран. Миротворческая миссия под эгидой ООН была развернута в 1992 г. В Хорватии, затем в Боснии и Герцеговине (БиГ), Македонии, Косове и Метохии и состояла из военных наблюдателей, гражданской полиции, администрации, службы информации, сил поддержки. Миротворческую операцию в Хорватии и БиГ осуществляли представители 36 стран, говорившие на 19 языках. Среди них были и русские — офицеры и гражданские, дипломаты и журналисты.

Сложнейшие события межнациональных конфликтов стали предметом пристального внимания ученых, политиков, военных. Но никакой анализ не может быть полным без учета воспоминаний тех, кто непосредственно работал в зоне конфликта.

Вниманию читателей представляется первый в нашей стране сборник свидетельств россиян (и жителей ближнего зарубежья) — непосредственных участников миротворческой миссии на Балканах, тех, кто в трудных условиях военного противостояния осуществлял или продолжает осуществлять свою нелегкую службу в одной из самых горячих точек мира. Кризис на территории бывшей Югославии прошелся по судьбе многих людей, в том числе и миротворцев, которые не могут забыть дни, проведенные на Балканах. Среди авторов — военный наблюдатель, полицейские, начальник штаба сектора «Сараево», сотрудники гуманитарных организаций, журналист, ученый. География родных мест, откуда они уехали на Балканы, — разнообразна: Россия, Кыргызстан, Казахстан, но всех их отличает неравнодушное отношение к событиям, желание записать все, что видели, поделиться своими чувствами и пониманием про-

исходившего. Они писали о Боснии, Хорватии, Косове и Метохии, о Гаагском трибунале. Писали по-разному: кто-то ежедневно вел дневник, кто-то записывал увиденное в виде литературных зарисовок и даже маленьких рассказов, а некоторые только сегодня изложили то, что происходило с ними в 90-е. Все авторы имеют разное образование, воспитание, традиции, возможно, вероисповедание, несхожими являются и их тексты. Но их объединяет та искренность, с которой они писали, далекий от политики беспристрастный взгляд, честность помыслов и поступков, храбрость в сложных ситуациях, упорство в преодолении трудностей. Все представленные в книге работы — драгоценные свидетельства о нашей эпохе, полной трагических страниц, о наших современниках, о людях и их поступках в трудных условиях межнациональных конфликтов.

Сборник подготовлен в Центре по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской Академии наук и издается на средства Сергея Валентиновича Мальцева.

Е.Ю. Гуськова

СТРАСТИ ПО-САРАЕВСКИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
УЧАСТНИКА СОБЫТИЙ

Сараево — по-своему очень красивый город. Даже несколько традиционных районов аля Новые Черемушки, которых понастроили в те времена во всех бывших социалистических странах, по-настоящему его испортить не смогли. Старый город с минаретами и живописным восточным базаром, практически не изменившимся с начала прошлого века, узкие улочки, причудливо вьющиеся вокруг него, да и некоторые районы у подножья холмов, так и дышат Востоком, как будто они вышли из сказок Тысячи и Одной Ночи. Во время войны, к сожалению, целый ряд замечательных старых зданий, таких как, например, библиотека, был разрушен. Я успел еще увидеть барельеф и медные следы ступней оставшимися в том месте на набережной, где Гаврило Принцип убил австрийского эрцгерцога в 1914 году, что послужило началом одной из самых кровопролитных войн в истории человечества. Позднее кто-то варварски разбил и то и другое. Тем не менее интерес

АНДРЕЕВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ — сотрудник Секретариата ООН в Нью-Йорке (1975–80, 1984–92), сотрудник Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в Женеве (1995–97), глава представительства УВКБ в Грузии, заместитель главы миссии УВКБ ООН в России (1997–99), региональный директор в Виндхукке, миссия ООН в Намибии (1989–1990), глава гражданского контингента в Книне (миссия ООН в бывшей Югославии) глава гражданского контингента ООН и делегат Специального представителя Генерального Секретаря ООН в Сараеве (ноябрь 1992 — январь 1995).

приезжих к этому месту на набережной реки Милячки не исчез. Во времена, когда я осел в Сараеве более или менее надолго, большинство оказавшихся в городе иностранных людей старалось попасть туда. К сожалению, мне не удалось побывать на месте, где был захоронен Принцип, кладбище оставалось на ничейной земле все время, что я провел в городе.

Я прожил чуть более двух лет в Сараеве в самое, пожалуй, трудное для города время — с конца декабря 1992 по конец января 1995 года. Впервые приехал туда в марте 1992 года, когда война пока еще не тронула его. Сараево какое-то время успело побыть даже штаб-квартирой первой миссии ООН в бывшей Югославии. Все мы, то есть основной состав миссии, спешно набранный в секретариатах ООН в Нью-Йорке, Женеве и Вене, даже пожил недолго в печально известном впоследствии отеле «Холидей Инн», знакомом многим по репортажам Си-Эн-Эн. Весна в этих краях была просто замечательная, и город смотрелся тогда прекрасно. Едва ли кто-либо мог знать, что будет здесь через месяц.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Началось для меня все в Нью-Йорке, когда сербы хорватской Краины официально дали согласие в конце января 1992 года на ввод на их территорию сил ООН для защиты немногочисленных оставшихся там хорватов после вступления туда Югославской Народной армии. Напомню, что Хорватия и Словения вышли из состава Югославии и армия в полном соответствии с Конституцией страны вошла в обе бывшие части Югославии. В Словении население было в основном однородным, словенцы всегда составляли там абсолютное большинство. Поэтому серьезных проблем в этой стране не было, армия вскоре была выведена оттуда и вооруженные столкновения были редкими. В Хорватии же сербов проживало всегда много. Их число по разным данным составляло до одной четверти общего количества жителей республики. Больше того, сербы проживали там компактно в так называемой Сербской Краине, где в целом ряде общин они составляли до 95 % населения. Сербы жили в этих краях никак не менее пяти веков и были известны в истории Балкан как «военные сербы», защищавшие мягкое подбрюшье Европы от турок. Систематическое выдавливание сербов с использованием самых изощренных методов, получившее впоследствии название этнических чисток, началось в Хорватии еще до официального выхода этой страны из Югославии. Однако после начала военных действий, когда сербы заняли кроме чисто сербских и некоторые районы со смешанным, а иногда даже с некоторым преобладанием хорватского населения, таких как Госпич к примеру, именно они были названы виновниками и даже изобретателями таких чисток. Это была их ошибка, бесспорно. Сербы не слишком дальновидно рассматривали эти земли в качестве разменной монеты для будущих переговоров. Не очень серьезное оправдание, должен заметить. Немедленно после выхода Хорватии из состава Югославии сербы Краины обратились в центральное правительство в Белграде с просьбой о введении армии

в места их компактного проживания. Они также провели референдумы, подтвердившие почти поголовное стремление населения районов к выходу из Хорватии и созданию собственного государства под названием Республика Сербская Краина. Причиной таких действий сербов являлась историческая память об огромных жертвах сербов от рук хорватских националистов усташей во время Второй мировой войны. Ввод югославской армии послужил сигналом к бегству из сербских районов большинства хорватов, составлявших все же значительное меньшинство от общего числа жителей большинства районов. Все хорваты уехать, однако, не могли. Некоторым, в основном пожилым людям, просто некуда было деваться. Тогда Совет Безопасности ООН и принял решение о направлении в Хорватию миротворческих сил ООН для защиты лиц из числа несербского населения от возможных насильственных действий со стороны сербов. Именно поэтому в названии миссии, а назывались мы Силами ООН по Защите, или UNPROFOR, то есть United Nations Protection Force, появилось слово «защита». Это сильно путало очень многих впоследствии. Защита небольшого числа хорватов в Сербской Краине — это одно дело, а использование силы в поддержку одной из воюющих сторон, к чему старались подтолкнуть нас в Боснии и Герцеговине мусульмане, дело совсем другое.

Срочная подготовка к выезду миссии в Югославию началась в Нью-Йорке ненадолго раньше, но с конца января она стала просто авральной. На самом первом этапе руководство Секретариата ООН решало вопрос, будет ли главой миссии гражданское лицо или же военный. И в этом случае защитная функция в названии, с которой и начиналась миссия, сыграла решающую роль — во главе ее на первом этапе был назначен индийский трехзвездный генерал Саттиш Намбьяр. Главой политического крыла миссии в ранге Помощника Генерального Секретаря ООН стал ирландец Седрик Торнбери, мой непосредственный начальник и хороший приятель по предыдущей операции ООН по поддержанию мира в Намибии. Седрик отвечал за набор главных действующих лиц в миссии из ООН, что и предредило мое в ней участие в должности главы гражданского контингента ООН в одном из четырех секторов, созданных в Хорватии в соответствии с планом ООН. В самом начале марта набор основного руководящего состава будущей миссии был закончен, и после трехдневного ознакомительного семинара в Нью-Йорке мы вылетели в Югославию. Это было 8 марта 1992 года, а уже через неделю все впервые собрались на первое совещание в новой штаб-квартире в мирном тогда еще Сараеве.

Никогда не забуду, как в одиночестве добирался туда на только что полученном новеньком «Пежо» из Книна в Сербской Краине через всю северо-западную и центральную Боснию вдоль быстрых рек по извилистым дорогам там, где уже через две недели будет полыхать война. Это было во второй половине марта, и все вокруг было таким весенним и радостным, особенно после разрушенных пустых деревень и разбитых войной дорог в Краине. Я проезжал через многочисленные мусульманские деревни, и рот мой просто не закрывался от удивления — а что же в них собственно мусульманского? Они все как одна были поразительно похожи на наши русские, а уж таких точно бегающих по улицам белоголовых ребятишек можно увидеть разве под Рязанью. Деревенские женщины там даже повязывали головные платки

скорее по-нашенски, чем по мусульманскому обычаю. В городах отличия более заметны, это и обязательная мечеть, да и сама архитектура там носит отпечаток другой культуры, но в деревнях этого вовсе нет.

В марте 1992 года войны в Боснии и Герцеговине еще можно было избежать. Существовал план Кутельеро, названный по имени министра иностранных дел Португалии, председательствовавшей в то время в Европейской Экономической Комиссии, предшественнице Евросоюза. План предусматривал превращение Боснии в конфедерацию, состоящую из трех практически независимых частей — мусульманской, сербской и хорватской, созданных на основе этнических районов проживания трех основных групп населения. Предлагаемая соглашением карта федерации по сути дела не так уж и сильно отличалась от того, что существует сейчас на основе выработанных с помощью США соглашений в Дейтоне. Только ныне есть два субъекта — боснийско-хорватская федерация и сербская республика. Лидеры трех сторон — мусульманин Алия Изетбегович, боснийский серб Радован Караджич и боснийский хорват Мате Бобан поддержали предложенное португальцем соглашение. Караджич и Бобан даже подписали его. Изетбегович же отказался сделать это в самый последний момент, после того как его остановил специально для этого прилетевший из Белграда посол США Циммерман. Не сделай он этого, боснийской войны не было бы вовсе. Во всяком случае не было бы именно тогда. Соответственно не было бы и тех двухсот тысяч человеческих жертв со всех трех сторон конфликта. Трудно сказать, какую аргументацию использовал американский посол в том историческом разговоре с Изетбеговичем, какие именно обязательства были взяты на себя США и какие обещания были даны лидеру боснийцев, но нет сомнения в том, что таковые даны были. По крайней мере даже самым поверхностным наблюдателям было ясно видно в дальнейшем, что, когда боснийцы были близки к поражению, помощь всегда приходила именно из-за океана.

Здесь, видимо, требуется дать некоторое пояснение, с какой стати в моем тексте будет повторяться не очень ясное на первый взгляд употребление политического смысла в понятии «мусульмане». Дело в том, что в Югославии это слово имело кроме религиозного еще и политическое и даже административное значение в соответствии с Конституцией страны. Этнические боснийцы, исторически, как известно, вышедшие из числа сербов и принявшие ислам, но являющиеся все-таки славянами, официально назывались там мусульманами.

Во время наших первых дней в Сараеве мы все были так заняты организационными вопросами и так мало знали пока о проблеме, что даже самое поверхностное знакомство с городом было нереально. Мы, собственно, только и успели, что официально отметить открытие нашей штаб-квартиры. В тот же день я получил билеты обратно в Нью-Йорк, куда и улетел ровно на одну неделю для завершения некоторых личных дел, на которые просто не хватило времени перед отправкой на Балканы. Интересно, что именно тогда Сараево показало мне впервые свой капризный характер — приехав утром в аэропорт, я увидел перед главным входом большое объявление, сообщавшее о том, что все рейсы из города отменяются из-за тумана на неопределенное время. В связи с тем, что до моего нью-йоркского рейса из Белграда еще оставалось время,

мы вместе с двумя попутчиками из числа коллег по миссии — американцем Фредом Эккертом, на много лет ставшим в дальнейшем бессменным пресс-секретарем Кофи Аннана, и одним англичанином по имени Джим, взяли такси. Поездка оказалась веселой, мы просмеялись весь путь до аэропорта в Белграде, но самолет югославской авиакомпании только что улетел, нарушив на этот раз устоявшуюся репутацию компании, редко соблюдающей расписания графиков полетов. Этот день оказался днем рождения Фреда, и мы с большим удовольствием весь вечер протрепались в одном из очень симпатичных и удивительно вкусных ресторанчиков, коих так много было тогда в столице Югославии. Вообще так, наверное, бывает только перед войной, когда почему-то вдруг становится на какое-то время легко, весело и как-то уж совсем беззаботно. Это удивительное состояние отмечали в своих книгах, кстати, такие замечательные знатоки поведения мужчин на войне, как Хемингуэй и Ремарк.

Точно такая же ситуация сложилась ровно через неделю, когда мы в том же составе оказались в белградском аэропорту с зарезервированными билетами в Сараево на тот самый первый рейс, который был отменен уже не из-за тумана, а по причине начала самой настоящей войны. Этот день оказался днем моего рождения, так что мы пошли по уже проторенной дорожке, приведшей нас в другой, но также очень хороший ресторан в туристическом районе города. Но на этот раз веселья как такового уже не было, мы чувствовали, что с этого дня все будет по-другому. И оказались очень даже правы.

В следующий раз я смог добраться до Сараева только в конце октября 1992 года, когда после образования в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН Командования войск ООН в Боснии и Герцеговине я был назначен главой гражданского контингента ООН в этой стране. Любопытно, что война, начавшаяся именно в Сараеве в день моего рождения, в качестве подарка преподнесла мне некоторые материальные потери. Перед отъездом в Нью-Йорк я оставил в номере у одной из коллег в гостинице «Холидей Инн» мой чемодан с кое-какими вещами, не тащить же было его с собой туда и обратно. Так вот войне нужно было начаться именно возле этой гостиницы, где в тот день проходил митинг в поддержку мусульманской демократической партии А. Изетбеговича. Именно выстрелы по толпе с крыши гостиницы, где находилась также штаб-квартира боснийских сербов Радована Караджича, пропастью разделили страну на много лет и стоили ей около двухсот тысяч жизней. После выстрелов толпа ворвалась в гостиницу, жившие в ней сотрудники миссии ООН срочно были эвакуированы, а мой несчастный чемодан либо затерялся где-то, либо был элементарно украден кем-то из ликующей толпы — любым серьезным конфликтам чаще всего предшествует короткий период ликования. Месяца через три после этих событий моя американская помощница в Книне, знавшая законы ООН лучше меня, посоветовала официально обратиться в администрацию организации с просьбой о компенсации в связи с потерей имущества в результате военных действий. Она же и подготовила соответствующее письмо, которое я подписал, не очень надеясь на положительный результат. Однако права оказалась она, а не я, и не прошло и месяца, как мне были переведены какие-то деньги в качестве компенсации.

Небольшие, но все же приятно.

ЗНАКОМСТВО ПОБЛИЖЕ

Следующее свидание с Сараевом стало началом очень любопытного периода в моей жизни, периода незабываемого, самого, пожалуй, трудного, но и самого интересного одновременно. После моего назначения в Боснию я приехал туда официально представиться главе военного контингента французскому генералу Филиппу Морийону.

Представиться особого смысла, правда, не было, так как к этому времени я знал француза достаточно хорошо. Тот с начала миссии был заместителем командующего войсками ООН в Югославии генерала Намбьяра и отвечал по военной линии за сектор «Юг» с центром в Книне в Хорватии, где я был главой гражданского контингента. Должен честно сказать, что Филипп при очень богатом экстерьере — он был весьма импозантен, даже красив, высок и строен — как руководитель и особенно как политик, без чего такая работа просто не имеет смысла, был несколько слабоват. Даже несмотря на очень характерную и приятную хрипотцу, которая придавала его речи известную мужественность и которая всегда так нравилась журналистам. Да и в личном плане он не всегда был безупречен. Тщеславен он был без всякой меры, возомнив, что может чуть ли не самостоятельно добиться урегулирования, совершенно не переносил критики, мог даже иной раз запросто по мелочи надуть оппонента для получения каких-либо сиюминутных выгод. Прекрасно помню, как он, не моргнув глазом, вешал лапшу на уши еще менее, чем он сам, искушенному в политических играх руководству сербов из Краины, которых вначале просто завораживала его уверенность в себе и военный шарм. Именно по этой причине я не без некоторого стыда наблюдал, как неделей позже Морийона на моих глазах буквально высекли на такой же официальной встрече с командующим хорватской армии генералом Бабетко более опытные хорваты, когда он попытался действовать с ними такими же методами. Шарм его испарился прямо на глазах и он затих тогда на несколько недель, практически перестав вмешиваться в не совсем свое дело, то есть в политику. В другой раз, когда Морийона уже в Боснии взяли в заложники на несколько часов сербские женщины из городка Блажуй, жены и родственницы пленников, содержавшихся мусульманами в нечеловеческих условиях где-то возле Сараева, он наобещал им даже больше, чем те от него требовали, только чтобы его отпустили. Как только это произошло, он тут же со вздохом облегчения попросил меня выполнить за него все абсолютно невыполнимые обещания, которые он надавал несчастным женщинам. Так же Морийон повел себя и в Сребренице — небольшом городке в восточной Боснии, печально прославившемся позднее убийством сербам и около восьми тысяч мусульман. Он поехал туда вопреки многим рекомендациям, и его на целую неделю заблокировали теперь уже мусульманские женщины. Тогда ему удалось выбраться из Сребреницы в результате вмешательства главы нашей миссии и боснийского правительства, а также после очередных обещаний, часть которых он опять же не выполнил.

При всем при этом, когда его тщеславию ничего не угрожало, Морийон был настоящим французом, то есть милым собеседником и приятным партнером на вечеринках, которые мы позволяли себе иногда. Я приглашал его к себе домой вместе

с его ближайшим окружением, и мы с большим удовольствием пели с ним русские и французские песни чуть ли не дуэтом — я по-русски, а он по-французски — после нескольких стаканов спиртного. Именно в его виртуозном исполнении я первый раз в жизни видел старый трюк французских офицеров с открыванием бутылки шампанского с помощью удара по горлышку бутылки саблей или ножом. Горлышко при этом отлетает ровно отрезанное и пена живописно бьет из бутылки в подставленные бокалы. Зрелище красивое, особенно когда видишь его впервые, я же потом наблюдал его достаточно часто. Морийону я также обязан приобщением к такому любопытному явлению, как культура французского военного пения. Это просто удивительная вещь. Ни одна армия в мире даже близко не имеет ничего похожего. Надо видеть, как красиво и с каким удовольствием поют французские офицеры разных возрастов — и ветераны иностранного легиона, прошедшие огонь и воду, и только что выпустившиеся из военных академий безусые лейтенанты. Лица и тех и других светлеют, морщины распрямляются, а глаза застилает елей. Британцы, слушающая пение, просто лопались от зависти.

Однако ближе к моему рассказу. Я остановился на визите в Сараево для официального представления в моем новом качестве главы гражданского контингента ООН командующему войсками ООН генералу Морийону. Должен пояснить, что в то время у нас фактически существовало две штаб-квартиры — одна в хорватском анклав Киселяк в тридцати километрах от Сараева, где находились все военные штабные отделы и службы, необходимые для нормального функционирования армии. По натовской системе, лежащей в основе штабной структуры нашей миссии, имелось пять основных отделов, которые обозначались английской буквой G и цифрами от единицы до пяти. Так, отдел G1 означал администрация и кадры, G2 — отдел военного планирования, G3 — инженерно-саперный отдел, G4 — разведка и G5 — отдел по работе с населением. Возглавлял штаб в Киселяке начальник штаба в ранге бригадного генерала, в подчинении которого находилось около двух сотен человек, включая взводы охраны и обеспечения из более десятка стран Западной Европы и Канады.

Вторая штаб-квартира, где находился сам командующий и его ближайшее окружение и куда вскоре вселился и я, носила название передового штаба. Она располагалась в самом центре Сараева недалеко от канцелярии президента Боснии и Герцеговины в бывшем здании гостиницы для высшей партийной элиты Югославии. Внутреннее убранство комнат еще сохраняло былую привлекательность, на стенах висели весьма ценные картины, кое-где осталась старая приличная мебель, а на огромной кровати, стоящей в моей комнате, говорили, спал как-то даже сам Тито. Она была самой большой в штабе и, естественно, являлась предметом многочисленных армейских шуток. Однажды, уже после года отъезда из Сараева, мне вдруг позвонил в Женеву один американский генерал, которого я не очень-то и запомнил, только для того, чтобы сообщить, что он накануне спал в «моей» кровати. Довольно высокий уровень внутреннего убранства при этом сочетался с разбитыми стеклами в окнах большинства комнат и мешками с песком, защищавшими обитателей от осколков, которые так или иначе оставили множество следов на стенах. Однако столовая была приятной, а еда еще приятней, так как каждый новый командующий привозил с собой повара, который

с помощью местного персонала готовил на всех живущих в штабе. Нас даже обносили блюдами местные прилично одетые официанты в бабочках. Временами, правда, из-за перебоев в снабжении подавать было особенно нечего, но официанты присутствовали все равно. Учитывая, что за все время пребывания в Сараеве я пережил трех командующих — француза, бельгийца и англичанина, я с определенным основанием могу считать себя некоторым знатоком этих трех кухонь.

В свой официально первый день после назначения в Сараево мне было, однако, не до гастрономических изысков. В любом более или менее замкнутом мужском коллективе всегда находится шутник, жаждущий повеселить публику. Тем более, если этот коллектив армейский, а объект для шутки — человек гражданский. И уж совсем здорово, когда человек этот, хоть и начальство, но все-таки чужое, да еще и русский. Так и произошло со мной в тот день. Знакомство со штабом и его обитателями вместе с необходимым в таких случаях брифингом заняло несколько часов. Все шло как полагается до тех пор, пока мне не понадобилось ознакомиться с местным туалетом. Армейский шутник, похоже, продумал все достаточно хорошо и нанес свой удар именно в этот момент. Когда я попытался выйти из кабинки к ожидавшим меня штабным чинам, я обнаружил, что заперт снаружи. Ситуация пикантная и совсем не из приятных. Я представляю себе, как внутренне потирал от удовольствия руки наш шутник, ожидая, когда я начну взывать о помощи, которая конечно же придет через какое-то время, а пока можно будет насладиться многозначительными переглядываниями с истинными ценителями армейского юмора. Эти мысли пронеслись в моей голове, я ведь служил в армии сам и более или менее знаю образ мышления в армейских кругах. Однако доставлять удовольствие натовским шутникам мне вовсе не хотелось, особенно в мой первый день в штабе, и я решил выбраться самостоятельно любыми путями. Стены заведения были, к счастью, не до самого потолка, оставляя небольшое пространство, через которое можно было бы при большом желании пролезть, надо было только каким-то образом добраться до самого верха по стене. После нескольких неудачных попыток мне это все же удалось, видимо помогло очень сильное желание выбраться во что бы то ни стало. Короче, я выбрался из кабинки без посторонней помощи и как ни в чем не бывало присоединился к ожидавшей меня группе генералов и старших офицеров, к разочарованию нашего шутника. Могу представить себе, как позднее он подходил к заведению и проверял, закрыта ли запертая им ранее дверь.

Н А В О Й Н Е К А К Н А В О Й Н Е

Надо сказать, зима 1992/1993 года была очень трудной, пожалуй самой трудной из всех военных зим для города. Было очень холодно, война шла жестокая, минаметные и артиллерийские обстрелы почти не прекращались, воду давали на очень короткое время, газоснабжение было почти полностью прекращено, продукты исчезли, спекулянты наживали миллионы на торговле ими. Стратегия боснийского

руководства состояла в том, чтобы не позволять гражданскому населению покидать город, используя его трагедию для привлечения на свою сторону западных средств массовой информации, которые несли в мир нужную мусульманам картинку осажденного сербскими варварами многонационального города.

До начала войны Сараево был действительно смешанным с совсем незначительным преобладанием мусульманского населения городом. Сербов, к примеру, было что-то около 34 процентов, то есть от ста пятидесяти до двухсот тысяч, а хорватов семь или восемь процентов от общего числа жителей. Конечно, в первый же год войны число мусульман еще возросло за счет притока сельских жителей, а количество сербов и хорватов уменьшилось из-за неизбежного, несмотря на запрет властей, их исхода. Сербам жилось хуже всех. Их насильственно изгоняли из квартир, которые тут же занимались пришедшими из окрестных сел мусульманами. Они повсеместно лишались гуманитарной помощи, распределявшейся в городе, да и порой им было совсем не безопасно просто появляться на улицах. Широко известны случаи, когда бандиты из так называемой сараевской горной бригады, возглавлявшейся настоящим уголовником по кличке Цацо и державшей в страхе всех мирных жителей города, отлавливали сербов на улицах и заставляли их рыть окопы в сторону сербских позиций. А это часто означало для них почти неминуемую смерть от пуль сербов по другую сторону.

В городе много говорилось, особенно на начальном этапе войны, о минометных обстрелах собственного гражданского населения с таких участков возле линии конфронтации, что можно было представить их как действия с сербской стороны. На более поздних этапах войны мусульманские вооруженные силы научились умело камуфлировать подобного рода действия, но вначале такого умения у них еще не было. Я лично присутствовал на встрече с президентом Изетбеговичем, когда генерал Морийон передал тому неопровержимые доказательства одного из таких минометных обстрелов боснийской армией собственной территории, в результате чего были жертвы среди гражданского населения. В одном из таких обстрелов был тяжело ранен заместитель премьера Боснии и Герцеговины хорват Златко Лагумбжия. Я точно знал, что это было именно так, и меня так и подмывало спросить его, знает ли об этом он, когда я навес- тил Златко в госпитале.

Приходит на память еще один случай, когда генерал Морийон в моем присутствии передал Изетбеговичу письменные свидетельства одного британского капрала о минометном обстреле самого большого госпиталя в городе, расположенного в районе Кошево. Этот госпиталь был включен боснийским руководством в список мест, официально посещаемых иностранными делегациями. Во время таких визитов гостям показывали выбитые стекла и следы осколков на стенах и потолке, а медперсонал живописал об ужасных деталях сербских бомбардировок. Англичанин же официально свидетельствовал о том, что видел своими глазами, как во двор госпиталя въехал грузовик боснийской армии, в кузове которого был миномет. Миномет этот на глазах британца выпустил несколько мин в сторону сербов и спешно покинул территорию. А через пять минут госпиталь накрыл минометный залп сербов. Такова уж механика современной малой артиллерии, что несложные математические вычисления позволяют ударить именно по

месту, откуда был сделан минометный выстрел. В то время боснийцы не научились еще всем тонкостям этой грязной войны, и президент Изетбегович был напуган нашим сообщением и недоволен грубой работой его армии. Он обещал нам наказать виновных и просил не обнародовать этот случай.

Мало кому известно, что баллистическая экспертиза, сделанная экспертами миссии ООН немедленно после взрыва на центральном базаре в Сараеве в 1994 году, унесшего жизни 75 человек, указала на то, что причиной его была мина, выпущенная с боснийской стороны. Этим экспертом был российский полковник Андрей Демуренко, служивший в то время заместителем начальника штаба сектора ООН в Сараеве. Я хорошо знаю Андрея как прекрасного знатока своего дела и очень честного человека. Он и сейчас настаивает, что дело было именно так.

Этой очень холодной зимой в Сараеве со мной произошел довольно любопытный случай, о котором хотелось бы рассказать. Моим основным контактом в правительстве Боснии был в то время министр по связям с ООН Хасан Муратович, вполне разумный и достаточно опытный человек, работавший несколько лет за рубежом и хорошо говоривший на английском языке. Впоследствии он стал премьер-министром Боснии, заменив на этом посту Хариса Силайджича, возглавлявшего правительство все долгие годы войны. С Муратовичем мы встречались регулярно, и у нас установились уважительные рабочие отношения, позволившие решить много практических вопросов для улучшения жизни населения города и добиться лучшего взаимопонимания с правительством. Он был назначен на эту должность примерно в одно время со мной, для него, так же как и для меня, было важно установить хорошие отношения как можно скорее. В этих целях уже в январе 1993 года Муратович совместно с заместителем министра иностранных дел, отвечавшим за связи с ООН, приглашает меня на ужин для наведения мостов и ознакомления, как он сам сказал, с ночной жизнью в Сараеве. Мне, естественно, было очень любопытно узнать, что такая жизнь существует в блокадном городе, и я сразу согласился, поставив единственное условие, что все спиртное будет за мой счет.

Я помнил, конечно, о наделавшей много шума истории с командующим сектором ООН в Сараеве, канадским бригадным генералом ЛUISOM Маккензи, которого боснийское руководство обвинило в 1992 году в использовании сексуальных рабынь из числа поставляемых ему сербами мусульманских женщин, находившихся в сербских лагерях. Все происходило якобы в ресторане «Мама Зоя», расположенном в одном из сербских пригородов Сараева. В результате скандала канадское правительство было вынуждено отозвать Маккензи, и тому пришлось уйти из армии, после чего он полностью посвятил себя политике. С тех самых пор он вел борьбу за свое доброе имя и написал книгу, весьма аргументированно показывающую истинные причины кампании против него со стороны боснийского руководства. Причины эти, по его мнению, состояли в его непредвзятом отношении к сербам и в отказе от постоянного подыгрывания мусульманской стороне.

Я лично знал Маккензи как честного и высокопрофессионального военного, имевшего, в отличие от абсолютного большинства генеральского и офицерского состава нашей миссии, богатый опыт участия в операциях ООН по поддержанию мира. Вообще канадцы, а также скандинавы всегда пользовались в ООН хорошей репутацией

именно по этой причине. К тому же так случилось, что мне довелось прочитать пространное письмо, написанное Маккензи сразу же после скандала. Письмо было адресовано только командующему силами ООН генералу Намбьяру и политическому главе миссии Седрику Торнбери, который, оказавшись в это время в Книне, дал прочитать его и мне. Это было очень горькое и эмоциональное послание, в котором Маккензи откровенно и весьма резко аргументировал причины политической кампании против него со стороны боснийского правительства. ООН, увы, не решилась вступить за канадского генерала, предпочтя, как не раз случалось и раньше, остаться в стороне из-за опасений быть втянутой в большую политику.

Продолжу, однако, мой рассказ. Весь вечер и полночи мои боснийские друзья возили меня из одного ресторана в другой. Мне даже не могло прийти в голову, что в городе так много значных мест. Там была и вполне приличная еда, и почти любая выпивка. При желании можно было очень просто решить вопрос и с женским полом, девушки имелись почти в каждом из заведений, которые мы посетили. Интересы подобного рода, однако, я не проявлял, мы все трое налетали больше на выпивку, широкий набор которой я имел при себе в специально для этого взятом небольшом чемоданчике. Боснийцы не отставали, наглядно показывая тем самым мне, русскому, что пить они умеют прилично и что религия в таких делах в их стране в расчет не принимается вовсе. Здесь они были полностью правы. Из всего боснийского руководства того времени не прикасались к спиртному только президент Изетбегович и премьер-министр Силайджич. Изетбегович был уже не совсем здоров и никогда не принимал участия в мероприятиях подобного рода, а Силайджич ограничивал себя соками, подчеркивая приверженность к истинному исламу, даже когда позднее пару раз приходил ко мне в гости, где ему можно было расслабиться. Часа в четыре утра мы уже готовы были закончить наши развлечения, когда вдруг выяснилось, что с «жигуленка», на котором заместитель министра возил нас от одного ресторанчика до другого, сняли лобовое стекло, пока он стоял припаркованным на занесенной снегом улице. Никогда не забуду, как мы ехали домой жутко холодной лунной ночью по улицам Сараева. Как мы все трое не обморозились, до сих пор ума не приложу. Я сидел на переднем сиденье и хотя бы имел возможность прикрыть лицо моим чемоданчиком. Муратович прикрывался руками, а вот каково было заместителю министра, который исполнял обязанности водителя, не могу себе даже представить.

Пути-дороги. На земле и в воздухе

Говоря о Сараеве, невозможно забыть, как мы ездили по местным в пух и прах разбитым дорогам. Одним из самых гадких впечатлений, которое я вынес из двух с лишним лет, проведенных в Сараеве, были поездки по так называемой снайперской аллее, которая была длиной около трех километров. Стреляли там почему-то с обеих сторон, как сербы, так и мусульмане, и существовала вполне реальная угроза для жизни. Для меня лично такие поездки продолжались, к счастью, только первые

две недели после приезда в город, но запомнились они навсегда. Да и как забудешь это отвратительное чувство страха, когда собственное тело кажется слишком большим и беззащитным, несмотря на голубой бронежилет и голубую же каску. Так и едешь все три километра сжавшись до последней возможности. Кстати сказать, наши бронежилеты были отвратительного качества и предохраняли только от рикошетов и мелких осколков. К счастью, несколько позднее командующий войсками ООН в бывшей Югославии генерал Намбьяр выделил мне лично великолепно огромный бронированный белый «Шевроле Джи-Эм-Си», заказанный в США аж за четверть миллиона долларов, и на нем я встречал, провожал и сопровождал на встречи все приезжавшие в Сараево высокие делегации. После этого мне можно было не беспокоиться, проезжая даже по снайперской аллее, и я однажды понял, что по мне стреляли, только после того, как увидел четыре пробоины с застрявшими внутри двери пулями на уровне бедра с моей стороны машины. А в другой раз хорватский полицейский начал стрелять сдуру или спяну по колесам, но машина даже не замедлила ход, ее шины самоклеивались, и она могла продолжать движение довольно долго после попадания в них пуль.

С машиной этой произошла любопытная история летом 1994 года, когда я взял неделю отпуска и меня не было в Сараево. Ее захватили бойцы хорватской армии обороны на пути в Киселяк, заставив моего канадского шофера идти пешком вместе с его дурацким автоматом, которым он не смог защитить себя, несколько километров, пока его не подобрала какая-то другая наша машина. Хорваты хотели получить за нее хорошие деньги, они перекрасили ее в зеленый цвет и попытались продать. Однако покупателей на машину не находилось по той причине, что она была единственной на всю Боснию и каждая собака ее знала. К тому же она ела бензин так, что мог позволить себе ездить на ней только очень богатый человек, а достать бензин в то время было не просто. Хорваты помаялись некоторое время с машиной, а потом вернули ее нам через полицию с извинениями.

Кто только не ездил в этой машине. Одно время посещение Сараева и встречи с боснийским руководством стали модными для лидеров многих стран. Я даже не буду пытаться восстанавливать список посетивших город, он был бы слишком длинным. Приезжал как-то даже президент Франции. Наверняка помню, что сопровождал министров иностранных дел Великобритании и Франции Дугласа Херда и Аллана Жупе, приехавших вместе. Был в городе и Генеральный Секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали, приезжали с визитами министры иностранных дел Австрии, Италии, Норвегии, Дании, множество высокопоставленных американцев, включая группу влиятельных сенаторов США, и многие другие. Боснийцы разработали программу посещений для важных персон, включавшую, кроме встреч с руководством, визиты в госпиталь Кошево. Далее визитерам показывали какое-либо место, где в результате обстрелов были убиты жители города. Как, например, место, где погибли люди, стоявшие в очереди за хлебом, а позднее место на главном базаре, где было убито 75 человек. Показывали также разрушенную артобстрелом старую библиотеку, кладбище и еще ряд мест. Очень запомнился организованный итальянским министром иностранных дел концерт филармонического оркестра из Рима с участием знаменитого испанского тенора Каррероса в библиотеке. Из российских знамени-

тостей, кроме Андрея Козырева, тогдашнего министра иностранных дел, приезжал в 1994 году по моему приглашению чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров, проведший в Сараеве сеанс одновременной игры.

Из дорожных воспоминаний приходят в голову случаи, которые трудно представить себе человеку, живущему в нормальных мирных условиях. Так, несколько раз случилось, когда вдруг на дороге не так далеко от себя видишь разрывы снарядов и начинаешь понимать, что происходит, только когда из-за соседнего дома выезжает танк, который в свою очередь стреляет по кому-то. Оказывается, ты попал в район настоящего боя. Приходилось в таких случаях прятаться за ближайший дом и ждать, пока его участники разберутся между собой. Один раз мне показалось, что мы ждем слишком долго, и я вышел из машины и, прячась за домами, пошел в сторону танка выяснить, скоро ли мы сможем проехать. Как сейчас помню этот отвратительный, резкий и очень специфический запах, который оставляет за собой танк. Я постучал в броню, но мне никто не ответил, меня и не заметили, думаю. Пришлось ждать, пока бой не закончился.

Нельзя не вспомнить тех, кто возил меня по дорогам Боснии и Герцеговины за более чем два года, что я пробыл там. Это были два англичанина, канадец и бельгиец, хорошо говоривший по-английски. Все были солдатами и менялись каждые полгода. Они были вооружены автоматами и являлись моими телохранителями по совместительству. На практике это означало, что они всегда вставали таким образом, чтобы загородить меня от возможных выстрелов снайперов со стороны холмов вокруг города, на которых были сербы. Во времена, когда в Сараеве стало относительно безопасно, и я вновь начал даже иногда бегать по утрам, один из этих ребят всегда бежал рядом со мной опять же со стороны холмов. Наиболее колоритным из всех был первый — симпатичный толстяк англичанин по имени Энди. Он был уже женат в его двадцать два года и все время вспоминал его оставшуюся в Англии молоденькую жену. Энди был из Йоркшира, и во время нашей первой встречи я не понял ни слова из нескольких произнесенных им фраз. Только через какое-то время мне удалось более или менее прислушаться к его произношению и я начал понимать его почти полностью.

Очень заметной приметой того времени были контрольно-пропускные пункты всех воюющих сторон, то есть мусульманские, сербские и хорватские. Сколько времени мы провели на них, подсчитать просто невозможно. Пункты эти заметно отличались друг от друга, через одни нас пропускали без каких-либо проблем, на других нас могли заставить выйти из машины и показать, что внутри. Это касалось прежде всего сербских КПП. Был один, который мы называли «Сьерра-1», возле аэропорта, где сербы придирались к нам особенно часто. Согласно ооновским правилам открывать машины и показывать, что внутри, вообще-то не полагалось. Но сербы на «Сьерра-1» требовали этого обнаружив однажды в одном из ооновских конвоев контрабанду оружия, и нам приходилось подчиняться. Впрочем, в случае отказа сербы не церемонились, перед машиной или бронетранспортером вставал сербский танк и его пушка поворачивалась в нашу сторону. Этот аргумент действовал всегда безотказно, и военные из НАТО даже перестали особенно возражать. В то же время на большинстве других сербских контрольно-пропускных пунктов отношение к нам было прямо противоположным — нас приглашали внутрь и даже предлагали выпить ракию, местный крепкий напиток похожий на самогон, но повкуснее.

Делалось это искренне, и, признаюсь, мне пришлось выпить ракии в таких ситуациях не так уж и мало. Наше высокое военное начальство хоть и говорило часто о сербах и их КПП неодобительно, но от выпивки никогда не отказывалось.

Должен сказать, что радушие и гостеприимство сербов — неотъемлемая часть их культуры. Любой делегации, приехавшей в Пале, небольшой горнолыжный курорт возле Сараева, где была штаб-квартира боснийских сербов и центр Республики Сербской, обязательно по окончании переговоров предлагался довольно вкусный и обильный обед со спиртным, проходивший всегда в неформальной обстановке. В ооновских руководящих кругах и особенно среди военных считалось за правило не слишком почтительно отзывать об обедах у Караджича, но я видел, что это не мешало всем ждать их. И уж никто и никогда не отказывался от выпивки.

Важнейшую роль в жизни всей миссии ООН в Боснии и Герцеговине с самого ее начала играл аэропорт Сараево. Он был практически единственным каналом доставки гуманитарных грузов в город, без которого Сараево просто не выжило бы. Часть грузов, конечно, доставлялась и автотранспортом, но этот путь не был достаточно надежным из-за проблем, возникавших на контрольно-пропускных пунктах. Здесь нужно особо подчеркнуть, что ООН получила аэропорт 5 июля 1992 года прямо из рук сербов. Соглашение о передаче аэропорта ООН для доставки гуманитарных грузов было выработано и подписано заместителем Р. Караджича Н. Кольевичем от имени руководства боснийских сербов и С. Торнбери от имени ООН. Обычно этот важный факт просто обходится вниманием западных средств массовой информации, так как он не укладывается в привычную картину негуманной сербской блокады Сараево. Соглашение предусматривало доставку в город гуманитарных грузов и использование аэропорта для других нужд ООН, включая доставку персонала. За сербами оставалось право контролировать грузы, чтобы не допустить использования аэропорта для транспортировки оружия. Поэтому в сербском пригороде города Лукавица, граничившем с летным полем аэропорта, постоянно находились сербские офицеры, в обязанности которых входила периодическая проверка грузов. Проверка эта, должен признать, была вовсе не лишней, так как попытки провезти оружие в Сараево действительно имели место, особенно в самом начале войны. Позднее боснийцами были найдены альтернативные способы получения оружия, прежде всего через два подземных тоннеля, строительство которых началось летом 1992 года.

Доставка грузов осуществлялась транспортными военными самолетами С-130 США, Канады, Великобритании, Франции, Германии, Норвегии, а также огромными российскими Ил-76. Этими же самолетами в Сараево и из него летало большинство сотрудников миссии ООН, а также почти все высокопоставленные иностранные делегации, число которых постоянно росло. У нас было также два пассажирских самолета — довольно старый, но надежный советский «Ан» с российским экипажем, а также «Бичкрафт», пилотируемый голландцами. «Ан» позднее был заменен на Як-40. Репутация как российских летчиков, так и самих российских самолетов была весьма высокой. Наши ребята действительно были хороши и летали в такую погоду, когда западные пилоты просто отказывались садиться в кабину. Оба самолета обычно совершали рейсы между Сараевом и Загребом, где была главная штаб-квартира нашей миссии, и возили наше руководство на

встречи с главами государств бывшей Югославии. На них я неоднократно сопровождал Специального Представителя Генсекретаря ООН Я. Акаши на его встречи с президентом Сербии С. Милошевичем, с руководством Македонии и на другие мероприятия.

Организация всей непростой работы по транспортировке грузов и перевозке пассажиров из ООН, журналистов, многочисленных визитеров была возложена на специальное подразделение норвежской армии. Норвежцы четко и грамотно справлялись с этой трудной задачей, и аэропорт функционировал, несмотря на обстрелы со стороны как сербов, так и боснийцев. Самыми опасными был, естественно, взлет и посадка, пилоты делали что-то похожее на горку при взлете либо пикировали на взлетную полосу при посадке. Пассажиров каждый раз предупреждали об этом, но все равно привыкнуть к перегрузкам было трудно. Между прочим, остряки из норвежского контингента придумали очень правильное название своей службе — Аэролинии Может Быть (May Be Airline). Действительно, уверенности в том, что вылет произойдет, не было, и иногда его приходилось ждать довольно долго. Норвежцы даже сделали специальный штамп, который ставили в паспорт всем желающим на память. У меня он до сих пор сохранился в моем ооновском документе.

На натовских транспортных самолетах мы летали в Италию, где рядом с городком Фольканара в районе Анконы на восточном побережье страны у ООН был свой небольшой аэропорт с перевалочным пунктом для грузов. Туда мы летали и для отдыха, каждому сотруднику ежемесячно полагалось какое-то время специально для этого. В миссиях подобного рода ведь не существует выходных дней. Особое удовольствие россиянам при этом доставлял тот факт, что въездная виза в таких случаях не требовалась. Просто лети себе, куда везут, а потом надо было вернуться к рейсу, и ты снова в славном городе Сараеве. Мне к тому же повезло — одним из моих подчиненных был итальянец Андреа родом из Анконы, и он всегда давал мне второй комплект ключей от его допотопного «Фольксвагена», который он держал на парковке рядом с аэропортом. Я заводил, хотя и не без труда, его драндулет и благополучно доезжал до железнодорожного вокзала в Фольканаре, станцией рядом с Анконой, до которой было километров двадцать. Потом я оставлял машину возле одного из баров в центре городка, где работал приятель моего итальянца, который присматривал за ней. На мое счастье, мой старый друг Феликс Станевский был в это время временным поверенным России в Италии, и я садился в Фольканаре на поезд до Рима, а он встречал меня там на вокзале. После всех трудностей быта в Сараеве очутиться на несколько дней в Вечном городе, в цивилизации, да еще и окруженным любовью и заботой старого друга и его чудесной жены Людочки, было настоящим счастьем.

С Феликсом мы знали друг друга с молодых ногтей, когда оба учились какое-то время в Ленинграде — я в Суворовском офицерском училище, а он на первом курсе офицерского училища. А затем мы увиделись на вступительных экзаменах в Институт международных отношений в Москве и с той поры стали не просто приятелями, а по-настоящему близкими друзьями. Людочка и Феликс любили и прекрасно знали Италию вообще и Рим в особенности, так что я попадал в опытные руки, и если я что-то знаю сейчас о Риме, то это заслуга Станевских. После нескольких дней счастья я садился в поезд до Фольканары, брал ту же машину возле бара и возвращался в аэропорт, где и оставлял ее на том же месте, откуда взял несколько дней назад.

Так же без визы я летал в 1994 году в Лондон вместе с британским командующим войсками ООН в Боснии генералом Майклом Роузом на личном самолете министра обороны Великобритании на прием в одном из замков, под названием Ланкастер Хаус. Это был довольно узкий прием по случаю двухлетия использования аэропорта в Сараеве для доставки в город гуманитарных грузов. Организаторами приема были министры обороны и иностранных дел Великобритании. В числе приглашенных были все послы стран, участвовавших в доставке грузов, Коспонсоры Женевской конференции по бывшей Югославии норвежец Столтенберг и англичанин лорд Дэвид Оуэн, а также Верховный Комиссар ООН по делам беженцев японка С. Огата. Был на приеме и российский посол Борис Панкин, прославившийся оппозицией ГКЧП в 1991 году и даже успевший недолго побывать на посту министра иностранных дел Советского Союза. На приеме произошел забавный случай.

Общее количество приглашенных было невелико, и затеряться среди гостей было довольно трудно. Так что Панкин, который, естественно, никогда не слышал моей фамилии, был несколько удивлен присутствием еще одного русского. Я также никогда его не видел, мне указал на него кто-то из знакомых, и я помню, что обратил внимание на человека, делавшего все более сужающиеся круги вокруг меня. В какой-то момент Панкин тронул меня за плечо и спросил, а кто я, собственно, такой. Я кратко рассказал российскому послу, кто я и что делаю. Он спросил, где я остановился, и поинтересовался, как мы могли бы встретиться. Ситуация для меня была довольно неудобная, я не мог прийти в посольство просто потому, что был привезен в Ланкастер Хаус на машине из замка в Дувре, где я провел уже два дня, и машина поджидала меня, чтобы доставить обратно. Я предложил Панкину отойти в сторонку здесь же и рассказать ему вкратце о ситуации в Боснии. Понимаю, что это было не очень прилично с моей стороны, но другого выхода я не видел, так как в этот же вечер был приглашен на обед хозяевами Дуврского замка.

А оказался я в Англии на несколько дней по приглашению нашего бывшего начальника штаба англичанина бригадного генерала Вира Хейза, ставшего после службы в Боснии командиром бригады в Дувре, что на побережье Ла-Манша.

Хейз был одновременно заместителем констебля, то есть попечителя этого огромного замка, и даже жил в одной из его башен. Любопытно было, что в замок с 10.00 до 18.00 был открыт доступ туристам, бродившим по всем уголкам его, кроме башни констеблей, где и жил Вир с женой Пенни и четырьмя дочерьми. Убранство башни было просто поразительно — везде стояло и висело старое рыцарское оружие, вся мебель была оригинальной, старой, доброй, массивной. Зарплата бригадного генерала в Англии невелика, особенно если учесть, что четыре дочери в возрасте от двенадцати до девятнадцати лет хотят учиться в приличных школах и выглядеть не хуже других. По этой причине Вир Хейз не мог заказать для себя личного флага, который должен висеть в зале констеблей вместе с флагами всех его предшественников. За это нужно было заплатить не менее пятисот фунтов стерлингов, что совсем не мало при его зарплате. Имена всех констеблей замка были выгравированы на стенах в том же зале, и среди них было имя Уинстона Черчилля. Констеблем замка была в то время королева-мать Елизавета, ныне покойная. Позднее Вир по причине недостатка средств даже попал в скандальную хронику из-за

того, что его повар, проработавший с ним около года, затеял свару по поводу недоплаты ему денег Виром. Мне как-то показывали статью об этом в одной из английских бульварных газет. Так, скорее всего, и было, но я сохранил самые теплые воспоминания о бригадном генерале Вире Хейзе за его редкостную способность к пониманию политических тонкостей, великолепный юмор и такт, с которым он подходил к решению непростых задач в Боснии и Герцеговине. Именно Вир ввел в наши отношения забавную практику решения некоторых вопросов, стоя на столах в моем или его кабинете в Киселяке. Это называлось с его легкой руки переговорами на высоком уровне. При этом все наши подчиненные удалялись из комнат, дабы не смущать высокие договаривающиеся стороны, одна из которых, то есть я, тихо умирала со смеху. Это не мешало, впрочем, нам всегда находить нужные решения.

Никогда не забуду, как мы совместно с Виром утерли нос действительно высокой делегации, состоящей из послов, направленной в Боснию Советом Безопасности ООН для расследования наших якобы недостаточно жестких действий в отношении сербов в Сребренице летом 1993 года. Это было как раз после принятия Советом резолюции о зонах безопасности, о которой я скажу особо дальше. Возглавлял делегацию представитель Венесуэлы в Совете Безопасности ООН Диего Арриа, весьма неприятная личность, пытавшаяся поднять собственную популярность на волне антисербских настроений для личных политических амбиций на приближавшихся выборах на пост президента страны. Кстати, его не особенно жаловали даже некоторые коллеги по этой миссии. Один из них конфиденциально, разумеется, сообщил Виру, что хромота венесуэльца, а он действительно очень сильно хромал, явилась расплатой за его чрезмерный кобеляж. Жена Арриа направила на него машину после того, как застала его на месте преступления.

В нарушение всех правил Диего привез с собой из Нью-Йорка восемь иностранных журналистов, которые были нужны ему для показа твердости и бескомпромиссности претендента на высший пост в Венесуэле по отношению к захватчикам-сербам. Он с самого начала миссии провоцировал сербов на КПП, нарушая все правила и вступая с ними в совершенно лишнюю смысла перебранку. Западным же корреспондентам оставалось снимать и комментировать возникший скандал, так как сербы попадались на его удочку моментально. Однако мы с Виром Хейзом не дали Арриа полностью использовать ситуацию в его интересах. Вир подходил к Диего и начинал очень спокойно объяснять ему порядок прохождения КПП, а я в это время срочно звонил из КПП прямому начальству сербов и просил не поддаваться на провокацию. Чаще всего эта наша тактика срабатывала, и Диего не получал того, на что он рассчитывал.

Самое главное действо ожидалось им в Сребренице, сама обстановка в которой была идеальным фоном для его целей. Так случилось, однако, что прикормленные им журналисты до Сребреницы так и не добрались, и Диего остался с носом, хотя и расшвырял не на шутку. Вел он себя в Сребренице просто отвратительно. Сначала потребовал доставки иностранных журналистов, без которых его планы в отношении борьбы за кресло президента не работали. Он даже отказался двинуться с футбольного поля, на которое его доставили вертолетом, до их приезда. Затем он осознал, что проиграл, ибо не сможет объяснить в Совете Безопасности ООН, почему, добравшись до Сребреницы, он так

ничего там и не увидел. То есть выехать с футбольного поля ему все-таки пришлось. Сама эта поездка в город на канадском бронетранспортере была ужасна. Его помощник разбрасывал сигареты горстями, и бедные люди, не кутившие вечность, бросались под гусеницы, чтобы подобрать их. Стихийно возникали драки и создавалась прямая опасность травм и даже гибели людей. В конце концов канадский полковник, возглавлявший находившуюся там группу миротворцев ООН, был вынужден остановить движение. Только после этого разбрасывание сигарет прекратилось.

Позднее Диего Арриа проиграл и выборы в его стране, к счастью для венесуэльцев, как я понимаю. Его, видимо, беспокоило, каким образом все получилось в Сребренице так, что его тактика не сработала, и он официально пожаловался на нас Генеральному Секретарю ООН. Позднее в Сараево приезжала специальная группа, которая расследовала жалобу посла. Нас эта группа полностью оправдала, и весь эпизод был закрыт после специального послания нам Бутроса Бутроса-Гали.

Наш друг Диего Арриа приезжал еще один раз в Сараево через год, в июле 1994-го. На этот раз для изыскания дополнительных резервов давления на сербов в связи с работой Комитета Совета Безопасности ООН по санкциям против бывшей Югославии. Он должен был представить Совету доклад, для чего ему потребовалась встреча с Изетбеговичем, на которую он демонстративно пошел один, без меня и без генерала Роуза, тогдашнего командующего войсками ООН в Боснии. У меня так или иначе было очень много дел в то время, и я даже не сопровождал венесуэльца в его остальное время, попросив сделать это одного из моих сотрудников, испанца Карлоса Гутьереса. Общий родной язык, да и вообще чаще всего именно Карлос делал такие дела по нашему внутреннему распределению обязанностей. Так, славный Диего Арриа опять официально нажаловался теперь уже лично на меня в Нью-Йорке, так как я якобы не уделял достаточно внимания столь важному посетителю. По этому поводу нам был направлен официальный запрос из штаб-квартиры ООН и мне пришлось опять писать официальное объяснение. И вновь мои объяснения были приняты и полностью поддержаны Генеральным Секретарем ООН. Больше о Диего Арриа я ничего не слышал. И слава богу.

Приглашение в Дувр на так называемый праздник, известный как Гарден Парти, пришло от Вира Хейза годом позже, когда тот был назначен командиром бригады, расквартированной в самой южной оконечности Англии. Кроме меня приглашение получил и Филипп Морийон, ставший к тому времени командующим войсками специального назначения Франции. Само празднование начиналось парадом гвардейского полка, известного очень специфическим темпом прохождения торжественным маршем. Очень медленным темпом. Я сам в юности часто ходил на военных парадах по брусчатке Дворцовой площади в Ленинграде и был в составе почетного караула, так что какое-то понятие об этих делах у меня есть. Но ничего подобного я не видел никогда. Только один полк в мире ходит таким образом и никто больше. И полковой оркестр, конечно. Смотрится это довольно любопытно. После парада Вир Хейз сказал очень прочувствованную речь, в которой самыми лучшими словами отозвался о нас с Филиппом Морийоном.

Обратно из Англии пришлось добираться на транспортном британском самолете С-130, летевшем в Сараево с грузом из одной из британских военных баз. Помню, меня поили кофе и угощали печеньем в комнате для высоких гостей на базе, а затем летчики

веселили всю дорогу до Сараева по радио. В другой раз я умудрился долететь на немецком транспортнике до военной базы НАТО во Франкфурте в ФРГ, а там ко мне специально доставили немецкого чиновника паспортного контроля, который и поставил штамп в мой ооновский паспорт. Немцы остаются немцами во всех ситуациях.

Еще несколько слов об аэропорте в Сараеве. В подсобных помещениях, которых всегда так много вокруг любого аэропорта, размещались два французских батальона: один был из иностранного легиона, а второй из воздушно-десантных сил. Третий французский батальон дислоцировался в городе. Подразделения иностранного легиона и ВДВ, кстати, являются самыми элитными частями французской армии.

Очень любопытным для меня было знакомство поближе с иностранным легионом. В нем представлены все национальности, которые только можно себе представить. Французы всегда пользовались одним и тем же трюком: как только надо было встретиться с высокопоставленным представителем какой-то страны, обязательно появлялся солдат именно из этой страны и давал пояснения о том, что такое иностранный легион. Для Акаши находился японец, для Серджио Виера де Мелло — бразилец, для меня соответственно — русский. Русский парень из легиона рассказал мне, что последним приобретением легиона из России был в то время бывший майор милиции откуда-то из Сибири, спасающийся от наших бандюганов, приговоривших мента за что-то к смерти. Майор этот был близок к возрастному пределу для поступления в легион, и по этой причине ему приходилось там очень трудно, ведь гоняют легионеров гораздо серьезней, чем в нашей благословенной армии. Вообще легионеры не любят вспоминать прошлое, они все смотрят только вперед, когда после определенного срока в легионе они смогут либо продолжить там службу, либо уйти и получить французское гражданство и совсем маленькую пенсию. Интересный разговор произошел у меня с еще одним легионером-американцем. Он закончил один из престижных университетов в Штатах по специальности интерьерного дизайнера и уже начал работать, но случилось что-то нестандартное, как он сам выразился, и он был вынужден скрываться от правосудия. Так он и попал в легион. Да, сначала было очень трудно, сказал он, нагрузка была слишком велика. Но потом он привык и сейчас ни о чем не жалеет настолько, что даже не знает, что будет делать, когда придет время принять решение о будущем.

Французы обеспечивали и такой важный аспект нашей работы, как техническая организация и проведение встреч лидеров мусульман и боснийских сербов, включая их транспортировку на и после заседаний, а также угощение делегаций. Я председательствовал на этих заседаниях, проходивших в аэропорту каждые две недели, и очень хорошо знал, как много значит правильная организация и хорошее обслуживание таких встреч. Французы действительно делали все, что в их силах, чтобы способствовать успеху переговоров, и в том, что такой успех был достигнут в конце концов, есть и их заслуга.

Вообще французы иногда поражали меня во время моей работы в бывшей Югославии. Как не вспомнить случай, когда я в конце лета 1992 года председательствовал на встрече командования сербов из Сербской Краины, боснийских сербов из северо-западной Боснии и командиров мусульманских частей в Бихаче на пересечении административных границ этих трех районов. Французы поставили две огромные палатки,

и в одной из них мы целый день заседали, обсуждая, каким образом избежать потерь среди гражданского населения, а в другой был накрыт вполне приличный стол, где было почти все. А переговоры проходили под неумолкавшую близкую канонаду, которая усиливалась, как только они заходили в тупик, так как участники переговоров были на связи с артиллерией, которая использовалась как весьма серьезный аргумент в споре.

Кстати, знает ли читатель, что на каждого француза в армии выдается по полбутылки сухого красного вина на обед и ужин. Каждый раз, когда мы, гражданские, попадали в расположение французских батальонов во время приема пищи, бутылка с вином на двоих ставилась и на наш стол. Меня чаще всего сажали за стол командующего сектором в отдельном помещении, где прислуживали официанты из местных. Одним из командующих сектором Сараева был бригадный генерал Гобьяр, младший сын одного из довольно известных во Франции производителей шампанского. Старший брат Гобьяра, как принято, должен был наследовать семейный бизнес, а он сам стал военным, оставаясь в то же время весьма богатым человеком. Так что шампанское мы у него за столом пили очень приличное. Кстати, только оно, оказывается, поставляется до сих пор в посольство Франции в Вашингтоне.

Господи, на чем я только не летал в те времена. До приезда на Балканы я летал на вертолете только два раза в Нью-Йорке для чисто туристического облета Манхэттена, а в другой раз на пути в аэропорт Кеннеди из Манхэттена по дороге в Южную Африку для участия в миссии ООН в Намибии. В бывшей Югославии полеты на вертолете были просто нормальным явлением, хотя самый первый из них чуть не закончился трагически — была жуткая погода и мы попали в воздушную яму. Слава богу, падение было очень короткое, и мы по-настоящему даже не успели испугаться. Югославский пилот Ми-8 испугаться, однако, успел, так как он все понимал в отличие от нас. Один из пилотов вышел к нам, когда все худшее миновало, и был очень бледен. После этого случая я летал десятки раз на самых разных машинах, и все было прекрасно, кроме тех моментов, когда вертолет был слишком маленьким. Летит такая машина низко, сбить ее можно даже хорошо бросив палку, и голова идет кругом от мелькания перед глазами. Были у нас в миссии французские «Пумы», и английские «Си Кингз», и какие-то еще немецкие и голландские вертолеты, названия которых я не запомнил. Однажды мне чуть не пришлось прыгать с парашютом в районе Бихача и я, честно говоря, страшно боялся, но не мог отказаться, так как обещал, что сделаю это, британскому командующему войсками ООН в Боснии Майклу Роузу в 1994 году. Слава богу, что-то случилось и прыгать мне так и не пришлось.

БЫТ ОН И ЕСТЬ БЫТ. ДАЖЕ В САРАЕВЕ

Нельзя не сказать о бытовой стороне жизни в Сараеве. Когда к концу 1993 года постоянные обстрелы города со стороны боснийских сербов почти прекратились, я снял в центре города квартиру, оставив за собой также и мой кабинет с легендарной кроватью в передовом штабе. Сама по себе квартира была вполне приличной. Она принадлежала известному сараевскому архитектору, которому уда-

лось каким-то образом перебраться на время в Германию, и я имел дело с его братом, которому платил ежемесячно. Квартира была прекрасно расположена на третьем этаже приличного и совсем не разрушенного дома в самом центре, имела два балкона, два туалета и очень хороший вид на окружающие город живописные холмы. Мебель была также подобрана с большим вкусом, так что я мог даже принимать гостей. Правда, стекол в квартире не было вовсе, и все окна были заклеены пленкой с аббревиатурой УВКБ ООН, то есть Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев. В центре Сараева почти все дома выглядели таким образом, и никого это не удивляло в те времена. Не было также газа, а вода иногда подавалась в дом только на один час в утренние часы, так что к ежемесячной квартирной плате я добавлял специально какие-то деньги для женщины, приходившей по утрам убираться и наливать ванну водой, которая использовалась для всех нужд. Электричества также не было, как, впрочем, его не было почти во всем городе. Когда я приглашал к себе боснийцев, журналистов или наших людей из ООН, это происходило всегда при свечах, что всем очень нравилось. Спиртного и самих свечей у меня всегда было в достатке. Все эти прелести привозились мной из нашего магазина в Загребе, куда в то время переехала наша штаб-квартира и где я бывал по делам достаточно часто. Именно во время таких застолий и возникали самые интересные и откровенные разговоры с иностранными журналистами, в числе которых были такие известные, как Кристиан Аманпур из Си-эн-эн, Джон Бернс из «Нью-Йорк Таймс» и некоторые другие.

Эти встречи были важны и для установления более тесных контактов и с коллегами из наших рядов. Именно таким образом цементировались отношения с третьим по счету командующим войсками ООН в Боснии английским генералом Майклом Роузом, оказавшимся самым сильным из всех военных, с кем пришлось там работать. Эти встречи также сыграли свою роль в укреплении нашей мужской дружбы с замечательным человеком — бразильцем Серджио Виера де Мелло, который тогда был только что назначен на пост делегата Специального Представителя Генерального Секретаря ООН в Сараеве. Этот пост потом занял я в дополнение к уже имевшемуся у меня. В дальнейшем Серджио сделал прекрасную карьеру в ООН, дослужившись до поста Заместителя Генсекретаря, главы Управления по координации гуманитарных вопросов, Верховного Комиссара по правам человека, был Специальным Представителем в Косове, Западном Тиморе и Ираке. Многие в ООН и вне ее предрекали, что именно он сменит Кофи Аннана на месте Генерального Секретаря ООН, и так возможно бы и случилось, если бы террористический акт не прервал его жизнь в августе 2003 года в Багдаде. Как здесь не вспомнить, что Серджио настойчиво приглашал меня к себе заместителем, а кадры ООН даже были готовы найти в этом случае какое-то место и для моей жены, чтобы сделать эту поездку более привлекательной для меня, и не поблагодарить небо за то, что я этого не сделал. К слову сказать, мы пронесли нашу дружбу с Серджио через годы и именно благодаря ему я провел мои последние несколько лет в Управлении Верховного Комиссара ООН по делам беженцев.

Приходит на память еще один любопытный случай, связанный с моей квартирой. Специальным представителем президента России по урегулированию положения в Боснии и Герцеговине являлся в то время Виталий Чуркин, работавший до этого

в нашем посольстве в Вашингтоне, а потом дослужившийся до должности посла по особым поручениям министра иностранных дел, а сейчас занимавший пост постоянного представителя России в ООН в Нью-Йорке. Он довольно часто появлялся в Боснии, где встречался с лидерами воюющих сторон, пытаясь найти какие-либо пути к урегулированию конфликта. Мои официальные отношения с российской стороной тогда оставляли желать лучшего как мне кажется, не по моей вине. У нас наверху, увы, часто не было правильного понимания возможностей и роли, которую может играть человек, работавший на моем уровне в Боснии, да и вообще в ООН. Да, думаю, настоящего понимания иногда нет и сейчас. Хотя нынешний министр Сергей Лавров, в отличие от всех прочих, знает эту сторону дела лучше других. Так или иначе, в то время от меня порой совершенно неоправданно ждали чуть ли не прямой работы на Россию. Причем в основном по мелочам. А это было совершенно нереально, да и просто не нужно. Прежде всего сама политика России в отношении всего югославского конфликта была, на мой взгляд, недалёковидной и малопрофессиональной. Соответственно, я меньше всего хотел ассоциироваться с такой политикой, о чем я прямо сказал за обедом тогдашнему министру иностранных дел Андрею Козыреву, когда он был моим гостем в Сараеве осенью 1993 года. Сам Чуркин вел себя нормально, а вот его российское мидовское окружение порой вело себя иначе.

Особенно запомнился звонок советника-посланника посольства России в Белграде, который даже не очень вежливо стал давить на меня с тем, чтобы я обеспечил вертолет для транспортировки Чуркина в Сараево, чего мы никогда и ни для кого не делали. Кстати, это именно то, чего они от меня бы и хотели. И только это. Да и необходимости в вертолете не было никакой. Но наш посланник решил показать, кто здесь командует парадом, и просто начал хамить, требуя особого отношения и намекая на то, что он-де знает, на кого я работаю. А Чуркин прекрасно добрался до места назначения на машине, как это делали все остальные. Я, конечно, сопровождал Виталия в его переговорах в Сараеве, а потом частично и в Пале на беседах с Караджичем. Переговоры затянулись глубоко за полночь и мы возвращались на моей машине в Сараево совсем поздно. Он собирался остановиться в расположении российского батальона, расквартированного в Грбавице — сербской части города, как он всегда и поступал ранее. Я предложил Виталию переночевать у меня дома и доставить его в батальон на следующий день поутру. Он согласился и вместе с сопровождавшим его дипломатом из департамента МИДа России, занимающегося проблемами бывшей Югославии, приехал в мою квартиру уже после полуночи. Не думаю, что Виталий ожидал увидеть отсутствие стекол, а так же газа и электричества. Дело ведь происходило в холодный-прехолодный январь в засыпанном снегом Сараеве. Но к чести Чуркина, он воспринял трудности стойчески и спал, укрывшись чем только было возможным найти у меня дома. К тому же оказалось, что это был день его рождения и мы даже немного посидели и подняли пару бокалов за его здоровье что бы согреться перед тем, как ушли на покой. Думаю, этот день рождения запомнился ему надолго.

Позднее, уже в 1994 году, мне удалось провести в квартиру одну линию электричества от жившего этажом ниже боснийского генерала, командовавшего специальными войсками. Этой линии хватило ровно на одну лампочку в спальне, так что я мог

читать перед сном, и на телевизор, который оказался очень кстати, так как в том году проходил чемпионат мира по футболу. Во время интересных матчей мы с моим подчиненным и хорошим приятелем болгаринном Деяном Миховым с удовольствием болели каждый за свою команду под небольшую выпивку.

РАБОТА ВСЕГДА РАБОТА

Хочется вспомнить гражданский персонал, что работал вместе со мной в Боснии. В конце 1992 года, когда я был только назначен главой ооновского контингента в стране, со мной приехало всего пять человек. В январе 1995 года, когда я уезжал из Сараева, у нас было уже около тридцати человек. Грубо состав сотрудников можно разделить на две группы — молодые люди, заинтересованные в участии в операциях по поддержанию мира по зову сердца и в какой-то степени для поступления на работу в ООН, и только что ушедшие на пенсию офицеры. Платили всем им не так уж много, так как никто из них не был кадровым сотрудником ООН. В целом мне повезло, и состав у нас в Боснии был несколько выше по уровню, чем на других участках нашей миссии, у нас работал даже бывший посол Йемена при ООН в Нью-Йорке. Это объяснялось тем, что наш участок был самым трудным и людей, просто приехавших пересидеть, у нас не было, все знали, на что шли. О том же самом говорит и высокий процент последующего попадания в кадры ООН именно из Боснии. Так, хорошую карьеру в ООН уже сделал мой бывший помощник Дэвид Харленд из Новой Зеландии, очень толковый и серьезный парень. Еще один мой помощник американец Тони Бенбери, поработав в Секретариате ООН в Нью-Йорке несколько лет, перешел в Госдепартамент США. Кенийка Эмма Шитака и бельгиец Марк Ванвинсбург сейчас работают в Департаменте по операциям по поддержанию мира ООН в Нью-Йорке. Россия была представлена одним из лучших сотрудников, хорошим юристом Бахтияром Тузмухамедовым, прекрасно показавшим себя в деле с британским батальоном в Витезе. Сейчас он работает в Конституционном Суде в Москве и активно участвует в самых интересных и важных международных конференциях и встречах по тематике операций по поддержанию мира. Кроме всего прочего он и очень хороший мой друг.

Вторая группа также была вполне солидной, хотя она, может быть, и не добилась столь внушительных успехов, как первая. В нее входили бывшие старшие офицеры из Австралии, США, Великобритании, Канады, Франции и Украины. Был у нас даже самый первый участник операций по поддержанию мира из Израиля. Эта страна, как известно, не поддерживала ООН после резолюций, требовавших возвращения оккупированных территорий, и поэтому сам факт работы у нас израильтянина был примечателен. Этот парень был очень своеобразным человеком, и о нем следует рассказать особо.

Звали его Альбер Бенабу. Он был выходцем из Марокко, успел послужить в армии Израиля и дослужился до звания капитана. Он рассказал мне, что некоренному израильтянину получить должность выше капитанской в армии очень трудно, так что

он решил пойти в нашу миссию из карьерных соображений. Он, надо сказать, очень гордился тем, что он первый и единственный человек из Израиля в миссии ООН. Ему вообще тщеславие было очень даже свойственно, в чем я смог убедиться позднее. Он был совсем не глуп, знал хорошо кроме английского еще французский и испанский языки, что было важно для нас, так как в Мостаре дислоцировался испанский батальон. В начале совместной работы с Альбером я был вполне доволен им. Однако одна его черта перечеркивала, к сожалению, все хорошие — он был часто, что называется, полностью неуправляем из-за чрезмерной амбициозности, заводившей его порой в трудные ситуации. Так, однажды он подвигнул моего прямого начальника Седрика Торнбери на совершенно авантюрный и никому не нужный в той ситуации шаг. Альбер сумел уговорить Седрика лично возглавить конвой с гуманитарной помощью в Мостар, где из-за военных действий между мусульманами и хорватами сложилась очень сложная ситуация. Седрик также не был чужд некоторой амбициозности и поддался на уговоры Бенабу, несмотря на мои резкие возражения. В конце концов конвой был заблокирован на довольно длительное время и нужного эффекта, увы, не получилось. Седрик переживал неудачу и после нее чаще старался прямо не участвовать в делах, связанных с Боснией, перепоручая все мне.

Я всячески пытался направлять Альбера и корректировать его действия, однако делать это становилось все сложнее. Контракт у него, как и у остальных сотрудников, был только на полгода и каждый раз возобновлялся после моей письменной рекомендации. Первые полгода уже показали слабости Альбера, но я надеялся, что он учтет мои многочисленные к нему обращения, и рекомендовал продление контракта на вторые полгода. Однако я довольно скоро пожалел об этом, Альбер просто закусил удила и становился все менее контролируемым. К тому же у него возникла жуткая персональная вендетта с еще одним евреем в моем коллективе, с американцем из Загреба по имени Даниэль. Какая кошка пробежала между ними, я не знаю до сей поры, но они просто не могли выносить друг друга. Терпеть такое положение дел я не мог. Я вызвал Альбера в Сараево и имел с ним долгую беседу, во время которой предупредил, что не продлю ему контракт в следующий раз, если не увижу лично сдвигов к лучшему. Время показало, однако, что Бенабу не внял моим предупреждениям и вскоре выкинул какой-то очередной фортель. Я сказал Альберу, что с меня довольно, и предупредил, что больше контракта он не получит. Тот, видимо, не поверил моим предупреждениям, и когда пришло время продления контракта, я официально сообщил ему, что не сделаю этого. Альбер опять не поверил, решив, что я шучу, когда я еще раз сказал ему о моем решении. Когда же он осознал, что это не шутка, он перезвонил мне и уже совершенно потерял голову. Он начал кричать, что я скоро пожалею об этом решении и что он прекратит мою карьеру вообще, договорившись даже до того, что меня скоро вообще уберет израильская контрразведка Мосад. Мне пришлось повесить трубку, но решения своего я не изменил. Так я лишился первого израильтянина в операциях по поддержанию мира.

Альбер Бенабу как ни в чем не бывало появился в моем кабинете в Женеве, когда я уже работал в Управлении Верховного Комиссара ООН по делам беженцев через три года. Он попросил написать еще одну бумагу о его работе в Боснии для его поступления

в Секретариат ООН в Нью-Йорке. Он сказал, что его поддерживает один из его соотечественников там, но ему необходима менее жесткая оценка его работы в Боснии. Я — человек не злопамятный и потому написал бумагу, несколько смягчающую мои формулировки, но не слишком, чтобы Бенабу не очень пугал людей Мосадом в будущем. Тем более, что у этой организации достаточно дел и без меня.

В последний мой год в Сараеве нам наконец удалось добиться некоторых успехов. Главным, конечно, было соглашение, которое было достигнуто на организованных мной переговорах в аэропорту Сараева по открытию города для доставки не только гуманитарных, но и коммерческих грузов. После трех месяцев трудных, порой мучительных переговоров о маршрутах, пунктах и способах контроля для недопущения провоза оружия стороны подписали официальное соглашение, фактически положившее конец блокаде города. Жизнь в Сараеве изменилась немедленно, хотя и ненадолго. Появились рестораны, открылись магазины, люди на улицах наконец стали улыбаться. Помню, однажды я даже немного опоздал на встречу с премьер-министром Силайджичем из-за того, что не мог пересечь улицу по причине проводившейся в тот день велогонки. Если я по-настоящему горжусь чем-то сделанным за годы моей работы в Сараеве, так это именно этим соглашением. Американская «Нью-Йорк Таймс» опубликовала по этому поводу большую статью на следующий день после его подписания с фотографией главных действующих лиц на первой странице. Меня на фото не было, так как я не хотел отменять купленный накануне билет в Америку по делам сердечным и попросил Серджио Виера де Мелло поставить подпись вместо меня, что он с удовольствием и сделал, специально приехав для этого из Загреба. Фотография с до боли знакомыми улыбающимися лицами из Боснии была первое, что мы увидели с моей будущей женой в Анн-Арборе, штат Мичиган, открыв газету на следующее утро.

К сожалению, соглашение работало недолго. Боснийскому руководству политически оказалось важнее поддерживать представление во всем мире о блокадном городе Сараеве, окруженном ордами сербов, городе, в котором ежедневно гибнут ни в чем не повинные мирные жители. Само положение блокадного города давало им гораздо больше преимуществ. Жертвой такой политики вскоре стал наш военный представитель по работе с прессой канадец подполковник Бэрри Фруер, заявивший на одной из пресс-конференций, что блокада Сараева осталась в прошлом. Правительство Боснии немедленно потребовало его выдворения. Ну а далее начались провокации на пунктах проверки грузов, было организовано несколько обстрелов конвоев, в чем, разумеется, были обвинены сербы, и соглашение перестало работать. К тому же к весне 1994 года было закончено строительство второго большого подземного тоннеля, ведущего в город, над которым боснийцы трудились в течение почти двух лет, а это было во много раз выгоднее для сараевской мафии, делающей большие деньги на доставке товаров именно этим путем. Там ведь не было никакого контроля.

Еще одной областью, где удалось добиться успеха, было газоснабжение города. Дело в том, что российский газ поступал в Сараево через Венгрию и Сербию. А далее он шел, разумеется, через территорию Республики Сербской Радована Караджича, оставляя вентили включения и отключения доставки газа в руках сербов. Вопрос снабжения

газом был всегда одним из важнейших на переговорах боснийского руководства с сербами в аэропорту Сараева. Мне приходилось многократно ездить в Пале для встреч с лидерами сербов специально для решения вопроса о газоснабжении. Пришлось как-то даже писать письмо официальным властям России, когда возникли проблемы с поставкой газа в Югославию, которая оказалась в то время под экономическими санкциями ООН. В конце концов поставку газа в Сараево наладить удалось, и я уверен, что тем самым нам удалось спасти многие жизни в городе.

Кое-что удалось сделать и для небольшой группы этнических русских, которых война застала в Сараево. Мое имя было достаточно известно в городе, так что русские вышли на меня довольно быстро. Самым серьезным делом стал для меня вывоз из города родственников потомков М. Ю. Лермонтова в количестве до девяти человек. Для этого пришлось многократно официально обращаться к премьер-министру Силайджичу, писать какие-то бумаги. Слава богу, все прошло удачно, и все потомки очень любимого мной поэта оказались в конце концов в Москве. Двух русских женщин удалось тогда же пристроить на работу в нашей миссии. От одной из них, внучки штабс-капитана артиллерии русской армии, до сей поры храню бензиновую зажигалку ее деда, сделанную в виде маленького артиллерийского снаряда.

Должен сказать, что из всех различных видов переговоров, таких как заседания смешанных военных групп, периодические заседания, проводимые Международным Красным Крестом, испытание временем выдержали только наши переговоры. Они носили неофициальное название «переговоры Харис–Момо» по именам главных его участников — премьер-министра Боснии Хариса Силайджича и заместителя Караджича Момчило Краишника, являвшегося также председателем Народной Скупщины Республики Сербской. Оба представителя относились чрезвычайно серьезно и ответственно к переговорам, я не помню случая, чтобы какая-либо из сторон не выполнила взятого на себя обещания. К середине 1993 года переговоры стали единственным действующим официальным каналом связи между сторонами. Они проходили каждые две недели, и повестка дня включала самые разные вопросы, список которых обсуждался в конце каждого заседания. Стороны вносили также предложения о включении через меня дополнительных вопросов, и в мои обязанности входило неофициальное обсуждение их со сторонами, после чего они становились частью повестки дня следующего заседания. Список обсуждаемых вопросов включал доставку грузов в Сараево, газо- и водоснабжение города, ремонт оборудования, обмен военнопленными и многие другие. Самым важным для обеих сторон, однако, было то, что переговоры давали им возможность общаться друг с другом и обсуждать проблемы, связанные с урегулированием конфликта, такие, в частности, как возможный обмен территориями.

Хочу проиллюстрировать вышесказанное весьма характерным примером. Один из дней в июле 1994 года начался для меня со звонка Силайджича, который попросил приехать к нему в канцелярию. Премьер-министр Боснии дал мне кусок карты с добавленными от руки территориальными уступками сербам. Он попросил меня немедленно встретиться лично с Караджичем и передать ему карту в качестве неофициального предложения с его, Силайджича, стороны. Через два часа я сидел в кабинете Караджича, а он вместе с двумя заместителями — Краишником и Кольевичем —

оживленно обсуждали карту Силайджича. А еще через два с половиной часа я снова был у премьера Боснии, и тот вместе с министром иностранных дел Люблянкичем комментировали целых три варианта обмена территориями, которые я привез от Караджича. К моему большому сожалению, урегулирования самостоятельно сторонам достичь не удалось. Я уверен, однако, что, если бы не было давления со стороны некоторых заинтересованных в определенном окончании конфликта великих держав, решение боснийской проблемы было найдено без чьей-либо посторонней помощи.

Приведу еще один пример. Обе стороны были действительно близки к достижению соглашения об урегулировании в начале 1994 года. Сербы поняли к этому времени, что военным путем победить боснийцев им просто не дадут и пора подумать о других путях урегулирования. Руководство Боснии и Герцеговины, со своей стороны, понимало, что сербы все еще достаточно сильны и война может продолжаться долго. Случилось так, что во время одной из наших встреч с заместителем Караджича Николой Кольевичем, когда мы обсуждали возможности выхода из этой ситуации, мне пришла в голову одна мысль. Некоторое время тому назад средства массовой информации комментировали успех бывшего президента США Джимми Картера в Гаити, договорившегося об урегулировании в этой стране и направлении туда миротворцев из ООН. Я предложил Кольевичу организовать через сербскую диаспору в США визит Картера в регион в надежде на то, что авторитет бывшего президента как умелого и опытного переговорщика, а также его кристальная личная честность помогут разблокировать ситуацию. Кольевич согласился со мной и пообещал поговорить с Караджичем немедленно. Можно себе представить мое удивление после того, как в конце ноября в мировых средствах массовой информации появилось сообщение о намерении президента Картера в ближайшее время посетить Боснию и Герцеговину и попытаться найти выход из сложившейся там ситуации.

Президент Картер вскоре действительно появился в Сараеве вместе с небольшой группой, включавшей его жену Розалин и двух советников. Он уже получил детальный брифинг о боснийской проблеме в Вашингтоне, но было видно, что для него очень важно лично прочувствовать пульс конфликта на месте. Это было ясно из очень заинтересованных и нестандартных вопросов, которые он задавал на нескольких встречах со мной и по пути к лидерам обеих сторон. Вообще я был поражен его умом, цепкой памятью, умением тонко вести переговоры, даже просто человеческой порядочностью и подкупающей простотой в общении. Картер, как глубоко религиозный человек по самым высоким человеческим меркам, искренне страдает, видя несправедливость. В то же самое время, в отличие от абсолютного большинства даже самых лучших людей, он готов лично бороться с несправедливостью и вносить посильный вклад в то, чтобы мир стал хоть немного лучше. Розалин, его супруга, сделана из того же теста. Это на удивление простая женщина, посвятившая себя, как и ее муж, служению людям. Меня поразили ее руки, руки рабочей женщины, она ведь не только ездила за ним по разным странам, но и физически помогала ему даже тогда, когда он работал каменщиком на строительстве общественных зданий в Техасе. Помню я и такие кадры на экране телевизора. Представляет ли себе читатель нечто подобное в нашем благословенном отечестве? С участием жен наших трех президентов?

Деловая сторона визита Картера в Боснию была вполне впечатляющей. Встречи с сербским руководством в Пале были успешными и выявили дополнительные возможности в достижении компромисса на базе серьезных уступок сербов, на которые трудно было рассчитывать ранее. Однако боснийское руководство отклонило план Картера. Тогда оно было уже вполне уверено, что время работает на них. Я лично считаю, что на согласие между сторонами можно было реально рассчитывать, случись визит Картера на год или около того раньше. Так или иначе, но в моем личном архиве остались многочисленные фотографии с президентом Картером и его супругой, а в книге Майкла Роуза помещена одна из них, когда я устраивал для них обед в нашем штабе. У меня осталось также меню этого обеда, подписанное Картером.

В БОСНИИ ДАЖЕ ВОЙНА ДРУГАЯ

Есть очень правильная поговорка — кому война, а кому и мать родна. В Сараеве война буквально озолотила нескольких бандитов, имена которых знали в городе все. Я говорил уже о подпольных ресторанах, но это был еще более или менее невинный бизнес. Самым страшным и самым прибыльным в то время был вывоз людей из города, здесь ставки были как нигде высокими. Все в городе знали, что бандиты, называвшие себя сараевской бригадой, во главе с известным уголовником Мушаном Топаловичем по кличке Цацо контролировали переправку людей в районе аэропорта, за что желающие были готовы платить огромные деньги. Они же позднее использовали в этих целях контролируемые ими подземные тоннели под аэропортом. Большие деньги за переход на другую сторону предлагались также солдатам французского батальона, расквартированного возле аэропорта, которые патрулировали в ночное время летное поле. Французы каждую ночь задерживали до десятка людей, пытающихся перейти на сербскую сторону нелегально.

Имел место даже случай, когда лично ко мне обратилась хорватка — хозяйка дома, который я снимал какое-то время в Киселяке, с просьбой встретиться с самым богатым человеком в округе. Это было в начале миссии, и тогда я еще не очень ориентировался в местной шкале ценностей. Человек этот оказался настоящим бизнесменом. Он не стал тратить время на пустые разговоры и с ходу предложил мне по восемьсот немецких марок за каждого из восьми его близких, которых он бы хотел, чтобы я переправил на сербскую территорию любым возможным способом — вертолетом или на бронетранспортере. Хорошо помню его искреннее удивление моим отказом.

Вообще в то жуткое время ни в чем не повинные люди оказались самым выгодным предметом торга. Так, основным требованием боснийских сербов в любых переговорах с мусульманами было возвращение на контролируемую ими территорию сербов, оставшихся в Сараеве, по большей части женщин, детей и стариков. Соответственно боснийское правительство даже особенно и не стеснялось использовать выезд сербов из города в качестве разменной монеты во всех ситуациях, когда нужно

было добиться чего-либо от сербов. Я был свидетелем таких торгов между ними не один раз и даже в определенной степени был их невольной частью. Особенно запомнилось несколько таких примеров.

Командир сараевской мусульманской 10-й горной бригады Цацо, о котором уже шла речь выше, был тяжело ранен в конце 1993 года. Пуля попала прямо ему в сердце, но по непонятным для меня причинам он был еще жив. Спасти его могла срочная квалифицированная операция, которую можно было делать только вне Сараева. Для исключительных случаев подобного рода в нашей практике существовало такое понятие как медицинская эвакуация с помощью самолетов ООН, процедура которой была уже достаточно хорошо отработана. Главной частью такой процедуры было согласие и контроль за ней со стороны сербов, которые отказались в пользу ООН от территории аэропорта в самом начале войны в 1992 году по нашей просьбе и после заключения официального соглашения с ООН о доставке в Сараево гуманитарных грузов и продовольствия, кормивших весь город.

Рассчитывать на то, что сербы разрешат вылететь из города бандиту Цацо, руки которого были в буквальном смысле в крови сараевских сербов, было просто нереально. Тогда его соратники по бригаде из числа тех же бандитов добились личного свидания с президентом Изетбеговичем и поставили перед ним задачу исключительной трудности. Дело в том, что, когда Изетбегович несколько лет сидел в тюрьме во времена Тито по обвинению в антиконституционной деятельности, связанной с борьбой за превращение Боснии и Герцеговины в мусульманскую республику, Цацо, как оказалось, сидел в одной с ним камере и даже защищал будущего президента от всяких неприятностей. Кстати, для Изетбеговича это была уже вторая отсидка. В первый раз он отбывал срок в тюрьме еще в молодые годы за участие в последней большой войне в составе мусульманской дивизии СС, которая проявила особенную жестокость в боях с партизанами, бывшими по большей части сербами. Так, соратники Цацо и напомнили Изетбеговичу об оказанных тогда услугах и потребовали, чтобы тот любыми способами организовал медицинскую эвакуацию для их босса. В те времена я был единственным человеком, имевшим постоянные контакты с сербами на самом высоком уровне, и боснийцы знали, что я ездил в Пале по крайней мере один раз в неделю. Так уж случилось, что в это время я находился в нашей штаб-квартире в Загребе на очередной встрече руководящих сотрудников миссии. Вдруг во время одного из заседаний раздается срочный звонок из Сараева по спутниковой связи, и министр по делам ООН правительства Боснии Хасан Муратович настоятельно просит меня немедленно вернуться в город для чрезвычайно срочной встречи с премьер-министром Силайджичем. Наши консультации должны были продолжаться в Загребе еще один день, и я планировал возвращение только через день, о чем я сообщил Муратовичу. Однако босниец настаивал, так как дело ко мне носило, по его словам, очень срочный и конфиденциальный характер. В результате я согласился на приезд в Сараево на следующий день утром.

Силайджич, как и было обещано, ожидал меня в аэропорту. Он отозвал меня в сторону и попросил немедленно встретиться лично с лидером боснийских сербов Караджичем для получения согласия на медицинскую эвакуацию Цацо и кратко

поставил меня в известность о сути дела. Он, разумеется, просил использовать любые средства для получения такого разрешения у сербов. К тому времени я не был новичком в принятой системе торгов между сторонами как пути решения многих проблем и знал, чего конкретно в данный момент было бы важно получить сербам. Я знал в частности, что всего пару недель назад на переговорах между руководством двух сторон сорвалась договоренность о переправке из Сараева на сербскую территорию около ста сербских женщин, детей и стариков. Я прямо спросил Силайджича, согласятся ли они на вывоз из города этих несчастных, и немедленно получил положительный ответ.

Через два часа я был в кабинете Караджича, который, как я и предполагал, сразу дал согласие на сделку. Он также обещал дать соответствующее указание своим службам, но попросил меня лично проследить, чтобы два автобуса с сербами были отправлены одновременно с эвакуацией. За эту часть договоренности я не особенно волновался из-за чрезвычайной заинтересованности в главной для боснийской стороны части операции, и все действительно прошло гладко днем позже. Караджич просил меня также проконтролировать все детали процедуры эвакуации Цацо с сербским военным наблюдателем в районе аэропорта, который персонально отвечал за такие перевозки. Я достаточно хорошо знал майора Миленко Инджича как разумного и профессионального военного и по этой причине не ожидал особых осложнений. Следующий день показал, однако, что мои предположения были слишком оптимистичными. Инджич наотрез отказался выполнить указание Караджича на том основании, что приказы он получает только по военной линии, а таковых ему еще не поступало. К тому же он был серьезно обеспокоен тем, что многочисленные родственники жертв Цацо рано или поздно рассчитаются с ним самим из-за его участия в организации эвакуации бандита. Я немедленно попросил его связать меня с Караджичем и посоветовал тому лично переговорить с Инджичем, который потребовал дать ему официальное письменное указание сербского лидера на эвакуацию. Караджич попросил меня составить совместно с Инджичем бумагу на английском языке, которая устраивала бы нас обоих, и переслать текст ему факсом, с тем чтобы он немедленно послал нам его обратно с его подписью. Только после получения такой бумаги Инджич неохотно дал согласие на эвакуацию Цацо, сказав мне при этом, что лично придет к самолету для того, чтобы не позволить тому вывезти с собой часть награбленных денег. Очень жаль, что я не сохранил этой по-своему исторической бумаги с подписью Караджича в моих архивах. Некоторое время спустя оказалось, что это каким-то образом удалось сделать моему приятелю болгарину Михову, присутствовавшему при этом разговоре и оказавшемуся дальновидней меня.

Между прочим, через некоторое время, к моему удивлению, я узнал, что Цацо успешно прооперировали в Италии и он умудрился выжить. Самое поразительное, однако, то, что после полного выздоровления Цацо попытался вернуться в Сараево, уж больно не хотелось ему терять возможность иметь огромные деньги, которые он умудрялся делать на крови сербов. К счастью, это ему не удалось. С ним в конце концов рассчитался кто-то из родственников или друзей его жертв и застрелил его в одном из баров Мюнхена годом позже.

Приведу еще один очень характерный для того времени случай, произошедший в конце 1993 года. Прелат католической церкви в Сараеве монсеньор Винько Пулич, ставший перед смертью Папы Иоанна Павла Второго кардиналом всей Боснии и Герцеговины, официально обратился к нам с просьбой организовать его визит в Вареш — один из хорватских анклавов в северо-западной части страны. Сделать это можно было только с согласия сербской стороны, так как на пути в анклав требовалось проехать несколько сербских контрольно-пропускных пунктов. Сербь не возражали при условии, что им будут предоставлены заранее имена всех сопровождающих и они будут иметь возможность их проверки. Имена эти были переданы нами сербам, и два французских бронетранспортера тронулись в путь вместе с небольшой группой сопровождающих прелата. Однако на первом же КПП французы были задержаны в связи с тем, что двое из числа сопровождавших Пулича путешествовали по подложным документам, являясь на самом деле, как сказали сербы, военными преступниками. Сербь утверждали, что именно они были в числе организаторов и активных участников инцидента, вошедшего в историю войны, как трагедия на Добровольческой улице. Тогда, в самом начале войны, колонна машин Югославской Народной армии, выходящая из казарм имени Иосипа Броз Тито в Сараеве после месячной блокады мусульманскими подразделениями в соответствии с договоренностью с правительством Боснии, была внезапно атакована мусульманами, и несколько десятков сербских офицеров было убито. Командир французского подразделения отказался открыть бронетранспортеры для проверки и выдачи сербам военных преступников и немедленно информировал штаб ООН об инциденте. Сербь, как всегда в таких случаях, заблокировали французов двумя танками, поставив их впереди и сзади бронетранспортеров.

Конфликтная ситуация подобного рода требовала немедленного вмешательства, и это была только моя территория. Я сразу же связался по телефону с канцелярией Караджича и поговорил по возникшей проблеме с Николой Кольевичем, его заместителем, бывшим довольно часто моим контактером в сербском руководстве.

Несколько слов о самом Кольевиче. Это был пожалуй самый интеллигентный человек в сербском руководстве, входивший перед самой войной вместе с Изетбеговичем и Караджичем в состав Президиума Боснии, коллективного руководящего органа страны. Он жил какое-то время в Англии, прекрасно говорил по-английски, был профессором английской литературы в университете в Сараеве и даже перевел почти всего Шекспира на сербско-хорватский язык. Я провел, пожалуй, больше всего часов в кабинете Кольевича в Пале из всего времени, что был там во время моих многочисленных визитов к сербам. Многие вещи он понимал лучше остальных сербских лидеров, и у нас установились добрые отношения, основанные на взаимном уважении, позволившие решить много различных практических вопросов. К числу недостатков Кольевича можно было отнести разве что его некоторую, иногда даже излишнюю, мягкость, что вообще-то не свойственно сербам. За это в руководстве Республики Сербской его часто называли профессором. К концу войны даже мне было заметно, что с Кольевичем происходит очень серьезная внутренняя драма: не разделяя полностью жесткой линии Караджича, он был не в состоянии как-то изменить ее. Ко времени моего отъезда из Боснии он стал несколько отстраняться от участия в принятии

важных решений руководства сербов, и я не слишком удивился, когда узнал, что Никола покончил жизнь самоубийством в самом конце конфликта.

Кольевич пообещал проверить, что происходит с французским конвоем, и немедленно связаться со мной. Он перезвонил мне через полчаса и сообщил, что у них есть полная уверенность, что два человека в группе Пулича действительно являются участниками нападения на Добровольческой улице, и не может быть речи о том, чтобы отпустить их. Сам католический прелат может продолжать путь по назначению, но только после того, как оба преступника будут выданы сербам. Мне стало ясно, что едва ли можно в этих условиях рассчитывать на то, что их позиция изменится. Это означало, что мне надо брать решение вопроса полностью в свои руки, а для этого нужно немедленно выезжать в Пале для продолжения переговоров, а также как можно скорее разблокировать французский конвой, так как ситуация на месте продолжала накаляться. Через несколько часов, правда, французы вынуждены были открыть бронетранспортеры и оба боснийца были переданы сербам.

Время, проведенное мной в операциях по поддержанию мира, убедило меня в том, что, если хочешь добиться результата, принимай решение сам, не дожидаясь, пока начальство сделает это за тебя. Потом, правда, держи свою линию, не отступая от нее ни на шаг. По этому пути я пошел и на этот раз. В беседе с Кольевичем я по собственной инициативе и без согласования со штабом предложил сербской стороне собрать доказательства преступлений двух боснийцев и пообещал, что мы передадим документы в ООН для изучения юристами. В то время трибунал в Гааге еще не существовал, но в юридическом департаменте Секретариата ООН в Нью-Йорке работали весьма профессиональные специалисты, способные сделать юридическое заключение и дать рекомендации. При этом я заверил Кольевича, что ООН была бы готова поддержать подозреваемых в нашем распоряжении в течение не более двух дней, пока собираются доказательные документы. После некоторого раздумья Кольевич согласился и пообещал передать задержанных в наше распоряжение на следующий день. Он также просил меня прислать для их транспортировки наутро два французских бронетранспортера в Лукавицу, сербский пригород Сараева возле аэропорта, где был штаб одного из корпусов боснийских сербов. Я, со своей стороны, настоятельно рекомендовал Кольевичу ни в коем случае не обнародовать нашей договоренности до полного завершения всей операции, и тот пообещал мне это.

Однако стоило мне приехать обратно в нашу штаб-квартиру в Сараеве, как мне сообщили, что меня срочно разыскивает мое непосредственное начальство из Загреба в лице Седрика Торнбери. Я знал Седрика уже давно и мы были с ним хорошими приятелями, но на этот раз он впервые за время нашего знакомства выразил несогласие с моими действиями. Оказывается, Кольевич в нарушение нашей с ним договоренности дал интервью сербскому радио, в котором на выложил все относительно наших планов. Мое руководство было, можно сказать, взбешено из-за моего согласия повесить на ООН, как сказал Седрик, неизвестно, на какое время двух задержанных, принимая во внимание факт отсутствия тогда у Организации соответствующих юридических механизмов. Должен признать, что опасения Седрика имели определенные основания: несколько лет назад в миссии на Ближнем Востоке была подобная ситуация, и ООН долго не могла избавиться от одного человека, задержанного как бы на короткое время.

Следующее утро я начал в кабинете премьер-министра Босний Силайджича, с которым имел конфиденциальный разговор. Мое предложение премьеру состояло в том, что я обещал добиться передачи двух задержанных в распоряжение боснийского правительства при выполнении им лично двух условий. Во-первых, Силайджич дает мне письменное заверение в том, эти двое будут находиться под домашним арестом на их территории и будут выданы нам незамедлительно при наличии письменных доказательств их вины со стороны сербов в случае, если ООН потребует их выдачи. Во-вторых, два автобуса с еще одной партией сербских женщин, детей и стариков, которых лишили жилья некоторое время назад и которые сидели в ожидании отправки на автобусной станции, выедут из города тут же, как только я лично доставлю в город двух боснийцев. Силайджич, подумав, согласился и немедленно написал мне расписку, подтверждающую нашу договоренность.

Через два часа я был в Пале у Кольевича, который сообщил, что решение подобного рода может принять только Караджич лично. Должен сказать, что согласие лидера сербов удалось получить быстро. Проблема, однако, могла все же возникнуть в результате недовольства простых сербских военных, знавших после интервью Кольевича о планируемой выдаче мусульманам двух военных преступников. Сам Караджич прекрасно понимал это и поручил еще одному его заместителю, Момчило Краишнику, который был также председателем Народной Скупщины Республики Сербской, лично обеспечить мирную передачу нам боснийцев.

Назавтра утром в Лукавицу были направлены два французских бронетранспортера во главе с опытным подполковником из элитного батальона французского полка иностранного легиона. Я был на месте прямо с утра, как и обещал Краишнику. Однако время шло, а он не появлялся, и передача боснийцев задерживалась, что начало меня беспокоить. К полудню во дворе штаба сербского корпуса стало собираться все больше солдат, вид которых мне совсем не нравился. Я сидел в кабинете командира корпуса и время от времени просил его связаться с Краишником, чтобы ускорить его приезд. Часам к пяти тот наконец появился, но обстановка во дворе штаба уже серьезно накалилась, так как среди солдат прошел слух, что сербское руководство приняло решение вернуть двух боснийцев. Раздавались требования о необходимости досмотра всех наших машин, чтобы удостовериться в том, что они не находятся внутри. Двор был уже полон солдатами с оружием, и пришли танки, которые заблокировали наши БТРы, направив пушки прямо на них. А народу во дворе становилось все больше, и стали появляться пьяные, что было совсем уж плохим признаком. К тому же кто-то из нашего штаба сообщил по нашей радиосвязи, что нас ожидают еще два сербских танка на контрольно-пропускном пункте «Сьерра-1». К семи часам вечера напряжение еще более возросло, и толпа потребовала, чтобы им показали, не находятся ли двое боснийцев внутри БТРов. В этих условиях остановить сербских солдат было едва ли возможно. Возникла прямая опасность насилия против нашей группы.

Армия — очень своеобразный механизм, законы его надо знать, если хочешь, чтобы он сработал в несколько необычных условиях. Без приказа любой хороший профессиональный солдат не сделает ни шагу, но приказы обязательно должны иметь логическое и ситуационное обоснование. Я знал, что имел дело с профессионалами

высокого уровня — как-никак не за просто так иностранный легион считается во Франции самой боеспособной частью армии. Но в данный момент отвечал за всю операцию я, гражданский человек, и французское подразделение подчинялось мне. Не являясь военным, я не привык отвечать за жизнь вверенных мне людей, что является нормальным явлением в армии. К тому же я — русский и это обстоятельство добавляет неуверенности для офицера из страны, входящей в НАТО. Я хорошо запомнил, как смотрел на меня французский подполковник, ожидая моего решения, от которого могло зависеть многое для него и для его подчиненных. Позднее мы не один раз встречались с ним при других обстоятельствах, и мне было понятно, что тогда мне удалось сдать экзамен. На встрече с Крайшником, который продолжал считать, что операция по передаче боснийцев в этих условиях была все еще возможна, я потребовал переноса ее на следующее утро, принимая во внимание возникшие чрезвычайные обстоятельства. Согласие на досмотр наших машин было мной дано, но я увязал его с неременным обязательством со стороны сербов о полной очистке двора от толпы и немедленном выводе танков как со двора так и с КПП на нашем пути в город. Крайшник вынужден был согласиться и через полчаса после тревожных нескольких минут общего досмотра французских БТРов и моей машины наша небольшая группа покинула Лукавицу для того, чтобы встретиться вновь на следующее утро в новом месте для завершения операции.

На этот раз вся операция была более тщательно продумана и разработана с участием начальника штаба наших войск британского бригадного генерала. Все звенья ее получили подробный инструктаж. На место, назначенное для передачи, направлялось дополнительное подразделение ООН для обеспечения безопасности. Несколько толковых офицеров должны были находиться на автобусной станции для координации отправления автобусов с сербами, которое должно начаться немедленно после моего сигнала о въезде нашей группы с двумя пленниками в Сараево. Вдоль всего пути нашего следования были созданы специальные посты наблюдения. Операция должна была завершиться встречей в аэропорту премьер-министра Силайджича и Крайшника для обсуждения практических вопросов, связанных с доставкой грузов в город. Радиоэфир на время операции был разрешен только для меня и ее участников, все же остальные обязаны были соблюдать полное радиомолчание.

Передача двух пленных на следующий день проходила как в детективном голливудском боевике — в безлюдном месте вблизи Лукавицы, о котором мне лично сообщил Крайшник только утром, куда и были направлены два бронетранспортера. Моя машина находилась в сотне метров в стороне на пригорке, чтобы я мог не только видеть и комментировать процесс передачи по радио для всех остальных задействованных в операции звеньев, но и иметь возможность дать указание вмешаться в него, если это потребуется. Уроки предыдущего дня сербами были извлечены, и все произошло в течение пятнадцати — двадцати минут. К бронетранспортерам ООН на большой скорости подъехал санитарный автомобиль сербов, из него стремительно выскочили двое и через секунды были уже в безопасности внутри БТРов. Скорость в данном случае была более чем обоснованной, так как существовала вполне реальная опасность попытки сербского снайпера прекратить нашу операцию самым доступным для него способом.

Как только наша небольшая кавалькада подъехала к зданию правительства Боснии и двое задержанных были переданы мною лично Силайджичу в обмен на его расписку, наши офицеры на автобусной станции получили указание приступить к отправке первого автобуса с сербами. Боснийская делегация для участия в переговорах во главе с премьер-министром была посажена в бронетранспортеры, и мы двинулись в сторону аэропорта. По дороге я связался с офицером, ответственным за эвакуацию сербов из автобусной станции, и узнал от него, что боснийская сторона всячески препятствует отправке автобусов под незначительным техническим предлогом обеспечения безопасности шоферов. В этой ситуации мне ничего не оставалось, как немедленно дать указание бронетранспортерам, идущим впереди моей машины, изменить маршрут и двинуться на автобусную станцию для разблокирования создавшейся там ситуации. Сцена, которую мы увидели там, была отвратительна — сербские женщины, доведенные до отчаяния после двух дней, проведенных под открытым небом почти без еды и питья, выглядели ужасно. Боснийцы закинули их в донельзя переполненные автобусы до разъяснения ситуации с шоферами, не разрешая никому их покинуть хоть на минуту. Было видно, что даже Силайджич был взбешен, слишком безобразной была вся ситуация и слишком надуманным был предлог — такие вопросы решались во время войны многократно. Прямое указание премьера решило вопрос положительно, но я предпочел не спешить и выехать со станции вместе с боснийской делегацией только после того, как один из автобусов тронулся. Только после этого наша кавалькада двинулась в сторону аэропорта, где проводилось совещание боснийского и сербского руководства.

ГЕНЕРАЛ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ ГЕНЕРАЛ

Весьма любопытным для меня было общение с военным руководством нашей миссии. Я рассказал уже кое-что о почти годе совместной работы с Филиппом Морийоном. Этот рассказ можно было бы дополнить лишь гастрономическими деталями в связи с тем, что у Морийона был прекрасный повар, который порой творил чудеса на кухне, умудряясь сделать еду не только вкусной, но и красивой. Этот молодой солдат, родом из Эльзаса, умело работал при этом и на свое будущее. Очень часто нашими гостями в Сараеве были многие известные люди, включая министров, прилетавшие нашими самолетами в город для встреч с боснийским руководством, что вошло тогда в политическую моду. Такие визиты неоднократно заканчивались обедом в штаб-квартире. Повар Морийона печатал в таких случаях меню с перечислением всех приготовленных им блюд, на которых он после обеда просил посетителей поставить подписи. Он также просил их сфотографироваться на память, в чем, разумеется, никто ему не отказывал. Сам повар говорил при этом, что в будущем он надеялся сделать хорошую рекламу на этих фотографиях в сочетании с подписанными высокопоставленными посетителями меню. После окончания службы в армии он намеревался открыть собственный ресторан в родном городе и был уверен, что такая форма рекламы поможет ему быстрее добиться успеха на этом поприще. Думаю, так оно и вышло.

Вторым командующим войсками ООН в Боснии и Герцеговине, заменившим Морриона, стал бельгиец Френсис Брикмон. Это был порядочный пожилой человек, в котором чрезвычайно трудно было распознать военного высокого ранга. Он выглядел больше как добрый пенсионер выше среднего достатка. При всем его штатском облике Брикмон оказался отличным военным, но самое главное — очень честным военным. Он совсем не любил интервью с журналистами и все время старался избежать их любой ценой, спихивая журналистскую братию на меня. Но когда журналисты все же прорывались к нему, Брикмон называл вещи своими именами, что не всегда нравилось. Это ему принадлежит фраза, которую он вывел впоследствии в заголовок собственной книги о времени, проведенном в Сараево: «Сделайте что-нибудь, Генерал!» Он действительно слышал это в разговоре со Специальным Представителем Генсекретаря ООН в бывшей Югославии японцем Ясуши Акаши, когда тот, только прибыв в Боснию, не был уверен в направлении дальнейших действий. Справедливости ради надо отметить, что такое состояние посещало руководство ООН далеко не однажды во время нашей миссии. Брикмон был, пожалуй, единственным из высшего воинского состава, кто не был подвержен тщеславию. Он даже закончил свою службу на посту командующего раньше, чем мог бы, проведя в Боснии шесть месяцев вместо положенного года, как было в случае всех остальных. Он искренне старался быть объективным, что было очень трудно, поверьте мне. И когда он понял, что от него часто требуется больше, чем позволял его внутренний кодекс поведения, он решил уйти. Я могу только уважать его за это. У нас сложились очень хорошие деловые отношения, он всегда ценил наше сотрудничество и никогда не принимал серьезных решений, не посоветовавшись со мной.

Следующим командующим войсками ООН в Боснии стал англичанин генерал Майкл Роуз. Вот это была личность. После близкого знакомства с ним я даже стал уважать всех британских военных. История Великобритании научила всю военную касту этой страны умению работать с гражданскими, и это было очень заметно для меня и очень важно для дела, которое мы с ним совместно делали. Да, Майкл прошел через серьезное переосмысление целей нашей миссии, но он сумел вырасти над самим собой и не пойти по легкому пути, к которому подталкивала его уже сложившаяся практика. Весь год, что мы проработали бок о бок в Сараеве, стал, пожалуй, самым интересным для меня годом. Он также вложил душу в то, что он делал, пройдя через многочисленные трудности, как он отметил позже в книге «В борьбе за мир», написанной о времени, проведенном в Боснии. Его страна отметила его старания, и он был произведен королевой в рыцарское сословие перед самым отъездом из Боснии, став сэром Майклом.

Генерал Роуз был достаточно хорошо известен еще до его приезда в Сараево. Он возглавлял самые боеспособные части Великобритании — войска специального назначения, принимал личное участие в целом ряде операций, связанных с риском для жизни, имел награды за личное мужество, проявленное в войне за Фолкленды, даже прыгал с парашютом где-то на Ближнем Востоке. В армии Майкл считался «мальчиком» Маргарет Тэтчер, которая лично выделяла его в ее бытность премьер-министром и ревностно следила за его карьерой и после. Как никто до него, Роуз имел хорошие контакты на самом веру британского истеблишмента. Я знаю, что он многократно

связывался с министрами обороны и даже иностранных дел Великобритании, пользовался личным самолетом министра обороны, на котором даже мне довелось летать с ним в Лондон, просто чтобы иметь возможность поприсутствовать на приеме в одном из королевских дворцов. Без всякой визы, обратите внимание, так как прилетали мы на специальный королевский терминал в Лондоне, где не бывает пограничников и таможенной службы. Майкл немедленно настоятельно рекомендовал мне посетить тамошние удобства, сославшись на то, что не каждый день выдается шанс сходить туда, куда даже короли ходят пешком. Я искренне завидовал его связям в британском МИДе, знаю точно, что у нас в России ничего подобного и представить себе невозможно. Однажды, помню, уже в то время, когда мы научились мыслить в более или менее одном направлении, Роуз самым невинным образом просил меня позвонить министру иностранных дел России для того, чтобы получить желаемый для нас результат. Он-то сам уже, видите ли, сделал это. Представляю себе реакцию наших мидовских бонз на такой мой звонок. Единственным, кому я мог позволить себе позвонить дважды за мое пребывание в Боснии и то в самом крайнем случае, когда давление на нас со всех сторон стало труднопереносимым, был тот же Сергей Лавров, только что ставший тогда главой российской миссии при ООН, да и то потому, что он был старым моим приятелем. Я понимал при этом, что боснийцы записывают на пленку все, что я говорил, но другого выхода не было. Сергей, к его чести, запомнил это и при встрече искренне поблагодарил меня за звонки, после которых он сделал серьезное представление Генеральному Секретарю ООН. Для Майкла же прямые контакты с МИДом Великобритании были делом обыденным. Кроме того, директор департамента международных организаций «Форрейн сервис» Гвен Эванс проводила много дней в нашей штаб-квартире и давала очень дельные советы Майклу. Вот нам так бы! Да и со мной она общалась очень активно и полезно, благо мы знали друг друга по совместной работе в Секретариате ООН в Нью-Йорке в конце семидесятых годов. Я даже какое-то время помогал ей с русским языком, который она начала изучать на курсах ООН.

Генерал Роуз закончил военную карьеру в должности второго по старшинству лица в армии Великобритании через три года после окончания его службы в качестве командующего войсками ООН в Боснии и Герцеговине. Мы виделись с ним неоднократно в Нью-Йорке, куда он приезжал время от времени, и у него дома в Англии за год до ухода его на пенсию. В своей книге Майкл очень часто и благожелательно упоминал меня, за что я ему признателен.

Однако начало работы Майкла в Сараеве было далеко не безоблачным, слишком тяжело было отойти от стереотипа мышления, принятого абсолютным большинством военного руководства нашей миссии. Нам потребовалось определенное время, чтобы между нами установились уважительные и доверительные отношения. Помог в этом смысле чрезвычайный случай, произошедший через полтора месяца после его назначения. Согласно законам миссии ООН, военное руководство не имело права на атаку на одну из сторон конфликта (читай сербов, разумеется; едва ли кому-то могла прийти в голову даже мысль об атаке на боснийцев в те времена) без одобрения гражданского руководства. Первые годы нам, гражданским, удавалось сдерживать пылких военных без особых усилий. Мною лично было остановлено не менее трех таких бом-

бардировок, дважды во времена Морийона и один раз при Брикмоне. Но со временем под давлением общей обстановки демонизации сербов во всем мире это становилось делать все труднее. Помню, как однажды Специальный Представитель Генсекретаря ООН Ясуши Акаши элементарно скрывался от разогретого напитками генералитета нашей миссии, оказавшегося в гостях у командующего войсками ООН французского генерала Кота в Загребе, после сообщения о появлении где-то артиллерийского орудия сербов, по которому им так хотелось ударить. Для чего еще существуют военные, если не для того, чтобы по кому-нибудь ударять. Как там у Чехова: если в первом акте пьесы на стене висит ружье, оно должно выстрелить в третьем акте. А у нас события уже развивались именно в третьем акте.

Однажды в марте 1994 года Майкл Роуз принял решение о первой в нашей миссии бомбардировке сербов без моего согласия под предлогом того, что меня не смогли найти, а дело якобы было срочное. Я в это время возвращался после переговоров в Пале с сербским руководством, и уж конечно он мог подождать моего возвращения, но не хотел сделать этого, предвидя мои возражения. Когда я вернулся в штаб, Майкл сообщил мне о принятом им решении и сказал, что развернуть ситуацию в обратную сторону мне не удастся, так как самолеты НАТО уже вылетели из базы в Италии и удар по сербам состоится в самое ближайшее время. При этом, как в театре, эту сцену заинтересованно наблюдало не менее дюжины человек из ближайшего окружения Майкла — его помощники, адъютанты, а также несколько человек из нашей гражданской службы ООН. Некоторые из них были свидетелями в прошлом случаев подобного рода, и им было интересно, чем закончится нынешняя конфронтация военных с гражданскими. Я сказал Роузу, что он действовал в нарушение правил, устанавливающих порядок в случаях подобного рода, и, отозвав его в сторону, обрисовал для него сценарий дальнейшего развития событий. А сценарий этот мог быть только следующим: сербское руководство просто прекратит с ним всякое общение и для него будет с этого дня полностью закрыт въезд в Пале, что сделает его миссию абсолютно бессмысленной.

Дальнейшие события полностью подтвердили мои предсказания: сербы с этого дня прекратили сотрудничество с Роузом, отказываясь принимать его на любых уровнях. Он перестал существовать даже для простых сербских солдат на контрольно-пропускных пунктах, где он когда-то пользовался особой популярностью. Это был очень чувствительный удар по его самолюбию. К тому же выяснилось, что бомбовый удар натовских самолетов пришелся также по сербскому санитарному бронетранспортеру с хорошо различимыми красными крестами на броне, и в нем погибли кроме водителя несколько медсестер и один доктор. К чести Майкла надо признать, что он сильно переживал по поводу этого случая. Он даже попросил достать фотографию разбитого транспортера и повесил ее в своем кабинете. Она провисела там все время его пребывания в Сараеве, и он всегда показывал ее посетителям. К тому же манера поведения боснийского руководства, приученного к постоянному подыгрыванию со стороны международного сообщества, вызывала у Роуза растущее неудовольствие.

Постоянно общаясь с британскими военными высокого ранга достаточно долгое время, я убедился в том, что если они поверили в кого-то, то этот человек имеет возможность видеть их такими, какие они есть на самом деле. И куда только тогда де-

вается традиционная британская чопорность. Я неоднократно приглашался на офицерские вечеринки, которые проводились периодически в расположении британского батальона в Витезе в центральной Боснии, который был превращен в центр британской военной культуры. Каждый батальон, прибывавший в Боснию сроком на полгода, фактически являлся полком, причем полком гвардейским, со всеми его традициями и реликвиями, перевозимыми вместе с полковым знаменем. Да и командовал таким батальоном командир полка. Великобритания — страна с самым ярко выраженным классовым характером, и это особенно ясно видно на примере армии. Даже язык, на котором говорят офицеры, отличается от того, на котором общаются солдаты. Лично я сомневаюсь, что в мире есть хотя бы одна страна, где военная каста пользовалась бы таким уважением, как в Великобритании. Служба в армии офицером вовсе не считается чем-то ниже достоинства интеллигентного человека, как это имеет место в нашей стране, к сожалению. Человек, окончивший военную академию, является таким же уважаемым членом общества, как и закончивший Оксфорд, и это открывает ему путь к любым вершинам. Подтверждением этого является то, что члены королевской семьи считают своим долгом какое-то время служить в одной из гвардейских частей.

После бомбардировки сербов Роуз оказался в очень трудном положении, все его контакты ограничивались боснийским руководством, и это его очень огорчало. Было видно, что он страдает по поводу своего относительного безделья, что противоречило его деятельной натуре. К тому времени в результате ежедневного общения между нами стали развиваться и крепнуть взаимопонимание и уважение. Каждый раз в конце рабочего дня, когда я не уезжал по делам в Пале или еще куда-нибудь, Майкл появлялся в моем кабинете ровно в шесть часов вечера, показывал на часы и говорил, что пора бы и честь знать и выпить с ним бокал виски на его территории.

Понятие «рабочий день» в операциях по поддержанию мира всегда было вещью весьма относительной, каждый день фактически имел только начало. У нас существовало негласное правило не тревожить никого раньше восьми часов утра, если не случилось чего-нибудь из ряда вон выходящего. Именно в это время ежедневно начинался утренний брифинг всего руководящего состава миссии с привлечением глав учреждений ООН в Сараеве. Первое выступление на нем всегда было моим. В нем я давал политическую оценку момента и сообщал о планируемых нами мероприятиях. Ирония происходящего, когда человек из нашего социалистического в совсем недавнем прошлом отечества комиссарит на почти натовских брифингах, смущала меня совсем недолго — работа есть работа, а ее было очень много. Получасом позже я собирал в моем кабинете всех представителей гражданских служб миссии, и на таких встречах всегда присутствовал кто-то от военных для координации. Официального окончания рабочего дня не существовало вовсе, да и куда было девать это свободное время, если оно и появлялось, когда вся наша жизнь проходила в постоянном общении не только между нами, но и между двумя нашими штабами на виду друг у друга. Такое общение порой неизбежно иногда выходило за формальные рамки. Так, моя филиппинская секретарша умудрилась выйти замуж за майора армии Нидерландов, предварительно разведясь с капитаном финской армии, и они проживают оба сейчас в Гааге и успели родить уже пару голландцев.

Выпить первый бокал считается приличным в английской армии только после шести часов вечера, и соответственно наше уже совсем неформальное общение с Роузом начиналось после шести. Это вовсе не значит, что мы крепко выпивали, все дело было именно в общении под два-три стакана виски, не больше. Я ясно видел, что Майклу кроме всего прочего нравилось просто трепаться с представителем еще совсем недавно вражеского государства.

Конечно, был случай, когда мы выпили и побольше, но это случилось лишь однажды. Тогда мы, правда, просто напились, и напились именно водки, которую я привез из Загреба несколькими днями раньше. Видимо, выпили мы действительно очень прилично, поскольку Майкл запомнил этот вечер надолго и даже вспоминал о нем несколькими годами позже, когда мы с ним встречались уже в Нью-Йорке на вечеринке по случаю опубликования его книги о времени, проведенном в Боснии. Закусывали в тот вечер мы вполне по-русски — черной икрой, хотя и иранской. Большую банку икры принес мне в подарок только что назначенный в Сараево посол Ирана во время его первого визита ко мне накануне. В поедании икры и уничтожении водки участвовало все ближайшее окружение Майкла, то есть его два помощника, адъютант и телохранитель по кличке Гусь, а моя сторона была представлена моими гражданским и военным помощниками, а также секретаршей.

Время меньшей, чем всегда, загруженности Роуза запомнилось мне еще парой интересных эпизодов. Правительство США находилось тогда в стадии поиска подходов к урегулированию в этой части бывшей Югославии, и к нам в Сараево стали друг за другом приезжать высокопоставленные эмиссары из Вашингтона. Среди них были и достаточно известные люди, такие, как Чарлз Редман, бывший пресс-секретарь президента, генералы Лейтон Смит и Галвин. В октябре 1994 года прилетал даже министр обороны США Уильям Перри. Два дня провела в Боснии группа влиятельных сенаторов из США, которым было поручено подготовить доклад о положении в стране и которые с пристрастием задавали мне множество вопросов на моем брифинге. Одним из таких визитеров были генерал Уэсли Кларк, ставший впоследствии командующим войсками НАТО, а еще позже — кандидатом в президенты США от Демократической партии. Вы помните, возможно, что он проиграл гонку за то, чтобы представлять на выборах эту партию Альберту Гору, вице-президенту при Клинтоне. Кларк, оказывается, был близок к президенту Клинтону, они даже учились вместе и тот хотел получить впечатление о происходящих в Боснии событиях от человека, которому он доверял лично. Майкл был в общих чертах проинструктирован британским МИДом о целях визита Кларка и заранее знал, в какую сторону тот, скорей всего, будет склонять благосклонность американского президента. За день до его приезда Майкл предложил мне скоординировать наши усилия для того, чтобы попытаться внести возможные коррективы в то впечатление, которое Кларк может создать позднее в Вашингтоне. Так мы и сделали, и наши несколько встреч с Кларком прошли в более или менее нужном ключе, и хочу надеяться, что определенные акценты доклада Кларка президенту США получили несколько иное освещение после наших с Майклом контактов с ним.

Любопытным и весьма необычным был визит в Боснию командующего европейским регионом НАТО трехзвездного американского генерала Лейтона Смита,

в котором я лично не участвовал, но знаю о нем со слов окружения Майкла. Все началось с посещения различных районов Боснии для ознакомления с обстановкой. В одном из мест в центральной части страны, куда была доставлена на трех вертолетах вся генеральская кавалькада, на глаза Смиту попадает пастух-босниец, спящий под деревом возле стада пасущихся овец. Американец идет поздороваться со стариком, а тот по-военному вытягивается перед неизвестно откуда появившимися иностранными генералами, что случается не часто в этих краях. Смит приветствует боснийца и спрашивает его через переводчика, служил ли тот в армии и в какой. Старый пастух охотно отвечает на вопрос положительно, добавив, что служил он в самой правильной армии, и приветствует генерала фашистским салютом и восклицанием «Хайль Гитлер!» к полному недоумению американца. Майкл и его свита очень потешались, описывая мне этот эпизод.

Забавная история произошла также с Уэсли Кларком во время его встречи с командующим войсками боснийских сербов генералом Ратко Младичем, в настоящее время возглавляющим вместе с Караджичем список военных преступников Гаагского трибунала. Такие встречи всегда составляли очень любопытную часть визитов к основным игрокам всего боснийского пасьянса наряду с поездками к Изетбеговичу и Силайджичу в Сараево и к Караджичу в Пале. Младич далеко не всегда присутствовал на встречах иностранных визитеров с Караджичем, предпочитая принимать их самостоятельно в одной из его собственных резиденций в Яхорине, горнолыжном курорте недалеко от Пале,

Он, как и все сербы, был гостеприимным хозяином и старался хорошо накормить и напоить иностранных гостей даже в самое трудное время. Стол обычно был полон всякой вкусной снеди, а пили ту же ракию, наполняя рюмку гостя, как только тот ее выпивал. Сам Младич не был большим любителем выпить, но пить умел, заметно не пьянея. Я довольно часто был гостем Младича, начиная еще с самого первого этапа нашей миссии, то есть с Книна в Сербской Краине в Хорватии, где Младич был нашим первым официальным хозяином. Многократно бывал я и в Яхорине, даже ночевал там однажды. Мы довольно часто играли с ним на бильярде в Книне и в Боснии. Он играл неплохо, но слишком азартно, и это всегда помогало мне, хотя класс игры Младича был явно выше моего. У него был, правда, один период в жизни, когда он начал пить серьезно, чтобы заглушить горе, и он даже не показывался на люди несколько недель. Это случилось после того, как его единственная дочь покончила жизнь самоубийством.

Во время встречи Кларка с Младичем в Яхорине все было, как рассказывал мне потом помощник Майкл, в духе таких застолий, с той лишь разницей, что оба генерала выпили больше обычного и под конец даже начали чуть ли не брататься. Они поменялись фуражками и фотографировались почти обнявшись. Я сам не поверил бы этому, но клянусь, видел эти фотографии лично. Вершиной братания явился обмен подарками и сувенирами. Кларк получил от будущего военного преступника прекрасный именной подарочный пистолет «Застава» с надписью на рукоятке об этом знаменательном событии с указанием имени дарителя. Все бы и прошло тихо и спокойно, если бы хорватам в аэропорту Загреба при вылете Кларка обратно в США не пришлось в голову досмотреть американского генерала, и они обнаружили пистолет

с комплиментарной надписью самого главного врага хорватов и мусульман. Скандал удалось как-то замять. На карьере самого Кларка этот эпизод не отразился, хотя в одной из американских газет во время последней предвыборной кампании я встретил упоминание о неадекватном его поведении во время визита в Боснию и Герцеговину.

Карантин для Майкла сербы продолжали еще около двух месяцев. Его прекратили только после получения из различных источников достоверной информации о сожалении Роуза о содеянном и о некотором недовольстве боснийского правительства британским генералом за отказ следовать по пути его предшественников в подыгрывании мусульманской стороне. К тому же к концу пребывания Майкла Роуза на посту командующего войсками ООН в Боснии его отношения с боснийцами заметно разладились. Я был свидетелем и участником очень неприятной сцены, разыгравшейся в здании правительства осенью 1994 года. Инцидент произошел во время беседы Майкла и премьер-министра Силайджича, который требовал удара по сербам в районе Бихача в северо-западной Боснии после военных неудач там боснийцев. Силайджич отвел Роуза в сторону и говорил с ним на повышенных тонах, требуя ударов, а тот стоял на своем, настаивая на отсутствии оснований для бомбардировки, и только заметно бледнел. Впервые я видел тогда Силайджича взбешенным. Он даже совершил совсем неприличный поступок, пригласив представителей прессы, которые были наготове, и потребовав от Майкла публичного заявления, намерен ли он наказать агрессора, рассчитывая, что присутствие прессы подтолкнет его в нужную сторону. Майкл, к его чести, отказался. Силайджич сразу же сделал резкое заявление, в котором обвинил ООН в невыполнении резолюции Совета Безопасности о так называемых районах безопасности в Боснии и Герцеговине, принятой весной 1993 года.

МИССИЯ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА?

С этой самой резолюцией связан очень любопытный эпизод, проиллюстрировавший совершенно особый характер всей миссии ООН в бывшей Югославии. Эпизод этот связан с Сребреницей, небольшим городком в восточной Боснии, ставшем позднее чуть ли не главным примером преступлений сербов во всей войне. Всем известно, что сербы расстреляли там до восьми тысяч мусульман после того, как войска генерала Младича заняли город летом 1995 года. К этому времени я покинул Боснию и добавить ничего существенного к этой истории не могу. Однако мне хорошо известны события, которые привели к этому ужасному и ничем не оправданному преступлению.

Сама Сребреница до войны была преимущественно мусульманским городом с населением не более шести-семи тысяч человек, вокруг которого были и чисто мусульманские, и по преимуществу сербские села, и деревни со смешанным населением. Такова по большей части была этническая карта восточной Боснии перед войной. После начала боевых действий в этом районе абсолютное большинство мусульман из деревень постепенно перебиралось либо в Сараево, либо в Сребреницу, и число жителей там резко

возросло и дошло к 1994 году почти до шестидесяти тысяч человек. Весь район превратился в мусульманский анклав в восточной части страны, находящийся на территории сербов и отстоявший достаточно далеко от боснийской территории. Этот анклав имел, однако, важное значение для боснийцев для связи с Санджаком, мусульманским районом Сербии, служившим как бы людским резервуаром для пополнения армии Боснии и Герцеговины. Разумеется, средств существования для такого большого количества людей в городе не было, и не удивительно, что физическое состояние всего населения было удручающим. Антисанитария, почти полное отсутствие каких-либо продуктов, чистой питьевой воды, абсолютная безработица. Власть в городе фактически принадлежала некоему Насиру Оричу, служившему в свое время в личной охране Милошевича. В описываемые мною времена Орич стал главой мафиозной банды, насчитывавшей несколько сотен головорезов. Он правил анклавом железной рукой, не позволяя никому покидать его по такому же сценарию, как в Сараеве. Как и там, состояние, близкое к гуманитарной катастрофе, гарантированно приносило политические дивиденды, составлявшие важнейшую часть стратегии боснийцев.

Я посещал Сребреницу дважды, встречался с Оричем и даже ночевал в одном из его домов. Та ночь прошла в до ужаса жарко натопленном доме, где остановилось человек пятнадцать, и под утро кто-то из телохранителей Орича случайно выстрелил себе в ногу, когда раздевался. Как ему это удалось, не знаю. Крови, однако, было много. Во время следующего посещения Сребреницы, уже летом, я своими глазами видел совершенно вытоптанные, пыльные и грязные улицы, заполненные толпами бедных людей, которым просто некуда было пойти. Выбраться из города можно было только заплатив дань лично Оричу и его приближенным. Кроме немецких марок, самой ходовой валютой служили сигареты — в этой стране, как я заметил, курили все поголовно, и отсутствие курева очень трудно переживалось. Для примера, мне говорили в конце 1993 года, что за две сигареты там можно было купить любовь молодой девушки. Сам Орич периодически делал вылазки в близлежащие сербские деревни, во время которых вырезал поголовно всех. Я лично видел свидетельства и фотографии трупов со следами нечеловеческих надругательств. Ныне Орич находится в списке военных преступников Гаагского трибунала и, надеюсь, уже арестован.

С военной точки зрения для сербов наличие в восточной Боснии целого враждебного боснийского анклава, из которого периодически производятся вылазки, становилось все более чувствительным. Весной 1993 года сербские части предприняли наступление на Сребреницу, и оно закончилось полным поражением мусульман, но сербы не стали входить в город из-за большого числа там мирного населения. В связи с возможными серьезными жертвами мусульмане обратились к ООН с просьбой о посредничестве в достижении соглашения с сербской стороной о цивилизованной сдаче города. Такое соглашение было нами подготовлено и подписано командующими войсками сторон генералами сербом Младичем и боснийцем Халиловичем при посредничестве ООН и после долгих часов согласования его текста в аэропорту Сараева. Под соглашением стояла и моя подпись в качестве официального свидетеля. Соглашение предусматривало передачу всего вооружения мусульман сербам и вывод всех боснийских формирований и большинства гражданского населения в район Тузлы, то

есть на мусульманскую территорию. Соглашение предусматривало также возвращение в Сребреницу нескольких тысяч сербов, находившихся на территории мусульман. Оно полностью соответствовало общей линии сербов на этническое разграничение между ними и мусульманами и создание собственного государства. Можно, конечно, назвать эти действия сербов этническими чистками, как, собственно, их и называли на Западе. Только в этом случае остается вопросом, чем же по сути отличается разграничение между сторонами, предусмотренное соглашением в Дейтоне, утвердившим существующее разделение между мусульманами и хорватами, с одной стороны, и сербами, с другой. А как насчет сотен тысяч сербов из Сербской Краины, вычищенных огнем и мечом хорватами в 1995 году?

На следующий день соглашение вступало в силу, и мы уже дали указания относительно направления подразделений ООН в район Сребреницы для организации сдачи оружия. Случись это именно таким образом — и никогда не было бы ужасного расстрела восьми тысяч мужчин летом 1995 года. Однако именно той самой ночью Совет Безопасности ООН принимает резолюцию о создании в Боснии и Герцеговине районов безопасности, дающую войскам ООН указание о практическом ее осуществлении, то есть об охране гражданского населения в этих районах, тогда как отличить гражданское население от военных в то время очень часто было невозможно. Сребреница, разумеется, входила в список таких районов. Как человек, прошедший достаточно много времени в Совете Безопасности ООН, я представить себе просто не могу, что у тогдашней российской делегации в Совете была такая степень непонимания того, что происходит в Боснии. И заодно собственных геополитических интересов в этой части Европы. Ведь даже небольшое изменение в тексте резолюции могло существенно повлиять на развитие событий в Боснии. Принятие ее в том виде, как она была принята, фактически обрекло сербов на поражение в войне.

Вполне предсказуемым результатом принятия такой резолюции в Совете Безопасности явился немедленный отказ боснийской стороны от подписанного накануне соглашения. Еще бы, спасение анклава свалилось с неба, и глупо было этим не воспользоваться. Президент Изетбегович немедленно выступил с заявлением, приветствовавшим принятие резолюции, и потребовал, чтобы войска ООН обеспечили защиту гражданского населения, находящегося в районах безопасности. Так военная победа сербов в Сребренице обернулась для них фактически поражением в войне. В дальнейшем резолюция о районах безопасности с успехом применялась в ряде случаев, когда речь шла о других мусульманских анклавах внутри сербской территории. Точно так случалось около небольших городков Жепа и Горажде в восточной Боснии и в довольно обширном районе Бихач на северо-западе страны.

В связи с районами безопасности не могу не вспомнить о некоторых методах, использовавшихся боснийцами по созданию необходимой атмосферы для провоцирования войск ООН на бомбардировки сербов. Главное внимание в этом отношении уделялось находящимся в Сараеве западным журналистам, которые несли в мир картинку и вообще все новости из Боснии. Именно они создавали образ этой войны среди населения многих стран, прямо влияя на политику правительств. Сербы совсем не умели работать с прессой, и информационная война с самого начала была проиграна ими вчистую.

Иностранные журналисты стали получать доступ к лидерам боснийских сербов только на самом последнем этапе войны, когда в мире уже сложилось определенное мнение о войне и было поздно изменить что-либо.

Так, ранней весной 1993 года большой шум был поднят журналистской братией по поводу атаки сербами двух небольших боснийских сел около Сребреницы–Коньевич-Поле и Церска. Одно из них, Коньевич-Поле, особенно часто упоминалось в репортажах в связи с якобы большим количеством жертв среди мирного населения в результате военных действий сербов. Информация эта исходила от местного радиолюбителя, который живую передавал о разрывах мин на улицах деревни, о женщинах, умиравших под сербскими пулями, и о прочих ужасах войны, которые происходили у него на глазах. Генерал Морийон предложил мне лично проверить, что действительно происходит в деревне, и мы двинулись в сторону Коньевич-Поля на двух французских бронетранспортерах. Дорога оказалась и длинной, и опасной, так как в некоторых местах на нашем пути были минные поля, которые приходилось объезжать. Боснийцами были также устроены завалы из деревьев и камней, и нам пришлось дожидаться, пока их разберут. Возле одного из завалов я зашел в вагончик с печкой, где отогревались продрогшие боснийские солдаты, разбиравшие завал. Двое из них как раз оказались там и говорили между собой о чем-то, но одну часть их разговора я понял прекрасно. Один из них спросил, правда ли, что на сербской стороне здесь воюют несколько русских добровольцев, и второй ответил, что вроде так оно и есть. Тогда первый сообщил, что лично снял бы кожу с русского, если бы он попался ему в руки. Можете представить себе мои ощущения после таких откровений. Разумеется, говорил я там не на русском, а только на английском, и не было необходимости представляться, но все же приятно услышать такое было мало.

Наконец рано утром, после целой ночи движения по заснеженным дорогам, мы оказались на окраине Коньевич-Поля, где встретили группу небритых пожилых сербских солдат явно из местных простых крестьян, которые меньше всего ожидали увидеть здесь иностранцев. Русский язык достаточно близок к сербско-хорватскому, так что я смог объяснить сербам, кто мы такие и что мы хотели бы встретиться с их начальством. Сербы связались с кем-то из руководства, но ответ для нас был — ждите там, где вы находитесь. Через пятнадцать минут появляются трое прекрасно одетых и накачанных ребят явно из спецназа и сообщают нам, что нам нечего делать здесь, так как боевые действия еще не закончены и нас могут подстрелить мусульманские снайперы. Морийон сразу стал терять интерес к происходящему и предложил возвращаться восвояси, а это означало бы не что иное, как подтверждение сообщений боснийского радиолюбителя об огромных жертвах среди гражданского населения. Помощь пришла неожиданно в лице появившегося молодого и хорошо экипированного солдата с радиотелефоном. С энтузиазмом иностранца, знающего только азы языка, я всеми возможными путями постарался донести до серба, что отказ пропустить нас в село фактически означает подтверждение обвинений мусульман в их, сербов, адрес. Тогда еще я не был способен донести до кого угодно в этой стране почти любую мысль, это пришло позже. Но в тот момент я особенно обрадовался, когда понял, что до серба моя мысль все-таки дошла. Тот начал действовать. Отойдя в сторонку, он затеял с кем-то невидимым эмоциональный разговор по радиотелефону, продолжавшийся не менее пяти минут. Результатом разговора явилось

полученное нами разрешение войти в село, где нас ожидал командир отряда сербов. Через несколько минут мы уже въезжали в Коньевич-Поле на наших БТРах, а чуть позже Морийон и я вместе с сопровождавшими нас сербами двинулись вдоль по улице, заходя во все дома в поисках трупов мирных жителей, которые должны были лежать вокруг. Трупов ни на улицах, ни в домах, однако, не было. Конечно, мы прошли с Морийоном не по всему селу и заглянули не во все дома, но в половину их мы все же зашли.

Когда наши бронетранспортеры вернулись в Тузлу, то есть на боснийскую территорию, нас поджидало не менее двадцати иностранных репортеров, ожидавших от Морийона леденящих кровь рассказов о горах трупов на улицах Коньевич-Поля, о чем эмоционально повествовал боснийский радиолюбитель. Но Морийон разочаровал журналистов сразу же, заявив, что жертв гражданского населения он вовсе не обнаружил. Больше того, прекрасным хриплым голосом с очень сильным французским акцентом, от которого замирали сердца женской части группы журналистов, он даже немного патетически стал утверждать, что крови там не было вовсе, а он-де прекрасно знает ее запах. Это его высказывание вызвало резко отрицательную реакцию журналистов, они не забыли его до самого конца пребывания француза в Боснии.

Теперь о радиолюбителях, трюк с которыми повторялся в нескольких ситуациях подобного рода в дальнейшем. Кто-то из боснийцев, переметнувшись позже к сербам, пролил свет на работу «радиолюбителей». Он рассказал, что передачи подобного рода велись как радиоинсценировки из какого-то специально подобранного места, где были организованы и выстрелы, и взрывы, и рев моторов танков, если он требовался. Даже крики жертв были вполне натуральные. Так что называемый радиолюбитель, должно быть, был истинным артистом, воспитанным по школе Станиславского.

КОАЛИЦИЯ ИЗ-ПОД ПАЛКИ

Вообще, надо сказать, с течением времени и в условиях все более явной линии международного сообщества на поддержку боснийцев их давление на ООН становилось заметно агрессивней. В самом начале нашей миссии правительство Боснии нуждалось в каждодневной поддержке со стороны ООН как более слабая в военном отношении сторона. Само физическое выживание страны напрямую зависело от нас. Однако к середине 1993 года стало понятно, что сильные покровители боснийцев не дадут сербам возможности победить. В результате прямых поставок вооружения в страну со стороны западных держав и ряда ведущих мусульманских стран, а также расширяющегося использования военных инструкторов этих стран баланс сил постепенно уравнивался, а позднее начал склоняться в пользу мусульман. Было очень важно также, что искусственная коалиция между мусульманами и хорватами, созданная в результате сильнейшего давления, прежде всего, на хорватов со стороны Запада, наконец к концу 1993 года обрела некоторые осязаемые очертания. До этого времени, по правде говоря, существовали вполне реальные шансы на союз скорее между сербами и хорватами на основе расчленения и раздела мусульманской части Боснии. Именно эта возможность

всегда представлялась настоящим кошмаром для правительства в Сараеве и для западных стран, сделавших все, чтобы избежать такого развития событий.

Коалиция между мусульманами и хорватами была создана Западом на бумаге на самом начальном этапе конфликта, несмотря даже на активные боевые действия, которые велись между ними на всех направлениях. Хочу напомнить читателю, что наиболее зверские методы ведения войны имели место именно в конфронтации между ними. Достаточно вспомнить страшную трагедию, случившуюся в мусульманской деревне Акимичи в центральной Боснии, когда вся семья, включая женщин и детей, была сожжена хорватами с помощью огнеметов. Я был в этой деревне на второй день после этого и видел своими глазами несколько мумий, которые остались в одном из домов. В этом районе страны столкновения между хорватами и мусульманами были особенно ожесточенными. Я неоднократно председательствовал на встречах политических лидеров и командиров воинских подразделений сторон, организованных там для прекращения военных действий командованием британского батальона в Витезе и Горном Вакуфе. Хорватскую сторону представляли на них один из самых ярых противников мусульман Дарио Кордич и генерал Бласкич, ныне осужденные Гаагским военным трибуналом. После многих трудных дней переговоров на какой-то период устанавливалось зыбкое перемирие, время от времени нарушавшееся обеими сторонами. И так было практически до самого конца войны, несмотря на широко разрекламированные союзнические отношения, всеми силами подчеркиваемые высшим политическим руководством обеих сторон. В Сараеве и на любых международных встречах хорваты выступали вместе с мусульманами, а в реальности все время тлела ненависть, время от времени прорывавшаяся наружу.

Еще одним центром ожесточенной конфронтации между «союзниками» всегда был главный город Герцеговины Мостар, где проживает большинство боснийских хорватов, известных махровым национализмом. Президент Хорватии тех лет Туджман происходил как раз из этих хорватов. Противостояние в этом районе долго носило особенно принципиальный характер, несмотря на непрекращавшиеся попытки и ООН, и представителей Европейской экономической комиссии, как предшественника Евросоюза, посадить стороны за стол переговоров. Не помогло даже привлечение в регион немецких интересов, так почитаемых в этой части бывшей Югославии, через назначение немецкого бургомистра Бремена Кошника мэром Мостара в 1994 году. Он в дальнейшем едва не стал жертвой покушения в том же году от рук хорватских экстремистов, пытавшихся разделаться с немцем за поддержку мусульман.

ООН НЕ ВСЕГДА НУЖНА НА БАЛКАНАХ

Очень любопытно было наблюдать за методами оказания давления боснийским руководством на международное сообщество для достижения своих целей. Любое заявление, которое можно было бы даже отдаленно толковать как идущее против их линии, вызывало немедленную и весьма резкую реакцию Сараева. Так, когда только что ставший Генеральным Секретарем ООН Бутрос Бутрос-Гали

во время визита в Сараево в январе 1993 года сказал на пресс-конференции правду о том, что гуманитарная ситуация в городе лишь немногим хуже, чем в целом ряде африканских государств, реакция последовала незамедлительно. Премьер-министр Силайджич резко обрушился на это заявление главы ООН.

С серьезными проблемами столкнулся Специальный Представитель Генсека ООН японец Ясуши Акаши после того, как он сделал, по мнению Сараева, неоправданную уступку сербам, разрешив им весной 1994 года исключить один из танков из графика вывода тяжелого вооружения по личной просьбе Караджича. Боснийское руководство отказывалось в течение более трех месяцев от всяких контактов с Акаши, поставив его, да и всю нашу миссию, в весьма неудобное положение. Должен сказать, Акаши справился с давлением боснийцев и вышел из неприятного положения вполне достойно, не зря мы называли нашего шефа за глаза самураем. Вспоминается один любопытный эпизод, показывающий его самурайский дух. Однажды Акаши вызвал к себе двух ближайших своих сотрудников — Серджио Виера де Мелло и меня — на конфиденциальный разговор. Он сказал, что ему нужен совет, как быть дальше с его бойкотом со стороны боснийцев, и предложил нам выбрать из трех вариантов направления его дальнейших действий. Варианты были следующие:

- официально принести извинения и пообещать, что в дальнейшем подобных случаев не будет;
- попросить о встрече и намекнуть, что он осознает ошибку, но при этом не извиняться;
- игнорировать бойкот и продолжать работать, как будто ничего не случилось.

Акаши просил нас хорошо подумать и вернуться в его кабинет через полчаса с нашим мнением. Мы так и сделали и в назначенное время сидели у него. Серджио выбрал второй вариант, я — безоговорочно третий.

Акаши не отвернул от собственной линии поведения с боснийским руководством, несмотря на самое прямое давление, и Сараево было вынуждено восстановить отношения с японцем через несколько месяцев без каких бы то ни было заявлений. Вообще он вел себя все время очень независимо и достойно, как и следовало вести себя настоящему представителю ООН. Ему удавалось сдерживать даже не в меру ретивых генералов, то и дело пытавшихся доказать свою твердость единственным известным им способом — бомбардировками сербов. В этом отношении нам всем, правда, повезло, когда главнокомандующий войск в бывшей Югославии французский генерал Кот был заменен на другого — француза генерала Де Лапреля, который был прямой противоположностью его предшественника. Новый командующий был под стать Акаши — разумен, выдержан, готов к поискам компромиссов, что особенно важно на Балканах. Заслуженной наградой для Де Лапреля явилось назначение его военным советником Генерального Секретаря ООН после окончания его службы в Боснии.

Мои отношения с Акаши были всегда хорошими. Я знал его задолго до встречи в Боснии, а наша совместная работа еще более сблизила нас позднее. Для меня Акаши всегда был примером идеального сотрудника ООН, прошедшего от чиновника среднего уровня до Заместителя Генерального Секретаря ООН. Начинал он карьеру в Секретариате ООН в так называемом советском департаменте — Департаменте по

политическим вопросам и делам Совета Безопасности, в котором позднее работал и я. Затем Акаши стал главой Департамента по разоружению, а потом Департамента общественной информации. Он был назначен Специальным Представителем в бывшей Югославии в конце 1993 года и пробыл на этом посту два года. Перед вступлением в должность Акаши совершил ознакомительную поездку на Балканы, что дало ему возможность приступить к своим обязанностям с некоторым багажом необходимых знаний. Так, он настоял на выделении денег для создания в его штабе аналитического отдела, в который входили специалисты по региону, способные давать ему квалифицированные советы. В отдел вошли три профессионала — американка, итальянец и замечательный российский специалист по Балканам Е. Ю. Гуськова, написавшая очень правдивую книгу об этой войне. Собственно, единственную, пожалуй, правдивую книгу из тех, что я читал о ней.

Второе условие Акаши, о котором я по крайней мере знаю, касалось меня. Дело в том, что к концу 1993 года я находился в бывшей Югославии уже около двух лет и был самым долгослужащим сотрудником ООН в этом регионе. В ООН так не принято, ротация справедливо считается важнейшим правилом в кадровом кодексе сотрудника Секретариата. В штаб-квартире в Нью-Йорке, откуда я выехал в Югославию, должности у меня не было, так как на момент выезда я был на временном посту. Найти же для меня пост уровня Д-1 было задачей просто нереальной в условиях общего сокращения персонала в результате сильнеешего давления со стороны США. У меня лично нет и не было сомнений в том, что американцы во многом правы в этом отношении — ООН действительно разбухла, обзавелась балластом, избавиться от которого было чрезвычайно трудно, особенно если балласт этот — выходец из Африки, или, не дай бог, женщина. Здесь увольнение даже самого ленивого или проштрафившегося сотрудника было практически невозможно. В этих условиях единственным выходом из положения для меня, если я хочу остаться в системе ООН, было найти какую-то должность в одной из операций по поддержанию мира. Это тоже задача не из простых — необходимо везение, то есть наличие нужного поста в данный конкретный момент, а также готовность твоего будущего руководства взять именно тебя. А это уже совсем трудно. Однако в моем случае к концу 1993 года все сложилось как нельзя лучше. Освобождалась должность политического советника на моем уровне в операции по поддержанию мира ООН на Ближнем Востоке, и срочно нужна была подходящая кандидатура. Такая должность была бы просто мечтой для меня: кто бы из дипломатов не хотел попробовать себя в самом, пожалуй, сложном конфликте современности. Поэтому я даже не думал, соглашаться или нет, когда мне однажды позвонил заведующий отделом, занимающимся Ближним Востоком, из Департамента по операциям по поддержанию мира Секретариата ООН из Нью-Йорка и предложил мне именно этот пост. Я достаточно хорошо знал этого человека, немца из ФРГ Иохима Хюттера, а он знал меня по моей прежней работе в Нью-Йорке, так что мы говорили напрямую без бюрократических штук. Мне стало ясно после разговора, что мой отъезд на Ближний Восток дело вполне реальное, я — единственный серьезный кандидат, и оставалось только пройти через определенную бумажную процедуру, которая займет не более месяца. Это

вполне меня устраивало, и я начал внутренне готовить себя к новому направлению работы. И вдруг в декабре 1993 года мне позвонил тот же Йохим и с сожалением сообщил, что наша с ним договоренность не работает. Оказывается, Акаши после посещения Боснии и Герцеговины перед его назначением туда Спецпредставителем Генсекретаря ООН поставил условие, что я пробуду на моем посту в Боснии еще по меньшей мере один год. Я конечно же был немало расстроен таким развитием событий, но выбора у меня не было. Хотя хорошая оценка работы всегда приятна.

На протяжении более года, что я провел под началом Акаши в Боснии, у нас сложились самые добрые отношения, какие только можно представить себе между начальником и подчиненным, основанные на взаимном уважении. Даже когда мне сделали в январе 1995 года предложение, от которого просто невозможно было отказаться, а именно перейти в Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в Женеве, Акаши пытался удержать меня на Балканах. Он мог специально под меня создать пост Д-2 в собственной канцелярии в Загребе с функциями его заместителя. Повышение в должности всегда приятно, особенно на таком уровне, но в данном случае отказаться от Женевы и очень интересного и нового для меня направления работы было по меньшей мере неразумно. Тогда я специально приехал в Загреб и лично сообщил Акаши причины моего отказа от его предложения. Он понял меня, и мы сохранили с ним дружеские отношения на многие годы, многократно встречались в Нью-Йорке, Женеве и Москве до самого ухода обоих на пенсию.

Я, со своей стороны, также не мог остаться в стороне от игр боснийского руководства по дискредитации ООН, особенно на позднем этапе нашей миссии, и полностью испытал на себе их давление. Начиная со второй половины 1994 года это давление стало обретать даже слишком конкретные формы. Так, в местной прессе и на радио стали появляться первые признаки недовольства. В одном из интервью по радио Сараево вопросы корреспондента носили явно провокационный характер, и мне стоило немалых трудов не попасться в расставленные ловушки. Потом появилась статья в одном из махровых националистических изданий, где давалась сравнительная характеристика всех высших чиновников ООН, связанных с операцией в Боснии и Герцеговине. Материал этот включал грубые измышления о главе миссии Ясуши Акаши, главе гражданской службы ООН в бывшей Югославии Серджио Виера де Мелло, командующем войсками ООН в Боснии Майкле Роузе и, обо мне как главе гражданской службы ООН в Боснии. При этом если по Серджио и Майклу статья прошла довольно легко, то нам с Акаши досталось очень прилично. Меня прямо и голословно назвали сербским шпионом, приведя в доказательство мою близость к сербам как русского и постоянные с ними контакты. Из конкретики приведен был лишь один как раз очень неудачный факт о том, что я однажды кричал в телефонную трубку на кого-то из сербского руководства, требуя остановить наступавшие на один из мусульманских анклавов сербские танки. Обвинения корреспондента сводились к тому, что не останови я тогда эти танки, по ним следовало бы ударить, а я спас их от этой участи. Такой факт действительно имел место, у боснийцев была пленка с этим разговором, так что мои слова действительно были реальными.

Еще позже давление на меня стало приобретать совсем неприличные формы. В определенной степени это было понятно, так как в отличие от всех остальных в Боснии я находился там с самого начала миссии и знал о всех деталях конфликта из личного опыта. Если остальным боснийцы могли представлять войну в удобном для них свете, то со мной такие фокусы не проходили. Этот факт начал раздражать руководство боснийцев не на шутку, и мое присутствие в Сараеве становилось для них все менее желательным. В один прекрасный день на официальной встрече с Акаши в Сараеве министр внутренних дел, обычно не присутствовавший на таких мероприятиях, вдруг заявил, что я, по данным его министерства, являюсь шпионом сербов. Акаши сразу после встречи сказал мне, улыбаясь, мол, и до тебя добрались. Еще через некоторое время мой друг министр по связи с ООН Хасан Муратович завел разговор о том, как высоко боснийское руководство оценивает то, что я сделал для города и для всей страны и что оно якобы рассматривает вопрос о присвоении мне почетного гражданства Боснии и Герцеговины. Однако, видите ли, министр внутренних дел настроен резко против меня и он, Муратович, очень опасается за мою безопасность, так как тот представляет националистическое крыло в правительстве и связан с самыми опасными элементами в стране. Муратович, разумеется, не верит этим разговорам, но он, как мой друг, рекомендовал бы мне подумать, куда я мог бы отправиться из Сараева, если дело пойдет слишком далеко. Еще через неделю-другую тот же Муратович сообщил мне, что, по его данным, мне не следует оставаться в Сараеве позднее октября месяца, так как на меня готовится покушение.

Покинул Боснию я без сожалений, однако. Все время там было чрезвычайно интересным для меня. Мне сильно повезло. Не каждому выпадает в жизни шанс оказаться на самом остром чрезвычайной ситуации мирового масштаба и иметь возможность оказывать влияние, пусть даже в небольшой степени, на эти события. Само понятие Контактная Группа появилось, между прочим, в одном из моих конфиденциальных докладов Генеральному Секретарю ООН в качестве предложения. Конечно, мои предложения несколько отличались от тех, что в конце концов стали рамками деятельности и мандатом Контактной Группы, оказавшей большое влияние на окончательное решение вопроса. В моих предложениях Контактная Группа должна была действовать от имени двух президентов — США и России, которые были бы гарантами справедливого урегулирования. Не забывайте, что это ведь было в 1993 году, и Россия могла считаться по инерции одной из великих держав. Все остальное в моих предложениях было очень похоже на реальный мандат группы.

В день моего отъезда из Сараева я был в последний раз в аэропорту, так знакомом по многочисленным встречам и заседаниям. Сколько часов я провел там, не поддается подсчету. Проводы были обставлены моими военными друзьями очень мило и даже трогательно. Началось все в кабинете нового командующего войсками ООН в Боснии, англичанина, заменившего Майкла Роуза неделю назад, бокалом шампанского. И прощальными подарками. До сих пор с благодарностью смотрю иногда на теплую надпись на старой книге о Сараеве, изданной еще до выстрела Гаврилы Принципа, подаренной мне по случаю отъезда командующим войсками ООН генералом Де Лапрелем. В аэро-

порту собрался весь начальствующий состав миссии, и, как обычно в таких случаях, с двух сторон провожавшей до трапа самолета группы медленно двигались две пожарные машины, как бы прикрывавшие отъезжавших от пуль снайпера. И все это под не умолкавшие ни на секунду прощальные гудки всех собравшихся по этому случаю машин. Надо сказать, эта сцена прощания всегда сильно действует на отъезжающих, я даже помню слезы на глазах Майкла Роуза неделей раньше. Ком в горле стоял и у меня, честно говоря.

Позднее в Сараево наехало множество самого разного большого начальства, и делами, которые делал я когда-то в основном один с небольшой группой подчиненных, потом занимались многие известные люди. Назову хотя бы Карла Бильда, бывшего премьер-министра Швеции. Меня неоднократно звали в Сараево. Последний раз это делал один из Специальных Представителей Генерального Секретаря ООН в Боснии и Герцеговине, американец, фамилии которого я не помню сейчас. Он слышал обо мне там и даже читал, как он сказал мне, некоторые из моих сообщений того времени в архиве ООН. Я, однако, отказался от поездки: слишком много случалось со мной в Сараеве за это время, и я не хотел подвергать риску те мои ощущения и воспоминания после того, как я увижу город таким, какой он есть сейчас.

Может, еще настанет время и я все-таки съезжу туда когда-нибудь?

М Е Н Я М У Ч И Л И С О М Н Е Н И Я

28 августа 1995 г. в Сараеве на рынке Маркале произошел взрыв, в результате которого погибли 37 и были ранены более 80 человек. Руководство СООНО начало стандартное расследование. Уже через два часа после взрыва руководитель пресс-службы генерала Руперта Смита еще до объявления официальных результатов расследования собрал экстренный брифинг для журналистов, на котором недвусмысленно заявил о минометном огне с Яхорины, т.е. с сербской стороны, обвинив тем самым в преступлении сербов. Такая заведомо необъективная позиция возмутила начальника штаба, заместителя командующего международным миротворческим контингентом сектора «Сараево» СООНО, российского офицера, полковника А.В. Демуренко, принявшего решение начать независимое расследование обстоятельств обстрела, хотя военная субординация ему этого не позволяла делать. Полковник А.В. Демуренко вспоминает...

В принципе я знал о том, что уже было два взрыва в центре Сараева. Первый знаменитый взрыв — в хлебной очереди, в 1992 году, когда снарядом, якобы пущенным с сербской позиции, были убиты и ранены десятки человек. Второй произошел прямо внутри маленького рыночка Маркале в старой

Демуренко А.В. — полковник российской армии, начальник штаба, заместитель командующего международным миротворческим контингентом сектора «Сараево» СООНО.

части города. Число пострадавших при этом взрыве (88 убитых и более 200 раненых) трудно воспринимается военным человеком. Вообще в природе не существует такого боеприпаса, я имею в виду 120-миллиметровые снаряды, который бы мог поразить столько человек. Этот какой-то уникальный...

Когда я, будучи начальником штаба, получил информацию о том, что начался очередной обстрел, что после взрыва на рынке наблюдались особенно большие потери среди мирного населения, то я, естественно, сразу же туда выехал. Застал такую ситуацию: все оцеплено, кровь на улице, внутри квартала крики, людей эвакуируют в близлежащие госпитали. Все было оцеплено, когда прошла команда на уровне генерала Смита провести расследование независимыми экспертами, а сектор Сараево не привлекать. Поэтому весь квартал был оцеплен флажками, и начинали смотреть след от мин. Я тогда подумал о том, как странно, что одна и та же ситуация повторяется в одном и том же месте. Взрывается одинаковый боеприпас, одно и то же огромное количество жертв. Ну, просто сомневался, думая, что мне предпринять, чтобы помочь расследованию. По первому докладу было 30 убитых и 60 раненых, к вечеру эти цифры выросли до 39 и 88, а через несколько дней — до 50 и 120. В полученном докладе меня насторожило, что из прилетевших, якобы со стороны сербов, шести мин только одна нанесла наибольший ущерб и убила десятки людей, а на счету остальных пяти мин — только шестеро раненых. Так не бывает. Я, как военный, понимал, что из гладкоствольного орудия на расстоянии более трех с половиной километров каждый год трудно попадать в одно и то же место. Так не бывает, чтобы мина пролетала с точностью до нескольких метров в одно и то же место и поражала каждый раз буквально две-три сотни людей. С таким же успехом, например, можно думать о том, что метеорит, падающий из космоса, бьет все время по крыше или по голове одного и того же человека. Ну, представить, конечно, это можно, но так никогда не бывает. Кроме того, никто из наблюдателей не слышал звука пуска и свиста летящего снаряда.

Одного взгляда на место происшествия, на флажки баллистов вокруг места падения лишь одного снаряда было достаточно, чтобы быть уверенным в своих первоначальных выводах. Это была обычная мина направленного действия. Шарик, заложенный внутрь, имеет огромную поражающую силу, крушат все на своем пути. Его можно убить и сто, и двести человек. А имитация кратера делается легко.... Я увидел так называемый кратер в асфальте от падения снаряда, зафиксировал ширину улицы — 5,8 м и высоту здания — 15 м, которое не задел снаряд. Так легко определился угол падения снаряда, совпадавший с утверждением официального расследования, что снаряд прилетел под углом 72 градуса. Зная угол прилета, направление полета и зная эти 120-мм минометы, их особенности (могут менять угол стрельбы за счет поворота ствола, а дальность обеспечивают за счет добавления пороховых мешочков, и эта система имеет только шесть стандартных зарядов), чисто теоретически легко было развенчать стандартное расследование.

Когда я вернулся в штаб, то услышал, что спюксмен, замечу — военный спюксмен, подполковник, англичанин, на быстро собранной пресс-конференции в штабе голубых касок еще до получения результатов расследования (на такое расследова-

ние нужны минимум двое суток) объявил, что вся вина ложится на сербов, которые обстреляли из минометов город... Самое смешное, что официальных расследований было два: спонсор сначала для СМИ выдал одну цифру и показал огневую позицию, а на пресс-конференции по результатам расследования называл совсем другие данные. Это говорит о том, что они не знали, что произошло.

Тут терпение, что называется, иссякло. Правда, я не могу сказать, что я тут же принял решение расследовать сам. Меня мучили сомнения. Во-первых, мои самостоятельные действия воспримут как «контррасследование», направленное на подрыв авторитета миротворцев. Система субординации в армии и, в частности, в миротворческом контингенте ООН не позволяет предпринимать самостоятельные действия. Военному человеку не положено влезать в те сферы, на которые он не уполномочен. Я думал о том, что мне вряд ли разрешат продолжить службу, не говоря о том, что могли просто «убрать». Во-вторых, как россиянина, меня могли обвинить в сопричастности к сербским интересам. А я в течение моей деятельности все время стремился уйти от этого, стремился остаться беспристрастным. Более того, раз уж я, россиянин, волею судьбы попал на Балканы, то мне постоянно хотелось подчеркивать свою роль миротворца для мусульман, поскольку в принципе для меня на тот момент не было большой разницы, какой люди религии, если они страдают. Были еще две причины для моих сомнений. Одна из них касалась того, что мне надо было предпринимать расследование инкогнито, поскольку никто бы мне не дал добро на это. А тем самым я бы подвел своих командиров, в частности генерала Башле, к которому испытывал и испытываю до сих пор огромное уважение. Ну и, наконец, я ясно понимал, что мне вряд ли удастся продолжить свою службу. Ведь любые независимые действия, особенно на таком уровне, влекут за собой моментальную депортацию — с хрустом, с треском. Практически могла повториться ситуация, как с генералом Перелякиным, которому за неделю до окончания ротационного периода — это скандал! — высказали недоверие, и он вынужден был уехать раньше. Это был, в общем-то, плевок в лицо россиянам, российской власти, российским миротворцам, российским военным. В итоге я сам шел на повторение такой же ситуации.

Но на другой чаше весов лежала простая вещь. В душе я был уверен, и потом эта уверенность оправдалась, что речь идет о манипуляциях. Это была моя главная мысль. Я решил действовать.

Прежде всего, договорился с сербской стороной о том, что они дадут возможность обследовать те места, которые меня интересовали. Это раз. Я собрал максимально быстро все материалы предварительного расследования, которое провели официальные эксперты ВНС: первый экземпляр расследования боснийской полиции, не предубежденной относительно угла трассы снаряда, доклад голландского эксперта, тоже достаточно непредубежденного относительно направления, выпущенной мины, а также обычную, стандартную сербскую таблицу стрельб из оружия той системы, из которого якобы стреляли. Это два. И третье: я пошел к генералу Башле и, чтобы его не подставить, заранее ему сказал, что предприму собственные усилия по расследованию этого дела. Подозреваю, что он не понял, что

я имею в виду под словами «собственные усилия». Он, наверное, думал, что я буду действовать в рамках своих обязанностей как начальника штаба, приду к определенным выводам, а затем передам их по цепочке командования — то есть через генерала Башле генералу Смиту. Он мне ответил: «Хорошо, предпринимайте усилия, поскольку вы — начальник штаба и наши войска задействованы». То есть я пытался как-то смягчить тот удар, который неминуемо должен последовать со стороны официальных властей ООН.

Была еще одна важная деталь: сербы на уровне оперативного командования сказали, что они меня поддержат. В принципе поддержка заключалась в двух вещах. Первое: они бы помогли мне, я надеялся, эвакуироваться. И второе: наверное, они бы меня прикрыли, если бы на меня началась прямая охота со стороны боснийских мусульман.

Ну, в общем, все это взвесив и про себя попрощавшись со службой и, более того, с семьей, я приступил к задуманному. Никого не обвиняя, ни в коем случае не пытаюсь выстраивать какие-то версии, я просто стремился развенчать те лживые слухи, которые касаются только минометного обстрела рынка сербской стороной. Не более того. Я хотел как бы проверить ту официальную линию расследования, которая была обнародована. По моим подсчетам на основании стандартной таблицы стрельбы из этой системы оружия, четыре снаряда могли быть выпущены с сербской территории, а два — с мусульманской. Но поскольку обвинялись сербы, я тщательно обследовал сербскую территорию, сказав, что пусть мусульмане сами разбираются. А четыре «официальные» сербские позиции я поехал осматривать с проводниками. Проводники нужны были для того, чтобы показать мне минные поля. С нами был и фотограф. Я останавливался на тех точках, на которых должны были быть, согласно официальному расследованию, огневые позиции минометов, и, фотографируясь на этих точках, показывал с зазором вправо-влево, что здесь минометы (или миномет) не стояли и не могли стоять. Ну, по разным причинам: или это была девственная поляна, как в одном месте, или это лес, где нельзя поставить миномет, нельзя вести разведку наблюдением и корректировку огня, или это скалистый склон, на который миномет просто физически нельзя поставить. Все эти факты я зафиксировал, пройдя по тропинке среди минных полей, слава богу не подорвавшись, хотя два раза мы висели буквально на волоске.

В итоге фактами, документами, фотографиями я опроверг то, что утверждало официальное расследование, доказав, что ни на той огневой позиции, ни на других огневых позициях этого быть не могло. А вот что могло быть, я не говорил специально. Второго сентября со всеми этими материалами я пришел к генералу Башле и предложил ему обнародовать результаты, но это осталось без внимания. Тогда я пошел на то, чтобы нарушить основной военный принцип единоначалия. Я вынужден был согласиться на то, чтобы сделать заявление. Я дал развернутое интервью со схемой, слайдами и доказательствами американскому информационному агентству «Ассошиэйтед пресс», я хочу подчеркнуть — американскому — для того, чтобы обеспечить объективность. Я давал интервью 10 минут. Я разжевал на английском языке и в рот положил информацию, которая становилась ясной любому дилетанту:

во-первых, мины прилетели не с тех точек, которые указаны в расследовании, во-вторых, три раза повторялся один и тот же провокационный замысел каких-то сил, которые не хотели мира в Боснии, и эти люди были настолько негибкими, настолько неумными, настолько рассчитывающими на идиотизм общества и экспертов, что каждый раз применяли одну и ту же схему. Теперь я надеялся, что одним из положительных результатов моего расследования станет прекращение обстрелов этого места по одному сценарию. На следующий день 110 мировых агентств передали эту информацию в газетах и на телевидении.

После появления данных моего расследования в средствах массовой информации командование UNPROFOR приняло решение в 24 часа депортировать меня из Сараева. Генерал Руперт Смит ударил кулаком по столу: «Выгнать!», хотя за две недели до этого выдал мне блестящую характеристику. К сожалению, пострадал генерал Башле: ему вlepили дисциплинарное взыскание за то, что у него оказался такой недисциплинированный подчиненный. Однако вскоре решение о моем отчислении было отменено, и все сделали вид, что это мое частное дело. Мусульманское правительство достойно вышло из сложившейся ситуации и не предъявило мне никаких претензий. На бытовом уровне было иначе — мне были звонки, и снайперы раза два били по мне, по машине, один раз по телефону сказали: ты умрешь. Для мусульман, наверное, это было естественно, поскольку они поняли мой комментарий как направленный против них. Потом, правда, эта волна немножко утихла. Звонил мне и американский посол и запретил въезд в США. Но интересно, что никакой реакции не было с российской стороны. Официальная российская дипломатия встретила мое заявление молчанием. Мне не совсем понятно было — ведь я выступил в интересах государства, а реакции никакой, даже посол в Хорватии не позвонил.

Следует подчеркнуть, что в голубых касках это была первая попытка восстановить истину и попытаться объективно разобраться в сложной ситуации. Но был еще один важный момент — впервые за все время войны и присутствия миротворцев на территории бывшей Югославии сербы услышали с экранов телевизоров что-то сказанное не против них.

Б. К. РАКИТИН

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧУЖОЙ ВОЙНЕ

*Моим друзьям,
с кем свела судьба на Балканах,
посвящаю.*

Эти записки не претендуют на полноту освещения событий в бывшей Югославии. Возможно, кому-то они покажутся не совсем политкорректными, односторонними. Неумолимое время стирает остроту восприятия, детали событий. Но я постарался рассказать то, что я видел, что чувствовал во время своих двух командировок в миссиях ООН в Республике Сербской Краине и Сараеве.

В начале апреля 1992 года меня срочно вызвали в кадры УВД Саратовской области. Зам. начальника ОК вручил мне командировочное предписание и сказал, что завтра в 9 утра я должен быть в 503-й комнате Главного управления кадров МВД России. На мой удивленный вопрос, зачем это я потребовался ГУКу, он ответил, что ничего не знает, что они получили из Москвы телеграмму, в которой требовали отобрать офицеров, владеющих английским языком, и откомандировать их в распоряжение Главного управления кадров.

На следующий день в 9 часов 30 мин. я постучал в дверь № 503 на пятом этаже здания МВД на Огарева. В кабинете сидела молодая женщина — миловидная, с красивыми, чуть навывкате глазами. Я сказал, что прибыл из Саратова по вызову. Эта миловидная

РАКИТИН БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ (САРАТОВ) —
полицейский наблюдатель в миссиях ООН в Республике
Сербской Краине в 1992 г.

дама строго отчитала меня за опоздание, хотя поезд из Саратова прибыл всего полчаса назад. Не слушая никаких объяснений, она строгим голосом приказала мне спускаться вниз и садиться в автобус у главного входа. Куда едем и зачем, сказано не было.

Привезли нас в главное здание МВД на Житной, в Управление международных связей, раздали листы с текстом и сказали: «Переводите». Зачем, почему — непонятно. До службы в МВД я 10 лет работал переводчиком, объездил мир от Японии до США, поэтому спокойно перевел все, что мне дали. Дошла очередь до меня. Я прочитал перевод, началась беседа на английском языке. Руководитель экзамена довольно кивала головой, слушая мои ответы, а в конце спросила: «Как Вы относитесь к своей новой работе?». Я ответил, что не знаю, о чем идет речь. Экзаменатор с удивлением обернулась к женщине из ГУКА и сказала ей по-русски: «Он говорит, что ничего не знает!». «Правильно, я ему ничего не говорила. Он сдал экзамен?» После этого я услышал, что мне предлагают поехать полицейским наблюдателем ООН в бывшую Югославию. Я попросил время подумать. «До завтрашнего утра, и ответ должен быть положительным», — строго сказали мне.

Погоны на плечах обязывают ко многому. Я поехал к начальнику своего главка Юрию Ивановичу Калинину, выходцу из Саратова, человеку редких душевных качеств, и все рассказал ему. «Я все знаю, — сказал он. — Мне уже звонили из кадров, ты должен ехать». Все сомнения отпали разом.

На следующий день началась гонка по всей Москве: сдача экзаменов в ГАИ, медицинская комиссия, получение формы и т.д. Нас было 10 человек со всей России: курсанты Высшей школы МВД, лейтенанты, капитаны, майоры. Что ждет нас впереди, мы даже не представляли, хотя к тому времени две группы наших офицеров уже уехали в миссию.

В Белград мы прилетели в мае. В аэропорту нас встретил представитель штаба, привез в отель «Югославия» и оставил. Разместившись в номерах, мы спустились в ресторан пообедать. Официанты, естественно, говорили только по-сербски, а мы, кроме русского и английского, не знали ничего. В процессе наших жалких попыток заказать себе что-нибудь поесть в ресторан вошел человек в российской полевой форме, увидел нас, все понял и направился к нашему столику. Это был полковник Виталий Иванович Петрунёв, человек-легенда, один из создателей миссии. Он быстро справился с нашими проблемами, и пока мы ждали заказ, Петрунёв начал вводить нас в обстановку. Оказалось, что штаб миссии буквально на днях был переведен в Белград из Сараева. Переезд был вызван сложной обстановкой в Сараеве, и вывод штаба шел под обстрелом мусульман. А может быть и сербов, там было не понять, сказал Петрунёв. Обед прошел в теплой и дружеской обстановке, как всегда бывает, когда за границей встречаются русские, земляки.

Полный смысл рассказа Петрунёва мы поняли на следующий день, когда пришли в штаб сил ООН. Возле штаба стояли машины, изрешеченные пулями, с простреленными дверцами, стеклами. Мы окружили эти экспонаты для военного музея, и только тут до нас дошло, что приехали мы не на прогулку, как думали в Москве. Все было серьезно, война предстала перед нами во всей красе.

Оформление в штабе не было долгим, и мы были готовы следовать к месту назначения в Книн, сектор «Юг». Что за Книн, где это? Приятель-официант из нашего

ресторана в гостинице сказал, что Книн — «не гадно» (хорошо). Но неожиданно возникла серьезная проблема. Дело в том, что Совет Безопасности ООН ввел экономические санкции против Югославии, и в частности запрет на поставки нефтепродуктов. До этого всех военных и полицейских наблюдателей перебрасывали к месту службы на транспортных самолетах Югославской народной армии, но после введения санкций сербы отказались давать самолеты, и добраться в Южный, Северный и Западный сектора стало невозможно. Неделя ушла на то, чтобы штаб согласовал проезд машин по сербской и хорватской территориям. За это время в Белграде скопилось около ста человек, которые должны были ехать к местам службы. Мы использовали это время, чтобы осмотреть Белград, познакомиться с достопримечательностями. Во время одной пешей прогулки по Земуну, пригороду Белграда, мы увидели на старом доме надпись: «Проверено, мин нет. Сержант Степанов». Прошло много лет, но память о боевом братстве хранилась бережно. В.И. Петрунёв рассказывал нам, как перед 9 мая в Белград приехала делегация из Киева. В составе этой делегации были два ветерана, которые освобождали Белград. Большие чины уехали по своим делам, а деды, увешанные орденами, сидели в холле гостиницы «Белград» предоставленные сами себе. Виталий Иванович подошел к ним, поздравил с наступающим праздником и предложил проехать по Белграду. Многое напомнило ветеранам о прошедшей войне: улицы, по которым наступали танки, дома, где фашисты держали оборону. На улице князя Михаила присели отдохнуть в кафе. В этом кафе в те далекие годы был узел обороны, и фашисты поливали улицу пулеметным огнем, не давая продвинуться дальше нашим войскам. Один из ветеранов метким выстрелом из танковой пушки подавил пулемет и дал возможность продолжить освобождение Белграда. И вот, сидя в этом же кафе, он рассказывал Петрунёву о том бое. Официант, который обслуживал их столик, спросил у Петрунёва, кто эти заслуженные люди, Виталий Иванович рассказал. Через пятнадцать минут в кафе стали собираться пожилые люди. Оказалось, что официант позвонил в Белградский совет ветеранов и рассказал о необычных посетителях кафе. Встреча боевых друзей продолжалась до утра, в гостиницу их отправляли на такси, а машина осталась на стоянке.

Но вот, наконец, прибыли французские грузовики, мы погрузились в них, и конвой тронулся в путь.

Мы долго ехали по шоссе Белград–Загреб. Дорога великолепная, скорость — километров 80. В нашей армии боковые тенты машин всегда опущены, а здесь тенты были подняты, и ветер довольно ощутимо продувал нас. Как нам объяснили, все должны были видеть, что едут люди, а не какой-то груз. Вокруг расстилались мирные пейзажи, до горизонта рядами стояли виноградники, в поселках вдоль дорог работали кафе, гостиницы, бары. Примерно через час машины свернули со скоростной трассы и поехали проселочными дорогами. Затем колонна встала и долго стояла среди полей кукурузы. Потом вдоль машин пошли сербские военные, нам объявили, чтобы мы убрали все фото- и видеоаппараты. Если будет замечена съемка, военные будут стрелять без предупреждения. Все притихли, осознавая всю серьезность сказанного. Колонна тронулась, и минут через 15 мы увидели на обочине знак: «Вуковар». Дальше пошли сплошные развалины, сгоревшие дома, расстрелянные машины. Ни людей, ни собак,

ни кошек на улицах не было. Если посмотреть хронику Сталинградской битвы, то можно представить, что мы увидели. Настроение стало тяжелым.

В Загребе нас разместили в отеле «Интерконтиненталь», в центре города. Для многих из нас проживание в отеле такого класса было первым в жизни. Старая часть города Загреба имеет оригинальную архитектуру, в которой чувствуется влияние Австрии. Но много в тот раз увидеть нам не удалось: ранним утром следующего дня мы опять заняли места в грузовиках и тронулись дальше.

До Карловаца доехали без проблем, проехали город и мост через небольшую речку. На мосту стояли самосвалы с песком в кузове, кабины изрешечены пулями. За рекой опять начинались развалины, изрытые оспинами от пуль, посты хорватской армии, полиции, посты польского батальона, дальше — позиции сербской армии. Машины встали. На дороге лежали противотанковые мины, в них были ввернуты метровые «антенны», в отдалении, в развалинах дома была видна оборудованная огневая точка, а из амбразуры торчал ствол пулемета. Через какое-то время появились сербские саперы, поколдовали над минами, волоком оттащили часть мин в сторону от проезжей части, и машины медленно двинулись по узкому коридору среди мин. Все сидевшие в грузовиках пристально следили, не заденет ли машина «антенну» мины. Когда мы переехали на сербскую территорию, то невольно вздохнули с облегчением. Остановились на сербском КПП, старший колонны показал документы, и мы тронулись дальше. Вокруг абсолютно все дома лежали грудями кирпичей, в некоторых уцелели первые этажи, и в них обосновались солдаты; по всему было видно, что бои здесь шли тяжелые и упорные. Метров через 300–400 от КПП, за поворотом дороги увидели родной Т-34. Пушка танка решительно смотрела на дорогу, а что скрывалось за уцелевшими домами — можно было только догадываться.

Километров через 6 часть машин ушла влево, это были будущие сотрудники полиции сектора «Север», а мы покатали дальше на юг, в сторону Книна. Спасибо старшему колонны за то, что остановил машины в Плитвице, национальном парке. Такой красоты мне раньше видеть не доводилось: кругом горы, покрытые лесом, а в них 18 озер с голубой водой. Между собой озера соединены водопадами, из последнего озера вытекает бурная река, с водопадами и порогами. При этом лес был нашпигован минами, противотанковыми и противопехотными; ходить туда было строго запрещено. Позднее мы прошли специальный инструктаж по минной опасности. Французский сапер капитан де Меританс показал нам различные типы мин, способы их установки и признаки, указывающие на присутствие мин. Всего, как сказал де Меританс, в районах боевых действий было установлено 1 миллион 200 тысяч (!) мин.

С минами и их действием мы столкнулись в момент нашего приезда в Книн. В штабе полиции все бежали, суетились: экипаж патрульной машины Сивпола (гражданской полиции ООН) налетел на растяжку, машину всю изрешетили осколками, из 4 человек экипажа трое были ранены, один — тяжело: осколок вошел в шею и застрял в позвонке. Среди раненых был и россиянин из Москвы — Саша Четкерашвили. Осколки заделали колено и оцарапали (!) подбородок. Лежавший на полке в машине блок сигарет превратился в труху. Александра от тяжелых ранений отделяли сантиметры. Саша срочную службу служил в Афганистане, принимал участие в боевых действиях.

В одном из боев рядом разорвалась граната, его друг погиб, на Саше не было ни царапины. Вот уж действительно — кому что на роду написано. За две миссии у меня выработался рефлекс езды по прифронтовым дорогам: скорость не меньше 120, держаться осевой, не заезжать в лужи и на траву: там могут быть мины. Дома отвыкнуть от этого было довольно трудно.

На следующий день нас направили к месту службы, в небольшой поселок Кистаня, недалеко от Книна. К тому времени на полицейской станции были двое ирландцев, двое французов, четверо кенийцев. Станция размещалась на первом этаже трехэтажного жилого дома; хозяин дома был серб, водитель-дальнобойщик. Кистаня была в основном сербским селом. Рядом располагался один из старейших монастырей Югославии, монастырь Святого Архангела Михаила. Монастырь был построен на месте, где, по преданию, Святой Петр крестил римских солдат на пути из Греции в Рим. В катакомбах под монастырем мне показывали надписи на древнееврейском языке, оставленные на стенах первыми христианами.

С этим монастырем у меня сложились дружеские отношения с первых дней пребывания в Кистане. Весть, что в Кистане появились четверо русских, быстро распространилась по всей окрестности. И вот на третий или четвертый день ко мне подошел монах и спросил по-русски: «Вы русский?» «Да», — ответил я. «Настоятель монастыря просил вас приехать к нему». Я взял на станции машину, и мы с Алексеем Шуваевым поехали в монастырь. История монастыря тесно связана с Россией. Захватив эту часть Далмации, турки разрушили здание монастыря, достали из катакомб под ним мощи и сожгли их в церкви. Русская православная церковь помогла восстановить монастырь, передала книги, церковную утварь, иконы. Было необычно видеть вдали от дома иконы письма владимирской школы. Встретили нас как родных людей, вернувшихся домой из дальнего путешествия. В покоях настоятеля был накрыт стол. На столе стояло вино, фрукты. Сначала беседа велась на общие темы: кто, откуда. Минут через 15 в комнату вошел пожилой человек в рясе, как будто сошедший с иконы или картины. Все встали. Это был епископ Далматинский, чьей резиденцией и был монастырь. До войны его резиденция была в Шибенике, но хорваты под страхом смерти выгнали его из города. На хорошем русском языке он обратился к нам с просьбой помочь отправить в Белград группу школьников. Они приехали в монастырь на экскурсию до начала боевых действий и застряли. Дороги перекрыты, через Боснию проехать невозможно, на противоположном берегу реки Крка появляются хорватские солдаты и ведут огонь по монастырю. Что я мог сказать в ответ? Я честно пообещал переговорить с командиром сектора и политическим координатором. В секторе «Юг» координатором был Виктор Александрович Андреев, человек потрясающего кругозора, обаяния и ума. Но это все я узнал и оценил позднее, когда мы сошлись с ним и подружились. Наша первая встреча была не очень ласковой: по наговору одного из русских Виктор Андреев «отодрал» меня и других вновь прибывших ребят за «чрезмерное самомнение и завышенные требования».

Командиром полиции сектора был иорданский чеченец Самир, человек горячий, с обостренным чувством справедливости. Положение у него было не из легких: его окружали норвежцы и датчане, которым не нравился Самир в должности командира. Как я понял, скандинавы считали себя самыми опытными, ветеранами миротворческих

миссий, достойными высших командных должностей. Это, конечно, не афишировали, но давали понять. Я рассказал ему о ситуации в монастыре, передал просьбу о помощи. Самир сказал, что он свяжется с Загребом и попробует решить эту проблему. Наш разговор с ним был коротким, но он запомнил меня. А Виктор Андреев убедил военного командира сектора, кенийского генерала Роба, выставить рядом с монастырем пост из 5 солдат кенийского батальона. Реальной защиты они, конечно, не обеспечивали, но флаг ООН показывали и докладывали о хорватских провокациях.

Я вернулся в монастырь и рассказал обо всем. Настоятель монастыря поблагодарил меня, пригласил за стол, и мы долго разговаривали. Он рассказал, как учился в академии в Сергиевом Посаде, как за пять лет учебы объехал весь Советский Союз, о том, что произошло в Югославии, об ужасах усташских чисток во время Второй мировой войны, рейдах хорватских «эскадронов смерти» в 90–91 годах около Госпича, о нынешнем положении. Борьба сербов в Краине была не только за язык и культуру, но и за жизнь. В этой борьбе церковь была рядом с народом, укрепляла дух, давала силы пережить все тяготы. В Краине не было самых простых вещей: мыла, зубной пасты, продуктов в магазинах (чем нас, русских, удивить было трудно), электричество было нормированным, вода — по графику, полеты в Краину и из Краины осуществлялись только с разрешения сил ООН. Однажды во время артобстрела были тяжело ранены четыре ребенка. В книнской больнице не было кислорода для наркоза. Взрослых оперировали по партизанской методике: стакан ракии (а то и два) для анестезии — и на стол. Но для детей 10–12 лет это непригодно. Разрешения на прилет вертолета из Белграда для эвакуации детей штаб в Загребе не дал, дети умерли. Белградские же школьники вернулись домой только после трюка, как сербы под командованием генерала Ратко Младича с боями проббили коридор на Белград.

Служба у нас шла по графику: патрулирование своего района ответственности, проверки, не притесняются ли хорватские семьи, работа с обратившимися за помощью местными жителями. Однажды мы с французом Жильбером Войчаком патрулировали район. День был дождливый, в горах гремел гром и сверкали молнии. Как только мы поднялись на перевал, раздался оглушительный грохот. Мы с Жильбером решили, что попали на мины или под обстрел. Попытались связаться со станцией, но рация не работала. Только по возвращении домой мы увидели, что в антенну радиостанции попала молния, прожгла крышу и сожгла радиостанцию. В другой раз, опять в дождь, прямо перед моей машиной с горы на дорогу свалился камень. Отвернуть я не успел и со всего маху сел картером на валун, все масло вытекло на землю. Пришлось по радио вызывать буксир. Дороги в Югославии очень непростые.

Коллектив на станции сложился дружный. Мы с москвичом майором Сергеем Гатиловым наладили штабную работу, склеили карты, нанесли маршруты патрулирования, выделили зону ответственности, за что получили похвалу от проверяющих из штаба. Особых проблем не было. Хорватов было мало, большинство уехало до начала боевых действий на хорватскую сторону, а те, кто остался, десятилетиями жили рядом с сербами. Как мне сказал хозяин нашего дома: «Прежде чем покупать дом — посмотри, кто твои соседи (комшии). Сосед иногда ближе и роднее брата». В Далмации во времена Тито процент смешанных браков доходил до тридцати. Поэтому смотрели, что

за человек, а не какой он национальности. Вспоминается один эпизод. Я был дежурным по станции. Приходит пожилой мужчина, просит помощи. Начинаю выяснять, что случилось. «Я хорват», — говорит мужчина. «Ага, — думаю я, — сербы давят». «Жена у меня сербка, — продолжает он, — Дочь вышла замуж за мусульманина. Скажи, кто мои внуки?». Я только развел руками.

Размеренная жизнь кончилась в один момент. Однажды утром мы проснулись от артиллерийской канонады. Быстро одевшись, побежали на станцию. Оказалось, что хорваты начали наступление на Милевацком плато, километрах в шести от нашей станции.

Война, подобная этой, имеет свою специфику. Солдаты, в основном гражданские люди, воюют рядом с домом. В этот раз хорваты попросили отказаться от любых боевых действий на период проведения фестиваля детских театров в Шибенике. Сербы дали слово не воевать и отпустили большую часть солдат с позиций домой на побывку. В окопах осталось всего 30 % солдат. В день открытия фестиваля хорваты начали наступление. Они легко прорвали сербскую оборону и заняли все плато. Погибли 48 солдат-сербов. Сербы из глубины своих позиций артиллерией остановили продвижение хорватов. Штаб прислал приказ следить за перемещением сербской техники. Мы начали патрулировать свой район, отслеживая передвижения танков и артиллерийских орудий. Куда затем попадали эти сведения, не знаю. Но как подсказывает мой опыт, высокая вероятность того, что они попадали и к хорватам. В миссии была удивительная организация: наблюдатели Европейского Союза; в нее входили представители европейских стран, которые должны были следить за ходом выполнения плана Вэнса-Оуэна. Когда я первый раз увидел канадца в белых одеждах, наблюдателя ЕС, то с удивлением спросил его: «При чем здесь Канада и Европейский Союз?». Он смутился и начал путано лепетать что-то о приглашении для Канады. Ирландец Керан О'Халоран, командир нашей станции, сказал мне: «Борис, это офицеры разведки стран НАТО. Они следят за сербами и выполнением плана Вэнса-Оуэна». На самом деле эти наблюдатели занимались сбором разведанных о сербском войске, о внутривойсковых процессах. Позднее об этом мне откровенно рассказал грек, один из этих наблюдателей.

Разные люди были в миссии. Однажды ко мне подбежал американец Джозеф, он был очень взволнован и сразу спросил меня: «Борис, чем мы можем помочь мистеру Ельцину?». У президента России в то время были серьезные проблемы с Верховным Советом. Я опешил: «Кто мы? Ты и я?». «Мы — это Америка», — был ответ. Потом этого американца видели в Боснии в форме майора армии США.

Боевые действия на Милевацком плато вскрыли серьезную проблему. По плану Вэнса-Оуэна, границы секторов были определены не в соответствии с реальным расположением войск. От границ защитных зон ООН до линии разграничения было до 15 км. Чтобы исправить это положение, было решено создать «розовые зоны». Красным цветом на картах обозначалась линия боевого соприкосновения враждующих сторон. А так, вроде бы зона повышенной опасности, но не линия фронта.

В нашем секторе надо было создать несколько новых станций. Неожиданно для меня к нам на станцию приехал заместитель командира полиции сектора — норвежец Палмер. Он посадил меня в машину, и мы поехали в сторону Бенковаца. Минут через

20 свернули в сторону линии фронта, подъехали к штабу сербских войск в Брибуре. Палмер сказал командиру сербской «единицы», что по решению Совета Безопасности ООН будут созданы «розовые зоны», а мы приехали на рекогносцировку, чтобы определить, где можно расположить полицейскую станцию UNPROFOR (Силы ООН по охране). Нам дали провожатого, молодого парня, командира взвода, и он повел нас по селу, показывая пустые дома. В конце одной из улиц он предупредил нас, что хорватские позиции рядом, метрах в 30, и надо быть предельно осторожными: могут обстрелять.

К тому времени я уже достаточно понимал по-сербски. Вообще, поляки, русские, чехи, украинцы быстро осваивали сербский язык и могли общаться с местным населением. Хорваты же на официальном уровне заявляли, что хорватский язык не имеет ничего общего с сербским, и стали в приказном порядке менять слова в языке. Так, раньше в сербско-хорватском языке петух был «певац», а в новом хорватском языке он стал «ютроклик» (призывающий утро), самолет был «авион», а стал «зракоплов» (плывущий по воздуху). Из курса общего языкознания в университете я знал, что общность языка является одним из определяющих признаков народа. Видно, политики в Загребе тоже изучали языкознание и решили разделить народы не только политически, но и в языке. Вспоминается интересный случай из моего пребывания в Сараеве. В миссии я был уже два года и мог свободно общаться с местным населением. Меня остановил сербский часовой на КПП, спросил документы и поинтересовался, куда я еду. Я ответил ему, он удивился моему сербскому языку, спросил, почему я говорю как житель Белграда. Разговор шел минут 15. Возвращая документы, он сказал: «Хорошо говоришь по-сербски!». Через 400 метров меня остановили на боснячком (мусульманском) КПП. Повторились те же вопросы и те же ответы. В конце беседы солдат-мусульманин сказал: «Добро говоришь по-боснячки!». А я-то говорил все на том же сербско-хорватском. И таких «чудес» было много.

Помещения для станции мы не нашли. Дома либо были разбиты, либо не было хозяев. Без заключения договора занимать дома под полицейские станции мы не могли. Вернулись в Кистаню, Палмер уехал дальше в Книн. Тут-то Керан и объяснил мне, зачем приезжал Палмер. Оказывается, он дал мою кандидатуру на должность начальника станции в «розовой зоне». Палмер устраивал смотрины. Через три дня меня вызвали в штаб и назначили начальником станции в Дрнише. От нашего капитана-питерца Сергея Солдатенкова я узнал все хитросплетения моего назначения. Палмер сказал, что кандидат я неплохой, но район сложный, и надо найти кого-нибудь более опытного. Он предложил кандидатуру норвежца. Но командир сектора Самир, что называется, встал на дыбы. Самир спросил мнение обо мне у Солдатенкова, после чего твердо заявил всем, что командиром станции в Дрнише буду я.

Как раз к этому времени из командировки в Сараево вернулся мой земляк и сослуживец Алексей Борисович Шуваев. Командировка у него была тяжелой. По договоренности всех трех сторон в Сараеве открывали аэропорт. Командовал этой тяжелейшей операцией канадский генерал Луис Маккензи, а начальником штаба у него был Виталий Петрунёв. Договоренности договоренностями, а работа шла трудно. Постоянные обстрелы снайперов, минометные обстрелы аэродрома и здания аэропорта. В этих условиях гражданская полиция ООН первой подходила к прилетевшему самолету,

проверяла груз и документы, проверяла прибывших людей. По сути, они были и пограничниками, и таможней. Осколком мины был ранен португальский полицейский Джордже Мешкига, человек удивительной храбрости и чувства долга. Позднее судьба не раз сводила меня с ним в разных секторах. Снайперы из покинутых домов вокруг аэропорта вели огонь по всем, кто двигался по полю. Первый выстрел делали рядом с человеком. Если он падал на землю, то начиналась «игра». Следующая пуля ложилась справа, затем слева, потом спереди и сзади. Не у всех хватало мужества не броситься на землю после первого выстрела, а такая «игра» могла продолжаться часами. Выходить из зданий на улицу без каски и бронежилета было категорически запрещено, за этим строго следили часовые у входных дверей и не выпускали наружу без средств защиты. Однажды пуля попала в бронежилет канадца, тот пошел к Маккензи и предъявил ему бронежилет. Генерал расценил это как прямое нападение и разрешил канадскому снайперу сделать один выстрел. Снайпер этим выстрелом попал в голову своему противнику, после чего обстрелы стали реже. Потом вокруг аэродрома насыпали земляной вал высотой метра 3–4. Тут жизнь стала и совсем хорошей.

Узнав, что меня переводят на новую станцию в «розовую зону», Алексей, не раздумывая, согласился ехать со мной. Провожал нас к месту новой службы тот же Палмер. За Книном нас остановили на сербском КПП и долго не хотели пропускать к Дрнишу. Только узнав, что в машине, кроме «норвегов», — русские, часовой позвонил куда-то, и шлагбаум пошел вверх. На сербских территориях наша национальность была дополнительным пропуском и защитой. В истории Далмации русские оставили значительный след. После первой волны русской эмиграции здесь осело много военных. Они стали инженерами на шахтах по добыче бокситов, учителями в школах, подняли всю инфраструктуру региона. Память о них жива и по сей день.

До войны в Дрнише в основном проживали хорваты, жизнь была ключом. Теперь городок выглядел брошенным. На улицах кучи мусора, грязь. То здесь, то там мелькали одиночные фигуры. Почта и милиция работали. Милиция разместилась в здании гостиницы. Все были на казарменном положении, жили в номерах, питались в ресторане. Как я понял из разговора с начальником милиции Йовой, основной задачей милиции было обеспечение безопасности тыла армии. Главной действующей силой в районе была армия и командир бригады. Ему подчинялись все, он мог своим решением отправить любого человека на шесть месяцев в тюрьму. Наш приезд совсем не обрадовал сербов. Что мы будем делать, какой контроль мы собираемся проводить за действиями милиции, на чьей стороне, в конечном счете, мы будем, им было не ясно. У сербов было ощущение, что весь мир против них. По большому счету так оно и было.

С самого начала конфликта в Югославии сербы проиграли информационную войну, и в глазах мирового сообщества их сделали монстрами-убийцами. Правда о событиях в этой стране никогда не попадала на экраны телевизоров, страницы газет и журналов. Обиднее всего для нас, русских, было то, что такую же позицию занимала Россия. За год пребывания в Краине я только дважды видел российских журналистов: Николая Кривомазова и Майю Скурихину из «Правды» и группу программы «Политбюро» с корреспондентом Михаилом Маркеловым. По моим ощущениям, события в бывшей Югославии очень напоминали то, что происходило дома: парад суверенитетов, отде-

ление бывших республик, напряженные отношения с Украиной, война на Кавказе. Все это должно было привлечь пристальное внимание прессы, желание рассказать и показать, к чему все это может привести. Поэтому в своем интервью для программы «Политбюро» я говорил и об этом. Говорил, что в Хорватии происходит возрождение фашистского духа при поддержке стран Запада. Это интервью показали по Центральному телевидению и дважды по сербскому телевидению, а моя позиция вызвала довольно резкую реакцию нашего посла в Хорватии Леонида Владимировича Керестеджиянца. По его словам, в окружении президента Туджмана было много борцов-антифашистов, и не могло быть и речи о возрождении фашизма. К чести Леонида Владимировича, через некоторое время он сказал мне: «А похоже, ты был прав. Шушака (министр обороны) и Туджмана на стадионе приветствовали по-фашистски». Но это было уже в конце первой миссии.

Для размещения нашей станции сербы выделили два этажа в крыле дома культуры. Помещения были просторные, но завалены книгами, битой мебелью, военным снаряжением. До нас там был штаб батальона, который штурмовал Дрниш. Ко всему прочему, в городе не работали водопровод и канализация. Все было исправно, но насосные станции остались на хорватской стороне и были отключены. Воду привозили из Книна за 30 километров. Для этого использовали пожарные машины и уличные поливалки. Каждое утро эти машины появлялись в городе, и начиналась раздача воды. Не успел — значит, жди до следующего утра.

Палмер обошел помещения вместе с нами, посмотрел на все, пожелал нам всего хорошего, сказал, что ждет меня завтра в штабе, и уехал. Мы с Алексеем стали освобождать две комнаты: одну для работы, вторую для жилья. Первая ночь на новом месте всегда беспокойна — раздавались выстрелы, ездили машины. Спали вполглаза. Утром я приехал в штаб. Вместе с Палмером стали думать, где взять людей для работы на новой станции, рации, машины. По обоюдному согласию решили, что жить все мониторы-полицейские будут в Книне, пока не наладится инфраструктура в Дрнише, а на службу будут ездить каждый день. В этот день меня познакомили с моим замом, датчанином Ларсом Хаугардом, еще двумя датчанами — Сереном Ааеном и Джоном Россингом, двумя норвежцами, канадцами Джоном Тимчуком и Элом Гудьером. Все они переходили с других станций. С книнской станции мне отдали Александра Четкерашвили и Романа Шевченко. Мы получили машины, рации, и на следующий день наш караван двинулся в путь.

Первые дни ушли на обустройство станции. Вынесли разбитую мебель, в доме культуры нашли целую, установили стол дежурного, переносную радиостанцию. Единственным преимуществом прифронтовой станции было то, что электричество давали без перебоев. Ларс стал готовить необходимую документацию, а я пошел, как старожил, к начальнику милиции, чтобы договориться о совместной работе и попросить найти какую-нибудь женщину для уборки помещений. С уборщицей проблем не было. В Дрнише было очень много беженцев из районов боев, жили они на мизерные пособия и были рады любой работе. А вот с совместной работой вопрос был сложнее. По мандату мы должны были наблюдать за действиями местной милиции, дабы исключить нарушения прав человека по этническому признаку. Я не знаю ни одной силовой структуры в мире, которая любила бы контролеров. Поэтому я попытался убедить Йово, что мы как раз

будем говорить правду, чтобы все в ООН знали о реальном положении дел. Не один час пришлось мне провести в беседах с сербами, выпить несчетное количество рюмок ракии и чашек кофе, прежде чем недоверие к полиции ООН сменилось расположением.

Поворотным моментом службы в Дрнише было расследование взрыва часовни на хорватском кладбище. Каждое утро я начинал с визита к начальнику милиции, чтобы узнать о происшествиях за ночь. И вот однажды Йово показался мне крайне озабоченным. Очень неохотно он сообщил, что этой ночью была взорвана часовня на хорватском кладбище на окраине Дрниша. Странность была в том, что хорватское радио Сплита уже три дня назад сообщило «о новом злодеянии бандитов-четников: взрыве католического храма на кладбище в Дрнише». Поручив Ларсу заниматься текущим патрулированием, мы с Алексеем Шуваевым выехали на место происшествия. Метров за тридцать до ограды кладбища на дороге, обочинах и деревьях валялись и висели куски кровли, доски, кирпичи. Все говорило о взрыве большой мощности. На месте часовни были видны остатки стены, около 1 метра в высоту, кирпичи были разбросаны вокруг, лежали грудками внутри периметра. Походило это на результат объемного взрыва. Но это были мои догадки, а нужно было заключение специалиста. Я поехал к французам и попросил французского сапера, молодого лейтенанта, поехать со мной на место взрыва. Бегло осмотрев развалины, француз посокрушался о разрушенной церкви, сказал, что придет солдат за колоколом. На мой вопрос, как закладывали взрывчатку, он сказал, что ее размещали по периметру здания на высоте 1 метра от земли. У меня это вызвало сомнение: тогда стены должны были осесть вниз, а не разлететься вокруг. Ничего не сказав французам, я отвез его обратно. Было время обеда, я пошел в столовую и там, к своей радости, увидел капитана де Меританса. У меня остались самые приятные воспоминания от его инструктажа по минной опасности. Кроме этого, де Меританс проводил обследование плотины Перуджа, действуя в полной темноте только на ощупь. Словом, специалистом он был классным. Я подсел к нему и за обедом попросил развеять мои сомнения. Он сразу же вызвался поехать со мной на место взрыва. Осмотрев внимательно все вокруг, он сказал, что взрывали не тротил, а сельскохозяйственные удобрения, по методу ирландских террористов. Он видел такие взрывы в Англии, под камнями должны быть остатки селитры. Мы откатали камни и под ними нашли два мешка с селитрой — безобидным удобрением. Ее поливают соляжкой, в результате химической реакции выделяется газ; он-то и дал объемный взрыв. Нашли и банку из-под Кока-колы с остатками фитиля и резким запахом бензина — примитивное иницилирующее устройство. На мешках с селитрой надписи были на хорватском языке, изготовлены они были недавно в Хорватии. По всем признакам выходило, что сербы здесь ни при чем, особенно учитывая, что о взрыве хорваты сообщили заранее. Все результаты расследования вместе с заключением специалиста-сапера я передал в штаб. Политической бури, которой боялись сербы, не последовало. После этого работать стало легче.

Совет Безопасности ООН принял резолюцию по хорватской атаке на Милевацком плато. В резолюции требовалось вернуть хорватские войска в исходное положение. Но хорваты не горели желанием уйти с плато. Совбез потребовал разместить там гражданскую полицию ООН с целью оказания давления на хорватов. Сербы, в свою очередь, потребовали вернуть тела своих солдат, погибших на плато. Они указали место,

где по их данным находились убитые. Хорваты вроде бы согласились. В один из дней на станции в Дрнише собрались военные наблюдатели, автокран из чешского батальона, сербы из похоронной команды. Вместе с нашими двумя машинами это был внушительный конвой. В назначенное время мы подъехали к противотанковым минам, уложенным прямо на дороге перед хорватскими позициями. Метрах в 200 за минами был виден бронетранспортер за грудой мешков с землей. Мы посигналили и стали ждать. Прошло полчаса, час, два часа. Температура воздуха была + 35 в тени, а мы стояли на солнце. В глазах поплыли зеленые и черные круги. Никто не появлялся. Через три часа мы развернулись и уехали. Такая ситуация повторялась три раза. Наконец вмешался Виктор Андреев. Я не присутствовал при его разговоре с хорватами, но наш очередной приезд к минным заграждениям был плодотворным: нас ждали, и вскоре уже мы ехали через хорватские позиции вглубь плато. Подъехали к какой-то яме, хорваты подтвердили, что мы прибыли на место. С момента боев прошло около двух месяцев, температура все время стояла высокая, можно было представить себе состояние тел. Группа спелеологов из Сплита спустилась вниз, после чего краном стали поднимать останки. Их укладывали в ряд, врач-патологоанатом из Шибеника осматривала их и давала заключения о причинах смерти. Из девяти погибших, по ее словам, шесть человек были сброшены в яму глубиной 6–8 метров живыми. Мы вели протокол и записывали все сказанное на диктофон, который был у Ларса. Впоследствии это позволило нам отклонить все обвинения хорватов в необъективности. Спелеологи поднялись на поверхность и сообщили, что больше внизу останков нет. Надо было проверить это, и Роман Шевченко, привязавшись к крюку подъемного крана, с фонарем опустился в яму. Во время этой операции форма, обивка машин и, казалось, мы сами пропитались трупным запахом. Форму выстирали, сами отмылись в душе, а вот обивку в машинах пришлось менять. Никакие дезодоранты не могли убить запах, но может быть, нам просто так казалось.

С этой операции началось размещение гражданской полиции СООНО на Милевацком плато. Целыми там были две деревни: Ширистовцы и Ключ. Станцию разместили в Ключе, недалеко от дома, в котором был пост хорватской полиции. Сначала хорваты пытались ограничить наше передвижение по плато, якобы в целях нашей безопасности. Пришлось встречаться с начальником южного сектора хорватской полиции. Тучный, высокий человек с улыбающимися глазами, Никола производил приятное впечатление. Тактику действий он выбрал стандартную: все выслушать, доложить в Загреб (по его словам) и сообщить решение. Меня потряс его ответ на просьбу о восстановлении водоснабжения в Дрнише и окрестных деревнях. «Я четникам воды не дам», — заявил он. Я напомнил ему, что там же проживают около трех тысяч хорватов, в основном старики. «Ну и пусть. Четникам воды не будет», — был окончательный ответ. Возможно, это был вопрос не его уровня, но показательная реакция.

Каждый день мы патрулировали большой участок: «розовую зону» на сербской территории, зону разграничения шириной до двух-трех километров и Милевацкое плато. За нами постоянно велось наблюдение как с сербской, так и с хорватской стороны. В этих районах, пострадавших от боевых действий, все равно жили люди: обрабатывали поля и виноградники, пасли скот. Но большинство из них были людьми весьма преклонного возраста, нуждавшимися в опеке и медицинской помощи. Патрули знали

адреса этих стариков и каждый день посещали их. При необходимости мы привозили стоматологов в отдаленные деревни. Надо было видеть, как чернокожий кенийский врач на лужайке, посадив пациента на обычный стул, рвал зубы на фоне величественной горы Динара. Нагрузка возрастала ежедневно, в чем убедился ирландский полковник, представитель штаба из Загреба. Он был удивлен работоспособностью нашего коллектива, духом коллективизма, гордостью за выполняемую работу. Все это он отметил на общем собрании нашей станции. Кроме того, он пообещал решить вопрос об увеличении штатов. В короткий срок численность станции была доведена до 43 человек из 28 стран. Мы стали самой большой станцией в секторе.

Успешная работа в таких сложных условиях была бы невозможна без хороших взаимоотношений с сербскими милиционерами и военными. Расследование взрыва часовни на хорватском кладбище убедило их в нашей объективности, нас стали приглашать на проведение обысков, изъятие оружия и взрывчатых веществ, задержание подозреваемых. Действия сербской стороны отражались в наших рапортах, а наше совместное патрулирование было примером для многих. С большим теплом вспоминаю командира батальона пограничной милиции Мичо Грубача, командира бригады Войска Республики Сербской Краины подполковника Драгана Харамбашича. Драган был кадровым офицером ЮНА, десантником. Он всегда с восторгом вспоминал встречи с нашими парашютистами на чемпионатах мира. Человек он решительный, профессионал высокого класса. Ему было нелегко управлять вчерашними учителями, рабочими, шахтерами, людьми далекими от военной службы. Надо сказать, что главным специалистом по управлению огнем артиллерии в его штабе был учитель математики дрнишской школы. Это он метким огнем орудий с закрытых позиций смог остановить продвижение хорватов на Милевацком плато. Вот уж действительно — солдатами не рождаются. Но в целом, война была какой-то средневековой. Не было четких целей, структуры, полной поддержки со стороны Сербии. Разброд в политическом руководстве Краины дополнялся военным. С уходом генерала Ратко Младича в Боснию не стало твердого руководства в армии РСК.

Хотя резолюции Совета Безопасности запрещали изменение существовавшего положения вещей силовым путем, хорваты постоянно устраивали мелкие провокации, пытались изменить «линию разграничения», а по сути, линию фронта. По моим наблюдениям, они обучали свои подразделения ведению боевых действий в реальных условиях. Тяжелое вооружение сербов находилось под контролем военных наблюдателей ООН, а хорваты были полными хозяевами своего оружия. Это позволяло им перемещать танки и артиллерию на участки атаки. В одну из ночей в январе хорваты выбили сербов с позиций на горе Черный Верх, господствовавшей над всей местностью в окрестностях Дрниша. Через 30 минут командир бригады Драган Харамбашич организовал контратаку, приказал своим подразделениям на горе обозначить передний край ракетами. Затем был огневой налет артиллерии по позициям хорватов, перенос огня в глубину хорватской обороны и решительная атака сербов. Все это заняло около 50 минут, статус кво был восстановлен.

Однажды Виктор Андреев пригласил меня в штаб и сказал, что новый посол России в Хорватии Леонид Владимирович Керестеджиянц должен совершить ознакомительную поездку по Краине. Виктор встретит его в Шибенике, привезет к пункту

перехода в Краину. Моя задача была встретить их на КПП около Дрниша, повозить посла по Южному сектору и доставить в Загреб. По этому случаю я надел парадную форму и в назначенное время прибыл на КПП. Леонид Владимирович оказался человеком общительным, на Балканах он был не новичком: в советские времена работал в торгпредстве в Белграде. С ним был пресс-секретарь посольства Никифоров. Я посадил их к себе в машину и постарался показать и объяснить, что видел и знал сам. Мы останавливались в деревнях, и Леонид Владимирович беседовал с жителями, старался из первых рук получить информацию о положении дел в Краине, настроениях населения, политических процессах. С первых минут нашего общения я понял, что пропаганда против сербов оказала на посла свое воздействие. Вероятно, были и какие-то инструкции от министра иностранных дел Козырева. Тем приятнее мне было видеть, как в ходе бесед Леонид Владимирович старался докопаться до сути, выяснить реальное положение дел. Мне показалось, что эта поездка во многом изменила его первоначальные представления, а у меня появились хорошие друзья. Уже много лет спустя, находясь в командировке в Болгарии, я узнал о виртуозной работе посла России в Болгарии Л.В. Керестеджиянца по спасению памятников советским воинам в Софии и Пловдиве. Это был почерк профессионала высокого класса, неравнодушного человека, глубоко понимающего обстановку в стране.

Во время войны всегда остро стоит вопрос о положении пленных. Само нахождение в плену — уже тяжелое моральное испытание. Тем более оно становится невыносимым, если сопровождается физическими страданиями. Как всякий милиционер, я имел разнообразные встречи с местным населением, эти встречи давали обширную информацию и позволяли принимать правильные решения в самых сложных ситуациях. В ходе одной из бесед я узнал, что в казармах бывшей ракетной базы сербов находятся 10 мусульман-пленников. Их используют на подсобных работах, а вечерами избивают в казарме. Я связался с представителями Международного Красного Креста, которые имели право общаться с пленными. Мне не поверили, что в Дрнише есть пленные, и отказались заниматься этим вопросом. Буквально на следующий день Саша Четкерашвили привез на станцию записку, в которой было написано: «ООН помоги». Написано было по-сербски, но латинским шрифтом, значит, писал не серб. Эту записку Саше бросил мужчина из кустов в районе казарм. Разглядеть его Саше не удалось. Я собрал русских, мы решили, что этот район будут усиленно патрулировать русские экипажи. Если человек смог уйти из-под наблюдения один раз, то он постарается связаться с нами еще. Так все и произошло. Через два дня меня вызвал по радио Четкерашвили и сказал: «Посылку получил, она на станции. Срочно приезжай». Я подумал, что речь идет о новом письме, и каково же было мое удивление, когда я увидел худого молодого человека в старой военной форме. Это был пленный мусульманин, которого арестовали в секторе «Север», когда он с другими мусульманами пытался перейти из Хорватии в Боснию через узкий перешеек севернее Кореницы. Вертолетами их перебросили в Дрниш и поместили в казармах бывшей ракетной базы. Использовали на тяжелых подсобных работах. Бил их один человек, сестру и малолетних детей которого убили мусульмане в Бихаче. Бежать мусульманин решил после того, как этот солдат пообещал вечером убить всех пленных. В очередной раз перед нами разворачивалась картина войны со всеми ее ужасами. Надо было решать,

что делать с этим пленным. На станции его оставлять было нельзя: если узнают, что он у нас, военные заберут его, и никто не поручится за его жизнь. Дежурным по станции был египтянин Ахмед Аль-Кади, парень надежный. Я предупредил его, чтобы он молчал обо всем увиденном. «Мистер Борис, я нем как рыба», — прозвучало в ответ. Дождавшись вечера, мы надели на пленника ооновский берет, куртку с российским флагом, посадили его в темный угол машины и поехали. Нам предстояло проехать два сербских поста. Пленнику сказали, чтобы он изображал пьяного, «спал» и только мычал, если к нему будут обращаться с вопросами. Первый пост миновали без особых проблем. Часовой заглянул в машину, увидел в машине только русских и пропустил нас. На втором посту спросили, почему спит русский. «Устал, — сказал я. — Ракии было много». Часовой засмеялся и поднял шлагбаум. В Книне возникли новые проблемы. Красный Крест не мог содержать пленного в своем офисе. Тогда мы поместили его на охраняемой территории штаба в изоляторе английской медицинской роты, где он пробыл до прилета вертолета из Загреба. Красный Крест попытался вызволить остальных пленных, но их куда-то перевели. По мнению сербских военных, бежавший пленный чудом перешел через минные поля и ушел к хорватам.

Одним из самых напряженных моментов в тот период была ситуация вокруг демонстрации беженцев из Дрниша. На хорватской стороне мне стало известно, что хорватские власти планируют поход бывших жителей Дрниша к своим домам. В первые ряды намеревались поставить сербов. Командир батальона пограничной милиции Мичо Грубач установил пулеметы на прямую наводку и сказал мне, что ни один человек в Дрниш не пройдет. Кроме пулеметов, были установлены дополнительные мины. Таким образом, готовилось массовое убийство людей. Я немедленно встретился с Виктором Андреевым и доложил ему об этом. Виктор Александрович начал принимать меры, чтобы предотвратить эту трагедию. Как он мне рассказывал позднее, он встретился с кардиналом Далматинским и в ходе долгой беседы убедил его попытаться остановить людей. Во время воскресной проповеди кардинал сказал, что церковь категорически против самоубийства, а поход на Дрниш — это самоубийство. Хорватские власти пытались остаться в стороне, заявляя, что всем руководит комитет беженцев, а они здесь ни при чем. Виктор Александрович подчеркнул, что полиция подчиняется местным властям, а не комитету беженцев, и в ее силах не пустить людей на минные поля и под огонь пулеметов. Никаких обещаний с хорватской стороны дано не было. Приближался день похода на Дрниш, нервозность возрастала с каждым часом. Мы видели, как в сторону пограничного КПП проходили машины с солдатами и оружием, поэтому начали разрабатывать план действия наших сил в случае осложнения обстановки. Ларс, как человек имеющий опыт сопровождения демонстраций, расставил наблюдательные посты, разработал схему связи и оповещения. Технически мы были готовы ко всему, но в душе надеялись, что поход не состоится, разум возьмет верх. Так и случилось. Часов в 11 утра посты с хорватской стороны доложили, что к КПП прибыли автобусы с беженцами, телевидение. Около КПП был проведен митинг, его сняли на пленку и показали в программе новостей. Этим все и закончилось.

Но напряженность в нашем районе не снижалась. Чтобы как-то стабилизировать обстановку, в Дрниш по инициативе В.А. Андреева была переброшена рота морской пехоты французского Иностранного легиона. Она вошла в город демонстративно, с на-

циональными флагами на бронетранспортерах. О прибытии французов стало известно хорватам, и они временно прекратили обстрел Дрниша из минометов и пулеметов. Морские пехотинцы стали искать на нейтральной земле позиции, с которых велся огонь по Дрнишу: ведь по решению Совета Безопасности тяжелое оружие должно было быть на складах. В самый разгар поисков мне стало известно о двух складах взрывчатки в прифронтовой зоне. Именно эту взрывчатку хорваты использовали для своих диверсий. Информацию я получил в ходе расследования взрыва колокольни хорватской церкви. Взрыв произошел ночью, дома хорватов вокруг церкви стояли очень тесно. Колокольня упала так аккуратно, что не задела ни один хорватский дом. Видно было, что работал большой специалист-подрывник. Логично было предположить, что сербы не стали бы беспокоиться о безопасности хорватских домов во время взрыва. Я обратился к командиру роты капитану Секретену с предложением провести совместную операцию по уничтожению этих складов. Один склад располагался на склоне горы Черный Верх, метрах в 150 от подножья горы. Вперед пошли саперы, за ними Секретен и я, за нами солдаты и сербская милиция. Температура воздуха была за 30. На нас были надеты каски, бронежилеты. Обливаясь потом, мы ползли вверх по узкой тропе. Ближе к складу нам пришлось прыгать с камня на камень, чтобы не нарваться на мины. Осторожность не была излишней: вокруг замаскированного склада саперы сняли шесть противопехотных мин-растяжек. На самом складе, тщательно замаскированном, мы нашли противотанковые мины, аммоналовые патроны и все ту же селитру. Всю добычу мы спустили вниз и уничтожили. Второй склад был в густом кустарнике, недалеко от взорванной часовни, его содержимое мы также уничтожили. После операции со складами капитан Секретен вручил мне на память знак третьей роты батальона морской пехоты Иностранного легиона Франции. К сожалению, позднее Секретен со своими солдатами был уличен в том, что привозил в бронетранспортерах из-за линии фронта хорватов в Дрниш и показывал им оставленные дома. Скандал был жуткий, сербы чуть не расстреляли бронетранспортеры из гранатометов. После этого французов из Дрниша убрали.

А на хорватской стороне от одной сербки, чей муж служил в спецподразделении хорватской полиции, я узнал, что хорваты страшно разозлились из-за уничтоженных складов и решили что-то устроить мне. Это узнали сербы, и командир бригады подполковник Харамбашич заявил, что не допустит, чтобы на его территории что-то случилось с русским. С тех пор, когда я ездил вблизи линии фронта, меня сопровождал вездеход с отделением солдат. К счастью, необходимость в охране отпала довольно быстро. Хорваты прислали шведскому полковнику Карлу Георгу Андерсену, моему командиру, письмо. В нем говорилось, что я пытался расплатиться в магазине Шибеника фальшивыми марками. Я объяснил Андерсену всю ситуацию, показал ему банкноту в 100 марок, которую отказались взять в магазине, потому что она якобы была тоньше нормальной. Андерсен внимательно изучил банкноту и вернул ее мне. На этом мои объяснения с Андерсеном закончились. В очередной приезд в Загреб я спокойно расплатился этой банкнотой в магазине сил ООН.

После уничтожения складов взрывчатки взрывы в нашем районе прекратились. Примерно через неделю спокойной жизни нас срочно пригласил к себе командир сербской бригады и рассказал, что рано утром патруль сербов расстрелял машину,

пробиравшуюся по тайным тропам с хорватской стороны в сторону Оклая. Машина была набита взрывчаткой, двое пассажиров в перестрелке убиты. Мы поехали на место происшествия, сфотографировали все, составили протокол, сербы отправили тела в морг. Во время нашей работы солдаты сербской военной полиции заняли круговую оборону и внимательно наблюдали за местностью: место происшествия было вдали от дорог и людей, а линия фронта рядом. Я выехал на встречу с начальником южного сектора хорватской полиции в Шибеник, со мной был канадец Джон Тимчук. Его дед и бабушка были из Белой Церкви на Украине, а Джон родился в Канаде и знал по-украински только несколько слов. Его отец знал шесть языков, был ведущим переводчиком вооруженных сил Канады, но любовь к «горилке» его сгубила. Начальник полиции спокойно выслушал сообщение о гибели двух солдат, связался с военными, мы договорились, где и как тела погибших будут переданы хорватской стороне. После передачи тел разразилась буря. Хорваты заявили, что одному из погибших «четники» перерезали горло. Это попало в газету, поднялся шум и крик. Хорошо, что при первоначальном осмотре на месте происшествия был врач из чешского батальона; он подробно описал все ранения, полученные погибшими хорватами. Одна из пуль попала в горло по касательной, эту рану и пытались выдать за перерезанное горло. На мой взгляд, шумом о зверствах «четников» пытались отвлечь внимание от главного вопроса: почему эти солдаты с взрывчаткой оказались на сербской территории.

Приближалась зима. В Далмации зима не очень суровая, температура воздуха не опускается ниже минус 5 градусов, но дует очень сильный ветер, и натопленные дома остывают за несколько минут. В такой ситуации гуманитарная помощь является одним из основных условий выживания. Оставшиеся в деревнях жители были, в основном, стариками. Молодежь или уехала из страны, или была на фронте. Я связался с представителями Высокого комиссариата по делам беженцев в Книне. Шефом бюро была Иветта, чешка по национальности, она сама стала беженкой в 1968 году после ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию. С ее помощью было принято решение о выделении продуктов питания для перемещенных лиц и стариков, проживающих в районе Дрниша. Я не понимал разницы между беженцами и перемещенными лицами, постоянно употреблял в речи и те и другие слова. Иветта объяснила мне, что человек становится беженцем после пересечения государственной границы, до этого он — перемещенное лицо. Разница не только в названии, но и в правовом статусе и объемах получаемой помощи. Наша станция стала временным складом продуктов, и теперь экипажи, выезжая на патрулирование, брали их с собой для раздачи людям. Мы вели строгий учет того, сколько, кому и когда выдано наборов, и отчитывались перед Иветтой. Очень быстро система была отлажена и заработала без сбоев. Но одна продуктовая помощь не могла решить вопрос улучшения жизни населения. Не было воды, не было медицинской помощи, не было дров и угля. Больно было смотреть на стариков, особенно больных и немощных. У многих были родственники на хорватской стороне, они были готовы оказать помощь старикам, но все это были полумеры.

Особенно остро вопрос с положением стариков встал в конце декабря. Участились случаи вызова санитарных машин кенийского батальона для эвакуации людей в больницу Книна. Патрули находили их в бессознательном состоянии в домах, во дворах.

Виктор Андреев к этому времени был переведен в Боснию, поэтому я пошел на прием к командиру сектора «Юг» — кенийскому бригадному генералу Арапу Робу. Он был известен среди офицеров сектора как человек, всегда следующий своим принципам. Он говорил правду, не считаясь с тем, была ли она приятна конфликтующим сторонам. Легенда гласит, что первая встреча кенийского и сербского военнослужащих в деревне Сивильяне завершилась фразой кенийца: «Ты — серб, я — негр, мы одинаковы, нас никто не любит». Хорваты называли генерала Роба «черный четник».

Изложив ситуацию, я предложил эвакуировать стариков, имевших родственников на хорватской стороне, в Хорватию. Со мной к генералу пошла англичанка Хедер Фелсингер, много раз бывавшая в нашем районе и прекрасно представлявшая ситуацию. Хедер была женщиной решительных действий. Как она рассказывала мне, это была ее наследственная черта, доставшаяся от отца. Он был геологом, долгое время работал в Южной Африке. Во время Второй мировой войны он, как человек умеющий обращаться с взрывчаткой, был направлен в диверсионное подразделение. В ходе одной операции он попал к немцам в плен и ждал расстрела, но его спасли русские десантники. Какое-то время они воевали вместе в тылу немцев. Отец сказал Хезе: «Ты можешь не любить русских по политическим мотивам, но помни, что это очень надежные люди». Наш «второй фронт» стал убеждать генерала Роба в необходимости проведения такой эвакуации, он не соглашался. Тогда я сказал: «Господин генерал, я буду лично докладывать Вам каждое утро, сколько стариков умерло за ночь». Не знаю, эти ли слова были последней каплей, но генерал обратился в Загреб за разрешением провести эвакуацию. Хедер со своей стороны решала вопросы на уровне политического руководства миссии. Согласие было получено, мы спешно составляли списки эвакуируемых, передавали их хорватскому Красному Кресту. Часть эвакуируемых мы забирали из окрестностей Книна. Они жили в здании школы — можно себе представить условия размещения. Всего беженцев в конвое набралось около 400 человек. Было предложение перебросить этих людей по воздуху в Шибеник. К этому моменту в миссии начали работать наши вертолеты Ми-8 и Ми-26. Последний вывозил разбитую технику в Загреб на ремонт и мог за раз взять на борт 20 тонн груза или до 250 человек. Через 20 минут они были бы в Шибенике. Мы даже рассмотрели площадку приземления на стадионе. Но тут в дело вмешались юристы ООН. Все служащие миссии автоматически страховались, если становились пассажирами самолетов и вертолетов ООН. Эта норма не распространялась на других, поэтому ООН не могла перевозить пассажиров. Красивый план рухнул. По непонятным мне причинам пункт пересечения для них был выбран возле Оточаца, на самой северной границе сектора. От Дрниша и Книна до этого пункта пересечения расстояние составляло 180–200 километров. На севере сектора была настоящая зима — со снегом, гололедом на дорогах. Машины для перевозки людей дал кенийский батальон. Водители-кенийцы увидели снег и лед под колесами впервые в жизни, а ехать надо было по горным дорогам. Руководил операцией подполковник из чешского батальона, выпускник Академии химзащиты в Москве, поэтому мы с ним быстро договорились, как поведем конвой. Алексей Шуваев и я ехали в двух километрах впереди конвоя и докладывали по рации о состоянии дороги, препятствиях, гололеде. Скорость движения конвоя была малой, людям выдали одеяла и они кутались в них, стараясь согреться. На весь путь у нас ушло шесть часов.

Уже стемнело, когда мы с Алексеем остановились на хорватской стороне, переговорили с полицейскими и подготовили сопровождение колонны. Всех прибывших размещали на ночь в гостинице Оточаца, суета была жуткой, люди сновали взад и вперед. Проходя мимо одной из групп хорватов, я услышал, как какой-то мужчина убеждал остальных, что точно видел эту женщину в Книне, остальные были раздражены, и обстановка была явно серьезной. Книнское представительство Комиссариата по делам беженцев отправило с конвоем двух сотрудниц-сербок, их-то и узнали хорваты. Испытывать судьбу не стоило, я быстро разыскал девушек в толпе, посадил их в свою машину и, дождавшись начала движения конвоя, быстро исчез из Оточаца.

Второй конвой отправляли перед Новым годом. На этот раз пунктом перехода был Житнич, рядом с Дрнишем. Проблем с местными военными и милицейскими начальниками не было, но в дело вмешался Книн. У них появилась информация, что хорваты готовят какую-то провокацию, вроде бы они попытаются ворваться на сербскую территорию. Это не соответствовало нашей информации, но спорить было бесполезно. В назначенный день и час четыре автобуса подъехали к КПП в Житнице. Со стороны ООН были полицейские и военные наблюдатели, представители Комитета по делам беженцев, представители политического руководства сектора. Предполагалось, что автобусы пройдут до хорватского КПП, высадят людей и вернуться назад. Я спросил у знакомых пограничников, сняты ли мины для проезда автобусов. «Вроде бы да», — был ответ. Это меня крайне озадачило. Раньше ответы были конкретными, теперь стали уклончивыми. Я спросил у командира пограничной милиции Мичо Грубача, можно ли проехать на хорватскую сторону, чтобы узнать, как обстоят дела, все ли готово для приема людей. Он отозвал меня в сторону и сказал, что ехать я могу, но командует здесь не он, а люди из министерства внутренних дел из Книна. Я поехал на хорватскую сторону. Учитывая, что на сербской стороне происходило что-то странное, ехал очень медленно, внимательно глядя в дорогу в поисках мин. До хорватского КПП было километра три. Там я увидел представителя хорватского Красного Креста Дане Салиновича, полицию, телевидение, автобусы. Все было готово для встречи людей. Переговорив с представителями Красного Креста, я поехал назад. В Житнице творилось что-то непонятное. Всех беженцев вывели из автобусов, стали досматривать вещи, якобы на предмет наличия оружия. В автобусах были только старики, о каком оружии могла идти речь! После досмотра было заявлено, что автобусы на хорватскую сторону не пойдут, все должны добираться пешком. Это заявление произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Люди взяли свои вещи и потянулись через КПП на хорватскую сторону. Все представители ООН стали сажать стариков в свои машины, грузить вещи и перевозить их на хорватскую сторону. Кто-то дошел сам. Настроение было ужасным, особенно переживала Хедер Фелсингер. Когда уехали чиновники из Книна, Мичо Грубач и его ребята сказали мне, что им стыдно за то, что случилось, но сделать они ничего не могли. Это были последние 120 человек, которых мы отправили в Хорватию. Я и сегодня считаю, что мы спасли этих стариков от верной смерти. За эту операцию командир военных наблюдателей сектора, полковник из Ганы, вручил мне нагрудный знак военных наблюдателей. А потом началась хорватская операция возле Масленецкого моста, все КПП закрыли.

Операции хорватов у Масленецкого моста предшествовала шумная пропагандистская кампания в газетах и на телевидении. Вся Далмация вдруг оказалась под страшной угрозой: «четники» были вблизи Поморской трассы, соединяющей север и юг Хорватии. На этих позициях сербы находились с конца 1991 года, но тогда у хорватов не было сил и средств для наступательных операций. Несмотря на резолюцию Совета Безопасности № 713 от 25 сентября 1992 г., запрещающую поставки оружия в бывшую Югославию, нелегальный поток оружия в Хорватию и Боснию не прерывался. В югославской печати назывались имена Риты Дрекслович, гражданки Германии, и Мариана Соколовича, которых обвиняли в поставках противотанковых ракет «милан» и «стингер» на сумму 60 миллионов долларов из Германии в Хорватию и примерно 50 тонн военного оборудования из Польши в Хорватию. Чтобы расплатиться за эти поставки, хорваты предоставили надежные склады в Шибенике, на территории военного городка «Мандалина», для груза плутония и урана. Затем эти материалы ушли на Ближний Восток.

Известный торговец оружием Антон Кикаш, хорват с канадским паспортом, с 1991 года тайно поставлял оружие в Хорватию из Южной Африки. 30 августа 1991 года югославские ВВС посадили «Боинг-707» и обнаружили в нем большое количество оружия для Хорватии. В декабре 1991 года германская полиция в Регенсбурге задержала оружие и боеприпасы для Хорватии, отправленные из Польши. Эта цепь поставки существовала и в 1992 году.

В октябре 1992 года правительство Югославии направило Совету Безопасности меморандум, в котором привела факты нарушения запрета на поставки оружия и боеприпасов. Через Австрию германские фирмы поставили в Хорватию оружия и боеприпасов на 3 миллиона долларов: 1010 «стингеров», 2000 ракет «армберст», 47100 автоматов АКМ с огромным количеством патронов, 2550 противотанковых гранатометов РПГ-7 и 60 двигателей для МиГов. Через Швейцарию хорваты закупили 120 танков Т-72; говорили, что они пришли с Украины в октябре 1991 года. И это далеко не полный список стран и количества оружия, поступавшего хорватам. Сама армия хорватов создавалась при непосредственной помощи немецких военных советников.

Если огромное количество оружия собирается в одних руках, появляется желание использовать его. Тяжелое вооружение сербов находилось на складах под охраной батальонов ООН, и это, несомненно, давало хорватам преимущество перед сербами. Полковник Шпанович из Главного штаба постоянно передавал в штаб сектора информацию о концентрации хорватских войск и планах их применения. Эта информация уходила в Загреб. 19 января в Книн прилетел заместитель командующего миротворческими силами Седрик Торнбери, но попытки предотвратить атаку не привели к успеху. Хорваты атаковали 22 января 1993 года. В первые дни боев в штабе сектора не представляли всей картины происходящего. Информация поступала только из сербских источников, но ей не очень доверяли. Руководитель группы военных наблюдателей направил в район моста патруль для выяснения положения. В машине был русский капитан Михаил Кантария, внук известного Героя Советского Союза Мелитона Кантария, и бразильский летчик майор Майк Хутен. Я увидел их уже после возвращения с задания. Майк был бледный, скорее даже зеленый, Миша казался спокойным, но это спокойствие давалось ему с трудом. Оказалось, что они приехали на место проверки

в разгар хорватской атаки. При поддержке танков и артиллерии хорваты атаковали позиции сербов, которые были вооружены только стрелковым оружием. Несмотря на это сербы постоянно контратаковали и не давали хорватам закрепиться. В этот момент Майк и Миша и возникли возле позиций сербов. Их немедленно объявили шпионами, вытащили из машины и поставили к стенке. Только Мишино самообладание спасло их обоих: в этой ситуации он сумел доказать сербам, что русский офицер не может быть шпионом, забрал в машину раненых и довез их до госпиталя. Хотя это и нарушало запрет на перевозки в машинах ООН лиц, не имеющих отношения к миссии, других шансов остаться в живых у них не было.

Трое суток шли упорные бои. Сербь надеялись, что «Защитные силы ООН» спасут их от хорватского наступления. Этого не произошло. Миротворцы сами попадали под перекрестный огонь, хорваты использовали их как живой щит, но в боевые действия они не вступали. Более того, французы спокойно пропустили хорватов через свои позиции. После этого французский батальон пришлось переводить в сектор «Север», а на их место прибыли канадцы. Кенийцы, вооруженные только стрелковым оружием, открыли огонь по наступавшим хорватам, среди кенийцев были раненые. Но это — единичные случаи, массового вступления батальонов ООН в боевые действия не было. Хорваты заняли район Масленицы, аэродром Земуник. При проверке зданий аэропорта Земуник погибли два француза. Взрыв огромной силы разметал их на куски. Сербь срочно сообщили руководству сектора, что хорваты обстреливают из орудий плотину Перуча на реке Цетина. Плотина была земляной, и попадание снарядов привело к ее разрушению. Была опасность, что хлынувшая вода смое города и деревни ниже по течению, но, к счастью, вода убывала медленно, и угроза затопления миновала. Огромное водохранилище постепенно исчезло, электростанция перестала работать. Несколько раз из орудий был обстрелян Книн.

Когда сербы поняли, что никто не собирается их защищать, они взломали замки на складах и забрали свое тяжелое вооружение. Положение на фронте сразу изменилось. Наступление хорватов было остановлено, кое-где они были отброшены на несколько километров назад. По Шибенику был нанесен ракетный удар. К счастью, серьезных разрушений там не было. Ракета попала в дорогу рядом с больницей. Бенковац был переполнен людьми, бежавшими от хорватских войск. Стали они появляться и в Дрнише. Рассказы этих людей о зверствах хорватов заставили меня начать сбор свидетельских показаний пострадавших, но как русский я не мог афишировать свою роль в этом, сразу бы начались разговоры о просербской позиции. Я доложил командованию, и шведский полковник Андерсен, командир полиции Южного сектора, поддержал нашу инициативу. Очень скоро в штабе полиции в Книне скопились многочисленные свидетельства зверского обращения с сербами. Были рассказы о том, как спецподразделения полиции увозили сербов на цементный завод и сжигали их живыми в печах обжига, как убивали сербские семьи и взрывали дома, хороня под обломками трупы. Вся эта информация была нами зарегистрирована в специальной электронной системе Гражданской полиции ООН в Загребе. Когда все свидетельские показания были переведены в электронную форму, из Загреба пришел приказ уничтожить все бумажные копии. Предполагалось направить собранные материалы в Вену, где размещалась одна из комиссий ООН.

Но хорватские спецслужбы не дремали. В одну из ночей они проникли в штаб гражданской полиции в Загребе и выкрали жесткий диск компьютера со всей информацией. Международная пресса в эти дни активно работала на хорватской стороне, на сербской стороне корреспондентов было мало. Вспоминаю, как одна итальянская корреспондентка передала материал о зверствах хорватов, о тяжелом положении беженцев. На следующий день редактор предупредил ее, что за такие материалы она будет уволена.

С началом боевых действий работа всех служб ООН в секторе осложнилась. Резолюции Совета Безопасности № 815 и 820, в которых Краина признавалась неотъемлемой частью Хорватии, сделали положение миротворцев еще сложнее. В «розовые зоны» перестали допускать военных и полицейских наблюдателей, представителей Комиссариата по делам беженцев, наблюдателей ЕС. Комбриг Харамбашич официально заявил, что пропустит в Дрниш только русских. Это вызвало определенное напряжение в отношениях между русскими и полицейскими других национальностей. Андерсен собрал совещание для обсуждения сложившейся ситуации.

Обстановка была крайне тяжелой. Начались нападения на сотрудников миссии, угоны автомобилей ООН, кража бензина и дизельного топлива из машин. Из моих знакомых машины угнали у Хезы Фелсингер, зам. командира полиции сектора португальца Суза. Не минула чаша сия и меня. Вечером я оставил машину возле отдела милиции, а утром ее там уже не было. Из здания штаба полиции был украден единственный в полиции сектора компьютер.

Из Белграда хлынул поток добровольцев, появились члены радикальной сербской партии Шешеля, вооруженный отряд Аркана (Желько Ражнятовича) «Тигры». Были и русские добровольцы. Я встречался с некоторыми из них. Девушка Маша приехала в Югославию на заработки. Хозяин бара забрал у нее паспорт и предложил, кроме обычных услуг официантки, оказывать посетителям и интимные услуги. Маша отказалась и пошла в сербскую армию, чтобы заработать денег на дорогу домой. Таких, как Маша, отправившихся в Югославию на заработки, было много и в Загребе, и в Белграде, да и в других городах. Леша Савостин, работавший на станции в Доньи-Лапаце, вытаскивал наших соотечественниц из окруженного Бихача буквально из-под огня. Потом посольство в Загребе отправляло их домой. Были и мужчины, прошедшие Афганистан и другие горячие точки. Добровольцы получали по 30 марок в месяц, и называть их наемниками у меня язык не поворачивается. Шешелевцы ходили по Книну в высоких меховых шапках с сербскими эмблемами, бороды по пояс, волосатые. «Тигры» были опрятны, в черной форме, хорошо вооружены. Дисциплина у «Тигров» была жесткой, порой жестокой. Я наблюдал в Бенковаце, как одного «тигра» пороли перед строем. За более серьезные проступки и наказания были более серьезными. Аркан воевал по принципу средневековья: взял город или село на шпагу — все, что в нем есть, твое. В Сербию уходили грузовики с телевизорами, видеомагнитофонами, стиральными машинами, другими ценными вещами. Все пришлое были чужаками, у них не было приятельских, соседских, родственных связей с местным населением, поэтому убийства стали обычным делом. Однажды ночью в Оклае были убиты шесть стариков-хорватов; они так и остались сидеть в кухне вокруг печки, у которой грелись. Разыскать преступников нам не удалось.

На совещании я заявил, что русские — часть международных сил и будут действовать в составе этих сил, а не самостоятельно. Надо сказать, что я был заместителем командира российского милицейского контингента и обязан был думать и о политических моментах. Норвежец Палмер, а за ним и португалец Суза, второй зам. Андерсена, решительно настаивали на присутствии русских в Дрнише: это был единственный способ получения информации о событиях в «розовой зоне», так как большинство станций было закрыто или эвакуировано. Андерсен согласился с их доводами, но сказал, что попробует изменить ситуацию на встрече с министром внутренних дел РСК. Встреча не дала желаемых результатов, сербы сильно сомневались в объективности ООН. В Дрниш отправились 5 русских милиционеров — выполнять работу 43 человек. Конечно, я обсудил с Палмером изменение наших планов работы. Расследования сокращались до минимума, оставалось большое количество патрулирования и снабжение местного населения продуктами питания, докладывание обстановки. Ночное дежурство прекращалось, до наступления темноты мы должны были возвращаться в Книн. Такая же напряженная обстановка была и на других станциях. Здесь во всей мере проявились замечательные свойства наших узиков. Патруль одной станции, по-моему, Обравацкой, налетел на мины-растяжки. Машины двигались в сторону линии фронта. Первый взрыв — машина продолжает движение, второй взрыв — норвежцы остановились, думая, что попали под обстрел. Колеса машины пробиты, борт машины — как после выстрела из дробовика, но ни один осколок не попал внутрь. После этого случая нашим автомобилям простили все неудобства эксплуатации, и те, кто смотрел на них с пренебрежением, ездили в прифронтовых районах только на них.

Наше возвращение в Дрниш было с радостью встречено и милицией, и населением. С жителями у нас были дружеские связи. По согласованию с командованием мы занимались поиском родственников, оставшихся на хорватской стороне или уехавших в другие страны, передавали письма. Зачастую люди жили друг от друга в 10–15 километрах и не имели сведений о родственниках уже 2 года. У нас на станции работала молодая женщина. Двое ее детей и муж-хорват жили в 15 километрах от Дрниша. За все время Ясенка смогла передать два письма и немного денег детям. Всего за год мои друзья и я нашли и воссоединили не один десяток семей. В благодарность люди старались дать нам бутылку вина, ракии, что-нибудь еще, хоть как-то отблагодарить. Скоро в нашем доме скопился довольно значительный запас ракии. Применение ей нашлось зимой: мы стали заливать ее в бачки омывателей стекол в машинах, большой процент спирта не давал ей замерзнуть, стекла всегда были чистыми. Правда, запах в кабине стоял жуткий.

Когда живешь среди людей, делишь с ними все тяготы военного времени, то неизбежно возникают дружеские связи. Такие связи у меня возникли с семьей одного военного по имени Желько, его женой Вечеркой и двумя детьми — Марко и Сандрой. Вся семья бежала из Сплита, бросив дом и пожитки. Родители Желько жили в Развудье, недалеко от Окляя. С началом боевых действий им пришлось уходить из своего дома, так как он стоял в 100 метрах от передовой. Все собрались в доме деда Желько в поселке Врбник. Дом был построен еще в XIX веке, о каких-нибудь удобствах речи быть не могло. Отец Желько во время войны партизанил, и в соседней Боснии у него в каждой деревне был или кум, или друг, или побратим. «Старый комуняка», как звал

отца Желько, был крепким дедом, проводившим много времени в поле, а по вечерам любившим посидеть со стаканчиком вина и поговорить о политике и о жизни. Мать Желько обладала даром лечить людей, вправляла вывихи, грыжи, лечила травами и делала еще много чего. Со всей округи к ней тянулись люди. В Книне жил еще один сын деда, с женой и двумя детьми. Жили трудно, но дружно. Желько вовремя понял, куда ведет развитие ситуации в РСК. По его просьбе я помог всем им получить необходимые бумаги от ООН на выезд из бывшей Югославии. Сейчас все его многочисленные родственники и он с семьей живут в Австралии. Вечерка, детский врач по образованию, лечит детей эмигрантов. Марко и Сандра ходят в школу. Вроде бы все налаживается, но тоска по родине гложет и Желько, и «старого комуняку».

Очень теплые отношения у меня сложились с пожилой семейной парой: сербом Николой и хорваткой Марией. Во время Второй мировой войны Никола был партизаном Тито, воевал в соседней Боснии. Он воевал вместе со своими братьями и другими родственниками — настоящая партизанская семья. Во время одного боя Никола попал под пулеметную очередь, был ранен в ноги и грудь. Немецкий врач посмотрел на него и сказал, что тот скоро умрет. Немцы ушли, партизаны вернулись и подобрали раненого. Долго лежал Никола в партизанском госпитале, начал потихоньку ходить, но сил было мало, он в основном сидел на лавочке перед домом, где был госпиталь. И вот однажды мимо прошла девушка. Она возвращалась с базара и несла какие-то покупки, положив сверток на голову. Никола был сражен ее красотой, встал и пошел следом. Ко времени нашего знакомства они прожили вместе 50 лет. У них было трое детей, все закончили институты: старшая дочь, Милица, была врачом, до войны жила с мужем-сербом, Бранко, в Бихаче, в западной Боснии. Когда начались события в Хорватии, она уговорила родителей перевезти все самое ценное к ней в Бихач, там было тихо. Однажды ночью мусульмане-фанатики устроили в Бихаче погром, Милица с Бранко и двухмесячной дочерью бежали на машине в Белград, бросив дом и все пожитки. Сын Николы и Марии закончил университет в Белграде и был преуспевающим инженером-механиком. Когда страна встала по разные стороны баррикад, он сказал: «Я не могу стрелять в хорватов: они родственники матери. Я не могу стрелять в сербов: они родственники отца». Поэтому он уехал в Бельгию и жил там. Телефонная связь с Белградом была, но требовалось много времени и терпения, чтобы дозвониться, до Бельгии дозвониться было еще труднее. Младшая дочь, Горяна, вышла замуж за хорвата и жила в соседнем Шибенике, всего в 30 километрах. Она была ветеринарным врачом и работала на станции контроля морепродуктов. У нее было двое детей, у младшего мальчика были проблемы с вилочковой железой: неожиданно резко поднималась температура, мальчик терял сознание. Первый раз, придя к нам на станцию, Никола долго не решался обратиться ко мне с просьбой, чтобы я узнал о здоровье внука. Потом дал номер телефона и попросил позвонить, когда я буду в Шибенике. Мой звонок наделал переполох в доме Башичей. Анте прыгнул в машину и помчался к тому месту, где я был. Он проводил меня к своему дому, где жена от нетерпения все время выглядывала наружу. Пока я пил кофе, Анте и Горяна читали письмо от родителей. Сколько слез было пролито! Потом они написали старикам письмо, и я уехал. Не меньше слез пролили Никола и Мария, читая письмо от дочери и зятя. Не написали дети о том, как

начальник-хорват бил Горяну по щекам только за то, что она сербка. Жизнь у Башичей была сложной. Да и старики чуть не погибли в своем доме после того, как их «освободили» хорваты. Старик-серб, живущий с женой-хорваткой полвека, является ярким примером возможности совместной жизни представителей двух народов. Он не был нужен «освободителям», и кто-то вечером выстрелил по их дому из гранатомета. Граната пробила стену в 10 сантиметрах над головами Николы и Марии.

Жизнь в Шибенике, да и во всей Хорватии нельзя было назвать простой. В городах побережья Сплите, Шибенике, Задаре по улицам ходили военные патрули и задерживали мужчин в гражданской одежде. Если у тех не было освобождения от военной службы, их немедленно отправляли на фронт. В такую проверку попали и двое российских милиционеров, возвращавшихся из отпуска. В Загребе они узнали о начале боевых действий в секторе «Юг», о том, что сектор отрезан от всего мира, машины из него не приходят. Они решили добираться до места службы самостоятельно. Надо сказать, что я до сих пор не могу понять, чем было продиктовано такое решение: ехать в зону боевых действий в гражданской одежде, на обычном рейсовом автобусе. Тем не менее, купив билеты на автобус, они добрались до Задара. На автобусной станции их остановил хорватский патруль, стал проверять документы. Узнав, что они ооновцы, да еще и русские, их жестоко избили, отняли все деньги. Ребята все же смогли добраться до поста военных наблюдателей в Шибенике и вызвали меня по радио. Я долго не мог понять, кто со мной связывается и пытается говорить по-русски. Потом разобрался и договорился, что встретимся через два часа на автобусной станции в Шибенике. Надо было получить разрешение от комбрига на проезд через КПП в Житнице. Узнав, почему мне потребовалось ехать в Шибеник, Драган Харамбашич немедленно дал команду пропустить, и на КПП меня уже ждал сапер. С началом боевых действий сербы установили дополнительные мины прямо на дороге, пробив асфальт. Земляные холмики на асфальте напоминали могильные, и от их вида было как-то не по себе. Сапер сказал, чтобы я ехал строго за ним, не сворачивая ни на метр в сторону. Мы свернули с дороги и поехали по минному полю. Спина у меня вмиг стала мокрой, я только видел спину сапера в метре от капота моей машины и думал, как бы он не ошибся. Сапер вывел меня на дорогу, спросил, когда я думаю возвращаться. Мы договорились, что через 2 часа он будет ждать на этом же месте, чтобы провести обратно.

На автобусной станции в Шибенике я был раньше условленного срока, поставил машину на видном месте и стал ждать. Когда Миша и Слава подошли к машине, я их не узнал: лица — сплошной синяк, губы разбиты, на голове ссадины. Передвигались они с трудом: их били по почкам прикладами автоматов. Обратная дорога заняла меньше часа, но сербский сапер уже ждал нас, дорога хорошо просматривалась с наблюдательных пунктов, и ему вовремя сообщили о нашем прибытии. Сербские пограничники и военные с сожалением смотрели на пострадавших. Я отвез ребят в британскую медицинскую роту, где им оказали помощь и составили документы о полученных травмах. Впоследствии это оказалось не лишним: у Михаила начались проблемы со зрением как следствие ударов рукояткой пистолета по голове.

В самом начале боевых действий мне пришлось выполнять необычное задание руководства сектора. В нашем районе был мавзолеей скульптора Мештровича, всемирно

известного хорвата. На одной из встреч с руководством сектора хорваты обвинили сербов в том, что они разрушили мавзолей, осквернили могилу и превратили это место в армейский опорный пункт. Я приехал в деревеньку Бучичи, поднялся на холм, где стоял мавзолей. По углам холма были вырыты щели укрытия, мавзолей был цел и невредим, в зале мавзолея стояли подсвечники и католические кресты. По стенам шли барельефы работы Мештровича, ничто не говорило о разрушении или осквернении, о чем я с радостью доложил в рапорте.

Снабжение жителей Дрниша гуманитарной помощью целиком легло на наши плечи. На своих джипах мы могли увезти 200–300 кг, а потребности были во много раз больше. Других же в прифронтовую зону не пускали. Мы обсудили создавшееся положение, и Алексей Шуваев сказал, что может сесть за руль грузовика, чтобы отвезти сразу тонны две-три продуктов. Мы пошли в британскую медроту, взяли у них грузовик, аналогичный нашему КамАЗу, загрузили его доверху мешками с мукой. Приехали в Дрниш и встали у склада местного комитета по делам беженцев. Весть о том, что привезли продукты питания, мигом облетела всех. У склада собралась толпа, люди быстро перекидали муку в хранилище. На какое-то время проблема была решена.

Пакеты с растительным маслом, консервами, сахаром, предметами гигиены мы развозили по домам, это занимало достаточно много времени. Как всегда, родилось рационализаторское предложение: мы приезжаем в определенное место, а жители окрестных домов подходят к машине и получают свои продукты. Раздали график очередности получения питания и начали планомерно объезжать районы Дрниша и окрестностей, добираясь до самых отдаленных деревень. В один из дней мы поднялись на самый верх нашего городка, к развалинам крепости, оставшейся от войны с турками. День был тихий, солнечный. Неподалеку горела автопокрышка, черный дым столбом уходил в небо. Мы заехали подальше в переулочек, чтобы запах горелой резины не досаждал, и начали раздавать продукты. Минут через пять раздался отдаленный хлопок, и над площадью разорвался шрапнельный снаряд. Осколки посекали черепицу на домах, но люди и мы, укрытые высокими домами, задеты не были. Если бы мы, как всегда, раздавали продукты на открытом месте, то раненых и убитых было бы много. Дым от горящей крыши был репером, по которому наводили орудие. Как стало известно позднее, на хорватской стороне был насыпан небольшой курган, на склон кургана въехал танк, поднял орудие на максимальный угол и выстрелил.

С Алексеем Шуваевым мы попадали под обстрелы не раз, но каждый раз буквально за несколько минут до взрыва перемещались от того места, куда попал снаряд. Леша служил срочную службу в артиллерии, и я всегда доверял его интуиции. В самом начале нашей миссии один серб решил прощупать наше отношение к событиям, как я понимаю, по поручению спецслужб. Поздно ночью мы подъехали к своему дому. Алексей попрощался и ушел, а я остался в машине беседовать с ночным посетителем. Разговор был очень острым, и неизвестно, как бы он мог завершиться, но все обошлось нормально. Я попрощался с нашим «проверяющим», вышел из машины, и он уехал. Каково же было мое удивление, когда из придорожных кустов, буквально в метре от меня, появился Алексей. Он лишь сделал вид, что отправился спать, а сам прошел вокруг дома и страховал меня!

Большими усилиями ООН, послов США и России за стол переговоров усадили сербов из РСК и хорватов. Первый раунд прошел в Загребе, потом в Топуско. Дошла очередь и до Южного сектора. Переговоры решили проводить в Житнице. Нашли отдельно стоящий дом вблизи дороги, вокруг расположились бронетранспортеры и солдаты кенийского батальона. Мне было поручено доставить хорватскую делегацию к месту переговоров. Я приехал на хорватский КПП, где уже дожидалась делегация из Шибеника. Меня в подробностях расспросили о мерах безопасности, гарантиях и только после этого сели в машину. До дома переговоров доехали без приключений, но на сербском КПП я внутренне напрягся, видимо передалось волнение пассажиров. Переговоры шли три часа, за это время договорились о посещении хорватами кладбищ, возможности медицинской эвакуации стариков (только в единичных случаях). Детали посещения кладбищ должны были быть согласованы отдельно. Вместе с военными наблюдателями мы начали разрабатывать маршруты движения автобусов, меры безопасности, согласовывать все это с сербами и хорватами. С приближением дня посещения, возрастала и наша нервозность: подобного раньше не было. Неоднократно проверили все маршруты, вроде бы предусмотрели все. Я не один раз встречался с командиром бригады, начальником милиции и командиром пограничной милиции, все заверяли, что никаких эксцессов не будет.

Само мероприятие началось по плану. Автобусы прибыли с хорватской стороны и в сопровождении машин гражданской полиции ООН, военных наблюдателей и гражданской службы ООН разъехались по согласованным маршрутам. Я находился в кабинете начальника милиции Дрниша и контролировал ситуацию по радио. Все шло нормально. На посещение кладбищ отводилось 6 часов. И вдруг на пятом часу одновременно полицейские и военные по радио сообщили, что в районе деревни Градац ведется огонь из стрелкового оружия. Я немедленно дал команду не пропускать автобусы в этот район, а сам помчался к командиру бригады. По докладам сербов, хорваты открыли огонь по сербским позициям, сербы ответили. Возможно, сербы под шумок стали занимать какие-то выгодные позиции, а хорваты решили их отогнать. Посещение кладбищ пришлось сворачивать. Через час все хорваты живыми и здоровыми вернулись на свою сторону.

Леонид Владимирович Керестеджиянц позвонил мне в Книн и сказал, что в Хорватию приезжает делегация Верховного Совета Российской Федерации во главе с председателем комитета по международным делам Е.А. Амбарцумовым. Посол попросил встретить делегацию в Карловаце и отвезти в Книн. Там планировалась встреча с руководством сектора и руководством Республики Сербская Краина. Поставив в известность руководство сектора, я взял с собой Володю Николаева. Володя был самым молодым из нас, но парень с характером и надежный. То, что у Володи отец — генерал милиции и заместитель начальника одного из главков министерства, я узнал, уже вернувшись в Москву. Ничем Володя не давал почувствовать, что он — генеральский сын, всегда был готов выполнять самую трудную работу, не ныл, не прятался в кустах. С таким напарником можно идти и в разведку.

Посол вместе с делегацией ждал нас в Карловаце, все разместились в наших машинах и тронулись в путь. Проблем на хорватских и сербских КПП не было. Мы без

труда доехали до Плитвицкого заповедника. К тому времени я уже хорошо знал этот национальный парк и знал, где нужно остановиться на дороге, чтобы показать водопады. При осмотре красот природы продолжалась начатая, видимо, давно дискуссия о судьбах Югославии и России. На членов делегации сильное впечатление произвели следы боев, разрушенные дома, пустые деревни. Все русские милиционеры в Книне просили их учесть горький опыт Югославии и сделать все возможное, чтобы такого не произошло дома. Во время встречи с командующим сектором, генералом Робом, произошел курьезный случай. Я выступал в роли переводчика. Генерал рассказывал о проблемах сектора, путях их решения и попытках примирения сторон. Видимо, желая подчеркнуть единство всех участников миссии в стремлении решить стоящие перед нами задачи, он сказал: «Мы с моим братом Борисом...». Естественно, при переводе я опустил такие подробности. Когда закончилась встреча и мы выходили из кабинета генерала, ответственный секретарь Конституционной комиссии О.Г. Румянцев подколот меня: «Что ж ты скрываешь своих родственников?». В Загреб делегация вернулась на вертолете.

Весна 1993 года была временем напряженной дипломатической и политической работы. Мы это чувствовали по участвовавшим визитам в Книн высокопоставленных делегаций. Когда прибывали русские, то командование сектора направляло меня и еще кого-нибудь из русских на сопровождение и обеспечение безопасности. Чаще всего это был Алексей Шуваев. Как правило, мы взаимодействовали с чешскими офицерами военной полиции, поскольку сами не были вооружены. Самым высокопоставленным российским дипломатом, кого я встречал в Книне, был В. Чуркин. Мне он показался уставшим и вымотанным. Его переговоры в Книне не дали желаемых результатов, и Чуркин улетал расстроенным.

Сербы готовились к полевым работам, поэтому остро встал вопрос о дизельном топливе для тракторов и о семенах. То небольшое количество топлива, что удавалось протащить по коридору из Сербии, шло на нужды армии. Реально возникала угроза голода и необходимость увеличения поставок продовольствия для населения Краины. Было принято решение выделить топливо и семена для проведения полевых работ. Контроль за правильным их использованием опять лег на плечи гражданской полиции. Вместе с другими службами сектора мы составляли списки, кому будет выделено топливо и семена, проверяли, не ушло ли топливо армии. Работы хватало. За этими хлопотами подошел срок отъезда домой.

Самое трудное — это расставаться с друзьями, не зная, увидишь ли их еще когда-нибудь. Были прощальные застолья, была стрельба в воздух, которая по сербским традициям всегда сопровождает торжественные моменты жизни. С хорватами прощались так же тепло, несмотря на всю сложность взаимоотношений. С Алексеем Шуваевым мы съездили в монастырь Архангела Михаила, попрощались с епископом Лонгиным. Я уезжал домой с твердой уверенностью, что далматинцы — самые открытые, самые радушные, самые приветливые люди во всей бывшей Югославии, сербы они или хорваты.

Уезжали со странными чувствами. Со своей стороны мы сделали все, чтобы помочь установить мир в Краине, не раз рисковали жизнями, спасая людей. Но добываемая нами информация не учитывалась в Нью-Йорке при принятии решений по Югославии. Создавалось впечатление, что воля народа, высказанная на референдуме,

совершенно никого не интересовала. Какая-то внешняя сила уже приняла решение и упорно проводит его в жизнь. Тем не менее мы с честью выполнили поставленные перед нами задачи.

В Москве нас принял заместитель министра внутренних дел, был устроен торжественный обед в нашу честь. Начальник Главного управления кадров Игорь Васильевич Астапкин, сам дважды побывавший в командировках в Афганистане, вручил нам благодарственные письма министра и именные часы. Много теплых слов было сказано и в адрес наших жен, присутствовавших на приеме. После этого мы разъехались по домам. Позднее за выполнение задания правительства в условиях, связанных с риском для жизни, мы были награждены орденами «За личное мужество». Так закончилась моя первая командировка в бывшую Югославию.

Прошло полгода, и меня вызвали в Москву. Министерство постоянно анализировало работу наших ребят в Югославии, видело промахи в подготовке к командировке. В Москве собрались кандидаты на поездку, прошедшие отбор по многим показателям: психологическая устойчивость, вождение автомобиля, знание английского языка, опыт работы в органах внутренних дел. Предстояло научить ребят работать с многочисленными документами миссии, научить правилам радиообмена, правилам общения с многонациональным полицейским коллективом. Кто может лучше всего это сделать? Только тот, кто сам прошел эту школу, набил себе шишек, понял, почему фунт миротворческого лиха. Мне предстояло рассказать о правилах поведения в прифронтовых районах, способах патрулирования, о том, как избежать минной опасности, да и просто как жить в миссии.

Наша учеба строилась в форме беседы: ведь я не был лектором или преподавателем. Я рассказывал, ребята задавали вопросы, просили что-то уточнить или рассказать подробнее. В этот раз группа подобралась из опытных работников милиции. Майор Виктор Зайцев был начальником отдела вневедомственной охраны со станции Узловая Тульской области, подполковник Вячеслав Швыряев из Воронежа работал в отделе по борьбе с наркотиками, капитан Юрий Чесноков из Калуги — сотрудник РУОПа, капитан Олег Тарасов из Южно-Сахалинска срочную службу проходил в Афганистане. Володя Крапивин из Новороссийска был начальником отдела уголовного розыска порта. Во время катастрофы теплохода «Нахимов» Володя лично спас 78 человек. Полковник Александр Пешков был опытным работником ГАИ. Самым молодым был Володя Силичев из Кемерово, широкоплечий сибирский парень с румянцем во всю щеку. За время учебы у нас сложились дружеские отношения, которые не прерываются и сейчас.

Много души в обучение ребят вложил Михаил Петрович Коротенков — сотрудник Главного управления кадров, один из кураторов миротворческой миссии. Именно ему принадлежит идея создания учебного центра по подготовке к работе в миссии. В министерство Михаил Петрович пришел из внутренних войск, войсковая закуска сразу чувствовалась во всем. Многие ребята были обязаны Михаилу Петровичу своими успехами в службе.

В конце курса обучения были экзамены. После экзаменов заседала мандатная комиссия, председателем комиссии был И.В. Астапкин. Он высоко оценил подготовку группы и совершенно неожиданно спросил: «А сам хочешь поехать?» У меня даже дух

перехватило. Еще бы не хотеть! За пять минут решила моя судьба, я был назначен заместителем командира российского контингента и включен в состав группы, убывающей в Хорватию. Решающее слово в мою пользу сказала Александра Владимировна Земскова, главный инспектор ГУКа. Меня она знала по первой командировке, и особых замечаний у нее не было. Собрался за три дня.

Летели мы в Хорватию через Вену. В Вене должны были переночевать и на следующее утро лететь в Загреб. По установленному порядку мы летели в своей форме, но пограничники в аэропорту Вены отказались нас пропускать: на территории Австрии в форме могли находиться только австрийские военные и полиция. Возникла курьезная ситуация: переодеться нам не во что, все в чемоданах, а в форме не пройдешь. По моей просьбе пришел старший начальник пограничников. Я объяснил ему сложившуюся ситуацию. Под наше честное слово нам разрешили дойти до гостиницы в аэропорту. Но тут на таможне «пошутил» Володя Крапивин: на дежурный вопрос таможенников «Есть ли запрещенные к ввозу предметы?» он ответил: «Ничего нет, кроме бочкового героина». Ответил он по-русски, но таможня услышала знакомое слово «героин». Проверка пошла по полной программе. Наконец мы добрались до гостиницы, переоделись и отправились гулять по Вене.

В Загребе нас встретил представитель штаба, отвез в гостиницу. На следующее утро начались «вступительные экзамены»: предстояло сдать экзамен по английскому языку и вождению автомобиля. Если с языковым экзаменом проблем не было, то вождение иномарки в незнакомом городе стало проблемой для нескольких наших ребят. Экзамен принимал гражданский служащий из Непала. То ли важность занимаемого поста, то ли какие-то другие причины сделали его важным и недоступным. Но Виктор Зайцев нашел к нему «ключик»: подчеркнуто вежливое обращение «сэр», внимательно выслушиваемое нравоучение и «маленький сувенир» на память о русской группе. На другой день экзамены успешно сдали и остальные.

Настало 9 мая, святой день для всех русских. Отметить его мы собрались в ресторане гостиницы. Народу в ресторане было достаточно много, и официанты сновали мимо нашего стола, не обращая на нас внимания. Так продолжалось минут 20, терпение стало таять. Я посоветовал Вите Зайцеву подойти к метрдотелю и высказать ему наше неудовольствие на немецком языке. Я знал, как хорваты реагируют на немцев, а Вита свободно говорил по-немецки. Результат был потрясающим: при звуках немецкой речи метрдотель весь подобрался, и стол нам накрыли через пять минут. Вот что значит отличное знание языка в сочетании с пониманием ситуации.

Предстояло распределение по секторам. Начальником службы кадров миссии был Алексей Васильевич Лазуткин, подполковник из Самары, с которым мы были в первой командировке. Он предложил мне на выбор несколько секторов. Конечно, сектор «Юг»! Со мной отправились Володя Силичев, Олег Тарасов, Виктор Зайцев и Слава Швыряев. На этот раз до штаба сектора мы добирались на вертолете. С воздуха хорошо были видны разрушенные дома Лики, Кордуна, Далмации, ребята не отрывались от иллюминаторов. Только вертолет приземлился на территории штаба в Книне и мы сошли на землю, как навстречу начали попадаться знакомые люди: технические работники-сербы, сотрудники Комиссариата по делам беженцев. Объятия, троекратные поцелуи, короче — дома!

Дежурный штаба сектора Роман Карась начал вводить нас в курс дела. Позиции русских мониторов были не блестящими. Русские были хороши для передовой, а для штабной работы подходили скандинавы и представители Европейского Союза. Картина знакомая. Более того, шведский сержант, которого я и в глаза не видел, воспылал ко мне лютой ненавистью за мою работу в Дрнише, обвинял в сговоре с сербами. Этот сержант приложил руку к тому, что меня распределили на станцию в Залужницу, самый глухой угол сектора. Через этот поселок мы возили беженцев в Оточац в прошлую миссию. Ну, Залужница так Залужница. Виктор Зайцев и Слава Швыряев поехали в Обровац, Олег Тарасов и Володя Силичев — в Кореницу.

По приезде в Кореницу выяснилось, что мониторы со станции в Залужнице живут в Коренице, поэтому мы втроем сняли жилье вместе со шведом Даном Джонсом. Он был сержантом полиции в небольшом городке на севере Швеции — рослый, добродушный дядька. Начальником на моей станции был тоже шведский сержант, спокойный, уравновешенный человек. На станции работали иорданцы, колумбийцы, ирландцы, кенийцы. Новинкой в миссии было появление женщин-полицейских. Нам досталась ирландка Мэри, говорившая со скоростью авиационного пулемета. Она была из маленького городка на западе Ирландии, и я не всегда понимал, что она говорит. Я сказал об этом другому ирландцу, Джону Данну. «Успокойся, Борис, — отреагировал тот, — Я ее тоже не понимаю».

Ознакомительная поездка по маршрутам патрулирования — обязательная процедура для вновь прибывших мониторов. Я сел в машину, Мэри — за руль, и мы поехали. Дорога проходила вдоль линии разделения сторон по ничьей земле. Только что прошел дождь, и на грунтовке были лужи. Когда Мэри лихо въехала в первую лужу, у меня остановилось сердце. Я попросил ее остановиться и спросил, всегда ли она ездит таким образом. Она посмотрела на меня с удивлением. Пришлось объяснить, что такое мины и как их ставят: снаряженную мину можно просто положить в лужу, не надо даже землю копать. Я сел за руль и показал, как нужно ездить в прифронтовой полосе. По возвращении на станцию я просмотрел всю документацию. По вождению во время патрулирования были самые общие сведения. Я предложил начальнику станции разработать инструкцию для патрульных. Через два дня мы вывесили на доске объявлений подробный набор правил о скорости движения, признаках минирования дороги, правилах поведения при обнаружении мин. Проведенная работа сразу вызвала доверие ко мне со стороны всех коллег.

То, что минная опасность очень велика, вскоре подтвердил трагический случай. По мандату войска ООН проводили разминирование территорий. Этим занимались постоянно. Не было схем минных полей, сведений о типах установленных мин; все это очень осложняло действия саперов, делало их еще опаснее. Недалеко от нашей станции на территории соседнего сектора эту работу проводили польские саперы. Люди опытные, группа уже сняла к тому моменту более 800 мин. Но сапер ошибается только раз. В один из дней снимали противотанковые мины, все шло успешно. Взрыв прогремел, как всегда, неожиданно: под противотанковой миной была установлена противопехотная, и, когда сапер поднял противотанковую, противопехотная рванула. Сапер погиб, его тело не могли достать двое суток, пока не проверили все вокруг и не сняли остальные мины.

Наш участок сектора был в ведении чешского батальона, поэтому у меня сразу сложились хорошие отношения с командованием батальона, командирами рот и постов. Пошел обмен информацией по обстановке, и это сразу позволило укрепить наше взаимодействие. Служба налаживалась. Но тут из Книна позвонил Роман Карась и сказал, что мой недруг в штабе совсем распоясался: при всех работниках штаба он обвинил меня в том, что я продал сербам машины ООН (!) и компьютер из штаба сектора. Пообещал отдать под суд. Терпеть такое было нельзя, я взял машину на станции, сказал командиру, что мне надо к командиру полиции сектора, и поехал в Книн. Командиром полиции был худощавый норвежец. Я рассказал ему, с чем прибыл, и потребовал провести официальное расследование, если имеется какая-то информация. В противном случае пусть этот швед прекратит распускать слухи: я — заместитель командира российского контингента, и тень падает на всех нас. Во время нашего разговора в комнату вошел португалец Суза, мой коллега в первой миссии. Мы обнялись, стали спрашивать друг друга, что да как. Выяснилось, что Суза опять зам. командира полиции сектора. Когда я рассказал, с каким вопросом приехал к командиру сектора, Де Суза сказал норвегу: «Я был первым в секторе, у кого угнали машину. Компьютер украли в штабе сектора. У них на станциях не было даже пишущих машинок». И рассказал о нашей работе в Дрнише. Командир пообещал принять меры, и я уехал. По рассказам Романа, у командира состоялся разговор со шведским сержантом, после которого тот стал красным, как рак. Возможно, этот швед пользовался какой-то информацией хорватов и имел богатую фантазию. Эта история имела неожиданное продолжение: через неделю меня назначили заместителем командира полиции сектора «Север».

Прибыв в Топуско, я начал знакомиться с обстановкой. Мой предшественник, канадец, кратко рассказал об основных проблемах в секторе. Может, он был не очень разговорчивым, а может быть, не хотел навязывать своего взгляда на положение дел. От Топуско до границы с Западной Боснией было рукой подать. В этом районе велись бои между войсками Фикрета Абдича и пятым боснийским корпусом под командованием генерала Арифа Дудаковича. Все это здорово осложняло обстановку в секторе.

В штабе полиции сектора я был единственным русским. Командиром полиции был датчанин, старший инспектор Лауритсен. Сектор «Север» традиционно был датским. Здесь размещался датский батальон, начальником штаба сектора был датский полковник, начальником полиции сектора — тоже датчанин. Командовал войсками сектора польский генерал, закончивший в Москве две академии. Общаться с ним мы с первых минут стали по-русски, но лишь когда были вдвоем. На момент моего прибытия сектор был разделен на четыре зоны: польский батальон на западе, иорданский и французский батальоны в центре и датский батальон на востоке. Польский батальон стоял на границе с Хорватией и сектором «Юг», иорданцы — на границе с Хорватией на севере, французы на южной границе с Боснией, датский батальон занимал часть территории Хорватии в районе Петриньи и Сисака, восточную часть сектора и пограничную с Боснией полосу. Политическим координатором в секторе был Юрий Николаевич Мякотных — профессиональный дипломат, человек широчайшего кругозора, душа компании. Мы с ним познакомились еще в секторе «Юг», поэтому не требовалось времени на узнавание и притирание. Все, кто работал с Юрием Николаевичем, испы-

тывали чувство глубокого уважения к нему, а тот, кто был связан еще и дружескими узами, просто благодарил судьбу за такой подарок. Тем больнее было нам, когда мы узнали, что Ю.Н. Мякотных погиб в автомобильной катастрофе. Но до этого трагического события было еще полгода.

В мои обязанности заместителя командира входила организация службы всех станций сектора. Расследования в штабе контролировали датчанин и канадец. Тыловое обеспечение было в руках двух польских капитанов, кадрами ведал португалец. Его жена тоже была полицейской и вместе с ним работала в миссии на одной из станций сектора рядом со штабом. Дежурная часть была полностью укомплектована и работала круглые сутки. Старшим там был канадец. Оба канадца имели одно имя — Джим, поэтому в разговорах всегда приходилось уточнять, какого Джима имеешь в виду.

Первая проблема, с которой я столкнулся, была путаница в обозначении координат при указании места происшествия. Полицейские были из разных стран, разной степени подготовки, и это, несомненно, влияло на уровень подаваемых ими документов. По рапортам со станций ежедневно составлялся доклад о происшествиях, о работе по оказанию помощи населению, по взаимодействию с другими службами миссии. Этот доклад отправлялся и в Загреб, и ложился на стол командующего сектором. Два раза на совещании у командующего мы с трудом разобрались, где что произошло. Выход предложили канадцы Джимы. Джим из дежурной части в армии был артиллеристом и предложил ввести в компьютер названия всех населенных пунктов с указанием координат. При упоминании в документе названия населенного пункта автоматически указывались и его координаты. Джим-артиллерист составил программу и подготовил данные для всех наших станций. Позднее эту программу установили у себя и военные наблюдатели. Путаница исчезла.

Ежедневно я посещал одну из станций сектора, знакомился на месте с работой, помогал решать проблемы. Самой большой сложностью была устойчивая радиосвязь со штабом. Кордун и Лика — сплошные холмы и горы, трасса связи закрытая. В секторе был установлен ретранслятор на самой высокой горе, но эту точку мы не знали. Можно было вызвать специалиста из Загреба, чтобы наладить радиосвязь, но эта служба была очень занята, и пришлось бы ждать довольно долго. Я уточнил в Загребе положение ретранслятора и решил справиться с проблемой самостоятельно, благо опыт такой работы был. Начал со станции в Костанице. Пять минут мы поворачивали антенну в разные стороны, а затем слышали четкий голос дежурного в Топуско. Затем были станции в Дворе, Войниче. Связь заработала как надо, безопасность патрулей возросла. В один из дней я увидел на дороге родной БТР-80, выкрашенный в ооновский белый цвет. От неожиданности и радости я перекрыл дорогу, выскочил из машины. Остановился и БТР. Это был передовой отряд второго украинского батальона, их перебрасывали из-под Горажде в Боснии в сектор «Север». Впервые за полтора месяца я смог говорить по-русски. Укрбат-2 шел на смену французскому батальону в Глине, французы уходили в Великую Кладушу, в Боснию. В Глине жил и я. Быстро договорившись о встрече вечером, мы разъехались по своим делам. На новом месте украинцы устраивались основательно. Вечером на столе уже лежал черный хлеб, выпеченный в походной пекарне, сало и другие недоступные здесь лакомства. Я рассказал ребятам про все трудности мис-

сии, обратил их внимание на минную опасность. Украинцев прямо с корабля бросили под Горажде, под бомбежки и артиллерийский огонь, не дав осмотреться и понять, что к чему. В составе батальона было много офицеров, которые в советские времена прошли школу Афганистана. Командир батальона полковник Георгий Тележенко командовал 201-й дивизией в Душанбе и на броневывозил членов бюро обкома партии, когда обстановка в Душанбе стала опасной. Мы стали настоящими боевыми товарищами, не раз помогали друг другу. Я не утаивал того, что знал, никогда не отказывал в помощи любому офицеру и солдату батальона. Для русских батальон стал своим. Политики решали, как делить и что делить, а мы вместе несли трудную службу.

Как заместитель командира российского контингента, я мог выезжать в другие сектора, чтобы встречаться с нашими ребятами. Поехал в Обровац, к Виктору Зайцеву и Славе Швыряеву. Как сердце подсказало. Настроение у ребят было неважное. Они были единственными русскими на этой станции, работали в разных сменах, подолгу не виделись. В довершение всего Обровац расположен в глубокой котловине, воздух стоит неподвижно и очень прогревается за день, ночью спать невозможно от духоты. А тут еще навалилась тоска по дому. Короче, все одно к одному. Виктор, правда, усиленно работал над английским языком, по всей квартире были развешены листы с английскими словами. Кроме того, он начал говорить на таком экзотическом языке как бангладешский. И это — в дополнение к блестящему немецкому и сербскому языкам. Я пробыл у ребят почти весь день, за разговорами, совместным обедом и ужином, настроение улучшилось и у них, и у меня. Кто-то в Москве и в наших УВД думал, что мы находимся на курорте, да считал, сколько долларов мы получили, не задумываясь над тем, сколько здоровья, сколько нервов осталось на этих «курортах». Глупость и зависть человеческая безграничны.

Возвращался через Кореницу, по рации связался с Олегом Тарасовым, договорились о встрече. На пять минут задержался на заправке и когда подъехал к месту встречи, то застал Олега в крайне возбужденном состоянии. Он огорошил меня словами: «Я чуть не погиб сейчас». Оказалось, что в стоящую около станции машину залез вооруженный серб. Он спрятался на заднем сиденье и стал ждать. Олег сел в машину и только отъехал от станции, как сзади поднялся «пассажир», приставил к его голове пистолет и приказал ехать прямо, не сворачивать и сигналов никому не подавать. Такие случаи уже были в миссии: машины забирали, а людей привязывали к дереву в глухом месте, бросая на произвол судьбы. Олег доехал до расположения военных наблюдателей, резко переложил руль из стороны в сторону. Преступник завалился на заднее сиденье. Олег выдернул ключ и выскочил из машины. Следом выскочил и нападавший: Завязалась рукопашная схватка, Олег обезоружил бандита, повалил его на землю, связал. Все это происходило на глазах у жителей Кореницы. Не зная ситуации, они кинулись на помощь своему соотечественнику. Пришлось выстрелить в воздух, толпа остановилась, и Олег доставил задержанного на пост военных наблюдателей. Я дождался приезда сербской милиции, мы составили все необходимые документы и передали им преступника. Как выяснилось позднее, парень был должен своим друзьям около трех тысяч марок и решил поправить свое материальное положение таким образом. Действия Олега в этой ситуации оценивали по-разному. Ирландец Джон Данн, начальник станции, где

работал Олег, считал, что надо было не сопротивляться и действовать по указаниям бандита. Он, как все иностранцы, не понимал, что дело было не в машине, была затронута честь русского офицера. Джон боялся мести со стороны друзей этого серба. Такие опасения были разумными, мы связались со штабом в Загребе, и Олега перевели ко мне в сектор «Север», на станцию в Глину. Москва же отметила мужество и профессионализм Олега Владимировича Тарасова, наградив его медалью «За отвагу».

26.07.94 хорваты неожиданно установили КПП в селе Мошенице, недалеко от Петриньи, закрыв путь полиции и военным в зону разграничения. На переходе Петринья–Сисак появились баррикады с хорватской стороны, где «разгневанные бездействием ООН» хорватские граждане проводили демонстрации, блокировали конвои и одиночные машины СООНО. На сербской стороне конвои простаивали на КПП сутками. Куда податься бедному миротворцу?! 27.07.94 было срочно созвано совещание в Карловаце, где командующий сектором гневно выговаривал хорватскому генералу Милевацу по поводу действий хорватской стороны. Конвои начали двигаться, но демонстрации продолжались. Дирижером в тени было, как всегда, правительство Хорватии.

Через две недели — новая напасть. Возле наблюдательного поста № 23 украинского батальона, на берегу реки Купа, хорватская диверсионная группа обстреляла сербов, рыбачивших в лодке. 3 человека в камуфляжной форме открыли ураганный огонь из автоматов, пули застучали и по зданию поста. Командир, старший прапорщик Мервинский, дал команду открыть ответный огонь, и хорваты отошли. Один рыбак утонул, другой два часа не мог говорить, его трясло, как в лихорадке. Сербь потребовали проведения тщательного расследования, заявляя, что рыбак не утонул, а был убит. Пришлось приглашать врача из Укрбата и проводить совместное обследование трупа.

Тем временем боевые действия в районе Бихача — Великой Кладуши набирали обороты. Сербь Краины поддерживали Фикрета Абдича. Он был незаурядной личностью: бизнесмен, художник, политик. На выборах президента Боснии он опередил Изетбеговича, но отказался занять этот пост, потому что был сторонником нормальных отношений с сербами и хорватами. Его могли просто убить в Сараево: такие идеи там не были нужны. Он владел сетью птицефабрик, которая успешно работала даже во время войны. Своих кур Абдич возил в Хорватию через территорию, находившуюся под контролем краинских сербов, снабжал он курами и краинских сербов. У этих караванов не возникало проблем ни на сербских КПП, ни на хорватских. Зато днями простаивали конвои ООН, направлявшиеся в Бихач. Как рассказал мне один сербский офицер, французы из благотворительных организаций под видом рыбных консервов поставляли Пятому корпусу пластиковую взрывчатку. В Бихаче было налажено производство корпусов мин для минометов, а «рыбные консервы» давали начинку этим корпусам, поэтому все конвои тщательно досматривались. Сербская милиция и полиция Абдича проводили совместные операции против контрабандистов в пограничных районах, обеспечивали порядок по обе стороны границы. Проводились и товарищеские матчи по футболу, в которых принимали участие и полицейские ООН.

С военной точки зрения захватить Бихач и покончить с Пятым корпусом не представляло труда. Боевые действия против генерала Дудаковича вели сербы Боснии и Краины, объединенные силы могли взять Бихач и покончить с Пятым корпусом за две недели.

Когда я спросил заместителя командира Кордунского корпуса, почему сербы не делают этого, он ответил вопросом: «А куда девать гражданских мусульман, на небо?»

Абдич дал согласие на размещение сил гражданской полиции в Великой Кладуше. Я отправился в Кладушу с новым командиром станции — шведом по фамилии Нильссон. Человек в годах, по-скандинавски спокойный и рассудительный, он был самой лучшей кандидатурой для действий в таком районе. Мы осмотрели предложенные помещения и решили, что на первое время они нам подойдут. Затем проехали по представителям других организаций ООН, действовавших в Кладуше. Все были рады, что миротворческие силы растут.

С этого момента начались встречи с руководством непризнанного анклава. На первой встрече 16.08.94 министр экономического развития правительства Абдича выслушал сообщение командира полиции сектора «Север» Лауритсена о роли и задачах гражданской полиции. Затем мы попросили министра рассказать о ситуации. До войны в Кладуше и окрестностях жило 500–600 тысяч жителей. С возобновлением в последнее время боевых действий сюда пришли еще около 10 тысяч человек. Гуманитарная ситуация была крайне тяжелая, на человека приходилось около четырех квадратных метров жилья, работы не было, возникли серьезные проблемы с медицинским обслуживанием. Правительство выразило удовлетворение работой гуманитарных организаций ООН, но было уверено, что французский батальон оказывает помощь Пятому корпусу. Для нормализации политической обстановки была проведена амнистия для лиц, которых подозревали в сотрудничестве с Пятым корпусом, на свободу отпустили 176 человек. Поэтому работы для гражданской полиции будет много, и руководство анклава радо, что появляется еще одна служба ООН.

После совещания мы обсудили все, что услышали, и пришли к заключению о необходимости скорейшего развертывания станции и комплектования ее опытными мониторами, в основном добровольцами. Первым добровольцем стал португалец Джордже Мешкита. Он уже давно был в миссии, побывал в Сараево, получил там ранение. Джордже стал заместителем начальника станции. Кроме него, туда были направлены полицейские из Кении и Бангладеша — как представители исламских стран. После комплектования станции Лауритсен уехал в отпуск в Данию, а командование полицией сектора перешло ко мне.

Со станций полиции ООН в Слуне и Коренице доложили, что в одну из ночей потерпел аварию самолет; он летел со стороны Бихача и упал в районе Плитвицкого заповедника. Проведенным расследованием было установлено, что это был транспортный самолет Ан-26, который перебросил 4 тонны боеприпасов из Хорватии для войск Пятого корпуса. Он сел на грунтовую площадку возле Бихача, выгрузил боеприпасы, а на обратном пути был сбит ракетой. Через некоторое время был сбит вертолет Ми-8 с экипажем из Сибири. Какой же тяжелой была ситуация дома, если пилоты рисковали жизнями, чтобы заработать на кусок хлеба.

18.08.94 меня срочно попросили приехать на переговоры в Кладушу. Обстановка там осложнялась. Как мне сообщили, в составе Пятого корпуса воюют два батальона афганских моджахедов, «Алия» и «Газия». Они считают, что боснийские мусульмане Абдича — «неправильные» и подлежат поголовному истреблению. По мере продвиже-

ния Пятого корпуса на север люди уходят, спасая свою жизнь. Пока действует перемирие сроком на три дня, но это не продлится долго. По словам министра, 95 % населения анклава поддерживают Абдича и, в случае атаки Пятого корпуса на Кладушу, уйдут в Краину. Сил для самостоятельного сопротивления у них нет, ведутся переговоры с РСК и Республикой Сербской, но прогресса нет, так как оказывается очень сильное давление со стороны ООН с целью не допустить объединения сил, противостоящих Дудаковичу. Не дают результатов и переговоры Абдич–Силайджич.

Мы обсудили положение дел с Нильссоном и Джордже Мешкитой. Решили пока продолжать работу в Кладуше, договорились о сигнале по радио, после которого должна начаться срочная эвакуация станции. На следующий день я встретился с командующим сербским корпусом «Банья» полковником Летичем. По словам командующего, корпус внимательно следил за развитием событий в районе Кладуши; все понимали, что с падением Кладуши войска корпуса входят в прямое соприкосновение с войсками генерала Дудаковича. Дудакович был выпускником артиллерийского училища в Одессе, прекрасно знал историю Великой Отечественной войны и особенно все, что касалось Сталинградской битвы. Возможно, в военной истории он и находил решения для выхода из непростой ситуации, в которой оказались войска его корпуса. Полковник Летич предупредил меня, что с началом боевых действий вблизи границы пограничный переход Мальевац будет закрыт.

Полученная информация требовала принятия мер. На утреннем докладе у командующего сектором я доложил о состоянии дел в Кладуше, о результатах переговоров с руководством анклава и командованием сербского корпуса «Банья», сообщил информацию, поступающую от полицейских в Кладуше. Наша информация совпадала с той, что была в распоряжении начальника штаба. Получалось, что в ближайшее время в секторе могут появиться беженцы. На мой прогноз резко отреагировал руководитель представительства Высокого комиссариата по беженцам в секторе «Север». Он сказал, что по его сведениям населению Кладуши ничто не угрожает и, когда она падет, беженцев в секторе не будет. Спорить с ним я не стал, командующий распорядился анализировать ситуацию ежедневно.

21.08.94 Пятый корпус перешел в решительное наступление по нескольким направлениям. Основной удар наносился по Великой Кладуше. Расположенные на позициях несколько танков они захватили в результате диверсионной операции, тайно просочившись через Абдичевы позиции и ударив с тыла. Надо было очень хорошо знать расположение войск, чтобы провести такую операцию. Пятый корпус подошел вплотную к В. Кладуше, начался обстрел города. Было объявлено об эвакуации гражданского населения, и через Мальевац хлынул поток беженцев. Сообщение об этом нам передала станция в Кладуше. Джордже Мешкита специально говорил по-португальски, а в штабе это сообщение принимал другой португалец. Я срочно выехал в Мальевац.

Непрерывным потоком шли автобусы, набитые людьми. Когда автобусы прошли, на дороге появились люди. Они двигались нескончаемым потоком, несли детей, вели стариков. Все 8 метров полотна дороги были забиты людьми. На краю дороги умирал от сердечного приступа пожилой человек, но невозможно было пробиться к нему, чтобы оказать помощь.

Я по радио связался со станциями Войнич и Тусилович. Все патрульные машины стали докладывать о перемещении автобусов с людьми: они шли к переходу на Карловац. Хорваты были в хороших отношениях с Абдичем, и мы предполагали, что они пропустят беженцев на свою территорию. Не тут-то было. Хорваты закрыли КПП, подтянули бронетранспортеры и силы специальной полиции. Ситуация становилась критической. В этот момент из Загреба прибыл С. Демело, один из руководителей гражданской службы СООНО. Он провел переговоры с сербской стороной и в обмен на увеличение гуманитарной помощи добился согласия на размещение беженцев в секторе «Север».

Тех, кто двигался на автобусах, стали размещать в поле вблизи села Серовац, возле КПП на Карловац. Перед размещением людей поле проверили саперы и сняли четыре противотанковые и около десятка противопехотных мин. Кто шел пешком и двигались на машинах, остановились в чистом поле возле села Михольско, недалеко от Войнич. Люди размещались в автомашинах, натягивали тенты из полиэтиленовой пленки, строили шалаши. По нашим оценкам, общее число беженцев приближалось к 40–45 тысячам человек. Небольшая речушка исчезала на глазах, когда люди брали воду из нее. Командующий срочно собрал совещание для координации работы всех служб сектора. Руководитель отделения Высокого комиссариата по беженцам был просто раздавлен всем произошедшим. Я предложил взять все имеющиеся в батальонах палатки и оборудовать палаточные городки для беженцев. Командующий поддержал мое предложение и дал полномочия забирать из батальонов все необходимое для обустройства людей. Я немедленно поехал в Укрбат и договорился с Г. Тележенко, что они выделяют, кроме палаток, банно-прачечный комплекс для обработки 1000 человек в сутки, полевой хлебозавод, две мобильные операционные и медицинский взвод. Большое количество палаток передал и польский батальон, иорданский батальон выделил санитарный транспорт, а мы обеспечивали порядок внутри лагеря. Сербь охраняли лагерь по периметру.

На вторые сутки возле Михольско вырос целый город с населением в 20 тысяч человек. Врачи Укрбата работали с невероятной нагрузкой, раненых было немного, но пациентов с высоким давлением, проблемами с сердцем было огромное количество. Жизнь остановить нельзя даже в таких условиях, и наши машины постоянно возили беременных женщин в больницу в Глину, где они рожали детей. Начальник комендантской службы Укрбата как-то раз даже принял роды в машине. Как он говорил потом, страха не было — его мама была акушером, и он вырос с пониманием, что и как нужно делать в такой ситуации.

Самым сложным моментом была раздача гуманитарной помощи. К счастью для нас, служба беженцев сектора была медлительной, и ей потребовалось три дня, чтобы развернуться на полную мощь. За это время мы разыскали среди беженцев работников полиции, с их помощью нашли представителей администрации Кладуши, сгруппировали людей по признаку прежнего проживания, они избрали старших по получению гуманитарной помощи, подготовили площадки, где будут разгружаться машины. На эти площадки приходили старшие со своими помощниками, получали по спискам продукты и уносили их своим землякам. Никакой давки, не было обиженных и обделенных. На полную мощь работал полевой хлебозавод и банно-прачечный комплекс. В первое

время наш рабочий день длился по 16–18 часов. Моя переносная рация не выключалась сутками, я только успевал менять аккумуляторы. Ночью ставил ее на тумбочку возле кровати и даже сквозь сон слышал свой позывной, просыпался и решал возникшие проблемы. Ребята устали предельно, и это не могло не сказаться на здоровье. Однажды утром меня разбудил мой сосед по дому — Федя Фомин из Тобольска. Огромный сибиряк извиняющимся тоном сказал: «Константиныч, меня кровью рвет». Через минуту мы были уже в расположении Укрбата, и старший врач батальона осматривал Федора. У Виктора был за плечами опыт Афганистана и многолетний опыт практикующего врача. Он сказал, что надо срочно везти Федора в Загреб, в американский госпиталь МЭШ: есть подозрение, что у него из-за нервного перенапряжения открылась язва. Я забрал со станции в Глине Олега Тарасова, в мою машину уложили Федора, укрепили капельницу, к нам села медсестра, которая следила за состоянием больного. Во второй машине ехали Олег и Виктор, чтобы передать все необходимые медицинские документы. Было раннее утро, машин мало, и мы за полтора часа долетели до Загреба, по дороге сменили флакон в капельнице на новый. В приемном покое госпиталя была страшная беготня: привезли раненых солдат из Восточного сектора. Американская медсестра сказала, чтобы мы вели Федора в смотровую. Я увидел недоуменное лицо нашего врача, но не понял, в чем дело. Аккуратно поддерживая Федю, мы медленно направились внутрь госпиталя. Пройдя несколько шагов, он весь напрягся, замычал и потерял сознание. Вот тут-то американцы забегали вокруг нашего больного. Как мне объяснил потом Виктор, Федя потерял много крови и поэтому лишился сознания, когда встал. Федор провел в госпитале два дня, потом его перевели в загребскую больницу «Ребро». Там при помощи фиброгастроскопа нашли язву, нанесли на нее какой-то бальзам, поморили три дня голодом и выписали из больницы — живым и здоровым.

Жизнь беженцев в палаточных лагерях вошла в определенный ритм. Кроме двух палаточных лагерей, беженцы были размещены в помещениях бывшей птицефабрики. Условия далеко не комфортные, но есть крыша над головой. Прибывший из Нью-Йорка специальный представитель Верховного комиссара по беженцам признался, что ожидал увидеть людей, умирающих от голода под кустами, как это бывает в Африке. Он даже представить себе не мог, что можно так все организовать в короткий срок. Тысячи беженцев представляли серьезную головную боль для всех: хорваты опасались, что они хлынут на их территорию, сербы из последних сил старались наладить их быт и снабжение, ООН не могла найти решение возникшей проблемы. Американский посол в Хорватии Питер Гелбрайт приехал в наш сектор познакомиться с ситуацией. Посла сопровождали репортеры телевидения и фотограф, который стремился запечатлеть все подробности этого «исторического» визита. Наша интернациональная команда полицейских обеспечивала его безопасность и попала на экраны телевизоров в программах новостей мировых телекомпаний. Непривычно было видеть себя на первом плане телевизионной картинки, но мы, что называется, грудью закрывали посла, поэтому и были впереди. Особенно оживился посол, когда я показал ему жену Фикрета Абдича, сидевшую вместе со всеми под пластиковым навесом на дороге возле Карловаца. Он немедленно нырнул под этот навес и стал вести с ней беседу. Фотограф щелкал аппаратом слева, справа, сверху, снизу: Гелбрайт готовился баллотироваться в сенат.

Проблему беженцев пытались решать на разных уровнях. Я присутствовал на переговорах с новыми руководителями в Кладуше 27.08.94. С боснийской стороны были мэр Кладуши Веладжич, шеф полиции Бихача Бешич, шеф полиции В. Кладуши Фикрет Караич. Переговоры проходили на территории французского батальона в Кладуше, я не нуждался в переводе и понимал истинный смысл сказанного. В начале совещания шеф полиции Бихача Бешич поблагодарил французов за оказанную помощь в восстановлении порядка и заявил, что, к сожалению, план физического устранения Абдича, разработанный с участием французов, не удалось осуществить. Абдич все еще пользуется авторитетом у населения анклава. Поэтому надо решить вопрос о компрометации Абдича и попытаться вернуть беженцев в Кладушу. Предполагалось передать обращение генерала Дудаковича к беженцам с призывом вернуться домой и гарантиями безопасности.

Свои сомнения по поводу эффективности такого призыва к беженцам я высказал на совещании у командующего сектором. Напомнив, как люди несколько лет уходили от войск Пятого корпуса, я сказал, что эта мера вряд ли сможет решить проблему. Представитель комиссариата по делам беженцев резко ответил, что эту акцию проводит его ведомство и он не нуждается в советах. На этом и расстались.

Думаю, что у всех людей, работающих в экстремальных условиях, вырабатывается особое чувство опасности. Это ощущение не отпускало меня после совещания у генерала, поэтому я связался с командиром станции в Тусиловичах, канадцем Аланом, рассказал о предстоящем распространении листовок с обращением генерала Дудаковича к беженцам и особо подчеркнул, чтобы его полицейские в распространении листовок не участвовали. Алан был полностью согласен со мной: по его информации люди в лагере находились на грани нервного срыва.

В день проведения акции я работал в штабе; накопилось много бумаг, надо было разобраться с ними. Часа в два дня шеф Лауритсен пригласил меня срочно зайти и сказал, что Алан поругался с представителями комиссариата по делам беженцев. Мне надо было поехать в Тусиловичи и поговорить с ним. Я взял с собой одного из Джимов. По дороге мы разговаривали о жизни, политике, службе. Нашу мирную беседу прервал истошный женский крик, раздавшийся из динамика радиостанции. Женщина просила помощи, кричала, что машину раскачивают и вот-вот перевернут. Я резко увеличил скорость, а Джим связался с Аланом и потребовал направить все свободные машины в лагерь беженцев. В лагере мы застали такую картину: в центре большой толпы стояли две машины комиссариата, в них сидели две сотрудницы и водитель-переводчик серб. Толпа была в возбужденном состоянии, все орали, машины раскачивались, как лодки на волнах. Нам удалось припарковать свои машины рядом, пересадить женщин в них. Джим сел в одну машину комиссариата, Алан в другую. Водителя я впихнул в свою, и мы тронулись к выезду из лагеря. Примерно на полпути находился КПП польского батальона, патрульная машина с женщинами успела проскочить его, а нас отсекала толпа, перекрыла дорогу и не давала проехать дальше. Я вышел из машины и попытался поговорить с толпой. Оказалось, что люди приняли представителей комиссариата за шпионов Пятого корпуса: никто другой, по их мнению, не мог призывать их вернуться под ножи моджахедов. Поэтому мы должны были

отдать им оставшегося переводчика, они его убьют, а мы можем уезжать. Я сказал, что шпионов здесь нет и отдавать мы никого не будем. Страсти накалялись, толпа впадала в неуправляемое состояние, поэтому, оставив машины перед постом, мы вошли на его территорию. Только стали закрывать ворота, как толпа ринулась за нами и попыталась ворваться внутрь. Алан, Джим и я уперлись спинами в ворота, пытаюсь не пустить напиравших людей, наши ноги скользили по земле, мы с трудом сдерживали натиск. Кто-то уже перелезал через ворота, обстановка стала жуткой. В этой ситуации не растерялся командир поста, польский майор-десантник. Еще в самом начале этих событий мы договорились с ним установить пулеметы на крыше домика поста, и выпускник Рязанского десантного училища, не дрогнув, отдал приказ открыть огонь. Толпа отхлынула, мы смогли закрыть ворота. По другую сторону забора лежали двое раненых, одному пуля попала в ногу, другому прошила бок. Поляки перебросили через ворота санитарную сумку, раненых перевязали. По радио мы доложили ситуацию, попросили забрать раненых. Их доставили в больницу Карловаца, где оказали помощь, раны были не тяжелыми.

Толпа у ворот продолжала бушевать, сказывался не только южный темперамент, но и воздействие выпитой ракии, у многих в руках были ножи, топоры. Я остро почувствовал, что живыми мы вряд ли отсюда выберемся, Джим и Алан были такого же мнения. Польским солдатам было лет по 18–20, как они выдержат возможный штурм, сказать было трудно. Мы единодушно решили находиться рядом с солдатами и, если у них сдадут нервы, забирать их автоматы и подороже продавать свою жизнь. Была опасность, что нападавшие могут слить бензин из машин в бутылки и этим «коктейлем Молотова» забросают нас. Территория поста была всего ничего, укрыться было негде. Я мысленно попрощался со всеми близкими и после этого стал думать, как выходить из сложившегося положения. Как начальник колонии у себя дома, я был готов к действиям в сложной обстановке и однажды участвовал в пресечении массовых беспорядков. Но это дома, где рядом проверенные сотрудники, где есть численный перевес. А здесь... Мысль пришла в голову мгновенно. Надо начать переговоры, а там видно будет.

Переговоры начал начальник поста потому, что его здесь хорошо знали. Главной нашей задачей было убедить босанцев: водитель — серб, а не шпион Пятого корпуса. Его подвергли настоящему допросу, он длился несколько часов и выяснились мельчайшие подробности жизни в Топуско. Не хватало только детектора лжи. Примерно часа через два после начала событий я почувствовал острую боль под ложечкой, присел на обрубок дерева во дворе. Ко мне подошел полицейский из Бангладеша, он был серым, глаза испуганные. «Мистер Борис, мы останемся живы?» — спросил он. Я встал и, широко улыбаясь, ответил, что причин для беспокойства нет, все будет хорошо. Не хватало нам еще и паники среди своих.

Джим, Алан и я поднялись на крышу домика посмотреть, что происходит за забором. Вокруг поста стояла толпа, но люди уже подустали, кое-кто уходил к палаткам. Некоторые наши машины уже разграбили, сняли аккумуляторы, слили бензин, но пострадали, в основном, машины Комиссариата. Наши стояли ближе к посту и были под защитой солдат. Мы спустились вниз, по рации связались со штабом и попросили

соединить нас с больницей, где лежали раненые. Через некоторое время босанцы, сидевшие у нас, разговаривали с ранеными. Они убедились, что раны не тяжелые, раненые в больнице, им оказана помощь. Весть об этом была встречена толпой за забором криками. Мы решили дожидаться ночи и постараться потихоньку исчезнуть из лагеря. В это время меня по радиации вызвал Олег Тарасов, он находился на сербском КПП в трех километрах от поста. Олег хотел пробраться к нам, понимая, что в этой ситуации надежные люди на вес золота. Но мы уже разработали план действий и рисковать жизнью еще одного человека было бы неразумно, о чем я сказал по радио Олегу.

Примерно в два часа ночи мы с Джимом вышли с территории поста и потихоньку прошли к машинам. Они были в исправном состоянии. Лагерь спал, бродили только отдельные фигуры. Один из бодрствовавших подошел к нам и сказал, что все это затеяли люди, которые хотят получить выгоду от такой ситуации, а большинство благодарны ООН, что их спасли от голодной смерти. Пора было спасаться. Мы вывели остальных на дорогу, на руках протащили машины метров сто, сели в них и умчались. С нами уехал и Миша, серб-переводчик.

На следующий день мы попали в руки врачей. Приехал психолог из американского госпиталя, началась антистрессовая терапия. Я очень много интересного почерпнул из этих занятий. Нас всех собирали вместе, и психолог заставлял рассказывать ему обо всем, что произошло, что мы чувствовали, как себя вели. После сильных стрессов человек не должен замыкаться в себе, ему надо высказаться, выплеснуть все, не оставляя в себе ничего. Но все равно последствия были значительными: спустя несколько дней Алан попал в госпиталь с сердечным приступом, еще одного полицейского из Бангладеша отправили домой из-за проблем с кровью, я целый месяц не мог ничего есть из-за болей в желудке. Как выяснилось потом, у меня открылась язва. Родные врачи из Укрбата приложили массу усилий, чтобы поставить меня на ноги. Не последнюю роль сыграло и внимание ребят, которым я был окружен в эти дни. На войне мужская дружба имеет особую ценность.

Нападения на ооновские машины в секторе продолжались. В темноте блокировали дороги, под дулами автоматов высаживали водителей и пассажиров, забирали деньги, машины. Один военный наблюдатель, иорданец, смог уехать, по нему стреляли, но в темноте не попали. Однажды остановили и меня. Действовали эти ребята под видом военной полиции сербов, были в камуфляже, с автоматами. Среагировав на ситуацию, я спросил их по-сербски: «Что братья сербы хотят от русского брата?» После небольшого замешательства они ответили, что это обычная проверка и я могу ехать. Дело в том, что в секторе появился известный «капетан Драган», серб, живший в Австралии, воевавший во Вьетнаме на стороне американцев, наемник. Он готовил спецподразделения армии РСК, это его ребята тренировались по ночам на дорогах сектора. Я встретился с ним однажды, когда он картинно восседал на башне танка, направив ствол орудия на входную дверь штаба в Топуско. Рассмотрев мою форму, он поприветствовал меня по-русски. По моему впечатлению, капитан Драган был большой актер и позер.

Не сказать, чтобы мои взаимоотношения с командиром полиции сектора были плохими, но я чувствовал в них некоторую напряженность. Не было простоты и ясности, все какое-то выглядывание из-за угла. После того, как гражданская полиция

сыграла ведущую роль в кризисе с беженцами, мой авторитет в секторе значительно вырос. Еще в первую миссию Виктор Андреев, ветеран ООН и миротворческих миссий, сказал: «Боря, здесь никто не будет делать тебе замечаний, но все будут фиксировать все твои успехи и промахи». Я не рвался на руководящие посты, просто так сложилась ситуация, что я оказался в тот момент у руля. Был бы на месте Лауритсен, слава досталась бы ему. Я считаю, что один человек не способен решить такие сложные задачи, нужен коллектив. Вот над этим мы и трудились вместе с командиром полиции. У меня, конечно, было чувство гордости, гордости за то, что смогли справиться с тяжелой ситуацией, смогли спасти людей. Но здесь работали и португальцы, и датчане, и канадцы, и русские, и представители многих других национальностей.

В миссии распространили интересный документ: доклад специального комитета по проблемам терроризма и незаконного оборота оружия Палаты представителей Конгресса США. Специалисты комитета Йозеф Бодански и Ван С. Форрест подробно разобрали историю конфликта в Боснии, участие Ирана и других мусульманских стран в разжигании войны, привели примеры провокационных действий мусульман, сведения об убийствах мирных жителей Сараево и попыток обвинить в этом сербов. Большая часть этого доклада была посвящена действиям тайной террористической сети мусульман в странах Западной Европы. Интересный документ и интересные выводы, но практическая политика США шла вразрез с этим документом: надо было разделиться с Югославией, и тут уж не до тонкостей в выборе союзников.

Срок пребывания в миссии у Лауритсена подходил к концу, в кулуарах штаба поговаривали, что мне пора пересаживаться в кресло командира полиции сектора. Кто служил и носил погоны, знает, что судьба служивого решается в высоких кабинетах и решение падает на твою голову из этих кабинетов как снег на голову. Так и случилось. В один из дней меня познакомили с новым командиром полиции сектора, конечно же датчанином. До этого он работал в штабе в Загребе. Сказать по правде, мы с ним нашли общий язык и работали душа в душу. Напряженности хватало то в одной, то в другой стороне сектора. Мы разъезжались кто на запад, кто на восток и поздно вечером встречались в штабе, чтобы обменяться информацией, принять решение, дать распоряжения. В конце рабочего дня была традиционная банка датского пива, как награда за хорошую работу. За банкой пива всегда хорошо разговаривается, и однажды командир сразил меня своей оценкой хорватов и сербов: «Если у тебя есть друг хорват, а тебе потребуется рубашка, хорват тебе рубашку продаст. Серб же снимет с себя рубашку и отдаст ее даром». Вот уж не ожидал такого признания от датчанина! Комиссаром полиции в Загребе был датчанин Свен Фредриксен, бывший командир полиции сектора «Север». Мой командир часто разговаривал со Свеном на своем птичьем языке по телефону, поэтому мы имели очень действенную поддержку из Загреба.

Тем неожиданнее для меня был перевод заместителем командира полиции в сектор «Запад». Этот сектор был расположен на территориях, находившихся под хорватским и сербским контролем. Со мной согласился ехать Олег Тарасов, верный спутник в кочевой жизни по секторам. Я тепло попрощался со своими коллегами, и мы отбыли в Дарувар.

В штабе Дарувара жизнь была спокойная. На хорватской территории было электричество, работали магазины, было полно продуктов. Командир, ирландец с пышными усами, рассказал, как он видит задачу сектора и наше взаимодействие. В области принятия решений и разнообразных политических вопросов последнее слово было за ним. В области оперативного управления и практической работы мои руки свободны, все хорошо, что идет на пользу службе. Первые дни мы жили с Олегом в гостинице «Термал», на бальнеологическом курорте. Для постояльцев гостиницы пользование бассейнами было бесплатным, мы вечерами плавали в теплой воде, лечили нервы, поправляли здоровье.

Чудодейственные свойства этой воды нам открыл Володя Крапивин, человек неиссякаемого жизнелюбия. Он и хабаровчанин Андрей Кузнецов служили на станции в Пакраце, но город был сильно разбит во время боев, все жили в Даруваре. Еще Володя варил чудный украинский борщ или, как он называл его по-кубански, соус, так что курорт был по полной норме. Через несколько дней мы нашли с Олегом дом для жилья и переехали туда. Хозяевами были сербы Гаврила и Сара, они постоянно пускали на квартиру ооновцев; присутствие миротворцев в доме было надежной защитой от произвола властей, покушений на их жизнь. Однажды кто-то по ошибке взорвал гараж их соседа-хорвата, яркого националиста, но взрывчатка явно предназначалась им. Все родственники наших хозяев были убиты хорватами в Славонска Пожеге, когда там «чистили землю от четников». В свидетельстве о смерти в графе «причина смерти» было написано «умер». Воистину, новое слово в медицине.

По докладам со станций, преступления совершались, в основном, на сербской стороне сектора. На хорватской стороне, по рапортам, были только обстрелы с сербской стороны, а в остальном тишь да гладь. Мне это показалось странным: по моим сведениям, в западной Славонии геноцид сербов был очень сильным и не могло все разом кончиться. Я поднял все рапорта за последние полгода и велел дежурной службе нанести на большую карту сектора точки, где были зарегистрированы преступления, дату совершения преступления и возбуждения уголовного дела, номер уголовного дела, дату закрытия дела. При такой разметке все стало наглядным и ясным. На хорватской стороне сразу обозначились два района, где были сконцентрированы преступления: Вировитица и Пожега. В обоих районах преобладали преступления в отношении сербов: угрозы убийства, поджоги, избиения. Я поехал в Вировитицу, чтобы разобраться в ситуации, и вместе с обычным патрулем отправился на службу. Машина проезжала по маршруту на большой скорости, патрульные любовались пейзажами за окнами. При таком патрулировании можно докладывать о пробеге автомобиля, а не о выявленных преступлениях. В одной из деревень я попросил остановиться, подошел к старику, возившемуся во дворе дома. Поздоровался и начал разговор о жизни. Старик рассказал, что неделю назад к нему в дом зашли трое хорватов, требовали, чтобы он убирался в Сербию, и под конец забрали 2000 марок. Он обращался в полицию в Вировитице, там пообещали найти преступников, но с тех пор к нему никто не приезжал и преступников не искал.

Вернувшись на станцию, я долго разговаривал с ее начальником. Мне было непонятно, почему переводчики сидели на станции, а патрули, не знавшие языка, катались

по району одни, не имея возможности общаться с населением. Такой способ несения службы резко отличался от того, к чему привык я и те, кто не зря получал деньги в других секторах. Пришлось издавать циркуляр по сектору о правилах проведения патрулирования, проверке соблюдения прав человека, регистрации сообщений о преступлениях. Статистика резко изменилась. К сожалению, забыл, как звали политического координатора сектора; он сразу принял нашу информацию и стал оказывать сильное давление на местные власти, требуя соблюдения прав сербского населения, которое было здесь этническим меньшинством. Вместе с ним мы выехали на заседание комиссии в Пакрац. Город был сильно разрушен, обсуждались вопросы восстановления водоснабжения, участия в этом международных организаций. Особо стоял вопрос о безопасности. Хорваты яростно обвиняли ООН в неспособности обеспечить безопасность хорватского населения. Поводом к этому послужил обстрел неизвестными автомашины на дороге Пакрац–Пожега. Были ранены хорваты, муж и жена, проживавшие в Австрии. Линия фронта проходила рядом, между ней и дорогой были мощные минные поля. Со мной был Андрей Кузнецов; в Хабаровске он работал экспертом-криминалистом. Вместе с ним мы тщательно обследовали все вокруг. На месте происшествия хорваты показали мне гранатомет, из которого якобы стреляли по машине. Наплечный ремень гранатомета был закручен вокруг прицельного приспособления, вести прицельный огонь из гранатомета было невозможно, нигде вокруг не было следов взрыва гранаты, хотя она не попала в машину. Комнатка в разрушенном домике, стоящем у дороги, из которого, по словам хорватов, выстрелили из гранатомета, была не больше 4 кв. метров, перед окном росли кусты. Реактивная струя, ударившись в стену, сожгла бы стрелявшего. Короче говоря, вопросов было много, а хорваты были недовольны тем, что я пытаюсь разобраться. Они для себя уже все решили. На совещании присутствовал Бахтияр Тузмухамедов, москвич в третьем поколении или, как говорил он про себя, узбек московского разлива. Бахти был сотрудником гражданской службы и приехал в сектор на стажировку перед отъездом в Боснию. Особое внимание мы с ним уделили практике вождения машины на скользких горных дорогах. Мы с ним сразу сошлись, эта дружба продолжается и по сей день.

После совещания поехали на полицейскую станцию в Пакраце. Она располагалась в вагончиках, недалеко от хорватского КПП при переезде на сербскую сторону сектора. На станции провожали Володю Крапивина: он переезжал в Окучане, на сербскую сторону. Во время одного дежурства из бара напротив станции вышли подвыпившие хорваты и решили «повоспитывать» русского. Не знали они, с кем связывались. Станцию и себя Володя отстоял, но от греха мы с командиром сектора решили перевести Крапивина в Окучане. Виновных в нападении на Крапивина ищут по сей день.

Окучане стоит на скоростной дороге Загреб–Белград, во времена Югославии — «Трассе братства и единства». Небольшой городок, раскинувшийся в стороне от трассы, коренных жителей немного, много беженцев. В нескольких километрах, недалеко от границы с Боснией, располагался непальский батальон. Как и все батальоны миссии, он был вооружен только стрелковым оружием, но у солдат были и крисы — изогнутые ножи сантиметров 50 в длину. На показательных выступлениях низкорослый солдатик лихо перерубил бревно 20 см в диаметре, только щепки

летели. Когда начались натовские бомбардировки сербского аэродрома в Удбине, все мониторы со станции в Окучанах укрывались от возможной ответной реакции сербов на территории непальского батальона. Здесь у меня произошел неприятный инцидент с начальником станции, канадцем. Он заканчивал свой срок службы и при обсуждении кандидатуры нового начальника заявил, что из Канады прибывает новый сержант, который и станет начальником. Я сказал твердое «нет». На станции работал Кшиштоф, капитан польской полиции, он провел в миссии уже два года, все это время был в Окучанах, знал всех сербских военных и милиционеров, его хорошо знали местные жители. Кроме того, он занимался проведением расследований и отлично знал все проблемы станции. Лучшей кандидатуры нельзя было и желать. Мое мнение по поводу назначения начальников станций основывалось на собственном опыте: не надо принимать во внимание заслуг человека дома, в миссии надо ставить его на нижнюю ступень, пусть на своей шкуре почувствует, почем фунт миротворческого лиха. Это дает возможность разобраться в ситуации, избежать ошибок в действиях и при принятии решений. Путь наверх зависит от человека. Я настоял на своем, командир полиции сектора утвердил мое решение, канадец обиделся, заявил, что я провожу антиканадскую политику. Ну, не он первый, не он последний был недоволен моими решениями. На одном из совещаний с русскими милиционерами, работавшими в секторе, я предупредил их, что первый же, кто нарушит правила патрулирования в прифронтовой зоне и глупо подвергнет себя риску, будет отправлен мною домой. Вероятность погибнуть была высокой. «Я не хочу смотреть вашим женам и матерям в глаза и объяснять, что произошло и как. Вы нужны им живыми», — сказал я им. Не все согласились с такой жесткой позицией. И уж совсем возненавидел меня один преподаватель из орловской школы милиции, которого по моему требованию отправили домой до окончания командировки. Но никто из наших милиционеров не был ранен, не был убит.

Заместителем Кшиштофа был назначен Юра Чесноков, собровоец из Калуги, человек 200 % надежности. После официального представления их коллективу станции мы обсудили с новым командиром и заместителем складывающуюся обстановку. Все чаще стали поступать заявления от сербов об исчезновении людей: похоже, работали диверсионные группы хорватов. С хорватской стороны все громче раздавались голоса с требованием решить проблему Краины военным путем. Я сказал Юре, что спрос с него будет не по ооновским, а по российским меркам, которые во много раз круче. Он был к этому готов.

Не прошло и двух дней, как в лесу недалеко от Окучан был расстрелян военный патруль сербов. Засада была организована по всем правилам военного искусства, шансов уцелеть у сербов не было, они даже не успели снять оружие с предохранителей. Кроме того, сербы были на своей территории, и полной внутренней мобилизации у них не было. Вместе с сербскими милиционерами и военными мы провели осмотр места происшествия. В заповеднике, где раньше охотился Тито, найти следы было нелегко. Два наших криминалиста, Андрей Кузнецов и Юра Осмоловский, тщательно прочесали лес, нашли, где располагались стрелявшие, собрали гильзы, определили, сколько было нападавших. Все это мы отразили в рапорте, большего, к сожалению, сделать не могли.

Недалеко от Окучан расположен Ясеновац, где во время Второй мировой войны хорватские фашисты — усташи устроили лагерь уничтожения. По разным сведениям, в нем было уничтожено от 800 тысяч до 1 миллиона 200 тысяч человек: сербов, цыган, евреев, хорватов, партизан, коммунистов. В один из свободных дней мы с Юрой Осмоловским поехали в Ясеновац посмотреть мемориал. Долго плутали по городку, никак не могли найти к нему дорогу. Улицы будто вымерли, но наконец мы увидели человека на велосипеде: вот он — «язык»! Старик выглядел живописно: шляпа защитного цвета, камуфляжные брюки, кожаный пиджак, резиновые сапоги. Мы спросили его, как проехать к мемориалу. Он спешился и поинтересовался, зачем нам это нужно. «Мы русские и хотели бы посетить памятник». В одно мгновение все переменялось, дед стал нашим гидом, проводил к мемориалу, рассказал о происходивших здесь событиях. Все его родственники были уничтожены в этом лагере, а его спасло только то, что он был отправлен в Германию на принудительные работы. На подъезде к мемориалу стоит паровоз и несколько товарных вагонов, точная копия эшелонов тех времен, в которых людей привозили на уничтожение. Бараки, в которых жили заключенные, не сохранились, как не сохранились и могилы убитых людей. По полю высились небольшие курганы, на них были укреплены таблички: «Похоронено 800 человек», «Похоронено 1000 человек». Ни имен, ни национальностей. Дед рассказал нам, как усташі соревновались, кто больше убьет сербов за ночь, какие нечеловеческие пытки придумывали, как отправили в Ватикан хрустальную вазу, наполненную глазами убитых сербов. Трупы сбрасывали в реку Сава, что протекает рядом, и они плыли в Сербию, чтобы терроризировать сербское население. Прикомандированные к лагерю эсэсовцы в своих рапортах в Берлин поражались звериной жестокости усташей, с которой они уничтожали сербов. Во времена Тито особенно не пропагандировался этот мемориал и мало говорилось про садизм хорватов-усташей. После посещения мемориала мне стала еще понятнее фашистская суть проводившихся в независимой Хорватии 90-х годов «чисток территорий от сербов» и причины сопротивления сербов: историческая память штука очень стойкая.

Сербы нанесли бомбовый удар по Бихачу после того, как войска Пятого корпуса начали «прощупывать» позиции Кордунского и Баньского корпусов. Чтобы охладить пыл мусульман, сербы Краины и Боснии нажали на Бихач. На выручку кинулись НАТО и США. Около ста самолетов поднялись из Анконы в Италии и, разогнавшись над Адриатикой, нанесли бомбовый удар по авиабазе в Удбине. Практического результата этот удар не дал: самолеты были укрыты в капонирах в горах. Сербы при полете самолетов НАТО подожгли автомобильные покрышки, и дым закрыл как сам аэродром, так и все окрестности, лазерные прицелы ослепли. Две или три бомбы попали на взлетно-посадочную полосу, эти воронки засыпали щебенкой и забетонировали. Выпущенные по Банье Луке крылатые ракеты особого вреда не причинили, а одну ракету, как говорили сербы, они плавно посадили возле города. Средства ПВО Республики Сербской показали, что у них есть чем воевать, созданная при Тито оборона работала. Эта бомбардировка еще больше осложнила наше положение: миротворцев стали приковывать наручниками к мостам и другим важным

объектам, выставляя их в качестве живого щита. Это широко показывали по телевидению, но по моей информации, как только съёмочная группа уезжала, и пленники, и захватчики оказывались в ближайшем баре за бутылкой пива. Тем не менее все гражданские лица из состава миссии укрылись в батальонах ООН, поездки по территориям под контролем сербов были запрещены. Работа была парализована, и потребовались значительные усилия, в основном русских ребят, чтобы хоть как-то снять напряжение во взаимоотношениях и начать работать. Тем приятнее мне было получить в такую трудную минуту Почетную грамоту от полковника Бабица, командира сербского корпуса, расположенного в Старой Градишке, рядом с Окучанами. Сербь оценили наши усилия по защите интересов мирных жителей, доставке гуманитарной помощи, братскому взаимодействию. Кстати, станция в Окучанах не работала всего один день: начальник-поляк и его русский заместитель так смогли выстроить свои отношения с местным руководством, что это позволило им продолжить свою работу. На местах многое в то время решалось проще. Приятных событий в миссии не очень много. Одним из них является медальный парад, когда Организация Объединенных Наций награждает медалями «За службу миру» военных и полицейских. На наш парад прибыла делегация из МВД: начальник Главного управления кадров, начальник Управления международного сотрудничества и сопровождающие лица. Вручал медали комиссар Фредриксен. Он сказал много теплых слов о мужестве русских милиционеров, высоком профессионализме и надежности. От имени министра внутренних дел Игорь Васильевич Астапкин вручил нам красивые карманные часы с символикой МВД, а Олегу Тарасову вручили еще и медаль «За отвагу». Среди приглашенных на парад был и посол Керестеджиянц. Он тоже сказал много теплых слов про нас. Приятно все-таки быть именинником! Мы организовали ознакомительную поездку для начальника Управления международного сотрудничества МВД на территорию под контролем сербов, чтобы показать, в каких условиях мы несем службу. Были встречи с руководством сербской общины Пакрац, с милицией и военными. На этих встречах все просили генерала передать просьбу сербского народа к русскому народу о моральной поддержке, все остальное сербы могли бы сделать сами. Неприятно поразило нас сообщение, что наше правительство не захотело распространить на нас положение о службе в районе боевых действий. Нам сказали, что мы не можем быть включены в этот перечень, поскольку мы добровольцы.(!) Как будто не было приказа министра о нашей командировке в миссию. Поэтому выслугу нам посчитали день за день, а не день за три, как в районах боевых действий. В таком же положении оказались солдаты и офицеры русских батальонов в восточной Славонии и Сараеве. Как написал корреспондент «Комсомольской правды» Сергей Мошечков, «мужество наших милиционеров ценят, увы, вдали от дома». Оказалось, и военных тоже. Сергей приезжал к нам в сектор «Запад», поездил с нами в патрульной машине, пообщался с сербскими военными и милиционерами, местными жителями. Свои впечатления он изложил в большой корреспонденции в «Комсомолке», за что низкий ему поклон: это был первый и, по-моему, единственный материал о службе российской милиции в бывшей Югославии. Эта поездка положила начало нашей дружбе, затем были Сараево, Загреб, Москва.

Перед Новым годом меня вызвал к себе комиссар Свен Фредриксен. Свен был человеком дела и настоящим мужчиной, поэтому без лишних слов перешел к делу. Он высоко оценил мою работу в секторах «Север» и «Восток» и сразу предложил поехать в Сараево начальником полиции Боснии и Герцеговины. Одновременно я получал статус специального представителя комиссара в Боснии и Герцеговине. Комиссар сказал, что сейчас полицией там руководит ирландский полковник, хороший человек, но в миссию он прибыл всего две недели назад и ему трудно разобраться в ситуации. До Сараева из Загреба два часа полета, и Свен не мог летать туда постоянно, чтобы оказывать ему помощь, ему там нужен был человек, способный решать все на месте, самостоятельно. Я созвонился с Москвой и доложил о предложении комиссара. Россияне в миссии, в основном, не поднимались выше командиров станций, мы были незаменимы на передовой, а вот руководящая работа была для других национальностей. Мое назначение открывало широкие перспективы для ребят, я мог проложить дорогу как ледокол, мы впервые становились равноправными членами высшего руководящего состава полиции ООН. Умом я все это понимал, но все же мне надоело паковать чемоданы и носиться по секторам, тем более, что по ооновским законом мы все получали одинаковые деньги: и комиссар, и рядовой патрульный, но мера ответственности была разной. Москва поддержала предложение комиссара, но высказала только одно замечание: в Сараево опасно; как будто погибнуть нельзя и в других секторах. Страховка семье в случае гибели монитора составляла 50 тысяч долларов, по крайней мере мы хоть узнали, сколько мы стоили. Решение оставили за мной. Советоваться было не с кем, взвесив еще раз все за и против, я согласился. Немаловажным фактором было и то, что политическим советником в Боснии был Виктор Андреев. Мне разрешили взять с собой в Сараево любого, кто мне потребуется. Передача дел новому заму не заняла много времени. Этот шведский полковник был прежним командиром полиции ООН Боснии и Герцеговины, но в трудное время обстрелов и блокад сидел не высывая носа в штабе в Сараеве и, по сути дела, бросил на произвол судьбы подчиненных в Горажде и других местах. Ехать со мной опять согласился Олег Тарасов, мы уложили дорожные сумки, сели в родной Ил-76 и отбыли в Сараево. Командиром Ил-76 был выпускник Балашовского училища летчиков, подполковник ВВС Украины. Триста километров между Саратовом и Балашовом пропали разом, когда мы узнали друг о друге, летчики приготовили нам чай, и с этого момента мы летали только в кабине экипажа, защищенные пуленепробиваемыми матами от обстрелов с земли.

Ирландский полковник встретил нас в аэропорту и повез в город. Улицы города были завалены сугробами, дороги были расчищены лишь слегка, мороз был минус 25. Нас здорово выручили меховые куртки, которые нам выдали в Москве. Ирландец привез нас в старый город, мы зашли в маленький ресторанчик недалеко от сгоревшего здания библиотеки, где готовили национальную мясную еду. Сделали заказ и стали разговаривать о службе в Сараеве. Окружавшие нас мусульмане внимательно смотрели на нас с Олегом, а точнее, на российские флаги на наших куртках. Из их разговоров я узнал, что российская армия штурмует Грозный, а один из сидевших за соседним столиком мусульман предложил друзьям перерезать нам глотки. Мы переглянулись с Олегом, но не подали виду, что понимаем, о чем идет речь. Мне показалось, что нас

просто проверяли на испуг, хотя плакаты с объявлением о записи добровольцев на защиту Грозного мы увидели по всему городу. Жить нам было негде, поэтому ирландцы предложили переночевать в их доме. Особых условий не обещали, но крышу над головой и два дивана гарантировали. Температура в доме была градусов 10 тепла, это при том, что в большой комнате постоянно горел газовый камин. Электричества не было, как объяснили нам, электричества и газа мало, поэтому город поделен пополам, и газ дают в одну половину города, а электричество в другую. На другой день половинки меняются. Воду дают утром часа на два, поэтому сразу набирают ванну, чтобы хватило для туалета до следующего утра, а некоторые ныряли в ледяную воду не хуже русских «моржей». Спать мы с Олегом устроились на диванах в гостиной, для тепла залезли в спортивных костюмах в спальные мешки. Один из ирландцев стал готовить «национальное снотворное»: налил в стакан виски на два пальца, добавил чайную ложку сахара и кипяток из термоса. Раздал нам, мы выпили эту смесь залпом. Минут через десять приятное тепло разлилось по телу, и я уснул.

Утром оказалось, что вылезти на холод из теплого мешка уже подвиг. Поплескав в лицо ледяной водой, мы отправились в штаб. Ирландцы жили довольно далеко от центра, за больницей и олимпийским музеем, я не мог понять, зачем они забрались так далеко. Только позднее, пожив в самом центре города, рядом с американским посольством, я понял всю мудрость их решения: район больницы не обстреливался по ночам. Обычно перестрелка начиналась с автоматных очередей, затем в дело вступали пулеметы, и под конец слышались разрывы мин. В этот момент надо было принимать решение, что делать: оставаться в теплом спальном мешке или спустаться с четвертого этажа на мороз и идти в убежище. Если мины рвались вдали от дома, мы продолжали лежать в мешках, но однажды сербы внезапно перенесли огонь в наш район, одна мина разорвалась прямо перед нашим подъездом. Взрывом повредило припаркованную на ночь машину, осколками пробило колеса, утром пришлось вызывать техпомощь, чтобы заменить три колеса. Штаб полиции располагался в здании РТТ (почта и телефонный узел связи). В этом же здании располагался штаб сектора «Сараево», командовал сектором французский генерал-десантник Гобельяр, а начальником штаба был наш полковник А.В. Демуренко, человек высокой штабной культуры, «военная косточка», закончивший штабные колледжи в Англии и США. Стали смотреть документы. Ирландскому полковнику было тяжело разобраться в противостоянии трех сил: сербов, хорватов и мусульман, вдобавок ко всему четкого правового положения полиции ООН в Боснии и Герцеговине не было. Наш штаб полиции относился к штабу сил ООН всей Боснии, территориально располагался в штабе сектора «Сараево», но не участвовал в работе ни одного из штабов. Была еще полицейская станция сектора «Сараево», но сфера ее деятельности ограничивалась аэропортом, контролем прибывающих грузов и пассажиров. Противоборствующие стороны не понимали нашей роли и задач, не было взаимодействия с другими организациями ООН. В составе штаба были двое финнов, двое канадцев, двое португальцев, два норвежца и вот стало еще двое русских. Одним из португальцев был наш хороший знакомый Джордже Мешкита, ветеран Сараева и миссии. Дела были переданы быстро, и ирландцы улетели в Загреб.

Надо было решать, как дальше жить и работать. Кроме Сараевского аэропорта, полицейские станции в Боснии были в Горажде, Сребренице, Сплите и Вакуфе. Условия службы и жизни в Горажде, Сребренице и Сараеве, которые были в блокаде, резко отличались от Вакуфа и Сплита. По решению комиссара Фредриксена в Боснию на два месяца направлялись мониторы, уже прослужившие в миссии не менее двух месяцев. Я предложил вариант службы, по которому вновь прибывшие направлялись в Горажде или Сребреницу, затем переводились в Сараево и под конец службы в Боснии — на станцию в Сплит. Пока человек был со свежими силами, ему было легче перенести тяжесть пребывания в блокадных условиях, а Сплит — это море, работа без обстрелов и приведение нервов в порядок. Одна из первоочередных задач определилась сразу: надо было становиться полноправной структурой штаба миссии в Боснии, тут было не обойтись без помощи Виктора Андреева. Я позвонил ему в штаб и доложил о прибытии. Виктор Александрович обрадовался, услышав мой голос, сказал, что приедет ко мне сам, и через два часа он уже входил в нашу комнату. Мы обнялись, Виктор познакомился со всеми работниками штаба, по выражению лиц своих подчиненных я понял, каким авторитетом и уважением он пользовался. Виктор предложил обсудить все вопросы за ужином, где познакомил меня с сотрудником своей службы болгаринном Даяном Миховым. Даян закончил МГИМО, был профессиональным дипломатом, в миссии работал уже давно, прекрасно разбирался в хитросплетениях боснийской политики. Для меня был прочитан вводный курс в сараевскую жизнь, обычаи, расстановку сил. Это позволило мне быстрее понять, что и как надо делать. Виктор был полностью согласен, что полиция должна была стать действенным органом штаба сил в Боснии, и мы договорились, что завтра на утреннем брифинге у командующего сил ООН в Боснии английского генерал-лейтенанта сэра Майкла Роуза, потомственного военного, героя Фолклендской операции и командующего английскими войсками во время операции «Буря в пустыне», Виктор представит меня. Вхождение в новый коллектив всегда представляет определенную сложность, а тут вроде бы лезешь самозванцем. Хотя я и был послан штабом сил из Загреба, некоторое неудобство все же ощущалось.

Представление прошло без каких-либо проблем. Многие, по-моему, и сам командующий, впервые узнали, что в составе сил в Боснии есть такая служба, по крайней мере мне так показалось. Мне определили место за столом утренних совещаний, оно оказалось рядом с американским полковником, начальником службы разведки штаба. Напротив нас сидел канадский полковник, начальник оперативного отдела штаба. Позднее он, глядя, как мы оживленно обсуждали с американцем последнюю информацию из Сребреницы, полученную по линии полиции, сказал: «Никогда бы не поверил, что русский и американец так быстро смогут найти общий язык». Если не принимать во внимание их политику, то работать с американцами можно.

Действия полиции в Боснии затруднялись тем, что Совет Безопасности не распространил действие мандата полиции ООН на эту республику. Вся работа строилась на взаимных договоренностях. Пока только Горажде и Сребреница работали в полную мощь, мы осуществляли контроль безопасности и паспортный контроль в аэропортах Сплит и Сараево, в Вакуфе была только миссия связи. Решили начать с гуманитарных вопросов, для этого мы с моим новым заместителем датчанином Могенсом Томсоном

встретились с руководителями международного Красного Креста и Комиссариата по делам беженцев. В результате наших переговоров мы стали заниматься привычной для гражданской полиции работой: согласовывать время и место передачи останков погибших во время боевых действий. За эту морально тяжелую работу взялись Олег Тарасов и Джордже Мешкита. Для установления рабочего взаимопонимания я встретился с заместителем командующего Сараево-Романийского корпуса полковником Марко Лугоней и офицером по связям с ООН майором Инджичем. Первая ознакомительная встреча прошла во взаимном прощупывании, во время второй была достигнута договоренность по всем вопросам. Мне показалось, что за двое суток Лугоня связался со своими коллегами в Республике Сербская Краина и собрал всю необходимую информацию обо мне. Меня познакомили с председателем сербской комиссии по обмену пленных Булаичем, в его компетенцию входил и обмен тел. После установления таких контактов работа заметно оживилась, мы стали посредниками, выполнявшими всю подготовительную работу по обмену. В доме, который занимал Булаич в Грбавице, пригороде Сараева, стоял телефон, который был включен в телефонную сеть мусульманской части Сараева, и Булаич мог разговаривать со своим мусульманским коллегой, но пользовались этим телефоном только в случае крайней необходимости. За месяц интенсивной работы, кроме обмена тел, нам удалось договориться об обмене 60 пленными: по 30 с сербской и мусульманской стороны. Списки согласовывали сами стороны на встречах в аэропорту. Условия содержания пленников сербов в Храснице, мусульманском пригороде Сараева, были ужасными. Под тюрьму было использовано здание элеватора, людей загнали в башни и держали их там. Говорили, что это был ответ на исчезновение в 1992 году большой группы мусульман, находившейся в руках сербов.

Первый обмен большой партии пленников проходил на мосту «Братства и единства», как его называли во времена Тито, через речку с поэтическим названием Милашка, по дороге из Грбавицы в Сараево. По условиям обмена, тридцать пленников мусульман и тридцать пленников сербов были привезены на сербскую и мусульманскую стороны моста. Два бронетранспортера французского батальона выполняли роль автобусов. Представители сербской и мусульманской сторон переехали на противоположные стороны моста и убедились, что все указанные в списке пленники находятся на месте. После этого в БТРы посадили по пять пленников и по нашей команде они начали медленно двигаться через мост. Одним из условий обмена было то, что БТРы должны были встретиться на середине моста и одновременно пересечь разделительную линию. Нельзя сказать, что внешним видом пленники сильно отличались друг от друга: худые, изможденные лица, в глазах тревога и надежда. В середине процедуры обмена с сербской стороны показались ооновские джипы, они затормозили около закрытого шлагбаума и из одной машины вышел сэр Майкл Роуз, он возвращался из Пале с переговоров с Караджичем. Я доложил ему о проводимом обмене пленников и сказал, что придется подождать несколько минут, пока БТРы не пересекут мост. Генерал заинтересовался, сколько человек обменивают, и выразил удовлетворение, что 60 человек избавились от мучений плена. Сообщение об этом обмене заняло всего две строчки в сводке событий за сутки. Позднее мы организовали встречу представителей хорватской, сербской и мусульманской сторон на территории испанского батальона в Меж-

дугорье, в Герцеговине. Целью этой встречи было согласование списка пленных для обмена. Для этого мы доставили вертолетом из Сараева сербов и мусульман, хорваты приехали на машинах. Начало переговоров было тяжелым, все стороны кричали друг на друга, обстановка была нервной. Я предложил командиру испанского батальона оставить «высокие договаривающиеся стороны» наедине. Когда мы вышли из комнаты, я сказал испанцу: «Ставь к дверям часового и никого из комнаты не выпускай и не впускай». «Даже в туалет?» — спросил он. «Даже в туалет», — сказал я. Опыт работы переводчиком и участие в переговорах разного ранга подсказали мне такой вариант наших действий. Через три часа работы был согласован список для обмена, он включал в себя 1500 имен. Такого в истории миссии в Боснии еще не было. Виктор Андреев поздравил меня с большим успехом и сказал, что Роуз на совещании у Акаши, специального представителя Генерального Секретаря ООН в Югославии, сказал, что с приездом русского полковника он почувствовал роль гражданской полиции в операциях в Боснии. Конечно, это было приятно, но работал ведь не только я один.

Мороз донимал нас, хотя особого беспокойства он нам, русским и скандинавам, не причинял. Ощущался постоянный дискомфорт: в окнах вместо стекол натянута полиэтиленовая пленка, не очень холодно, но постоянно бодря температура, обогреватели работают постоянно. В гараже штаба сектора, где раньше выгружали почту, французы устроили полевую душевую. Чтобы потекла вода в брезентовой кабинке, надо было потянуть за цепь, отпустил — вода перестает течь. Экономия. Это хорошо летом, но когда на улице минус 20, а в помещении 10–15 градусов тепла и вода тепленькая, то «процесс помывки личного состава» превращается в ощутимую проблему. В Сараеве размещался финский инженерный батальон, задачей которого было обустройство всех наших подразделений. На своей базе финны построили сауну, о чем доложила «разведка» в лице Олега. Быстро договорились с моим заместителем по кадрам, финским полковником Хански, он связался с батальоном и все скандинавы и русские отправились париться. Веников не было, но блаженное тепло расслабило, ушло внутреннее напряжение. Позднее выяснилось, что в русском батальоне тоже построили баню и даже приспособили резиновую емкость для воды под бассейн. Вот уж где мы блаженствовали!

Одной из самых серьезных проблем, с которой мы столкнулись, была свобода перемещения. Сербь контролировали въезд и выезд из Сараева, даже дорога из аэропорта в город была под контролем сербов. На одном из таких КПП сербы задержали БТР французского батальона, в котором везли вице-преьера мусульманского правительства, прилетевшего из-за границы. Французы, после долгих препирательств, только слегка приоткрыли дверь БТРа, но и этого хватило сербам. Раздался выстрел, и пуля попала в голову вице-преьера. Так закончил свой жизненный путь человек, приложивший много сил к появлению иностранных наемников в мусульманской армии.

По имевшемуся у полиции ООН мандату, мы могли посещать места лишения свободы. Первоначально сараевские сербы приняли эту идею в штыки, но после обстоятельных переговоров с полковником Лугоней, мне разрешили посещать некоторых пленников. Одним из таких сидельцев был мусульманский журналист, постоянно клеймивший сербов в теле- и радиопередачах. Его также пленили на КПП. Постоянно

раздавались голоса, что сербы подвергают его жестоким пыткам и он вот-вот погибнет в сербских застенках. Информация, как всегда, была «из надежных источников». Я встретился с этим журналистом в тюрьме. Выглядел он неплохо, сначала был немного испуганным, но испуг быстро прошел. Особых жалоб у него не было. Ему разрешили написать короткое письмо жене, в нем он писал о здоровье, просил лекарств от язвы желудка. Письмо я передал жене, она собрала лекарства и сигареты, я отвез их в тюрьму. На утреннем брифинге у Роуза я доложил о состоянии журналиста, разговоры о злодеяниях сербов на время затихли. Впоследствии этого журналиста обменяли на кого-то из сербов. По моему убеждению, все захваты на сербских КПП имели целью получить «материал» для размена. Мусульмане отказались разрешить посещение тюрем на своих территориях.

Один из самых сложных случаев был у меня с освобождением французов, представителей международной организации «Фармацевты без границ», аналога другой организации «Врачи без границ». Тайными тропами по горе Игман фармацевты проехали в Сараево, привезли медикаменты. Обрато они возвращались по нормальной дороге через Вогошку, пригород, находившийся под контролем сербов. На КПП их остановили, стали проверять документы. По записям сербов, в Сараево они не заезжали. Их арестовали, при разбирательстве выяснилось, что привезли они большое количество обезболивающих средств, которые сербы называли наркотиками. Кроме незаконного проникновения в Сараево, фармацевтов обвинили и в торговле наркотиками. Когда Роузу на брифинге доложили об этом, генерал повернул голову в мою сторону и спросил: «Что может сказать по этому поводу полиция?». Я еще не знал всех деталей происшествия, доложить обстоятельно не мог, поэтому я ответил: «Сэр, они попадают в тюрьму быстрее, чем я могу их освободить!» Раздался взрыв хохота, меня признали своим: англичане очень ценят юмор, особенно если он не исчезает в трудные минуты. Юмор юмором, а освобождать фармацевтов было надо. Я приехал к полковнику Лугоне и спросил, на каких условиях сербы освободят фармацевтов. Лугоня достал копию соглашения, по которому 30 % грузов, поступающих в Сараево, передавалось сербской стороне для жителей сербских кварталов. Выполнение этого соглашения было основой для освобождения фармацевтов, причем наркотические препараты сербам не были нужны. Генерал Роуз поморщился, но уладил вопрос выделения медикаментов с представителем Комиссариата по делам беженцев. Фармацевтов отпустили. Потом были немцы, американцы.

Самым неприятным и тяжелым было освобождение русского, военного наблюдателя ООН. Этот капитан был глупым, спесивым и наглым молодым человеком, но его тесть был главкомом сухопутных войск России. Можно представить себе, какой разговор был у командира русского батальона с Москвой, когда стало известно о его задержании. С офицером штаба батальона Сергеем Бурмистровым мы отправились вызволять этого «деятеля». Вместе с американцами он пытался провезти в Сараево аппаратуру для лазерной подсветки целей во время бомбардировок с воздуха, хотя военные наблюдатели не имели права перевозить военную технику. При досмотре на КПП эту аппаратуру обнаружили и изъяли, а сопровождавших ее военных наблюдателей арестовали. Русского капитана держали отдельно от американцев, в запертой комнате на втором этаже дома военной полиции в Илидже. Когда мы вошли в комнату,

этот молодой человек стал разговаривать с Сергеем как с подчиненным, хотя Сергей был старше его и по званию, и по возрасту. Меня это возмутило, я не был в подчинении у тестя этого наглеца, поэтому я в резкой форме оборвал его и сказал, что он должен в ноги кланяться этому подполковнику, что остался живой, а не лежит где-нибудь в овраге с простреленной головой. Это смутило капитана: возможно, до него впервые дошла вся серьезность его положения. После беседы с ним стало ясно, что американцы использовали «зятка» втемную: ему даже не сообщили, что в посольстве в Белграде что-то загрузили в их машину, — видимо, рассчитывали на хорошее отношение сербов к русским и надеялись проехать без досмотра. Нам с Сергеем потребовалось все наше терпение, обаяние и умение, чтобы уговорить сербов отпустить этого капитана, по достигнутой договоренности он был отправлен первым самолетом в Загреб.

В один из дней в Сараево прилетел специальный представитель президента России, посол по особым поручениям МИД России Никифоров. Он провел переговоры с боснийским руководством и должен был срочно возвращаться в Загреб. В аэропорту мы оформили все необходимые бумаги и разговаривали с послом в ожидании самолета. Должен был прилететь Як-40 с экипажем из Тюмени. Самолет приземлился вовремя, но на перроне царил какой-то суев, люди бегали вокруг самолета, он не глушил двигатели, его быстро разгружали. Я надел бронезилет и каску, пошел узнать, в чем дело. Оказывается, при посадке самолет обстреляли, пуля из крупнокалиберного пулемета пробила хвостовую часть самолета и вошла в салон. На ее пути был мешок с почтой, она попала в мешок, превратила все письма и газеты в труху, но наружу не вырвалась. Аэропорт закрыли, самолет должен был улететь в Загреб. Я переговорил с пилотами, они согласились взять посла с собой. Но норвежцы, отвечавшие за перевозки пассажиров, буквально встали грудью, не пропуская Никифорова в самолет. Они сказали, что пилоты застрахованы и сами решают, лететь или нет, а за пассажиров отвечают они. Самолет не мог ждать, пока мы выясним границы ответственности, и улетел. Положение складывалось интересное: посла ждали в Москве, а аэродром мог быть закрыт несколько дней и даже недель, как уже бывало неоднократно. Оставался единственный путь в Загреб — на машине. Но надо было получить пропуск от сербов на выезд из Сараева. Я помчался к полковнику Лугоне и сказал, что двум русским надо срочно выехать из Сараева. Он не стал интересоваться, кто поедет, спросил только номер машины и немедленно дал команду пропустить мою машину. Затем я поехал в русский батальон и попросил у комбата заправить мою машину под самую пробку. Горючее в Сараево было нормированным, в день давали 20 литров. Я рассказал, какая сложилась ситуация с послом, и комбат, кроме горючего, дал команду выдать нам на дорогу провизии, пожелал счастливого пути, и мы отправились в путь.

Последний КПП мы проехали в час дня, впереди было пол Боснии, вся Герцеговина и вся приморская Хорватия. Ехали на тяжелом бронированном джипе, поэтому на горных дорогах особо было не разогнаться. В Сплит мы приехали около шести часов вечера. На нашей станции в аэропорту нас ждал легковой автомобиль «пежо», полностью заправленный, мы пересели в него и вновь тронулись в путь. Шибеник проезжали уже в темноте, к сожалению, путь в Краину ночью был закрыт, поехали в обход. По приморскому шоссе ночью движутся, в основном, большегрузные фуры. Водители

грузовиков помогали мне держать приличную скорость, заранее предупреждая о препятствиях на дороге, мигая поворотниками: включил правый поворот — путь свободен, включил левый — путь занят. В долгой дороге разговаривается легко, я узнал многое из истории Боснии и Балкан, что было для меня прекрасной школой. В час ночи мы остановились у ворот нашего посольства в Загребе. За двенадцать часов мы покрыли весь путь. Выходили из машины, с трудом разгибая колени, Никифоров сказал мне: «Никогда не думал, что это возможно». Обратная дорога заняла у меня двое суток. Это был не единственный визит наших дипломатов в Сараево. Помню, как к нам прилетел первый секретарь посольства в Загребе Андрей Ермоленко. Я встречал его в аэропорту и был удивлен бледностью Андрея. Но это был не результат болтанки: при пробеге Ил-76 по полосе после посадки самолет обстреляли, и пуля прошла борт самолета между Андреем и его соседом и вонзилась в контейнер с едой. Между жизнью и смертью было всего несколько сантиметров.

Снайперский огонь был серьезнейшей проблемой нашей повседневной жизни. Через весь город проходит улица «Аллея путника», во время войны ее стали называть «Аллея снайперов». Эта улица проходит вдоль речки Милашка, за ней стоят высотные дома на ничьей земле, а дальше шел сербский район Сараева. Снайперы забирались в эти заброшенные дома и вели оттуда огонь. Когда стреляли по мусульманской части города, то это были сербские снайперы, когда стреляли по сербской части, то мусульманские. Огнем мусульманских снайперов были убиты дочери командира сербского подразделения 8 и 11 лет. Девочки играли во дворе дома, и их хладнокровно застрелили. От огня сербских снайперов погибло немало мирных жителей мусульманской части Сараева. Борьба со снайперами велась самым серьезным образом, каждый день батальоны выделяли бронетранспортеры для огневого подавления выявленных снайперских точек и защиты мирных жителей. При переходе улицы люди собирались группами, прятались за броню и все медленно двигались через дорогу вместе с БТРом. Позднее, чтобы защитить народ от снайперов, мы стали ставить морские контейнеры один на другой, и люди могли свободно перемещаться за этими укрытиями. Когда мы устанавливали эти контейнеры, снайперы вели огонь по солдатам. Однажды я был свидетелем, как пуля снайпера ударила французского солдата в каску и он вывалился из кабины погрузчика, установившего контейнеры. БТР открыл огонь по домам на ничьей земле, а мы оттащили тело солдата под его защиту. Каково же было наше удивление, когда француз открыл глаза. Как оказалось, он надел каску на берет, центр каски приподнялся, а снайпер бил в верхнюю часть головы, пуля пробила каску, но не задела голову. Я тоже попал под огонь снайпера, затормозив перед светофором на Аллее, но моя машина была бронированной и пули только оставили след на стеклах. Таковы были сараевские будни.

Джордже Мешкита задержал в аэропорту Сараево мешки с дипломатической почтой посольства Ирана в Боснии. В аэропорту установили новейшую рентгеновскую аппаратуру, которая позволяла проверять содержимое чемоданов, сумок и мешков, мы даже могли рассматривать их содержимое послыно. Когда иранские дипломаты внесли в комнату досмотра несколько тяжелых мешков и сказали, что это диппочта, Джордже потребовал, чтобы эти мешки пропустили через рентгеновскую установку: не может маленькое посольство каждую неделю получать не-

сколько мешков почты. На экране установки были отчетливо видны пачки денег в банковских упаковках, Джордже запретил пропускать эти мешки в город. Иранцы подняли шум, но мы настояли на своем и деньги улетели обратно в Загреб. Это была маленькая, но все же победа.

Остро встал вопрос о пребывании нашей станции в Горажде: город блокирован, въезд и выезд из него сопряжен с большими проблемами, выполнять свои функции наша полиция не могла. Вместе с норвежцем Сванте мы отправились в Горажде, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Дорога была блокирована сербами, но благодаря Марко Лугоне мы особо не задерживались на постах. Перед Горажде мы остановились перед завалом на дороге. Людей видно не было, пришлось выходить из машины. С небольшой горки рядом с дорогой нас окликнули: «Кто приехал?» Я крикнул в ответ, что приехали русский и норвежец. Нам предложили подняться, и мы поползли в гору. На горе были позиции сербов, командовал ими бывший школьный учитель Душан, он говорил по-английски. Узнав, кто мы и зачем едем в Горажде, сербы стали отговаривать нас от поездки к «муслимам». Сванте, по своей скандинавской политкорректности, стал доказывать, что мусульмане хорошие люди, сербам надо с ними помириться и искать пути, как жить дальше. Я ожидал взрыва эмоций, но Душан спокойно пригласил нас пройти с ним вглубь их позиций. Метрах в 100 от передовой мы увидели сербское кладбище, подошли к нему, и Душан показал нам поваленные памятники, разрытые могилы. Указывая на это рукой, Душан спросил Сванте: «Могу я забыть все это?». Американцы и западные европейцы, пытаясь урегулировать конфликт, не понимали самой сути происходившего, да и не пытались понять ее, в результате их предложения по урегулированию были далеки от истинного положения дел.

Под шумок разговоров о миротворчестве в Сараеве появились «отставные» американские генералы, которые начали реформировать армию. Мусульманские командиры хорошо командовали ротами, батальонами, но не могли командовать более крупными подразделениями, американцы учили их и создавали новую армейскую структуру. Президент Клинтон постоянно угрожал, что США снимут в одностороннем порядке эмбарго на поставки оружия мусульманам. Оружие тайно уже поставлялось через хорватский порт Сплит и дальше конвоями в Боснию, но хорваты забирали часть оружия себе и не очень радовались созданию сильной мусульманской армии. Мусульмане, в свою очередь, не могли забыть хорватского штурма города Витез, когда мусульманские жители прятались в подвалах своих домов, а хорваты бросали туда канистры с бензином и ручные гранаты. Люди сгорали заживо. Американцы деньгами объединяли заклятых «друзей» против сербов, выставляя последних людоедами и зверьми. А всего-то сербы честно говорили, что не могут принять условий, уничтожающих их народ и национальное самоуважение.

Виктор Андреев и Майкл Роуз уехали из Боснии: Виктор работать в Вене, а Роуз домой в Англию. Ходили слухи, что мусульмане стали охотиться за Андреевым, а Роуз кого-то перестал устраивать в верхах. Все явно шло к военному решению балканских проблем: мусульмане и хорваты теснили сербов в направлении Ливно — Грахово, им грозили пальчиком, а сербам постоянно угрожали натовскими бомбардировками,

принуждая принять американский план урегулирования в Боснии. Вместо Роуза командующим сил стал английский генерал-лейтенант Руперт Смит. Его хобби была военная история, и он не раз рассказывал мне, какой великой была Курская битва и какие хорошие солдаты русские. К этому времени у нас уже было достаточно свидетельств о зверствах мусульман в самом Сараеве, но об этом говорили очень тихо, тогда как вся мировая пресса орала про сербские злодеяния. Изетбегович, пытаясь противостоять сербам в первые дни войны и не имея регулярной армии, обратился к криминальным авторитетам. Были созданы бандитские вооруженные формирования, город поделили на районы под командованием бандитов. Кроме боевых действий, эти банды занимались систематическими грабежами и уничтожением населения. Выбор людей для уничтожения был не по национальному признаку, а по имущественному. Если у человека были деньги, ценности, богатая квартира или дом, то он и его семья были кандидатами номер один в списке на уничтожение. По свидетельству Александра Имамовича, полурусского, полуюгослава, бесследно исчезло огромное количество сербов из Нового Сараева, до 10 тысяч. Их братские могилы были недалеко от здания, где располагался штаб сектора «Сараево», но проводить расследование или раскопки никто не стал, не было политического решения. Одной из самых одиозных фигур в то время в Сараеве был бандит по кличке Чело. После того как Изетбегович создал вооруженные силы Республики Босния, бандиты стали мешать ему своей неуправляемостью, и тогда он обратился за помощью к французскому батальону и была устроена «ночь длинных ножей»: бандитов, бывших «борцов за независимость» и союзников Изетбеговича, кого убили, кого посадили в тюрьмы. Чело был ранен, и его самолетом ООН эвакуировали в Италию. Он лежал на носилках на матрасе и ни за что не хотел менять ни носилки, ни матрас. Как потом стало известно, в этом матрасе были деньги, добытые убийствами людей и продажей их имущества, но возмездие настигло бандита и в Италии: его застрелили в Анконе.

Однажды я приехал в аэропорт по делам и застал разгрузку грузового самолета из Анконы. Он привез продукты питания, на больших поддонах размещались мешки с мукой, сахаром, коробки консервов, растительного масла. Каждый самолет привозил до 10 тонн продуктов, а таких самолетов в день прилетало несколько штук. Контролеры осматривали груз и некоторые поддоны отправляли в дальний угол площадки разгрузки. Как объяснил мне Джордже Мешкита, на этих поддонах привозили продукты с просроченным сроком годности и их браковали приемщики. Куда потом девались эти негодные продукты, Джордже не знал. Мне показалось ненормальным, что самолеты возят негодные продукты: тратится горючее, вместо этих продуктов могли привезти нормальные и раздать их людям. В тот момент другие дела не дали возможности разобраться до конца, но эта ситуация запала в память. снабжение Сараева продуктами питания в тот момент не было катастрофическим: мусульмане прокопали под аэропортом два тоннеля, по которым в осажденный город доставлялись продукты, вооружение и амуниция, попадали люди. Немцы поставили проходческую технику, и полным ходом шла проходка третьего тоннеля, по которому могли бы двигаться грузовики. Руководство миссии опасалось, что такие работы могли бы вывести из строя взлетно-посадочную полосу, тяжелый самолет мог провалиться

при приземлении. Я заехал на черный или, как его называли, «вольный» рынок посмотреть, чем торговали и по какой цене, это давало самую правдивую информацию об экономическом положении в городе, и мы даже включали эту информацию в свои отчеты. Каково же было мое удивление, когда я увидел продукты питания явно из наборов гуманитарной помощи, доставляемых из Анконы. Сработало профессиональное чутье, и по возвращении в штаб я связался по спутниковому телефону с руководителем службы безопасности натовской базы в Анконе английским майором Стивом Кортом. Я пригласил его прилететь в Сараево, чтобы разобраться с непонятными вопросами. Стив согласился, и на следующий день я встречал его в аэропорту. Я показал ему весь процесс разгрузки продуктов питания, свозил в город на рынок. Майор был озадачен не меньше моего: перед погрузкой в самолет все поддоны проходили проверку и просроченных продуктов не должно было быть. Мы договорились о сотрудничестве, и он улетел в Анкону. К дальнейшему расследованию подключился капрал канадской королевской конной полиции Гари Томпсон. Его бабушка и дедушка были родом с Украины, поэтому Гари любил украинские танцы и был членом фольклорного ансамбля в Ванкувере, а работал он в отделе по борьбе с наркотиками, был крепким профессионалом. Совместными усилиями нам удалось раскрыть целую цепь хищения продуктов питания: при погрузке в самолет наклеивались ярлыки с просроченной датой, в Сараево их отбраковывали и затем вывозили «на свалку», чтобы не загромождать площадку разгрузки. Затем муку и сахар развешивали по полиэтиленовым пакетам, консервы и масло шло в тех же упаковках. Кому война, а кому прибыльный бизнес.

Мы начали серию переговоров о создании полицейских станций на сербских и мусульманских территориях. Сербь, в принципе, были готовы открыть станции в Илидже и сербском Сараеве. Переговоры проходили в гостинице в Илидже, и сербы рассказали мне, что в этой гостинице провел последнюю ночь австрийский эрцгерцог Фердинанд, и даже показали его номер, они хранили его как память, постояльцам не сдавали. В самом Сараеве был разрушен мемориал Гаврилы Принципа на месте покушения: разбили плиту со следами ног на мостовой и доску на стене дома. Мусульмане же не очень понимали, зачем им нужны полицейские станции: сербов на их территориях практически не было. Решили начать с Тузлы, в этом городе был штаб сектора. До Тузлы можно было добраться либо на автомобиле из Загреба, через Сербию, либо вертолетом из Ильяша, небольшого городка на север от Сараева. Норвежцы «включили» свои связи, и нам дали норвежский вертолет из состава сил. В Тузлу отправились вчетвером: три скандинава и я. Вертолет вмещал 6 человек, прибавились еще два пилота. Летели по каньонам рек, слева и справа поднимались горы, под нами неслись реки. В одном месте река делала крутой поворот, на нас стремительно надвигалась скала, казалось, вот-вот врежемся в гору, но вертолет завалился на спину и повернул влево по руслу реки. Норвежцы были классными пилотами, понятно, почему генерал Роуз предпочитал летать с ними. В Тузле нас принял норвежский генерал, командующий сектором. Мы долго беседовали с ним и объясняли ему, что такое гражданская полиция ООН, какие задачи она решает, какие возможности имеет и в чем ее преимущество перед войсками. Под конец беседы генерал проникся пониманием нашей роли в миссии и пообещал поставить вопрос перед

генерал-лейтенантом Смитом о направлении полиции в Тузлу. Мы осмотрели военно-воздушную базу, где базировались основные силы ООН, познакомились с обстановкой. Активных боевых действий не было, но сербы иногда обстреливали базу и город из тяжелых орудий. Однажды во время развода на занятия метким выстрелом они положили тяжелый снаряд из 203-мм орудия в центр плаца школы подготовки командиров мусульманского корпуса, расквартированного в районе Тузлы. Погибло и было ранено более 100 человек.

Незаметно подошло время уезжать домой. Генерал Смит был ошарашен этой новостью, когда на одном из утренних совещаний я попросил слова и поблагодарил всех за сотрудничество. Он попытался решить вопрос с МВД в Москве о продлении моего пребывания в Боснии, но Москва посчитала, что я «достаточно был за границей» и должен вернуться домой, доводы генерала Смита о необходимости моего пребывания в штабе сил в Боснии не сочли вескими. Комиссар по телефону сказал мне, что он очень доволен моей работой в Сараеве, работа гражданской полиции в Боснии получила высокую оценку руководства миссии и самого Акаши, специального представителя Генерального Секретаря ООН. Фредриксен сказал, что еще раз убедился в высоком профессионализме русских милиционеров, и попросил меня назвать кандидатуру моего преемника, он обязательно должен был быть русским. Принцип ледокола сработал! Я назвал полковника из Питера Владимира Николаевича Рыбникова, начальника кафедры института МВД. Он работал на станции в Сплите, и его с моим земляком Александром Чувилиным перевели в Сараево. У меня оставалось несколько дней от отпуска, поэтому я в конце апреля сдал дела и улетел в Загреб.

Сотрудники посольства пригласили меня на маевку. По старой традиции 1 мая все выехали на природу недалеко от Загреба. Ловили рыбу, играли в мяч, жарили шашлыки. Погода стояла хорошая, солнечная. Первый МиГ-21 прошел над нашими головами около 12 часов дня, затем они стали летать по одиночке и парами в направлении Окучан. Все эти перемещения показались мне подозрительными, о чем я сказал Сергею Мошечкову. Но отдых есть отдых, и всем было не до полетов авиации. Ночевать меня забрали к себе Сергей и его жена Алла, мы до полуночи разговаривали о жизни, о службе, о событиях в бывшей Югославии. Утром 2 мая мы неспешно завтракали, когда раздались звуки разрывов. Я сказал: «Ну, вот война пришла и в Загреб». Ребята не поверили мне, мы включили телевизор, там показывали горящие машины в центре Загреба. Оказалось, что хорваты начали операцию «по освобождению» Западной Славонии. Все стало на свои места: полеты МиГов, ответный ракетный удар по Загребу. Окучаны оказались в полосе хорватского наступления, а там на станциях были наши ребята. Я срочно поехал в штаб миссии. В оперативном отделе полиции и у дежурных не было никаких сведений, где находятся полицейские из Окучан, что с ними. Командир станции, работавшей на скоростном шоссе Загреб–Белград, полковник Александр Сергеевич Пешков сообщил в штаб, что в районе Окучан идет бой, слышна артиллерийская канонада, сведений о полицейских нет никаких. Я связался с Москвой, доложил обстановку и свои действия. Затем позвонил в посольство, попросил посла связаться с хорватами и попытаться выяснить у них судьбу наших ребят. По спутниковому телефону разговаривал со штабом в Сараеве, попросил наших ребят связаться

с сербами и предупредить, что наши могут уйти в Боснию, чтобы сербы отнеслись к ним поласковее. Посол связался с Белградом и рассказал нашему посольству о сложившейся ситуации, там обещали помочь. Вроде бы все было сделано, но неизвестность томила душу и настроение было тяжелым: до отъезда домой оставались считанные дни, а про Володю Крапивина и Юру Чеснокова не было ни слуху ни духу. Двое суток мы были в полном неведении о ребятах, напряжение было таким, что я практически не спал по ночам. На третьи сутки появились пакистанцы, работавшие на станции в Окучанах, они рассказали, как проходило хорватское наступление, как снаряды засыпали городок. Они сказали, что Юра и Володя вроде бы ушли пешком в Боснию к сербам. Они жили в отдаленной части Окучан, ближе к Новской, поэтому при начале стрельбы сразу же двинулись туда и попали в руки хорватов. Сутки они провели в мотеле в Новской, а затем их отпустили в Загреб. Это была вся информация на тот момент. Москва приказала звонить каждый час и докладывать обстановку, а докладывать было нечего. Прошли еще сутки.

На следующий день, часов в 12 в штабе раздался звонок из Новой Градишки, звонил Володя Крапивин, они с Юрой и другими полицейскими были в мотеле и просили их забрать. По радио мы связались с Даруваром и отправили машины из сектора «Запад», чтобы забрать ребят. Через четыре часа их привезли в Загреб и разместили в гостинице. Я немедленно поехал в гостиницу к ребятам.

Узнать их было трудно: щеки ввалились, вокруг глаз чернота, небритые, уставшие. Пока они мылись в душе, мы накрыли стол, приготовили еду. Ребята позвали Кшиштофа, мы сели за стол, выпили немного, и ребята рассказали, что произошло.

Хорватская атака началась на рассвете. Монитор из Кении видел на дороге хорватские танки и бронетранспортеры, изготовившиеся к атаке. Его пропустили на сербскую сторону и сказали: «Передай сербам, мы скоро придем». Кениец примчался на станцию, которая контролировала движение по шоссе Загреб-Белград, и по радиации доложил об увиденном в Загреб. Дежурный по штабу в Загребе сначала не поверил ему, а затем сказал, что доложит утром комиссару. Никаких команд об эвакуации дано не было, все остались на своих местах. При начале артобстрела все собрались на станции и стали готовиться к эвакуации в непальский батальон, как было предусмотрено планом действий при ЧО. В этот момент на станции появилась сербская военная полиция, арестовала всех, забрала бронежилеты и каски, конфисковала машины, а ребят отправила в подвал школы в Окучанах. Они сидели в подвале под охраной, а затем охрана вдруг исчезла. Юра Чесноков, Володя Крапивин и Кшиштоф выбили дверь и вывели всех на улицу. В городке рвались снаряды, было ясно, что вот-вот сюда войдут хорваты. Все перебежали на станцию, над которой все еще развевался ооновский флаг. На станции нашелся наш тяжелый бронежилет, весом 12 кг. Юра надел его и побежал проверять, где остальные мониторы, он не знал, что они уже уехали из Окучан. Когда свистел снаряд, Юра падал на землю, после взрыва он вскакивал и бежал дальше. Тяжелая плита бронежилета била его по ногам, бедра превратились в сплошной черно-красный синяк. Проверив все дома, Юра вернулся на станцию. Буквально через несколько минут туда ворвались хорваты. Они направили на ребят автоматы и стали обыскивать их, забрали все найденные деньги, сказав: «ООН денег не надо». Это подразделение ушло

дальше, а через некоторое время другие хорваты пришли на станцию и офицер сказал, что полицейских направят в Нову Градишку, как только дорога станет безопасной. Уже поздно вечером их доставили в мотель, вся Градишка была заполнена войсками, все праздновали победу. В мотеле к ребятам подошел пьяненький солдат и сказал, что он мусульманин из Боснии и отомстит русским за то, что они братья сербов. Солдат ушел за своими друзьями, обстановка была крайне опасной. Кшиштоф дал ребятам ключ от своего номера, велел им сидеть там, пока он не придет за ними. Ребята поднялись наверх, а Кшиштоф остался в баре пить пиво. Вскоре появились хорватские солдаты во главе с мусульманином из Боснии. Не найдя русских, они обратились к поляку: «Где русские?» — «Долго ходите, — был ответ. — За ними приехала машина и они уехали». — «А ты чего остался?». — «Места не было в машине, и потом я католик, я среди своих». Солдаты выпили по рюмке ракии и ушли. Так поляк спас русских. Утром они связались со штабом и их доставили в Загреб.

Взаимоотношения между представителями разных национальностей в миссии были хорошие. Если и возникали какие-то трения, то это был скорее результат разного менталитета и разного жизненного опыта. У меня тоже были стычки, но они носили рабочий характер и не касались личностей. Однажды, еще в первой миссии, один кениец ушел со станции в бар и оставил без связи ребят, которые ночевали на станции в Ключе, тем самым подвергая их жизни опасности. Утром это обнаружилось и этот кениец попытался перевести проблему из служебной плоскости в расовую: его, дескать, ругали не потому, что он бросил своих товарищей, а потому, что он негр. На это ему хорошо ответил канадец Джон Тимчук: «В ООН есть только две национальности: те, кто работает, и те, кто не работает». Разность менталитетов проявлялась и в обычной жизни. В миссии был ирландец по имени Мартин. Хороший парень, хороший работник, надежный, но живший по каким-то, только ему известным, правилам. Все началось с его приезда в миссию 2 августа, праздника ВДВ России. Вместе с русскими ребятами, встречавшими его и доставлявшими в штаб сектора, он заехал поздравлять наших десантников. Был накрыт стол, была русская баня, были песни под гитару. Мартин принимал активное участие во всех номерах программы и в середине праздника был уже хорошо подшофе. Командир роты разведки, у кого были в гостях, прошел Афган и, по старой привычке, был брит наголо. Такими же были и все солдаты его роты. Глядя на Мартина, он сказал: «Запустил ты прическу, Мартин. Давай мы приведем ее в порядок». Мартин сразу же согласился, и через минуту ротный парикмахер обрил Мартина наголо. Затем отяжелевшего Мартина отвезли в гостиницу, положили в номере спать и строго-настрого запретили портье открывать номер. После этого вернулись в роту к десанникам. Каково же было изумление ребят, когда, вернувшись в гостиницу, они не обнаружили Мартина в номере. Портье сказал, что тот громко стучал в дверь и пришлось открыть ее, чтобы узнать, в чем дело. Мартин оттолкнул серба и бросился вон из гостиницы. Ситуация сложилась своеобразная: без знания языка, местных обычаев и явно нетрезвый, Мартин был где-то на просторах городка Углевик. Утром стали готовиться к отъезду и тут появился Мартин. Оказывается, он бросился из гостиницы искать русских друзей, но, выскочив из дверей, попал в центр проходившей мимо сербской свадьбы. Его немедленно взяли с собой,

и всю ночь он пел и плясал на сербской свадьбе. Позднее Мартин был частым посетителем офиса военной полиции ООН, на которую были возложены все расследования дорожных происшествий с участием сотрудников миссии. Мартин докладывал о наездах на кур, сбитых знаках. В Ирландии левостороннее движение, и привыкнуть к правостороннему движению было не просто. Вершиной всего был его рапорт о наезде на страуса. Ему стали объяснять, что в Боснии страусов нет, но он упорно твердил, что птица была большой, на длинных ногах. В доказательство своей правоты он предъявил перо пострадавшей птицы, и тут все встало на свои места. Мартин сбил индюка, а индюки в Ирландии не водятся.

Мы доложили в Москву, что ситуация с пропавшими милиционерами благополучно разрешилась, и спросили, что нам делать по прибытии в Москву: мы прилетали накануне 9 мая, были праздники и министерство не работало, доложить о проделанной работе было некому. В ответ нам сказали, что решение за нами, можно ждать в Москве несколько дней, а можно уехать домой. Я позвонил домой и сказал жене, чтобы она брала билеты на тот же день домой. Меня неприятно поразило равнодушные нашего куратора в главке: получалось, что мы свою задачу выполнили и больше никому не были нужны. Откровенно говоря, я думал поделиться своими мыслями и опытом, как помочь другим российским милиционерам продвигаться по служебной лестнице в миссии, ведь я был первым, кто прошёл путь от рядового патрульного до одного из руководителей полиции ООН, но это не потребовалось. С этого началась череда моих служебных проблем: подразделение было расформировано, я был выведен за штат и находился в распоряжении отдела кадров УВД. Когда я доложил генералу о прибытии из командировки, он сказал, что я могу идти в положенный мне отпуск. Я рассказал ему о своей проблеме, и он приказал своему заму по кадрам найти мне место для продолжения службы. В Управлении вневедомственной охраны была свободна должность заместителя начальника управления по кадрам, мне предложили эту должность, я согласился, но начальник управления заявил, что у него есть своя кандидатура и ему не нужен человек со стороны. Последовал длинный раунд переговоров между зам. начальника УВД и начальником управления охраны. Конечно, победил зам. начальника УВД, но у побежденной стороны были свои ходы. Мой новый начальник заявил, что не может отпустить меня в отпуск, так как график отпусков был составлен давно, а отпуск за прошлый год я был должен использовать до апреля. То, что я был в командировке, в расчет не принималось, пришлось приступать к службе. Коллектив управления был хороший, работалось хорошо, но первое время напряжение пережитого не отпускало меня и я не всегда сразу понимал, о чем со мной говорят сослуживцы: мыслями я еще был в Боснии. Начальник тщательно следил за моими делами, и только через некоторое время я узнал причину его подозрительности. Когда встал вопрос о моем назначении, ему дали прочитать статью в «Комсомольской правде» обо мне. Он прочитал ее и сказал: «Все ясно, его „подводят“ под меня, а затем меня уберут. Не может человек с таким опытом быть в замах». Все мои предложения по улучшению служебной подготовки отвергались, дошло до того, что я мог покинуть здание управления только с разрешения начальника, хотя утром на планерках я докладывал план работы на день. Я позвонил в Москву

и спросил, планируется ли мое дальнейшее использование в миссии. Ответ был уклончивым, мне посоветовали увольняться на пенсию, что я и сделал через четыре месяца после возвращения из миссии.

Сейчас я могу спокойно подвести итоги моего пребывания в бывшей Югославии. Я узнал себе цену, узнал, на что способен, нашел большое число друзей, с кем разделил все тяготы и лишения нелегкой судьбы миротворца. На многие тревоги и проблемы наших дней я стал смотреть по-другому, более философски, не делаю из мухи слона. Я еще раз убедился, что право сильного доминирует в мировой политике, научился понимать, как работают скрытые механизмы политики. Две правительственные награды, четыре ооновских медали, благодарственное письмо и четыре ценных подарка от министра внутренних дел отметили мой труд в миссии, именной пистолет и Почетная грамота от сербской армии напоминают мне о друзьях-сербях, совместных операциях и просто хороших людях, с кем свела меня судьба на Балканах.

P.S. Как всякий участник миротворческой миссии в бывшей Югославии, я взял на себя определенные обязательства, подписав соответствующие документы в миссии. Нарушить их не позволяет мне честь офицера. Поэтому я рассказал здесь только то, что счел возможным и что не повредит другим людям.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МИРОТВОРЦЕМ?

Данные записки не претендуют на полноту освещения событий в Югославии в 1992–2002 годах. Автор связан требованиями принципа беспристрастности миротворца и обязательствами сохранения служебной тайны. Поэтому он сознательно избегает политических оценок и приводит минимум иллюстрирующих фактов, так как они могут быть использованы для разжигания национальной розни. Главная тема записок — сама профессия миротворца, портреты людей, которые находятся в эпицентре кровавых политических событий, и рассказ о том, с чем приходится им сталкиваться при осуществлении своей миссии.

Вячеслав Анатольевич Воробьев — подполковник милиции, преподаватель учебного центра УВД Калининградской области. С 1 августа 1992 года проходил службу в составе российского контингента полицейских миротворческих сил в бывшей Югославии. Прошел ступени от командира международной полицейской станции (аналог райотдела милиции) до специального помощника заместителя комиссара (командира) международных полицейских сил ООН — командира российского полицейского контингента в Косове. В 1994 году, в перерыве между командировками в Югославию, командовал сводным отрядом Калининградской милиции в зоне конфликта Северная Осетия-Ингушетия. Награжден орденом «За личное мужество», медалями и почетными знаками МВД России, тремя медалями ООН «За службу миру».

Так случается порой, что судьба вдруг совершает неожиданный зигзаг и в корне меняет стиль и темп твоей жизни, твои представления о мире, да и тебя самого. Такое «землетрясение» в моей милицейской работе произошло летом 1992 года.

Начало 90-х годов. ГКЧП, «похороны» СССР, траурное шествие по стране экономического кризиса, появление в обиходе и прочувствование на собственной шкуре новых для нас явлений — безработицы, приватизации, инфляции... И пока еще где-то там, впереди — возрождение в политических муках новой Российской государственности.

В этот, казалось бы, совершенно неподходящий момент Российское правительство принимает решение об участии в миротворческих миссиях Организации Объединенных Наций в горячих точках планеты и о предоставлении для этих целей своих воинского и полицейского контингентов. Большинство развитых стран мира занимались миротворческой деятельностью с момента создания ООН, а вот Россия, к сожалению, припозднилась на 45 лет. Но уж лучше позже, чем никогда...

Первой согласованной с ООН горячей точкой для проверки российских миротворцев стали Балканы, а точнее, республика бывшей Югославии — Хорватия, которую с осени 1991 года захлестнула гражданская война.

... Июль 1992 года. Майорские погоны. Ежедневная рутинная работа в должности заместителя командира отдельного батальона патрульно-постовой службы милиции. Каждый четвертый день столь «любимое» почти круглосуточное дежурство по городу с многократной проверкой патрульных нарядов на маршрутах и постах. Постоянные выезды на ЧП (грабежи, разбои, массовые драки и т.д.), иногда с погонями, как в кино. Чувство усталости и предвкушение скорого отпуска.

И вдруг, неожиданный вызов в УВД с предложением поехать в миротворческую миссию ООН на Балканы в качестве полицейского наблюдателя — представителя России. Требования просты — свободное владение английским языком, умение хорошо водить машину, не менее 5 лет опыта практической правоохранительной деятельности, хорошее здоровье и главное — желание послужить миру. На обдумывание — один день.

Наверное, ни одно из важных жизненных решений не давалось мне столь тяжело, как согласие поехать в эту миссию. Было над чем призадуматься. Ведь ехать приходилось практически на войну, о логике и динамике которой не было ни малейшего понятия. Дома оставались двое малолетних дочерей, которых никак не хотелось подвергать риску стать сиротами, родители были против, некоторые коллеги многозначительно крутили пальцем у виска....

И все же я решил. Видимо, есть во мне что-то от авантюриста, искателя приключений. Мир посмотреть, себя показать. И главное: хотелось проверить себя — способен ли? Деньги? Тоже немаловажный вопрос. В миссии обещали платить командировочные валютой, и верилось, что-то удастся сэкономить и привезти домой для пополнения семейного бюджета.

И вот Москва, Главное управление кадров МВД России. В небольшой комнате несколько таких же, как и я, смущенно-потерянных офицеров милиции — майоров и капитанов. Один из Орла, один из Тамбова, один из Рязани, один из Калуги, один из Краснодара. В то время сотрудников со свободным владением английским языком

в Российской милиции было очень немного. И еще семь долгих лет я буду единственным представителем Калининградской милиции в российском контингенте международной полиции ООН. Но тогда я этого еще не знал. А в тот день всех нас, будущих коллег и членов миротворческого братства, тревожил один и тот же вопрос: к чему нам готовиться и что с нами будет там, на балканской гражданской войне.

Но прежде чем мы туда попали, пришлось изрядно попотеть в Москве, сдавая в министерстве экзамен по английскому языку, проходя полное медицинское обследование, отрабатывая около четырехсот психологических тестов и оформляя кучу необходимых для работы в миссии ООН документов.

И вот — надрывный гул взлетающего курсом на Вену самолета, и очертания Москвы медленно тают за пеленой провожающих нас в неизвестность облаков. На душе тревожно и зябко, думается о доме, родных и близких.

Рядом в кресле сидит капитан внутренней службы из Орла Сергей Шипилов, с которым мы станем друзьями на долгие годы, с которым рука об руку пройдем сквозь огонь и пламя четырех миссий, проведя вместе на Балканах в общей сложности более пяти лет. Через семь лет Сергей станет первым командиром российского полицейского контингента в Косове, я — его заместителем, а по возвращении из Косово Сергей сам возглавит подразделение МВД по подготовке российских миротворцев. Все это будет потом, а пока он под мерную песню двигателей задумался о чем-то своем, наверное, тоже о доме.

Ни красавица Вена, ни дальнейшие пересадки на еще один самолет, а потом на автобус, следующий в столицу Хорватии Загреб, как-то не запомнились. Наверное, потому, что было много дорожной суматохи по поводу багажа, который, кроме наших личных вещей и снаряжения, включал еще пищевые термосы и тяжеленные бронежилеты для ребят из первой группы, захавшей в миссию за три месяца до нас.

После прохождения в штабе международной полиции ООН в Загребе двухдневного входного инструктажа мы получили свои первые назначения. Мы с Сергеем были распределены на станцию международной полиции в Костайницу, в то самое местечко, где несколькими месяцами ранее бесследно пропали двое российских корреспондентов «Комсомольской правды». Позже мы видели их валяющуюся на обочине в траве сожженную машину. Каких-либо следов самих наших земляков в период нашей службы в Костайнице отыскать не удалось. Через пару лет в средствах массовой информации прошло сообщение, что они оба были расстреляны сербами. Но насколько оно было правдивым, каковы настоящие обстоятельства их исчезновения, так и осталось тайной. Ни тел, ни места захоронения также найдено не было.

Следует сказать, что все территории, где размещались полевые станции международной полиции ООН, формально принадлежали Хорватии, но находились под контролем сербов. Годом ранее, во время отделения Хорватии от Югославии, сербская часть населения Хорватии не поддержала этого политического хода руководителей хорватской республики и взялась за оружие. Хорватская администрация из мест компактного проживания сербов была изгнана и на «освобожденных от хорватов» хорватских территориях была провозглашена независимая республика — Сербская Краина, занимавшая приблизительно треть часть Хорватии.

Естественно, хорваты не склонны были смириться с подобной ситуацией, тем более что под контроль сербов перешли важные в стратегическом и экономическом отношении территории. Кроме того, в Сербской Краине осталось проживать много этнических хорватов, не пожелавших бросить на произвол судьбы свои дома, которые строили их деды и прадеды и где выросли несколько поколений детей.

Таким образом, возникла ситуация вооруженного противостояния хорватов и сербов с регулярными минометно-артиллерийскими перестрелками на линии разграничения. К тому же обе стороны активно использовали диверсионные группы, как для уничтожения военных объектов в тылу противника, так и для третирования мирного населения. Для прекращения этих акций и недопущения широкомасштабных военных действий на линиях разграничения были размещены войска ООН, а во внутренние территории Сербской Краины были введены подразделения международной полиции ООН. Войска ООН были вооружены по полному штатному расписанию. Подразделения полиции ООН не были вооружены вообще: ни оружия, ни дубинок, ни наручников. Для самозащиты — только кулаки.

При этом основными задачами международной полиции являлись: осуществление надзора за положением этнических меньшинств на территории Сербской Краины; полный гласный контроль за работой местной полиции на всех уровнях; выявление фактов нарушения прав человека, незарегистрированных или специально скрытых преступлений; частичный контроль за перемещением воинских подразделений и военной техники (основной контроль осуществляли военные наблюдатели); помощь беженцам и перемещенным лицам; помощь в сопровождении конвоев и распределении населению гуманитарной помощи; оказание содействия другим службам и подразделениям ООН в работе с гражданским населением. В реальной действительности этих направлений работы оказалось намного больше.

Из штаба миссии к месту службы нас везли на машине. Пока ехали по внутренней хорватской территории, с интересом разглядывали встречающих людей, пробегающие мимо пейзажи чужой страны, к счастью еще мирные. Как только подъехали к линии военного разграничения, по спине поползли мурашки. Справа и слева по дороге — обугленные остовы разбитых, искореженных, перевернутых гражданских и военных машин, расстрелянные, сожженные и взорванные дома, воронки от разрывов снарядов и гранат. Везде многочисленные следы попадания пуль: на буквально изрешеченных дорожных знаках, на уцелевших стенах домов, на ограждении мостика через небольшую речушку, на валяющейся у обочины дороги детской коляске... И запах — страшный запах недавних боев, смесь пороха, гари, опаленной земли и человеческой крови. Сейчас в России уже никого не удивишь такими картинками. Все вдоволь насмотрелись телевизионных репортажей из Чечни. Но тогда на нас, вырванных неожиданным вихрем из спокойной мирной жизни, эти картины произвели эффект ледяного душа. За пять лет работы на Балканах мы увидим тысячи подобных картинок, в какой-то степени даже привыкнем к ним. Хотя к этому, как к слезам ребенка, нельзя привыкнуть.

Вот и наша полицейская станция — две комнатки в бывшем баре. Наш первый командир — датчанин Эрик Стремберг, спокойный пожилой человек, полицейский-профессионал со стажем. Коллеги по работе — офицеры полиции из Дании, Польши,

Португалии, Бангладеша, Кении, Колумбии, Непала, Нигерии. И вот теперь двое русских. Всего около двадцати человек. Восемь переносных радиостанций, две печатные машинки. Четыре белые машины с большими знаками UN на бортах и на крыше, из которых две — русские уазики, причем почти новенькие.

Последнему факту мы были крайне удивлены, но позже узнали историю появления наших военных машин в автопарке полиции ООН. Как оказалось, после падения Берлинской стены и начала процесса объединения Германии Бундесвер отказался использовать армейскую технику бывшей ГДР, в основном советского производства. Тогда и было принято соломоново решение: передать автопарк машин общего назначения бывшей армии ГДР в распоряжение ООН.

Первые дни службы — как в тумане. Все так необычно. Постоянное огромное внутреннее напряжение и на службе и вне ее. Как ни готовили нас в Москве к встрече с реальным разговорным английским, все равно есть только один реальный путь овладеть им: практика, практика, практика! Чего нам катастрофически не хватало. Я буквально с ужасом обнаружил, что английский существует в десятках вариантов, от абсолютно «не читаемого ухом» прерывисто-пулеметного ирландского до проглатывающего половину звуков африканского. Как оказалось, значительные белые пятна были у меня и в знании специальной английской полицейской терминологии, порядка радиообмена и т.д.

В результате половина переговоров в радиозфере, указаний, распоряжений, приказов руководителей штаба и станции были непонятны или понятны отчасти. Приходилось, переступая через неловкость, многое переспрашивать, уточнять по несколько раз, чтоб быть уверенным, что ты все понял правильно. Иного выхода не было, так как ценой даже маленького недопонимания важного сообщения или срочной информации для коллег в патруле могла стать их жизнь. В этой ситуации мне очень помог мой друг Сергей Шипилов. Уровень его английского языка был и до сих пор остается самым высоким в контингенте российских миротворцев. Так что у меня под боком был квалифицированный консультант. Именно Сергей, а не советские школы-институты, сформировал надежную базу моего профессионального английского языка и помог в короткий срок восполнить пробелы в языковой подготовке.

Каждый день на станции бесконечная очередь посетителей — местных жителей. Кто-то ищет своих родных: матерей, отцов, сыновей, дочерей, пропавших в ходе недавних военных действий. Кто-то сообщает о появлении в их районе и бесчинствах диверсионных групп, о подрывах на минах. Кто-то жалуется на бездействие или несправедливость местной полиции. Кто-то просит о помощи голодным или заболевшим детям. Кто-то умоляет вывезти срочно его семью через границу, так как неизвестные бандиты обещали их всех вырезать. И так всю смену — в людских проблемах, в человеческом горе. Поэтому каждое восьмичасовое дежурство давалось огромным нервным напряжением.

Костайница является приграничным городом, ее делит на две части быстрая и холодная река Уна. Наш берег — это Сербская Краина, тот берег — уже другое государство, Босния. Соединяет два берега красивый мост. Местные жители свободно ходят через мост туда-сюда, а нам пересекать мост категорически запрещено. Быть на том берегу, в другом государстве у нас, иностранцев, нет мандата и полномочий.

Мы с Сергеем разместились на постой в двух комнатах в домике у гостеприимной сербской семьи — Миле и Драгицы. Дети у них уехали, спасаясь от ужасов гражданской войны. Они же решили рискнуть и остаться, чтоб сохранить для детей дом. Наделись, что судьба их пощадит и вернет мир на их страдающую землю.

Но судьба не пощадила. Через три года, в 1995 году, хорватские вооруженные силы атакуют эту территорию, и сербская оборона рассыплется в два дня. Мы знаем только, что Миле и Драгица в числе тысяч сербских беженцев под артобстрелами и бомбежками бежали в Сербию, но добрались ли они в Белград живыми, не знаем. Немало людей погибло тогда в мясорубке военных действий, были среди них и международные полицейские ООН.

Каждый вечер, как только на землю опускается мрак, на обоих берегах в городе и округе начинается спорадическая стрельба. Света нет, воды тоже. Вокруг — черная зловещая темнота. Всякий раз, когда открывается эта вечерне-ночная канонада, невольно вздрагиваешь и голова сама втягивается в плечи. Первые несколько ночей не заснуть. Через две недели сон приходит, только если слышна стрельба. В тишине заснуть абсолютно невозможно.

Днем тоже приходилось вести себя очень осмотрительно: округа напичкана тысячами мин и нам категорически запрещалось сходить с асфальта. Нередки были случаи, когда подвыпившие сербские солдаты брали нас на мушку или стреляли в воздух за спиной, проверяя нашу реакцию. К счастью, все-таки не убивали. В общем, скучать не приходилось...

Вспоминается один курьезный случай, произошедший со мной в один из первых дней пребывания на станции. Как я уже говорил, представители российской милиции впервые приняли участие в миссии ООН вообще и на Балканах в частности. Большинство иностранцев до этого никогда не видели русских и относились к нам очень настороженно. Но любопытство брало свое...

В один из вечеров, идя на ночную смену, я услышал позади себя шепот двух кенийцев, работавших также у нас на станции. Один из них объяснял другому, что впереди идущий человек — настоящий русский полицейский. Второй выражал сомнения, поскольку, по его мнению, русские должны быть очень большими, злыми и коварными. Они следовали за мной до самой станции, а там сомневающийся кениец молча подошел и осторожно дотронулся до моего плеча, проверяя мою реакцию и заодно оценивая — являюсь ли я *Homo sapiens*. При этом на его лице было написано столько страха и любопытства, что я не выдержал и рассмеялся. Позже мы стали добрыми приятелями.

Из непродолжительного времени работы на этой станции самым запомнившимся для меня эпизодом осталось выполнение специального задания штаба миссии.

Дело в том, что в разгар гражданского конфликта в Хорватии наблюдатели ООН отметили появление опасных тенденций в развитии ситуации в соседней Боснии и Герцеговине, где дело тоже шло к гражданской войне. Руководство ООН приняло решение провести подготовительные мероприятия на случай появления необходимости срочного ввода войск ООН на территорию этой страны. В частности, необходимо было разведать возможность прохода техники войсковых подразделений ООН через малоиспользуемые лесные, проселочные и горные дороги и дорожки на более чем шести-

соткилометровом протяжении хорвато-боснийской границы. Для выполнения этого задания выбрали датского офицера полиции Ларса Руби и меня. К тому времени я уже сносно говорил на сербохорватском языке и нередко в дополнение к своим прямым служебным обязанностям на полицейской станции выполнял функции переводчика.

Нам выделили белый уазик, сухой паек на неделю, подробную карту района поиска, забрали наши полицейские документы. По легенде прикрытия на случай обнаружения или ареста боснийской стороной мы должны были играть роль заблудившихся работников средств массовой информации по линии ООН.

В течение шести дней мы кропотливо исследовали все лесные и проселочные дороги, даже козьи тропы, ведущие в сторону границы Хорватии с Боснией. При каждом обнаружении такой дороги, иногда сильно заросшей травой и заваленной обломками деревьев, мы в первую очередь пытались выяснить у местных жителей на хорватской стороне, куда идет эта дорога, может ли машина пройти по ней, есть ли риск нарваться на мины или снайпера на той стороне. Опрашивали также персонал приграничных наблюдательных постов войск ООН, у них же останавливались на ночевки.

При начале практического обследования каждой дороги прежде всего обращали внимание на наличие на ней следов проезда телег, прохода скота и т.п. Если такие следы были, мы осторожно ехали по этой дороге вперед до тех пор, пока не обнаруживали, что она завела нас в тупик, в какую-то горную боснийскую забытую Богом деревеньку, или пока не обнаруживали впереди минное поле. А если повезет, то пока наша тропа не соединялась уже на территории Боснии с более-менее цивилизованной дорогой.

Если вышеописанных следов не было или мы знали об активности боснийских снайперов в обследуемом районе, то мы разделялись. Один из нас в голубом бронежилете и голубой каске с высоко поднятым ооновским флагом в руках медленно шел вперед по дороге, внимательнейшим образом осматривая ее на предмет наличия следов установки мин. Другой, также в бронежилете и каске, ехал вслед за впереди идущим на машине на дистанции прямой видимости.

Через каждые двести-двести пятьдесят метров менялись, так как из-за огромного внутреннего напряжения и пребывания в бронежилете на тридцатипятиградусной сентябрьской боснийской жаре одежда мгновенно становилась мокрой, да и нервы вытягивались в струну. Записки родным заранее были написаны и переданы друг другу на случай, если одному не повезет, а другой выживет.

Однажды после километрового марша таким манером мы вышли к красивому горному лугу, на котором увидели подорвавшееся на минном поле стадо коров. Более сотни животных, растерзанных минами на куски или изрешеченных осколками, лежали на поле. Стоял дикий смрад. Куски внутренностей животных висели на редких и жидких кустиках. Меня вырвало, моего напарника тоже. Как нам ни было тяжело и противно, пришлось ехать по этой дороге дальше. Задание есть задание.

Три дня все складывалось для нас удачно. На четвертый день боснийцы нас все-таки заловили. Мы, как и предписывала легенда, прикинулись «блудными сынами ООН», просили показать нам дорогу в Хорватию. Когда боснийцы стали обыскивать нашу машину, нас с Ларсом прошиб липкий пот. Если бы они нашли карту границы с нашими пометками, спрятанную под ковриком водительского сиденья, я думаю, мы могли бы

рассчитывать на серьезные неприятности. Но, к счастью, пронесло. Не обнаружив при нас и в машине ничего подозрительного и продержав нас около трех часов, боснийцы выдворили нас обратно в Хорватию. Обращались с нами в ходе допросов и обысков очень корректно, уважая наш ооновский статус.

В конце концов мы успешно закончили выполнение этого задания, обнаружив и зафиксировав около тридцати лесных, полевых и горных дорог, по которым военная техника ООН могла бы просочиться в Боснию.

Заросшие, грязные, с воспаленными глазами, измотанные нервно и физически, мы вернулись на свою сразу ставшую такой родной и милой сердцу полицейскую станцию.

Через три месяца после приезда в Костайницу мое ооновское руководство без меня меня женило. Не спросив моего мнения, меня назначили командиром другой полицейской станции, где я понял почему фунт лиха и за что ООН платят деньги. Моей новой семьей стал коллектив из двадцати шести человек из четырнадцати стран мира. Половина из моих подчиненных, к сожалению, почти не разговаривали на английском, я до сих пор не понимаю, как им удалось попасть в миссию. В этих условиях, чтобы обеспечить работоспособность станции, я вынужден был прибегать к нестандартным методам.

Так, например, чтобы быть уверенным в том, что мои подчиненные полностью поняли требования, усвоили план работы на день и меры личной безопасности в ходе ее выполнения, совещания и инструктажи приходилось проводить в несколько этапов. Я выбрал среди моих коллег-полицейских одного француза, одного аргентинца и одного иорданца, сносно говорящих на английском в качестве переводчиков. В ходе выступления произносил две-три фразы на английском и давал время моим переводчикам перевести сказанное соответственно на французский, испанский и арабский языки. Через такую же схему мне поступали вопросы и доклады о выполненной работе от подчиненных.

Проблемы в работе возникали на ровном месте. Так, например, в начале зимы бангладешцы и египтяне категорически отказались садиться за руль ооновских машин, поскольку они не имели никакой практики вождения машин в зимних условиях. Мое предложение провести краткий курс обучения вождению на снегу и обледенелой дороге они отвергли. Следует отметить, что дороги в Югославии зачастую очень плохие, особенно в горных районах. Иногда они бывают настолько узки, что две машины, встретившись на такой дороге, не могут разъехаться. И водитель одной из них вынужден включать заднюю скорость и пятиться несколько километров назад, пока не отыщется местечко для разъезда. Понятно, что вождение машины по таким горным дорогам вблизи пропастей и обрывов было рискованно даже летом, а по зиме на это решались только самые отчаянные и смелые.

Мой заместитель датчанин заявил, что не сядет за руль русского уазика, поскольку это — тяжелая и очень некомфортная машина. Нужно сказать, что большинство полицейских не любили наши уазики за сквозняки, малую скорость и сложность в управлении. Вместе с тем с ними мирились, поскольку, как показала практика, у них было свое преимущество перед комфортабельными европейскими джипами и седанами. При подрыве уазика на противопехотной мине у экипажа оставался шанс выжить за счет

более толстого железа кузова и негерметичности салона. Последнее важно для прохождения ударной воздушной волны. Несколько месяцев ранее такой уазик спас жизнь нашему полицейскому наблюдателю Александру Четкерашвили. Вместе с канадцем он был на патруле, когда их машина наехала на мину. Машина сильно пострадала, Александр был ранен в ногу и подбородок, канадец был сильно контужен, но главное, оба остались живы. На других машинах последствия всегда были более страшными...

Несколько позднее в экстремальной ситуации мне удалось доказать еще одно значимое преимущество российской машины — техническую надежность и тем самым несколько восстановить ее репутацию в глазах иностранцев. На одном из наших уазиков заклинило коробку передач на четвертой скорости. Для ремонта ее нужно было каким-то образом переправить по горным дорогам на базу технического обслуживания, расположенную в восьмидесяти восьми километрах от нашей полицейской станции. Специальных машин для эвакуации у нас не было, как не было и достаточно мощной патрульной полицейской машины, способной отбуксировать уазик по горам на такое далекое расстояние. Я хорошо знал возможности этой машины еще с мальчишеских лет, когда с разрешения солдата-водителя и втайне от отца, командира части, водил его служебный уазик в военном гарнизоне. Я решил гнать машину на ремонт на собственном ходу на заклинившей четвертой скорости. Все водители на станции отказались это делать, и я взялся осуществить это самостоятельно. Никто не верил в успех этой операции. Но я сделал это, хотя на двух затяжных горных подъемах мой уазик чуть не заглох, едва не похоронив свою и мою репутацию.

Много разных событий, и радостных и тяжелых, произошло на нашей станции. Последние почему-то запомнились лучше. Одним из них была эвакуация станции в связи с угрозой военного удара хорватов по нашей подконтрольной территории.

Эвакуация — самое страшное слово для полицейского миротворца. Оно означает, что в воздухе запахло порохом, все летит в тартарары и ты любой ценой, бросив все и вся, должен спасти свою жизнь. В феврале 1993 года я получил в штабе секретную информацию о готовящемся ударе хорватов. Было приказано: в течение двух часов эвакуировать весь персонал станции в безопасную зону. Эвакуацию требовалось провести быстро и секретно, чтобы не вызывать паники у местного населения. Нелегко поставить такую задачу, но еще тяжелее ее выполнить. Я попросил руководство миссии разрешить мне оставить на станции пятерых самых надежных и грамотных полицейских офицеров, которые могли бы покинуть станцию и эвакуировать секретные документы в самый последний момент. Я понимал, что было очень важно попытаться сохранить полицейскую станцию в работоспособном виде хотя бы еще на некоторое время, поскольку она была последней надеждой для многих местных жителей, попавших в жернова гражданской войны.

Вернувшись на станцию, я собрал весь личный состав и, объяснив ситуацию, приказал немедленно собрать вещи, расплатиться с хозяевами квартир, а как только наступит темнота — на всех имевшихся машинах по разным маршрутам покинуть контролируемую территорию. Пятеро: двое русских, один датчанин, один иорданец и один поляк — остались добровольцами на станции — готовить эвакуацию секретных документов и ждать того самого последнего момента. Было ясно, что отъезд такого

количества ооновских машин и персонала не пройдет незамеченным местными военными и полицейскими. Они контролировали нас так же тщательно, как и мы их. Поэтому я распорядился оставшимся добровольцам принести на станцию чайник, чашки, еду. Мы накрыли чайный стол и вальяжно расселись на станции. Через пять минут после отъезда последней машины с эвакуирующимся персоналом в помещение станции вломилась группа сербских полицейских, вооруженных автоматами. Последовал ожидаемый вопрос: «Почему происходит эвакуация персонала?» Руководством миссии мне было категорически запрещено передавать сербской стороне информацию об эвакуации и ее причинах. Тем более, что ООН предпринимала отчаянные попытки предотвратить начало военных действий путем переговоров с хорватской стороной. И, как выяснится позднее, к счастью, преуспела в этом.

Но в тот момент нам пришлось заняться театральной деятельностью. Я объяснил пришедшим, что никакой эвакуации нет, идет плановая ротация персонала. «Вы же видите: станция открыта и мы мирно пьем чай». Мы даже пригласили их присоединиться к нашей компании. Думаю, они поняли, что это была игра, но формально прицепиться им было не к чему. К счастью, хорватское нападение так и не состоялось. В результате этой истории в течение последующих двух месяцев нам пришлось впятером обеспечивать круглосуточную работу полицейской станции и прием местного населения, работая сменами по шестнадцать часов в сутки. Это был самый тяжелый период за всю мою жизнь.

Нужно отметить, что в целом у нас, ооновцев, сложились неплохие отношения как с местным населением, так и с руководителями и персоналом местных административных структур, в том числе военными и полицией. Несмотря на то, что мы постоянно контролировали их работу, они не относились к нам как к врагам. Русских и поляков вообще звали «братушками». Территория Сербской Краины была экономически блокирована, магазины пусты, не работали предприятия, вода и свет с большими перебоями. Не было топлива на автозаправках, очень трудно с медикаментами, инфляция составляла до 100–200 процентов в месяц. Поэтому мы старались оказывать нашим поднадзорным коллегам всяческое содействие — и продуктами, и топливом, и транспортом, и профессиональной помощью. Нередко и нам приходилось обращаться к ним за помощью.

В условиях военного положения на территории Сербской Краины ни у сербов, ни у хорватов не было стройной и единой военной структуры и командования. Существовал ряд полувоенных полевых отрядов, командиры которых порой вели себя как удельные князьки. Случалось, что наши патрули, попадая в зону ответственности подобных отрядов, задерживались ими или становились объектом для различного рода провокаций. Запомнился случай, имевший место весной 1993 года, когда такой отряд пытался захватить автомобиль нашего патруля. В машине было несколько ооновских полицейских, в том числе один россиянин, калужанин Александр Фокин. Именно он не потерял самообладания перед толпой остановивших их машину подвыпивших, одетых в полувоенную форму, вооруженных автоматами сербов. Пока они демонстративно окружали машину, он связался по радио со станцией и кратко обрисовал ситуацию. Мы сразу же проинформировали об инциденте местные военные и полицейские власти и стали в отчаянной спешке организовывать совместную с ними группу для

освобождения захваченного неизвестно кем и почему нашего патруля. В это время Александр вел переговоры с захватчиками, стараясь, с одной стороны, удержать их от прямого вооруженного нападения на патруль, и, с другой стороны, пытаюсь выиграть время, чтоб дать нам возможность принять меры к освобождению. Одновременно он пытался незаметно связываться с нами по радио, чтоб давать нам знать о развитии ситуации. Это были опасные попытки, поскольку он получил приказ от захватчиков не прикасаться к радиостанции. Более часа, в предельном нервном напряжении, он тянул на себе ситуацию, пока не удалось разрешить этот конфликт. На станцию ребята вернулись выжатые как лимоны. Мы тоже вытирали холодный пот со лба.

Но не всегда подобного рода инциденты заканчивались благополучно.

Летом 1993 года напряженность в военном противостоянии сербов и хорватов опять стала возрастать. Сербы стали вести себя более агрессивно и в отношении ООН, возлагая, видимо, на ООН вину за неудачи в разрешении гражданского конфликта в Хорватии. Особенно неприязнь усилилась после того, как хорваты на юге Сербской Краины атаковали очень важный в стратегическом отношении мост в местечке Масленица, охраняемый французским батальоном войск ООН. Вместо того, чтоб принять бой и отбить нападение, французы отошли. В результате по этому мосту хорваты провались в несколько сербских деревень, где в ходе боевых действий погибло много как военных, так и гражданских сербов. Количество провокаций со стороны сербов в отношении персонала ООН резко возросло. Неизвестные бандиты в военной форме стали захватывать ооновские машины, избивать находящихся в них сотрудников ООН, отбирать находящиеся при них вещи и деньги, иногда даже заставляя снимать всю одежду. Иногда объектами таких нападений становились и наши полицейские машины, так как бандиты знали, что мы не вооружены. Работа в патрулях стала вызывать у нас большое нервное напряжение.

В один из теплых первых июньских дней автопатруль в составе португальского и непальского офицеров полиции уехал навестить приграничную горную хорватскую деревеньку. Через час, когда на станции находились только я и дежурный, по радио пришло короткое, десятисекундное сообщение на плохом английском языке, что случилось ЧП, машина разбита, срочно требуется медицинская помощь. По акценту мы узнали непальца. Попытки выяснить детали происшедшего и, самое главное, местонахождение патруля оказались безуспешными. Как выяснилось позже, аккумулятор в машине в результате ДТП оказался частично поврежден и энергия для работы радиостанции быстро убывала. К тому же опять эта проклятая проблема с качеством английского языка, — непалец очень плохо владел им и ничего не мог объяснить. Что было с португальцем, мы не знали, позже выяснилось, что в это время он был без сознания.

В тот момент на смене в остальных патрулях были только недавно прибывшие на станцию сотрудники, не имевшие хорошего знания обслуживаемой территории. Я был единственным «стариком» и принял решение самостоятельно выехать на поиск попавшего в чрезвычайную ситуацию патруля. На станции оказалась свободной только одна машина — старенький «Гольф», который мы никогда прежде не использовали для поездок в горные районы. Но выбора не было. Ждать возвращения на станцию патрульных машин — значило терять драгоценное время.

В ту горную деревеньку, куда направлялся патруль, вели несколько дорог. Я выбрал для поиска ту, по которой наиболее вероятно могла проследовать наша машина. К счастью, интуиция меня не подвела.

Патрульную машину удалось обнаружить в поле, далеко за пределами дороги, совершенно разбитую и покореженную, лежащую на боку. Водитель-португалец находился в ней. Он лежал неподвижно, без признаков жизни. Рядом с машиной, обхватив голову руками, весь в крови, явно в состоянии шока, сидел непалец. Из его кратких сбивчивых объяснений удалось лишь понять, что за ними гналась красная гражданская машина с двумя одетыми в военную форму и вооруженных автоматами сербами, намерения которых были достаточно очевидны. Они с португальцем решили попытаться оторваться от преследователей и уйти под защиту находившегося в трех километрах впереди по дороге приграничного блокпоста польского батальона войск ООН. Они увеличили скорость, но не смогли вписаться в крутой поворот. Машина перевернулась, слетела на обочину и сделала с десяток кульбитов через крышу. Преследователи приостановились на несколько секунд на дороге напротив перевернувшейся машины и затем скрылись. Благодаря тому, что аккумулятор машины еще работал и рация оказалась цела, он успел передать сообщение на станцию.

Поняв, что непалец хоть и в шоке, но серьезных ранений не имеет и может еще потерпеть, я кинулся к португальцу. Тот был без сознания, но живой. Дыхание его было сиплым и каким-то прерывистым. Минут десять мы с непальцем пытались выломать заклинившую дверцу машины, чтоб вытащить его. Наконец с помощью камней, монтировки и колесного ключа кое-как удалось выдрать заклинившую дверь. Но это не очень облегчило нашу задачу, так как ноги португальца оказались зажатыми деформированным железом кузова машины. При малейшем прикосновении к его телу португалец сильно стонал, а при попытке вытягивать его из машины стоны переходили в крик. Мы видели, что причиняем ему огромные физические страдания, но у нас не было иного выхода, чтоб спасти его. Под эти стоны и крики мы все-таки сумели высвободить его ноги и вытащить португальца из разбитой машины. На руках я отнес его к «Гольфу» и кое-как впихнул в свою малолитражку на заднее сиденье. Непалец сел рядом, поддерживая его голову.

Я не медик и не умею ставить диагнозы. Но мне было понятно, что жизнь с каждой минутой уходит из моего коллеги и подчиненного. Он стал впадать в беспамятство, что-то бормотал сквозь стоны, на посиневших губах выступила розовая пена.

Никогда в своей жизни, ни до этого случая, ни после него, я не гнал машину по горной дороге на такой сумасшедшей скорости, как в тот раз. Впервые для меня столь остро и определенно была поставлена на карту жизнь конкретного человека. Не помню как, но по пути я еще умудрился связаться по радио со штабом и переругаться с ними по поводу необходимости вызвать на станцию вертолет. Для меня самого все это было как в лихорадочном полусне. Помню, что влетел на машине на плац в месте расположения пункта управления роты пограничной охраны польского батальона войск ООН, кричал солдатам по-русски, по-английски и по-польски. Они быстро забрали из машины и унесли куда-то в палатки и португальца, и непальца. К счастью, там оказался полевой перевязочный пункт, немного медикаментов и какой-то доктор...

В этот же день на вертолете обоих моих коллег эвакуировали в центральный госпиталь ООН в Загреб. Непалец через некоторое время вернулся на станцию продолжать службу. Португальцу сделали несколько сложных операций, я пару раз навещил его в госпитале, но на станцию он больше не вернулся.

Много было еще эпизодов и эпизодиков, которые добавляли нам седых волос. Приходилось выезжать и на места подрыва людей на минных полях, и видеть следы «работы» в деревне диверсионных или обыкновенных бандитских групп. Было и ночное нападение пьяных сербов на нашу полицейскую станцию, с подожженной дверью и обещаниями всех убить. Были и ночные тревоги, и попытки угона наших машин, и угрозы физической расправы. У многих из нас до сих пор еще осталась привычка всегда садиться лицом к двери, даже днем плотно зашторивать окна, оставлять «контрольку» на входной двери и заглядывать под машину, прежде чем завести двигатель.

К счастью, у нас на станции не было ни одного случая гибели сотрудников. Но не все выдерживали постоянное психологическое напряжение. В результате были и нервные срывы, и затяжные алкогольные разрядки, и поехавшие крыши. Нет, мы не были суперменами. Мы просто буднично делали свою работу, писали тысячи бумаг, иногда, как нам казалось, совершенно ненужных. Патрулировали территорию, разбирались с местной полицией при выявлении укрытых и нераскрытых преступлений, распределяли гуманитарную помощь, помогали беженцам, эвакуировали больных, беспомощных, разыскивали пропавших без вести...

Но самый главный смысл нашей работы был в том, что мы своим присутствием давали людям хоть маленькое, зачастую иллюзорное, но такое необходимое для жизни чувство защищенности, или было бы, наверное, правильное его определить — неброшенности. Что означает приезд белой полицейской машины с буквами UN на борту в глухую югославскую деревеньку? Это и новости с «большой земли», и продукты питания из гуманитарной помощи, и возможность передать письмо и записку родным. Это — шанс переправить роженицу в больницу, рассказать о вылазках бандитов, о болезнях скота, о проблемах с учебой детей, об отсутствии стройматериалов для ремонта дома, газет, медикаментов, школьных учебников, тетрадок, топлива для ведения сельскохозяйственных работ. Просто возможность увидеть новые лица, поговорить с людьми, которых не надо бояться и от которых не надо прятаться в лесу. А если еще удастся привезти заветную весточку от родных или близких, помочь в чем-то важном, благодарности людей не бывает границ. Это очень трогает и печалит одновременно. Я помню, как простые, в большинстве своем пожилые люди из деревни бросались целовать нам руки, когда нам удавалось вывезти их из района боевых действий или спасти от бандитского беспредела. Они плакали и обнимали нас, как своих сыновей. За время моей работы на станции в Слуне нам удалось переправить за пределы Сербской Краины около четырехсот хорватов, вынужденных из-за реальной угрозы их жизням покинуть родные места. Я думаю, что именно ради таких дел и стоит трудиться в миссии.

Наверное, у читателя возникнет закономерный вопрос: Неужели вся миссия — это только напряженная работа, без продыха и перерыва? Да, работы было много, в большинстве случаев она была связана с горем и страданиями людей. Это, конечно, негативно

сказывалось на нашем психологическом состоянии. Но мы старались находить и находили моменты для отдыха, расслабления и шутки. Порой случайные комические моменты в работе отвлекали нас от тяжести происходящего.

Помнится, был у нас на станции дежурный офицер — нигерийский полицейский. За свои сорок пять лет он никогда в жизни не видел снега. И когда первые снежинки закружили за окном, он, как замороженный, стоял и смотрел на них. Потом он вышел на улицу и принес в ладонях небольшой комочек снега, подходил к каждому и с неподдельным удивлением, доверчиво глядя нам в глаза, спрашивал: «Ребята, это что — снег, да?» и очень сокрушался, что его жена и дети не могут ощутить эти снежинки на руках. Кто-то в шутку посоветовал ему отослать домой снег в письме. Он очень обрадовался этой идее и стал спешно искать конверт... Остановил его только наш громовой хохот, который продолжался весь этот день и всю последующую неделю.

Иногда случалось заниматься и спортом. Так, сербские полицейские пригласили нашу и близлежащие ооновские полицейские станции поучаствовать в турнире по футболу. Все мы с удовольствием ухватились за эту возможность хоть как-то скрасить наше существование. К сожалению, все интернациональные полицейские футбольные команды с треском проиграли сербам с разгромным счетом. Остались лишь моральное удовлетворение от участия и воспоминания о хорошей послематчевой встрече за кружкой пива.

Иногда устраивались спортивные состязания и в военных подразделениях ООН. Нас, гражданских полицейских, тоже иногда приглашали участвовать. В апреле 1993 года британским военным батальоном был организован полумарафон — бег на двадцать два с половиной километра. Я подал заявку на участие.

Каково же было мое удивление, когда на старте среди восьмидесяти участников я оказался не только единственным русским, но и вообще единственным полицейским. Как оказалось позже, других желающих заняться «лошадиным спортом» среди моих коллег-полицейских не нашлось. Так что пришлось нести на своих плечах бремя ответственности не только за российскую милицию, но и за всю полицию ООН. В свои тогдашние 37 лет мне пришлось вступить в спортивную схватку с высокими, длинноногими и молодыми британскими солдатами. Вы даже не можете представить, как «красиво» я смотрелся в их строю и сколько добрых шуток пришлось услышать в свой адрес. Тем не менее мне отступить не позволила гордость и я все-таки добрался до финиша, заняв двадцать седьмое, считаю — почетное для моих седин место...

А около половины молодых и тренированных шутников сошли с дистанции...

Об этом маленьком подвиге во славу российской милиции мне до сих пор напоминает гравированная спортивная медаль, хранящаяся в моей коллекции.

Год пребывания в миссии незаметно подошел к концу, и радостное предчувствие встречи с родным домом нарастало день ото дня. Последние дни ожидания перед отъездом шли невыносимо медленно.

С какими же впечатлениями я уезжал из миссии? В конце концов, я сделал для себя несколько важных выводов, которые по сути своей не изменились и в ходе последующих трех миссий. В течение всего периода работы я вольно и невольно сравнивал нас, русских, с представителями других национальностей. И пришел к выводу,

что нам есть чем гордиться. Мы намного работоспособнее представителей других наций. Там, где цивилизованный швед или датчанин пасуют и зовут службу сервиса, мы молча засучиваем рукава и пытаемся чинить вышедший из строя автомобиль, печатную или копировальную машинку. В отличие от многих, мы всегда настроены делать дело до конца, не считаясь с личным временем, а порой личными финансовыми тратами. Мы, определенно, люди более щедрой души, и это располагает к нам остальных людей. Что касается профессиональной подготовки, то она никак не хуже маститой европейской или выспренной американской. В рискованных, конфликтных ситуациях россияне проявляют больше хладнокровия, выдержки, смелости и решительности. Видимо, суровая советская действительность с детства воспитала в нас эти качества.

На этом можно было бы поставить и точку, но это было только начало. После Хорватии я участвовал еще в трех миссиях на Балканах.

Был 1995 год и страшный для меня день 19 сентября — мой второй день рождения. Это произошло всего лишь через несколько недель после моего приезда в миссию во второй раз. В то время хорваты в ходе военной операции уже захватили Сербскую Краину и находились в состоянии военного противостояния с сербами на территории соседней Боснии.

Вместе с несколькими своими коллегами я приехал в Костайницу провести свою первую балканскую «вотчину» и проинспектировать ооновскую полицейскую станцию. В течение первой половины дня мы благополучно завершили свою работу на станции и были приглашены на обед в расположение датского военного батальона. Обед был действительно хорош, но перед десертом на территории батальона стали неожиданно разрываться мины и артиллерийские снаряды. В тот день я в первый раз в жизни увидел, что такое паника. Солдаты запихнули нас в какое-то укрытие, сооруженное из металлических листов с наваленными на них мешками с песком. В укрытии нас оказалось человек десять полицейских, в том числе одна гражданская женщина — переводчица. Рядом со мной в укрытии оказался еще один россиянин, профессор из Краснодарского юридического института, подполковник милиции Александр Мельников. Ужас этого дня мы пережили с ним вместе до самого конца, работали вместе потом еще в трех миротворческих миссиях на Балканах, но никогда ни в общих компаниях, ни в ходе личных встреч не обсуждали пережитой в тот день в Костайнице бомбежки. Память протестовала против возвращения в то пекло...

Вой снарядов и грохот разрывов сливались в беспрестанный грохот, а мы ничего не могли понять — почему, откуда и за что нас убивают? Где-то рядом раздавались хлесткие удары ответных выстрелов из танков и артиллерийских орудий. Наше убежище постоянно вздрагивало и было впечатление, что оно вот-вот рассыплется.

Первое время казалось, что это какая-то фантасмагория, сон и что это происходит не на самом деле и не с нами. А когда через час пришло холодное понимание того, что это все реальность и, может быть, последние наши ощущения на этом свете, — в душу медленно вполз животный ужас. Звук каждого приближающегося снаряда вдавливал в землю и, казалось, сжимал каждого в маленький комочек. Было невероятно обидно умереть вот так глупо и, как нам казалось, по какому-то недоразумению. Верилось,

что все это ошибка и этот ужас вот-вот должен закончиться. Но это продолжалось час за часом, и постепенно чувство страха дополнилось неудержимой дрожью и состоянием, близким к истерике. Честно признаюсь, очень хотелось жить. Какой-то внутренний инстинкт требовал выпрыгнуть из этого укрытия и бежать сломя голову куда глаза глядят, но только подальше от этого места. Но разум убеждал, что пробежать удастся не больше нескольких десятков метров. В этих внутренних метаниях и страшных ожиданиях прошло еще несколько часов. И потом наступило полное безразличие и оцепенение. Ни вой падающих снарядов, на грохот разрывов не вызывали больше никакой реакции, было абсолютно все равно. Сознание смирилось с неизбежным...

Много позже я пытался в книгах прочесть о подобной трансформации состояния людей в экстремальных условиях. Но нигде не нашел ничего похожего. Было ли это глубоко моей реакцией или типичным для всех остальных, я не знаю. Пережитыми ощущениями в то время никто из нас делиться не хотел. Да и сейчас вспоминать все это не доставляет особой радости. Эти двадцать часов, проведенные под обстрелом, были как бы отдельной кошмарной жизнью. В тот день одно из таких укрытий с восемью датскими солдатами было накрыто снарядом, почти все они погибли. Как выяснилось позже, всю перестрелку спровоцировали хорваты, разместившие свои танки и артустановки рядом с расположением датского батальона и открывшие огонь по боснийским сербам. Сербы ответили шквальным огнем, под который мы и попали.

На следующее утро, пользуясь небольшой паузой в артобстреле, нас вывезли из этого ада. В трех метрах справа и в пяти метрах слева от нашего убежища зияли огромные воронки от разрыва снарядов.

На память я взял сантиметровой осколок снаряда из развороченного мешка с песком, лежавшего в десяти сантиметрах от моей головы и спасшего меня. Этот осколок и сейчас валяется где-то в моей коллекции, но искать его нет желания.

В течение последующего месяца я еще три или четыре раза возвращался на эту развороченную полицейскую станцию, чтобы эвакуировать оставшееся оборудование и машины. Мы вывезли все, что можно было, едва не угодив под обстрел еще раз. Больше я никогда туда не ездил.

Через пару месяцев миссию в Хорватии закрыли, и я попал в Сараево, в Боснию, где шла широкомасштабная гражданская война. И все началось сначала: бессонные ночи, выстрелы снайперов, криминальный беспредел, страдания людей, бессмысленный поиск правых и виноватых.

Миссия только формировалась. На момент моего приезда она состояла из одной комнатки в здании Центральной почты в Сараево, пяти ооновских машин, трех стареньких компьютеров и тридцати пяти полицейских. Ни одной станции международной полиции на территории страны, никаких связей с руководством воюющих сторон, слабое представление о динамике конфликта. Обычные для миссии «удовольствия» — отсутствие воды, света, тепла, полная разруха в инфраструктуре. И повсюду тысячи и тысячи мин.

Мне, с учетом моего предыдущего опыта, была вверена служба тыла миссии. Цельный последовавший год мы регулярными конvoями везли в миссию оборудование и материалы, перегоняли через горы конvoями сотни машин, подыскивали в разных

городах страны помещения и открывали в них полицейские станции, обеспечивали их всем необходимым, решали вопросы разминирования, ремонта, снабжения водой, электричеством, связью, топливом и т.д.

Вторая миссия запечатлелась в моей памяти каким-то одним длинным однообразным серым ненастным днем. Каждый день изматывающая работа по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки: дальние поездки по всей Боснии, бесконечные совещания и переговоры, организация конвоев, ежедневная битва за связь, топливо, прием и распределение оборудования. Порой после работы по возвращении в свой нетопленный «дом» не было никаких сил раздеться, и, несмотря на холод и голод, я прямо в рабочей форме падал на диван, чтобы прийти в себя только утром и опять возвращаться в круговорот бумаг, забот и проблем. Наша служба, все мои коллеги и подчиненные работали на износ. На прощальной вечеринке перед отъездом домой мы признались друг другу, что никто из нас никогда больше не согласится работать в службе тыла, по крайней мере, на период формирования новой миссии.

Зато через год на территории Боснии были открыты пятьдесят девять полицейских станций, по дорогам страны патрулировали более пятисот полицейских машин. Более двух тысяч полицейских из сорока двух стран мира, благодаря нашим усилиям, могли профессионально исполнять свой долг.

Из наиболее ярких и в то же время жутких воспоминаний той поры в памяти остался образ горящего Сараево. По дейтоновскому соглашению о разграничении территорий, сербы должны были ряд районов в Сараево передать под полный контроль босняков (в обиходе называемых мусульманами). Срок выполнения этого пункта истекал в марте 1996 года. В этот период я был в Сараево и все видел своими глазами.

Врагу не пожелаю увидеть, как люди выкапывают надгробные памятники и плиты на могилах родных и близких, грузят их на телеги, машины, целыми семьями покидают свои дома, молятся, плачут, прощаются с каждым кустом и деревцем во дворе, а затем обливают все бензином и поджигают. Ооновские военные пожарные команды пытались выезжать на тушение этих пожаров, но сербы с оружием в руках не подпускали их к горящим домам. Люди уезжали навсегда из отчих домов, не верили, что когда-нибудь они или даже их дети смогут сюда вернуться, и поэтому сжигали за собой все мосты. Три дня над Сараево стояло красное зарево и в воздухе пахло пеплом.

После возвращения из своей второй миссии я давал интервью калининградскому телевидению. И сказал искренне о том, что увидел и понял за два года пребывания на Балканах. Все можно вытерпеть: экономический кризис, инфляцию, безработицу и грызню политиков за власть, лишь бы не было гражданской войны. Потому что она идет везде и круглые сутки. Сосед боится соседа. Добрые приятели и сослуживцы, десятилетиями дружившие семьями, вдруг оказываются по разные стороны баррикад. Фронт проходит по улицам, домам, школам, больницам, магазинам, рынкам, дорогам, по семьям, дружбе, любви. И торжествует только один закон: прав тот, у кого больше калибр. В этой ситуации дети, женщины и старики всегда остаются бесправными.

Моя третья миссия, 1997–1998 года, проходила опять на территории Боснии. К тому времени гражданская война в основном уже отшумела и страна медленно заживала полученные раны. Промышленность и транспорт по-прежнему не работали,

но малый торговый бизнес уже набирал обороты. Мелкие магазинчики и кафе возникали на каждом углу и множились, как грибы после дождя.

Я получил назначение на юг Боснии, в город Мостар, где совместно с американским офицером Альбертом Хопкинсом возглавил подразделение по обучению и профессиональной подготовке местной полиции. Наше подразделение было первой единицей подобного типа в Боснии, так сказать пробный шар. На нас отрабатывались сразу два эксперимента. Во-первых, выяснялось, смогут ли русский и американец работать в одной упряжке, как партнеры, и во-вторых — пройдет ли на практике предложенная американским департаментом юстиции программа обучения и подготовки полиции для Балканского региона. Через девять месяцев мы получили отличную оценку за результаты обоих экспериментов. Американцы говорили, что о нас с Альбертом была специальная передача по американскому каналу ВВС. Я пытался достать ее видеополоску, но видимо, недостаточно настойчиво.

Наша работа с местной полицией в Мостаре протекала далеко не гладко. Город Мостар был разделен рекой на две приблизительно равные части, одну из которых контролировали боснийские хорваты, другую — мусульмане. Два моста были переброшены через реку. Перейти хорвату или мусульманину по мосту на противоположную сторону было равнозначно подписанию себе смертного приговора.

За полгода до нашего приезда в город там закончились бои, на фронтовой речной прибрежной линии не было ни одного целого здания. В ходе боев погибло много людей и с той, и с другой стороны. Местная полиция была уже воссоздана (точнее, две отдельных полиции), но была сформирована исключительно по этническому признаку и патрулировала исключительно свою этническую территорию, не особенно скрывая неприязнь к своим коллегам на противоположной стороне. Тем более, что еще полгода назад они смотрели друг на друга только через прорези прицелов. Были в полиции и уцелевшие в боях старые полицейские, но большинство составляла молодежь, не имевшая никаких знаний о полицейской работе.

В этих условиях нам предстояло усадить их совместно в учебные классы, заставить сотрудничать друг с другом и позднее сформировать единую смешанную и высокопрофессиональную городскую полицию.

Первая проблема: на какой стороне города проводить занятия и как обеспечить безопасность «гостей» с другой стороны, если они еще согласятся на такой риск. После долгих переговоров с обеими сторонами было решено проводить занятия попеременно в обеих частях города. Теоретически на совместное обучение согласились обе стороны. Но на практике люди по-прежнему боялись появляться в чужой части города, несмотря на то, что мы довозили их до дверей класса на своих ооновских полицейских машинах и гарантировали их безопасность в период занятий. Время от времени и полицейские руководители обеих сторон, руководствуясь какими-то своими политическими интересами или профессиональными амбициями, бойкотировали сотрудничество с противоположной стороной. Не раз и не два в таких ситуациях учеба останавливалась, достигнутые договоренности рушились, все затраченные труды и усилия повисали на волоске.

Но каждый раз, через тернии и шипы, с настойчивостью бульдозеров, где кнутом, где пряником мы усаживали их за стол переговоров и все начинали сначала.

Возникали трудности не только на уровне руководителей, но и в классах. Как правило, в начале обучения в классах стояла гробовая тишина. Хорваты и мусульмане за целый день занятий не говорили друг другу ни слова, сторонясь друг друга. Однако на пятый-шестой день они уже обменивались репликами, еще через пару дней вступали в дискуссии, а через две недели шли в перерывах вместе пить кофе. Так, шаг за шагом, мы пытались сблизить их и психологически готовить к будущей совместной работе.

Но случались и гораздо более жесткие ситуации. Так, в одном из классов к нашему преподавателю в перерыве подошел молодой хорватский полицейский и, указывая на присутствовавшего в классе мусульманского полицейского, сказал, что этот мусульманин лично пытал его, когда в период военных действий он попал в плен к боснийцам. Он рассказал, что этот мусульманин лично в ходе пыток загонял ему иголки под ногти, и в доказательство показывал свои руки с изуродованными ногтями. Хорват предупредил преподавателя, что не может больше сдерживаться и наверняка убьет этого мусульманина прямо здесь, в классе. Боснийца срочно удалили из класса, и позже было начато следствие в отношении его причастности к военным преступлениям.

Наши преподаватели слышали от своих подопечных в ходе занятий немало подобных историй. Тем почетнее заслуга наших ребят в том, что мы все-таки довели дело до конца, закончили обучение полиции обеих сторон и при нас они выпустили в город на работу первые совместные патрули.

В период работы в Мостаре нам с Сергеем Шипиловым случалось и немного путешествовать по окрестностям. Так, мы побывали с ним в подземных карстовых пещерах протяженностью более трех километров, видели вытекающую из горы полноводную реку с холодной-прехолодной даже в середине лета водой. На реке располагалась маленькая фабрика по выращиванию форели. Забрались мы с ним и на гору, на которой, как утверждает молва, в 1981 году шестерым детям явилась в человеческом облике и долго с ними беседовала Дева Мария. С той поры район этой горы стал европейской Меккой для католиков всего мира, а рядом расположенная деревенька Междугорье стала превращаться в фешенебельный религиозный центр, принимающий до миллиона паломников в год. И все же основное свободное время мы с Сергеем посвящали шахматам, до которых были всегда большие охотники.

К сожалению для меня и к счастью для российского контингента, в конце 1997 года Сергей подал документы на участие в конкурсе на замещение очень высокой должности в главном штабе миссии в Сараево. И достойно выиграл этот конкурс, обойдя с полсотни кандидатов из других стран. Сергей стал специальным помощником заместителя комиссара (командира полицейских ооновских сил) в Боснии. Российский контингент получил в его лице мощную информационную и служебную поддержку. На тот период из российских миротворцев еще никто не забирался так высоко по служебной лестнице в структуре полиции ООН. И не случайно вскоре он стал командиром российских миротворцев в Боснии. Я искренне порадовался за друга, хотя и потерял эмоционального шахматного партнера.

В марте 1998 года и я получил новое назначение — командир полиции ООН в регионе Брчко на северо-востоке Боснии. В мое подчинение попали одиннадцать станций

международной полиции, около трехсот полицейских из тридцати восьми стран мира, обслуживавшие около девяти сот квадратных километров территории Боснии.

На этом посту я провел девять месяцев, до 13 декабря 1998 года, официальной даты окончания своего полуторагодового пребывания в третьей миссии. Я был и участником, и организатором огромной массы событий, описание которых могло бы составить отдельную книгу. Достаточно сказать, что дважды я своим решением проводил частичную эвакуацию подчиненного персонала из районов предполагаемых конфликтов. Был обвинен некоторыми руководителями полиции ООН в Боснии в провоцировании политической напряженности в подконтрольном районе и, за малым, не снят с должности. Но время показало мою правоту, и комиссар (командир) полиции ООН в Боснии официально поддержал мои действия, продиктованные опытом двух миссий и заботой о безопасности вверенных под мою ответственность людей.

Были у меня встречи и с делегацией палаты лордов английского парламента, и с конгрессменами США, и с работниками различных посольств, многочисленными журналистами со всего мира. Лично случилось присутствовать на встрече с Секретарем НАТО Хавьером Соланой, с госпожой Маргарет Тэтчер и другими видными политиками.

Потом была миссия в Косово, где мы, русские, каждый день проходили сквозь ненависть окружавших нас албанцев, как сквозь терновые заросли. В главном штабе этой миссии я занимался созданием косовской местной полиции и, главным образом, ее материально-техническим и финансовым обеспечением. Для этого по всему миру мы закупали для 4000 косовских полицейских технику и оборудование. Форму — в Дании, наручники, дубинки, фонарики и радиостанции — в Америке, компьютеры — во Франции, пистолеты и патроны — в Австрии, машины — в Словении и т.д. Интересная, живая и очень необычная работа, нацеленная на одно: создание и обучение полиции, которая будет профессионально защищать всех людей, независимо от их национальности и вероисповедания.

Сейчас я дома, в коротком отпуске. Но мои друзья продолжают миротворческую работу и на Балканах, и в Восточном Тиморе, и в других горячих точках планеты. Я регулярно связываюсь с ними по Интернету. И в конце каждого послания желаю им одного и того же — достойно выполнить свой долг и живыми и здоровыми вернуться домой.

Верю, что так оно и будет.

Я Х О Р И Н А

Прошло несколько месяцев, как я вернулась из миссии ООН. В феврале 1995 г. вновь засобиралась на Балканы. Помню, что планировала в той поездке встретиться с генералом Ратко Младичем и Радваном Караджичем. Мне не хотелось ехать к президенту Республики Сербской, с которым до этого я не была знакома, с пустыми руками. В аэропорту «Шереметьево» я долго выбирала сувенир. Зная Караджича как человека верующего, в конце концов остановила свой выбор на деревянном пасхальном яйце на подставке, расписанном палехским художником.

Поездка оказалась трудной. Отвезти нас с Косаной, журналисткой из сербского агентства СРНА, вызвался один коллега из Белграда. Мы не смогли выехать из столицы рано, поэтому после пересечения границы ночь наступила внезапно и была оглушительной. Когда мы в полной темноте пробирались по дорогам Боснии, то водитель как бы в шутку предупредил, что ночью через это шоссе проходят мусульманские тропы, поэтому надо ехать быстро, без остановок. Чем выше мы поднимались в горы, тем сильнее начинал падать снег и дуть резкий ветер. Вдруг — резкая остановка. Прокололось колесо. А дальше началось действие, которое я никогда не забуду. Стоять долго нельзя, свет или подсветку включать тоже нельзя. Как менять колесо

Гуськова Елена Юрьевна — доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН, в 1994 г. работала научным аналитиком в штабе миротворческих сил ООН в бывшей Югославии.

в полной темноте? Сначала водитель выгнал нас с Косаной из машины на значительное расстояние и предупредил, что если к машине подойдут мусульмане, то мы должны будем бежать. Выполнить его указание было не трудно, поскольку уже на расстоянии пяти шагов ничего не было видно. Затем он начал в крошечной тьме на ощупь менять колесо. Самое удивительное было то, что эта операция заняла минимум времени — не более 6 минут. Слава богу, все закончилось благополучно, мы вскочили в машину и стремительно понеслись в сторону Пале.

Но на этом наши приключения не закончились. На подъезде к Яхорине дорога была скользкой, машина остановилась на крутом подъеме в заледенелой снежной колее и никак не хотела двигаться с места. Нам с Косаной пришлось вылезти из автомобиля и начать его толкать. Дул страшный ледяной ветер, мела пурга, трудно было стоять на льду, в который превратилась дорога. Наконец, машина сдвинулась с места и стала набирать обороты. Косана успела вскочить на заднее сиденье уже двигающейся машины, а я поскользнулась и упала. Машина быстро удалялась, а я лежала в колее и никак не могла подняться — так было скользко. Я лежала и... смеялась, потому что ситуация была комичной. Мне сверху кричат, дают советы, как лучше двигаться, а я встать не могу. Смеюсь, пытаюсь подняться...

Уже в отеле мы долго и возбужденно обсуждали все, что с нами произошло. Пытались согреться. В гостинице не было горячей воды и тепла. Для нас немного подогрели несколько комнат, и мы смогли отдохнуть. Но не было никакой возможности принять душ, вымыть голову и привести себя в порядок. На фотографиях, сделанных на следующий день, отлично видно, что накануне наше путешествие было нелегким.

Утром следующего дня я сначала встречалась с доктором Колевицем, который объяснил положение на линии разграничения, ситуацию в Республике Сербской. Он делал это по карте, которая висела на стене у него в кабинете. Мне очень хотелось иметь эту карту, привезти ее в Москву, и я получила от доктора Колевича карту в подарок.

Следующей была запланирована встреча с Радованом Караджичем. Мы вышли на улицу, сели в машину и спустились по улице в поселок, свернули к небольшому приземистому дому. Хозяин вышел нам навстречу — доброжелательный, улыбающийся. Сказал, что знает обо мне, что много слышал о моей работе от своих коллег и друзей, читал мои статьи и интервью. Обстановка в комнате, где нас принимал президент РС, была очень скромной — стол, несколько кресел, на стене большая и две маленькие иконы, включенный телевизор. Я подарила Караджичу свой сувенир. Он ему понравился. Пасхальное яйцо заняло свое место в ряду сувениров на тумбе слева от телевизора.

Проговорили мы около часа. Конечно, президента больше всего интересовала политика России на Балканах — есть ли какие-нибудь изменения? Я всегда очень резко критиковала политику России на Балканах, поэтому отвечала так, как думала, хотя прекрасно понимала, что Караджичу было больно слушать о том, что изменений во внешней политике России вряд ли следует ожидать, пока министром иностранных дел остается Андрей Козырев. Президент вспоминал свои встречи с российским министром, как он от надежд постепенно переходил к недоумению, непониманию и потом к разочарованию. Жена Радована Караджича нам предложила кофе и сок, хозяин — ракию. Видно было, что Караджич устал от стольких лет дипломатической борьбы, от пустой траты сил, которые ухо-

дили на доказательство истины, от поиска союзников, устал от разочарований. Мне было стыдно за российскую дипломатию, за политику в целом. Но казалось, что президент РС начинал понимать бесперспективность надежды на помощь и поддержку России. Позади был выход из политической изоляции с помощью Дж.Картера, впереди был Дейтон. Карджич готов был к уступкам, но Западу они уже не были нужны. Перемирие нарушили мусульмане, начав собственную подготовку к Дейтону с военных действий и захвата территорий, которые находились под контролем армии Младича.

Мы тепло распрощались, пожелали друг другу всего самого хорошего, сфотографировались на память. Далее мой путь лежал в Хан-Пьесак к командующему Ратко Младичу...

Ратко Младич был одной из центральных фигур войны в Боснии и Герцеговине. О нем знают далеко за пределами Балкан. Газета «Дейли телеграф» включила его имя в список тридцати известных современных полководцев, напомнив при этом, что те офицеры, которые вели переговоры с ним, считают его гением тактики, но безумцем. На протяжении всей войны с ним искали встречи и политики, и журналисты, но особенно военные — миротворцы из «голубых касок». Противники его боялись, а сербы боготворили. Обожили за честность, высокий профессионализм, отвагу, мужество, за любовь и преданность родине. Он отвечал досужим журналистам: «Я не создаю никакую великую Сербию, только защищаю сербскую землю и верю в то, что и господин Оуэн завтра в случае надобности защищал бы свой народ... Мы не агрессоры. Нам чужого не надо... Я встал рядом со своим народом. Это мой долг, этому я и учился. Был бы я хирург или журналист, я делал бы то же самое». Его лозунги — достоинство, честь, вера и свобода.

Родился Р.Младич в 1943 г. в селе Божиновичи в Боснии и Герцеговине. Его отца убили усташи, когда ему не было еще и двух лет. Он закончил военно-промышленную школу при «Телеоптике», а затем Военную академию сухопутных сил. В академии он был одним из лучших. Р.Младич все время провел в войсках — командир взвода, отряда, командир батальона в Куманове, бригады в Штипе, а перед отъездом в Книн был помощником командира приштинского корпуса. С 1 августа 1991 он был назначен начальником штаба книнского корпуса, а с 12 мая 1992 начал свою карьеру командующего армией РС.

Я встречалась с генералом несколько раз. Запомнилась первая встреча в Белграде в 1994 г., которая носила неформальный характер. Генерал рассказывал о себе, о понимании смысла жизни, целях борьбы. Генерал прост в общении, умен, образован, знает себе цену, является высоким профессионалом-военным, но имеет жизненную позицию, которая роднит его с простым крестьянином. Его жизненная философия проста: сербский народ много страдал в своей истории, пережил несколько геноцидов, но всегда прощал и был добрым, доброжелательным к своим соседям. Народ до конца не верил, что трагедия может повториться. И в этой войне он снова страдал, снова подвергся геноциду. «Я сделаю все, чтобы этого никогда не повторилось. Сербский народ в Боснии и Герцеговине будет жить в самостоятельном государстве». Разговаривая с офицерами и солдатами, я поняла, как его любят и боготворят. Он обладает феноменальной памятью, знает русских поэтов и писателей. Младич — прекрасный рассказчик. Он красоч-

но воспроизводил сцены обеда с английским лордом, встречи с американским военным атташе на лестнице МИД в Москве, разговоры с французскими генералами. Его умение воевать вселяло сербам надежду на создание собственного государства. Любовь к нему солдат и вера в него всего народа давали ему уверенность в правоте своего дела.

В 1995 г. мы встретились в Хан-Пьесаке, где находился штаб армии Республики Сербской. Хозяин был как всегда радушен, усадил нас за стол. Меня тогда очень поразила крайне скромная еда на столе — хлеб, сыр, соленые огурцы, мясная нарезка и отварные яйца. Всего несколько тарелок, хотя за столом было восемь человек. Тогда генерал говорил о тех трудностях, которые испытывает армия. Не хватало самого элементарного — постельного белья, продуктов питания, не говоря уж о топливе, боеприпасах. Не обошлось в разговоре и без России. С огорчением генерал говорил о политике Москвы, которая фактически направлена против сербов. «Нам не нужны оружие и снаряды, но моральная поддержка необходима. Если бы Россия прислала к нам в штаб хотя бы одного отставного генерала, а можно и полковника, то натовцы бы подумали, что русские нам помогают. Ему бы ничего не пришлось делать. Мы бы его кормили, оберегали и иногда бы „случайно“ показывали в войсках или журналистам. Это бы и дух нашей армии подняло. Вы же знаете, как у нас относятся к русским. Но Россия, видно, отказалась от Балкан. Неужели она не понимает, что после нас ей самой придется столкнуться с такими же проблемами?». Еще генерал недоумевал, почему Россия никак не может справиться «со своими турками» — чеченцами. «Я давно говорил вашим военным — пригласите меня в Чечню. У меня накопился огромный опыт ведения войны в горных и городских условиях. Я бы решил с ними проблему за две недели. Мы должны укреплять военное сотрудничество. Но ваши политики считают иначе. Они поплатятся за это. История не прощает предательства».

В ШТАБЕ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ

Я приехала работать в штаб миротворческих сил в Загреб в апреле 1994 г. в качестве научного эксперта-аналитика по Балканам. Штаб, размещенный в одном из бывших гарнизонов ЮНА, удивлял продуманностью своей организации, четкостью работы всех подсобных служб, богатством снабжения, роскошью питания. На небольшой территории было все, что нужно для нормальной работы, и даже более того. В штабе был свой ресторан, где за 2 доллара ты мог вкушать яства в неограниченных количествах, магазины, химчистка. На этажах постоянно была питьевая вода, горячий кофе. В офисе у нас не было недостатка в канцелярских товарах, мебели, холодильниках, телевизорах. Любые книги, копировальные аппараты. В распоряжении сотрудников были машины, самолеты, вертолеты.

Для нормальной работы в миссии сотруднику были необходимы три вещи: знание английского, владение компьютером и умение водить машину. Водить машину я умела и быстро сдала на права, компьютером владела. Правда, всем ставили только американскую программу, которую я не любила. Но я добилась и русского, и сербского, и хорватского шрифтов. К тому же у меня с собой был ноутбук. Так что технически я была

подкована. А вот с английским было сложнее. В свое время я его учила и в школе, и в университете, и в аспирантуре. Всегда имела пятерку. Но потом в работе более двадцати лет использовала только сербский. Говорила и писала на нем свободно. А английский забылся. Следует заметить, что никто, приехав так надолго на Балканы, не стремился выучить язык народов, живущих там.

Зарплаты у служащих миротворческих сил были высокие. Жили все комфортно, снимали квартиры, ездили по близлежащим городкам в поисках экзотических ресторанов, отдыхали на море, приглашали к себе в гости семьи. В штабе часто устраивали вечеринки — по поводу назначения, дня рождения, отъезда, иногда просто без повода. Наш холл, например, облюбовали натовцы, которые имели офис на нашем этаже. Раз в месяц они устраивали «пати» с вином и печеньем.

Русских офицеров в миссии было много, а вот гражданских лиц — крайне мало. В основном это — бывшие сотрудники международных организаций, которым не хотелось возвращаться в нищую Россию. Они искали любую возможность, чтобы не уезжать на родину. Многие из них даже порвали все связи с домом, продали квартиры, начали строить дома в США или Брюсселе. Но в миссии они считались русскими и заполняли так называемые национальные квоты. Ко мне как к русской отношение было достаточно настороженное. Я не скрывала своих убеждений, хорошо знала ситуацию на Балканах, и мы в нашей экспертной группе стремились быть объективными. Поэтому впоследствии так же настороженно в штабе стали относиться и к другим сотрудникам группы, которые слаженно работали с русской. Кроме написания аналитических материалов и прогнозов ситуаций мы должны были хорошо изучать положение в Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии. Можно это было делать по газетам и другой служебной информации, но я использовала свое служебное положение, чтобы проехать всю Хорватию, Краину, Сербию и Черногорию, частично Боснию, чтобы на месте своими глазами увидеть, как развиваются события, поговорить с людьми, записать рассказы очевидцев. Именно тогда я начала собирать материал для своей книги. Сначала я хотела назвать ее «Жаркое лето 1994». Тогда действительно стояла нестерпимая жара, да и политических событий было много. Но потом поняла, что начинать надо не с середины, а с начала. Так и появилась книга «История югославского кризиса (1990–2000)», вышедшая в Москве и переведенная на сербский язык.

НЕЛИГИТИМНЫЙ ДОГОВОР А. КОЗЫРЕВА

Летом 1994 года наш английский отдел получили от Ясуши Акаши* задание обратиться с вопросом открытия тузлинского аэродрома. К нему сербы обращались с претензиями, что не выполняются условия подписанного договора о передаче аэродрома силам УНПРОФОР. Разбираемся. Оказывается, договор с сербами подписывал министр иностранных дел А.В.Козырев в феврале этого года. Москва

* Ясунин Акаши — личный представитель Генерального секретаря ООН в бывшей Югославии

активно уговаривала сербов открыть аэродром. Сербов боялись, что никто не сможет контролировать доставку оружия мусульманам, как это всегда получалось, когда аэродром переходил ооновцам. Решающим аргументом, убедившим сербов пойти на уступки, стала готовность России и ее военных контролировать тузлинский аэродром. Мы нашли текст договора, в котором А.Козырев пообещал, что и сербские офицеры будут ежедневно наблюдать за доставляемыми грузами, Россия же, со своей стороны, «примет существенное участие в установленном международном контроле за невоенным использованием аэропорта». «Существенное участие» оговаривалось в составе 20 человек военных наблюдателей и гражданской полиции. Сербов согласились. «Мы верим в беспристрастность русских. Их присутствие — гарантия того, что вместо продовольствия мусульмане не будут получать оружие», — заявил тогда Р.Караджич. Аэропорт открыли. Москва так и не праздновала большую дипломатическую победу. Но ни одно из обещаний России не выполнила. Русских, а тем более сербских наблюдателей на аэродроме никогда не было. Через аэродром шли военные грузы для мусульман. Когда мы обо всем этом доложили Ясуши Акаши, то он удивленно сказал: «Этот договор является нелегитимным. Козырев не имел права его подписывать от имени УНПРОФОР. Его никто на это не уполномочивал». В очередной раз обманули сербов. На этот раз с помощью России.

РУССКИЕ СРЕДИ МИРОТВОРЦЕВ

Хочу рассказать о русских батальонах, в которых несколько раз была в 1994 г. во время своей миссии в штабе миротворческих сил в Загребе. 14 января 1992 г. в Югославию прибыла передовая миссия офицеров связи, среди которых было 4 российских офицера. 6 марта 1992 г. Верховный Совет России принял решение о выделении в состав миротворческих сил ООН одного пехотного батальона.

В составе батальона, который формировался в Рязани на базе сил ВДВ, было 5 рот. Из 900 добровольцев — 77 офицеров, около 100 прапорщиков, остальные — сержанты и солдаты срочной службы, имевшие не менее года армейского опыта. 17 апреля 1992 г. первые военнослужащие российского специального подразделения прибыли в Белград для несения службы в составе сил СООНО и были размещены в секторе «Восток». Русбат отличался высокой дисциплиной, огромной работоспособностью, первым вошел в зону своей ответственности, где была разрушена почти вся инфраструктура, первым развернул контрольные посты и установил линии разграничения между противоборствующими сторонами. В некоторых секторах этого не было сделано и до окончания миссии. В феврале 1994 г. во время так называемого сараевского кризиса 400 российских миротворцев были переброшены в Сараево, где был сформирован Русбат-2. Всего в сентябре 1994 г. 1349 россиян служили в боевых подразделениях, 17 — в качестве военных наблюдателей и 39 — в гражданской полиции. Длина зоны ответственности Русбата-1 составляла 100 км, ширина — 50, у соседей — бельгийского батальона — эти параметры были в два раза меньше.

Первыми комбатами русского батальона были Виктор Николаевич Логинов, Леонид Григорьевич Аршинов и Сергей Вячеславович Вознесенский. После того как батальон разделился, в Клисо Русбатом командовал Александр Иванович Кобелев, а в Сараеве — Виктор Владимирович Воробьев. Командиром сектора «Восток» с 26 апреля 1994 г. был генерал Перелякин Александр Михайлович, десантник, выпускник Академии им. Фрунзе, работавший ранее военным атташе в Уганде и Чане.

В сентябре 1994 г. майор Ордынский рассказывал мне о Русбате: «Зона ответственности Русбата разделена на зоны ответственности рот. 1-я рота расположена в Орлике, 2-я — в Тординцах, 3-я — в Тени, 4-я — штабная рота, — в Клисе. 2 роты переданы в Сараево. Вдоль зоны разведения существуют 66 наблюдательных постов (основные и выносные, один в Овчаре, месте предполагаемого захоронения раненых из Вуковара, убитых сербами) и 5 контрольно-пропускных пунктов. Задачи Русбата — контроль за отводом сторонами артиллерии и танков из 20-км зоны, минометов и зениток из 10-км зоны, за разоружением сторон (не должно быть военных формирований). Но на практике — контроль только за сербской стороной, так как на стороне хорватов наблюдательных постов нет. Сербы складировали свое тяжелое вооружение на отведенных складах (Даль, Бели-Манастир, Вуковар) под контролем Русбата, а хорваты выводили технику ночью в неизвестном направлении. Поэтому, по данным Русбата на 31 августа 1994 г., с сербской стороны зарегистрировано 9 нарушений, связанных с отводом тяжелого вооружения, складированием в других местах».

С хорватской стороны под контролем Русбата находилась оперативная зона «Осиек», которой командовал генерал Джуро Дечак. И сербская, и хорватская стороны активно готовились к военным действиям, хорваты — к наступлению, сербы — к обороне: рыли траншеи, строили инженерные сооружения.

У хорватской стороны отношения с русским батальоном складывались непросто. Они изначально видели в русских защитников сербов. Хорватским солдатам на контрольно-пропускных пунктах запрещалось вступать в контакт с русскими военными. В своей неприязни хорваты иногда доходили до абсурда. 2 июля 1994 г. командующему сектором «Восток» поступило письмо из Министерства обороны Хорватии следующего содержания: «Сегодня утром члены СООНО (Русбат) в районе между Антуновацем и Бриестом (X-52500, Y-40500) обращались к нашим солдатам и приглашали их выпить пива. Это может рассматриваться как провокация. Просим Вас проверить эту информацию и прекратить подобные случаи».

Мне удалось тогда поговорить с генералом Джуро Дечаком, который к тому же был и членом президиума правящей партии Хорватское демократическое содружество, о сотрудничестве с русским батальоном. «22 месяца я являюсь командиром корпуса. У хорватской стороны существует антагонизм к православию, а значит, и к русскому батальону. У нас находится 120 тыс. беженцев и изгнанных лиц с восставшей территории. Нам нужны большие политические шаги, чтобы удовлетворить хорватских беженцев, так как они очень дороги для Хорватии. Беженцам надо сказать точную дату, когда они вернутся. Мы будем осуществлять глобальную интеграцию с сербскими территориями. Уже создан банк, средства собраны. Мы выделяем три категории сербов на территории Хорватии: 1) сербы, которые бежали в Хорватию после Косовской битвы,

живут здесь несколько столетий, православные. Многие служат в полиции, в армии. Они все остались в Хорватии. 2) Сербы, которые населяли эти земли после 1918 г., когда Александр Карагеоргиевич поделил землю Славонии и Подриня между солунцами. Из этой категории около 50 % ушли из Хорватии. 3) После 1945 г. политика «перемешивания» народов привела к притоку сюда сербов. Они сегодня ушли, все 100 %».

В целом русские солдаты, да и офицеры, которые приезжали сюда служить, плохо разбирались во внутривойсковой ситуации, были достаточно изолированы от сербов и хорватов, практически не информировались о происходящем, хотя ощущали более теплое отношение к себе со стороны сербов и полное равнодушие и даже неприязнь хорватов. В Русбате была очень строгая дисциплина, людей не хватало, солдаты были перегружены работой, времени на прогулки, посещение кафе, изучение языка, поддержание знакомств не было. Батальон обеспечивал наблюдение в зоне разъединения силами, которых было явно недостаточно. Режим для личного состава был крайне напряженным: шесть часов на наблюдательной вышке, шесть — в резерве. Это был, пожалуй, единственный батальон с таким жестким графиком дежурств, к тому же в районе сплошных минных полей. Лишь через некоторое время контакты офицеров с сербским и хорватским военным руководством позволяли оценить ситуацию. Согласно регламенту миротворческой миссии, контроль Русбата происходил только за сербской стороной, что давало искаженную картину провинностей — сообщения в центр шли только о сербских нарушениях. В случае возникновения конфликта, наступления хорватов, вероятность участия Русбата в боевых действиях на стороне сербов или в отражении атак хорватов, по концепции ООН, не предусматривалась. Находясь среди двух огней, российские миротворцы стойко исполняли свой долг, прекрасно при этом понимая, что в случае хорватского наступления им некуда будет отступать. На мой вопрос, что будет с русскими ребятами в случае наступления, хорватский генерал Дечак развел руками: «Война есть война...». На тот же вопрос сербы ответили: «Не волнуйтесь, для них всегда наготове автобусы, вывезем ваших солдат в Сербию, только уж не обижайтесь, оружие оставим себе».

Осенью 1994 г. в Хорватии военным руководством республики разрабатывались планы военного захвата сербских территорий под защитой СООНО. Русский батальон стал основной преградой для организации таких действий в восточной Славонии. А именно эту территорию хотелось отвоевать в первую очередь — отомстить за Вуковар, получить плодородные земли, транспортную артерию — Дунай, знаменитые виноградники и винный завод, вернуть многочисленных беженцев в Баранью. Сначала хорваты требовали убрать ооновцев из сектора, затем — только россиян. Не вызывает сомнения, что планы хорватов координировались с руководством или СООНО, или НАТО. Во всяком случае, в это время начинаются провокации хорватской стороны на территории ответственности русского батальона и одновременно кампания очернения Русбата в СООНО.

В конце июля начинается блокада якобы хорватскими беженцами подъездов к сектору «Восток» со стороны Хорватии. Но слишком хорошо была организована эта самостийная акция, чтобы не видеть, что за всем этим стоит руководство страны. Людей сменами привозили на автобусах с загребскими номерами, организовывали питание,

хорошо охраняли полицейскими. «Беженцы» не выпускали даже машины с мусором, не давали разрешения на проезд штабных машин СООНО, грузов с продовольствием и бензином для Русбата, обзывали русских солдат оккупантами.

Одновременно в западных средствах массовой информации со ссылкой на источник в СООНО стали появляться статьи, обвиняющие русских солдат в спекуляции, низком моральном облике, тайных связях с сербскими вооруженными группировками. Об этом писала лондонская «Санди таймс». «Вашингтон пост» обвинила русских военнослужащих в том, что они всячески помогали сербам проводить маневры, добывать оружие. Постоянный представитель США в ООН Мадлен Олбрайт заявила тогда: «Весьма важно, чтобы за действиями российских миротворцев, где бы они ни находились, существовал международный контроль...» .

Следует подчеркнуть, что в миротворческой миссии на Балканах имели место факты злоупотреблений, спекуляции, краж, торговли горючим. Бензином открыто торговали поляки, за большие деньги выводили людей из осажденного Сараева французские военные, в нечистоплотности были замечены кенийские солдаты. Но крупное расследование предприняли только против русского батальона.

В августе в Русбат нагрянула комиссия из штаба СООНО, нагрянула инкогнито, когда командующий сектором генерал А.М.Перелякин был в отпуске. Лишь через сутки после задержания проверяющих штаб подтвердил их полномочия. В результате «проверки» против Русбата было выдвинуто 42 обвинения в различного рода нарушениях. Большинство нарушений давалось с подачи хорватского бюро по связям с СООНО, использовались и слухи, и откровенная дезинформация. По мнению руководства батальона, большая часть фактов была сфальсифицирована и не имела ничего общего с реальностью. Генерал не согласился с выводами комиссии и направил в штаб СООНО протест. Но, видимо, события торопили. За две недели до окончания своего мандата и, соответственно, ротации, 12 апреля, А.М.Перелякин был отстранен от должности, обвинен в некомпетентности, плохом руководстве, попустительстве в отношении сербов и отправлен в Москву. Снятие с должности было проведено с нарушением правил, существующих в ООН, — без согласия российского военного командования. Руководить сектором стал бельгийский полковник. Любопытно, что 28 февраля командующий СООНО генерал де Лапрел направил генералу А.М.Перелякину письмо, в котором выражал благодарность за высокий профессионализм и успешную работу в миссии. Однако письмо где-то «затерялось» и нашло русского генерала уже после его отстранения.

А.М.Перелякин убежден, что снятие его с должности преследовало политические цели. «Против России здесь ведется настоящая психологическая война, главная цель которой — дискредитация российского контингента «голубых касок» на территории бывшей Югославии». Цель развернутой кампании — формирование в этом регионе «однородных» миротворческих сил, состоящих только из воинских контингентов стран-членов НАТО. Таким образом, налицо было совпадение интересов хорватского руководства и руководства СООНО по вопросу передислокации русского батальона. Хорваты были правы в одном: было неизвестно, побегут ли русские со своих постов в случае хорватской агрессии на Краину, как это было в январе 1993 г. с французским и кенийским батальонами. Кроме того, в ООН в это время активно разрабатывались

планы ухода сил СООНО из Хорватии и замены их силами НАТО. Многое становится ясным, если учесть, что отстранение русского генерала произошло в апреле 1995 г., а в мае произошло хорватское наступление в западной Славонии. Далее следует требование немедленной смены русского батальона и... хорватское наступление в Книнской Краине. В начале сентября хорваты начали обстрел Вуковара. Наступление могло начаться в любой момент. Но российские воины бесстрашно стояли под пулями и не уходили со своих постов. Именно в этом видится та важная роль, которую играли русские подразделения в составе миротворческой миссии ООН.

А в Сараеве стоял Русбат-2. Русский батальон (2 роты) вводили срочно в феврале 1994 г. От скорости размещения батальона зависело, будут или нет бомбить сербские позиции. В ночь с 19 на 20 февраля небольшая группа (около 8 человек) под командой замполита Евгения Кобозева буквально влетела в Грбавицу. Они обосновались в полуразрушенном здании милицейской школы. А на следующий день, 20 февраля в 18:00 входил весь батальон. На всем пути их с восторгом встречали сербы. На танки, впервые после Второй мировой войны, сажали детей, русским солдатам дарили ракию. В знак приветствия — три пальца, сербский знак православия и братской солидарности. Сербы помогли с установлением постов, знакомили с обстановкой, помогли с размещением. Русбат не только контролировал линию разграничения, но и охранял два склада со сданным сербским вооружением. Мусульмане против наших десантников не раз организовывали провокации. Штаб СООНО российских солдат преднамеренно, видимо, обходил своим вниманием. Им и зимой не могли вставить стекла в окна, снабдить горячей водой, регулярно подвозить продукты. Часто в Русбате не было бензина, не говоря уже о том, что заявки на холодильники, телевизоры или компьютеры вообще не удовлетворялись, хотя «такие мелочи» во всех других подразделениях миротворцев были в больших количествах. СООНО не реагировал, когда мусульмане выпустили 8 мин по Русбату 16 мая 1995 г. Не последовало никакой реакции ни от штаба СООНО в Загребе, ни от штаба в Сараеве и 16 июля, когда мусульмане захватили 13 русских солдат в заложники. Не пригрозили мусульманам авиаударами за угрозу жизни миротворцам. В Совете Безопасности этот вопрос обсуждать отказались.

Российские десантники были расположены на самом опасном участке — линии разъединения сербских и мусульманских войск. Русбат-2 единственный из всех батальонов, расположенных в Сараеве, стоял непосредственно на линии разъединения сторон. С русской стороны соблюдался порядок — на линии разделения стоят 10 русских наблюдательных постов, а уже за ними, на второй линии — сербские позиции. По другую сторону — французы. Но у них картина иная. На первой линии расположились мусульмане, которые, не уважая зону разделения, все ближе и ближе подходили к сербским позициям, а уже за ними далеко и основательно окопались миротворцы-французы.

Я посетила Русбат-2 20–21 сентября 1994 г. Тогда комбатом был полковник Виктор Владимирович Воробьев, а его заместителем по воспитательной работе — подполковник Владимир Викторович Чумаков. Нелегко было солдатам и офицерам нести службу в таких трудных условиях. Они показывали мне гору на противоположной, «французской» стороне, где при полном попустительстве миротворцев мусульманские окопы

как ступеньки все ниже и ниже спускались по склону и вплотную приближались к позициям Русбата-2. На одном из русских постов я видела, что ствол мусульманского пулемета находился всего в трех метрах от русского постового. Наши солдаты специально подвели меня к этому месту, чтобы я лично убедилась в этом. И здесь произошла комичная сцена, вызванная нашей русской безалаберностью и беспечностью. Уже когда мы стояли непосредственно перед мусульманским стрелком, наши спохватились, что я — без опознавательных ооновских знаков, без бронежилета и голубой каски. Один молодой солдатик пытался на мою голову натянуть хотя бы голубой берет, но он был мне бесконечно мал. Судорожно стали искать что-нибудь голубое. «Ну, прикройте хотя бы зонтиком, на нем есть голубые полоски», — предложил другой. Это уже было смешно. Пришлось быстро ретироваться с очень „интересной“ позиции.

Тогда мне удалось ненадолго съездить в Сараево и даже пройтись по Башчаршии, главному торговому району города. Я нарушила все запреты и вышла из БТРа, чтобы своими глазами увидеть, как и чем живет город. Сопровождавший меня подполковник Чумаков, называвший себя постаринке замполитом, не смог меня отговорить от «прогулки» по городу и был вынужден пойти вместе со мной. Ему было опаснее, чем мне. Я — без опознавательных знаков, а у него на рукаве — нашивки российского офицера. Это вызывало особую неприязнь мусульман.

Как все изменилось с далекого 70-го, когда я еще студенткой была здесь на практике. Тогда весь центр занимали колоритные низкие глиняные торговые и ремесленные лавки. К 90-м годам они заменены современными киосками в одном стиле. Часть сейчас была разрушена, но многие работали, в основном ювелиры и чеканщики. До сих пор перед глазами стоит картина, как высокий, красивый, очень пожилой мусульманин-торговец в домашних тапочках с маленьким медным подносиком и чашечкой кофе на нем пересекает узкую торговую улочку и идет, видимо, к другу, чтобы отдохнуть вместе и поболтать о последних новостях. Мирная картина в военном Сараево. На память, чтобы подтверждать свой визит в столицу Боснии в 1994 г., я купила маленькую медную ступочку для перца за огромные деньги. Она до сих пор стоит в моем домашнем музее.

Все в городе продавалось только за марки, а за мусульманские боны — только газета «Освобожене», которую, правда, после недолгих уговоров мне продали за доллары. Книг, которыми я интересовалась, в продаже не было. Из-под полы удалось купить несколько брошюр. Город не производил впечатления опустошенного. На улицах было много народа, работали кафаны, улицы расчищены, хотя следов разрушения было много. Полностью разрушен был музей Гаврилы Принципа, но не сербскими снарядами, а мусульманскими молодчиками. Бесследно исчезла плита с отпечатками его ног, памятная доска на стене здания. Много домов вдоль реки были разрушены во время обстрела с той, сербской стороны. Печальное зрелище представляла собой библиотека... Мне удалось поговорить с несколькими женщинами, которые не хотели называть себя сербками, а говорили, что они православные сарайки и ненавидят Караджича за постоянный обстрел города. Я видела мусульманок на сербской стороне, которые были грустны и не очень стремились к разговору. Сербы же на Грбавице были полны решимости отстоять «сербское Сараево», были дружелюбны и довольны, что на их стороне стоит Русбат-2.

20-го вечером мы были в гостях у семьи Петровичей — Александра, командира сербских войск в Грбавице, и его жены Любицы, которая работала переводчиком в русском батальоне. Бабушка и дедушка Александра — русские, с первой волной белой эмиграции покинувшие Россию. Любица тоже наполовину русская. Ее мама, русская, познакомилась в немецком плену с парнем из Сараева... Александр — не военный, а простой инженер, но пошел воевать, когда в Сараеве стало совсем невмоготу сербам. Мы с ними одних лет, поэтому легко находим общий язык. Саша — фанатичный патриот. Даже двух своих сыновей, студентов, привез на фронт, в окопы. «Они должны воевать за Родину, чтобы потом не было стыдно за то, что отсиживались в Белграде», — говорил он. Красивые, сильные, интеллигентные люди. Сочетание мужества, цельности (он) и нескончаемой доброты (она). Света нет. Две свечи на столе. И выстрелы всю ночь...

КОСОВО: АЛБАНУТАЯ МОЗАИКА

Июнь 2002 года. Приштина. Торжественная церемония открытия городского парка. Вход по приглашительным билетам. Народу было приглашено полно, и все были самые-самые.

Да уж, международники потрудились на славу. За прошедший год с территории парка они вывезли триста (!) грузовиков мусора, проложили дорожки, посадили цветочки, посеяли траву-мураву, ухаживали за деревьями, построили детские игровые площадки, летнюю эстраду, поставили скамейки, очень аккуратненькие урны для мусора, оборудовали места, где можно было бы перекусить, и т.д. и т.п. Все были просто в восторге. И поэтому после официальных речей, когда международники передали ключи от парка представителям городских властей, все дружно начали угощаться, тем более, что самый престижный в Приштине итальянский ресторан подогнал в парк свою полевую кухню, так что все было с пылу с жару, все было очень вкусно.

Часам к девяти высокопоставленные гости уже начали расходиться. С полдесятого в парк мог заходить простой люд.

Анджелич Равза Ануровна — россиянка из Подмоскovie, закончила филологический факультет МГУ, в Косове работает с января 2000 г. на разных должностях. С февраля 2003 г. — старшим исследователем / консультантом в Центре политических и социологических исследований, (Приштина, Косово).

А уже в полдвенадцатого Соня Блаха, инициатор и координатор проекта, билась в истерику. Говорить с ней по телефону было бесполезно, поэтому мы чуть ли не бегом вернулись в парк.

Травушка-муравушка стонала, истерзанная тысячами ног. На свежевыкрашенных скамейках грязные отпечатки обуви вперемежку с плевками. Разыгравшийся к ночи ветер взметал вверх бумажки, обертки, пакетики и прочую ерунду. Урны валялись посреди лужайки. Везде окурки, пластиковые стаканчики, тарелки... Половина детской игровой площадки была покорежена: не рассчитана она была на то, что юные отроки, устроенные по типу «сила есть, ума не надо», захотят порезвиться...

К нам подходит зареванная хозяйка итальянского ресторана: они закрыли левую кухню на замок, предварительно убрав туда то, что осталось после угощения гостей, — и еду, и посуду, и утварь, и напитки. Замок милые горожане на радостях, конечно же, сорвали, все, что было внутри, взяли и съели. И выпили. А кастрюльки, сковородки и остальные плоски-поварешки по домам растащили, на память, надо полагать.

Соню же доконало то, что не осталось ни одного цветочка в клумбах. Она их сама сажала, своими руками, волновалась, приживутся ли, бегала каждый день, поливала. А их по-простому, по-нашему, по-албански, взяли и выкопали. Ни одного цветочка в целом парке, хотя пару часов назад Соня нас водила по всей территории и называла каждый цветочек, и рассказывала, как за такими цветочками ухаживать.

Представители городских властей даже не появились — для них это было слишком поздно. А утром они разводили руками, мол, что поделаешь, это вам не в Европе...

Так и хочется поддакнуть. Рифма напрашивается сама.

* * *

Этот кусочек косовской мозаики надо было поставить в самом начале. Чтобы обрисовать место действия, чтобы читатели могли, как говорится, сориентироваться на местности. Я этого не сделала, чтобы избежать эффекта «с порога в зубы». Но описать, как выглядит Косово, обязательно надо. Я сейчас только понимаю, что мы пришли к эффекту «что в лоб, что по лбу».

Не важно, в первый раз вы приезжаете в Косово или провели здесь несколько лет, вы никогда не перестанете удивляться пейзажам, климату, людям Косова.

Вы можете приехать в Косово по старой Белградской дороге, которая бежит через горы вместе с речкой Ибар. Вы можете приехать по Скоплянской дороге, где от границы до столицы Македонии всего каких-то двадцать километров. Да дорог, ведущих в Косово, много. Не в этом дело. А в том, что каждый раз, когда вы будете пересекать границу, вы будете переживать стрессовое состояние. Предлагаю поиграть в антонимы. Я буду рассказывать о том, что вас ждет на выезде из Косова, а вы тогда сами себе можете представить, что вообще-то и возвращаться надо.

Хорошо? Тогда начали... Хотя я знаю себя: увлекусь и начну играть вместе с вами.

Уезжать из Косова лучше днем. А то вечером они любят гонять с фарами дальнего света, у многих только одна фара, и очень часто непонятно, слева эта фара или справа. Но даже днем ехать надо очень осторожно, а то любят они с маленькой улочки выезжать на большую дорогу, совершенно не обращая внимания на эту самую большую дорогу. То, что вы едете на хорошей скорости и имеете все преимущества, их совершенно не волнует. Им надо рулить по своим делам, они и рулят, а вы-то здесь при чем? Конечно, ни при чем, и не надо на вас никакого внимания обращать.

По дороге у вас будет много шансов застрять в пробке. Причин для пробок может быть просто масса: или бесконечные дорожно-строительные работы, но при этом недавно поправленные дороги имеют обыкновение сразу же портиться, или ДТП, с жертвами или без, или трактор, который любит ездить посереде дороги, или свадебный эскорт чуть ли не в сотню автомобилей, который ни в коем случае нельзя обгонять, или грузовики целой колонной...

По дороге вы любуетесь всем, что видите из окна своей машины: кучи мусора вдоль дороги, ветер разносит пакеты и обертки далеко в заброшенные поля, бензозаправки через каждые сто метров, огромные дома-новостройки, а на крышах развеваются албанские флаги, разрушенные монастыри и оставшиеся в живых церквушечки под охраной КФОРа, множество новеньких мечетей, стайки детей, которые из ниоткуда появляются на дороге, хотя до ближайшего населенного пункта не меньше десяти километров...

Если идет дождь, то на границе вашу машину будет не узнать, столько на ней будет грязи. Если дождя нет, все равно не спешите радоваться: про косовскую пылицу я вам еще ничего не рассказывала. Так что всегда в машине нужно иметь хотя бы бутылку с водой, чтобы можно было привести машину в божеский вид.

Вы прошли пограничный контроль. Заводите машину, и вы уже или в Македонии, или в Сербии, или в Черногории. Однако все нажимают на тормоза и начинают с недоумением оглядываться вокруг, многие при этом потирают свои лбы.

Нету дождя, хотя по ту сторону границы он так надоедливо моросит. Или, если сияет жаркое солнце, то нету пыли, хотя по ту сторону границы вы уже были готовы напялить респиратор. Нету целлофановых пакетов по горам и долам. Хорошая разметка на дорогах, нормальные знаки. Растут незапыленные деревья, и цветут цветы. А вы вдруг понимаете, как это хорошо, как вы по этому соскучились. Вдруг вы понимаете, что вы думаете и говорите обо всем этом на своем родном языке, хотя компашка в вашей машине иногда может подобраться очень разномастная, — но все вас понимают! И вы вдруг чувствуете, что с вас свалился огромный груз психологической напряженности. И только теперь вы понимаете, как огромен этот груз!

В любой город вы въезжаете — и вам сразу все нравится. Ну а как же не нравиться? Электричество есть. Уличное освещение работает. Светофоры работают! (Боюсь, что радость по поводу работающих светофоров может понять только тот, кто жил и работал в Косове.)

Очень чисто даже на улицах, хотя бы потому что нет гор мусора около контейнеров. Машины стоят на паркингах, и поэтому тротуары свободны. Вы сто лет уже не видели, чтобы по улице сами по себе гуляли кошки и собаки. Вы видите молодых мам и пап, которые гуляют с детьми, а если дети совсем маленькие, то они их возят в колясках. На лавочках сидят бабушки и дедушки. В ресторанах можно спокойно покушать, и никто вас не теребит канючливым голосом, предлагая купить сигареты, зажигалки, телефонные карточки, бумажные носовые платки и т.д. В магазине товар с законченным сроком хранения уберут (однажды в Приштине продавец недоуменно-возмущенно поставил назад на полку коробку с пирожными: «Ну и что, года ведь еще не прошло!»).

Люди одеты нормально, и вам так нравится, что и одежда, и обувь бывают самых разных цветов, а не только черного. И люди эти не ходят толпами, и вам так нравится гулять по улице. У людей, если они не разговаривают, не пьют и не едят, даже если слушают интересного рассказчика, закрытые рты. Почему вы удивляетесь, что я это выделяю как одно из самых сильных впечатлений? Значит, в Косове ни разу не были. Люди не ковыряют в носу. Это для вас тоже сильное впечатление. А мужчины не потирают у себя между ногами, спереди и сзади, смешно взбрыкивая при этом ногами, — наверное, белье у них чистое и соответствующего размера, поэтому не надо им у себя в заднице ковыряться при всем честном народе. Этому любой из нас, оказавшись вне Косова, особенно сильно радуется, потому что нет постоянного брезгливого чувства, ведь в Приштине с вами после таких телодвижений еще и за руку поздороваться захотят.

Приятно вытащить из багажа какую-нибудь интересную вещицу, которая вам особенно к лицу, и в этом наряде прогуляться со своим любимым мужчиной. Проходящие мимо мужчины будут прятать свои восторженные взгляды от вас, вашего любимого и своей собственной спутницы, как это всегда делается у интеллигентных людей. Ну, кто же будет глазеть, открыв рот, улюлюкая, цокая языком, обливаясь слюной, комментируя все подряд в понравившемся объекте наблюдения? — не забудьте, мы с вами уже не в Косове!

Если вам посчастливится подольше быть вне Косова, а еще лучше побыть дома, со своими детьми, то вы будете радоваться, что ваши дети на хорошем счету в школе, у них широкий круг интересов, им некогда болтаться по улицам, а вы достаточно зарабатываете, чтобы им не приходилось бегать по улицам и ресторанам дни напролет и предлагать сигареты, зажигалки, телефонные карточки и прочую ерунду, как это делают дети в Косове, оставаясь при этом практически неграмотными. В уме вы прикидываете, сколько нужно еще поторчать в Косове, чтобы можно было не беспокоиться за дальнейшее образование своих детей. Нет, рано пока еще, то есть маловато, поэтому вы тяжело вздыхаете и начинаете готовиться к возвращению... Перед глазами толпы, дороги, мусор...

Июнь 2002 года. Активно идут подготовительные работы по созданию мультиэтнического женского журнала. Надо ехать в Штрпце, на сербскую территорию, встретиться с членами сербской рабочей группы этого журнала. Беру машину, еду.

Уже в самом Штрпце ехать надо по узким улочкам, чтобы подобраться к тому дому, где меня уже ждут сербские женщины. Улицы узкие, двум машинам не разъехаться, но знаков обязательного направления движения нигде нет. Еду потихоньку, потому что ооновский джип так и норовит ободрать свои бока то о плетень, то об угол дома... Осталось только спуститься вниз по дорожке, выложенной булыжником (прошу не путать с булыжной мостовой!), повернуть вправо — кофе мне уже заварили и сообщили об этом по телефону.

Но не тут-то было!

Мне навстречу идет темно-синий «гольф», с сербскими номерами. За рулем молодой человек. Торможу я, тормозит он.

Стоим.

Женщины всегда водят машину по правилам, намного осторожнее, чем мужчины. Я перебираю в памяти все, что я когда-либо учила на тему «вождение машины» и «правила дорожного движения». Вспомнила даже катание на велосипеде по школьной площадке, когда училась в 3-м классе. Но все по всему складывается так, что он мне должен уступить дорогу, хотя бы на том основании, что я спускаюсь, а значит, я не могу лезть задом наперед вверх по кривой улочке.

Он стоит.

Помигала ему фарами. Пожестикулировала, пытаюсь убедить его дать мне дорогу.

Он стоит.

Выхожу из машины. Подхожу к нему, говорю по-сербски, для начала вежливо, что называется, гремя манжетами. А как вы хотите, у меня же ооновская карточка болтается. Но его невозможно пробить! Постепенно мы перешли на разговорный стиль общения, а потом я ему сказала, кто он такой и какой он. Поверьте мне, выражения я выбирала очень тщательно, благо сербский для меня как второй родной язык, но не дай вам бог услышать, что и как может сказать женщина!

Я его пробила. Вот только албанизм в нем сработал албануто (или сербануто?).

Он вышел из своей машины, закрыл ее и пошел домой.

Ах, так? Думаешь, против лома нет приема?

Возвращаюсь в машину, беру рацию и сообщаю в службу безопасности, что я в засаде, дорога заблокирована. Через пять минут подтягиваются ооновские секуритатники. Они пристегивают «гольф» к своим джипам и оттаскивают его вниз. Вы не забыли, что улочка узкая, что я вела свой джип осторожненько? А его-то тащили!

Мой упрямый албанутый, а может сербанутый, козлик матерился на чем свет стоит, пытаюсь задержать свою машину. Но его подхватили секуритатники под белы ручки и засунули на заднее сиденье своего броневика.

Вот и объясняй, зайка ты эдакий, только уже не мне, почему ты, негодяй, не захотел быть джентльменом.

Против лома есть прием. Обычно это тоже лом. Но гораздо страшнее и сильнее будет, если женщина воспользуется тем, что называется «большой и толстый», и не думайте, что это бывает только у мужчин. Уж она-то его вломит по самое некуда!

Это происходило в 1999 году и еще немножко в 2000-м, потом уже не надо было. Что? Албанцы выкупали дома у оставшихся еще сербов.

Как это происходило? Вырисовывается схема. В середине улицы покупается дом на любых условиях. Не важно, старый это дом или новый, большой или маленький, с участком или без. Засылаются ходоки, цены предлагаются такие, что у хозяев дома просто выбора нет: конечно, продавать. Если же попадались особенно несговорчивые сербы, то после второго захода дом просто вдруг, ни с того ни с сего, загорался, или в него случайно, ниоткуда, падала граната. После таких землетрясений хозяева обычно понимали, что в покое их не оставят, и дом переходил к новому владельцу, чаще всего уже за меньшую цену, лишь бы не трогали и дали спокойно уехать.

Соседние дома, рядом с этим первым, центральным, получали цену ниже, но хозяева, памятуя, через что приходилось пройти центральному дому, соглашались без гранат и поджогов. Подальше дома получали еще более низкую цену, следующие дома уже уходили просто за бесценок.

Таким образом, в Косово-Поле, например, сербов было порядка восьмидесяти процентов от числа жителей города. Уже к середине 2000 года их осталось не более пятнадцати процентов. В Призрене было порядка двадцати тысяч сербов, сейчас семьдесят восемь человек, и то в основном люди преклонного возраста, которым уже некуда и незачем уезжать.

Приходит в Косовопольский акимат молодой симпатичный албанец и на хорошем английском языке, с австралийским акцентом, говорит: Оформите, пожалуйста, акт купли-продажи такого-то дома по такому-то адресу.

Стали оформлять. То да се, пятое-десятое. Дошло дело до цены. И тут все ахнули: албан отваливает ни много, ни мало, а целых сто тридцать тысяч долларов! Оглянулись все вокруг, залезли в бумаги кадастровые, даже сбегали на сам дом посмотрели — и опять ахнули: домишко-то всего-навсего халупа какая-то, не развернуться! А он не понимает, чего это шум да гам разгорелся: не вы покупаете, и я не для вас покупаю. Мои деньги, что хочу, то и ворочу, и никто мне не указ.

Акт оформили. Через пару-тройку месяцев там уже красовался особняк. Не подумайте, не вилла, а просто огромный домище. А еще через полгода дорогу на Косово-Поле и совсем было не узнать: сербские дома уже все раскупили, снесли, и албанские албанутые домищи выстроились вдоль дороги...

Это я к чему все? Да все к тому же: кому же помогаем? Деньги у албанов есть, и немалые. Но покупать они будут дома, и строить они тоже будут дома. Себе. И побольше. Ну и, конечно, будут строить лавчонки, мотели на пустырях, бензоколонки через каждые сто метров, бассейны... А международники будут строить дороги, больницы, расчищать завалы...

2001 год. Город Ораховац. ЮНЕСКО дало огромные деньги на строительство новой школы — все по последнему слову техники и технологии, методики, здравоохранения и прочих наук, которые делают свой вклад в развитие обучения в школе. Лаборатории, оборудование кабинетов, библиотека, спортзал, бассейн, зимний сад, столовая — все есть в этой школе, просто красота! Школа должна быть мультиэтнической — учиться там должны будут дети албанцев, сербов, турок, цыган. Школа сдана в эксплуатацию, но стояла пустая до недавнего времени из-за национальных распрей взрослых, а еще и потому, что нет преподавателей на сербском и турецком языках, как нет и учебных материалов. Кстати, про цыган никто и не говорит. С сентября 2002 года албанцы заняли школу, сербские дети ездят в село Велика-Хоча под конвоем КФОРа, а про цыган все и думать забыли.

2003 год. Обилич. USAID (американская организация по международному развитию) начала программу мультиэтнического Косова, которая, естественно, должна стартовать с защиты интересов национальных меньшинств, поэтому поступило предложение построить новую школу в селе Бабин-Мост, где, между прочим, живут не только сербы, но и албанцы. Но в этом селе албанцы в меньшинстве, распри между взрослыми продолжаются, хотя и без особых инцидентов, но албанские дети ходят в школу в соседнее село, где построено две новые школы. Лидеры Обиличского акимата встали на дыбы: новую школу в Бабин-Мосте?! Да там же сербов больше половины! На вполне резонный ответ, что в селе и албанские дети есть, акимат все равно замахал руками: не дадим сербам новую школу!

Посидели международники. Посовещались. Не хотите новую школу, ладно, давайте тогда уже существующую отремонтируем. (То, что существует в Бабин-Мосте, поверьте мне на слово, можно назвать халупой, развалюхой, сараем, но никак не школой. В самом Обиличе здание школы для сербских детей ничем не лучше, но в бабин-мостовскую школу просто страшно детей пускать: того и гляди она упадет на головы детям.)

Но албанский акимат в Обиличе продолжает торговаться: а на каких условиях вы будете ремонтировать школу в Бабин-Мосте?

USAID дает пятьдесят пять тысяч евро, местные власти должны дать девять. И тогда развалюха станет дворцом знаний, а не просто школой. Кстати, и работа для многих людей будет обеспечена, хотя бы на время строительства, а потом и учителям и воспитателям.

Посмотрите сами. Вам дают пятьдесят пять тысяч, вы даете девять — в сумме вы получаете практически новую школу. Вы начинаете считать. В бюджете муниципалитета заложено 21 % на развитие образования и здравоохранения. Значит, уже есть какие-то деньги от министерства, соответственно, уже не девять тысяч причитаются с акимата. То, что акимат должен собрать, — это немного, и эти деньги всегда можно собрать из собственных источников дохода. Тем более, что эти деньги не обязательно сразу все выкладывать на бочку, можно и в час по чайной ложке. Тем более, что у вас в акимате работают ооновские международники, и всегда есть шанс через них получить дополнительную дотацию или дотацию. Все, посчитали?

Одна беда: это мы с вами так считаем. А у албанцев другая математика.

Это же целых пятьдесят пять тысяч! Да за эти деньги можно новую школу построить! Даже две! Ну и что, что в этих школах не будет лаборатории по физике или химии, или не будет компьютерного класса, и что вообще будет не десять кабинетов, а только пять, и туалет будет на улице? Зато там будут учиться албанские дети! А в Бабин-Мосте большинство населения — сербы, значит, сербских детей будет больше. А не дадим мы сербам пятьдесят пять тысяч на школу!

Ох, тяжело разговаривать с людьми, когда они уперлись рогом в стену!

Пришлось напомнить, что пятьдесят пять тысяч не их деньги, а донаторские, и они пока еще только витают в воздухе, соответственно, они могут упасть к вам в муниципалитет, а могут и улететь в другую сторону. А вместе с ними улетит и школа для детей, и работа для взрослых. Могут улететь и другие возможности получить донации, потому что какому же донатору охота сшибаться лбами с упрямыми ослами? — конечно, они пойдут к тому, с кем легче говорить и договориться, и денежки свои туда же отнесут и вложат во что-нибудь.

...Да, нашей Лильке, через голову которой проходят все эти переговоры местных акимов и пришлых донаторов, не позавидуешь.

И сердце рвется в груди, когда видишь, в каких условиях учатся дети в Бабин-Мосте.

Денежные товарищи уже устало машут руками и пакуют свои манатки.

Похоже, рано еще говорить о мультиэтническом Косове. Не хотят албанцы сербов. Даже если сербы готовы подписаться, чтобы школа была мультиэтнической. Даже если деньги на ремонт школы дают американцы, так горячо любимые албанцами. И вы не забудьте: по существу — это халявные, подаренные деньги!

А наши Лилька и Марат — просто молодцы! Перебили стрелки с рельсов мультиэтничности на программу возвращенцев. Пришлось албанам утереться и начать строительство школы в Бабин-Мосте.

Я же говорю: Красная Армия всех сильней!

То, что я сейчас хочу написать, можно рассматривать как зарисовку, а можно и как лирическое отступление, что-то типа комментария. Из серии: опять к слову пришлось.

Начну издадалека. Албанцы очень долго жаловались, что их сербы притесняют и всячески угнетают. Дожаловались до того, что чуть ли не весь мир собрался в толпу и отбомбили Югославию. Потом в июне 99 года бомбежки прекратились, в Косово пришла миссия ООН. Оказать помощь угнетенным, дискриминированным, короче, униженным и оскорбленным — албанцам. Сербы, похватав свои пожитки, кто что мог и успел, потянулись толпой беженцев из Косова. Албанцы бросали в них камни и гнилые помидоры. КФОР строго придерживался политики невмешательства.

Международное сообщество поправило старые разбитые и построило новые дороги. Расчистило завалы мусора. Занялось реформой образования и здравоохранения. Было вложено немислимое количество денег в разные проекты: здесь построена школа, там амбуланта; здесь развили микрокредитную систему для малых предприятий, там сделали канализацию и водоснабжение... и т.д. и т.д. А вокруг населенных пунктов, где еще оставались сербы и другие неалбанцы, поставили кфоровские КПП во избежание возможных инцидентов на этнической почве (только я бы спросила: а кого вы от кого защищаете?).

Албанцы на все это смотрели со стороны и воспринимали как должное. Почему со стороны? Ну, так они были заняты своими лавочками-магазинчиками, домищами, бензозаправками, автомойками и прочими личными делами. Сами понимаете, что если что-нибудь воспринимается как должное, то слов благодарности ожидать не приходится.

Сербам, бежавшим в Сербию, тоже не сладко пришлось, ведь в Сербии и Черногории и так полно беженцев из Боснии и Хорватии, после гражданской войны, в которую вылился распад Югославии в 90-х годах. Работы было не найти, на пособие как беженцам рассчитывать не приходилось, ведь Косово по Резолюции Совета Безопасности ООН №1244 считается частью Сербии. Так что сам по себе возник вопрос о том, что сербам надо возвращаться в Косово. О программе возвращенцев разговор отдельный, а сейчас...

А сейчас надо сказать, что международное сообщество вдруг встрепенулось по поводу национальных меньшинств в Косово, вдруг вспомнило, что Косово всегда было мультиэтническим и, в идеале, должно бы таким и остаться.

И вот тут-то все и началось.

Как только приходят товарищи из денежных организаций и говорят, мол, у нас есть деньги, мы готовы их вложить в какой-либо проект, но только этот проект должен быть мультиэтническим, то албанцы встают на дыбы: а что это вы нам ставите условия? Вы что себе думаете, если у вас есть деньги, то вы можете делать все, что хотите?

Постойте! Когда, например, в том же районе Обилича было построено восемь или десять школ для албанских детей исключительно, о сербах никто не вспоминал. Как только надо построить новую школу в Бабином Мосте, где большинство сербы, то албанцы делают ход конем: а как же мультиэтничность? То же самое в цыганском гетто в Племетине около Обилича, — это именно гетто, у меня просто других слов нет описать это место, куда согнали цыган, которые гордо именуют себя рома и ашкали, чтобы защитить их от нападков албанских экстремистов, — где планировалось построить что-то типа нашего советского Красного уголка или Ленинской комнаты, а по существу, культурно-административный центр для проживающих там цыган: нет, говорят албанцы, этот центр должен быть мультиэтническим. Спрашивается в задачнике, какой албанец пойдет в цыганское гетто и зачем, но — дело принципа! И пошло-поехало: то переводчик «заболеет», то «компьютер не работает», то «я вас не понял по телефону», то «да-да-да, но перезвоните завтра», то «заседание отложено на следующую неделю» и т.д.

Значит, когда деньги давались албанцам, то они их воспринимали нормально, как должное. Как только деньги направлялись на нужды национальных меньшинств или на мультиэтнические проекты, то албанцы сразу же начинали кочевряжиться и всячески тормозить предложенные программы.

О ДЕРЬМЕ И ЧУВСТВЕ СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

Вчера Дима понес потери в виде Розиного* автомобиля «Москвич» без опознавательных знаков, который они пригнали из Белграда. Опознавательные знаки открутили на въезде в Кокосово** и положили под кровать дома.

Вчера был первый день манифестаций в ПриШИТне***, цель которых — освобождение бандитов, сидящих в тюрьме в Сербии.

Вчера манифестанты уселись и улеглись в пыль, перекрыв все основные дороги города и требуя (вероятно, от лежавшего вокруг них мусора) свободы для их братанов и паханов.

Вчера Дима ехал из Косово-Поля, где еще осталось несколько сот сербов и где он работает. Его остановили на въезде в ПриШИТну. Дима — полковник русской армии с боевыми

* Я. Бокс работал в Косове одновременно с Равзой (Розой) Анджелич. См. стр. 185.

** «Кокосово» — так я начал называть Косово совсем не потому, что это было райское наслаждение, а просто так казалось смешнее. А без смеха продержаться здесь было невозможно.

*** Столицу края город Приштину я часто называю ПриШИТна от английского слова «shit».

Бокс Яков — из Казахстана, в 1997 и 1998 гг. находился в Боснии в составе миссии ОБСЕ для организации выборов, с января 2000 по июнь 2001 работал специалистом по охране окружающей среды в Миссии ООН в Косове, в настоящее время работает в США научным сотрудником в университете, также занимается вопросами охраны окружающей среды.

годами в Афгане, полуеврей, полурусский с сербской внешностью (следствие нескольких лет, проведенных в Белграде, и глубокого знания языка и культуры сербов) и ужасным отпечатком интеллекта в глазах. Дима потребовал пропустить его. В ответ отморозки начали крушить его машину и кричать, что он сербский террорист. Дима успел сказать все, что он думает о них, перейдя с английского на сербский. Чтоб поняли на все сто. К счастью, стоявшие рядом ооновские полицейские затащили его в свою машину, но останавливать дикарей, крушащих авто, они и не собирались. И даже стали ругать Диму: «Чего ты, серб, здесь делаешь. Из-за вас у нас головная боль». Полковник ответил, что гордится тем, что он серб, и уверен, что сербский народ имеет все права человека. К моменту появления этой столь деликатной темы толпа подошла к Димину машину и, не удовлетворившись этим, начала окружать полицейскую и требовать отдать им сербского шпиона. Полиция начала вызывать подкрепление, которое и эвакуировало нашего друга. Уверен, что после этого полицейские пошли пить пиво с отморозками.

После работы мы ехали с Юнкой на машине к Марине, еще не зная о случившемся. Отморозок сидел в грязи на дороге, размахивая руками: «Не надо сюда ехать!». Я сказал (из машины не слышно) все, что думаю о нем и его ближайших родственниках, и хотел объехать, продолжив свой крутой маршрут. Но Юнка запищала: «Поверни, не связывайся, подумай о дочери». Я повернул. Я сглотнул этот шит, это дерьмо. Я уже нахлебался, так почему б не сжевать еще кусочек. Вчера этот последний кусочек переполнил меня. Куда поместить больше, не знаю.

Но понял это я позже, когда, уже зная о событиях дня, мы зашли поздним вечером обнять Диму в ооновский ресторан, где он отходил в русской компании. Он уже был спокоен, выпивши, хотя и продолжал упоминать слова «права человека».

Вчера Дима потерял машину. Но он не съел дерьма. Я завидую ему. Я горжусь им. Я злопамятен. Я начал мыслить геополитическими категориями. Я хочу сильной России, чтоб здешние отморозки и западные скоты наелись своей порции дерьма.

Вчера русский лагерь разошелся во мнениях, был ли Дима прав, что не повернул немедленно. Каждый имеет право на свое мнение и на свободу действий. Вчера Дима сделал свой выбор, как бы громко это ни звучало.

Дима — настоящий полковник.

P.S. В ресторане Дима, говорящий на английском, французском, сербском, персидском, арабском, сказал мне: «Жалко учебник албанского, оставшийся в машине, я за ним в Софию ездил».

Апрель 2000 г.

СТАЛИН И КУШНЕР* СЛУШАЮТ НАС

Сначала я был Снегурочкой. Потому что Дедом Морозом явно был Вурия: «Каждая женщина вашего села получит по 400 марок и нужный ей для работы материал. А сшитое и связанное вами мы отдадим цыганам. У них совсем нет теплой одежды». Женщины, собравшиеся вокруг сельской больницы, были счастливы: 400 марок здесь, в небольшом сербском селе Бабин-Мост в центре Косова — целое состояние. Все открыли рот от изумления, а Вурия продолжает доставать подарки из своего новогоднего мешка: «А весной мы отремонтируем вам школу, больницу и дом культуры. Сделаем спортплощадку для детей и посадим вокруг деревьев». Дед Мороз заливается соловьем (и почти не обманывает при этом), а я, скромно потупясь, как это и полагается Снегурочке, исправно коверкаю русские слова, пытаюсь превратить их в сербские. Вурии не всегда хватает его запаса в два десятка слов, привезенных им из Сараева.

Вурия [...] этот бывший курдский партизан, боец с Саддамом, а ныне простой голландский труженик, уже много лет зарабатывающий деньги из казны ООН, обладает большим количеством достоинств и таким же количеством недостатков. В сумме они составляют такую критическую массу, что превращаются то в одно большое достоинство, то в один огромный недостаток. Кроме того, эти достоинства-недостатки согласно всем законам диалектики сражаются друг с другом, переплывают друг в друга, делая нашего курдского сотоварища довольно заметной фигурой на приштинском небосклоне. Но самое главное, у Вурии есть деньги на проекты. Он хороший как болтун, так и организатор, а доноры любят такие качества и финансируют его деятельность. Что ж! Дед Мороз должен быть при деньгах. У меня же денег нет, и я приехал сюда поупражняться в сербском, да и просто за компанию. Кому-то же надо быть Снегурочкой.

Я долго и исправно исполнял свою роль, пока... Пока не случилось небольшое отступление от нашего выступления. И тогда я выступил в роли если не Деда, то Отца. И если не Отца Народов, то Отца-наставника. Я поднял голову и заговорил. Заговорил по-сербски, как будто за плечами было не четыре Розиных урока, а четыре года жизни в этих краях. Заговорил, потому что еще раньше среди всего этого радостного ажиотажа в празднично густой воздух прорвались слова Даниелы, девушки-доктора. «Расскажите товарищу Сталину все, что здесь увидели. Он должен знать правду. Кто-то должен ему все сказать». Именно такие слова из какого-то фильма или книги пронесли у меня в голове, когда я услышал ее голос: «Скажите Кушнеру, что мы можем все пережить. И еще одну зиму, как прошлую, без топлива, когда больные приходили в заледенелую больницу, а дети сидели в школе в пальто и шапках. Мы можем пережить и без продуктов извне (денег все равно нет), как-нибудь продержимся на выращенном за лето и 100 граммах сахара в месяц (усмешка на серьезном лице), что дают нам международные организации. Мы все выдержим. Но пусть Кушнер даст нам свободу. Скажите ему это. Ведь это наша земля. Мы родились здесь и жили. А сейчас мы как в тюрьме. У нас несколько албанских семей в селе. Никто их не трогает. Куда и когда

* Представитель Генерального Секретаря ООН в Косове

хотят идут и едут. А мы не можем. Нас сразу убьют. Нам нужна свобода. Скажите это Кушнеру. Он должен знать. А если знает, то почему ничего не делает?»

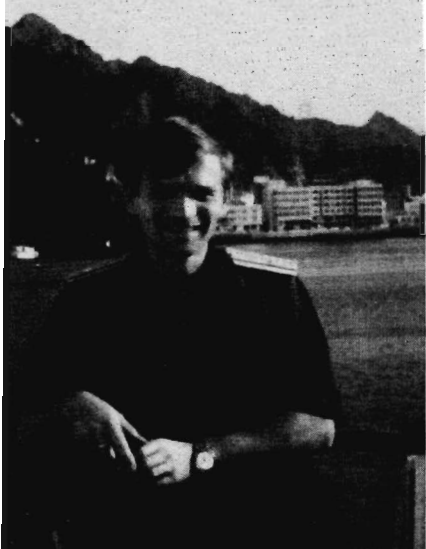
Бедная девочка. Она так волновалась, говоря все это и глядя мне прямо в глаза, чтобы видеть, понимаю, ли я ее. Даниела! Девушка-доктор из маленькой больницы небольшого сербского села в Косове 2000 года. Она стояла такая же стройная, черноглазая и чернобровая, как и ее албанские сверстницы, вольно снующие по Приштине и всем косовским окрестностям. Последние (девушки, не окрестности) вызывают у меня обычные для каждого мужчины... э-э-э... назовем это ощущения. Но эта девочка разбудила у меня другие чувства. Отцовские.

Бедная девочка. Что мы могли сказать ей? Что мы не вхожи к Кушнеру. Это не довод. Тем более, что он, играя в демократию, может даже и остановиться на лестнице, если подкараулить его там и окликнуть. Но как объяснить ей всю бесполезность такой затеи. Как объяснить, что мы заранее знаем слова этого клоуна. Да и какая разница, что он скажет. Ведь он — просто клоун. А директор и режиссер отдыхают за кулисами, не волнуясь за представление. А может, уже не отдыхают, а пишут сценарии новых, после которых еще оставшимся здесь людям не останется ничего, кроме как бежать в никуда.

Вот я и заговорил. Не ответить ей я просто не мог. Не мог я оставить ее с этой глупостью в голове, с надеждой на Кушнера. На главного Косовского Клоуна Кушнера. На ККК. Это была моя отцовская политинформация. Поучение. Обычно дети не любят слушать такого. Но эта девочка, проведя полтора года в оккупации, слушала меня внимательно. Она все поняла. Она больше не будет надеяться ни на ККК, ни на других международных КаКаКашек. Она пойдет сама. Ей будет нелегко, как и всем другим брошенным здесь на произвол судьбы людям. Но эта девочка знает правду. И, может быть, найдет для себя правильный выбор.

Благослови тебя Бог, Даниела. Твой, мой, любой другой. Это роли не играет. Лишь бы помог. Только ты, Даниела, на него не надейся. Тебе придется пройти весь путь самой.

Декабрь 2000 г.

МИРОТВОРЕЦ

1. О БАЛКАНАХ Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ

Балканская война 1991–1995 годов войдет в современную европейскую историю, наверное, как самая необъяснимая и жестокая после Второй мировой войны, еще долго историки будут спорить о причинах ее возникновения и последствиях как для народов бывшей Югославии, так и для континента и мира в целом, а страны, возникшие на территории бывшей Югославии, еще долго будут залечивать раны, нанесенные экономике и моральному духу их наций. Еще страшнее думать о том, что искусственное примирение, обеспеченное Дэйтонскими соглашениями, представляется лишь лечением следствия, а никак не причин конфликта. Корни его живы и рано или поздно могут снова дать о себе знать.

До 1994 года я знал об этой войне постольку поскольку: это был «не мой регион», и я довольствовался общей информацией из наших СМИ. Тогда, откровенно говоря, наша идеологическая машина старалась не делать особого шума вокруг этой войны. Объяснялось это просто — отсутствием четкой позиции

Тарусин Виктор Иванович — подполковник запаса, 1961 г. рождения, работал военным наблюдателем ООН в Боснии и Хорватии в период с сентября 1994 по март 1996 г., был начальником отдела военной информации штаба военных наблюдателей в Загребе, занимался сбором и анализом военной информации, поступающей из всех секторов Миссии военных наблюдателей.

у нашего политического руководства в отношении разгоравшегося конфликта. С одной стороны, нельзя было однозначно отказаться от поддержки сербов, выступавших за сохранение единого государства, — все-таки в сознании большинства населения нашей страны еще сохранилось понятие исторических связей между русским и сербским народами. С другой стороны, слабость позиции нашей страны на международной арене и откровенные проамериканские настроения ряда высокопоставленных руководителей исключали любую возможность объективной оценки происходящего в ангажированных средствах массовой информации. Помню, как в конце 1993 года на занятиях по испанскому языку в Академии мне поручили подготовить информацию на языке по аналитическому материалу из одной испанской газеты. Я впервые увидел достаточно развернутый анализ причин Балканского кризиса и удивился, почему же раньше не обращал внимания на такой очевидный факт — межнациональный (этнический) конфликт, как нам это представляли, таковым был лишь отчасти — о какой межнациональной розни идет речь, когда нам говорят о вражде сербов и мусульман, мусульман и хорватов. Этот вопрос, поставленный в той статье, заставил меня углубиться в историю Югославии, тогда я и узнал, что решением маршала Тито часть населения бывшей Югославии, исповедовавшая ислам — как следствие длительного господства Османской империи, — получила разрешение указывать в паспортах в графе «национальность» свою религию. Так возник невероятный прецедент в истории — название религии превратилось в национальность. Это был мой первый серьезный подход к изучению новой Балканской войны. Тогда я еще не знал, что судьбе будет угодно забросить меня в самое пекло этой войны и заставить прикоснуться к самым потаенным винтикам этого страшного механизма военного противостояния некогда мирно сосуществовавших народов.

II. Военный наблюдатель

Двухмесячные курсы военных наблюдателей оказались интересным и очень полезным испытанием, резко изменившим размеренные будни старшего офицера Главного Управления Генерального Штаба. Собранные из разных округов и родов войск офицеры, мы на многочисленных полевых занятиях на полигоне под Солнечногорском осваивали теорию и практику миротворчества — учились вести патрулирование на пересеченной местности, распознавать по звуку боевые выстрелы разных систем вооружения, отличать образцы отечественной и зарубежной военной техники на местности (мины в том числе), осваивали основы ведения переговоров с представителями враждующих сторон. Позже в Миссии, да и сейчас, с благодарностью вспоминаю все, что нам передали и чему научили нас наши инструкторы Александр Кузнецов, Михаил Кантария, Сергей Голубев и другие.

После окончания курсов мне посчастливилось уже через полтора месяца оказаться на пути в Загреб, место расположения штаба миссии ООН в бывшей Югославии.

По прибытии в Миссию все военные наблюдатели проходят программу ориентирования. Она не заменяет национальные подготовительные курсы, а скорее знакомит с особенностями Миссии, выявленными самими наблюдателями, и занимает не более трех дней.

Ориентирование включало ряд брифингов, а именно: брифинг офицера-наблюдателя из отдела военной информации, брифинг кадровика, брифинг по средствам связи, брифинг по оказанию первой помощи раненым. Примечательно, что программа брифингов перемешана с зачетами по английскому языку и вождению. Тест по английскому языку состоял из большого количества упражнений (грамматических, лексических, семантических и синтаксических), которые необходимо было выполнить в течение 45 минут, при этом оценивалась правильность и полнота выполнения задания. Кроме того, от нас требовалось написать сочинение на тему «Почему я решил присоединиться к миротворческой Миссии». Мой тест оценивал военный наблюдатель из Ганы — офицер штаба, ответственный за подготовку вновь прибывших, майор Тэтэ (в штабе Миссии считалось, что для ганийцев, нигерийцев, как и пакистанцев, английский является родным языком, европейские же наблюдатели, не стовариваясь, утверждали, что это так в письменной речи, а в устной эти ребята говорят, будто засунули несколько пальцев в рот). Вот такой Тэтэ и поставил мне за письменный английский тест «удовлетворительно», я не стал с ним спорить. В качестве маленького отступления поясню: попав в эту среду, я первое время чувствовал себя действительно первоклашкой перед лицом наблюдателей-штабников, которые и в капитанских погонах казались опытными миротворческими волками. По первости слово «сэр» в обращении мы использовали слишком часто и невпопад, как и другие наблюдатели (через год я ощутил это на себе, когда стал одним из «сэров» штаба Миссии, участвовавшим в процессе ориентирования новичков).

После английского теста оставался тест по вождению, которого все в миссии ждут с трепетом. К счастью, никому из нашей группы не пришлось повторять тест дважды.

Так я стал полноправным военным наблюдателем.

Итак, военные наблюдатели ООН — это военные эксперты, одалживаемые Организацией Объединенных Наций у национальных правительств стран-членов. Их задача состоит в надзоре за соблюдением сторонами конфликта условий достигнутого перемирия и способствовании дальнейшему сближению и умиротворению. История знает чистые наблюдательные миссии, где военные наблюдатели составляют основную, а порой и единственную действенную силу ООН в регионе. Однако миссия в бывшей Югославии не относится к их числу. До сих пор она считается самой крупной, самой сложной по составу и самой дорогой операцией в истории миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций. В момент моего появления эта Миссия, именовавшаяся тогда UNPROFOR, имела в своем составе с десяток секторов и полуавтономную Миссию в Македонии. При этом обстановка была чрезвычайно динамичной, и любителям выбирать место получше было трудно это сделать — благополучный спокойный сегодня сектор завтра мог превратиться в арену кровавых столкновений и широкомасштабных боевых действий. И все же существовало неформальное представление, что в Боснии дела явно развивались

по более горячему сценарию, чем в Хорватии, а Македонию вообще называли «холодильником для наблюдателей» — тогда там практически ничего не происходило. По жизни я предпочитаю начинать с более трудного, всегда старался первым ходить на все экзамены, службу начал с Забайкальского военного округа. Так и в Миссии на вопрос о моем приоритете в выборе сектора я на первом месте указал Боснию в целом. А новые друзья в штабе (Сергей Ипполитов и Александр Иванько) посоветовали проситься в Бихач. Как это ни патетично звучит, но я буду благодарен им за этот совет всю жизнь. То, что со мной случилось в этом мусульманском анклав за шесть месяцев, что я пережил там, во многом определило мою дальнейшую жизнь в Миссии и, видимо, будет сопровождать меня в дальнейшем.

Одним словом, мне повезло, что первым местом моей работы в новом качестве стал Бихач.

III. Бихач

Бихач оказался на удивление близко от Загреба, в 250 километрах, всего около трех часов не очень быстрой езды. Хотя за это время мы умудрились проехать по территории трех государств и/или государственных образований. Первый контрольный пункт (КП) нас встретил в Сисаке, где кончались владения официального Загреба и начиналась «мятежная» Республика Сербская Краина. Проехав хорватский кордон, мы попали на ничейную полосу, в которой стоял ооновский контрольный пункт датского батальона. Что сразу же бросилось в глаза — это особенная выправка датчан и манера отдания чести. Часовой умудрялся открывать шлагбаум и отдавать честь одновременно, и делал это всем без исключения машинам с ооновской символикой да с такой четкостью, что невольно вспоминалась наша рота почетного караула. (Позже мне не раз приходилось напоминать «нашим воинам» правила воинского этикета, когда я сопровождал различных VIP по районам, контролировавшимся российским миротворческим контингентом.)

Насколько это возможно, постараюсь коротко рассказать, что представлял из себя «Сектор Бихач». Сам город Бихач был одной из так называемых зон безопасности, объявленных ООН. Статус такой зоны, с одной стороны, обеспечивал городу формальную неприкосновенность, а с другой, требовал его демилитаризации. Как вы понимаете, ни первое, ни второе условия не выполнялись. При этом размеры сектора значительно превышали эту зону безопасности. Будучи частью Боснии и Герцеговины, этот район в то же время был полностью изолирован от основной территории, находившейся под контролем сараевского правительства. С севера и запада он граничил с самопровозглашенной Республикой Сербской Краиной (РСК), с востока и юга — с Республикой Сербской (РС), провозглашенной сербской общиной Боснии и Герцеговины. Это накладывало большой отпечаток на людей и их образ жизни. Это было маленькое государство со своими внутренними проблема-

ми, валютой и даже борьбой за власть. Внутри анклава друг другу противостояли две группировки мусульман: сторонники центрального правительства Али Изетбеговича — 5-й корпус армии БиГ под командованием генерала Дудаковича и так называемые сепаратисты Фикрета Абдича, стремившиеся к созданию независимой от Сараева республики Западная Босния.

Фикрет Абдич был известным в Боснии политиком и бизнесменом, его авторитет в Боснии в начале 90-х годов был непререкаем. Он даже с легкостью выиграл президентские выборы в 1990 году, но добровольно отказался от высшего поста. Когда началась война, то на западе Боснии он создал автономию, которая не хотела воевать. Абдич предпринял попытку создания своего маленького автономного царства. У него были мини-правительство, небольшое войско, которое защищало анклав от правительственной армии, посланной «разобраться» с сепаратистами. Офицеры 5-го корпуса говорили, что сербов можно уважать как врагов и даже, возможно, вести с ними переговоры, с Абдичем же возможен только один разговор — разговор оружия. Его считали паршивой овцой из мусульманского стада. Однако Абдичу еще долго удавалось держать в напряжении 5-й корпус. Дважды — осенью 1994 и весной-летом 1995 года его армия при поддержке АРСК (Армии Республики Сербской Краины) захватывала северную половину. Лишь успешное наступление мусульманской армии в центральной Боснии и окончательный разгром АРСК хорватами поставил точку во внутреннем противостоянии в Бихач. Судьба же Ф.Абдича оказалась более удачной, чем у 20 000 его сторонников, вынужденных долгое время прожить в лагере для беженцев на хорватской территории. Ф.Туджман, президент Хорватии, предоставил Ф.Абдичу политическое убежище, и тот поныне проживает в своей вилле в Риеке на берегу Адриатического моря. Видимо, у Туджмана Абдич был в качестве козырной карты на будущее, ведь и у Хорватии были свои виды на мятежный мусульманский анклав, часть населения которого составляли и этнические хорваты.

БИХАЧ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1994 ГОДА

В момент моего появления в Бихаче обстановка в анклаве была самая что ни на есть боевая. Французские миротворцы периодически оказывались под обстрелом с сербских позиций, по анклаву в то же время ходили слухи о тайных операциях, проводимых французами по вывозу населения на территорию Хорватии («за определенную плату» — 5 тыс. немецких марок за одного вывезенного). Настроение местного населения после изгнания Абдича летом 1994 года можно было назвать успешно-обреченным. Люди смирились с тем, что никаких скорых перемен в их жизни ждать не приходится, и спокойно готовились к третьей зиме в осаде. Надо сказать, предыдущий опыт научил их полагаться во всем на себя. Анклав представлял собой маленькое натуральное хозяйство, способное в той или иной мере обеспечить себя с минимальными поступлениями извне гуманитарной помощи, ГСМ (от украинских миротворцев) и валюты (от друга Гельмута — вертолетами).

Экономика кантона была уже «переведена на военные рельсы», и большинство работающих промышленных предприятий занималось выпуском боеприпасов, а также производством и ремонтом боевой техники. Агропромышленный комплекс был практически парализован, но не уничтожен (большинство ферм «Агрокоммерс» использовались в качестве штабов бригад, но не разрушались ни одной из враждующих сторон). Производство продуктов питания стало делом всех и каждого, так что даже на улицах Бихача можно было увидеть огороды и пасущийся домашний скот. Люди, в массе своей жившие до войны зажиточно и без особых затруднений (что обеспечивалось сезонными или периодическими выездами на заработки в Европу), стремились насколько возможно сохранить свой образ жизни. Переводчицы много рассказывали мне о первой военной зиме (1992–1993), которая и научила всех методам выживания. Жизнь этого изолированного мирка можно назвать парадоксально противоречивой. Война стала неотъемлемой частью реальности. Фронт подходил к Бихачу на считанные километры, а в городе не прекращали работать дискотеки и бары. На фронте солдаты жили одной мечтой — отбыть положенную смену и уехать домой на отдых. Первый раз, когда солдат пожаловался мне, что уже три недели не был дома и смена затянулась, я сначала не понял, о чем идет речь. Потом мне объяснили, что существует график, причем в нормальных условиях позиционных боев очень щадящий — две недели на позициях, неделя дома. Конечно, во время всплеск активности вносились коррективы и кому-то приходилось проводить на передовой месяц и более без выходных.

С моими представлениями о войне, основанными, главным образом, на книгах и рассказах о Великой Отечественной войне, когда люди уходили и возвращались (если возвращались) через четыре года, эта система казалась чем-то вроде игры в «Зарницу» с реальными выездами в поле, разве что стреляли здесь не понарошку, а убивали всерьез. Как я уже говорил, уровень жизни, значительно упавший по сравнению с довоенным, не был критическим. Скажем, во многих уголках России народ живет еще хуже и без войны и выступать на защиту своих прав не собирается. Могу с уверенностью сказать, что подавляющее большинство населения всерьез не голодало, и большая заслуга в этом принадлежит ООН и конечно же представителям Верховного секретариата по вопросам беженцев и перемещенных лиц. Скажем так, склады с гуманитарной помощью практически не пустели. А сообщения CNN о смертельных случаях в Бихаче весной 1995 года кроме как пропагандистской уловкой назвать нельзя. Если человек умирает от голода, сознательно отказываясь принимать гуманитарную помощь, то это больше похоже на исход политической голодовки протеста, вовремя не прерванной местными властями, и уж никак не свидетельствует о тотальном голоде в анклав. Быть может, я кощунствую, говоря так. Но что же тогда говорить о заявлении мусульманского руководства, сделанном в сентябре 1995 года, когда сам факт принятия гуманитарной помощи ООН для жителей Сараева ставился в зависимость от продолжения бомбардировок авиацией НАТО сербской территории: «Если НАТО прекратит бомбардировки, Сараево не примет гуманитарную помощь», заявлял Изетбегович.

ООН В АНКЛАВЕ БИХАЧ

Структура сил ООН в анклав Бихач периодически менялась. Первоначально здесь было всего несколько наблюдателей от Европейского Сообщества и гражданской структуры ООН. Но с принятием в 1993 году Советом Безопасности резолюции, объявившей Бихач в числе ряда других городов БиГ зоной безопасности ООН (so called UN safe heaven), в анклав был введен французский батальон (из состава элитной бригады им. Шарля де Голля). В то же время в анклав были направлены военные наблюдатели ООН.

Вернусь к изложению последовательности событий, свидетелем и участником которых я был. Итак, я стал членом интернационального коллектива под названием «Сектор Бихач миссии военных наблюдателей ООН». Сектором его было трудно назвать, потому как нас насчитывалось всего около двух десятков и в сравнении с другими секторами, где одна группа по численности иногда достигала 15–17 человек, наш сектор действительно походил на карманное образование, да и назывался то он «Бихач-покет», что в дословном переводе действительно означает бихачский карман или анклав. Военные наблюдатели были не единственными представителями международного сообщества в этом обреченном мусульманском углу Боснии и Герцеговины, ооновская структура сектора и его вертикальная подчиненность выглядела так:

Это — упрощенная схема ооновской структуры в Бихаче, при этом надо отметить, что существовало много параллельных линий командования и подчинения, что вносило серьезную путаницу и непонимание. Я не упомянул в схеме Гражданскую полицию ООН сознательно — я застал их буквально один месяц, — с началом активных действий внутри анклава они были первыми, кто поспешно бежал, бросив всех и вся — переводчиц, дорогостоящее оборудование, ну да бог им судья.

Из не ооновских структур следует упомянуть, пожалуй, две — миссию наблюдателей Европейского сообщества (European Community Monitors Mission, ЕСММ) и Врачей без границ (Doctors Without Borders). Эти ребята старались честно делать свое дело.

Естественно, самым многочисленным компонентом Сектора был батальон сил ООН. Не хотелось бы заострять внимание на вооруженном контингенте Сектора. В наших взаимоотношениях с батальоном (сначала французским, а потом сменившим его бангладешским) многое осталось неоднозначным. И дело здесь не только в слабом знании английского языка у французов и бангладешцев. И все же нельзя обойти стороной историю замены французов на бангладешцев — ведь это одна из покрытых тайной страниц Миссии.

Ф Р А Н Ц И Я – Б А Н Г Л А Д Е Ш

В сентябре 1994 года правительство Франции неожиданно приняло решение сократить свое участие в миссии по поддержанию мира в бывшей Югославии и вывести один батальон, а именно — из Бихача. Заменой ему, по решению ООН, должен был стать батальон из Бангладеша. По мере приближения зимы правительство Франции все настойчивее настаивало на замене. А в начале октября эти требования стали практически ультимативными. В результате интенсивного нажима в первой половине октября эта замена состоялась. Замена имела несколько аспектов: 1) политический — в мусульманский анклав направлялся мусульманский батальон, что сразу ставило под сомнение его беспристрастность; 2) стратегический — время замены (поздняя осень) и порядок ее проведения был выбран явно стратегически неверно, что ставило под сомнение саму целесообразность и честность проводимой операции; 3) оперативный — замена проводилась в условиях чрезвычайно нестабильной оперативной обстановки в секторе, когда минимальное изменение расстановки сил могло негативно сказаться на развитии событий. Тем не менее мы были поставлены перед фактом — замене быть. Со стороны все выглядело по-рядному гладко: встреча передовой партии, передача дел, совместные патрули и передача наблюдательных постов, торжественные проводы французов, слезы местного персонала, сжившегося с французским контингентом. Бангладешский батальон принял зону ответственности, а спустя неделю, 27 октября сектор был полностью блокирован с запада и северо-запада войсками РСК, с востока — боснийскими сербами, а с севера — войсками Ф.Абдича. Эта блокада застала врасплох всех. Из 21 наблюдателя, числившихся у нас по списку, в секторе оказалось только 13, но это еще что, на 1300 солдат и офицеров бангладешского батальона имелось несколько десятков бронетранспортеров БТР-60 ПБ (часть из которых не была укомплектована башенными пулеметами) и 300 автоматов АКМ с ограниченным боекомплектom. Бангладешцы не имели средств наблюдения и основных средств радиосвязи, которые находились на корабле, направлявшемся из Бангладеша в Сплит (база ООН в Хорватии). Интересно, что по подготовке и комплектации это был танковый бата-

льон армии Бангладеша, усиленный пехотой. Просто за два месяца до этой замены ООН приобрела у Германии большое количество унаследованных от ГДР БТР-60 ПБ советского производства. Вот на них-то в срочном порядке и был пересажен и кое-как переучен бангладешский батальон. Насколько это было непродуманно и даже ошибочно, показало время. Позже командир батальона полковник Салим, человек высокообразованный и пользующийся заслуженным авторитетом, национальный герой своей страны (со времен борьбы за независимость от Пакистана), подробно рассказывал мне о непростом выборе, который ему пришлось сделать в начале службы в Миссии. Фактически ему был поставлен ультиматум: либо войти в сектор с батальоном без вооружения, средств связи и наблюдения, но нормально принять дела у французов и потом вторым эшелонном получить все недостающее, или ждать в Сплите накопления всех сил и средств батальона, при этом, оставив сектор вообще без прикрытия, поскольку французы отказывались ждать и обещали при любых условиях покинуть сектор к середине месяца. Полковник Салим выбрал первый вариант и оказался в ловушке. Возникало ощущение, что французы имели достаточно надежную информацию о том, что во второй половине октября в Бихаче начнется очередной этап эскалации вооруженного противостояния, и не собирались терять политическое и военное лицо нации (как это позже случилось с голландцами в Горражде). Слишком подробное изложение фактов я приберегу для более полной книги об этих событиях, а сейчас хочу вернуться к описанию непосредственно работы военных наблюдателей.

Г Л А З А И У Ш И О О Н

Бывший в то время Генеральным Секретарем ООН г-н Бутрос Бутрос-Гали называл военных наблюдателей «глазами и ушами организации», и в хорошем смысле этого выражения он был прав. Мы, единственные из военного контингента, будучи безоружными, жили непосредственно среди местного населения, снимая дома и деля кров с обездоленными войной мусульманами, сербами и хорватами. При этом возникали неформальные отношения, позволявшие нам получать информацию, недоступную для других агентств. Такое доверие завоевывалось не просто. Наблюдатели были первыми, кто приходил на места чрезвычайных происшествий, выходил практически к самой линии фронта, и последними, кто покидал районы, переходившие из рук в руки от одной враждующей группировки к другой. Порой они даже оставались на прежних позициях, устанавливая шаткие отношения с новой властью (так это было в Великой Кладуше). Следует отметить одну интересную деталь — будучи по своему составу чисто офицерскими структурами, группы военных наблюдателей отличались значительным демократизмом в поведении и даже в процессе выполнения оперативных задач. А проще говоря, каждый в патруле имел одинаковое право голоса. Понятия приказа в чистом виде у нас не существовало — на то мы и офицеры, чтобы подходить к выполнению задачи, поставленной

штабом, с учетом местных особенностей обстановки и собственного опыта. Роль командира при этом не занижалась, а усложнялась. От него требовалось хорошее знание своих коллег — наблюдателей, оценка их потенциальных возможностей. В период блокады октября–декабря 94 года, когда линия фронта в анклав постоянно была в движении, я часто получал задачу осуществить патрулирование в заданном направлении и определить прохождение линии фронта. Не буду останавливаться на методах и способах выполнения такой задачи, скажу только, что каждый такой патруль значительно повышал уровень адреналина в крови. Так вот, в своей группе я знал, кто согласится идти со мной на разумный риск, а кто предпочтет не рисковать вообще. При этом я никогда не давил на коллегу, и было несколько случаев, когда уже после возвращения искренне благодарил его за благоразумный совет, ведь не секрет, что в каждом настоящем офицере сидит скаут, а психологически человек устроен так, что, побывав один раз под огнем и ощутив прилив адреналина, он либо никогда больше по своей воле не будет себя подвергать такому испытанию, либо, наоборот, захочет испытать это чувство еще и еще раз — это как наркотик. Тоже относилось и к такому положению, как обязательное ношение бронежилетов. С одной стороны, это было действительно чисто обязательным требованием для всего персонала ООН (обязательное условие получения страховки в случае ранения или смерти) — весь военный контингент постоянно должен был находиться в бронежилетах и касках (видели бы вы янки в Загребе в декабре 1995 года, которые не снимали бронежилетов и касок даже в столовой и в автобусе). С другой стороны, поставьте себя на наше место: вы приезжаете к линии фронта, а фактически в деревню, где бегают босоногие дети и идет нормальная жизнь, прерываемая периодическим свистом летящих снарядов и пуль, вы вылезаете из комфортабельного джипа упакованные в броню. Извините, как в такой обстановке вы можете нормально говорить с этими людьми? Быть может, это не совсем корректно по отношению, скажем, к миротворцам из батальонов: у них дисциплина и приказы были жесткими, но мы по какому-то внутреннему побуждению шли на нарушение — бронежилеты и каски надевались в последний момент перед выходом на наблюдательный пункт. В своей среде мы в шутку просили друг друга в случае непредвиденной смерти одеть погибшего в бронежилет и в нужном месте проковырять дырочку от пули.

В МУСУЛЬМАНСКОМ АНКЛАВЕ БЕЗ РУССКОГО

Мое появление в Секторе с самого начала было по разным причинам неоднозначно встречено как коллегами по миссии, так и местной стороной, главным образом это было вызвано моей национальностью. Тогдашний заместитель командира сектора военных наблюдателей голландец Вернер Ванденберг (старая спецназовская лиса) сразу прилепил ко мне ярлык агента КГБ наполовину в шутку, наполовину всерьез. Местное население при виде флага на рукаве и надписи на кириллице РОССИЯ не без раздражения бросали в мою сторону косые взгляды,

полные недоверия и даже злобы. Однажды, через месяц после моего приезда, встретившись с начальником штаба 5-го корпуса полковником Салмановичем, я пережил неприятные минуты моей жизни. До того момента мне еще никто не угрожал так серьезно и однозначно. Потом было всякое: меня арестовывали во время ночного патрулирования, обвиняли во всех смертных грехах вплоть до ведения разведки в пользу сербов, отдельные командиры запрещали моей группе патрулирование в зоне ответственности своих бригад только на том основании, что командир — русский, и даже требовали через командование корпуса моей замены. Но все это было временным явлением, и разум местных руководителей (не без моей помощи) всякий раз брал верх. А многочисленные истории о сумасшедшем русском, который редкий патруль проводит без того, чтобы не попасть под сербский артиллерийский или минометный обстрел, распространялись по сектору, создавая мне репутацию боевого офицера, что не могло не вызвать уважения у местных жителей и военных. Так что в конце концов я удостоился «невероятной чести» быть приглашенным на празднование мусульманского праздника Байрам, с участием всей верхушки 5-го корпуса и анклава. Как сказал генерал Дудакович, я «был единственным четником, удостоившимся чести присутствовать живым на мусульманском празднике». Большинство обитателей анклава впоследствии изменило отношение ко мне.

Б л о к а д а

Как я уже говорил, в октябре–декабре 1994 года в Бихаче сложилась поистине драматическая ситуация: полностью изолированными оказались не только местные жители, но и весь персонал ООН. Бангладешский батальон не только не получил технической поддержки от своего второго эшелона, а был фактически оставлен без продовольствия. Оставшиеся от французов сухие пайки на 60 % содержали свинину, которую бангладешцам не позволял употреблять Коран. К декабрю ситуация осложнилась тем, что в секторе подошел к концу запас топлива. Электрогенераторы постоянно питали только дежурные службы, отопление в лагере бангладешцев работало три часа в сутки. В конечном итоге это привело даже к смертельному случаю: один солдат умер от истощения и переохлаждения прямо в батальонном медицинском пункте.

В этих условиях только военные наблюдатели получали топливо для своих автомобилей без ограничения. Это была своего рода оценка продуктивности нашей работы — 80 % информации, передаваемой из Сектора в штаб Миссии, собиралось нами. В начале ноября после нескольких случаев обстрела сербами наблюдательных постов бангладешского батальона командующий Сектора полковник Лемье (Канада, дядя известного хоккеиста из НХЛ Марио Лемье) объявил о снятии постоянного присутствия бангладешских солдат на наблюдательных постах вдоль линии фронта. Фактически все патрулирование и контроль за обстановкой в Секторе легли на плечи 13 военных наблюдателей, группы наблюдателей командующего UNPROFOR

из трех английских спецназовцев, переводчицы (Лиз) и одного-единственного гражданского наблюдателя от Европейского сообщества. Поскольку Сектор военных наблюдателей организационно состоял из трех групп, то и вся территория анклава для целей патрулирования была разделена на три зоны ответственности. Группа Бихач (4 наблюдателя) контролировала обстановку непосредственно в городе Бихач и его окрестностях, что составляло примерно 15 % территории Сектора, группа Велика-Кладуша (3 наблюдателя) отвечала за северо-западную часть Сектора (40 %), но с захватом Абдичем Кладуши ее деятельность была ограничена линией фронта и составляла порядка 25 % территории Сектора. Впоследствии с обострением отношений между Абдичем и ООН наблюдатели были вынуждены почти полтора месяца провести в лагере бангладешского батальона без права выхода за его пределы. Таким образом, зона ответственности моей группы Бузим (три наблюдателя) составляла 60 % всего Сектора. Штаб Сектора, состоявший из трех наблюдателей — командира Сектора Цезаря Бомбонато (Бразилия), его заместителя Кена Каннингена (Новая Зеландия) и Шарафата (Бангладеш) ежедневно выделял один, а иногда два патруля для того, чтобы перекрыть как можно большую зону. Мы работали в полном смысле слова на износ. Имея в своей группе бангладешского майора Обайда (с опытом боевых действий) и молодого иорданского капитана Халида Абу Далу, я по старой привычке брать все на себя установил такой график: я патрулировал целыми днями, меняя экипаж, а свободный от патрулирования наблюдатель либо оставался в штабе в качестве дежурного, либо использовался для усиления бихачского штабного патруля. Таким образом, мы работали без выходных, начиная патрулирование в 7–8 утра и заканчивая с наступлением темноты. В лучшем случае удавалось заскочить домой на ланч, ну а в худшем — довольствоваться сухим пайком в поле. При этом мы проводили бесчисленное количество анализов воронок и результатов ракетных артиллерийских налетов на мирные объекты, ежедневно проводили переговоры с командирами местных бригад и батальонов, помогали проводить гуманитарные конвои через линию фронта. День проходил в постоянных метаниях из одного угла анклава в другой, порой мы упустили какие-то изменения в линии фронта и несколько раз наши патрули едва не оказывались на сербской стороне. А это могло привести к непоправимым последствиям. Как ни прискорбно, но сербы рассматривали нас как своих врагов, а после 21 ноября 1994 года, когда в ответ на авианалет на Цазин (19 ноября) НАТО нанесла удар по аэродрому в Удбине, нам вообще рекомендовали не показываться вблизи линии фронта. Но нас это не останавливало. Свыкшись с постоянной опасностью, мы как мальчишки носились из-под одного артобстрела под другой, скупно отмечая в ежедневных отчетах десятки метров на глаз оцененного расстояния, на котором разорвался очередной снаряд, невольно или намеренно пущенный с той стороны в направлении белого джипа с синим флагом. Описание и простое перечисление таких ситуаций, когда мой патруль оказывался не очень далеко от того самого места, заняло бы слишком много страниц. Но я остановлюсь хотя бы на двух случаях, когда можно говорить о намеренном обстреле персонала ООН.

31 октября 1994 года на наблюдательном посту бангладешского батальона не предвещало ничего необычного.

ОТКА

Э тот НП еще при французах несколько раз подвергался обстрелам, но тогда это было в радиусе 50 метров, что мы не считали прямой угрозой персоналу ООН. В тот же день (31 октября 1994 г.), когда наш патруль прибыл к подножию холма и, облачившись в бронежилеты, начал подниматься на вершину с тыльной стороны, сербская артиллерия открыла огонь прямой наводкой по НП. Мы с напарником не успели подняться до конца, как на наших глазах над вершиной взметнулось несколько столбов пыли. Сначала показалось, что это пыль, возникающая при откате орудия, и что стреляют с НП. Но в следующую секунду над вершиной холма султаном встала земля, и радиоантенна, и флагшток с ооновским флагом, как подкошенные стебельки, опали на землю, над НП полетели какие-то бумаги. Не выдержав этого, солдаты бангладешского батальона бросились вниз по склону, мы к этому времени уже отошли к крайнему дому у подножия этого несчастного холма и принимали ошалевших бангладешцев. К счастью, почти все остались невредимы, не повезло лишь одному, получившему осколочное ранение в ногу. Но история на этом не закончилась.

Как истинные наблюдатели, мы должны были провести анализ воронок на НП с тем, чтобы обоснованно показать, кто стрелял и откуда. Эту щекотливую операцию мы перенесли на следующий день. На НП я и мой напарник, бангладешский наблюдатель майор Хок Обайд, поднялись вместе с отделением саперов банбата, получивших задачу укрепить укрытие на вершине холма. Картина, представшая перед нами, была впечатляющей. НП, имевший две ячейки полного профиля для наблюдения, накрытые однослойным гофрированным стальным листом и обложенные мешками с песком, получил два снаряда непосредственно в бруствер перед каждой из наблюдательных позиций и еще пять-шесть снарядов в радиусе 15–20 метров. Два выстрела были произведены с завидной точностью. Стальное покрытие светилось как решето, мешки были разбросаны взрывной волной. Измерить все параметры воронок из траншей не представлялось никакой возможности. Хотя стволы орудий, стрелявших по НП, мы отчетливо видели и без бинокля на противоположном склоне каньона реки Уна, надо было вылезти и прогуляться перед бруствером.

Анализ нескольких воронок и сбор осколков занял у нас минут десять. Когда мы спрыгнули обратно в окоп, нам с трудом удавалось скрыть возбуждение. Мы решили сразу не покидать НП. Но не прошло и пары минут, как проснулось одно из орудий, стрелявших днем раньше. Первый снаряд лег метрах в 20 перед НП. Солдаты побросали инструменты и бросились к недоделанному укрытию. Укрытие представляло собой несколько расширенный окоп полного профиля метра полтора на два, накрытый теми же стальными гофрированными листами, заваленными двумя слоями мешков с песком. Что удивительно, от наблюдательных позиций к нему вел прямой окоп (без обычного в таких случаях зигзага), то есть вход никак не был защищен от возможного попадания осколков. И к тому же убежище было явно рассчитано не более чем на четыре человека. Нас же в тот момент было 9 — восемь бангладешцев и один русский.

Не успела пыль осесть, как мы получили второй снаряд уже ближе к НП. Все сгрудились в укрытии, бангладешский офицер, командовавший солдатами, высчитав после третьего разрыва темп стрельбы — один снаряд в две с половиной минуты, предложил сразу же после следующего выстрела бежать с НП, как они сделали днем раньше. Однако я настоял на том, что эвакуировать личный состав под огнем было бы неправильно. На собственном опыте я знал, что сербы не будут стрелять больше часа по одной цели. Правда, после десятого снаряда у меня возникло желание крикнуть по радио: братушки, что ж вы по своему русскому брату стреляете! (Мы знали, что сербы прослушивают все наши частоты.) Правда, из-под металлической кровли «моторола» была бессильна пробиться в эфир. В итоге мы получили четырнадцать снарядов от братьев славян, все они легли в радиусе 5–20 метров от нашей норы.

Минут через пятнадцать после наступившего затишья, когда мы уже подумывали об отходе, в бункер ввалился бангладешский капитан, командир роты. Надо было видеть его счастливое лицо, когда он увидел своих солдат целыми и невредимыми. Горячие головы там внизу у подножья холма уже доложили о вероятных потерях. Попытка немедленного отхода была снова пресечена мной на корню. Холм просматривался с трех сторон и ни войти, ни выйти из укрытия незамеченным было невозможно. Все согласились, что надо проверить реакцию сербов на появление лазутчика, ведь теперь уже никто не сомневался в том, что это был прицельный огонь по персоналу ООН. Двадцать минут спустя мы двумя группами по пять человек броском покинули неприступный холм, едва не ставший нашим поминальным курганом. Тогда я дал себе слово, что больше никогда не поднимусь на него, но я зря зарекался.

Второй случай, о котором хотелось бы упомянуть, произошел месяцем позже все там же, только на сей раз у подножия холма Отока.

Мой патруль остановился для периодического наблюдения (из-за ограниченного количества патрулей мы практиковали короткие остановки на маршруте для оценки обстановки на разных участках фронта). После получасового наблюдения я вышел на связь со штабом с докладом об обстановке. Связь была ни к черту (к тому времени наш ретранслятор вышел из строя и единственным рабочим каналом был так называемый Симплекс-1, работавший на дальность прямой видимости). Чтобы связаться со штабом, я вынужден был выйти из-под прикрытия сельских домов на открытый участок дороги. Найдя место с относительно нормальным приемом, я начал передачу сообщения. То, что этот участок дороги просматривается с сербской стороны, я знал, но надеялся быстро отработать сеанс связи. Однако с такой связью передать зашифрованное сообщение не так-то просто. Я почувствовал, что мое время истекает, это почувствовали и мои коллеги, укрывшиеся за крайним домом, переводчица успела мне крикнуть, что пора уходить, как я услышал одиночный артиллерийский выстрел.

Несколько секунд спустя, лежа в дорожной пыли, я слышал невероятно близкий свист перелетающего снаряда. Он перетянул метров пятьдесят за меня и разорвался чуть ниже на повороте дороги, на самом краю крутого склона. Я поднялся, когда пыль еще не осела, казалось, что еще не все комья земли успели упасть. Инстинктив-

но я посмотрел в сторону разрыва и — о ужас — из-под обреза дороги со стороны поля прямо в центре оседающего пыльного облака я увидел женщину с маленькой девочкой лет трех, медленно выходящих на дорогу. Эта картина стоит перед моими глазами и сейчас. Что там все мадонны с младенцами, запечатленные мастерами древности! Женщина шла не сгибаясь, держа девочку за руку, а та даже не плакала — дети войны это особые дети. Мне даже показалось, что они просто не заметили этого разрыва. А ведь их спасло одно мгновение и один метр траектории снаряда — все осколки прошли у них над головами. Если хотите — это действительно сюжет для написания картины «Мадонна с младенцем, выходящая невредимой из дымящейся воронки». Очень современно.

Положение русского человека в мусульманском анклав было поистине щекотливым. Первая ассоциация, возникавшая в таких условиях, умещалась в двух словах: «Сербский шпион». За это меня даже арестовывали, правда ненадолго. Со стороны командования, слава богу, предвзятого отношения не было. Моему тиму и мне лично доверяли самые ответственные задания.

БОМБОНАТО

Самым пикантным заданием была операция по эвакуации американской ракеты ХАРМ, выпущенной в ноябре 1994 года F-16 по позициям сербской ПВО в районе Отоки. Тогда, благодаря расторопности сербских ракетчиков, быстро выключивших свои радары, ракета, потеряв луч радара, ушла в сторону и упала в 200 метрах от мечети и штаба 505-й бригады в Бузиме. К тому времени сербы нас уже приучили к ракетным ударам. Они применяли ракеты ПВО СА-75 советского производства для стрельбы по наземным целям. Мой ливийский опыт работы с этими ракетами тогда очень пригодился. Когда нас вызвали в 505-ю бригаду в Бузим на очередное расследование ракетной атаки, у меня не было никаких оснований ожидать чего бы то ни было необычного. Однако только увидев ракету (а она, зарывшись на треть в землю, выглядела неразорвавшейся), стало ясно, что мы имеем дело с американскими технологиями. Двухметровая часть трубы диаметром около 30 сантиметров выглядела еще вполне боеготовой, и незначительное количество фрагментов, найденных нами в окрестностях, говорило о возможной опасности этого американского подарка. Я доложил в штаб о находке, принял все меры к тому, чтобы место падения было огорожено и недоступно для детворы.

Наш доклад о «неразорвавшейся ракете» вызвал бурю в натовских кругах в Загребе. Они категорически требовали обеспечить «непопадание объекта в руки ни одной из воюющих сторон». Но как это сделать? Анклав блокирован, а для эвакуации объекта необходима специальная группа саперов. У нас же кроме бангладешских саперов и двух английских спецназовцев — никого не было. Целую неделю в Загребе решали, что делать. В конце концов мы получили подробные инструкции от натовских коллег, как провести диагностику ракеты и в случае ее неактивности — эвакуацию.

Даже не выезжая на место, лишь прочитав инструкцию по диагностике, мы поняли, что ракета уже мертва. Первым пунктом в инструкции значилось предупреждение: ни в коем случае не пользоваться УКВ радиопередатчиками вблизи ракеты, поскольку это может активировать ее командную систему. Я же в первый день обнаружения ракеты неоднократно связывался со штабом, просто-таки сидя на той самой трубе. Но это нам не облегчало задачу эвакуации. Командование 505-й бригады настаивало на помещении этой железки в свой музей боевой славы. Возглавлявший наш Сектор старший военный наблюдатель Цезарь Бомбонато (из Бразилии, к сожалению погибший в июле 1998 года в авиакатастрофе вблизи Рио), человек, соединявший в себе удивительное бразильское обаяние с высоким чувством ответственности за свои поступки и решения, и за своих подчиненных и с невероятным чувством юмора, «следуя указаниям штаба миссии о недопущении попадания этого образца современного высокоточного оружия НАТО», так сформулировал свой доклад об эвакуации (пересказываю его очень близко к тексту): Операция по эвакуации NATO-baby была осуществлена патрулем ВУ в составе представителей стран бывшего Варшавского блока майора Виктора Тарусина (Россия) — командир патруля и капитана Михала Касая (Чехия) — члена патруля. В извлечении объекта из грунта принимали участие представители блока НАТО, офицеры Ее Величества капитан Эдвард Осборн и майор Пол Хигинс. Объект доставлен в Чораличи-кэмп и помещен в военный музей штаба военных наблюдателей.

На самом деле везти двухметровую железку в обычном джипе «чероки» по пересеченной местности, держа ее на руках между сиденьями и на каждой кочке лоя, чтобы она не вышибла лобовое стекло, — это занятие не для слабонервных и не для слаборуких. Это сообщение многими непосвященными было воспринято как шутка, особенно за подписью БОМБОНАТО.

ЮМОР — ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ПРОТИВ СТРЕССА

К тому времени самым действенным средством выживания и поддержания боевого духа среди военных наблюдателей было чувство юмора. Порой это выплескивалось на страницы наших докладов в штабы разных уровней. Например, многие термины в докладе начинались с латинской буквы F — frosket вместо rocket, fshelling вместо shelling и т.д. По первости оперативные дежурные штаба исправляли эти «опечатки» и даже жаловались на безграмотность наших докладов. Но ошибки продолжались. В конце концов пришлось объяснить, что все эти слова означают те субстанции и события, которые нас буквально достали, а буква F — первая буква самого распространенного английского слова... Это было не вызовом Штабу, а попыткой привлечь больше внимания к Сектору. Конечно, в такой большой Миссии Бихач был одним из самых маленьких Секторов, и о нас порой забывали, или точнее, забывали о тех условиях, в каких нам приходилось работать. У нас было свое лобби на Большой земле — ведь половина наших наблюдателей, оказавшихся за пределами

Сектора в момент установления блокады, томились в ожидании возвращения в Секторе «Север». В шутку мы называли их бихачскими беженцами, а они нас бихачскими заложниками. Наши друзья на Большой земле всячески пытались облегчить нашу жизнь — передать какие-то продукты, вещи или предпринимали попытки договориться с местными властями разрешить проведение замены. Каждый из них очень переживал, что оказался отрезанным от основных событий.

ВСЕ МЫ ЛЮДИ, НО ЦЕНЯТ НАС ПО-РАЗНОМУ

Характерно, что отношение национальных правительств к своим гражданам, оказавшимся в то время в самой горячей точке бывшей Югославии, было неодинаковым. Посол Испании по спутниковой связи связался с единственным испанским офицером в Секторе капитаном Пако Буэно и передал, что посольство Его Величества короля Испании готово предпринять все возможные меры для того, чтобы вытащить своего подданного из столь опасного места. (Пако, будучи командиром группы Бихач, отчаянный сорвиголова, настоящий кабальеро, конечно же отказался, но ему безусловно было приятно такое внимание к его персоне.) Заместитель Бомбонато новозеландец Кен Каннингем на все время блокады стал чуть ли не самым популярным человеком у себя на родине. Его фото регулярно появлялось на экране ТВ, и за его здоровьем и самочувствием следили, как раньше у нас за космонавтами или в 1996 году за здоровьем Президента. Цезарь Бомбонато после возвращения в Бразилию стал национальным героем, получив награду за вклад в миротворческие усилия ООН из рук президента страны. Комментировать эти моменты просто нет надобности.

ОСОБЕННОСТИ СЕРБСКОЙ БЛОКАДЫ

Надо сказать, что в какой-то момент мы перестали тяготиться своим положением запертых в анклаве заложников. То, что мы таковыми стали, показало будущее. Когда в конце декабря вопрос о заменах был согласован с Абдичем и сербами, неожиданно выяснилось, что 5-й корпус никого не торопится выпускать из анклава. В разгар же блокады, когда большая часть запасов французских сухих пайков была съедена, мы практически были приняты местными жителями в свое общество. Если раньше мы помогали семьям, в которых жили, то теперь эта помощь стала взаимной.

Показателен один курьезный случай, произошедший с группой Бихач. В горячке боев вокруг всего анклава Бомбонато порой не попадал на протокольные заседания в штаб 5-го корпуса. Однажды после очередного сильного артобстрела центральной части генерал Дудакович срочно вызвал наблюдателей в штаб. Бомбонато физически

не успевал добраться до Бихача и по радио приказал командиру группы голландцу Аду Ван де Креке присутствовать на заседании. Прямо с колес Ад в сопровождении бразильца Афонсо запыленными и чумазыми объявились в штабе корпуса. Их вид несколько смутил штабников. Когда же с позволения генерала все закурили, то Ад затянулся самокруткой из местного «духана» из какой-то соломы, совещание пришлось прервать. Дудакович был весьма удивлен, узнав, что наблюдатели курят то же, что и большинство населения анклава (все запасы нормальных сигарет были выкурены за первый месяц блокады, а в режиме полной экономии курильщики не могли позволить себе покупать «Мальборо» на черном рынке, пачка стоила от 16 до 20 немецких марок). Генерал от барских щедрот презентовал мужикам три блока «Мальборо» и две бутылки почти настоящего виски (которые мы выпили в тот же вечер в штабе в процессе написания отчета).

А жизнь была действительно не сахар. Рынок выворачивал наши карманы назнанку: 50-килограммовый мешок муки стоил 1000 немецких марок, литр подсолнечного масла — 16–18 марок, килограмм сахара — 20 марок. Плотная блокада анклава стала настоящим раем для дельцов черного рынка. С ними я познакомился в середине ноября. Однажды, вернувшись после патрулирования в свой дом, я обнаружил перед крыльцом роскошный 500-й BMW — в то время в анклав на машинах ездили только ооновцы, мусульманские военные и несколько крутых. Вот такой крутой меня и посетил.

Он приехал в сопровождении офицера одного из батальонов 517-й бригады, с которым я несколько раз встречался на передовой. Хозяйка дома была откровенно напугана. Сели пить кофе. Без особых предисловий мне было предложено организовать встречу с офицером польского батальона, стоявшего на сербской стороне. Речь шла об открытии коридора для поставки в анклав сигарет и спиртного. Мне обещали хорошие деньги за восстановление связи с этим офицером. Я оборвал местного мафиози в тот момент, когда он хотел назвать фамилию этого офицера, сказав, что считаю продолжение разговора неуместным, и поинтересовался, почему в поисках контактов они, мусульмане, остановили свой выбор на мне — русском. Ответ был очень пространным — что-то о трудностях в России, тяжелом материальном положении и необходимости любого молодого человека в больших деньгах. Последнее меня в очередной раз задело. Я спросил своего гостя, сколько же он дает мне лет. Тот, не задумываясь, предположил, что мне 27. После чего я спокойно закончил разговор фразой, что мне, слава богу, почти на десять лет больше, и у меня достаточно здравого смысла не вступать в такие сделки, и что эту их ошибку я воспринимаю как единственное извинение для их визита. На этом мы расстались. Хозяйка, слышавшая весь наш разговор из соседней комнаты, вышла вся бледная. По ее словам, я нашел на свою голову кучу неприятностей, эти люди меня не оставят, и все может кончиться очень плохо и для нее тоже.

На следующий день я доложил Бомбонато об этой встрече, тот в свою очередь включил этот эпизод в свой доклад в штаб Миссии. А оттуда пришло указание — немедленно отправить меня в Загреб для перевода в другой сектор. Это еще одно доказательство того, как штаб Миссии был слегка оторван от реальности нашей

жизни — о каком переводе могла идти речь, когда Сектор был уже месяц плотно блокирован. К счастью, все опасения оказались излишними — никаких провокаций со стороны местной мафии не последовало. Поставки же жизненно важных грузов в анклав не прекращались и в самые напряженные дни, а точнее, ночи блокады. Время от времени мы слышали над головой шум летящего Ми-8, а порой и видели его темный силуэт, пробирающийся на малой высоте, ориентируясь по единственному пятну света — лагерю бангладешского батальона. Ни разу нам не удалось выяснить содержание перевозимых грузов, но для этого не надо быть провидцем — так доставлялось оружие, боеприпасы, деньги — немецкие марки, а также особо отчаянные иностранные журналисты.

ОХ УЖ ЭТА ПРЕССА!

О журналистах следует сказать отдельно. Не боясь обобщений, утверждаю — в последние годы «свободная» пресса в международном масштабе играет скорее деструктивную роль. Падкие до сенсаций, замешанных на крови, журналисты, рискуя собственной жизнью (не бескорыстно конечно же), пробираются в самые невероятные места в горячих точках. Это стало своеобразным бизнесом. Однако во многих случаях они действуют в угоду определенным политическим кругам, как правило, по непосредственному заказу, подливая масло в огонь войн и конфликтов, провоцируя все новые и новые убийства. Во всех уголках бывшей Югославии мне доводилось так или иначе сталкиваться с представителями этой «одной из самых древних профессий».

Здесь расскажу об опыте общения с прессой в Боснии. В момент установления блокады внутри анклава не было ни одного представителя зарубежной прессы. Единственный внештатный сотрудник CNN, офицер гражданской администрации ООН американец Эд Джозеф и тот оказался в отпуске. Он совершил почти невозможное — один в небронированном джипе прорвался внутрь анклава без каких-либо разрешений и согласований с враждующими сторонами. На несколько месяцев он стал единственным информационным окном, регулярно передавая по телефону сообщения о последних событиях в редакцию CNN. Порой его заявления были настолько субъективны, он так вольно интерпретировал информацию, которую собирал в том числе и в штабе военных наблюдателей, что наше терпение лопнуло, и Бомбонато с Кеном запретили всем наблюдателям сообщать ему что бы то ни было. Эд немного говорил по-русски, и с первой же встречи у нас установились дружеские отношения. Так что причину бойкота пришлось объяснять мне. Отдавая себе отчет в том, что без военных наблюдателей он потеряет две третьих информации, Эд согласился на условия, поставленные Бомбонато. Начиная с 28 ноября 1994 года в эфир выходили сообщения, согласованные со штабом военных наблюдателей. А после эфира Эд заглядывал к нам и интересовался: «Ну как?». Однажды после очередного ракетного удара по Бихачу он тщательно сверял с нами данные о разрушениях и других деталях удара,

к счастью обошедшегося без жертв. После разговора с редакцией он пришел к нам подавленный — впервые его репортаж не пошел в эфир. Причина была банальна — если нет жертв, то информация неинтересна. Ближе к окончанию блокады, во второй половине декабря, мы с удивлением увидели в новостях «Скай Ньюз» популярного репортера этой телекомпании Остроаута, вещавшего вживую из центра Бихача. По неподтвержденной информации, он пересек линию фронта на вертолете. Была и еще одна уникальная встреча. В разгар боев на западном фронте я встретил около штаба странного, обросшего недельной щетиной иностранца. Он оказался корреспондентом одной итальянской газеты. По его словам, он прошел через линию фронта пешком, договорившись с сербами, с белым флагом в руках. На что только не шли журналисты, чтобы заполучить жареные материалы. С нами же сенсации местного масштаба случались изо дня в день.

ПОЛКОВНИК ЛЕМЬЕ

В день моего рождения Бомбонато решил дать мне отдохнуть и поставил дежурным по Сектору. Раньше воспринимавшийся как тяжелый, теперь наряд дежурного офицера Сектора воспринимался как выходной — по крайней мере, руки отдыхали от баранки, и вестибулярный аппарат приходил в порядок после разбитых горных дорог. Но как оказалось, в тот день мне было не до отдыха.

Здесь необходимо сделать маленькое пояснение к командной структуре Сектора. В октябре со сменой батальонов в анклаве усилили командную вертикаль. Если раньше доминировал командир французского батальона, то с приходом бангладешского батальона в Сектор прибыл канадский полковник Лемье. С первой встречи он показался слегка надутым. У меня возникли ассоциации с маршалом Жуковым. Полковник любил плащ-накидки и постоянно носил на груди бинокль. В статности и обстоятельности его фигуре нельзя было отказать. Водитель-телохранитель с постоянно вскинутой М-16 дополнял картину настоящего военного лидера — полководца. Вот только с войском ему не повезло — командовать бангладешским батальоном ему явно не хотелось. Поэтому основную часть своего времени и сил он посвящал руководству немногочисленным штабом, состоявшим исключительно из натовских офицеров (французов, канадцев, датчан, норвежцев). Единственной боевой единицей под его командованием была группа английского спецназа (из 3 человек), появившаяся одновременно с ним и по первости доставившая нам немало хлопот. На военных наблюдателей Лемье смотрел с интересом, но с некоторой предвзятостью, которая была, видимо, внушена ему генералом Роузом, командовавшим всеми силами ООН в Боснии и Герцеговине (о давней нелюбви генерала к военным наблюдателям я расскажу позже).

Как командир группы с самой большой зоной ответственности, я вместо одного три дня знакомил полковника со вверенными мне просторами и штабами бригад. Первые же недели пребывания в Секторе и, главное, качество нашей работы, глубина

владения обстановкой заставили полковника поверить наблюдателям. Войдя во вкус командования международным контингентом, Лемье почувствовал себя отчасти хозяином положения и начал делать неосторожные заявления на переговорах с командованием 5-го корпуса, а потом разошелся и даже дал интервью местной телекомпании. В столь щекотливой обстановке, когда Бихач был осажден и находился под постоянным обстрелом сербской артиллерии, даже самому искушенному дипломату вряд ли удалось бы найти нужные слова для того, чтобы внушить уверенность местному населению в способность Объединенных Наций остановить кровопролитие. Сам факт того, что полковник пошел на контакт с прессой, говорит в его пользу. Правда, результат оказался обратным. Выступление, показанное по местному телевидению, отрицательно сказалось на нашем положении. Местная детвора, осаждавшая нас еще вчера с криками «гуми-гуми» или «бон-бон — бон-бон», начала бросать в нас камни. Группа, дислоцировавшаяся в Бихаче, подверглась нападению, у машин были выбиты фары и подфарники. Обстановка накалилась.

Пик этой напряженности по стечению обстоятельств пришелся на 6 декабря — мой день рождения. При въезде в г. Цазин машина Лемье была остановлена на блокпосту и, несмотря на все протесты Лемье, подверглась тщательному обыску. Водитель-телохранитель, попытавшийся остановить мусульман угрозой применения оружия, был разоружен. В «результате обыска» около машины была найдена полная, но распечатанная пачка «Мальборо», набитая самыми разными сигаретами, а на полу машины — маленький целлофановый мешочек со светло-коричневым порошком. Лемье, его водитель и переводчица были задержаны и препровождены в местное полицейское управление по подозрению в хранении наркотиков. В то время единственной устойчивой радиосвязью в секторе была сеть военных наблюдателей, и в своих перемещениях Лемье пользовался только ей. И вот во второй половине дня 6 декабря я принял короткое сообщение от полковника Лемье: «Мне нужна помощь». И больше на связь он не выходил, на запросы не отвечал. Бомбонато с Кеном Каннингеном предприняли все возможные усилия к установлению местоположения Лемье. Вскоре из Центрального полицейского управления подтвердили факт его задержания. Бомбонато выехал в Бихач к Дудаковичу, а Кен направил в полицейское управление Цазина все имевшиеся патрули. Когда наши смогли переговорить с Лемье, первое, что он попросил, чтобы переговоры по его освобождению с полицией вел я. Кен снял меня с дежурства, и вместе с моим коллегой Халидом я через четверть часа оказался в участке.

У нас был непревзойденный козырь на руках. У моей группы были очень хорошие отношения с начальником цазинской полиции. Он девять лет провел в Иордании, работая там по контракту, и свободно говорил по-арабски. С Халидом они часенько отрывались в долгих беседах о чем-то своем — то ли о Святом Коране, то ли о женщинах. Так вот, дискуссия об освобождении полковника с нашим появлением плавно перешла на арабский язык, что поставило в тупик главных инициаторов провокации — представителей местной специальной службы. Последние настаивали на личном досмотре полковника, его водителя и переводчицы. Полковник всячески отказывался подчиниться, но в момент нашего появления был близок к тому,

чтобы уступить и разрешить досмотреть своего водителя. Группа местного телевидения была тут как тут, в ожидании горячей развязки. В этой ситуации пространная беседа Халида с шефом полиции, состоявшая из почти непрерывного диалога на арабском с периодическими подмаргиваниями Халида и репликами — все будет хорошо, успокоила обстановку.

В процессе разговора, продолжавшегося часа три, шеф полиции на пару с Халидом, к ужасу местных контрразведчиков, выкурили почти всю пачку «Мальборо», являющуюся вещественным доказательством. К приезду начальника контрразведки 5-го корпуса мы были уже почти на пороге участка, когда вновь прибывший предложил Лемье сделать письменное заявление, которое бы просто констатировало, что при осмотре его машины был обнаружен пластиковый пакет с неустановленным порошком светло-коричневого цвета. Нам это стоило еще часовой дискуссии, точку в которой поставил звонок Бомбонато из кабинета Дудаковича. На следующий день Лемье зашел в наш дежурный штабной контейнер и с чувством собственного достоинства изрек: «Какая все-таки у нас дружная команда — бангладешский батальон, штаб Сектора ну и военные наблюдатели». После его ухода Бомбонато для всех передел: «Это он хотел нас всех поблагодарить за освобождение».

В дальнейшем курьезы с Лемье продолжались. Как-то во время интенсивных обстрелов анклава сербской артиллерией крайние сербы перенесли огонь на окрестности цазинского аэродрома, где и находился лагерь бангладешского батальона и штаб сектора. Однажды нам пришлось даже провести пару часов в специально построенном убежище. Так вот, Лемье направил в офис ООН на сербской стороне телеграмму дословно следующего содержания: «Прошу Вас вступить в контакт с сербским командованием и потребовать от него, чтобы артиллеристы АРСК перенесли артиллерийский огонь, скажем, на 500–1000 метров южнее, чтобы не подвергать опасности персонал ООН». Дело в том, что при такой корректировке снаряды бы легли точно в центр деревни.

ГЕНЕРАЛ С МИТ

В продолжение артиллерийской темы вспоминается эпизод, в котором Лемье сыграл не последнюю роль. Этот эпизод может служить учебным примером для будущих поколений военных наблюдателей.

Так вот, 21 января 1995 года в районе аэродрома г. Цазин разорвалось с десяток артиллерийских снарядов. В то время действовало соглашение о прекращении огня между боснийскими сербами и мусульманами, заключенное при содействии бывшего президента США Д.Картера. Факт обстрела незамедлительно вызвал бы бурную реакцию как у мусульман, так и в руководстве миссии — встал вопрос о нарушении перемирия и возмездии боснийским сербам. Лемье получил приказ из Загреба немедленно провести расследование и доложить о результатах в течение часа. По стечению обстоятельств я был в этот момент в штабе Сектора. Мой напарник был дежурным по штабу, а в одиночку, по правилам ООН, патрулировать мы не имели

права. Все патрули были на позициях и в течение установленного штабом Миссии времени прибыть на место не могли. Лемье лично инструктировал меня и на мои возражения, что я не имею права проводить подобное расследование в одиночку, просто отмахнулся. Вдвоем с переводчицей я прибыл на место и в сопровождении начальника аэродрома и его людей тщательно изучил все воронки. Проанализировав все параметры: форму воронок, направление разлета осколков, я определил азимут на предполагаемые огневые позиции. Все указывало на то, что стрельба велась сербскими частями с территории, контролируемой АРСК.

Здесь нужно пояснить, что анклав Бихач был настолько небольшим по размерам, что мог простреливаться обеими сербскими группировками (я даже был свидетелем того, как ракета боснийских сербов перелетела через весь анклав и взорвалась на позициях крайних сербов). Ровно через час я уже докладывал Лемье о результатах расследования. Сидя в парикмахерском кресле и глядя на меня через зеркало, он переспросил, даю ли я стопроцентную гарантию правильности выводов. На что я ответил ему, что других выводов у меня просто нет. Странным в этом обстреле было то, что на аэродроме разорвалось с десяток снарядов трех разных калибров — от 105 до 130 мм. Это и вызвало некоторое сомнение в штабе Миссии, когда вечером они получили полный доклад. Но тем не менее сам факт такого доклада лишал всех жаждущих повода обвинить боснийских сербов в срыве перемирия. Тем не менее, как выяснилось позже, просто так этот эпизод не мог быть забыт в штабе Миссии.

Через десять дней мы получили телеграмму о предполагаемом визите нового командующего силами ООН в Сараево английского генерала Лейтона Смита. Визит был расписан по часам, и на 13:00 было запланировано посещение Сазинского аэродрома, где командир группы «Бузим» майор Тарусин (Россия) должен был провести демонстрационный анализ воронок от 21 января того же года. Можете представить, как мне сразу «захотелось» провести этот показательный анализ. Ведь при проведении расследования в тот январский день я нарушил главное правило Миссии — непредвзятость, что обеспечивалось присутствием не менее двух наблюдателей из разных стран — с точки зрения любого натовца русский офицер не мог считаться непредвзятым при рассмотрении вопроса о виновности или невиновности сербской стороны. В тот напряженный период все патрули были у нас на счету, и я смог убедить своего друга и начальника новозеландца Кена Каннингена в том, что я должен быть в указанное в телеграмме время в дальнем уголке нашего анклава. Он согласился взять на себя миссию по демонстрации. Я провез его по всем местам, которые следовало показать генералу, и внутренне успокоился. В день прилета Смита я с утра пораньше уехал в Бузим на переговоры с командиром 505-й бригады. Однако уже там меня достал по радио Кен и сообщил, что генерал уже прибыл и на ознакомительном брифинге напомнил об аэродроме, и потребовал, чтобы анализ проводил именно тот самый русский, который делал это 21 января. Отступить было некуда, я едва успевал к установленному времени прибыть на место. По дороге, остановившись в лесу, мы нарезали шесты, необходимые по правилам изучения воронок (обычно в горячке боевой обстановки мы пренебрегали такими мелочами, да и глаз был уже так набит, что в большинстве случаев мы могли без лишних проволочек сказать, откуда что

прилетело). На аэродроме нас уже ждало все командование «аэрокосмических сил» 5-го корпуса. Со своим напарником я обошел еще раз всё те же воронки, которые уже потеряли свою свежесть и контуры. Тем не менее я чувствовал себя вполне уверенно, был в состоянии убедить в своей правоте любого. Почти в установленное время появился эскорт генерала в сопровождении Лемье, группы телохранителей и телевизионной группы ООН.

Представившись по полной форме, я начал свой доклад о событиях 21 января, что было не очень приятным делом в присутствии всей толпы и работающей телевизионной камеры. Тем не менее я относительно спокойно показал генералу шаг за шагом все свои действия по изучению двух воронок. Остановив мой порыв перейти к следующей воронке, которая к тому же была залита водой, Смит задал ожидаемый мной вопрос, почему обстрел был произведен из орудий столь разного калибра. Мой уверенный ответ (как учили в Военном институте иностранных языков), что в сложившейся в АРСК ситуации многие батареи укомплектованы по смешанному принципу, и что, «по имеющимся у нас данным», именно такая батарея находится в том месте, на которое указывают определенные мной азимуты, удовлетворил генерала. Далее последовал вопрос, который свидетельствовал о завершении официальной части. Генерал поинтересовался, почему русский офицер носит американские полевые ботинки и откуда они у него. На это я ответил, что в условиях блокады трудно было найти родную обувь при отсутствии складов русского обмундирования и что ботинки в каком-то смысле — подарок от полковника Кадафи, на которого я имел удовольствие работать лет десять назад. Это и удивило, и рассмешило генерала. Он стал расспрашивать меня о моей предыдущей службе, и когда выяснилось, что мы в некотором смысле вместе участвовали в операции «Буря в пустыне», все сомнения были развеяны. Мы расставались почти соратниками по оружию. Проводив генерала до машины, я был перехвачен Лемье, который не старался скрыть своего удовольствия от увиденного. Генерал Смит оставил у меня впечатление эдакого открытого человека, генеральского в нем были, наверное, только глаза, которые излучали волю и решительность. Седые волосы, длинноватые для военной прически, придавали его внешности какую-то нарочитую небрежность бывалого генерала на пенсии. Вот этой своей простотой и доступностью он разительно отличался от своего предшественника генерала Роуза. Последующие события, однако, изменили мое благодушное отношение к этому человеку. Но об этом позже.

ГЕНЕРАЛ РОУЗ

Встреча с этим джентльменом произошла у меня 28 декабря 1994 года. Попытки проехать в осажденный анклав и своим авторитетом решить вопрос снятия блокады предпринимались Роузом несколько раз. Был случай, когда генерал целый день провел на сербском контрольном пункте, а мой патруль, сопровождавший полковника Лемье, находился на противоположной стороне — на мусульманском блокпосту. В конце концов Майкл Роуз на вертолете прорвался в Бихач, но лишь

при взаимном согласии всех вовлеченных в конфликт сторон. Я не знал генерала лично, не особенно старался узнать подробности из его военной и политической биографии. Однако я был наслышан о его крутом нраве, решительности и жесткости занимаемых им позиций. Кроме того, в Миссии его отличала открытая нелюбовь к военным наблюдателям.

Эта нелюбовь происходила из одного эпизода, чуть не стоившего генералу политического лица. Однажды один патруль военных наблюдателей доложил о движении сербских войск в направлении мусульманского населенного пункта. Каким-то образом эта информация попала очень быстро в штаб миссии военных наблюдателей в Сараеве и была положена на стол генерала. В тот период в практику миротворчества уже вошли удары натовской авиации. И генерал запросил воздушную поддержку на основании этого сообщения, одновременно потребовав перепроверить информацию. Сделай он это в обратной последовательности, ошибки можно было бы избежать. Однако пока запрос дошел обратно до того самого патруля, наблюдатели сообщили, что никакого сербского наступления в том районе нет, а предыдущий доклад был сделан по косвенным данным. К сожалению, удар остановить уже не успели. С тех пор генерал смотрел на информацию наблюдателей очень скептически. Более того, он создал собственную службу разведки и наблюдения в Боснии и Герцеговине (JCO), укомплектованную высококлассными специалистами — офицерами и унтер-офицерами батальона специального назначения (SAS) — элиты армии Ее Величества.

После того случая генерал очень ответственно относился к принятию решения на применение воздушных ударов. И в схеме «двойного ключа» (НАТО — ООН) генерал был постоянным стопором, чем вызывал раздражение у своих натовских коллег. Это, пожалуй, все, что я знал о генерале до встречи с ним.

Итак, 28 декабря 1994 года генерал все-таки добрался до Бихача. Накануне Кен Каннинген предупредил меня, чтобы я подготовил два джипа своей группы для встречи и эскортирования генерала. Кен предупредил, что генерала повезет он, а мне доверят помощника генерала и офицера по связи с прессой UNPROFOR, английского полковника. Вертолет с генералом прибыл в назначенное время. Ни с кем не здороваясь, генерал быстро сел в джип Кена, я в свой автомобиль принял полковника. Конвой состоял из четырех джипов: первый — джип охраны, второй — джип Кена с генералом, в третьем — полковник и я, в четвертом — пресса. Так как генерал должен был засветло покинуть анклав, времени у нас было немного. Принципиально проигнорировав военных наблюдателей, генерал встретился с офицерами бангладешского батальона, «высоко оценив их работу». После этого быстрым броском мы доставили его в штаб 5-го корпуса на встречу с Дудаковичем. Кен возглавил кортеж и гнал что было сил. Надо сказать, что приезд генерала ожидался в Бихаче давно, и поэтому вдоль дороги стояло много жителей, вышедших поприветствовать его. Нечищенные дороги, превратившиеся из-за оттепели в реки снежной каши, явно сыграли злую шутку с генералом. Его приезд позже многие вспоминали больше как холодный душ у дороги. После официальной встречи с Дудаковичем предстояло метнуться через весь анклав на север на встречу с мятежным Ф.Абдичем. Тут-то и произошел досадный инцидент. Уже проехав Цазин, на одном из горных участков дороги Кен неожиданно потерял управление. После

очередного крутого поворота я увидел несущуюся в обратную сторону и крутящуюся машину Кена. Джип охраны, чтобы избежать столкновения, ушел в правую обочину и нырнул в кювет, благо обрыв был слева, я проскочил между машиной Кена и джипом охраны. Кену все же удалось удержать машину на дороге. До КПП и линии фронта с Абдичем мы добрались в усеченном составе — без охраны. Генерал без комментариев пересел в БТР-60 ПБ и направился через линию фронта, мы же остались его ждать. Пережевывая сухой паек, я спросил Кена, что же случилось с ним на дороге. «Ты представляешь, — с обидой в голосе сказал он, — Роуз в процессе разговора переспросил меня: „Так вы из Австралии?“ Ну тут у меня руки на руле и дрогнули!».

Вся жизнь военного наблюдателя состоит из подобных ситуаций. Каждую минуту нужно быть готовым к нестандартному развитию событий. При этом самым важным остается умение находить общий язык с незнакомыми, и порой агрессивно настроенными людьми.

Мое искреннее убеждение состоит в том, что ситуация в Боснии и Герцеговине нормализовалась не только и не столько благодаря Дэйтонским соглашениям и активному вмешательству НАТО, а в результате продолжительной работы большого контингента ООН, и не в последнюю очередь военных наблюдателей. Ведь именно они проникали в самые удаленные и опасные уголки зоны боевых действий, одни и без оружия, помогали самим своим присутствием останавливать кровопролитие, решать гуманитарные вопросы.

Д. В. ЯХНОВ

ИЗ АЛБАНИИ В КОСОВО

На прошлой неделе мне посчастливилось побывать в Косове по работе. Было решено ехать на машине. Дорога предстояла неблизкая — от Тираны до границы с Косовом порядка 250 километров, но так как дорога проходит в горах, а маршрут прокладывался еще в девятнадцатом веке австрийскими войсками, то и занимает дорога около шести часов. Во времена диктаторского правления Ходжи в дороги никто не инвестировал, так как машин в частном пользовании не было, ибо любая частная собственность была незаконной, за границу никто не ездил (оттуда тоже никто не приезжал), а прямые дороги трактовались как потенциальная возможность для приземления вражеских самолетов. Поэтому на протяжении всей дороги через каждые сто или двести метров следует поворот, и уже через час-другой поездки начинаешь чувствовать себя, мягко говоря, не очень хорошо.

Яхнов Дмитрий Викторович — закончил Международный университет Кыргызстана (МУК) в 1998 году по специальности «Компьютерные информационные системы». С августа 1999 года работал в офисе Программы Развития ООН (ПРООН) в Бишкеке (Кыргызстан) в должности «Администратор компьютерной сети». В апреле 2003 года стал волонтером ООН и получил назначение на должность «Начальник отдела информационных технологий» в офисе ПРООН в Тиране, Албания. Волонтеры ООН — сотрудники ООН, которые работают на добровольной основе, т.е. без зарплаты и не обладают практически никакими привилегиями других сотрудников ООН.

Спустя пару часов с начала нашего путешествия при очередном повороте налево в нас на полном ходу, выехав на нашу полосу движения, врывается «мерседес». Наш водитель немного успел увернуть наш джип вправо, и удар пришелся в левый угол бампера. Передок «мерседеса» был помят основательно, смялся капот и треснул радиатор. На нашей же машине были только царапины на бампере, даже несмотря на то, что он был сделан из пластмассы. Поняв, что у нас никаких повреждений нет, водитель «мерседеса» предложил разойтись по-мирному, без полиции. На это наши сотрудники почти уже согласились, но спросили меня: «Что делать? Может, поедем дальше?». Водитель на мой вопрос: «Какие у тебя инструкции? Что делать при аварии?» — что-то пробубнил себе под нос. Было решено связаться с офисом, который после совещания с офицером ООН по безопасности сообщил, что в любом случае нужно вызывать полицию и составлять протокол. Таким образом, мы потратили еще почти два часа на ожидание полиции и «разбор полетов» — фотографирование места аварии, составление протокола и написание объяснительных. Меня больше всего поразило то, что все проезжающие мимо машины либо притормаживали и очень медленно проезжали мимо нас, при этом водители почти по пояс высывались из окна, либо машины вообще тормозили невдалеке, и водители шли посмотреть и узнать, что же такое произошло и как они могут помочь.

Подъезжая к городу Кукес, который находится невдалеке от границы с Косовом, по дороге нам часто стали встречаться дети, продающие все что можно — яблоки, зеленую хурму и айву, грецкие орехи и другие дары природы, растущие в той местности. В самом же городе на одном из перекрестков мы встретили корову, мирно прогуливающуюся по улицам.

Кстати, для тех, кто не в курсе: в Косове управлением страны занимается специальная миссия ООН UNMIK (United Nations Mission in Kosovo), и только недавно было принято решение о постепенной передаче управления всенародно избранному правительству. Сколько это займет времени и когда ООН покинет Косово, не знает никто. В августе же Сербия официально заявила, что Косово — это неотъемлемая историческая часть Сербии и территорию надо объединить. На это заявление косовары (так называются албанцы, живущие в Косове) ответили, что тогда будет новая война, и стали опять собирать партизанские отряды. Так что сейчас обстановка в регионе опять нестабильная — в Македонии тоже собираются партизанские отряды для «Народной армии освобождения Албании» (точного названия я не знаю, но что-то в этом роде, бывшая УЧК). Также обстановку накалили недавние убийства международных полицейских ООН. На одном из тел была найдена записка с примерно таким содержанием: «До тех пор, пока ООН не уберется из Косова, мы и дальше будем убивать вас». Косовары почему-то думают, что ООН придерживается стороны сербов, хотя это и не так. Что же будет дальше, пока никто не знает.

Визы в Косово не нужны, однако на границе полиция может не пропустить тебя, если посчитает это необходимым. Нас пропустили без проблем, даже не проверяя машину. Что поразило, так это погода. Если на территории Албании она

была солнечной, то сразу же после пересечения границы мы оказались в холодной и пасмурной стране. По дороге стали встречаться легкие бронированные машины с различными флагами на борту — швейцарскими, шведскими, немецкими и другими. Это был КФОР (KFOR) — коалиционные миротворческие силы ООН. Вообще же на территории Косова очень много ооновских машин — белых джипов (в основном «Toyota») с черными буквами UN на боку, а также бело-красных джипов с мигалками — полиции ООН (которые народ между собой называет «Кока-кола» из-за своей раскраски).

За пару дней до поездки мы выяснили, что стоимость зарезервированного отеля составляет 80 евро в сутки. От своих коллег, работавших в прошлом или бывших в Косове, я узнал, что стоимость совершенно не соответствует уровню и качеству номеров и обслуживания, но почти все отели явно завышают цену, так как основными постояльцами являются сотрудники иностранных миссий, у которых нет проблем с деньгами. Вообще же почти все цены в Косове завышены и ориентированы на международный контингент. Все Косово страдает от перебоев в подаче электричества и соответственно воды. Если в Албании свет могут отключать на несколько часов, то в Косове свет зачастую включают на несколько часов, особенно в зимний период. Люди рассказывали, как приходится коротать долгие вечера без света за разговорами. Из-за проблем с электричеством люди стараются не пользоваться лифтами, ведь, застряв, в нем можно провести немало времени. Как и в Албании, почти все новостройки сделаны из бетона, что еще более усугубляет обстановку с сохранением тепла в зимний период.

По причине приезда Билла Клинтона в Приштину КФОР прочесывал улицы в вечернее время и временно перекрывал дороги. Клинтон же среди косоваров почитается как идол, они даже повесили двадцатиметровый плакат с его изображением на стену одного из домов.

Хотя косовары и говорят на албанском языке, но все же различие в языках есть. Различия небольшие, но они почему-то вызывали животный смех у албанцев. Могу только уточнить, что коренные албанцы относятся к косоварам как к низшей касте, как из-за их поведения, так и из-за языка. В разговорах с коллегами по офису мне удалось выяснить, что практически все коренные албанцы категорически против создания Великой Албании, за что борется Освободительная армия Косова.

В пятницу вечером вместе со своей коллегой по бишкекскому офису Джамилей Джусаевой, которая сейчас работает в Косове, мы поехали в Призрен, городок, расположенный между Приштиной и Кукесом, для того, чтобы встретиться с еще одним нашим соотечественником — Нурканом, который работает полицейским ООН. Там мы познакомились еще с двумя мировыми людьми — россиянами Леонидом из Астрахани и Николаем с Алтая. Поев осетровой ухи, выпив за знакомство, за недавно родившуюся дочь Леонида, за дружбу народов и прочее, закусив щучьей икрой, мы прямо ночью поехали посмотреть на старинную площадь города — Шандерван, где стоит мечеть, возраст которой порядка 600 лет.

Утром, в сопровождении полицейской машины ООН с включенными мигалками, Джамиля довезла меня до места, где меня на машине поджидали мои коллеги, чтобы

вместе отправиться в обратный путь в Тирану. Проделав нелегкий путь в шесть часов, мы благополучно добрались до столицы Албании, по дороге став свидетелями двух аварий, едва не став участниками третьей.

21 сентября 2003 г.

Трибунал в Гааге. Личные впечатления

В феврале 2003 года я выступала в Гаагском трибунале в качестве научного эксперта. Защищала генерала Станислава Галича, обвиненного за блокаду Сараева, снайперскую стрельбу и т.д. Впечатлений много и разных — и о том, как работает трибунал, и о качестве процесса, о сербском генерале Станиславе Галиче, которого мы защищали, и о команде профессионалов-адвокатов. И почти нет — о городе, который я так и не успела посмотреть.

Хочу сразу заметить, что я не могу сегодня, пока не закончился суд над генералом Галичем, высказываться остро критически по поводу Трибунала и процесса, в котором участвовала. В данном случае искренне боюсь навредить генералу.

Генерал Галич, который командовал сараевско-романийским корпусом в районе Сараева в 1992–1993 гг., был арестован натовцами в БиГ 20 декабря 1999 г. Его обвиняли «в преступлениях против человечности и нарушениях правил ведения войны», в организации снайперской стрельбы против гражданского населения Сараева, в блокаде и обстреле Сараева.

Процесс начался 3 декабря 2001 г. Судей трое — Альфонсус Ори (Orie) из Нидерландов, Мохамед Эльмахди из Египта и колумбиец Рафаэль Нието-Навиа. Сегодня можно говорить о том, что дело движется к завершению. Обвинение свою «работу» уже закончило: заслушано около 120 свидетелей, несколько экспертов.

Я приехала в Гаагу 9 февраля, когда своих свидетелей представляла защита. Генерала защищают Мара Пилипович из Белграда и швейцарец Стефан Пилетта-Занин. Есть у них несколько добровольных помощников, но силы явно не равны. Обвинение укомплектковано мощнее, располагает большим штатом помощников. Несмотря на трудности, адвокаты работают дружно, высокопрофессионально, бескорыстно, не дают себе ни перерыва, ни отдыха. Перед судом уже прошли 60 свидетелей (среди них, кстати, были двое русских и двое украинцев), суду предложено заслушать 6 экспертов — баллистов, медиков, юристов, военных, психологов. Я представляла историческую науку, говорила об истории развития кризиса, делая упор на роли международных организаций в кризисе в Боснии и Герцеговине. Эксперты говорят после свидетелей. Останется еще заслушать заключительное слово обвинения, защиты, и затем будет вынесен приговор.

Когда тыходишь в здание Международного трибунала в Гааге, то нигде не можешь ходить без сопровождения. Одна девушка ведет тебя от входа до комнаты свидетелей, другая обслуживает в процессе ожидания и перерывов, помощник судьи тебя сопровождает в зал заседания. В комнате свидетелей тебя закрывают на ключ, ты ждешь своей очереди или отдыхаешь в перерыве заседания. Комнатка маленькая — 5 на 4 моих женских шага. В ней — диван, кресло, стул, небольшой журнальный стол, холодильник с фантой и колой. Окно зашторено. Скрашивают твоё ожидание всегда горячий кофе в кофеварке, кипяток для чая. На полочке — игры: шахматы, нарды, карты. Есть ручки и блокноты, несколько хорватских журналов. Если надо выйти в туалет, то звонишь по местному телефону, и сразу появляется девушка, которая ведет тебя длинными коридорами, открывая своей карточкой несколько дверей. Серьезное дело. Сам не пройдешь. Мне пришлось 10 февраля прождать в этой комнате с утра и до двух часов дня, поскольку предыдущего эксперта — баллиста из Белграда — судьи допрашивали очень серьезно. Моя очередь в тот день так и не наступила. А на следующий день был выходной — ООН и все международные организации отмечали Байрам. Меня начали слушать, а это к обиде эксперта называется «перекрестный допрос», только в среду, 12 февраля. В начале заседания ты повторяешь клятву говорить только правду и ничего кроме правды. После этого ты уже ни с кем не можешь общаться — ни с адвокатами, ни с работниками суда. И сколько бы дней ни продлился допрос, ты находишься в полном одиночестве.

Я представила экспертизу на 120 страницах на сербском языке. Затем она была переведена на английский. После ознакомления с текстом суд согласился допросить эксперта. Я видела свою задачу в том, чтобы объективно показать развитие событий, уйти от «официальной» версии, которая часто грешит субъективизмом и схематизмом, представить суду аргументы, которые бы поколебали их «установку», даже попытаться найти новые документы, на которые суд не обращал внимания. Писала я о причинах кризиса в Боснии и Герцеговине, о раскладе политических сил в 1990–1992 гг., о сути конфликта и военных столкновений, позиции сторон и их вооружении, деятельности международных организаций по урегулированию конфликта (всех шести планов), о ситуации в Сараеве. Здесь особое внимание было уделено страданиям сербов, которых тысячами убивали в 1992–1993 гг. в Сараеве. Об этом вообще мало кто писал, а документов существует много. И так далее. Вопросов поднималось много, но все они, так или иначе, касались предмета обвинения.

Эксперт подвергается допросу со всех сторон: сначала задают вопросы адвокаты, потом — обвинение, затем — судьи, затем снова защита, обвинение, снова судьи. Адвокатам ответили на мое заслушивание 1,5 часа. Вместе с тем, уже после вопросов защиты, меня допрашивали два дня. Трудность заключалась в том, что эксперт не имеет права пользоваться конспектами, записями, другими бумагами. Перед ним — только текст экспертизы. Поэтому приходилось держать в голове большое количество данных — цифр, дат, имен, цитат, резолюций, сносок, текстов документов. Надеюсь, что аргументы экспертизы были полезны суду. У них есть возможность показать свою объективность. Воспользуются ли они ею?

Если говорить о том, как себя вел генерал Галич на процессе, то генерал выглядел спокойным, хотя и несколько усталым. Он внимательно следил за перепалкой сторон, постоянно переговаривался с адвокатами, вел свои записи. Могу рассказать об одной приятной для меня вещи. В конце второго дня заседаний генерал написал мне благодарственное письмо и передал его через адвокатов. Очень тронули следующие слова: «Большое счастье, что Вы здесь сказали правду...», «Очень Вам благодарен от имени всех сербов и своего личного имени...», «Было бы большой ошибкой для Вас, а особенно для нас, если бы Вы не появились в качестве эксперта здесь в суде...».

Сложно пересказать все вопросы, которые мне задавали. Остановлюсь на основных. Я пыталась обратить внимание суда на то, что прослеживается определенная закономерность в создании провокаций, за которыми следовало наказание лишь одной стороны конфликта — сербов. Так, за взрывом в очереди за хлебом на улице Васе Мискина в Сараеве 27 мая 1992 г., в котором были обвинены сербы, последовало введение санкций против Югославии 30 мая; после первого взрыва на рынке Маркале 5 февраля 1994 г., в котором опять же обвинили сербов, последовало начало участия НАТО в бомбежках сербских позиций. Маркале-2 по той же схеме произошел в августе 1995 г. И хотя российским офицерам удалось доказать невиновность сербов*, наказание все-таки последовало. Их натовцы бомбили после этого случая уже две недели.

О введении санкций, о взрыве на ул. Васе Мискина и Маркале-1 мы дискутировали в Трибунале два дня. Я пыталась доказать, что существуют высказывания высокопоставленных деятелей международных организаций, согласно которым в ООН были первоначальные экспертизы баллистов, доказывающие невиновность сербов. Об этом писали и говорили Дэвид Оуэн, Ясуши Акаши, Майкл Роуз, лорд Каррингтон. Лорд Оуэн в своей книге даже называет причины, по которым эти сведения скрывались от общественности. Суду бы надо затребовать те документы в архиве ООН. В этом и должна, на мой взгляд, проявиться объективность трибунала. Но особого желания у судей «копать» в этом направлении я не заметила. Чаще вопросы касались мелочей — уточнение страниц, источников, кавычек в цитатах, опечаток, адекватности сербского и английского переводов. Особенно некомпетентным выглядели представители обвинения. Даже доставляло удовольствие разбивать их аргументацию, поскольку они плохо владели материалом, если он выходил за рамки существующей в их головах схемы.

* См. воспоминания А.В. Демуренко, с. 63–67

Многие, кто выступает в Трибунале или как свидетель, или как эксперт, часто не задумываются о том, что любое показание, подтверждение вины или злодеяния, распространяется на всех, кто обвиняется по этому региону. Так, например, признание Биляны Плавшич в том, что она якобы виновна в геноциде, автоматически ляжет в основу обвинения Караджича или Милошевича. Нужно сказать, что Слободану Милошевичу приходится в суде очень трудно. Тот огромный объем работы, который обычно ложится на команду адвокатов, он вынужден делать сам. А это не только подготовка к заседанию, но и учет документации, направление жалоб и требований, просмотр тысяч страниц документов, которыми постоянно обмениваются обвинение и защита. Одному человеку это безумно тяжело. А Милошевич имеет проблемы со здоровьем. Как это совместить? Он прав только в одном — никто лучше него не знает тех событий, которым он был не только свидетель, но дирижер. Ему не нужны эксперты, а свидетелями должны стать люди его уровня — руководители государств, международных организаций, с которыми он постоянно контактировал и которые заставляли его идти на уступки. Сегодня об уступчивости Милошевича мир забыл. А ведь ради обещания смягчить санкции он шел на многое — не поддерживал сербов в Краине, поставил блокаду на границе с сербами из Боснии, прервав с ними отношения, подписал все унижительные для сербов соглашения в Дейтоне и т.д.

МТБЮ практически не ведет дел по преступлениям, совершенным мусульманами, хорватами, албанцами и т.д. Трибунал в принципе исходит из того, что сербы во всех войнах были агрессором или что в подавляющем большинстве они совершали военные преступления, в то время как другие воевали как бы в лучшем смысле этого слова. Штамп о виновности сербов сложился еще в 1991 г. Его, к сожалению, сегодня очень трудно переломить. Ведь над его созданием работали долго и упорно как субъекты конфликта, так и многие международные организации. Сейчас все делается для того, чтобы сформировать у сербов «комплекс вины» за все, что происходило на Балканах в 90-е гг. Кстати, белградские власти вовсе не возражают против этого, связывая тот период с именем и виной Слободана Милошевича.

Если это произойдет, то Сербия и Черногория будут вынуждены платить контрибуцию другим республикам. Но страшнее другое — на многие годы клеймо преступников ляжет на весь сербский народ, а международные организации и НАТО получат еще одно доказательство своей правоты в наказании Сербии — и санкциями, и блокадой, и бомбежками. Последствия этого варианта событий крайне тяжелые. Пожелаем Сербии и Черногории, чтобы этого никогда не случилось, чтобы истина восторжествовала.

Март 2003 г.

К. Б. Качалин

КАРЛА ДЕЛЬ ПОНТЕ ЗАЩИЩАЕТ МУСУЛЬМАН И ХОРВАТОВ

ЗАМЕТКИ СВИДЕТЕЛЯ ПО ДЕЛУ
СЕРБСКОГО ГЕНЕРАЛА ГАЛИЧА

Международный трибунал по бывшей Югославии в Гааге давно превратился в судебный конвейер, на котором по отработанным схемам пытаются строго наказать только тех, кто, по мнению Запада, виноват в трагических событиях на Балканах. Главный прокурор трибунала Карла дель Понте считает, что основная вина в войнах в бывшей Югославии лежит только на сербах. К мусульманам и хорватам в Гааге почему-то относятся как к жертвам войны. Среди главных обвиняемых экс-президент Югославии Слободан Милошевич, процесс над которым длится уже больше года. Но сломать Милошевича оказалось не так просто. Он успешно защищается и из обвиняемого давно превратился в обвинителя. Доказательств вины Милошевича становится все меньше и «процесс века» в Гааге явно проваливается. Милошевич оказался слишком сильным противником для Карлы дель Понте. В октябре 2002 года МТБЮ пригласило меня в качестве свидетеля по событиям в Боснии и Герцеговине в 93–95 годах. В то время я работал корреспондентом радиостанции «Маяк», и мне часто приходилось бывать в Сараеве.

Генерал Станислав Галич — командующий сараевским корпусом, с которым с апреля 1992 по ноябрь 1995 воевала мусуль-

Качалин Константин Борисович — российский журналист, в годы кризиса много времени провел на Балканах.

манская армия. Суд над генералом Галичем начался в декабре 2001 года, и все это время в зале выступали свидетели обвинения, которые пытались доказать, что генерал Галич превратил Сараево в блокадный город, в котором методично уничтожалось только мусульманское население.

ООН и НАТО уже больше пяти лет никак не могут арестовать Радована Караджича и Ратко Младича. Их считают главными обвиняемыми, но для Гааги они недосягаемы, и поэтому вся злоба суда выплескивается на Станислава Галича. Ведь если процесс и над ним пойдет не по сценарию Карлы дель Понте, то многочисленные гаагские бюрократы, а их в Трибунале около двух тысяч, могут остаться не у дел. К показаниям свидетелей защиты, которые по «делу генерала Галича» начались лишь в середине октября 2002 года, судьи и обвинитель отнеслись с особым предубеждением. Но при этом они умело создавали видимость независимости. К показаниям российского журналиста, а я был первым представителем СМИ РФ, который выступал в Гааге, у них было очень много вопросов. В частности, их особо интересовали детали моего первого посещения Сараева в июле 93 года.

Я подробно рассказал суду о том, как проходила встреча с мусульманским лидером Алией Изетбеговичем, который хвастался тем, что Боснию поддерживает весь мусульманский мир. Говорил он и о том, что в Сараеве много специалистов из исламских стран. Уже позже я узнал, что эти «специалисты» готовили «кровавые трагедии», которые должны были «удивлять» весь мир и доказывать европейской общественности, что мусульман нужно защищать «любой ценой».

После подписания Дейтонского мирного договора в конце 1995 года президент Боснии Алия Изетбегович и премьер-министр Харис Силайджич не раз признавались в том, что боснийские спецслужбы устраивали кровавые провокации, в которых страдали ни в чем не повинные жители Сараева. Так было в начале 1994 года на рынке Маркале, когда погибло свыше 40 человек. Минометный обстрел организовали сами же мусульмане, а вину возложили на сербов, и в частности на генерала Галича. Все это делалось для того, чтобы Запад и исламские страны требовали сурового наказания сербов. В августе 1995 на том же рынке Маркале провокация была повторена. Тогда погибло 37 человек. И натовская авиация в «отместку» разбомбила чуть ли не половину «сербского Сараева».

Но об этом почему-то в Гааге не захотели узнать мнение российского журналиста. Всю войну информацию о Сараеве давали только корреспонденты Си-эн-эн, Би-би-си и АРД. Других тележурналистов, а тем более российских, мусульмане в город старались не пускать.

Председательствующий судья голландец Альфонс Ори очень внимательно расспрашивал меня о том, каким я увидел город Сараево, встречал ли я вооруженных мусульман, с кем из жителей столицы мне удалось встретиться и о чем мы говорили и так далее. Скорее всего, господин Ори хотел убедить своих коллег и обвинителя в том, что российский журналист занимает слишком просербскую позицию.

После шести часов свидетельских показаний в Международном трибунале в Гааге и разговоров с другими свидетелями у меня создалось впечатление, что боснийские мусульмане для МТБЮ это каста неприкасаемых и суд не хочет понять, что в Боснии

шла настоящая гражданская война, в которой сербы вынуждены были не только нападать, но и обороняться. Ведь мусульмане, несмотря на все запреты ООН, были прекрасно вооружены, у них было налажено производство оружия, и им помогали исламские страны не только многомиллиардными инъекциями, но и наемниками, которые с особой жестокостью боролись с неверными. Но сейчас об этом ни Карла дель Понте, ни ее помощники стараются забыть навсегда. Для них куда важнее перевести стрелки на Слободана Милошевича, Станислава Галича и других сербских политиков и генералов для того, чтобы доказать: Запад был прав в середине 90-х годов, когда встал на сторону боснийских мусульман. Признать свои ошибки сегодня ни Гаага, ни Вашингтон, ни Нью-Йорк никак не хотят.

А. Л. ЗЕЛИЧЕНКО

КОСОВСКИЙ ДНЕВНИК

*Памяти погибшего в Косове
друга Данияра Дубанаева
посвящается...*

Январь 2000-го

Отдадим должное нашей дипломатии — державно осознав выгоду от «голубых беретов», от участия Кыргызстана в миротворческих операциях (предоставив свой миротворческий контингент, Кыргызстан первым из центральноазиатских государств получил возможность выдвигаться в ооновскую элиту — Совет Безопасности), мидовцы обратились к силовикам. МВД откликнулось незамедлительно.

Узнав о наборе в Косово, я тоже «впрягся».

Александр Леонидович Зеличенко родился в 1957 году в Киргизии. Полковник милиции, член Союза журналистов. В органах внутренних дел без малого 30 лет. В послужном списке — оперуполномоченный уголовного розыска, начальник городского отдела милиции, ОУР УВД области. Возглавлял республиканскую службу борьбы с наркобизнесом, Главный штаб МВД Кыргызской Республики. В 2003 году защитил диссертацию на тему: «История афганской наркоэкспансии 1990-х годов». С 2000 года в составе миссий ООН, ОБСЕ на Балканах. Служил полицейским-миротворцем в Косове, там же преподавал в полицейской школе. Был полицейским советником в Македонии. С мая 2002 года руководил группой международных полицейских инструкторов ОБСЕ в постконфликтной южной Сербии.

Март-апрель

Готовимся. Группа — восемь человек, молодежь. Трое хорошо зарекомендовавших себя на сыскной работе выпускников турецкой полицейской академии, по одному из Интерпола, Управления кадров, кримотдела. Возглавил группу заместитель начальника Главного штаба Кудрат Каримов. Толковый профессионал и старый приятель, в прошлом году он был в числе ездивших в Косово, но провалил обязательный английский на отборочном экзамене.

Ребята занимаются со специально приглашенным преподавателем. Игнорирую, уповая на свой «продвинутый» English...

Май

Ловим известие: комиссия из ООН будет принимать экзамены на месте — так дешевле. Дома переполох. На семейном совете решили, что экзамены надо сдать, а там посмотрим. Тут еще одна новость: предлагают должность замначальника Академии МВД. Солидно, конечно, но ведь машина уже запущена...

Экзаменаторов (строгих!) — двое. Канадец, полицейский с тридцатитрехлетним стажем, прибыл прямо из Косова, и бангадежец, участник трех ооновских миссий, представитель нью-йоркского офиса. Оба — в своей национальной полицейской униформе, а мы — в гражданке... Вежливо, но решительно отказавшись от «культурной программы», гости, несмотря на воскресный день, собрали кандидатов в кабинете передового опыта МВД. Инструктировали, изучали наш интеллект, задавали довольно сложные вопросы, давали примеры. Впечатление, что завтрашний экзамен не сдать никогда!

Собрались назавтра. Дурацкое, давно забытое чувство: экзамен, волнуясь, как школьник. Стыдно будет не сдать, ведь претендовал на роль вполне «англоязычного», а утром даже переводил, причем весьма успешно, переговоры замминистра по кадрам с гостями. Тянем жребий — восьмой, последний.

Слушаем аудиокассету. С трудом разбираю, что в полицейский участок якобы пришла женщина, рассказала, что с балкона своего дома видела, как к кафе напротив подъехали три авто, вышли пятеро с автоматами, ворвались в кафешку, пошумели, вывели шестерых, распихали по машинам, увезли...

Раздают вопросник: десять вопросов на пятнадцать минут

- Этнический состав пропавших / жертв?
- Какого цвета машины?
- Сколько было выстрелов?
- Во что одеты нападавшие?
- В какую сторону поехали?
- Сколько было жертв киднепинга*?
- Где была заявительница в момент нападения?
- К какой этнической группе она относится?
- И т. д., и т. п.

* Вероятно, автор имел в виду похищение людей

Надо знать English достаточно, чтобы набрать необходимые по этому тесту семьдесят баллов. Набираю сотню из ста возможных.

Раздают письменную фабулу: патруль натолкнулся на три обнаженных мужских трупа со следами огнестрельных ранений. Дается подробное описание места происшествия. Фабула, часть вторая: на полицейскую станцию обратились о пропаже троих мужчин. Приметы...

Десять вопросов за десять минут.

Следующий этап — собеседование, пять вопросов. Это вам не школьный топик «Моя страна»...

Проходим втроем, я и два «турка»: капитан Улан Насырбек и старлей Нурлан Сагыналиев. Кудрат, как старший «косовской» группы, помогает организовывать стрельбы, сдачу экзаменов по вождению.

Отстрелялись без проблем, уж тут-то мы профи! Молодежь и вождение сдала с ходу. Я же немного волновался — не брался за руль полгода. Первые два упражнения — «вираж» и «змейка» — более- менее удались. Третье же, остановка на десятиметровом отрезке без визга тормозов на скорости в 70 км/ч, дается лишь с последней попытки. Но не потому, что не могу тормозить, не успеваю на отрезке старой фрунзенской «взлетки» (автодром напротив нового американского посольства) набрать нужные 70 км до фишки «торможение». Сидящий рядом канадец замечает: «Но другим-то хватает». Отвечаю, что тестируюсь не на умение набирать скорость, а на умение тормозить. Впрочем, пока препираемся, торможу достаточно плавно.

Сдали. Надеваем гостям киргизские национальные уборы «ак-калпаки» и с миром отпускаем.

...Через неделю ловим факс из Нью-Йорка: прибыть в Косово 22 мая 2000 г., т.е. через шесть дней. Ну, вы, блин, даете, все же не армия! Еще не готовы форма, визы, не можем добить бронешилеты, разрешение из Москвы на транзит оружия. Добиваемся отсрочки до 10.06.00. Предвидя сложности, подключаем к проблеме транзита оружия и спецсредств представителей МВД и таможни в Москве, факсуем письма тамошним руководителям.

Июнь

Не помогло: по прилете в Москву шереметьевская таможня изымает боекомплект и требует разрешение руководства, причем самого высшего. Подключаем все и вся, но за три дня до вылета в Скопье (Македония) решить проблему не успеваем. Летим безоружными.

Встретившись с двумя нашими, что служат здесь с прошлого года, понимаем, в какую «лажу» вляпались. Первые три месяца те тоже не имели оружия и вынуждены были, выражаясь местным сленгом, «сидеть на доске» — принимать жалобщиков. Бьем во все колокола, рапортуем министру в Бишкек, в нашу миссию при ООН. И — о чудо! Через неделю получаем драгоценный груз: свои табельные ПМ.

Теперь мы — «полноценные» международные копы. Прослушиваем обязательный недельный установочный курс. Зубрим принятый на Западе радиоалфавит. Мы-то, пользуя телефон или радио, при плохой связи использовали имена собственные: Таня-Т, Петр-П и т. д. Здесь же:

A — Alpha, B — Bravo, C — Charlie, D — Delta, E — Echo, F — Foxtrot, G — Golf, H — Hotel, I — India, J — Juliet, K — Kilo, L — Lima, M — Mike, N — November, O — Oscar, P — Papa, Q — Quebec, R — Romeo, S — Sierra, T — Tango, U — Uniform, V — Victor, W — Whiskey, X — X-ray, Y — Yankee, Z — Zulu.

Запомнилось еще занятие о минах. Его мастерски, все время держа аудиторию во внимании, провел филиппинский спецназовец, что служит в Косове уже 10 месяцев. Он, кроме прочего, рассказал печальную историю из прошлой ооновской миссии в Камбодже. «Шеф спецподразделения саперов, на чьем счету немало было обезвреженных «игрушек», собрался завершать миссию и подал рапорт начальству. А в оставшуюся неделю подорвался и потерял ногу. Когда его, аса, проводывали в госпитале и спросили, как же он так обмисурился, тот ответил: «В мечтах я уже был дома...»

Косовска-Митровица, где служит наш Руслан Касымов (завершив миссию в сентябре двухтысячного, капитан Касымов продолжил службу в Кыргызском Национальном Бюро Интерпола), слывет местным Сталинградом. Французский КФОР представлен известным своей жесткостью иностранным легионом. Но и легионерам не удастся держать ситуацию под контролем: сербы бузят здесь постоянно, жгут полицейские машины, бьют солдат — ненавидят «оккупантов». Руслан привез нас на экскурсию в северную, населенную исключительно сербами, часть города. Красивый европейского типа городок, чистенький, ухоженный. Местные взгляда не отводят, смотрят смело и даже вызывающе. На полицейской станции приветствовал украинец Виктор Шмидт: «Если будете снимать здесь квартиру, лучше всего жить вдвоем. Зачем, спросите? Объясняя: на звонок в дверь один идет открывать, его пистолет при этом лежит где-то рядом с дверью, но так, чтоб можно было дотянуться. Второй со взведенным стволом идет следом и при открытии дверей становится позади первого с «пушкой» наизготовку. Если, открыв, первый видит, что визитеры вооружены и имеют серьезные намерения, он поднимает руки как бы в знак того, что сопротивляться не намерен. Для коллеги же, стоящего сзади, это сигнал: он стреляет на поражение прямо через дверь. С началом стрельбы первый также дотягивается до своей пушки и палит...». Хорошенькое напутствие?

Руслана, видно, на станции уважают. Он чувствует себя здесь по-хозяйски, рассказывает взахлеб о работе. Знакомит с украинцами, что служат здесь в дорожной полиции. За ужином в маленьком ресторанчике уминаем что-то вкусное из свинины, употребляем пару добрых украинских горилок. У моих молодых коллег (Улан и Нурлан) глаза горят — рвутся в Митровицу.

Второй наш парень, Быкын уулу Урмат, служит в Липлянах. Тоже не сахар: в зоне обслуживания несколько сербских сел. Побывали и у него, познакомились со станцией. За пять дойчмарок отведали финский (там стоит КФОР из Финляндии) «шведский» стол, наелись всяких вкусняк. Теперь уже хотим сюда, у Урмата на примете есть большой дом, что можно арендовать недорого. В конце концов полагаемся на случай и волю свыше.

Живем в захудалой гостинице (лучшей в Приштине!) под названием «Илирия». Малюсенькая комнатка на троих, с душем и туалетом. Вечером воды нет, зато с утра она потоком льется с потолка. Теснота страшная: здесь же огромные, купленные еще на «Дордое» челночные брезентовые сумки, забитые до отказа, три чехла с бронежилетами.

Вдобавок стоит это удовольствие сорок дойчмарок в сутки на человека. Одна отрада — в стоимость включен завтрак — традиционные омлет и чашечка кофе...

Встретились с нашими — Данияром Дубанаевым и Павлом Морозовым. Оба из Программы развития ООН (Бишкек); первый сейчас трудится в приштинском офисе ОБСЕ, второй — в ооновской администрации. Обоих знаю давно, особенно Данияра. Исключительно порядочный, добрый и тактичный человек. Встретились у них на квартире (живут вместе), наготовили всего, набрали доброго красного вина. Посидели, рассказали бишкекские новости. Скучают ребята крепко. Павел сказал: «Ух, какие вы свеженькие. Ничего, месяц-другой — одичаете». Обсуждали мою первую статью в «Комсомолке» из рубрики «Наши в Косове». Им почему-то особо запомнилась фраза: «Приштина встретила гулом боевых вертолетов». «Да гудят себе и гудят, мы не замечаем. А тебе лишь рассказали, и ты, журналист, вцепился-таки во фразу...»

Первую, стажировочно-учебную неделю в Приштине мы провели вместе с большой группой румынских и французских коллег. Особо запомнился французский жандарм Доменик. Казалось, он делает бизнес со всей миссией. Вечно что-то менял, у нас, например, выпросил-таки супердефицитный нарукавный шеврон, что впервые пошили для нас в Токмаке. Подсунув фирменный жандармский компьютерный коврик для мышки, вытребовал фуражку от нашей полевой формы. Учítывая, что в миссии носят голубые береты, я отдал ее новому другу, хорошему, в целом, парню, с легким сердцем...

Приштина — городок чуть меньше Оша, этакая Евразия. Улицы полны народа. А вечером высыпают все, от мала до велика (к слову: такие вечерние гуляния, которые здесь называют «корзо», характерны для всего Косова. Даже в маленьких селах молодежь вечером выходит на главную дорогу и гуляет себе. Центр же отдан на откуп UNMIK (Миссии ООН в Косове): кфоровские танки и бронемшины, ооновские «Ландкраузеры», полицейские «Кока-колы» (смешное название, наверное, потому, что джипы выкрашены в цвета популярнейшей «Кока-колы» — красно-белый). Вечерами UN-люди заполняют все центральные кабачки (три-четыре квартала). Рекой льется пиво, звучат песни. Народ, что называется, «оттягивается».

Выдали долгожданные голубые береты и прочий ооновский атрибут. Влились, так сказать, в семью. Расчувствовавшись, Улан рассказал, что в прошлом году, когда не прошел, он страшно завидовал двум нашим счастливицам, когда те примеряли все эти прибаамбасы.

Возили в Косовскую полицейскую академию. Курс обучения — восемь недель, его проходят шестьсот пятьдесят человек, затем целый год стажировются, работая вместе с полицейскими-международниками. Преподаватели — с Запада, превалируют канадцы и американцы (многие здесь зовут их «америкосами»). Стараются сплотить кадетов, привить им мысль, что полицейские — вне наций, среди них ну просто не может быть вражды. Как особое достижение приводят пример, что когда в полицейскую академию пришли местные албанцы и спрашивали у кадетов-албанцев, где тут сербы, мы, дескать, их видели и хотели расправиться, кадеты ответили: «Здесь нет ни сербов, ни албанцев. Мы все полицейские...».

Сцепился с одним из преподавателей, что выступал перед нами. Уж не знаю, из какой он страны, но явно заговорился, сказав, что многие кадеты здесь раньше, во времена Югосла-

вии, работали в полиции. Полиции тоталитарной, коммунистической. А потому не имеют понятия не только о правах человека, но и весьма слабо подготовлены профессионально. Напомнив, что комсистема занимала полмира, я позволил себе не согласиться, особенно со второй частью высказывания — что касается профессионализма. Подискутировали... Румыны меня поддержали. Интеллигентные же французы предпочли отмолчаться.

В Приштине, и особенно в Митровице, удивляла точность натовских ракетных ударов. В Митровице, например, разбомбили полицейскую станцию. Буквально впри-тык, метрах в пяти — жилой дом, стоит себе целехонек.

Распределились в Призрен, германскую зону. Город с населением примерно двести тысяч, испокон веков здесь в основном жили албанцы. Начальник местной полиции решил, что с нашим русским больше всего пригодимся в Речанах, на небольшой полицейской станции, обслуживающей двадцать два села — Среднюю Жупу (так на местном языке зовется, и весьма «благозвучно», этот район). Населена Жупа босняками (сербы из Боснии и Герцеговины, что давным-давно приняли мусульманство). Говорят они по-сербски, мы их понимаем. Да и они нас тоже. В самом Призрене говорить по-русски нельзя — местные этого не любят, слишком «похож» на сербский. У всех на слуху случай, когда за вырвавшееся сербское словечко толпа растоптала болгарина-миротворца. В Жупе же общаемся на родном языке. Народ добрый, гостеприимный.

Одно название сел говорит о многом — Манастырица, Локвица, Живиняне, Пейчичи, Драичичи, Богошевац, Мушниково... Но война и здесь оставила след. Бывшие сербские села пусты, сожжены, разрушены. В Богосеваче, например, под неустанным приглядом военных, живут шестеро одиноких женщин. Глядя на эти села, вспоминаешь известную всему миру белорусскую Хатынь, сожженную фашистами в 1942-ом по самые печные трубы...

«Пошли играть в кучу-малу», — кричали мы в детстве и от души хохотали, сбившись в кучу, катались по траве. «Куча» по-сербски — дом, «мала» — маленькая — «тесный дом». Все друг у друга на головах... Местный «жуповский», т.е. типичный сербский, язык очень похож на старорусский (славянская группа):

«Питай» — спрашивай.

«Разумеш?» — понимаешь?

«Псую» — ругают.

«Причить»* — говорить (от «притча») и т.д.

В здешних селах редко встретишь мужиков работоспособного возраста. Жупа издавна славится своими строителями — целые села подряжаются на работу в Германию, Швейцарию, Францию, Норвегию, Ливию. Добираются и до Штатов. На эти деньги и живет сплошь безработная Жупа. На родине, почерпнув деньжат на Западе, строители возводят великолепные «кучи», настоящие виллы. Приезжаешь в высокогорное село, подчас по бездорожью, а там — мощные, выложенные булыжником улицы, ощетинившиеся антеннами-сателлитами, позволяющими смотреть ТВ-программы по восьмидесяти каналам, дворцы в три этажа со всеми удобствами. Многие здесь свободно говорят по-немецки.

* «Говорить» по-сербски «причати». — Прим. ред.

Старинное село Мушниково стоит в этих горах с 1300-х (по преданию) годов. Старая, больше похожая на древние коптские храмовица, церковь. Сам-то храм пристроен явно позже, а вот место, где ставят свечи, расписано древними ликами. Сейчас в селе осталось лишь шестьдесят пять сербов, в основном преклонного возраста. Зашел на местное кладбище. Есть здесь интересный обычай: когда умирает муж или жена, памятник ставят общий. Но живой «половинке» проставляют лишь дату рождения. Когда же супруги соединятся на том свете, прочерк заменят конкретное число, год и месяц...

Июль

На нашей полицейской субстанции — десять офицеров: два араба, один немец, два малязийца, один американец — командир, один сенегалец и нас трое. Работаем в разных сменах, мой руководитель — сенегалец Адама. У него это уже вторая миссия (был в Боснии), да и в Косове уже почти 10 месяцев. Мужик достаточно тактичный, учит ненавязчиво. Родной язык — французский, но и английский совершенный. Выправляет мои рапорта, подсказывает. Как-то сильно разобиделся на Нурлана: при встрече тот традиционно хлопнул Адама по плечу. Оказалось, чересчур сильно. Разобрались, вроде бы помирились.

2 июля

Мое первое самостоятельное дело. В выходные дни весь Призрен выезжает в сторону Речан и устраивает пикники вдоль речки. Дорожное движение в эти дни напряженнейшее, машины паркуют прямо на трассе, гоняют пьяными. Отсюда аварии. Вот и пришлось разбираться: столкнулись синий «форд-комби» и серый «опель-кадет». Ущерб небольшой, официальное расследование здесь отталкивается от двух тысяч дойчмарок, но водители уступать не хотят: «Он виноват, нет — он!» Выручили коллеги хохлы (здесь их трое) из трафик-полиции (наше ДПС ГАИ). Приехали, замерили тормозной путь, доказали превышение скорости, нажали и развели потерпевших миром...

4 июля

Потерпевший Мурад Нурис из села с красивым названием Небрегоште. Ночью украли магнитофон и колонку из принадлежавших ему «Жигулей». Дежурный, египтянин, долго и нудно составляет рапорт о происшествии. Беседуем. «Балканский менталитет — большая палка...». Как-то целый год Идрис работал в Ташкенте, отсюда — хороший русский. Строил Нацбанк, его подряжала немецкая фирма за одну тысячу долларов. «Ваши люди работают плохо. У меня была бригада двадцать человек. Платил по пять дойчмарок в день, большие деньги. Раз купил дыню, семьдесят пять сантиметров длиной». Хвалит ташкентских девочек.

5 июля

Из беседы с хозяином магазина в Ябланице: рядом с селом стоял сербский ретранслятор, возле него находились казармы. НАТО швырнуло сто пятнадцать бомб. Одна промахнулась (зря, выходит, я хвалил точность натовских бомбометателей?), попала в село: восемь ранено, двое убито (в том числе мама моего визави). Пенсии никому не платит. Бомба была примерно с тонну.

7 июля

Обедали в Речанах. Вдруг до того внимательно разглядывавший нас парень с соседнего столика говорит по-английски: «О, так вы, судя по шевронам, из Кыргызстана? А с нами в FINCA (международная организация, ведающая микрокредитованием на развитие частного бизнеса) работает одна ваша девушка...» Уже через час мы весело болтали с ошанкой Айнурой Тургунбаевой, что здесь уже семь месяцев, впоследствии — неперменной участницей всех наших официальных застолий.

10 июля

Получил e-mail от Данияра из Приштины. Сидя в баре, его коллега неосторожно сказал несколько слов по-сербски. Дождавшись, когда он выйдет, недруги в кромешной тьме затолкали беднягу в машину и, нарезая круги, несколько часов чинили «разборки». Потом, видимо, укололи и отключили. Очнулся парень на скамейке в центре города под утро... Повезло — год назад за тот же «проступок» фанатики разорвали миротворца-болгарина.

12 июля

Здесь началась пора свадеб и сунета (обряд обрезания). Делается это с размахом, гуляют широко — до полутора тысяч приглашенных. Сунет часто устраивают общественный, «режут» мальчишек со всего села. Потом в складчину же и гуляют. Из спиртного максимум, что позволяют, — пиво. Сегодня, например, обрезалась Манастирица. За столы село едва не 2000 человек!

18 июля

Тревожные новости из Митровицы: арестовали серба, что тяжело поранил албанца, «закрыли» его. Уже через пару часов сербы на машинах блокировали полицейскую станцию, начались беспорядки. Перевернули и подожгли несколько полицейских машин, жестоко избили французов-легионеров. Такое здесь не редкость, писал уже о «Косовском Сталинграде». Но в этот раз что-то особенное. Как там Руслан?

20 июля

На e-mail Руслан не отвечает. Зато весточку прислал Урмат. Сообщил, что в Митровице сейчас даже не патрулируют, зато все «на казарме», живут прямо на станции. Он дозвонился до Руслана, слава богу, все в порядке. Сам Урмат (о, счастливичик!) 27 июля улетает в Москву, оттуда — в Бишкек. Как вернется, проведем «встречу контингента», раз в квартал это положено.

Насчитал в Косове 9 кыргызстанцев. Пятеро нас (4 «мента» + Урмат) + Данияр + Павел + Айнура + Замира Бакиевна Эшмамбетова, экс-представитель Кыргызстана в ООН, ныне живет и работает в Косове. Надо будет продолжить рубрику «Наши в Косове» для «Комсомолки». «Урмат» и «Улан — победитель змей» уже опубликованы. Почему «победитель змей»? Было так. В составе патруля прибыли в Мушниково. Люди повылазили из жилищ, дети плачут. Думали — мину нашли. Ан нет. Девчушка сквозь слезы пояснила, что взрослых нет, а к ним в дом змея заползла. Огромная и зеленая. Местные на полицию пялятся... Улан и пошел, подняв с земли черенок. Пе-

реступил порог, а там — гадюка в «боевой стойке». Кто проворнее?! Метнув лопату, перерубил гадину пополам. Вот здравиц-то было! «Я этим еще пацаном на родине, в Суусамыре, занимался. Змеюк там разных было — видимо-невидимо!», — за скромничал Улан...

Надо же — застрял в горах на джипе. Японском! Ну не любит меня техника! Я же ее ну просто боюсь. Пару дней назад на этой машине внезапно спустило колесо. Ни с того ни с сего. Принялись менять — запаска тоже пробита. Едва нашли в тамошних высях компрессор, накачали и — скорей на станцию! А сегодня черт меня дернул поехать в самое дальнее село. На обратном пути джип и встал. Благо связь хорошая. Немцы прислали громадный трак с краном, думали, завестись не удастся. Механик же (германец) покопался с мотором (да это и не мотор вовсе, а настоящий компьютер!) минут двадцать, и «японец» завелся. Что-то там было не так с электричеством. Так-то, хваленый «бездорожник»! Помощи пришлось ждать в лесу высоко в горах четыре с половиной часа. Успел порассказать напарнику-кадету кучу ментовских баек.

21 июля

С чем только не обращаются люди здесь в полицию! Немудрено — другой-то власти практически нет. Вчера, например, в дежурку пришел житель одного из окрестных сел и попросил... присутствовать при дележе меж братьями оставшегося от отца наследства. «Чтоб все было по справедливости», — заявил он. Просьбы же вроде «передвинуть забор, мешает проходу», «очистить подъезд к дому от мусора, сосед по-хорошему этого делать не желает» и т.д. поступают чуть не каждый день.

Разговор по рации, «запеленгованный» случайно: дежурный полицейской станции Призрен командует патрульной машине: «Мне позвонили, что на центральном перекрестке ходит конь. Поезжайте и спросите, что он там делает...»

22 июля

Айнура Тургунбаева из «Гинса-Призрен» пригласила на пикник близ Мушникова. Тамошние цыгане устроили неплохую музыку, «финковцы» из местных зажигательно плясали. Когда в жилах чуть взбурлило пиво (другого здесь не пьют!), босс-американец показал забавную, популярную на штатовских пикниках игру. Выстроив всех в две шеренги лицом друг к другу по принципу женщина — мужчина, он выдал каждой паре... по сырому яйцу. Смысл в том, чтоб перебрасывать «цыплячью икру» друг другу не разбив. Уронил, но не разбил — остаешься, расквасившие яйцо вылетают. Задание постепенно усложняется — увеличивается расстояние, влезают на холм, пытаются взять подачу одной рукой... Играли Улан и Айнура, а когда вновь вернулись за пиво и стейки, решили, что у нас эта игра не приживется — «столько не выпить...».

24 июля

Во время патрулирования в заброшенном селе Живиняне в развалившемся доме нашли труп. Смердело страшно! Дождались опергруппы из Призрена, а когда перевернули одноногое тело на спину, увидели, что оно все обожжено. Да вдобавок еще и дырка в

левым виске, весьма смахивающая на пулевое ранение. Подарочек! За дело взялись при-зренские сыскари. Докопались до истины: убийство на межнациональной почве.

25 июля

Патрулируя горные тропы, Улан с двумя курсантами из местных услышал, что ва-лят лес. Начали подниматься, как вдруг раздался выстрел. Кадеты залегли и лезть даль-ше отказались наотрез. Наш бравый капитан, прячась за деревьями, все же подобрался к лесорубам вплотную. Оказалось, что за выстрел приняли треск падающего дерева. Ну как теперь полагаться на местных коллег?

Уже сдавали дежурство, как появились двое парней из Локвицы. В крови, одежда изорвана. Киднепинг — четверо на «Гольфе» остановились прямо напротив, пытались втащить в машину. Парни вырвались, принялись бежать, за ними гнались. Преступни-ков спугнула встречная машина. Работали до двух ночи. Безрезультатно. Дальнейшим розыском займется спецы из отдела расследований.

26 июля

По-глупому вырвал зуб в германском военном госпитале. Не болел, расковыря-лось старое дупло. Поехал, за визит к дантисту выложил сто семнадцать дойчмарок. Тот глянул, покопался — «рвать надо, от зуба ничего не осталось». Все честь по чес-ти — рентген, медсестра, чистая операционная. Дерганул — и на дежурство. Здесь так. Местные полицейские обсмеяли: «Алекс, за те деньги, что ты отдал немцам, обычный дантист вырвал бы тебе все зубы. Все до единого...»

29 июля

Завтра мы с Уланом уезжаем в короткий отпуск в Салоники, Нурлан ждет нас там уже три дня. А тут на традиционном брифинге между двумя сменами командир про-информировал, что согласно оперинформации на следующей неделе планируются (правда, непонятно кем?) теракты — взрывы в гостиницах по всему региону. Предсто-ит усиление, прочёски и пр. Мы — счастливики!

Мой «простой» такой Адама (полицейский-сенегаец) поотбирал у местной детворы кучу игрушечных пистолетов, «стреляющих» пластмассовыми пулями. Объяснение: ночью они выглядят как настоящие, да и стреляют больно... На мое возражение, что тогда надо конфисковать и все бананы из местных магазинов, так как и они в темноте смотрятся как боевые ракетницы, лишь рассмеялся — «таковы правила».

Горянки здесь носят лихие юбки-шаровары. Таковы неписанные нормы. Но то ли их так шьют, то ли надевают по-особому, только шаровары эти скорей подчеркивают, чем скрывают...

7 августа

Первый день службы после «греческих каникул». И сразу за дело: арестовали тро-их, что мародерствовали в брошенном сербском селе. Они сняли и загрузили в маши-ну несколько дверей и оконных рам. Следствие вершится здесь мгновенно: несколько рапортов — и в камеру. До суда.

8 августа

Наконец-то прислал короткую весточку Руслан из Митровицы. Слава богу, у него все хорошо. Приложенные же фотографии показывали, что над городком прошел настоящий тайфун. Перевернутые машины, сожженные и разрушенные дома... Да, несладко им там пришлось в последние дни. Жили прямо на станции, где их блокировала разъяренная толпа, чей натиск едва сдерживали французские легионеры. Натерпелись!

9 августа

Наш малазийский коллега Лох Тик Кин полдня разбирался с анонимным звонком, о котором сообщил священник из старинного монастыря неподалеку. К нему постоянно звонит аноним и говорит, что кто-то собирается разрушить дом, принадлежащий цыганской семье. Семья уже изгнана, а дом рушат, чтоб те не вернулись.

Ти-Ки (так, на американский манер, зовем мы малазийца) помчался на место. Приехав, нашел дом уже почти снесенным. Руководивший этим делом представился соседом. Рассказал, что купил этот дом давно, а бывший хозяин сейчас, мол, в Сербии. Показать документы о покупке дома не смог за неимением таковых. Но все же продолжал доказывать, что купил его у муниципалитета, а хозяина нет, тот в Сербии. Мужчина задержан и передан в полицейский участок. Такие дела здесь не редкость. По разным оценкам, до шестидесяти процентов жилого фонда захвачено. Бывшие хозяева, преимущественно сербы, бежали, спасая жизни, впопыхах. Новые же теперь преспокойно пользуются их имуществом — домами, машинами, мебелью...

После обеда сюрприз преподнесли местные болельщики — «тиффози». Закончился региональный футбольный турнир, участники передрались. Все поголовно. Драку на футбольном, превратившемся в поле боя, удалось разнять. Улан с египтянином подогнали несколько машин, рассадили туда драчунов и решили конвоировать их вниз, в Призрен. Путь лежал через Речаны, чьи футболисты и затеяли драку. К этому моменту здесь, в центре, на продолжение боя без правил собралась едва ль не половина сельских мужиков. Мы с кадетом принялись разгонять толпу. Расходились неохотно, а когда конвой приблизился к селу, его закидали камнями. Что ж, будем разбираться.

10 августа

И разборки таки грянули. Один из водителей заявил, что когда их в спешке высаживали по машинам, полицейский Сингам (мы зовем его «малазийским тигром») разбил лобовое стекло машины. Я все время был рядом, вместе утихомиривали толпу, но ничего подобного не видел. Короче, пришлось писать длинный рапорт о случившемся. Прочитав его, америкос-командос заявил: «Как минимум, Алекс, твой English вполне разбираем...». Комплимент?

11 августа

Сегодня в утреннее дежурство Нурлана вызвали в лес между Стружье и Ябланицей, где обнаружили три неразорвавшиеся кассетные авиабомбы, что в ходе бомбежек использовала НАТО. Небольшие такие штуковины с парашютами. Рванули же они (под присмотром спецбригады саперов, разумеется) весьма сильно: горы дрожали!

Впервые разговорились с обычно немногословным малазийцем китайского происхождения Лох Тик Кином. Приняв бутылку пива (!), тот развязал язык. Контракт заканчивается в середине сентября, и в преддверии дембеля обычно строгий Ти-Ки как-то «размяк». Для него это вторая миссия, первую отработал в Анголе, причем где-то в джунглях, вдали от цивилизации. «Там очень странный народ, — рассказывал он. — Целую курицу и одно яйцо они будут продавать по равной цене». Почему, спросишь? И я спрашивал. Ангольцы отвечают просто: «Что так я теряю курицу, что так...».

Родился Ти-Ки в бедной семье и все школьные каникулы вынужден был работать на заправках. И с завистью слушал друзей, проводивших каникулы где-нибудь в Европе, в горах. В Малайзии не растут яблоки (чего там только нет, есть даже очень сладкие, величиной с мизинец, бананы, а вот яблоки завозные). И не бывает снега. Так вот, с юных лет мечтал он повидать и то, и другое. Мечта сбылась в Косове, где пришлось пережить тяжелую во всех отношениях зиму: без света, воды, тепла и т.д. Когда я рассказал Ти-Ки, как в январскую стужу из Кыргызстана два года назад мы с дочкой попали в тайландский paradise (рай) и в тамошнем диснейленде нам предложили весьма дорогой и самый престижный аттракцион — без очереди поиграть в снежки в огромном рефрижераторе, он долго смеялся...

12 августа

Третий день «обслуживаем» богатую бошняцкую свадьбу. Охраняем порядок, следим за движением. Насмотрелся экзотики по уши! Шумно (играют цыгане — два барабана, бубен, две зурны),людно (до двух тысяч человек), но чертовски красиво!

13 августа

Лето здесь выдалось на редкость жарким. Горы буквально горят! Лесные пожары — ежедневно. Тушим сами с помощью местных жителей (они, кстати, весьма в этом отношении беспечны и тяжелы на подъем) или вызываем пожарные бригады из Призрена. В особых случаях КФОР выделяет вертолет.

14 августа

Вновь бунтует Митровица. До такой степени, что там введен комендантский час, а международным полицейским рекомендовано перебраться на жительство из северной в южную (албанскую) часть города. Посещение Митровицы по неофициальным, т.е. не связанным со службой, мотивам строго запрещено. Там еще бастуют рабочие с расположенной неподалеку огромной алюминиевой фабрики. Ссылаясь на экологию, ее собрались закрывать, лишая тем самым работы несколько тысяч местных сербов. Нашли, как говорится, время!

15 августа

Большинство собак в Жупе — рослые, с большими головами, увесистой, с хорошими рыхлыми брылами, мордой. Все думал, почему? Пока не увидел в Горне-Селе настоящего «шарпланинца» — представителя породы, чья родина — Косово, очень похожей на наших кавказских овчарок, московских сторожевых, сенбернаров. Это

что-то! Огромный сердитый рыжий пес: длинная шерсть, тяжеленная черная морда. В холке примерно один метр. Живет прямо в вырытой в земле полупещере-норе. Говорят, эта порода сохранилась только здесь, в Жупе. Псы есть и в Горне-Любине, Мушниково. Устраиваются бои! Планинец, которого мы видели, — чемпион Косова. Попросил местных разузнать поподробней о собаках. Надо будет посмотреть все экземпляры в радиусе досягаемости да, может, выбрать щенка. У нас таких собак нет, и вообще это большая редкость. Кстати, надо будет посмотреть литературу — каково общепринятое название этой породы?

Наконец-то поднялся в Горне-Мала — полностью разрушенное село, где раньше жили сербы. Удручающе! Сейчас там живет одна-единственная старушка, Наталка Богосавлевич, восемьдесят лет. Ей нужны дрова, продукты. Уезжать никуда не хочет. Сфотографировались вместе.

Два дня назад в Призрене скончался полицейский, малазиец. Заворот кишок... Лечили, даже переправили в Салоники. Не спасли. В сентябре у бедняги заканчивался срок миссии. Недотянул. Говорят, его жена также смертельно больна — рак желудка... В знак траура на антеннах всех полицейских «Кока-кол» — траурные ленты.

Последний традиционный брифинг провел начальник нашей полицейской станции Арвис Слег — шериф из Алабамы. С неизменной трубкой во рту, подтянутый, невозмутимый. Не опекал, но и не докучал. Работалось с ним легко. Прощаться всегда тяжело. На традиционной прощальной вечеринке надели ему ак-калпак. Обещал помнить и искренне благодарил за службу. С новым командиром, Питером Крафтом (Германия), в июне в Митровице нас знакомил Руслан. Они вместе отдыхали как-то в Греции, и Питер с оказией нанес ему визит. А тут оказались мы. В Речанах, при первой встрече, он сам напомнил об этом. Думаю, сработаемся.

16 августа

«На дикой природе» полно всякой ползучей живности. В нашем махоньком летнем домике всегда лазают какие-то жуки-пауки, прыгают гигантские кузнечики-богомолы, летают осы, здоровенные мухи, шмели... Все это периодически жалит, кусает. Однажды проснулся, а рядом, на подушке, преспокойно примостился средних размеров геккончик (этих ящерок здесь — великое множество) и так это нежно трогает своим длинным язычком мое ухо...

Во время патрулирования сопровождали кфоровский конвой, что вез сербов в сербский анклав Брезовица. Египтянин-коллега рассказал, что когда он несколько месяцев назад делал то же в Ораховаце, то однажды со стороны гор конвой обстреляли из АКМ... Наметили провести проческу.

17 августа

Совершенно неожиданно получил предложение стать замначальника полицейской станции в Призрене. Большая честь, куча обязанностей. Но, с другой стороны, престиж, и возможность усовершенствовать свой English методом погружения, так как там никто не говорит по-русски. На собеседование приехал сам командир станции. Дал время подумать.

Вечером ездил в Призрен. Побродил в старом центре, залез в Интернет, посетил знаменитое местное корзо (массовое гуляние) на старой площади, где по кругу ходит едва не три тысячи людей. Попил капучино. Но так ничего и не решил. О`кей, посмотрим.

18 августа

В Приштине рванула очередная бомба. В самом центре. Никто не пострадал. Господин Кушнер назвал это «покушением на демократию» (Кушнер — руководитель UNMIK).

Нашли других шарпланинцев. Целый питомник. Говорят, что в горах пасут овец еще шесть-семь таких псов. Спустятся в Горне-Село на следующей неделе. Вот бы взять щенка!

19 августа

Ездили в Липлян к Урмату, забрали подарки (10 августа он прилетел из отпуска). Взахлеб слушали новости из дома, читали кыргызстанские и российские газеты. Забросали Урмата вопросами о Баткене. Неужели террористы снова сунутся в Кыргызстан?

В Липляне неспокойно. Неделю назад в селе Косово-Поле экстремисты швырнули гранату в группу играющих детей. Ранены, в том числе тяжело, пятнадцать. Взрывом накрыло стоящую тут же полицейскую «Кока-колу», пострадал UNMIKовец — американец. А пару дней назад, т.е. 16–17 августа, бандиты в камуфляже и в масках под предлогом полицейского досмотра ловили на дороге незадачливых шоферов и «конфисковывали» добротные иномарки. При приближении патруля скрылись. Оперативники-миротворцы ведут поиск. Разыщут.

Поразило, как много здесь сербов. В сам Липлян на летние каникулы приехали студенты из Белграда, других городов. Они свободно, никого не боясь, сидят в кафе и ресторанах, поют свои песни, танцуют, надираются. Поведение, конечно же, категорически отличное от мусульманских косовских регионов (албанских, бошняцких), где, если парень идет с девушкой под руку, это не иначе как жених и невеста. Здесь — Европа: девицы свободно пьют, курят, присаживаются на мужские колени. Одна, взгромоздясь на стол, пыталась изобразить стриптиз...

Покидая Липлян, отвели в финском кафе настоящих, ну очень больших, раков. А на выезде, спросив разрешения, взобрались на броню солидной боевой машины с финской символикой, удобно расположились в расставленных прямо на башнях пластмассовых креслах и сфотографировались на память с бойцом из страны Суоми.

20 августа

Патрулируя, заметили пожар близ Превалаца (перевал, венчающий нашу территорию). На высоте в 2000 м горели реликтовые еловые леса, лучшие в Косове, а может, и на Балканах. Пламя в минуту обуглило высоченную сосну! Радировали, прибыли пожарные и констатировали, что сделать ничего не могут — слишком высоко. Пробовали организовать на тушение местных жителей — безрезультатно, они тут слишком индифферентны — «Нет воды, оборудования...». На удивление спокойно отреагировал на сообщение о крупном пожаре штаб КФОРа, куда я заехал лично: «Мы знаем, не паникуйте...»

21 августа

Ночью разразилась драка в Горне-Любине. Массовая, крутая. Не поделив чего-то, между собой передрались сельчане-босняки. Вдребезги разнесли грузовик, принадлежащий одной из сторон. Целый день мои коллеги расследовали инцидент, а вечером КФОР провел в селе «акцию устрашения», в которой, устроив на въезде блокпост, участвовал и наш патруль. Выглядело это так: в село неспешно въехали два мощных грузовых «мерса» с солдатами в полной боевой готовности — в бронезилетах, касках, с автоматическим оружием наизготовку. За ними — три джипа с офицерами и сержантами. Впереди и сзади колонны — две бронированные боевые машины с расчехленными пулеметами. Мы замыкали «шествие». В центре села солдаты разбились на несколько групп и при свете прожекторов, «простреливавших» все село навывлет, в колонну по одному несколько раз проследовали вдоль, затем и поперек населенного пункта. Видели бы вы глаза сельчан — каратели!!

22 августа

Пожар на Превалаце грозит перерасти в природную катастрофу. Достигнув радиуса 5 км, пламя не унимается. Тушением же по-прежнему никто не занимается. Говорят, что делать это должны трансформированные в подобие Национальной гвардии отряды бывшей ОАК (Освободительной Армии Косова). Но они почему-то «отмораживаются». Почему? Ведь это их родная земля, лес, горы.

Согласился перебраться в Призрен. Завтра утром мое решение будет доведено до Акселя (Германия), командира полицейской станции второго по величине города Косова. Как все сложится?

23 августа

Новый начальник нашей полицейской станции Питер Крафт рассказал, что за его бытность в Призрене туда, на городскую полицейскую станцию, дважды привозили взрывные устройства. Однажды неразорвавшуюся авиабомбу на собственной машине подвез хозяин парикмахерской: «нашел у входа...». Эвакуировали всю станцию, вызывали саперов... Другой раз пять небольших неразорвавшихся противопехотных мин привез таксист, нашедший мешок с грузом прямо на улице...

24 августа

Паренек, пасший коз близ Мушникова, увидел в горах четверых в масках и с автоматами. Население, естественно, всполошилось. Совместно с КФОРом мы провели блок-операцию — безрезультатно. Усилили «военное присутствие» в этом селе круглосуточным КПП.

25 августа

Из переговоров по радио узнал о трагедии в Дрогобаче, большом селе близ Призрена. Двое мальчишек там упали в колодец глубиной семнадцать метров. Пока прибыли пожарные с лестницей и веревками, бедняги утонули.

Питер сообщил, что, несмотря на давление сверху (региональное полицейское начальство рекомендовало на этот пост начальника филиппинского контингента), Аксель все же выбрал своим заместителем меня. После недельной расслабухи, что мы с Уланом

намерены провести на озере Охрид в соседней Македонии, уже в начале сентября выйду на новую работу...

26 августа

Один из последних рабочих дней в Речанах. И, согласно поговорке, «если пакость должна случиться, она случится обязательно», в 21:30 произошло ЧП. Мы с Уланом и с местным полицейским Ахметом, закончив патрулировать свой сектор, вернулись на станцию. Дежурный-египтянин попросил подменить его на полчаса — время вечернего намаза. Это — святое, и я остался дежурить. Улан же с Ахметом пошли по «зачным местам» — проверить местные кафе и рестораны. Вдруг — дикие вопли, свист. В окно вижу, как толпа из местных озверело пинает кого-то прямо на мосту у самой станции. Опрометью, через две ступеньки — вниз, с третьего этажа. Пока бежал, слышу — выстрел. Улан пальнул в небо, толпа отшатнулась и — врассыпную! Разобрался, что произошло.

Потерпевшие, двое албанцев из Призрена, остановились на машине в самый пик «корзо» и решили поболтать с девчонками. Если б не мы, бедолаг забили бы до смерти. А так обошлось малой кровью: разбитым зеркалом на машине да потерянной одним из потерпевших золотой цепочкой. Работали до утра, таскали подозреваемых. У станции собралась толпа — родственники, друзья задержанных. Народ возбужден, по примеру Митровицы принялись угрожать — «взорвем, подожжем...». Хорошо, что понимаем друг друга, обошлось без дальнейших эксцессов. Вообще же сказывается нервное напряжение всей Жупы: народ этот попал между молотом и наковальней. С одной стороны — мусульмане, с другой — говорят по-сербски. Война закончилась, а они все пребывают в «непонятке». Вот нервы и сдают. Оформили и передали по инстанции все необходимые в таких случаях документы. Какова-то будет реакция?

27 августа

Узнал, что жена дома заболела: Боткина. Дозвонился, успокоили, что уже легче. Ну чем я еще отсюда могу помочь?

«Верха» отреагировали на вчерашнее происшествие, в том числе стрельбу, удивительно спокойно. «Так и следовало поступать».

Питер сообщил о происшествии в Призрене: в доме женщины, работавшей на Администрацию UNMIK, нашли несколько «калашей». Трясут ее мужа...

30 августа

Кто-то швырнул гранату в окно сербского дома в Мушникове. Пострадавших нет. Проческа местности ничего не дала. Случай расследуется.

6 сентября

Первый день в новой должности. Меня представили начальникам подразделений. Да, это вам не Речаны: дежурный доложил о ночном налете на квартиру четверых неизвестных гангстеров в масках, с «калашниковыми». Подозреваются те же, что 4 сентября после полуночи напали на припозднившуюся семейную пару, связали их и, угрожая оружием, отобрали деньги и драгоценности.

В ночь на шестое сентября турецкий спецназ обезвредил троих террористов, которые несколько дней назад забросали гранатами местный магазин.

Полдня принимал дела у предшественника-малазийца, что еще и командир малазийского контингента в миссии. В дружеской беседе коллега поведал, что рис здесь какой-то не такой, твердоватый. Когда они летели сюда прошлым сентябрем, то привезли с собой 500 кг отборного малазийского риса...

7 сентября

В дежурке висит «высказывание» in English, что в переводе гласит: «Напутствие (памятка) полицейскому: не признавай ничего. Отрицай все, требуй проверки. Если тебе показывают видео, фото, говори: „Это очень похоже на меня, но это не я“...».

Прочел, а в 8:30, на брифинге у командира, «начальник криминала» доложил суть поступившего от начальника городской почты заявления: ночью кто-то пытался проникнуть в помещение почтамта. Со слов случайного прохожего, это были... полицейские. В качестве доказательства приложен «вещдок» — фонарь, который можно купить в любом магазине, якобы забытый полицией-воровкой на месте происшествия. Это — первый подобный факт. Если не в миссии, то уж в Призрене точно. Возьму на контроль.

8 сентября

Еще два происшествия с полицейскими. Вновь принятая в Косовскую полицейскую службу (KPS) двадцатипятилетняя «горячая» турчанка набросилась на встреченную давнюю знакомую, вспомнив, что та «питала чувства» к ее мужу, и побила ее. Потерпевшая накатала «заяву». Разбираюсь.

Еще двое сорокалетних (!) полисменов-албанцев подрались ну просто по-пацаньячьи. Один выхватил пистолет (а им недавно выдали великолепные австрийские «Глоки») и врезал второму рукояткой по лбу. Драчунов едва растащили и разоружили...

Отбор в полицию здесь, кажется, поставлен слабо. В погоне за числом (а надо рекрутировать четыре тысячи офицеров!), с одной стороны, принимают кого попало. С другой, безработица гонит на вербовку случайных людей (зарплата полицейского — триста дойчмарок в месяц. Этого недостаточно, но все же). Но самое страшное, о чем по секрету рассказывали работающие со мной косовары, в полицию устраиваются криминальные личности и бывшие активные деятели ОАК, замеченные в терроризме и массовых расправах. Ох, и аукнется же это!

Побывали в городском муниципалитете. Представился городскому Совету и лично мэру — Марку Баскину. Американец, учившийся в Загребе и Сараеве, он, говорят, «отличается умом и сообразительностью». Владеет сербским, со мной говорил по-русски. Присутствовал на заседании горсовета. Боже, как же это похоже на «старые добрые» советские времена, когда я был начальником милиции в Таласе! Подняли, скажем, на трибуну «мальчика для битья» — начальника горводоснабжения. И ну долбать его вопросами, претензиями, просьбами... Переглянувшись с командиром, мы дружно встали и вышли из зала. Баскин понимающе, приветливо помахал нам из президиума рукой.

9 сентября

За сутки — одиннадцать происшествий: в магазине рванула влетевшая в окно граната, вендетта (мстят друг другу два семейства уже на протяжении тридцати четырех лет!), изъятие оружия. Ночью в дежурку с «калашом» и пистолетом пришел двадцатитрехлетний паренек и... сдался: «Три недели назад я завалил соседа». Проверили — сходится...

Охраняли политический митинг «Косова* — без жестокости». Устроители грозились выпустить на улицу до десяти тысяч демонстрантов. И мы готовились основательно: полиция, немецкий + турецкий армейские спецназы. Дорожные патрули перекрыли весь Призрен. Собрались же едва двести-триста случайных зевак, лидеры-активисты толкнули речи и в полчаса разошлись. Косовары устали от войны и политики...

11 сентября

ЧП: три-четыре дня назад в Призрене выкрали работавшего здесь шведа Эрни Андереаса Жозефа. А сегодня наши опера, блестяще завершив операцию, взяли у банка пятых киднепменов. Как выяснилось, те вывезли связанного скандинава в соседнюю Македонию в багажнике, а там заставили его подписать чек на пятьдесят тысяч дойчмарок. Тех, кто приехал и получил деньги, и арестовали. Одновременно македонские коллеги штурмовали логово в городе Тетово. Все завершилось успешно, Эрни освободили.

В тот же день патрульные задержали троих местных с четырьмя килограммами марихуаны и патронами к «калашу». Ну, тут уж, проводя допрос, блеснул я профессионализмом! Удалось установить, откуда, кому и куда вез тот наркотик, где заготавливали отраву.

12 сентября

Провели «Contingent meeting» — встречу кыргызского контингента. Собрались, наконец, все впятером. У каждого накопилось море впечатлений, наблюдений, вопросов. За разговором и обильным застольем засиделись за полночь. Всех беспокоили события на родине: почему опять пропустили вооруженных экстремистов в Баткен, неужели не извлекли уроков из прошлогодних событий? Вопросы, обсуждения, споры... Урмат откопал в дислоцируемом в Брезовице украинском КФОРе кыргызца, Бакыта Белекова, что жил в казахстанской Георгиевке близ Бишкека. Его должны были отпустить на день с нами, но в последний момент направили в конвой в «Большую Сербию» (так здесь говорят). Жаль, было бы интересно пообщаться. Зато с нами ездила Айнура, которая только вчера вернулась из дома. Очень компанейская, без тени зазнайства, девчонка. Данияр Дубанаев, которого мы тоже пригласили, привез с собой жену американца, кыргызку, девочку с апломбом и абсолютно (что самое страшное!) непьющую. Но в конце мы все же нашли общий язык, чему немало способствовали добрые комплименты и непринужденная атмосфера маленького уютного индийского ресторанчика...

Вечером ждали Данияра в ресторане ОБСЕ. Руслан начал было изъясняться с официантами по-сербски, предупреждения игнорировал. Те стали агрессивными буквально в один момент. А тут еще и Улан завелся. Едва разрядили ситуацию.

* В отличие от сербов, албанцы Косово называют Косова. — Прим. ред.

Урмат рассказал, что пару дней назад один из местных полицейских нашел во дворе станции гранату (почему-то неразорвавшуюся) с выдернутой чекой. По простоте душевной он принес ее прямо в дежурку. Дежурный офицер-индеец тут же выпрыгнул в окно, а персонал пришлось эвакуировать. Слава богу, до прибытия саперов граната не взорвалась.

13 сентября

По вечерам в Призрене то там, то здесь звучат выстрелы. Пока палят в воздух, но... Патрульные с ног сбиваются, мотаясь от одной стрельбы к другой. Безрезультатно.

Устроили перестрелку лидеры двух местных преступных группировок. Одного серьезно подранили, «соратники» едва вытянули его с «поля боя» и увезли в больницу. Второго наш патруль все же догнал, досмотрев машину, нашел «смит-и-вессон» с двумя магазинами и пять гильз. Подстреленный, Феим Гаши, пока в сознание не приходит.

15 сентября

«Секьюрили» митинг весьма популярной политической партии — Демократической партии Косова (ДПК). Во Дворце спорта собралось примерно пять тысяч человек. Приехал сам Тачи, партийный лидер, отличившийся во время войны. «Децибелили» сильно, но завершили спокойно.

Сводка сообщила, что в подвале одного из домов в Приштине опять нашли кучу гранат.

16 сентября

Мой первый «командирский митинг» в RHQ — региональной полицейской штаб-квартире, что-то вроде нашего областного УВД. 24 сентября грядут выборы в Югославии, и те, «далекие», сербы из Белграда всячески пытаются втянуть в них местных собратьев, резонно, де-юре считая Косово частью Югославии. Нам, впрочем, от этой резонности не легче, обстановка накаляется день ото дня. Стреляют, жгут сербские дома. Вчера, например, в соседнем Ораховаце сожгли один цыганский и три сербских дома; поджог, который вовремя заметили соседи, удалось предотвратить и в деревне Бинак.

Региональный шеф поведал также, что жена президента Милошевича решила приехать в Митровицу (не куда-нибудь!), где и без того проблем хватает, как официальный представитель мужа для предвыборной агитации. Косовский босс от ООН доктор Кушнер официально ей в этом отказал. Но настойчивая баба, говорят, от своих намерений не отказалась. И может-таки «вынырнуть» в Митровице нелегально. То-то будет...

17 сентября

Начальник отдела расследований доложил по контролируемому мною материалу, что полицейские не замешаны в краже из почтамта. Десять дней ушло на доскональное расследование сигнала о хищении посылок из почтамта в Призрене. В преступлении подозревались полицейские-миротворцы. Сегодня, наконец, пришло сообщение, что подозрение со всех нас снято. Задержан подлинный виновник. Как выяснилось, вывод о том, что это были «менты», живущий напротив свидетель сделал только потому, что увидел припаркованные рядом UNMIKовские «Кока-колы» и кфоровские камуфлированные «мерсы».

18 сентября

Ночью рванула граната, заброшенная во двор одного из домов в самом центре. Пострадавших нет, слегка повреждены припаркованные напротив ооновский джип и частный «Гольф». Произошло это примерно в том же районе, где вечно стреляют по ночам и вечерам.

Разозленные, мы предприняли с КФОРом «карательную акцию». Неотменное чрезвычайное положение позволяет в критических случаях действовать без санкции прокурора. Проанализировав и сопоставив информацию, наметили шесть подозрительных домов и нагрянули с обысками. Результат: четыре «калашников», три ручные гранаты, четыре пистолета, две пластиковые бомбы, куча патронов... Знающие люди подсказывают: оружие здесь есть в каждом доме наряду с запасами на зиму... Один дом шмонали прямо во время свадьбы, выпроводив гостей и молодых во двор. Нашли АКМ, отец жениха взял находку на себя.

19 сентября

Ездили в Митровицу, на прощальную руслановскую вечеринку. Видно, как его уважали коллеги: тосты, подарки. И моим ребятам он подарил кучу униформы, гражданки, CD и даже хороший современный «филипс». Теперь мы остались вчетвером. Айнура ездила с нами.

Вновь покорила Митровица — вполне современный город. Вот только многие полицейские жалуются на быстро прогрессирующую здесь анемию, связывая это с металлургическим комбинатом в Тречче. Станный это какой-то комбинат: когда во время массовых демонстраций туда ввели UN-полицию + КФОР, те нашли там много всякой всячины, включая сказочные россыпи золотого песка. Я видел одного, кто, не выдержав, сунул в золото длань. Пальцы по сей день черные, видно, благородный металл здесь обрабатывают с помощью кислоты.

20 сентября

А вокруг все гремят взрывы. В Глоговаце во время митинга по поводу предвыборного марафона популярной здесь ДПК, как и 15 сентября у нас в Призрене, собралось около пяти тысяч человек. Вовсю палили в воздух, но мы арестовали лишь одного, самого рьяного стрелка. В Косово-Поле граната влетела в окно сербского дома, серьезно ранен хозяин. В Ораховаце неизвестный из быстро промчавшейся машины бросил гранату в кучу игравших в футбол детей. Кто-то был свят — взрыва не случилось. В Дечанах в двух домах нашли автоматы и М-57 (скорострельный карабин). Этих последних арестовали, а вот гранатометателей пока не нашли. Зато в Лужнице лесничий нашел среди деревьев настоящую противотанковую мину, оставшуюся со времен недавних боев. Да на границе с Албанией, разгадав код, шестеро албанцев пытались прямо через минное поле нелегально попасть в Косово. Депортированы, но уже в обход мин.

21 сентября

В Грачанице, селе близ Липляна, где служит Урмат, КФОР взял троих сербских спецназовцев, что ночью несли куда-то взрывчатку. Границу, естественно, они перешли нелегально. После чего триста солдат — шведов и англичан — перевернули Грача-

ницу вверх дном. И в трех домах нашли-таки взрывчатку, в количестве достаточном, чтобы провести мощный теракт.

А в Призрене в этот день хоронили троих бойцов ОАК, что погибли близ деревни Добросин на территории Сербии. Что они там делали — понять трудно. По официальным сообщениям, «охраняли село», но почему на сербской территории? Позитив ОАК в течение 22 часов атаковал сербский спецназ, начавший (опять же по официальным сообщениям) «зачистку района от партизан».

22 сентября

В прилегающей к речанской зоне (это непосредственно наша территория) сербский анклав Штрпце из Белграда завезли несколько сотен избирательных бюллетеней по выборам президента Югославии. Очевидно, готовится большая провокация (это с официальной, кушнеровской, т.е. ооновской точки зрения. Белград же считает Косово частью своей территории. Но мы-то здесь — в голубых ооновских беретах...). На меже (границе) — перевале Превалац — выставляем мощный КПП совместно с военными, усиливаем присутствие в бошняцкой зоне дополнительным ночным патрулем. Первым идет Нурлан с тремя местными коллегами.

Ночной налет в Манастирице. Выследив вернувшуюся с заработков в Швейцарии семью, пятеро в масках с оружием (пистолеты, автоматы) угрозами забрали деньги, ювелирку. Уходя, связали семью, заклеили рты. Так что полиция узнала о случившемся только поздним хмурым утром.

В соседней Сува-Реке в одно и то же время проходили предвыборные митинги двух политических партий. Они вылились в массовое побоище с участием четырехсот пятидесяти человек. Пришлось стягивать полицию со всего региона.

23 сентября

Ночью, принудительно остановив мчавшуюся машину, патруль задержал двух албанцев, изъяв у них браунинг с тремя полными магазинами, и русскую «леди»-нелегалку. Все трое арестованы. Надо будет с ней разобраться: кто такая, как попала сюда?

Допрашивал задержанную девицу: Наталья Чернова, 26 лет, из Молдовы. В Косово проникла нелегально, заплатив на границе. Здесь уже три месяца, танцевала стриптиз в баре «Босфор», собиралась замуж за албанца, задержанного вместе с ней. Говорит: любовь. Второго, с пистолетом, видела впервые. Разок ее уже задерживали по подозрению в проституции. Вечером повезут к прокурору, потом к судье. Последний и решит судьбу строптивой молдаванки.

24 сентября

Десять суток ареста и депортация — вердикт по Наталье.

Идут выборы в Югославии. Сегодня мы — на усиленном варианте. Местные сербы — их немного, но они есть, — не боясь навлечь на себя гнев, проголосовали за югославского президента. Бюллетени нелегально были привезены из Белграда. Так же, наверное, их повезут обратно. Ооновская политика — «не запрещать, но и не содействовать». Серьезных происшествий в Косове в эти дни не случилось.

E-mail из дома полон тревоги. Все наши и российские газеты сообщают, что грядущие местные муниципальные выборы в Косове (29.10.2000) вновь поставят страну на грань войны. Все это сильно преувеличено, разъяснил как мог. Успокоил своих.

25 сентября

Из оперсводки: 1) В Приштине двое неизвестных с пистолетом грабнули норвежца, забрав без малого две тысячи дойчмарок. 2) В Косово-Поле взрыв гранаты разворотил принадлежащий сербу отель. Жертв нет. 3) В Липляне нашли три, а в Косово-Поле — две ручные гранаты, вполне годные к употреблению. В обоих случаях на них натолкнулись местные жители, взявшиеся расширять погребя. Они самовольно заняли пустующие сербские дома, даже не удосужившись проверить их. 4) В Гниланах ночью подожжены 6 албанских домов. Жертв и пострадавших нет, успели скрыться. Хаты сгорели по самые печные трубы. 5) В этом же селе прямо на улице обнаружена граната. 6) Мину (неразорвавшуюся) нашли в поле близ Сува-Реки. 7) У села Брод на mine подорвался сапер из Южной Африки, участвовавший в составе канадского спецбата в разминировании. Пришлось ампутировать правую ногу. 8) В Бреговаце за хранение ручной гранаты арестован местный сельчанин. 9) За то же полицейские арестовали жителя Дечан. 10) В городе Печ за хранение оружия и взрывчатки арестованы трое. 11) В селе Србица налетчик в маске и с «калашниковым» напал на мужика, отобрал сумки с вещами. 12) В Лепосавиче, на заправке, некто в неопознанной униформе в ответ на отказ заправить его авто бесплатно открыл автоматный огонь по газовым колонкам. Чудо спасло от взрыва. 13) Вучитрн. Сожжен дотла пустующий сербский дом. (Приведены лишь наиболее серьезные происшествия. Всего же за сутки их было втрое больше.)

26 сентября

Вчера хоронили Скендера Гаши, известного лидера ОАК, отличившегося в боях с сербами. Он был убит в перестрелке близ Призрена. После окончания войны влез в оргпреступность и там тоже был не последним человеком. В одной из разборок его и порешили. Тело, тем не менее, выставлялось в городском Доме культуры, откуда в сопровождении тысяч горожан его увезли в родное село. Процедура прошла спокойно.

27 сентября

Проверяли информацию о складе оружия в одном из домов. Видимо, опоздали: двадцать патронов, пять пустых автоматных магазинов, пустая обойма от пистолета, две гранаты от ружейного гранатомета, пять комплектов униформы югославской и немецкой армий. Хозяина все же арестовали.

28 сентября

Здесь это официально называется «гранатная атака». Сегодня у Урмата в Липляне из идущей на большой скорости машины швырнули три гранаты в сербские дома. Их разворотило, жертв нет, хаты на счастье в тот час пустовали. Такое случается часто, особенно в регионах, где сохранилось сербское население.

29 сентября

42-летний водитель рассказал дежурному офицеру, что, когда он выезжал из Призрена на своей машине, два джипа зажали его, и сидящие в них, бряцая оружием, потребовали остановиться. Тому как-то удалось вырваться из западни. Вслед раздалась выстрелы, поврежден и в нескольких местах пробит кузов. Проческа ничего не дала.

30 сентября

Шестеро в масках и с автоматами «навестили» дом Зоги Фикрета в Призрене. Связали по рукам и ногам все Фикретово семейство, заклеили все семь ртов, надели пластиковые перчатки и, не торопясь, прочесали весь дом. Забрали деньги, золото. Ущерб — 38 300 дойчмарок. По почерку судя, работает одна группа. Выслеживает тех, кто вернулся с заработков из Швейцарии, Германии (здесь, в условиях повальной безработицы, таких очень много), и — налет. Так было в Манастырице и уже несколько раз здесь, в Призрене.

В тот же день двое с пистолетами, подъехав на красном «гольфе» без номеров, ограбили тридцатитрехлетнего Укача Флорима. И вновь налетчики неизвестны.

1–2 октября

В ночь на второе октября (01:50) в строящемся доме в самом сердце Призрена рвануло взрывное устройство. По тревоге примчались все, а тут — второй взрыв! Затем третий!!! Хорошо спланированная акция — последняя бомба рванула как раз тогда, когда подъехало много полиции и начальства. Повреждены три наши «Кока-колы», ранены четверо немцев из военной полиции, контужены две женщины из дома напротив.

5 октября

Двое напали на полицейского из местных, когда тот находился при исполнении. Попытались отобрать пистолет, били. Потерпевший выстрелил, попал нападавшему в ногу. Расследует инцидент специальная инспекция из Приштины.

7 октября

Подсчитали — в одном только Призрене за последние полтора года угнаны 1118 машин! Ребята из отдела криминальных расследований решили прочесать местный авто-рынок. В 9:30 рынок оцепили как будто из-под земли появившиеся немецкий и турецкий спецназы. Затем — местная полиция и уж потом — мы. С компьютерами в руках. Тут же проверяли по базе данных каждую машину. Всего их было 150, 67 — не зарегистрированы. Штрафанули хозяев. Но главное, отыскивали-таки один недавно угнанный «мерседес-190». Пытавшегося «пихнуть» его тридцатидвухлетнего Беришу арестовали.

8 октября

Узнал подробности об ограблении банка в Приштине. Случилось это 4 октября. Инкассаторы, взяв мешки с деньгами (230 тысяч долларов), начали спускаться вниз, к машине. В холле их поджидали пять вооруженных налетчиков. Невольно возникла версия сговора: двое инкассаторов сопротивлялись как-то слабо. Их просто оттеснили в угол и забрали мешки. А вот шофера, что пытался остановить грабителей всерьез,

хладнокровно пристрелили. Парень, оказывается, нарушил инструкцию, предписывающую не оказывать сопротивления в случае вооруженного нападения. Грабители были в масках, шансы разыскать весьма невелики.

9 октября

Расстреляв из АКМ замок, бандит вломился в дом к Будури Рефику в Призрене. Забрал... телевизор.

Примерно в то же время неизвестный из пистолета выпустил пять пуль в семнадцатилетнего Бутули Лабинота. Тот присел на лавочку и на секунду прикрыл глаза... Парню прострелили левую ногу. Хорошо, что не задета кость. Потерпевший подозревает ревнивого соперника. Будем разбираться.

Охраняли порядок во время перезахоронения останков двадцати семи погибших, вернее, расстрелянных в последнюю войну, местных жителей-албанцев. Они были захоронены с соблюдением всех национальных ритуалов, но 4 месяца назад братскую могилу вскрыли, и международные эксперты произвели эксгумацию. Теперь вот останки вновь обрели покой. День был пасмурный, тучи висели низко. Народу собралось около трех тысяч. Дружно молились; сменяя друг друга, орудовали лопатами. Кратко митинговали, женщины тихо плакали.

Вечером, остановив для проверки «опель-манту», патрульные офицеры обнаружили под сиденьями ручную гранату и несколько косяков анаши. Водила, его брат и второй пассажир арестованы.

10 октября

По служебным обязанностям я еще отвечаю за контакты полиции с местным населением, обязан думать об «упрочении имиджа» вновь создаваемой Полицейской службы Косова. Хожу по школам, неправительственным, госорганизациям, встречаюсь с политическими лидерами. В школе села Жур выяснял с учениками, что они знают о работе полиции. Оказалось — почти ничего, ребята впервые видели полицейских (как местных, так и международных) вблизи. И наша беседа потому свелась к более понятным им... правилам дорожного движения.

А вечером в Доме культуры поучаствовал в «круглом столе» лидеров местных политических партий, задавал вопросы. Политика, она и в Косове (здесь — тем более!) политика. Полно популизма и очень мало конструктивных идей. В ответ на мой вопрос, что он делает для полиции в случае избрания в муниципалитет, один из весьма популярных здесь партбоссов заявил, что немедленно уравнивает их в зарплате с полицейскими-международниками и введет страховку. То, что бюджет Косова полностью зависит от прихоти ООН (а значит, США, Германии, др.), он, конечно же, «не догадывается». Корчат из себя!

11 октября

Соседи, полицейские из Сува-Реки, рассказали: на станцию пришла женщина и сообщила, что «бойфренд» вдруг принялся ей угрожать. Он якобы хранит дома целый арсенал! Проверили, «другом» оказался политический деятель, двадцативосьмилетний Вата Флюрим, кандидат от Альянса «За будущее Косова». Без церемоний, канди-

дат — не кандидат, явились с обыском. Изъяли: пистолет 9 мм с семью патронами, револьвер, магазин от АК-47 с 17 патронами, 4 ручные гранаты и 116 патронов россыпью. Говорят, кандидат был весьма проходным...

В тот же день взорвалась бомба в ночном клубе (сербском) в Косово-Поле. Случилось это уже под утро, куда посетители разошлись. Всю мебель разнесло в щепки. Выбиты стекла.

В том же селе, на КПП, солдаты поймали вооруженного албанца. Его и «примеряют» к взрыву.

В Приштине, в пригородной роще, влюбленные натолкнулись на неразорвавшуюся противотанковую мину «Made in Russia». Не без труда саперы обезвредили ее.

В 22:35 рванул заряд в резиденции одного из самых богатых жителей региона Печ. Никто не пострадал. Пустовавшее здание разрушено полностью. Начали расследование.

12 октября

Вечерний патруль нашел две гранаты в машине сорокаоднолетнего Абдулы Сахмета. А в два часа ночи четверо в масках и с автоматами пытались угнать со двора машину Мустафы Бислимача. Но хозяева проснулись и вместе с детьми подняли дикий ор. Бандиты ретировались, а выйдя со двора, для острастки постреляли в воздух. Ночью же раздалась три взрыва возле городского водохранилища. Сторож, что сидит без связи, выйти побоялся и сообщил о случившемся под утро. В 6:30 примчались саперы, но обнаружили только глубокую воронку.

Мы еще, оказывается, живем в относительной безопасности! Сегодня, например, получил ежедневный Sitrep (рапорт о ситуации). Коротко:

1. В Липляне (там, где служит наш Урмат!), используя небольшую ракетную установку, неизвестные взорвали 3-й этаж цыганского дома. Обитателям повезло, в этот момент они обедали в полуподвале.
2. В Косово-Поле при обыске дома изъята ручная граната М-75.
3. В Глоговаче военные арестовали ехавшего в автобусе мужика, «случайно» прихватившего с собой ТТ.
4. Опять же в Липляне, осматривая дом, полицейские изъяли пистолет с двенадцати патронами.
5. В Косово-Поле толпа сербов собралась у полицейской станции и митинговала до тех пор, пока не были освобождены двое задержанных накануне, что угрожали местному полицейскому. Вообще-то сербы (вспомним Митровицу) используют такой способ давления довольно часто. Наши предпочитают не обострять обстановку и, как правило, идут на компромисс.
6. В Урошеваце, заметив приближающуюся патрульную машину, стоявший на обочине мужик (нервы не выдержали?) вдруг бросился бежать, на ходу вынул из-за пазухи лимонку и, не вынимая чеки, отшвырнул ее подальше. Задержан, граната обезврежена.
7. В Истоке сгорел подожженный кем-то сербский дом. Возбудили дело. Ведется поиск.
8. Регион Печ, КФОР рапортует, что мина выпотрошила магазин. На месте происшествия обнаружены еще две неразорвавшиеся «рогатые смерти».
9. В той же Пече в ходе прочески изъяты АКМ.

10. В городке Исток обнаружены два автомата, пистолет и огромное количество боеприпасов.
11. В Митровице сербы внезапно вселились в квартиры двух ооновских полицейских, когда те были на службе. Выметаться, даже после соответствующего нажима, не собираются.

13 октября

В три ночи громыхнуло у нашей полицейской станции. Стянулись все патрули, подъехал армейский спецназ. Нашли место взрыва (вроде бы к нам не направлен!), а также дежурившего неподалеку сторожа. Тот видел огонь и слышал взрыв. Да такой, что его не хилая сторожка в пятидесяти метрах долго сотрясалась. Где же искать этих подрывников?!

Люди хранят здесь целые арсеналы. Сегодня в Приштине в ходе обыска в обычном доме нашли склад легкого стрелкового оружия. Слава богу, теперь оно уже не выстрелит! В общем же местные албанцы живут по начертанному латинянами принципу: «Хочешь мира — готовься к войне!».

Аноним позвонил в аэропорт Приштины: «В самолете «ADA Airlines» — бомба!» Что тут началось! Не нервничали лишь натасканные на взрывчатку овчарки. Они деловито шмонали багаж и самолет. Пусто! Самолет улетел с опозданием на три часа.

Согласно сводке, несколько «неприятностей» приключилось в городке Урошевац. Сначала здесь задержали троих, что с пистолетом и автоматами угрожали почтенному семейству. В это же время в другом конце патруль взял еще одного вооруженного шантажиста. В 9:35 на полицейскую станцию явился местный. Заявил, что «нашел по дороге несколько гранат и загрузил их в свою машину...». Саперы долго смеялись: «Ведь это тебе не грибы, мужик». Но дело свое сделали. А в поле за городом ребяташки нашли мощную противотанковую мину. Дети войны здесь ничего не трогают, не подбирают. Есть даже специальные комиксы, где Супермен учит, что делать, если увидел незнакомый предмет. Спецы расстреляли опасную находку из гранатомета.

14 октября

К нам прилетел сам Кушнер, Представитель Генсека ООН в Косове, Глава Администрации. Безопасность VIP блюли на высшем уровне, неделю убили на это. Снайперы, оцепление, собачки, металлодетекторы. И визит удался на славу. Не обошлось, правда, без «изюминки». В последнюю перед прилетом высокого гостя минуту КПП, где на подъезде к вертолетной площадке стояли немцы, вдруг заменился австрийцами. Те — не в курсе, остановили машину с личной охраной наместника, что прибыла из Приштины на колесах. «Не положено!» Телохранители долго объяснялись, терзали рацию — австрийцы были непреклонны. Наконец, созвонившись, вроде бы согласились. Для виду спросили: «Оружие есть?» Простые такие бодигарды его и продемонстрировали. А уж обвешаны эти парни железом с ног до головы, детектор зашкаливает. Пока австрияки приходили в себя, кушнеровские ребята уже были на площадке. Вертолет приземлился буквально им на головы.

Пример местной разборки. Не разъехались две легковушки. Водилы долго препирались, приспустив окна. Распаясь, один схватил железный прут, другой же вылез из салона с «калашниковым». Первый сдался. Второй арестован. Прямо как в анекдотах

про новых русских, когда сталкивается «Запор» и 600-й мерс, на старика из малолитражки наезжают, тот передергивает автомат, вдруг извлеченный из-под сиденья: «О, как вы все меня достали...»

15 октября

Уже ехал домой. Вдруг — радио: «Ближайшим патрулям, взрыв на центральной трассе в двух километрах от Призрена в сторону Душанова». Развернулся. Движение перекрыто, наши уже работают, саперы тоже здесь. Вижу покореженные двери придорожной мастерской. Огорченный хозяин: «Только-только отстроил, даже застраховать не успел...» Оказалось, его сосед нашел в поле ручную гранату. Вез ее на велосипеде, но в дом заносить побоялся и выбросил на подъезде, почему-то прямо к порогу мастерской. Чуть отъехал, и грянул взрыв, хотя, по уверениям велосипедиста, чеки он не трогал. Саперы говорят, что такое иногда случается.

16 октября

Обилие всякой бронетехники, с одной стороны, вселяет уверенность, с другой — создает множество проблем. Особенно с дорожным движением. Ну никак не хотят местные, мощные еще в начале века булыжником улочки вмещать супертяжеловесные танки. Пару дней назад, в Сува-Реке, в один такой монстр на всем ходу въехал старенький «мерс». Мои офицеры оказались свидетелями: броненосец буквально навис над трассой, и не заметить его, прямо скажем, надо было сильно постараться. Но — случилось. Трое в больнице. Из экипажа «машины боевой» никто не пострадал (так в сводке).

«Сексуальные притязания» — такова суть заявления трех молодых полицейских-кадетш в отношении инструктора-филиппинца. Это — серьезное обвинение, одно из немногих, за что могут депортировать из миссии. Однако надо иметь в виду, что местные особы женского пола порой весьма странно и своеобразно реагируют на вполне безобидные комплименты. По жалобе кадетш высокая комиссия из Приштины, признав претензии частично обоснованными, рекомендовала перевести «молодца» в другое подразделение. Теперь он служит в дорожной полиции. Но уже не как инструктор, а как рядовой сотрудник.

Ох и любят же здесь пострелять! В Урошеваце сегодня начали палить прямо на свадьбе. Из АК-47. Благо — в воздух... Стрелок арестован, оружие конфисковано. Там же вечером некто пытался забраться в чужой дом, сломал дверь. Хозяева подняли шум, звали на помощь. Прежде чем ретироваться, разбойник разрядил в воздух целый рожок! А в Митровице двое открыли огонь из автоматов прямо в баре, ранили троих. До приезда наших успели скрыться.

В сербском анклав Штрепче сорок местных жителей вдруг блокировали дорогу, а через поселок проходит одна из основных косовских магистралей. Заявили, что ооновские и натовские грузы они пропускать будут. А вот албанские машины — нет. Прознав, албанцы из окрестных сел стали стягиваться к границам анклава. С угрозами. И оружием. Сербы же заявляли, что они не чувствуют себя в безопасности даже в «собственном доме» и, дескать, уверены, что, случись что, никакие международники на помощь не придут. Ситуация нагнеталась, к Штрепче подтянули военных, танки.

Успокоятся ли? И осуждать-то нельзя ни тех, ни других. Ведь здесь при Милошевиче была страшная резня — жутко слушать.

17 октября

Как ответственный за связи с общественностью развернул широкие контакты с местными газетами, радио. Завязались и со школами. Решили узнать, что же думает новое поколение косоваров о полиции. Младшие будут рисовать, средние — тестироваться, старшие — писать сочинения. Общая тема: «Что я знаю о полиции?» Чтоб создать тест, нам рекомендовали обратиться к известному здесь учителю Рами Берише. Тот сделал. Но, как у нас говорят, слишком много в нем было подтекста — упоминаний о прежней коррумпированной и «тоталитарной» сербской милиции и т.д. Мой кадет, Байрам (интересный мужик, десять лет отсидел за политику. Но об этом — отдельно), сделал свой вариант, более, так сказать, демократичный. Посоветовавшись со школой, его-то мы и запустили. Выяснилось, что ребята в целом доверяют международным и собственным косовским полицейским. Вообще же косовары сегодня, на волне патриотизма, имеют уникальную возможность создать с нашей помощью полицию нового стиля. И пусть им это удастся.

В который раз, присутствуя на концертах художественности по поводу предвыборных политических митингов (положено по должности), слышу албанскую песню, отчетливо выделяя слово «Митровица». Но поется эта песня так, что дрожь идет по телу... Сегодня, наконец, поинтересовался у переводчицы, о чем поют. Раймонда перевела: «Пусть погибнут все косовские парни и девушки, но Митровица, что сегодня разделена на южную, албанскую, и северную, сербскую, части, снова станет единой, нашей...»

Ничего себе песенка!

18 октября

Получил более ста рисунков о полиции. Большинство — тривиальных, но есть несколько, на мой взгляд, интересных. Вот бы проконсультировать их у психолога! Пока же, обобщив результаты тестирования, опубликуем их и положим в основу будущей работы. Из рисунков же сделаем своеобразную выставку прямо на нашей станции.

Несколько дней назад исчезла шестнадцатилетняя школьница. Здесь это — ЧП! Поднялся дикий ор, все радиостанции, в том числе военные, вещали только об этом. На ноги подняли военную полицию, солдат, всех наших. И нашли-таки беглянку в позднем автобусе на подъезде к Призрену — ездил к подруге в пригородное село. Но поднялись все. Вот бы у нас так!

В Призрене есть бар — «Пит-Буль». Сомнительное такое заведение. Вчера сидели там за пивом наши ребята, в гражданке. И местный карманник, приняв их за лохов иностранцев, решил пожить. Откуда щипачу было знать, что жертвой он выбрал канадца, курирующего по этой части огромную привокзальную площадь в Торонто! Тот умело перехватил воровскую руку в своем кармане, где было портмоне с документами и пять тысяч дойчмарок. Ну и влип воришка!

Вчера в одном из липлянских сел проходил предвыборный митинг, собралось около тысячи человек. И подрались! Полиция пустила в ход дубинки — «демократизаторы», баллончики со слезоточивым газом. Арестованы четверо зачинщиков.

В Гниланах четверо заявили, что местный житель пугал их гранатами. Когда наши подъехали, подозреваемый выпустил в них автоматный рожок!!! К счастью, промакнулся. Новоявленный Робин Гуд меткостью не отличался. Изъят АК-47, две гранаты. Полицейская машина теперь сильно напоминает решето.

В настоящий арсенал превратили свой район жители Клины. Информация о том, что здесь поголовно вооружены все мужчины, поступала давно. И вот военные устроили зачистку. В результате прихватили одного с двумя пистолетами и 104 патронами. При обыске местной бензозаправки найдены два «калашниковых» и семьдесят четыре патрона. Следующий взят за хранение трех пистолетов, одного «калаша», винтовки, шести пистолетных магазинов и девятисот шестидесяти двух патронов разного калибра.

Война войной, а тут вот какое дело. Местный житель пытается открыть магазин в собственном доме на первом этаже, а бюрократ из муниципалитета мешает ему, тянет с разрешением. Возбудили дело, начали расследование. Все должно быть по справедливости. И по закону.

19 октября

Байрам. Мой сорокаоднолетний кадет немного рассказал о себе. Закончив полицейскую школу, работал в одном из участков. В мае 1980-го умер Тито, и начались политические брожения. Байрам вошел в группу, ратовавшую за отделение Косова от Югославии и присоединение к Албании или (второй вариант) — за «самостоятельность» Косова. Короче, в сентябре 80-го года в его сумке нашли прокламацию, арестовали и судили. Срок (десять лет) отбывал в политколонии под Белградом, причем три первых года — в одиночке. Говорит, что арестовавшие его сотрудники Государственной безопасности (местный вариант КГБ), как и он сам, были албанцами. Судили и даже конвоировали тоже албанцы. Так что сербы, резюмирует он, тут ни при чем. Освободился «звонком» (и даже месяцем позже) в ноябре 90-го. Когда сидел, со всей страны поступали новые заключенные: на волну демонстраций власти ответили усилением репрессий. Многих полицейских-албанцев если не посадили, то, как моего первого подопечного Бафти (сорок два года), уволили без объяснения причин. Вернувшись после отсидки, Байрам пошел в ОАК, затем в KPS. Идеальный, но не наци. Охотно говорит по-сербски и уверен, что хватит воевать, мы, дескать, обречены быть соседями и надо учиться жить в мире. Если так, сработаемся!

20 октября

Всех офицеров, отвечающих за связь с общественностью, собрали в региональной штаб-квартире. Представляли новое начальство из Приштины. Канадец-француз делал эту работу последние три года на родине. Рассказывал, как «тяжело» работает в Приштине — ни офиса, ни машины, ни компьютера... Внес мелкие дополнения в нашу отчетность. Типичный чиновник-бюрократ: цифирь, кое-какие примерчики («Не пишите много, мне есть чем заняться вечером...»). Красавица-секретарь, честное слово, произвела впечатление большее, чем скучный босс.

21 октября

В приштинском «Гранд-отеле» турки провели шикарный «медаль-парад». Строгую церемонию вручения медалей ООН «За службу во имя мира» они превратили в настоящий праздник. Руслана с Урматом в прошлом году награждали совсем по-будничному: посетили Комиссара, тот нацепил им медали, они ему на голову — ак-калпак, выпили пива и разбежались.

По дороге в Приштину, вокруг которой по-прежнему много сербских деревень, наблюдал странную картину: сербы пашут поле тракторами под охраной финских танков. Можно представить такое?

Урмат еле разомкнул глаза, когда я постучал около 10 утра. Рассказал, что ночью им сообщили, будто банда в соседнем районе взяла банк и уходит в их сторону. Всю ночь гонялись, но гангстеров так и не обнаружили. Зато при обыске одной местной машины нашли незаконный ствол.

Вернулся из Приштины около 21.00. У нас в гостях сидел Майкл Спроу, техасец. Последнюю мою неделю в Речанах мы там столкнулись. Сейчас он — начальник патрульной смены. Ему лет сорок пять, байкер (!), о мотоциклах рассказывает с придыханием, как о породистой красивой женщине. Больше чем по семье скучает по мото «Кавасаки». Байкер, говорит, это образ жизни, и возраст здесь совершенно ни при чем. В Речанах только один компьютер в дежурке. И вот ребята подсмотрели, как Майкл беседует с кем-то на дисплее. Оказалось, из дома по Интернету переслали фотографии стосильного «коня» во всех ракурсах. И теперь, когда никого нет, открывает Майкл флоппи-диск и общается с любимцем. Такой вот кадр... Крепко выпив, Спроу и заночевал у нас. Болтали допоздна. «Я не прочь заработать деньги, Алекс, — объяснялся он, — но кроме того, чтоб находиться здесь, надо иметь что-то в сердце...» Рассказал о себе. Родился в Германии. Мать — немка, ее родственники погибли на войне от рук русских и бомбежек американцев. Отец — военный из США, служил в Германии. Родители трижды сходились-расходились, и он жил то в Европе, то в Штатах. Сводная сестра по отцу замужем уже за немецким военным, сейчас они здесь, в Косове. Сам Майкл, видимо, был обречен носить униформу, стал летчиком. Двадцать лет отдал ВВС США, потом пошел в полицию. «Хоть я только полунемец, но чувствую вину своего народа перед человечеством. Я здесь еще и потому, что хочу сделать что-то полезное для людей...» И еще: «До сих пор я никогда не встречался вот так, лицом к лицу, с людьми из-за железного занавеса. Сейчас его уже нет, но все же. Я чувствовал, что по другую его сторону тоже живут сильные, очень хорошие люди. И, встретив вас, понял, что не ошибся». Приятно, черт возьми!

22 октября

КФОР, проводя блокаду границы, взял сразу семерых нелегалов. Все — жители Албании, сначала проникли в Македонию, затем уже сюда, в Косово. При себе (во дают!) ни одного документа. Разбираемся!

Здесь есть маленький симпатичный бар с символическим названием «Бахус». По словам Айнуры, она практически «перезимовала» там в прошлый сезон. Пригласила. Молодец девчонка! Мотается себе без всяких телохранителей по окрестностям и говорит, что по-настоящему боится только минных полей. И даже длинные прежде волосы остригла. Чтoб не цеплялись, если вдруг туда занесет.

23 октября

С утра — еще четверо нелегалов. И снова без каких-либо документов. Немцы взяли за границу всерьез.

Просто глупо: после обеда я собрался ехать со спецназовцами и нашими сыщиками на обыск, обещавший быть интересным. Уже сел в машину, как вызвал командир станции. И поручил быть вместо него на официальной встрече. Самое обидное, что она, встреча эта, в конце концов не состоялась. А вот обыск я пропустил. Коллеги меж тем нашли там целый армейский склад — автоматы, пистолеты, пулемет, патроны. А кроме того — триста девятнадцать фальшивых банкнот достоинством в двадцать дойчмарок и сорок девять — пятидесятимарковых. Случилось это в селе, что зовется — Самодржа.

Рано утром двое незнакомцев напали на местного полицейского. С ножом. Тот был с маленьким сыном и, защищаясь, выхватил служебный «Глок», прострелил колено одному из обидчиков. Инцидент расследуется. В том числе и офицерами, отвечающими за подбор и обучение сотрудников Косовской полицейской службы.

24 октября

В Призрен приехал один из популярнейших местных лидеров, знаменитый Ругова. Тот самый, что вел переговоры с Милошевичем в Рамбуйе (Франция), после провала которых и начались натовские бомбардировки. Он же лидер Демократической Лиги Косова (ДЛК). На встречу пришло около пяти тысячи человек. Толпу еле сдерживали. Работал вместе с местными полицейскими, учил их оттеснять толпу, взявшись за руки. Как здорово, что народ здесь практически непьющий. У нас живую полицейскую цепочку «градуированный» (в смысле под градусом) народ смел бы дотла. Но полтора часа были не из легких. Характерная деталь: все время митинга воздух барражировали два вертолета. Со снайперами, однако...

25 октября

Приштина, «круглый стол» командиров всех контингентов. Встретились с начальником всех полицейских международных сил в Косове Комиссаром Свенном Фредериксоном. Мужик спокойный, говорит только по делу. Жаль, что в декабре уже уезжает. Сообщил, что сегодня Миссия представлена уже 50-ю странами, в Косове работают четыре тысячи сто полицейских-международников. И они, что бы там ни говорили, свое дело делают неплохо. «Когда я приехал сюда почти два года назад, — сказал Комиссар — и страна, и столица Приштина представляли собой тяжкое зрелище. Город жил на последнем издыхании, без света, воды и тепла. Повсюду торчали пустые оконные глазницы. По ночам стреляли, и это было нормой. Сейчас вы видите изобилие магазинов и базаров, забитые до отказа бары и рестораны, потоки самых дорогих машин, толпы красивых, богато одетых женщин. И в этом, несомненно, и наша с вами заслуга...»

Заезжал к Урмату, звонили домой. Каждый такой звонок, да что там звонок, весточка по электронной почте — как короткое свидание!

Урмат жаловался на командира: редкостный, неприветливый, хмурый, ни с кем не здоровающийся сноб. Подумал, утрирует, но внезапно столкнулся с ним лично. Едем, на развилке — пост, а командир-финн его инспектирует. Остановились поз-

дороваться, а тот ноль внимания, ни тебе здравствуй, ни до свидания. Приказал Урмату: «Быстро переодеться и — в строй. А сейчас отведи полицейских на станцию». Машина-то моя! Да и Урмату в ночь на смену. Ну и тип!

Ужинали с Данияром Дубанаевым и Эльзирой Сагынбаевой (работала в ПРООН в Бишкеке, сейчас заместитель Представителя Программы Развития ООН в Косове). Она здесь уже двадцать три дня, до этого волонтерила в Сараеве. Мы хорошо знакомы. Потому и ужин был легким и непринужденным, в хорошем индийском ресторанчике. Эльзира рассказала, что на одном из международных симпозиумов, узнав, что она из Кыргызстана, к ней вдруг обратился совершенно «далекий» (в смысле — издалека) мужик: «У вас нет с собой калпака, я так мечтаю о настоящем кыргызском калпаке...» В ответ на недоуменный взгляд пояснил: «Как-то в Копенгагене я увидел на улице красивую девушку в таком калпаке. Выяснилось, что его подарил ей Йенс Вендел, датчанин, что долго работал в Бишкекском офисе ПРООН, а ныне возглавляет это учреждение в Ашгабаде. Вот с тех пор, уже два года, я страшно хочу этот головной убор в свою богатую коллекцию. А с той девушкой мы до сих пор крепко дружим». Когда собеседник узнал, что ак-калпак — это в общем-то принадлежность сугубо мужская, он долго удивлялся: «Надо же, а он так шел моей пассии...»

По ходу вспомнили добрым словом Павла Морозова, он сейчас в отпуске в Бишкеке (о, счастличик!). Данияр рассказал, что того здесь высоко ценят и в его, простого волонтера, подчинении служат трое профессионалов-финансистов. Павел в окружении КФОРа, чаще всего на вертолете или в броневике, развозит по округе зарплату — огромные деньги. Конечно же, здорово рискует. Достаточно вспомнить описанную ранее историю об ограблении банка в Приштине. Когда приезжают в банк, их группу проводят в подвал, в бронированный бункер. В полной, «вакуумной» темноте их, очевидно, рассматривают, а скорее сканируют, приборы. Короче, к деньгам допускают только минут через двадцать-тридцать. А однажды был такой случай. Морозов выдал крупную наличку военным, что-то около четырех миллионов марок. Те долго и громко, прямо в офисе, совещались, как лучше и безопаснее транспортировать деньги, чертили схему. Ушли, а через час вернулись. И — смущенно так: «Мы тут у вас ничего не забыли?» — «Например?» — «Ну, в общем, деньги...» Рассказали, что они уже вели вертолет на посадку в лагерь, как выяснилось, что ни у кого из троих нет пакета с дойчмарками. Всполошились и — назад. Павел тоже всерьез напугался: «Нет, вы же расписались». Перерыли все вокруг — нет пакета. Состояние, близкое к панике. Четыре лимона — это же примерно два миллиона баксов! Вспомнили про уборщицу. Та: «Да, выбрасывала какие-то бумаги с остатками гамбургера». Офицеры, в униформе, при оружии и регалиях, принялись потрошить мусорные баки. Глазела на них, казалось, вся миссия. Пол-Приштины. Нашли. Радовались несказанно.

26 октября

Были в школе села Жур. Мой кадет рассказывал ученикам о Правилах дорожного движения, заодно тестировали ребят по специально разработанной нами методике. А потом, как-то вдруг, я начал рассказывать восьмиклассникам о Кыргызстане. И трепался вместе с переводчиком минут тридцать. Слушали не перебивая.

27 октября

Днем четверо местных приехали на место бывшего голландского военного лагеря в Душаново, чтоб покопаться в утильсырье. Роясь, вдруг извлекли бомбу. И та рванула. Трое с покалеченными нижними конечностями — в госпитале.

Завтра — выборы. Начинаем с трех утра и — до забора (как в том армейском анекдоте: «Копать от забора и до обеда»). Это будет длинный день, один из длиннейших в Косове! И — знаковый.

28 октября

Первые в истории Косова демократические (хотя всего лишь муниципальные!) выборы. Командую резервом. Думал отсидеться, пописать. Не тут-то было! Народ брал избирательные участки штурмом. И в который уж раз за последние несколько дней подумалось: «Как хорошо, что они здесь непьющие». Особенно досталось ближе к закрытию, после 17:00. Желающих проголосовать не убавлялось, все волновались — вдруг закроют участки?! Полиция уговорила ОБСЕ, под чьей эгидой проводились выборы, «обслужить всех желающих». Но несмотря на обещание держать двери открытыми до последнего голосующего, народ стойко держал осаду. И топтал, топтал полицейских. Правда, доброжелательно, без злобы, лишь под напором толпящихся сзади. Закончилось все без особых инцидентов.

Да и перед выборами, когда все силы были на ногах, особых проблем в Косове не было. Разве что 26 октября на одном из пограничных КПП коллеги конфисковали сразу пять АК-47 и боеприпасы. Для кого, интересно, их везли?

И уже утром 28-го получили мощнейшую ориентировку из военной разведки: «Всем патрульным, резерву, постам. Иранская журналистка, госпожа (ух как вежливо!) Шукран Хожа, работающая на радиостанцию «Уртесижа», находясь в Косове, планирует акцию против американских граждан или учреждений. Другие детали неизвестны. Уделить особое внимание при патрулировании. Способна на любой риск! Вооружена! Носит бронезилет! Используйте спецсредства для собственной безопасности! Будь осторожен!» Фанатичка?

30 октября

Стало известно, что в целом партия Руговы набрала пятьдесят четыре процента голосов и будет представлена большинством в местных муниципалитетах. Народ выбрал наиболее либеральную и одну из наименее воинствующих партий. Да и сам Ругова, доктор наук, албанист (т.е. специалист по албанской литературе и языку), ученый, интеллигент, импонирует больше, чем Тачи из Демократической партии Косова, которому даже под шикарного кроя цивильным платьем трудно скрыть военную выправку. На митингах ДЛК, даже когда в них участвовал Ругова, я ни разу не слышал выкриков в пользу ОАК, ныне расформированной и интегрированной в военную структуру по окрестности края. ДПК же фанаты, то и дело прерывали, скандируя: «У-Ч-К, ТА-ЧИ» и т.д.

Ударился в работу. Каждый день бываю в школах — лекции, беседы. В Речанах вознамерился даже поднять учеников и педагогов на субботах, уж очень грязно было вокруг школы. Получилось! нашел в КФОРе комикс «Супермен против мин» на сербском. Вручил в нескольких бошняцких школах. Благодарили.

31 октября

Такого не встречал за все двадцать шесть лет службы! Вечером, объезжая участок, патруль нашел горящую машину. «опель-кадет» пылал, а рядом радостно приплясывал какой-то мужик. Его, конечно же, задержали. Оказался... хозяином. «Да, сжег, за то, что попал в аварию. Я страшно зол на эту грудку железа...» Ущерб — три с половиной тысячи дойчмарок. Поджигатель-владелец оказался психом, да еще и в период обострения. Сдали в госпиталь, выставили охрану.

1 ноября

День кыргызской милиции. Вечером скромно отметили. А ночью вместе с турками и немцами из военной полиции шмонали подозрительные бары и дома. В популярном здесь «Тисино» изъяли два «калашникова» с полными магазинами. А в «Линде» обнаружили шесть болгарок-подавальщиц. Видали мы таких «официанток»!

Вечернее шоу «Мисс Призрен-2000». Хороший концерт. А победила наша, Самира, переводчица из Речан. Красавица!

2 ноября

Предстоял большой шмон в Горне-Селе, сразу в двух местах. Три месяца назад эти дома уже обыскивались, тогда военная полиция изъяла гранаты, патроны. Сейчас разведчики прознали, что там якобы опять складируют оружие.

Инструктаж на военной базе в Средска, ближайшей к предстоящей акции, был проведен по всем правилам — со схемами, вопросами-ответами, сверкой часов. Дальше — восьмикилометровый рывок к Горна-Селу, и вот уже все въезды и выезды перекрыты контрольно-пропускными пунктами. Немцы, что солдаты, что полицейские, работают как часы, и я этому по-доброму завидую. Оцепив дворы, спецназовцы струдили хозяев в одном месте и бегло осмотрели все помещения первой усадьбы. Нет ли кого еще? Заработали кинологи, пустив за ограду бельгийских овчарок, натасканных на взрывчатку и оружие. Следом двинулись австрийцы из подразделения, занимающегося разминированием. Миноискатели пищали то и дело, и мы напряженно затихали. Но и в очередной раз из земли извлекалось лишь ржавое железо...

Пришлось разворошить даже огромные, аккуратно и трудно складываемые копны сена — уж очень противно верещали детекторы. Сначала собаки, а потом и люди поработали и внутри домов. Но тщетно — пусто. Зато во втором обыскиваемом доме нашли пулемет двенадцатого калибра. Конечно же, российского производства. Аккуратно завернутый, в жирной смазке, лежал в подполе. Вскоре соседи нашптали, что оружия вы, дескать, здесь не найдете. Они-де попрятали стволы в горах. И назвали место. Забрались и туда, обшарили все. Безрезультатно. Пришлось довольствоваться пулеметом.

4 ноября

Прощальная вечеринка немецкой военной полиции. Работали рука об руку под одной крышей два месяца. Изрядно подвыпили, пристал швед-полицейский: «Никогда не слышал о стране Кыргызстан». Пришлось ответить довольно жестко: «Это зависит от образования...» Лил сильный дождь, все толпились под одним тентом. В разгар ве-

селья ко мне вдруг подсел немец. В шортах и футболке, он выглядел странным. Изрядно поддатый, спросил: «Вы из бывшего Союза, не так ли?» Получив утвердительный ответ, вдруг признался: «А я родился в Румынии, еще при Чаушеску. Закончил там гимназию. Эмигрировав двенадцать лет назад, пробивался трудно. Да и сейчас считаю второсортным, хотя и „стопроцентные“ немцы признают мой приоритет в языках, точных науках. Все это получено там, в Румынии. А сейчас я — в военной разведке...» Так вот, по-свойски, как социалистический — социалистическому, за банкой пива, поведал он мне на хорошем английском о ситуации в Косове. Расцвела оргпреступность: незадолго перед началом натовских бомбардировок все руководство ОАК попало на транспортировке ядерных материалов. НАТО, уже тогда полностью содержавшее Освободительную армию, старалось замять скандал, дошедший уже и до сербских ушей и всячески ими раздуваемый. Событие это даже ускорило бомбардировки. Теперь же Корпус защиты Косова (переродившаяся ОАК) собирает дань со всех и вся. Отель «Тиранда» (крупнейший в Призрене) ежемесячно передает им десять тысяч дойчмарок! По словам разведчика, он неоднократно сообщал наверх, но там все гасят. Теперь вот уезжает. «Представляешь, Алекс, сколько бы я заработал, сообщи эту информацию газетчикам?!» И еще. Постоянно рассуждая об экономике, на прощание мой визави сказал: «Коммунисты — лучшие капиталисты. Я убедился в этом как на собственном опыте, так и на многочисленных примерах друзей из стана социализма». Да, интересной получилась пирушка!

6 октября

В Скопье сидели в «Туркиш эйрлайнз». Неожиданно позвонила Гульбара, с которой нас познакомил Данияр 12 сентября во время встречи кыргызстанцев. Она знакома с тамошней сотрудницей Горданой и хотела пригласить ее на кофе. Гордана тут же проинформировала о трех джигитах, желающих улететь в Бишкек. Гульбара примчалась на прекрасном «Чероки», покатала по городу. Она замужем за американцем, что на двадцать три года старше. Поженились они в Бишкеке, где тот консультировал наш парламент (сейчас то же делает в Македонии).

Вечером в пабе «Лондон» к нам присоединилась еще одна красавица-кыргызстанка, замужем за македонцем. Они познакомились на конференции в Германии. «Это-судьба», — коротко ответила Айгуль на уже поднадоевший, как видно, вопрос «А как вам это удалось?», заданный моими не очень вежливыми спутниками. Сказал тост, будто бедность природных ресурсов Кыргызстан с лихвой покрывает своими красавицами, которые уверенно завоевывают мир. Всем понравилось.

7–10 ноября

Были у Урмата в Липляне. Рассказал, что несколько дней назад, ночью, что-то около 24:00, ему из дальнего села позвонила знакомая девчонка-официантка. «Приезжай, здесь понаехали бородатые мужики с автоматами, напились. Хозяин выставил меня в уплату за долги. Пока отбиваюсь, но надолго ли?!» Девушку эту, албанку, он знал, так как долгое время она работала в Липляне. Потом, рассорившись с родными, уехала. Скиталась, пока не нашла работу в сельской харчевне. Зовут Флора.

Ночью пошел на станцию. Подняли начальника, и в его кабинете Урмат рассказал трем-четырем офицерам об источнике информации. Поворчав, решили ехать. Два полицейских патруля — финские воины. Ехали полтора часа и только зашли в ресторан — заплаканная девчонка бросилась к ним. И тут финн-полицейский, что дома, в Финляндии, патрулировал улицы захолустного городка, а теперь выбился в «тим-лидеры» (начальники патрульной смены), вдруг громко, в присутствии трех местных переводчиков, спросил: «Урмат, это она тебе звонила?» Надо было видеть лица боевиков, которых как раз в этот момент разоружали... Затем были разборки, но, со слов Урматы, «бравый» финн так и не понял, в чем его вина. Флора пока скрывается у родственников. Я посоветовал Урмату запустить через командира рапорт Комиссару, попытаться пробить для нее программу защиты свидетеля. Возможно, это будет первый инцидент в Косове. Но иначе ей точно не жить.

12 ноября

Разбирался с кадетом. Тот, едва получив табельное оружие — 9-мм австрийский «Глок», сразу применил его против соседа, с которым был в ссоре. Вечером тот спокойно пас скот, как вдруг наскочил полицейский, обнажил ствол, угрожал... Притом — совершенно трезвый! Долго извинялись, с кадетом же расстались. Без сожаления.

На обыске у подозреваемого в фальшивомонетничестве Мисина Гогача изъяли четырнадцать искусно выполненных банкнот в пятьдесят дойчмарок. Преступный промысел этот приобретает все больший размах в Косове, марки отсюда уже отслежены в Германии. И мои немецкие коллеги расследуют такие факты с особой тщательностью.

13 ноября

Служивцы рассказали, что, пока я был в коротком отпуске в Греции, они тут успешно охраняли монаха Петра, что из Печи совершил паломничество в Призрен и дальше — в Жупу, где живет несколько сербских семей. С собой привез подарки для православных, служил в церквах. Охраняли его особу по VIP-плану. Визит прошел мирно.

За нарушение комендантского часа (гулял после 24:00) патруль доставил на станцию двадцатилетнего Генгача Кужтима. Здесь при досмотре в его карманах нашли семь патронов 9 мм. Направили спецназ домой, обнаружили четыре ручные гранаты. Заодно арестовали и отца, что, не зная об аресте сына, все взял на себя.

Поступила тревожная информация: совершено несколько кровавых терактов против цыган. Здесь они живут издавна, кочевать давно перестали. Свободно общаются на всех местных языках. Играют на свадьбах, торжествах. Работают по найму в кузнях, пекарнях, на мельницах, жнут и молотят. Живут трудно, семьи многодетные.

Несколько дней назад, почти одновременно, в деревне Дашец близ Митровицы и в Урошеваце совершены убийства. В первом случае перестреляли цыганскую семью (четыре человека), не пощадили и двух малолетних детей. Во втором — убили четырнадцатилетнего мальчишку. Тело сожгли. Оба преступления не раскрыты.

Позже стали известны подробности первого убийства. Оказывается, во время войны эта цыганская семья (здесь албаноговорящих цыган называют «ашкали») оставила родной очаг и перекочевала в Косово-Поле, где два года жила на правах беженцев. При

поддержке UNHCR* не так давно вернулась в Дашец, где жила в палатке и ремонтировала свой разрушенный войной дом. Наконец, перебрались. Но прожили под своей крышей менее двух суток... Связав убийство с начавшимся было процессом косовского урегулирования, ооновский администратор, д-р Бернар Кушнер, назвал его «...атакой не только против цыганской общины, но против всего Косова...»

14–17 ноября

Охраняем порядок во время массовых демонстраций, что проходят по всему Косову. Народ требует от ООН оказать давление на Сербию, где в лагерях томятся около восьмисот албанских политзаключенных. На улицы выходят по пять-семь тысяч, идут сплошным потоком, перекрывая движение. Несут лозунги, фотографии узников. Двигаются исключительно молча, спокойно. Дают круг по центральным улицам, берут в кольцо здание региональной ооновской администрации, которую к тому времени плотно окружают местные и международные полицейские и прибывший сюда недавно польский полицейский спецназ — с дубинками, щитами, в бронежилетах. Выборных пропускают внутрь, где они встречаются с боссами, а потом информируют собравшихся о состоявшемся разговоре с властями. На время демонстрации закрыты все кафе, магазины. Чувствуется организованность. Квартирная хозяйка рассказала, что хозяин аптеки, где она работает, просто изрек: «Кто не выйдет на демонстрацию, у меня больше не работает». Что это, попытка через ООН вновь надавить на Белград? В один такой день, например, в Приштину съехались демонстранты со всего Косова, тысячи! Порядок — то удержали, но город находился на грани хаоса.

На днях Кушнер принимал восемьсот шестьдесят девять вновь избранных «муниципальщиков» (победивших в октябре на муниципальных выборах). Возникла проблема с национальным флагом (Косово использует флаг Албании). С албанским флагом пришли приштинцы и представители некоторых других регионов. Турки и бошняки встали под голубой ооновский. Выбранные от Демократической партии Косова заявили: если им не пообещают, что албанский флаг будет «единственным национальным флагом Косова», они уйдут с церемонии. А представители Обилича, Вучитрна просто покинули зал, без всяких клятв и зарок. Проблема, однако...

Обедал в немецком военном лагере. Рядом сели двое парней в бундесверовском камуфляже. И ну по-русски, со всеми существительными и прилагательными на «п», на «х» и на «ё» обсуждать какого-то фельдфебеля, что «косит под дурака». Самым ласковым словом там было «пидор»... Я ел себе, они всё распялись. Встал и громко, по-русски же, пожелал им приятного аппетита и успехов в службе. Надо было видеть эти вытянувшиеся рожи! Ну вроде бы лежала рядом коряга и вдруг заговорила... Оказалось, парни из Караганды, эмигрировали семь лет назад еще пацанами, но вот пробились в элитные части. Здесь служат только такие, уж очень здорово им платят. Вообще же в здешних бундесверовских группировках служат многие русскоязычные. Из Казахстана, России, Украины. Помню, как летом, увидев меня на улице, бросился один такой бундесверовец: «Товарищ полковник, ну постоит со мной хоть пять минут...» Харьковчанин!

* Управление Верховного комиссара по делам беженцев ООН.

18 ноября

Поползли слухи: Кушнер-де договорился с Коштуницей (вновь избранный президент Югославии), что в Косово возвратится часть местных сербов (три с половиной тысячи), живущих сейчас в Сербии на положении беженцев. Официальных подтверждений нет, но об этом сказали даже на традиционном командирском «митинге». А мои коллеги, специалисты по работе с местным сообществом, даже получили задание готовить соответствующий план. Боюсь, что это ошибка. Ведь если такое случится именно сейчас, вновь начнется резня. Слишком глубоки раны, нужны годы, чтоб их залечить. Буквально на днях, например, стоило появиться на улице двум из немногих оставшихся в Призрене сербских старушек, толпа забросала их камнями. По селам же они живут, главным образом, под охраной войск. Строго охраняются и церкви, монастыри, другие православные святыни. А вот сербские кладбища албанцы не трогают. Чтят мертвых!

19 ноября

Вучитрн, школа подготовки местных полицейских (курс — восемь недель). Вечера отмечалась годовщина первого выпуска. Церемония в чисто американском стиле: все чинно сидят, три спича, поздравления, ужин из курсантского рациона. Но — красиво, все приглашенные командиры контингентов — в национальной форме. Как назло забыл фотоаппарат!

20 ноября

Дежурный передал, что близ немецкого военного кэмп обнаружена противотанковая мина. Боже, что тут началось! Саперы, бронетехника, собаки... Движение во всем регионе перекрыли на три часа. Разобрались, мина оказалась... весьма искусной имитацией. Более того, внутри обнаружилась записка — «Привет от стариков». Неделю назад здесь полностью сменили батальон, прежний отправили в Германию. Ввели же новый, «необстрелянный». Хороши шуточки!

21 ноября

Вообще же сменилась вся немецкая бригада. И новое командование, получив информацию, решило провести акцию. «На войне как на войне»: ко времени «Ч» на линейку готовности подтянулись два могучих танка, двадцать пять немецких спецназовцев в полной экипировке, примерно пятьдесят турецких военных полицейских. Затребовали и две наших патрульных машины: «Ну, думаем, не иначе война! Такие силы задействованы...» Служивые же, взяв в кольцо два дома, начали обыск. Самый обыкновенный. И вывели во двор шесть молдаванок (занятие проституцией доказать так и не удалось). Затем, правда, взяли хозяина притона: попался на «беретте» — пистолет такой. «По танку на каждых трех проститутках, не многовато ли?!» — съехидничал кто-то. «Да, слегка переборщили», — смущенно среагировал руководивший акцией оберст («A little bit too much»).

22 ноября

Звонил Урмат. В Липляне снова весело: сербы качают права, устраивают демонстрации. Началось с того, что албанский мальчишка, швырнув камень, разбил стекло

в авто. Водитель — серб — притащил его на станцию для разборок. Тут же поднялись албанцы: «Они воруют наших детей»... И — началось! «Волновались» трое суток.

Этнические кошмары эти еще долго будут давать о себе знать. Даже удивительно, как им удавалось жить мирно в Югославии (неужели тоже на штыках?), под колпаком Тито? Сегодня ночью в Приштине взорвали резиденцию представительства правительства Югославии, погиб один сотрудник, второй тяжело ранен. Взрыв повредил расположенное рядом представительство ООН. Интересный циркуляр поступил к нам по этому поводу из штаб-квартиры Миссии. ООН-персоналу на полном серьезе советуют «не оказываться в неправильном месте в неправильное время...».

23 ноября

Официальных подтверждений сепаратной сделке Кушнер — Коштуница (или «дубль К») о возвращении косовских сербов не поступило. Но местные рассказывают, что видели переговоры по телевидению, ловили их ход по радио. И сербы рвутся назад! КФОР остановил на границе нашей Жупы и сербского анклава Штрепче — Брезовица сорок пять человек. Приятель, сербский старейшина из деревни Мушниково, рассказал, что за последний месяц сюда вернулись десять человек, и теперь их уже семьдесят два. Весной же ожидается-де настоящее нашествие! Близ Сува-Реки есть полностью разрушенное село, где до войны проживало две с половиной тысячи сербов. Так вот, США якобы выделили несколько миллионов долларов на его восстановление. Причем сделать это намерены в течение грядущей зимы. Весной же сюда предполагается переселить сербов-беженцев из Штатов. Или политики, повинуваясь чьей-то злой воле, не хотят ничего видеть и понимать, или же они обладают тайными знаниями и властью, способной удержать обе стороны от жестокости и мести. Но это вряд ли. Скорее всего, если слухи и имеют почву, это не что иное, как желание любой ценой показать, что ситуация здесь развивается в рамках заранее разработанного и утвержденного плана и контролируется даже не на сто, а на сто пятьдесят процентов. А потом — хоть потоп!

Из сводок:

- мина у школы в Глоговаце. Обезврежена без последствий;
- в госпиталь Каменицы доставлен раненый в Сербии албанский партизан;
- в Северной Митровице безымянный «патриот» швырнул пару гранат в расположение датского КФОРа. Уничтожены две машины, жертв нет.

Был в Приштине, на совещании по связям с общественностью. Для раздачи в селах, школах и пр. получил несколько блокнотов, ручек и плакатов — дар от UNHCR, ооновского офиса по делам беженцев. После совещания «нырнул» в снабженческий (logistic) офис «беженцев», поплакался и... получил-таки больше сотни футболок, канцтовары и др. Будет теперь с чем ездить к людям!

24 ноября

Находился в это время в Приштине и ничего не слышал. А в 15:00 замочили советника Руговы, лидера ДЛК. Назавтра начался настоящий отстрел верхушки ДЛК: в Приштине завалили еще одного видного партократа, а в Печи обстреляны поддерживающие эту партию журналисты. Принято решение охранять всех лидеров ДЛК.

Начали прямо ночью, подняли наших, кто работал в ходе выборов с партиями, нашли адреса. С каждым беседовал лично начальник региональной полицейской штаб-квартиры. Но ведь на всех-то нас не хватит!

Из сводок:

- Двое хозяев малого бизнеса из Речан заявили, что с угрозами подходил некто «уполномоченный» и требовал деньги в фонд «Инвалидов ОАК». Раньше он уже приходил, те давали, никаких квитанций не выдавалось. Рэкет?
- Прямо на границе Жупы и территории сербской Брезовицы водитель чуть не наехал на противотанковую мину. Разминировали успешно, «без шума и пыли».
- В Липляне в ходе обыска военные изъяли три АК-47, «Магнум», ТТ и кучу боеприпасов. Двое арестованы.
- В Гнилянах некто «звякнул» в полицию: «Ваше здание вот-вот рванет...» Эвакуировали полицейскую станцию, суд. Вызвали американских спецов, за три часа перетрясли все здание. Ничего не найдя, ищут теперь шутника...
- Там же, в Гнилянах, обезвредили подброшенную к порогу одного из домов гранату.
- В сербском селе Штрепче военные наши нашли неизвестный тип взрывного устройства. Не утруждая разгадкой, рванули на месте.
- Албанцы стараются уехать, ищут судьбу вдалеке. За неделю шестьдесят один косовский албанец был депортирован извне назад в Косово, в том числе пятеро — с глубокими криминальными корнями. Выехали они в основном по поддельным или давно просроченным швейцарским, бельгийским, югославским, албанским паспортам.

25 ноября

Впервые узнал из сводки об активности российского батальона, расквартированного здесь неподалеку, в Малишеве (надо бы напроситься в баньку, соскучился!). При проверке на КПП очередной машины солдаты нашли «калашникова» и магазин с тридцатью патронами. Хозяин арестован.

Цыганская тема продолжается. В Липляне (нучто за беспокойный такой район!) местный цыган-ашкали нашел искусно замаскированную мину-ловушку, заблокировавшую калитку. Игрушка, а ею оказалась противотанковая граната М-75, должна была рвануть при открытии дверей. А это — 600 граммов мощной взрывчатки! Обозленные саперы пожаловались спецназовцам, и те буквально перевернули Мали-Алаш, что в Липляне. Трофеи: одиннадцать гранат, два карабина, два пистолета, амуниция.

«Беретту» 7, 65 мм и ТТ 7,62 мм конфисковали в селе с лирическим названием Дубрава. А в Каменице ручную гранату подсунули прямо под днище авто. Но хозяин, к счастью, почувал неладное!

Восемь подозрительных домов обыскали в Клине. В одном нашли полуавтоматический карабин с патронами.

28 ноября

«День флага» — праздник обретения независимости Албании. В 1912 году двуглавый орел на красном фоне впервые взмыл над Тираной. С тех пор албанцы празднуют этот день по всему свету. Рассказывали, что в Югославии за это многие шли в тюрьму.

В прошлом году косовары впервые отмечали «День флага» открыто. И шумно — с партами, стрельбой. Нынче было спокойнее: спорт, культурная программа. Посмотрел неплохую фотовыставку «Старая Приштина». Сейчас это — сплошь одинаковые жилые коробки, старый град практически уничтожен. На одном фото, датированном 1946-м, увидел албанку в парандже на центральной площади. Вот так, в самом сердце Европы, всего каких-то пятьдесят-пятьдесят пять лет назад! Местные разъяснили, что все так и было. И только коммунисты, придя к власти, отменили паранджу. И это было целым социальным явлением! Кстати, придя к власти в Турции, считающийся отцом нации Ата-тюрк тоже столкнулся с ним. И понял, что, не обнажив прекрасных глаз, нечего и думать о цивилизованном пути развития. Посыпались указы, декреты — бесполезно. Пока не додумался и не обязал всех проституток закрывать лица. В одну неделю турчанки расстались с черным волосяным покрывалом...

29 ноября

Сглазил, назвав вчерашнюю ситуацию спокойной. Вечером в Спортцентре давали культурную программу. Должно было состояться два концерта, но из-за Рамазана (как будто устроители не знали, что до Ифтара веселиться нельзя!?) первый отменили. Однако билеты-то проданы (сбор шел в пользу инвалидов ОАК). К началу второго концерта, около 19:00, семь-восемь тысяч зрителей, взяв центр в два плотных кольца, пошли на штурм. При этом, в нарушение всех мыслимых и немыслимых инструкций, концерт даже не был заявлен в полицию, и потому патруль для охраны порядка направлен сюда не был. Мы с Байрамом (напарник из местных полицейских) пришли просто как приглашенные. Увидев такое, начал подтягивать патрули, военную полицию, спецназ. Но было поздно, народ озверел. Изъяли около тысячи петард, но на протяжении всего вечера взрывы гремели по всему залу и даже на сцене. Публики набилось — стоять негде. Думал, рухнет хилое строение. На двадцатиметровую вышку на колесах взобралось пацанов двадцать пять — тридцать, раскачали — та и покатила на зрителей... Еле успели остановить. Выбили стекла, повывломали двери. А концерт — дерьмо!

Рванула мина в Журе — деревне, где я бывал. Двое ранены, один — тяжело. В госпиталь везли на полицейской «Кока-коле», вся машина в крови.

30 ноября

У здания штаб-квартиры миссии в Приштине взорвалась начиненная взрывчаткой легковушка. Повреждены ооновские авто на стоянке. Говорят, в этот момент должен был выйти и садиться в стоящую неподалеку персоналку активист ДЛК. Что ж, отстрел продолжается.

1 декабря

Наконец-то побывали в старинном монастыре, что по дороге в Речаны. Всякий раз, проезжая, думал — надо бы зайти. Сохранившийся лишь на треть, возведен в 1352 году. В добрые времена монастырь слыл центром духовной жизни, здесь обитали до двухсот пятидесяти монахов. Теперь, под защитой спецвзвода немецкого КФОРа, живут пятеро. Как в тюрьме («в затворе», по-сербски). Еженедельно подают список — по нему привозят еду и все остальное. Настоятель рассказал, что в августе, когда один брат

решился выйти в город, его выкрали. Ачерез неделю нашли тело в Тусусе (район Призрена). Со вспоротым животом, исколотое...

2 декабря

Обедал в «Прогрессе», крупном немецком лагере. Смотрю, идут двое в российском десантном камуфляже. И — прямиком к моему столу. Из Малишева? Увидев на рукаве шеврон с кыргызстанским флагом, первый, явно азиат, представился: «Булат, из Шымкента. Привет, брат!» Поговорили. Выпускник Рязанского училища ВДВ, Булат так и остался в российской армии. Здесь — с августа, полгода до того провел в Чечне. Пригласил в баню. Там она по субботам, с пяти до семи. Почему бы и нет?

Под впечатлением встречи и вкусного обеда, довольный, возвращаюсь на станцию. У входа — стайка пацанов. И суют мне целлофановый пакет. Глядь — граната! Нашли неподалеку. Офонарел! Но справился. Отнес находку в специальный, обложенный мешками с песком, бокс во дворе. Дежурный вызвал саперов. Оказавшуюся боевой, гранату те потихоньку увезли. Где-то я слышал, что лимонка при взрыве уничтожает все живое в радиусе девять метров...

А вечером, не выдержав, дернул со своими пацанами в Малишево. Попарились на славу: но и грязно же было в бане! Только намылились — закончилась вода! Как резко российский кемп разнится от немецкого! Темень, грязь, мат. А следом, за колючкой, — немецкая рота. «Это они за нами приглядывают, чтоб не снялись втихую да не перекрыли чего, как в Слатине (имеется в виду прошлогодний ночной бросок в 780 километров из Боснии, когда десантники захватили приштинский аэропорт «Слатина»). У соседей — полные холодильники, светло как днем. Спортзал, прямо в палатке — шикарные тренажеры.

Россияне — ребята золотые! Контрактники, многим за сорок, участники всех и всяческих заварушек: Ангола, Мозамбик, Афган. Большинство воевали в Чечне. Старый прапор, что стоял на парилке, когда-то служил у нас в Кой-Таше. «Трижды дед, давно на свалку пора, а я все в десантуре. Веришь, не только ради бабок. А кто державу защищать будет?! Глянь, одни алкаши да наркоманы. Ну какие из них воины?!» Думаю, был он искренен. Булат рассказывал о Чечне, где побывал и в первую, и во вторую войну. Сейчас офицеры получают там 1200 рублей в сутки (≈45\$), желающих хватает. Здесь, в Косове, десантник имеет 1000 баксов. Порядок и дисциплина — жесткие. «Не хочешь служить в долларовой зоне — возвращайся в рублевую». Булат показывал свою коллекцию беретов из разных армий. Был там и с эмблемой немецких альпийских стрелков, знаменитый «Эдельвейс». Рассказал, как пытался выменять немецкую каску, как-то там остроумно отстегивающуюся прямо на ходу. «Что в вашей хорошего? Так, стали кусок», — вопрошали немцы. «Зато в ней и борщ сварганить можно, и окопать удобно». Так и не поняв, зачем каской окопать, немцы все же махнулись.

Вышли из баньки, а тут — напасть: патруль привез в русский госпиталь подбитого из автомата албанца. То ли из ДЛК, то ли какие-то другие разборки. Но худо было бедняге, вся брюху разворочена. Прилетел вертолет, забрал в Приштину.

После баньки мы крепко выпили — как дома побывали. И даже НТВ посмотрели. Думаю, будем встречаться.

2 декабря

Называется это «мстить за раненого на фронте деда». Идешь в немецкий лагерь и за четыре марки наедаешься от пуза. «Ответный удар по обороноспособности Бундесвера». Вероломный и быстрый.

3 декабря

Местное телевидение показало заснятую случайным прохожим любительскую пленку: полчаса велся бой в «Гранд-отеле» (Приштина). Стреляли все — международные и полицейские-косовары, нападавшие... Один полицейский из местных серьезно ранен. Проезжая мимо через пару дней, увидели «Гранд-отель» в окружении полицейских, главным образом американцев. С автоматами. Почему не военных? И почему по случаю стрельбы прямо в сердце косовской столицы нам не поступило никакой официальной информации? Странно все это...

Оперсводка поведала о нападении трех вооруженных бандитов на голландца. Требовали денег, подрезали беднягу. Насторожило, что у жертвы пропал пистолет. «Что за летучий голландец такой, да еще и при стволе?» — поинтересовался. И услышал романтическую историю. 35-летний Ван Иикерен Марко воевал на стороне албанцев. Немало отличился в боях. Женился на местной красавице (албанке или турчанке), родил дочку. Говорят, что и раньше у него здесь была семья, погибшая то ли от рук сербов, то ли под натоваскими бомбами. Но вот бои закончились, и голландец Марко стал кому-то мешать. Требовали (бывшие соратники!), чтобы он убирался, — отказ. Раз подбросили гранату в бар «Пит-буль», где отдыхал Ван Иикерен, — не взорвалась. Теперь вот снова. Крепкий парень! Правда, на этот раз требовали денег. Может, обычные разбойники?

Здесь есть еще один такой «международник», гражданин Великобритании. Маленький, тощий, тщедушный, с запитым лицом. Но в прошлом — спецназовец, побывавший в составе английского миротворческого корпуса в Хорватии, Боснии. Дембельнувшись, осел в Призрене и, арендовав помещение, вложил все сбережения и открыл шикарный бар. Дела поначалу шли неплохо, но вскоре Крис, приводя тому тысячу и одну причину, разорился. Теперь вот воюет с фирмой-хозяйкой, судится-рядится.

С 9200 фальшивыми швейцарскими франками взят двадцатидвухлетний Гаши Гезим. Клянется, что выменял их в Урошеваце. Начато следствие.

Ворвавшись в магазин в центре Призрена, двое с автоматом разжились двумястами дойчмарками и скрылись.

4 декабря

Придя в свой магазин, хозяин увидел дыру в потолке, а на полу — ручную гранату. Саперы подтвердили: боевая, российского производства, чека не повреждена. Мотивы выясняются.

5 декабря

Играя, пацаны залезли в заброшенный сербский дом и натолкнулись на гранату. Не растерялись. Хорошо, что здесь везде, в том числе и мы, полиция, обучают, что необходимо делать в таких случаях. Даже специальный комикс, «Супермен против мин»,

выпустили. Мальчишки сразу сообщили в полицию. Приехали саперы, обезвредили. Прочесали вокруг — чисто.

6 декабря

Интересная история приключилась: в полицию, чтобы заявить на мужа, что избивает, пришла тридцатидвухлетняя албанка. При входе охрана ко всем применяет металлоискатель. В ее сумочке и «запищал» 8-мм «Туфеклер» — пистолет «Made in Germany». С двумя патронами. Интересно, кому на станции они предназначались? Заявление об избивании все же приняли, но и заявительницу арестовали.

Днями еще более интересная хохма стряслась в Приштине. По подозрению в грабеже в одном из сел задержали мелкого шпаненка. Один патруль передал другому, тот — третьему... Короче, при обыске в тюрьме в трусах у парня нашли гранату. Бог был явно на стороне полиции.

7 декабря

Ни дня без приключений! Лучшими гамбургерами в Призрене издавна славилась «Аруджа» — небольшой фургон на колесах с тройкой приставных столиков. Вдруг — новость: в самом фургоне и в доме хозяина КФОР изъят много оружия. «Аруджу» сразу прикрыли. Прощай, вкуснятина!

Разведчики сориентировали: создана новая военная организация: «Косовская Освободительная армия» (не путать с ОАК!). В ее составе — мальчишки шестнадцати-семнадцати лет. Их учат обращаться с оружием и отправляют в Прешево, албанский анклав в Сербии, на самой границе с Косовом. И те воюют всюю! Один такой «освободитель» подстрелил троих сербских воинов. Рекрутируют главным образом в Призрене, ставшем почему-то оплотом экстремистов.

8 декабря

В Подуеве американский полицейский застрелил албанца. На станцию, вся в крови, прибежала женщина: избил муж. Психбольной, он каждый вечер ездил в Приштину, получал купирующие агрессию уколы. На этот раз семья денег не нашла. Патруль прибыл на место, и мужик, конечно же, бросился с ножом. Американец выстрелил не раздумывая. Самое интересное, что его даже не перевели на другую станцию. Штатовцы здесь в фаворе.

10 декабря

В Призрен для проведения служебного расследования приезжала Рита, она с Украины и служит в штаб-квартире миссии в Приштине. Рассказала любопытную историю, поведенную коллегой-немцем. Вот уже пятнадцать лет тот женат на русской. Служил парень в Москве, охранял германское посольство, там и познакомились. Уехали с трудом (еще советские времена!), помог высокопоставленный отец жены. Никак не получалось с ребенком — резус-фактор. А тут приехал в короткий отпуск уже из миссии, и на тебе — долгожданная беременность. Женатым немцам, кстати, правительство оплачивает (кроме множества всяческих других льгот!) каждую вторую поездку домой,

в отпуск. Зато теперь для немца это последняя миссия. По правилам, у кого есть дети до десяти лет, на такую работу не направляются. И это правильно!

Первое такое уголовное дело в Косове: еще в конце ноября египтянин-католик Хамди Хоссан, работавший в Международной Католической Миграционной Комиссии в Косове, провел несколько фальшивых авизо. И, обналичив снятые со счета организации 418 500 дойчмарок, улетел с налом. Инцидент расследовался нами, ребята вышли на Интерпол. И канадцы взяли-таки араба в Торонто. При нем было 170 000 \$. Где-то успел обменять.

11 декабря

В северной части Косовска-Митровицы сербы здорово избили UNMIK-police. Те патрулировали ночью и въехали в зад невесть откуда взявшейся машине. Попытались разобраться, водила и два пассажира — в драку. Набежала толпа, и началось настоящее побоище. Коллег еле отбил вовремя подоспевший французский КФОР. Оба в госпитале. Инцидент расследуется.

Две оставшиеся доживать свой век в Призрене сербские старушки обратились в полицию. И заявили, что месяц назад, когда они переходили дорогу, их попытался сбить некто на красной машине. Сегодня та же машина шлепнула-таки одну, повреждены плечо и голова. Старухи просят защиты.

«Koha Ditore», крупнейшая албанская газета (Приштина), опубликовала информацию о задержании на границе Косово — Прешево (албанский анклав в Сербии, где ведутся боевые действия) вооруженного молодого албанца, члена Армии Освобождения Прешева, Медведже и Буяноваца. Посажен в тюрьму в Бондстиле (американская военная база в Косове, возведенная, что называется, на века). Прилегающая местность была подвергнута сплошному досмотру — когда обыскиваются все строения, люди, машины и т.д. В селе Самакове нашли автомат Калашникова, две армейские винтовки М-38, СКС (скорострельный карабин Симонова), два маузера со ста тридцатью пулями. В соседнем Бело-Поле — автомат и карабин со ста шестьюдесятью пулями.

13 декабря

Согласно призенской албаноязычной газете «Vota Sot», за прошедшую неделю полиция конфисковала в городе шесть «калашниковых», четыре винтовки, девять пистолетов и множество боеприпасов.

14 декабря

Госпожа Галлопи-Бериша Салижи, шестьдесят пять лет, заявила, что сосед угрожает ей и мужу оружием. Немецкая военная полиция, перевернув весь указанный дом, изъяла автомат 7,62 мм и патроны.

Под покровом секретности сегодня прошла встреча областного руководства, военных властей и представителей сербских сел. Последних доставили на танках. Да и здание обладминистрации охраняли, как никогда: вертолет, танки, военная полиция, наши патрули и местные полицейские. В зал, где обсуждалось предстоящее возвращение сербов, не пустили даже нашего стационарного командира. Вернее сказать, его даже не

пригласили. Но приказали «держаться порядок» снаружи. Не знаю, до чего уж там договорились, но уже через пару часов после окончания встречи, в Средске (брошенное, ранее заселенное сербами село, где находился центр Жупы) рванул пустой дом — своего рода «албанский ответ» на безответственное и уж, по крайней мере, явно преждевременное решение политиков о возвращении сюда сербов. Дикий геноцид, унесший тысячи жизней, закончился чуть больше года назад. И в сердцах, да и в умах еще столько ненависти, что, если лить из нее кирпичи, хватит выложить трехметровую стену вокруг Косова. Как водится, съехалось все начальство. И тут рванул соседний, также пустующий, дом. Испытанная схема: месяца 3 назад то же случилось в Ортаколе, районе многоэтажек в Призрене. Взрыв — все съехалось — снова рвануло. Тогда повредило 3 полицейских авто, сейчас обошлось. Последний взрыв накрыл Улана, машину буквально засыпало осколками, кирпичной крошкой. Жупа усиленно охраняется: висит вертолет, стоят блокпосты, мотается польский спецназ. Ну и мы, конечно, предельно бдительны.

15 декабря

Оказалось, отстрел высокопоставленных партийцев из Либерально-демократического Косова не завершился, и мы не зря не сняли посты. Сегодня в Малишеве подстрелили местного партийного лидера. Тот жив, но бок прострелен и, очевидно, придется ампутировать ногу.

16 декабря

Елки, оказывается, под Новый год рубят не только у нас. Сегодня один заявил, что на его участке спилены три зеленых красавицы пятидесяти лет каждая! Подозревает соседа, который пытался оттяпать часть его земли. Разбираемся.

В обстреле ДЛКовца в Малишеве подозревался экипаж красного «гольфа». Ориентировали патрули, но из-за обычных неувязок полиции и военных машина миновала русские КПП беспрепятственно. А минут через сорок-пятьдесят у Приштины вдребезги разбился красный «гольф», он мчался на бешеной скорости. В салоне — три трупа, один опознан как личный телохранитель бывшего министра внутренних дел, активного деятеля Демократической партии Косова, оппозиции ДЛК. Прибывший на место происшествия патруль, кроме прочего, изъял пистолет (сравнивается с малышевским). А вскоре подоспели бойцы Корпуса защиты края и весьма неприкрыто интересовались этим стволом. Интересная же тут каша варится!

17 декабря

Вчера толпа разгромила полицейскую станцию в Лепосавиче, близ Косовска-Митровицы.

Южную (албанскую) и Северную (сербскую) Митровицу соединяет мост, где постоянно дежурит КФОР. Но сербы создали еще и экстремистскую организацию, известную как «Смотрящие за мостом». Члены ее исподволь наблюдают за происходящим на сопредельной стороне и, главное, следят, чтобы мост не пересекали албанцы.

Один из активистов-экстремистов в тот день нажрался и, сев за руль, грубо обматерил пытавшихся задержать его полицейских. Те, блокировав «пьяный» авто, все

же арестовали его и привезли на станцию, охраняемую бельгийским КФОРом. Вскоре сбежались тридцать-сорок сербов, требовали отпустить Владимира Томовича. А уже через час толпа (двести — двести пятьдесят человек) закидывала станцию камнями, взяла в заложники семерых бельгийцев, которые пытались пробиться на помощь, несколько раз шла на штурм. И отходила лишь после выстрелов в воздух и гранат со слезоточивым газом. Пытались завязать переговоры, в ответ станцию и стоящие рядом машины, в том числе гражданские, забросали «коктейлем Молотова». И вновь тридцатиминутный штурм! Подстрелив двоих нападавших, бельгийцы, прихватив наших, эвакуировались. Свободных от смены полицейских, боясь расправы, собирали по домам на танках. Сразу не могли найти лишь шведа. Волновались два дня — нашелся.

Станция разрушена. Международное присутствие в регионе свернуто, персонал эвакуирован. Территория патрулируется греческими военными, к которым сербы якобы более лояльны. Массмедиа дружно заявили о «потере ключей от северного Косова».

18 декабря

Два ружья, два полных рожка АК-47, восемьсот граммов взрывчатки и ручная граната найдены при обыске одного из домов в Сопнике.

На административной линии, разделившей Косово и Сербию, продолжаются вооруженные провокации. Населенные этническими албанцами, но находящиеся в Сербии анклавы Прешево, Медведже и Буяновац создали якобы армию освобождения («Liberation Army for Presevo, Medvedja and Vujanovac») этих районов. Воюют, в основном, косовские добровольцы. Множество жертв с обеих сторон. Сербы неоднократно двигали к границе танки, выдвигали ультиматумы...

А на днях (17 декабря) прямо на границе кто-то обстрелял совместный американо-российский патруль. Ни жертв, ни ранений. Иностранная пресса тут же отреагировала: «Воскресный инцидент — это впервые, когда албанские мятежники стреляли прямо в натовские силы. И впервые, когда штатовские и российские войска, враги по прошлой холодной войне, были вместе под огнем со времен Второй мировой войны...»

19 декабря

Стало известно об инциденте, произошедшем на днях в полицейской школе на праздновании по случаю выпуска одиннадцатого класса косовских полицейских. В ответ на то, что официальный спич был переведен сначала на сербский, раздался дружный свист, сорвавший праздник, что вызвало гневную гримасу и осуждение присутствовавшего на церемонии Шефа US-офиса в Приштине мистера Кристофера Делла.

20 декабря

«Медаль-парады» (вручение наград) обычно проводятся торжественно, где-нибудь на природе или в конференц-зале «Гранд-отеля» в столице. На худой конец — в холле ооновского ресторана с последующим угощением виновников и многочисленных гостей. Мы же провели его... в офисе заместителя Комиссара (прежний неделю назад завершил миссию, а новый еще не назначен). Были наши — Эльзира, Айнура, Данияр. Швед сказал толковую речь. Предложил расширить контингент, вручил медали и

получил в подарок традиционный ак-калпак. Вечером, окунув, как водится, награды («За службу во имя мира») в стаканы, хорошенько все вместе обмыли их.

21 декабря

Поговаривают, что события на границе Косова и Сербии могут повлечь за собой новую балканскую войну, куда, несомненно, будет вовлечена и Македония. За несколько последних недель албанцы убили троих сербских полицейских и взяли под контроль несколько деревень.

22 декабря

Из ежедневной сводки:

Приштина: кто-то забросил гранату в церковь. Богослужения сейчас не проводятся, да и взорвалась граната у специально сооруженной для обеспечения безопасности защитной стены. Ни жертв, ни разрушений.

Позвонив на полицейскую станцию, аноним сообщил о бомбе в одном из домов (Приштина). Саперы ничего не нашли.

Неизвестные похитили мужичка, когда тот из родного Урошеваца двинул за визой в Скопье. Требуют выкуп.

Взрыв полностью уничтожил магазин в Пече. Жертв, к счастью, нет.

В северной части Косовска-Митровицы КФОР изъяс при обыске 5 штык-ножей от «калашников», несколько ручных гранат, армейскую рацию.

Военные взяли-таки пятерых, что три дня назад устроили пальбу друг в друга прямо в центре деревни Бежик близ Вучитрна.

23 декабря

Ветераны ОАК, требуя запретить возвращение сербов, провели демонстрацию на Шадерване, площади в центре Призрена. Собралось человек пятьсот. Шествие прошло мирно.

24 декабря

Военная полиция приняла ориентировку из Малишева: в неустановленную машину запахали российского десантника, отъехали и, отобрав автомат, выбросили парня на дорогу. Масса вопросов: почему болтался один да еще с оружием? И что это за десантник, если, как барана, дал себя увезти?? Впрочем, выводы делать рано. Поинтересуемся у наших друзей в Малишеве.

В 20:30 взрывом снесло магазин, принадлежащий призренской албанке. По мнению саперов, исследовавших тридцатисантиметровую в диаметре глубокую воронку, сюда заложили примерно сто граммов мощной взрывчатки. Да еще и шрапнель, разлетевшуюся на десятки метров вокруг. Хозяйка закрыла магазин буквально за пять минут до взрыва, чуть раньше обычного. Версий несколько: хозяйкин муж — деятель ДЛК и обычно заходит за ней перед закрытием. Не исключено, что он должен был стать очередной жертвой «охоты на ДЛК». Потерпевшие — одна из албанских семей, живущих на этой заселенной цыганами улице. И, может, те дают понять — уматывайтесь?

Но это вряд ли, слишком цыгане напуганы, побоятся тягаться с албанцами. Увидим, расследование только началось.

25 декабря

Отмечая Рождество, какой-то весельчак устроил стрельбу из автомата прямо на старинной площади в центре Призрена. Блокировав район могучими танками, КФОР не подпустил к месту происшествия даже полицейского начальника всей области, что очень задело немца. Обыскав ряд домов, где мог укрыться «весельчак», солдаты нашли — таки стрелка и оружие. Ведется следствие, а также внутренние разборки с военными.

26 декабря

Согласно ориентировке, кто-то швырнул гранату в дом серба, живущего в Цернице (недалеко от Гнилан). Взрывом разнесло крыльцо дома и гараж. Пострадавших, слава богу, нет.

27 декабря

В 23:30 военная полиция проинформировала о сильном взрыве в Любидже — селе из зоны нашего обслуживания в восьми километрах от Призрена. Серьезно повреждена пекарня и близлежащий дом, принадлежавший когда-то сербам. В нем давно живет албанская семья, не имеющая никакого отношения к политике вообще и к ДЛК в частности. А потому и никаких первоначальных версий не выдвинуто.

15 января 2001 г.

О радиации тут никто не тревожится. На расспросы реагируют удивленно. Ну и ладно, ждем результатов официального расследования. И — будь что будет.

Изучаю оперсводки. Без нас тут случилось многое. В любимом мной Журе, селе недалеко от Призрена, к примеру, в новогоднюю ночь подожгли (неофициально — подорвали) шестнадцать киосков! А в прежде законопослушной Жупе ярко проявился «синдром Митровицы», где сербы ни за что не выдают своих полиции: в Горне-Любине, в ответ на законные требования международных миротворцев, организаторы отказались завершить танцульки к наступлению комендантского часа. При попытке арестовать и увезти зачинщика собрались две сотни сельчан, выстроили баррикаду, требовали возвращения сербской полиции. Хулигана во избежание беспорядков пришлось отпустить. Вот тебе и мирная (как мы привыкли думать и говорить) Жупа!

«Накрыт» черный рынок связи. Купить здесь карту для мобильника официально практически невозможно. Зато с рук втридорога — всегда пожалуйста! Арестованы трое спекулянтов; надеюсь, расследование выведет наверх, к тем, кто ведал распределением SIM-карт и имел долю...

16 января

Прикол в немецкой столовке! И в этом «продовольственном раю» появились недовольные: солдаты принялись ворчать по поводу «гастрооднообразия». Тогда на всеобщее обозрение (или осмеяние?) здесь выставили друг против друга продпайки немцев

и... украинской армии. Почему выбрали именно ее — непонятно. Может, по принципу «что удалось найти»? Все надписи на банке свиной тушенки и крошечных сахарных пакетиках (и это — все!) — «на ридной мове». А рядом — шестнадцать наименований бундесверовских деликатесов. Прикольно, конечно, но не корректно.

Вечером гостил в Речанах. Напуганные все усиливающимися слухами о весеннем возвращении сербов и чем это им грозит, сельчане на все лады рассказывали, что Кушнер (ко времени написания этих строк уже отставной косовский администратор) получил за это... двадцать миллионов баксов. «От кого?» — спрашиваю. Не важно, логикой в таких случаях никого не проймешь. Вот тебе результат подковерной дипломатии, когда втянутые в круговорот грозящих новой войной событий «простые люди» ничего не понимают. Зато действительно сделавший для Косова много хорошего доктор Кушнер потерял лицо.

17 января

Военная полиция изъяла целую коллекцию оружия времен Второй мировой и два современных «калаша» с тремя снаряженными магазинами. Узнав, что все это хранилось за забором дома, где он снимает квартиру, дежурный офицер из немцев лишь грязно выругался. Владельцы арсенала — два брата-албанца — арестованы.

Выстрелом из табельного «Глока» бойфренда из местных полицейских свела счеты с жизнью красавица-албанка. Тот, идиот, пытался спрятать оружие. Со страху или замешан? Пока что арестован.

Несколько дней назад прямо на кладбище в Сува-Реке нашли обезображенное тело молодой сербки. А сегодня наши коллеги арестовали «воина» из Корпуса охраны Косова — так теперь зовется бывшая Освободительная армия Косова. Расследование держится в секрете. Однако сдается мне, что Корпус этот — нечто большее, чем просто боевая единица. Какая-то мощная сеть, что держит под контролем всех и вся. Нас же терпит лишь до тех пор, пока не копаем вглубь.

18 января

Официально сообщено о создании в составе международной полиции спецподразделения по борьбе с организованной преступностью. Базируется оно на одной из военных баз, под надежной охраной. Что ж, в добрый путь!

19 января

«Когда говорят пушки, музы молчат»? Но в Призрене, оказывается, и во время войны и тем более сейчас действует литературный клуб. Встретились с завсегдатаями, слушали чтения. Узнали много интересного о жизни видного албанского общественного деятеля и просветителя Теофана Стилиана Ноли, по-простому — Фан Ноли, чьим именем назван клуб. Будучи прекрасно образованным и зная четырнадцать (!) языков, он всюду сталкивался с расхожим представлением о «дикарях-албанцах». И вот однажды, на приеме при дворе одного из европейских монархов, на повторное предложение сесть Фан сдохмил: «Не могу, Ваше сиятельство, кресло не приспособлено для... хвоста». Потом же, выступая, поочередно говорил на всех европейских языках.

20 января

В Призрене невозможно достать живые цветы! Сегодня на нашей станции открывали фотовыставку о женщинах-косоварках. Пригласил автора, Дриту Реджепи. А в заключение, извинившись, вручил ей под дружные аплодисменты большую коробку конфет. Та сразу раскрыла и ну угощать присутствующих. Вернисаж удался.

21 января

На немецких военных базах уже приходилось встречать русскоговорящих бундесверовцев, выходцев из бывшего СССР. Но столь ближнего земляка, из Фриденфельда (колхоз «1 Мая», Иссык-Атинский район), встретил впервые. Познакомились — Саня Лапин, немец лишь наполовину, по матери. Отец же — русский, потому-то семья покинула родное село одной из последних. В Германии вначале жил в интернате, занимался и учил язык. Теперь вот — в Бундесвере. И уже на контракте, значит, не на плохом счету. Познакомил с алмаатинцем, Витей Кручем. Пригласили в казарму. Приятный цветочный запах, сменная обувь. Офицеры живут по двое, ребята — вчетвером. Кровати двухъярусные, выглядят как игрушечные. В комнате — цветной телик, кофеварка, спиртное. В секции — душ, теплый клозет. Но, в отличие от немцев «классических», в комнате — художественный беспорядок... Сфотографировались, договорились встречаться.

Мило, по-семейному, отпраздновал очередной день рождения. Втроем, одни только кыргызстанцы, поехали в Речане и на славу покутили в «Мадере». Этот маленький уютный ресторанчик весьма популярен в округе своей кухней. И то — отец шеф-повара готовил лично для маршала Тито. Гены! Ими тут объясняют многое. Например, потомственные специальности. Жупа, скажем, целыми селами уезжает на отхожие промыслы (Германия, Норвегия, Швейцария, Франция) по строительству. В Хасе — все классные пекари. И т.д.

22 января

В Призрене начался Международный трибунал. Судят некоего Саву Марковича, обвиняемого в геноциде в Ораховаце. Возглавив местное сербское ополчение, он якобы руководил расстрелами, жег албанские дома и прочее. Меры безопасности — беспрецедентные. Освободили целое крыло местной тюрьмы, камера обвиняемого охраняется еще и военной полицией. Римляне называли такое «черепашкой» — в зал суда его и адвокатов-сербов водят под прикрытием (со всех сторон и даже сверху) щитов немецкого и польского спецназов. Снайперы при этом стоят на всех углах наизготовку. Думаю, это оправдано: даже полицейские из местных волками смотрят на защитников, не говоря уж о подсудимом. И адвокаты боятся выходить в туалет в коридоре. А после завершения процесса в бронированных авто их увозят на ночевку в военный лагерь.

Получил замечание. Пожилая адвокатесса из Белграда, разглядев мой шеврон (нарукавную нашивку с кыргызским флагом и надписью «KYRGYZ REPUBLIC»), обрадовалась: «О, Вы из Союза! Потеряли мы свои державы...» Болтая, наблюдал, как нехорошо смотрят местные. Они-то не только не разговаривают, но, кажется, даже не замечают приезжих. Вышел с гостьей на улицу купить что-нибудь перекусить. И дважды пожалел. В кафешке, дожидаясь, пока поджарится кебаб, та принялась

вдруг отчитывать официанта-албанца, что он, дескать, «продал сербскую землю немцам и даже не имеет своих собственных дензнаков, живет на дойчмарки». А ведь поначалу в кафе этом ее приняли хорошо и даже говорили по-сербски. Еле унесли ноги. Но нарвались на старшего телохранителя. Дождавшись, пока провожу гостью, тот тактично попросил не нарушать больше инструкций. «Алекс, пожалуйста, не играй с чужой безопасностью...»

Почти по-шекспировски: отчаявшись вернуть любимую добром, пятидесятитрехлетний Байрам Бернжаши подложил ручную гранату к забору дома ее отца. Свалив двухметровую стену, пошел было «на штурм», да полиция подросла. В сарае пожилого Ромео нашли еще и патроны калибра 7,62 мм. Арестован.

23 января

С утра — ЧП: связав по рукам и ногам нескольких служащих «Электрокосово», вооруженные налетчики завладели сейфом с 80 000 дойчмарок. Разыскиваются.

Продолжается трибунал над военным преступником Савой Марковичем, обвиняемым в геноциде. Жертвы показывают, что в апреле 1999 года команда полицейских под его предводительством изгоняла людей из родных сел, сбивая сельчан в стаи по половым признакам: женщин и мужчин отдельно. Потом якобы тех мужиков расстреляли. Было это в деревне Велика-Круша. Виновность решать, конечно же, Международному трибуналу. Но факт остается фактом: сегодня в этом селе практически нет мужчин. Живут сто сорок семь вдов да малых детей. Соседский ветеринар рассказывал, что как-то ночью его позвали в то село — не могла разродиться корова. Помогая животному, нащупал в утробе телячьи ноги, привязал трос и давай тянуть! Не тут-то было! «Зонья (почтительное обращение к старшей женщине, алб.), позовите кого из мужиков подсобить...». «Э-э, милый, нашел где мужиков искать...» И привела мальчонку лет двенадцати, тот влез на мини-трактор и, волоком, разродил-таки буренку...

А после обеда в зале трибунала разгорелся скандал. В самом начале судья категорически запретил фото-киносъемку. Но местный телеканал, проникнув под видом публики, пустил камеру... через вырез в портфеле. Был уличен, пленку конфисковали. Долго шумели. Мы были начеку.

24 января

В два ночи раздалась выстрелы. Дом, где стреляли, нашли сразу. Жестокая драма: жена, всадив три пули в мужа, направила ствол на себя. Скончалась тут же. Мужик же — в реанимации. И, возможно, будет жить.

Навестили десантников в Малишеве. Подбросили привезенных из дома деликатесов — казы, карта, чучук. В застолье шымкентец Булат, с которого, собственно, и началось наше знакомство с россиянами, рассказал «забавную» историю. В полночь с одного из КПП доложили о припаркованном неподалеку пустом джипе. Стоит-де уже пару часов. Может, минирован? Кинулись за сапером, а тот — в зюю! И все же внесли в БТР, поехали. Остановившись метрах в пятидесяти, Булат стал рассматривать авто в прибор ночного видения. «Че смотришь, капитан?» — спросил вдруг подрывник. «Да пошел ты, мина там». «Ми-и-на!» И враз протрезвевший спец, рас-

толкав всех, («Моя это работа, ясно!?»), сорок минут прощупывал «Ландкраузер», подав наконец сигнал «чисто».

По ходу познакомились с симпатичными медсестричками. И вместе со старыми друзьями, начштаба Рашидом и Булатом, пригласили к нам, в Призрен.

25 января

Айнура наша в отпуске, а тут ее шеф-американец — с заявлением. Какой-то незнакомец, представившись в FINCA инспектором UNMIK-Администрации, потребовал документы к проверке. Пока звонили, выясняли полномочия, сбежал. Хорошо, что сняли копию с удостоверения личности. Будем искать мошенника.

Доставленный по мелочи Самедин Кастрати при разбирательстве принялся угрожать нашей переводчице. Здесь это быстро — арестован.

Во время комендантского часа патруль задержал четверых без всяких документов. Оказалось, вчера нелегально перешли албанскую границу. Видать, шли большой группой: часом раньше на краже взяли еще троих нелегалов. Может, недаром местные говорят, весь криминал творят приезжие из Албании?

26 января

Поручили заняться «русским журналистским десантом» — представителями двенадцати крупнейших газет, издательств, популярнейших ТВ-программ. Большинство не знает о здешней ситуации даже того, что печаталось во всем мире. Например, о декабрьском погроме в Лепосавиче, когда орава бунтарей разгромила полицию. Вот уж действительно, некоторые журналюги читают только сами себя. Водил их, много рассказывал, показывал. Расщедрившись в связи с высоким уровнем представительства, немцы показали гостям святая святых: старинную турецкую крепость на вершине господствующей над городом горы — лучшую снайперскую позицию. Просто так нас туда не пускали, а тут, с оказией, я облазил все, пофотографировался на фоне старинных пушек и казематов.

Внезапный вызов к региональному командиру ничего хорошего не предвещал. И вдруг — предложение перебраться в областной аппарат, возглавить группу специалистов по подготовке к президентским выборам. Грядут они в июне и грозят быть весьма и весьма беспокойными. Во всяком случае, гораздо более сложными, чем прошедшие муниципальные: уже сегодня политпартии бьются насмерть, а ближе к выборам... Со слов шефа, за моей работой по связям с общественностью здесь наблюдали пристально. Отметим коммуникабельность, умение работать с прессой, возможность в прямом и переносном смысле находить общий язык с нацменьшинствами. Последнее обстоятельство оказалось решающим. Дело в том, что меньшинства эти (бошняки, турки, цыгане, сербы) практически проигнорировали октябрьские (2000 года) муниципальные выборы. Но если такое произойдет сейчас, то выберут президента албанцев, а не Косова. Дали время подумать.

27 января

Побывал в ОБСЕ, что в первую очередь ответственна за выборы. Говорил с давно работающим в системе Георгием, грузином. Познакомились с ним давно, но близко

еще не общались. Советует соглашаться — «Иной уровень общения, деятельности. Получишь офис в нашем здании». Думаю, время еще есть. Написал домой.

На еженедельном субботнем брифинге командир станции потряс информацией. Оказывается, шестнадцатилетнюю девушку, которая несколько дней назад пропала прямо с занятий в местной медшколе, похитили неизвестные и требуют выкуп. Прислали кассету — пытаются, прокалывают иглой палец... Чеченцы?! Только этого не хватало.

28 января

Сегодня что, «День кадета»? Один полицейский-стажер подал рапорт — кто-то, взломав замок, похитил из его дома табельный «Глок», магазин с пятнадцатью патронами и наручники. Вторая, «леди в погонах», заявила на свою подругу. Та, дескать, угрожает ей расправой, если она не вернет пляжные фотографии. Могу представить себе эти картинки... Впрочем, народ здесь весьма своеобразный и может устроить шум и из-за, по нашим меркам, вполне невинных карточек. Последим за расследованием.

Куда серьезнее заявление Николы Угриновича из Мушниково. Пошли слухи, что сербы, готовясь якобы к чему-то, прячут оружие в церквях. И вот прошлой ночью, вскрыв врата, неизвестные досконально обшарили местный храм Святого Николы. А ведь могут и начать взрывать!

29 января

День выдался хлопотным. Сначала во дворе одного из домов нашли гранату. Дочь хозяина рассказала, как соседские мальчишки пяти-шести лет играли с ней, а когда надоело — швырнули к ним за забор. Обезопасив двор, турецкие саперы рванули нахodka прямо на месте и без последствий.

В 14:00 продолжился трибунал над обвиняемым в геноциде Савой Марковичем. Мы охраняли здание вместе со спецназом. В пятнадцать минут зачитали приговор, и вся недолга: в военных преступлениях признать невиновным. Приговорить к двум годам тюрьмы за избивание конкретных людей. Сенсации не вышло. Но человек двадцать пять бузили у входа в суд. Спецназ щитами просто оттер их на улицу, и вскоре те разошлись.

А ближе к вечеру я отказался стать офицером, отвечающим за проведение выборов. Моя нынешняя работа нравится куда больше.

30 января

Оружие на солидной ухоженной усадьбе искали долго и тщательно. А нашли реликвию — русский автомат ППШ (пистолет-пулемет Шпагина), с большим диском-магазином. Любовно смазанный и упакованный, он ждал своего часа в подземелье. Вот бы в музей!

Ночью пятеро в масках с оружием вломились к супружеской чете босняков и поживились деньгами. Разыскиваются.

А еще КФОР арестовал ассенизаторов, пытавшихся слить нечистоты близ населенного пункта! Солдаты уверяют, будто те уже приготовили место и для новой партии дерьма близ речки Быстрицы — главной водной артерии региона. Не стерпев, немцы-чистюли бросили виновных в «экологической диверсии» за решетку.

31 января

Народ, несогласный с решением недавно завершившегося трибунала над Савой Марковичем, демонстрирует свой протест у здания суда, блокирует движение в центре города. Сегодня польский спецназ был поднят по тревоге: человек двести пятьдесят албанцев вышли к зданию краевой администрации, требуя отмены приговора. С демонстрантами беседовали, разъясняли суть приговора. Геноцида, дескать, в действиях осужденного не усматривается, но и подчистую он не оправдан, осужден за конкретный криминал против личности. Выслушав комментарии, люди нехотя разошлись.

1 февраля

Но, вопреки ожиданиям, народ не успокоился. Сегодня на демонстрацию собралось уже человек пятьсот, и вели они себя отнюдь не мирно. Когда сопровождавшая демонстрантов полицейская машина включила близ перекрестка маячок и сирену, группа молодежи, преградив путь, принялась колотить по капоту, пинать и раскачивать авто. Спецназ расчистил путь, но когда через час наш офицер опознал и попытался арестовать зачинщика, толпа буквально отбила и спрятала его! Мой кадет, Байрам Гаши, тот самый, что еще при Иосипе Броз Тито сидел за политику, страшно напуган. Говорит (обычно он весьма неплохо информирован, уважаем и среди простого люда, и в верхах), что несогласный с решением трибунала народ готов идти до конца. Ну что ж, хорошая проверка для полицейских из местных: одно дело — давить криминал, и совсем другое — со щитами и дубинками наизготовку против своих же, с которыми вчера еще бок о бок воевал против общего врага. Слава богу, обошлось. Сбегав перекусить, Байрам вернулся довольный. «Вот-вот разойдутся, и продолжения, похоже, не будет». И правда, оттесненная поляками от здания суда, толпа перешла к офису краевой администрации и, помитинговав немного, разошлась.

Из заявления: «Оккупировав мой дом еще в июле 1999-го, член КОК (бывшая ОАК, трансформированная в Корпус охраны Косова, представляющий собой ныне нечто среднее между Нацгвардией и регулярной армией) Бледиан Зами, несмотря на вступившее в силу решение муниципального суда, отказывается освободить его». Заявление это лишний раз доказывает особую, «тайную», силу Корпуса.

Уже пару месяцев, как из нашей тюрьмы сбежал опасный преступник. Розыск, казалось, зашел в тупик, но тут узнали, что прячет его под своей крышей один из друзей. С обыском — пусто! Хозяин было в отказ, но тут на видном месте стоит фото. Два товарища рядом, чуть не в обнимку, сидят себе на до боли знакомом диване. И дата позавчерашняя пропечатана. Пришлось сознаваться. И отправиться в ту же камеру.

2 февраля

В Митровице — что-то страшное. Несколько дней назад сербы из-за моста, разделяющего прежде единый город на северную, сербскую, и южную, албанскую, части, открыли вдруг минометный огонь. Много южан ранено и помещено в марокканский военный госпиталь. А пятнадцатилетний мальчишка погиб. Разъяренные, албанцы рванули к мосту и чуть было не смели французский КФОР. Военные устояли, подтянув тылы. Но противостояние с тех пор не затихает ни на час. Албанцев, давно недолголюбивших

французов за откровенно просербскую ориентацию, как прорвало. Требуя вывода и замены «парижан», аборигены забрасывают их позиции камнями, горячим коктейлем, а иногда и гранатами. Ранены шестнадцать солдат и четверо наших коллег, полицейских-международников, горят служебные машины. В который раз восстали и сербы. Жгут, бесчинствуют. Из Митровицы вновь эвакуированы международные организации, все-таки подумывают выводить наших.

До того было относительно тепло и сыкатно. Но зима таки пришла, выпал снег, похолодало. Дороги сразу стали «зеркальными», и вчера наша станция потеряла сразу две машины. Водители, коллеги-африканцы, целы. Не имеющим опыта на гололедице, им приходится туго. Курсы месяц назад были чисто теоретическими — овладели навыком натягивания на колеса металлических цепей, которых, кстати, нам так до сих пор и не выдали.

3 февраля

Среди ночи на станцию из местного госпиталя сообщили об анонимном звонке. Кто-то на сербском проинформировал, что в 03:15, через сорок минут, там рванет. Никакого плана действий на этот случай, конечно же, нет. Темнь, холод, эвакуируем больных (сто пятьдесят семь человек) в военный лагерь. Попутно работают саперы, пустили собак. Ничего! И только к утру вернули пациентов в разоренные больничные палаты.

Учитывая вал фальшивых дензнаков, решили поведать местным бизнесменам, как распознать подделку. Для начала собрали в конференц-зале отеля «Тиранда» восемнадцать владельцев кафе и магазинов, и в течение двух с половиной часов германский коллега Дитер Шмидт очень толково, доходчиво, демонстрируя вещдоки, объяснял суть. Дома, взаимодействуя с Интерполом, Дитер много лет расследовал такие преступления. И в Косове занимается этим уже восемь месяцев. А потому даже мне, «менту» с двадцатилетним стажем, все было ужасно интересно. По окончании банк, инициировавший мероприятие, расщедрившись, подарил каждому слушателю ультрафиолетовый приборчик для распознавания фальшивок.

Получили письменный категорический запрет появляться полицейским вне службы в «подозрительных» местах, где работают проститутки — молдаванки, болгарки, украинки. Подумали бы о тех, кто по году уже не был дома... К документу приложен список таких мест по каждому региону. По Призрену — самый длинный. Или мы работаем хуже всех и не пресекаем путан, или же, наоборот, делаем это лучше других, потому и мест таких выявили больше? Не зря же нас похвалили в обзоре по Миссии по итогам 2000 года.

Смело повели себя трое кадетов, увидев пожар. Рискнув, они вытащили из огня восемь человек, спасли цыганскую семью.

4 февраля

Получили официальное уведомление от Всемирной организации здравоохранения, что никакой «урановой» проблемы, а тем более опасности, в Косове не существует. Легче от этого не стало. То же утверждалось и после «Бури в пустыне», но десятки американцев и другие погибли-таки от непонятной болезни. Но что теперь делать-то, мы ведь здесь уже почти 8 месяцев?!

Воспользовавшись спокойствием, прихватил с собой зимбабвийца Жоффрея и рванул в Речаны. Добрались до самого Превалаца, где полным-полно снега и люди, ну прямо как дома в Чон-Арыке, катаются на лыжах, санках. Почему как в Чон-Арыке, а не на более-менее облагороженном Чон-Таше? Да все так же дико и не обустроено. Хотя совсем рядом, в десяти-пятнадцати километрах, — Брезовица, горный курорт мирового плана. Но там — сербы, и знаменитый ранее подъемник, по слухам, сломан. Как-нибудь съездить бы и увидеть своими глазами. Африканец мой, тем не менее, визжал от удовольствия и все сетовал, что не захватил видеокамеру. Упрашивает повторить «тур» в следующее воскресенье. Да и народ вокруг развлекался как мог: лепил снежных баб и жарил шашлыки, катался на лыжах и санках, толкал буксующие на гололеде машины, раскладывал пикник... Как будто и нет в какой-то сотне километров ужаса Митровицы, Международного военного трибунала, мин и тяжкого криминала, сотен и сотен изъятых стволов...

Выдержки из оперативной сводки за прошедшую, пятую, неделю 2001 года (28 января — 3 февраля):

- В Митровице толпа попыталась прорваться на противоположную, сербскую сторону. Остановленные военными, принялись швырять камни, «коктейль Молотова». Пострадали несколько полицейских, разбито шесть их машин, полностью сгорело авто ОБСЕ. В последующие дни атаки повторились. 31 января, например, бросая зажигалки, а затем и ручные гранаты, группа из четырехсот экстремистов пыталась приступом взять позиции КФОРа. Ранены шестнадцать солдат. Далее, в ходе беспорядочной пальбы здесь был ранен албанец. Его отвезли в госпиталь, у которого тут же собралась толпа и ну закидывать горячей смесью ооновские машины!
- В Гнилянах трое с оружием ограбили прачечную, где в это время были несколько иностранцев. В этом же регионе изнасилована американка, взрывами уничтожены пустовавший сербский дом и торговый киоск. В поисках оружия спецназ побывал и в доме полицейского из местных. Изъят «калашников», скорострельный карабин Симонова с приспособлением для гранатометания, патроны россыпью.
- 3 февраля сильный взрыв полностью уничтожил сербский дом, ранены жители.
- Муниципалитет Србицы получил письменную угрозу расправы за якобы оказываемое содействие военным преступникам.
- Персональную «ноту» с угрозой убийства от сербской экстремистской организации «Черная рука» получил командир полицейской станции в Лепосавиче. Той самой, что была сожжена во время недавних беспорядков.
- Устроив перестрелку в клубе Печи, военнослужащие из Корпуса охраны Косова застрелили своего девятнадцатилетнего сподвижника. Здесь же, в Печи, заспорив об устройстве изгороди на приусадебном участке, сын тяжело ранил мать из автомата. Последовавшая затем серия обысков позволила изъять семь «калашниковых», четыре автоматических карабина, гранаты и боеприпасы.
- Приштина: кто-то стрелял по бензозаправке, взрыва не произошло. Неизвестные открыли огонь по сербскому конвою (тридцать человек). Повреждена машина с детьми, о потерпевших не заявлено...

5 февраля

Все как-то не получалось пообедать в военном кэмпе, а тут удалось. Встретил алмаатинца Виктора Круча. Он рассказал, что наш общий друг, фриденфельдский земляк Саня Лапин, уже третий день в госпитале — аппендицит. Во время недавних событий в Митровице «Скорую помощь», где Лапин — за водителя, направили подсобить французам. Там Сашку и прихватило, назад летел вертолетом. И — сразу на стол. Прооперировали успешно. Проведали земляка, бледный, но уже передвигается и пьет куриный бульончик. Рассказал, что в Митровицу они прибыли в момент, когда для разгона толпы французы применили специальные гранаты-хлопушки. Взрываясь, они страшно шумят, от волны аж дома сотрясаются и кажется, что вот-вот лопнут перепонки. А потом в ход пошел газ, но, как при знаменитой немецкой газовой атаке времен Первой мировой, ветер вдруг сменил направление, и приближающимся к месту событий представителям теперь уже немецкой стороны пришлось-таки пореветь, а потом долго промывать глаза. Впрочем, до приступа аппендицита Санин экипаж успел-таки вытащить из-под огня воина, которому гранатой сильно посеколо ногу. Французское командование представило их к награде. Подарил земляку тубетейку, что носят у нас на юге. Лапин был просто счастлив.

Арестовали тут одного. Избил приехавшую в гости из Германии подружку за то, что отказалась выйти за него замуж. Грозил посадить под замок и не выпустить из Косова.

Вечером на заседании муниципального совета докладывал интересный случай. Еще 5 января член городского парламента от либеральных демократов Косова (ЛДК), будучи в хорошем настроении, решил пошутить. Сидя в ресторане, позвонил по мобильнику другу и, решив пригласить пообедать, сказал: «Немедленно приезжай, меня тут киднепингуют...» Соратник ринулся в полицию. Натолкнувшись на патрульную машину, все рассказал экипажу. Те, зная не понаслышке об отстреле членов ЛДК, подняли тревогу. И вскоре, взяв ресторан в кольцо, под прикрытием вертолета со снайперами, спецназ пошел на штурм... Решили передать «шутника» окружному прокурору.

6 февраля

Региональное подразделение по связям с общественностью получило два гуманитарных грузовика с книгами на английском. Они уже в соседней Македонии, осталось утрясти некоторые таможенные формальности. На следующей неделе будем передавать книги в местные библиотеки — Дом культуры, Молодежный центр, по школам. Вот радости-то будет!

Включенный в состав муниципальной комиссии, побывал на Превалаце. Изучали возможность восстановления разграбленного в войну подъемника для горнолыжников. Здесь, на границе двух зон, с нашей, призренской, стороны службу несет немецкий КФОР. Со стороны Брезовицы же — украинский. С удовольствием пообщался с хохлами, обменялся шевронами. Воины-контрактники службой довольны. Узнав, что я полковник милиции, отдали честь. Сфотографировались на память.

Пытаемся помочь тут одной бедной турецкой семье. Мать работает в местном СИЗО, оклад мизерный. Нет ни жилья, ни даже средств, чтоб купить сыну краски.

Семнадцатилетний Хаким Целина меж тем — талантливый карикатурист. Договорились с Молодежным центром, будут учить его бесплатно английскому и компьютеру, обеспечат занятия с настоящим учителем рисования. У себя же на станции устроим персональную выставку его шаржей. Первую в жизни парня! Пусть знают, что талант этот открыла полиция. И тут же пропишем, что дарование нуждается в поддержке. Глядишь, кто и откликнется.

Вообще же народ здесь своеобразный. Посмотрев организованную нами выставку о женщинах-косоварках, одна наша уборщица принесла рисунки своих малых детей. «Щелкнули» ее через компьютер, фото с надписью «Рисует семья Марина» поместили на стену, а вокруг развесили пейзажи. Взрослая женщина радовалась как ребенок!

Собрав по школам рисунки на тему «Что я знаю о полиции», устроили выставку и в городском Молодежном центре. Пользуется популярностью.

7 февраля

До 20 февраля, пока босс в отпуске, буду исполнять его обязанности. Забот прибавится.

Приелось, и ребята мои надумали перебираться из Речан на более живую работу. Узнав о вакансии в криминальной полиции, переговорил с руководством. И их пригласили на интервью. Поразило, как «вырос» английский, кыргызстанцы общались с англоязычными на равных. И на вопросы отвечали достойно. Оба примерно равны, но место-то ведь одно! Когда началось обсуждение кандидатур, я, чтоб не давить авторитетом, тактично удалился, сказав, что буду благодарен за любой выбор в пользу моей страны. С учетом опыта, коллеги высказались за Улана. Несколько последних лет, работая в УВД Бишкека, капитан раскрывал угоны и кражи авто, в чем весьма преуспел: однажды нашел «мерс» из самой Испании! Здесь это один из самых распространенных видов преступления. Сегодня же подписал приказ о назначении.

Ищем мошенника. Косовар Азем Бериша заявил, что три года назад он решил покинуть родные края. Преуспел, добрался до самой Венгрии. А вот дальше — никак, не получается, и все тут. Подвернулся тут землячок. За бабки, дескать, все спворю, провожу аж до самой Швеции! И выкачал-таки из доверчивого «нелегала» 8900 германских марок. Эмиграции той Бериша ждет и по сей день... Узнав, что старый знакомый объявился вновь и опять вербует лохов — бегом в полицию...

К обеду патруль прихватил показавшегося подозрительным двадцатиоднолетнего Гаши. А у того в кармане — поддельная купюра в пятьсот марок! Арестован.

Вечером заглянул брат нашей хозяйки, работающий переводчиком в Речанах. Сенаду двадцать четыре, толков, интересный собеседник. Кроме прочего, рассказал, что в числе первых выпускников полицейской школы в Вучитрне был и один бошняк. Мужик лет сорока, справедливый и деятельный, он быстро нажил себе врагов. Сказался, говорят, и нацфактор, албанские коллеги терпеть его не могли. Каде-та дважды жестоко избивали, терпел, работал. Но когда посыпались угрозы семье, пошел к самому Главе ооновской Администрации Бернаруду Кушнеру за помощью. Сейчас с женой и детьми на правах беженца живет в Швеции.

8 февраля

В последнее время в Мушникове по ночам сильно озоровали: растаскивали имущество из пустующих сербских домов. Вот и решили речанцы оставить там засаду. Сначала ничего, на третью ночь... прозвучал взрыв. Офицеры немедленно доложили КФОРу и совместно принялись прочесывать деревню. Но ничего не нашли. Утром же выяснилось, что слышали они взрыв, изуродовавший крышу дома главы местной сербской общины (семьдесят два человека) Васи́ла Тодоровича. Убивать его явно не собирались, иначе бросили бы гранату в окно спальни. Взрыв накрыл новое, но пустующее зимой строение во дворе. У калитки эксперты подняли чеку от лимонки. Ясно, пугают. Пытаются выжить. «Не дождутся, — сказала мне шестидесятилетняя жена хозяина, — здесь мои родители похоронены, здесь и я в землю лягу». Мало того, «порадовала», что весной вернуться все, у кого здесь жилье. А это без малого сотня семей! Как охранять-то их будем?! Пока что военные выставят дополнительный КПП, а мы направим патруль из Призрена. И, разумеется, будем искать метателя. Хотя в результатах я, честно говоря, сомневаюсь.

Отрапортовав о случившемся, привыкший ко всему Васил как ни в чем не бывало уехал с военными на встречу с соплеменниками в местечко Превалац, что в пятнадцати километрах. Сербы из анклава Штрпце и Брезовица уже было наняли автобус и на ближайшие выходные планировали приехать в Мушниково на престольный праздник. Но наши и военные отказали — безопасность сейчас никто им гарантировать не сможет. Что же здесь будет твориться весной?! Неужели наверху этого не понимают?!

На совещании у областного начальства узнал, что вчера то и дело дрожал от взрывов Ораховац. В самом райцентре снесло пустой дом в сербском квартале, а в Велика-Хоче, где живут главным образом сербы, гранаты, в общей сложности семь, всю ночь рвались прямо за околицей. Но в разных концах села совместные патрули просто с ног сбились. Договорились, что для отслеживания ситуации и быстрого реагирования военные выставят там дополнительные посты с прожекторами. Но ведь и кфоровские возможности не безграничны, дальше-то что?

9 февраля

Регулируя движение, полицейский из местных остановил старый «Гольф» и, как обычно, начал его осматривать. Притормозив рядом, пьяный водитель «мерса» ну оскорблять его! Блюститель (и тому есть масса свидетелей) реагировал на редкость спокойно и просил одно — уехать. Ругатель тронул было, но вдруг развернул машину и помчался прямо на офицера! Увернувшись, полицейский побежал, но вновь чуть не стал жертвой пьяного придурка. Не догнав полицейского, водила врезался в следовавший навстречу грузовик, тяжело ранив Доми Абаза. Преступник арестован.

Явный поджог — дотла сгорела известная в городе бакалея Гогача. Ущерб оценивается в двадцать пять тысяч дойчмарок.

Четверо вооруженных в масках среди ночи вломились в дом Красничего. Связав его и жену, поживились деньгами и имуществом на общую сумму в двадцать три с половиной тысячи марок.

Вечером, подъехав к теннисному клубу, неизвестные «развлеклись» — открыли автоматный огонь по сторожу. Прибывшему патрулю тот заявил, что такое случилось не раз...

Вокруг такое творится, а мои коллеги радовались как дети, когда удалось прихватить с поличным карманника! Во всем мире это — верх полицейского профессионализма.

10 февраля

Помнится, писал уже, как встретил на станции двух обвиняемых в проституции молдавских «леди». Их тогда депортировали. Но одна, оказалось, вернулась. Ее, опустившуюся до неприличия, нашел патруль в заброшенном сербском доме. Вид откровенной бродяжки, а уж запах... Выяснилось, что в прошлый раз она назвалась вымышленной фамилией и, вернувшись, возобновила промысел. На сей раз депортацией не обойдется: в соответствии с местным законодательством привлекается к уголовной ответственности за проституцию.

Вечером двое наших — шеф кримрасследований Клаус Портер и патрульный Крис Гобель — закатили шикарную прощальную вечеринку. Здесь это главное развлечение, народу набилось! Пойла, самого отменного, хватало, и вскоре все уже весело плясали. Некоторые пришли в национальных костюмах, техасец вырядился эдаким шерифом из вестернов. Я надел Клаусу традиционный кыргызский ак-калпак, объяснил, что такого подарка достойна не каждая, а лишь самая уважаемая голова. Немец растрогался и практически непьющий — предложил брудершафт.

Удачно завершена операция по освобождению шестнадцатилетней девушки, жертвы киднепинга. Три недели не спала опергруппа и соблазнила-таки гангстеров неслыханным выкупом — четыреста тысяч марок! Слепленные, те ввязались в переговоры, и... Жертва — в больнице, на реабилитации. Один преступник задержан. Девять других — в розыске. Задействован Интерпол.

11 февраля

Воскресенье прошло в разборках. Вчера шестеро местных миротворцев во главе с американцем ловили незаконных лесорубов. Пытаясь остановить не реагирующий на сигналы и мчащийся прямо на него грузовик с левым лесом, кадет стрелял в воздух. Шум услышали в итальянском КФОРе и прибыли во всеоружии. Тут выяснилось, что, увлекшись, коллеги «нарушили границу» и углубились в соседний регион. Военные, как положено, проинформировали немцев. Те — региональное начальство. И — завертелось...

Из недельных оперсводок (выборочно):

- в Приштине арестован «крестный отец», контролировавший миграцию проституток. Здесь же от передозировки героина умер итальянец;
- в Гнилянах взрыв сравнял с землей сербский дом. Три соседних сгорели;
- неразорвавшуюся ракету «Земля — Воздух» нашли в Качанике (обезврежена);
- в селе Горни-Ливоч взорвана церковь;
- некто швырнул гранату прямо в магазин (городок Джаковица). Не взорвалась...
- в 22:30 кто-то вдруг начал палить из автомата по закрытому в это время магазину в Дечанах. Когда прибывшая на место происшествия опергруппа вошла внутрь, она наткнулась на несколько аккуратно складированных... противотанковых мин;

- АК-47 с полным магазином изъят у подозреваемого, который принялся угрожать следователю;
- взрывом разрушен дом в Драгаше. На одной половине там жила албанская, на другой — горанская семья. Жертв нет;
- взрыв прогремел и во дворе бошняка в Истоке. Заряд был явно направлен на дом, но в последнюю минуту хозяин поставил на пути взрывной волны автобус, сыгравший роль щита;
- в Липляне кто-то выпустил автоматную очередь в дверь старушки-сербки. Хозяйка не пострадала;
- садясь в машину, владелец обнаружил записочку: «Сейчас взорвется...» Зря потревоженные саперы долго ругались;
- ручную гранату отобрал случайный прохожий у играющих пацанов (Урошевац);
- в деревне Бериша в сточной канаве нашли две неразорвавшиеся с войны (1999 год) бомбы;
- за четыре последних дня (7–10 февраля) в Слатине (единственный косовский аэропорт) и на четырех других КПП при попытке пересечь границу по поддельным паспортам задержано сорок человек.

12 февраля

Привлеченные непонятной возней в номере, служащие мотеля вскрыли дверь и обнаружили на кровати братишек пяти и трех лет и их сестренку, годовалую девчушку. Прибывший патруль накормил чертенят. Пару дней назад номер снял Байрам Краснич. Сказав детям, что едет в Боснию искать пропавшую жену, он просто-напросто бросил их...

Согласно официальным источникам, вчера в Косове прозвучало семь взрывов. Четырежды взорвались подброшенные кем-то ручные гранаты, в трех случаях — взрывчатка. Что интересно, как и раньше, слава богу, никто не пострадал. Но ведь ручные гранаты обладают просто-таки огромным убойным потенциалом... Цепь счастливых случайностей? Вряд ли. Демонстрация силы? Запугивание? Вопросы, вопросы... Неподалеку от нас, в Сува-Реке, кроме того, нашелся мужичок, что «на черный день» припас аж пять лимонок и кучу патронов.

Интересное это зрелище — около полутысячи солдат КОК в униформе проходят маршем по городу... Всполошились все — КФОР, мы, ооновское начальство. Встретились с региональным командиром генералом Луштаку. Ничтоже сумняшеся тот заявил, что планово вывел служивых на расчистку мусора и сбор по закоулкам старых брошенных машин (здесь таких много). И что штабные палатки будут разбиты прямо в городском парке, акция продлится неделю. Участие КОК было, оказывается, согласовано с военными и городскими властями. Но никто и не предполагал, что они используют предлог, чтоб «себя показать». Раньше они не «высовывались».

13 февраля

Сегодня библиотеке Дома культуры вручали английские книги, около трехсот томов. И это только малая часть! Всего же полицейские Флориды, что раньше служили

здесь, вернувшись домой, собрали более двух тонн печатного слова и на свои же деньги отправили груз в Косово. На днях подарок получит Молодежный центр, большинство школ. Приятная миссия!

Патруль привез на станцию двоих заблудившихся детей. Вокруг сразу же столпились, давай совать жвачку, сласти, выспрашивать имена. Пацаны готовы были расплакаться, как проходящий мимо немец из военной полиции посоветовал: «Да разойдитесь вы, бряцаете оружием, они и так напуганы». Совету вняли и через полчаса вручили найденнейшей благодарным родителям.

Развесили карикатуры Целины. Того самого семнадцатилетнего паренька, что, не имея даже крова, рисует тем не менее мастерски. Пригласили виновника, пожали руку, кое-чем помогли. Пришедшая вместе с ним мать растрогалась...

Узнал о существовании организации «Друзья ОАК». Ее члены в подполье заняты сборианием (или выбиванием?) средств на нужды косовской армии. Мало того, что деньги платят все бизнесмены-косовары (выше отмечалось, что крупнейший в Призрене отель «Тиранда», например, по слухам платит десять тысяч дойчмарок ежемесячно), их вносят и многие другие албанцы, независимо от гражданства и страны проживания. Становится ясно, на что существует эта хорошо отмобилизованная военная структура. Но, думаю, это только один из источников. Дома, еще до отправки в миссию, много читал, например, что ОАК контролирует наркотрафик по знаменитому «Балканскому маршруту». Официальных подтверждений этому, впрочем, нет. Да и не бывает их в таких случаях... Надо бы поглубже изучить эту проблему.

14 февраля

Взбунтовался сербский анклав Штрпце, находящийся сразу за граничащей с нами и тоже, кстати, сербской Брезовицей. Подробности пока неизвестны, но радио сообщило о нападении на полицейскую станцию и поджогах служебных машин, штурме позиций украинского КФОРа. Ночью туда переброшены значительные силы польского спецназа. Усилило свои позиции на приграничном Превалаце и немецкое командование.

Жестоко не повезло сегодня доставленному за пьяное вождение Гурри Жоку. При составлении протокола его, как и положено, подвергли досмотру. И обнаружили поддельную купюру в сто марок. До выяснения всех обстоятельств водила задержан.

Заплатив двенадцать тысяч марок, чтоб достать паспорта и отбыть за границу, Фадил Красничич получил четыре «ксивы». В аэропорту подделки распознали быстро, и как удалось «развести» — секрет. Фокус же в том, что сегодня он обратился с нахальным заявлением — привлечь к ответственности изготовившего фальшивки и отказавшегося вернуть деньги «чистодела»...

А еще сегодня заявили об убийстве двухгодичной давности. Бошняк Бериша якобы еще в 1999-м убил жену. Тогда шла война, и заявлять о случившемся в сербскую полицию не стали. Начато расследование.

Днем, часа в два, на дорогу прямо перед патрульной машиной в безлюдной местности вдруг бросился мужчина. В руках он держал сверток, и полицейские поначалу засомневались, уж не взрывчатка ли?! Оказалось, мужик нашел... новорожденного, трех дней от роду! Малыш помещен в местный госпиталь.

15 февраля

Стали известны причины беспорядков в Штрпце. Под конвоем КФОРа несколько автобусов перевозили сербов от села к селу через албанские населенные пункты. В горах, на безлюдье, снайпер поразил одного из шоферов-сербов. Насмерть. Назавтра будут хоронить. Что-то будет?

В Призрене открыт региональный филиал подразделения психологической разгрузки. Возглавив нескольких опытных офицеров и специалистов-психологов, американец Райс с тридцатитрехлетним полицейским стажем считает, что сможет помочь нам избавиться от депрессии. Говорит, что успешно делал это в USA. Дело, несомненно, нужное. Вот только с трудом представляю, как один мужик придет к другому коллеге-полицейскому и станет плакаться «за жизнь». Для западных же профи это вполне нормальное и повседневное действие. Перенять бы.

Был в Приштине на встрече спецов по связям с общественностью. Услышал о многих интересных программах, кое-что пригодится и у нас. Вообще же занятие это весьма нужное и полезное. Повышает полицейский авторитет, служит созданию определенного имиджа и т.д. Для нас, милиционеров «совковых», это, конечно же, не главное. Главное — «схватить и посадить». Даже о пресловутой профилактике мы дома почти забыли. Запад же относится к контактам с населением весьма и весьма серьезно, выделяя бюджетные средства. И этому тоже неплохо бы поучиться. И перенять.

По дороге домой заехал к Урмату. Не виделись с нашего возвращения, когда доставили ему жену с дочуркой. Не хотелось мешать — медовый месяц. Как-никак супруги не виделись полтора года. А женитьбе их шесть лет тому предшествовала история романтическая. С похищением, традиционным платком, многочисленными подарками родне... По дороге летевшая с нами Назгуль в предвкушении встречи («Увижу Урмата и в обморок упаду!») очень волновалась. И даже в Стамбуле (впервые за границей), осматривая город, все равно была как бы не в себе. Четырехлетняя дочка же, напротив, бурно проявляла радость. Еще бы, папина любимица! В Косове им не нравится. Грязь, холод, темень... «Все бы ничего, — говорит Назгуль, — но прямо вчера под окнами на моих глазах взорвался сербский дом. Не то что на улице выходить, к двери подходить боюсь». Ну что тут скажешь? Посоветовал в следующий отпуск, что начинается через неделю, съездить в соседнюю Македонию, куда не нужна виза. Побывать на Охриде, побродить по узеньким улочкам, погулять по бутикам. И — чтобы на всю катушку!

В два ночи эфир передал о вооруженном нападении на квартиру. А через час, оставив для проверки подозрительную машину, патрульные обнаружили вещдоки, маски. При обыске в доме у одного из четырех подозреваемых изъят «калашников».

Медсестра успела позвонить, и наш патруль задержал-таки болгарку, пытавшуюся убежать, бросив в госпитале младенца. «Мама» задержана по подозрению в проституции.

16 февраля

И вновь Приштина, немецкий «медаль-парад». Проходил он в театре, под классику — «живьем» играло популярное местное трио. Немцы обошлись без ооновского

присутствия: Комиссар в то время находился по делам в Англии, а на меньшее они не согласились. Медали вручали чиновники из Берлина, посол, командующий войсками в Косове. Все было чинно, торжественно, с немецкой обстоятельностью. Вот только... Приглашения были исполнены готическим стилем, популярным в Третьем Рейхе. Трибуну, что по очереди занимали VIP — «Особо важные персоны» в традиционных вермахтовских эполетах, украшал специфический флаг с орлом. Ассоциации еще более усилились, когда высокий чиновник, говоривший прежде весьма толково, вдруг начал вещать, что немцы здесь, кроме прочего, выполняют еще и особую миссию — «Показать местным жителям, что в большинстве никогда не бывали в Германии, кроме как в качестве «гастарбайтеров» (чернорабочих), что такое немецкий порядок и образ жизни...». Ничего не напоминает?

Закончилось все богатым пивным приемом в респектабельной «Доре». Познакомился с подполковником-россиянином Анатолием Диденко, из Тамбова. Он близко знаком с Володей Пономаревым, служившим в МВД Кыргызстана, ныне — «тамбовским волком». Говорит, что наши умеют работать. Бывалый, он рассказал, что в двух предыдущих миссиях, в Хорватии и Боснии, был вместе с москвичом Валерием Коротенко. Того на днях назначили областным полицейским начальником. И не где-нибудь, а в Печи, на родине ОАК. Надо быть как минимум на две головы выше, чтоб получить такой пост. Работать, значит, умеют не только кыргызстанцы. Профессионализм свойственен всем работающим здесь бывшим «совкам». И это немало удивляет заграникколлег, что считают нас «третьим миром». По их мнению, хорошо образованные и умеющие работать не могут быть бедными. Вот ведь парадокс...

Кроме прочего, Анатолий поведал об утреннем происшествии близ Подуева. Минометом обстрелян конвой, убито семеро и ранено четырнадцать сербов. Ситуация накаляется...

«Накал» этот почувствовал вечером на собственной шкуре. Возвращались вместе с замом нашего кримподразделения Росли, командиром малазийцев, он тоже участвовал в «медаль-параде». Миновали пару блокпостов, которые почему-то разворачивали попутный транспорт. Не попадались и встречные машины, хотя обычно в это время трафик насыщенный. И вскоре стало ясно, почему. Сначала увидели факелы — прямо среди трассы горели перевернутые автобус и несколько грузовиков, вокруг все усыпано битым стеклом. Рядом же — толпа, человек триста. Позади маячат солдаты, не проявлявшие, впрочем, никакого интереса к происходящему. Оставив полицейскую «Кока-колу» в тридцати метрах, пошел разбираться. Не видя, с кем имею дело, но уже ощущая агрессию, предусмотрительно обратился на English. В ответ: «Албаны в машине есть?!» Начали разговаривать по-сербски. Мужики из соседних деревень поднялись поквитаться за утренние жертвы. Настроение толпы менялось то и дело: то вроде бы свой, раз говоришь по-нашему, да еще и из бывшего Союза (вот где пригодилась нарукавная нашивка «KYRGYZ REPUBLIC»!). А то — оккупант, натовец, пришелец! Вспомнил предупреждение россиян: «Братаны-то мы с ними братаны, но, запомни, когда сербы дерутся, достается всем». Налив стакан мутной ракии, настояли выпить «за упокой погибших». Дернул залпом, развезло уже после, в машине. И только потом, испытующе оглядев, пропустили...

17 февраля

Ситуация накаляется. И не только потому, что пахнет весной, с приближением которой обостряются споры из-за земли. Главное, пока нет и, по-моему, не может быть политического решения «косовской проблемы», устроившего бы все стороны. Де-юре Косово — часть Югославии. Де-факто же Белграду не подчиняется. Местные сербы не приняли ООН с самого начала. Но позицию неприятия постепенно стали занимать и косовские албанцы. Еще бы — решение о статусе Косова все откладывается и тонет в «мертвом море» проволоочек и многочисленных недомолвок. Грызутся политические партии. Недавно избранные муниципалитеты не срабатывают — часты перебои с водой, электричеством, разбитые дороги. «Сколько держав сюда пришло, — сказал мне как-то хозяин дома, где мы живем, — среди них Америка, Германия, Англия... А толку? Дайте бывшей, югославской, власти три дня, в момент свет пустит». Растет и на глазах меняет окрас преступность. Она становится организованной, профессиональной. И все это народ относит на счет ООН. «Сербы с албанскими фамилиями работают в ооновской администрации, — пишет газета «Бота Сот». — Они также компрометируют КОК, используя его униформу». Кстати, о КОК, или «Корпусе защиты Косова». Тихие раньше, его солдаты все чаще и чаще показывают зубы. Описанный выше марш по Призрену, разбросанные тут и там военные лагеря. Недавно, например, хорошо осведомленный о правилах поведения в учреждениях Организации Объединенных Наций региональный командир генерал Луштакупопробовал прорваться на аудиенцию к Главе Администрации с вооруженными телохранителями. Остановленный, устроил шум, скандал. По сведениям разведки, в Призрене участились встречи командующего Чеку с полевыми командирами. Что-то они замышляют? А ведь, как сообщил нам сегодня областной полицейский начальник, содержание «Корпуса Оборона» отражено, и весьма жирной строкой, в косовском бюджете ООН (по непроверенным данным, пятнадцать миллионов долларов — на денежное содержание и двадцать миллионов — на снаряжение). И если Корпус начал качать права, значит, окреп финансово (за счет чего?) и может позволить себе фрондировать.

При обезвреживании бандгруппы ранен полицейский-международник. Пришли на квартиру, где прятались «плохие парни», крикнули: «Полиция, открывайте!» Изнутри начали стрелять прямо через дверь. Трое под арестом. Раненый (покалечена и, очевидно, никогда не сможет держать оружие рука) прооперирован в английском военном госпитале.

18 февраля

День начался с сообщения о предстоящих собачьих боях. Дерутся здесь шарпланинцы, похожие на наших кавказских и среднеазиатских овчарок. И это — традиция, как коррида в Испании. Но начальник патруля, британец, был взволнован необычайно. «Да если об этом прознают англичане, это отвернет их от косоваров...» Поехали на место. Где уж тут запрещать — толпа, собаки, азарт! Смотрел. И снимал.

В Ортаколе (район призренских многоэтажек) стреляли из пистолета в военный патруль. Девять раз. В машину не попали. Проческа с использованием всех сил и средств ничего не дала.

19 февраля

Всегда хорошо осведомленный, полицейский-косовар Байрам Гаши, вместе с которм «тянем лямку» связей с общественностью, рассказал, как был подорван сербский автобус в Подуеве. Около ста килограммов взрывчатки заложили под мостик и, когда на него въехало переполненное транспортное средство, по радио был подан сигнал... Ясно, что действовали не дилетанты.

Единственная в Косове газета на бошнячком «Косовски Аваз» поместила большой материал с красивыми фото о Кыргызстане. Мы «сняли» его с Интернета, перевели и при встрече в редакции еще многое добавили от себя. Тут же, с приложением фотографии с вручением медалей, газета рассказывает о трех «отважных» кыргызстанцах, приехавших помогать косоварам. А что, пусть и здесь знают о нашей земле! Надоело быть «сувенирами»...

Популярностью пользуется открытая в Молодежном центре выставка рисунков «Что я знаю о полиции». Собирали мы ее со всех школ. Детей просили рисовать дважды: до встреч с нами и после них. Картинки разительно отличаются, причем в лучшую сторону. И это уже успех.

20–27 февраля

Каспер Доорнбуш, с которым два года (1997–1999) бок о бок работали в рамках международного антинаркотического проекта ООН «Ошский узел», пригласил на неделю к себе, в Гаагу. Не буду останавливаться на музейных и прочих прелестях этой маленькой, ровной, как стол, чистенькой, ухоженной страны, но считаю должным поговорить о «голландских инициативах» по легализации так называемых «легких наркотиков» — гашиша и марихуаны. То, что увидел, поражает воображение.

За счет пресловутой легализации Нидерланды прочно сыскали себе славу «гнилого яблока в европейской корзине». Особо чернит Франция, не без оснований считающая их рассадником наркозаразы. Да и местные полицейские, обсуждая проблему, чувствуют себя «не в своей тарелке». Когда я намекнул Касперу, что хотел бы поближе, изнутри, познакомиться с тем, как голландская полиция контролирует наркотороки, борется с наркоманией в условиях легализации «легких» наркотиков, он (комиссар полиции!) кому-то позвонил, и меня на сутки закрепили за полицейским автопатрулем (типа нашего «Беркута»). Мы выезжали на происшествия, проверяли жалобы. Многое для меня оказалось поучительным. Они повели меня в «образцовый» кофе-шоп — место, где продается анаша. Много слышал, но, увидев наяву, испытал шок. Под космическую «улетную» музыку, ничуть не стесняясь присутствия стражей порядка, трое посетителей преспокойно забивали самокрутки. А уж запах какой стоял! Хозяйка шопы, разрешив фотографировать, любезно разложила на прилавке аж шесть сортов «травки». И пояснила, что малолеткам, в соответствии с законом, вход сюда заказан, и спиртного здесь не подают. «Но где Вы берете наркотик? Ведь транспортировка гашиша и марихуаны, так же как и выращивание конопли, в Голландии запрещены?» Явно не зная, что ответить, женщина лишь смущенно опустила глаза. Но скоро ответ был получен. Проверяя жалобу о протекающем потолке, хозяин дома вскрыл нежилую квартиру этажом выше, за кото-

рую, тем не менее, квартиросъемщики регулярно вносили арендную плату. Так вот, открыл хозяин дверь в пустовавшую квартиру, изумился, испугался и позвонил в полицию. Приехав по вызову, мы обнаружили... гашишную оранжерею. Под мощными лампами, любовно ухоженные и каждое в отдельном горшочке со специальной подкормкой, нас окружали разнокалиберные растения конопли. Дав мне пофотографировать всласть, полисмены принялись крушить все вокруг, нисколько не заботясь о сохранении вещдоков. Поразили химикаты в заводской упаковке с тиснеными инструкциями о повышении наркосилы каннабиса, специальные соляные добавки в полиэтиленовых канистрах с яркими наркорисунками, многочисленные, специально для конопли подобранные и приготовленные на промышленной основе, удобрения. Такие «плодопитомники» по стране обнаруживаются десятками, и расследованию они не подлежат. Поскольку явно бросается в глаза несоответствие — потреблять товар можно, а производить нельзя. И полиция предпочитает «не вдаваться в подробности» поставок марихуаны.

Зато наращивает усилия по борьбе с наркотиками тяжелыми (героин, кокаин). Побывав в подразделении «Присма», специализирующемся на расследовании преступлений, связанных с поставками наиболее распространенного здесь кокаина, понял, что ситуация под контролем. А потом, уже «без конвоя», бродил по значным местам. И наблюдал настоящий поток клиентов, желающих полакомиться гашишем. Здесь развит наркотиуризм, чтоб совмещать приятное с полезным, студенты специально выбирают вузы Амстердама. Лавки полны наркосувенирами, бейсболками и майками с наркосимволикой, приспособлениями для курения, существует музей марихуаны. В меню кофе-шопов предлагается девятнадцать (!) сортов травки со всего мира, дается описание возможного наркоэффекта (кайфа) от каждого из них. Наркоиндустрия и философия воедино! Видел, как вопреки жестким запретам гашиш продавали малолеткам, в местах курения рекой лился алкоголь... Но ни разу, ни разу во всем этом наркоугаре не заметил, нет, не то чтобы дерущихся или размахивающих ножом, но — хотите верьте, хотите нет, даже повысивших голос. Полицейские рассказали мне, что ежегодно в столице Голландии Амстердаме проводятся слеты потребителей «легких» наркотиков растительного происхождения. Уже состоялось тринадцать. Свыше десяти тысяч курильщиков марихуаны, гашиша съезжаются в страну, правительство которой несколько лет назад официально разрешило потребление каннабиса (конопли), строго-настрога запретив употреблять «тяжелые» синтетические наркотики (героин, кокаин, опий...). Зрелищные заведения, рестораны, кафе, гостиницы переполняют веселые посетители, принося дополнительный доход владельцам. Гости пробуют разные сорта конопли, примеряют и покупают наряды из конопляных тканей, присутствуют на концертах ведущих рок-звезд, съезжающихся сюда из разных стран, знакомятся с выставками изделий из конопли, выведенными местными агрономами карликовыми сортами этого растения с минимальным содержанием дурманящей смолы, слушают беседы ведущих наркологов, как избавиться от наркозависимости. Полиция внимательно следит за поведением любителей побаловаться наркокуревом. Серьезных инцидентов не зарегистрировано. И феномен этот, на мой взгляд, нуждается в глубоком изучении. И уж во всяком случае достоин осмысления.

28 февраля

Порадовал Улан: проведенный по его информации обыск дал сразу несколько нелегальных стволов. В разговоре со мной шеф секции уголовных расследований отозвался о нем весьма лестно. Чертовски приятно!

1 марта

Подошел черед Нурлана. Пройдя жесточайший конкурс, он был отобран для оперской работы в региональном (областном!) бюро криминальных расследований. Теперь наш Нурик ответственен за раскрытие всех сексуальных преступлений и преступлений против личности. И — гроза местных проституток.

2 марта

На границе обстрелян македонский военный патруль. Один офицер убит, двое тяжело ранены. Стреляли и по вертолету, прилетевшему за потерпевшими. Говорят, это дело рук «непримиримых» из ОАК, что хотят раздуть новую балканскую войну, втянув в нее Македонию. Соседи мгновенно закрыли границу, объявили частичную мобилизацию. Им помогают американцы, подтянувшие свои части ближе к границе. Кроме прочего, инцидент этот несет массу проблем для ооновской полиции в Косове. Прежде всего, большинство из нас для поездок в короткие отпуска пользовались аэропортом в Скопье, а многие, чтобы попасть домой, также пересекали Македонию. Что будем делать теперь?

4 марта

В Скопье собралось более трехсот пятидесяти возвратившихся из отпусков и служебных поездок сотрудников миссии ООН в Косове, в том числе военных, полицейских. Гостиницы забиты, ребята ночуют в машинах, в аэропорту, прямо на полу в местном представительстве Организации Объединенных Наций. Напряжение на границе не спадает, ходят слухи, что Сербия окажет Македонии военную помощь. Международный косовский персонал из Македонии наконец выпустили, и граница теперь работает в режиме «вход-выход». Но машины соседи не пускают. Доезжаешь до косовской межи, а далее — пехом. И уже на македонской стороне берешь такси.

5 марта

Получил назначение в родные Речаны. Буду командовать местной полицейской станцией. Ровно полгода назад я перебрался отсюда в Призрен. Но всякий раз, приезжая, чувствовал, будто вернулся домой. Тому способствовало все — и пейзаж, и добрые люди, и общий язык. Местные жители встретили как старого доброго знакомого, наперебой приглашали «на кафу» (так здесь называют кофе. Но, в отличие от Кыргызстана, где если зовут на «чай-пай», можешь быть уверенным, что, кроме бодрящего горячего напитка, будет и мясо, и водка, здесь это только чашечка кофе по-турецки. Сдобренная, в лучшем случае, кусочком сладкого). Искренне радовались и еще работающие здесь полицейские, с которыми начинали. Так и хочется крикнуть: «Речаны, я вернулся!»

6 марта

Официально сообщено, что «под давлением международной общественности» (а я думаю — в знак доброй воли) сербы освободили из тюрем первую партию — девяносто девять политзаключенных-албанцев. Трудно сказать, что больше подействовало на Белград — осенние демонстрации в поддержку «политических» по всему Косову или вмешательство ООН, но люди получили свободу. Многие находились в тюрьме десять лет... Событие это отмечало все албанское Косово. В Ораховаце, например, «демонстрировало» человек пятьсот, и трассирующие автоматные очереди то и дело прорезали ночное небо...

8 марта

По старой доброй традиции отправился поздравлять милых женщин с праздником. В сербском квартале Мушниково — настороженность и режущая глаз нищета. Собрал одиноких старушек, сказал пару добрых слов на их родном языке, вручил нехитрые подарки. В ответ — слезы радости, поцелуи: «А, значит, помнит о нас власть...». Прочувствовав ситуацию, чуть не расплакалась и сопровождавшая меня policewomen-африканка.

Поздравил и наших, Эльзиру с Айнурой, подарил амстердамские безделушки. Им, по-моему, было приятно.

10 марта

Жупу будоражили кражи из брошенных сербских домов. Люди уходили впопыхах, побросав нажитое. Как ни охраняй, мародеры чувствовали себя привольно. Особо полюбилось им Живиняне, зажиточное прежде село. Вот наши и устроили здесь засаду. И на третьи сутки взяли-таки троих пришлых из Призрена, что влезли в хату и набили добром мешок. Четвертый же рванул в горы. Засекли его при помощи сверхмощного армейского бинокля, бросились в погоню. Имея фору во времени, тот рвался к недалекой границе. Но знавшие местность полицейские уже через час вышли наперерез. Вообще же эти четверо представляли жалкое зрелище. Разоренные войной, безработные, ищущие счастья в городе селяне. Больше похожие на бомжей.

11 марта

Вечером нас навестили россияне-десантники. «Представили» нового комбата, привезли рыбки под пиво. Встретили их, как водится... Услышал интересный рассказ. Недалеко от места дислокации, в горах близ Малишева, чабан нашел... ракету. Судя по описанию, неразорвавшуюся. И, поскольку обнаружили ее в зоне ответственности русских, разведгруппу, куда вошли и немецкие саперы, возглавил наш друг, шымкентец Булат. На подступах капитан скомандовал идти «след в след». Толмач-германец добросовестно перевел. «Слышу позади кряхтение, сопение. Глядь — немцы чуть не в шпагате пытаются растянуться до моих растоптанных башмаков. Ну до чего, блин, старательные...»

Начиненную мощной взрывчаткой игрушку с обтекателем обезвредили без потерь.

12 марта

Приезжал Урмат с семейством, пообщались. Рассказал «забавную» историю. Липлянский кузнец пару месяцев назад нашел где-то прекрасно сохранившуюся, неразорвавшуюся авиабомбу времен Второй мировой войны. И приспособил ее... под наковальню! Правда, «большое железо на ней не правил», так, коня подковать, гвоздь выгнуть... Напуганные соседи вызвали полицию. Рванув находку в поле за селом, саперы сказали, что кузнец тот в рубашке родился. А с ним заодно и соседи. Вот ведь как: мало тут гранат, мин и снарядов с недавней войны, еще и Вторая мировая о себе напоминает...

13 марта

Новый Комиссар-британец провел встречу с командирами национальных полицейских сил, задействованных в косовской миссии. Истинный лондонский денди, сухой, высокий, с традиционным стеком в руках, униформа с иголки. Сэру Алберстону в первую же встречу пришлось выдержать бурный натиск со стороны африканцев. Те дружно сетовали, что представителей этого континента почему-то крайне редко выдвигают в руководство, на позиции, связанные с необходимостью принимать самостоятельные решения и т.д. Комиссару пришлось жарковато...

Мой, как говорят американцы, number one, правая рука по-нашему, австрияк Тони. Дотошный, скрупулезный, с врожденной страстью к порядку. В миссии они вместе с женой — Габи. Она служит в австрийской жандармерии, как и Тони. Здесь же эта хрупкая женщина расследует криминал. Недавно проводили обыск по добытой ею информации. Улов: пистолет, карабин, два «калашниковых», граната, свыше тысячи автоматных патронов. Так и хочется приколоть Тони: «Равняйся на жену!»

15 марта

Церемонию вручения медалей украинцы провели в расположении своего спецназа в Гниланах. Улан с Нурланом сейчас в отпуске, ездили втроем. Увидели впечатляющую процедуру в духе лучших советских традиций: парад, внос-вынос знамени, солдатское щелканье каблуками, разбивание головой кирпичей, боевые приемы, работу служебных собак... «Картина», и это было видно по их лицам, весьма и весьма впечатлила приглашенных, в том числе Комиссара. Вот только... опять же в совковых традициях уж очень суетились хозяева перед главой полицейской миссии и двумя-тремя западными коллегами высшего ранга. И тогда, улучив момент, прямо во время показательных выступлений, я от имени офицеров-кыргызстанцев водрузил на командную украинскую головушку ак-калпак. И, кроме прочих принятых в таких случаях слов, пожелал не забывать общего прошлого и старых друзей-«союзников». После церемонии киевлянин специально благодарил. Провожал же он нас со словами: «Теперь буду думать, что бы такое национальное вам подарить. Спать не буду, придумаю. Иль я не хохол!»

На обратном пути заехали в знаменитый на все Балканы американский военный лагерь «бондстил». Мама дорогая, да они никогда не уйдут отсюда! Размером с половиной двухсоттысячного Призрена, по лагерю ходят рейсовые автобусы... Расположенный на холмах, кэмп этот господствует над местностью; наряду с наземными постройками, глаз угадывает и множество подземных коммуникаций. Многочисленные вертолет-

ные площадки, спортивные городки, комфортабельные казармы с кондиционерами, кафе и рестораны... У нас дома все делается для того, чтоб «служба медом не казалась». Здесь же, на зависть, наоборот.

16 марта

Американский «медаль-парад» прошел просто, без выпендрежа. Гимн, спич командира, поздравившего не только земляков, но и отметившего вклад всех наций в установление мира в Косове. Ответная речь Комиссара, вручение медалей. А потом — ужин под пиво и «живую» кантри-мьюзик, что мастерски исполнил специально приглашенный человек-оркестр. Все остались довольны.

Какая глупость стряслась! ОБСЕ в целях безопасности запретила ночные парковки транспорта на дому. Но русским же все по х...! В Приштине, пригласив друга-военного, россиянин-обэзэшник организовал вечеринку у себя дома, оставив машину у подъезда. Как водится, засиделись дольше положенного. В это время финн-проверяющий засек бесхозный автомобиль с опознавательными знаками ОБСЕ и, несмотря на взревевшую охранную сигнализацию, попытался завести его. Что подумали хозяева? Правильно: кто-то хочет угнать джип. И, несмотря на отключенный в это время лифт, ринулись вниз с восьмого этажа. У подъезда подполковник принялся палить из табельного «макарова», едва не задев насмерть перепуганного финна. Вызванная жильцами, решившими, что русские атакуют, военная полиция изъяла пистолет и арестовала стрелка. Результат: офицер-россиянин в двадцать четыре часа депортирован на родину; обэзэшник под нажимом соседей снялся с насиженного места, ведется служебное расследование. И тоже грозит депортация.

17 марта

Сначала прошла информация, что границу пересекли две тысячи беженцев из Македонии, где идут нешуточные бои: вчера, например, стало известно об уничтожении регулярными войсками тридцати повстанцев-учковцев. Патруль выехал к границе, и оказалось, что слухи сильно преувеличены. Двести семьдесят один македонский албанец пришел в Косово в поисках убежища. Здесь их встречали родственники на машинах, и беженцы, как говорится, разошлись по рукам. Но, возможно, это только первая, да притом еще и «официальная» партия, с действительными паспортами. А ну как полезут нелегалы?

Ночью военные патрули задержали-таки четверых с той стороны. И это только начало! Пора разворачивать лагеря для беженцев. Проинформировали ооновский офис, специализирующийся на работе с ними.

18 марта

В 5:30 утра рвануло в торговых рядах в самом центре Призрена. По расчетам, три кило тротила. Магазин, где сработало взрывное устройство, разрушен полностью, серьезно ранен охранник. В той или иной мере пострадали аж сорок семь (!) соседних шопов. Коллега Тони только и сказал: «А ведь вчера я был на том месте, в фотостудии...» Вот уж воистину «не окажись в неправильном месте в неправильное время!» Меж тем

выясняется, что потерпевший — личность весьма проблемная. Несколько дней назад граната взорвалась во дворе его дома, теперь вот — магазин. Что это — долги, запугивание, рэкет? Хозяин меж тем хранит молчание. Под подозрением — его брат.

19 марта

Ночью на перевале в Македонию появился караван животных. Тревожная рота «просветила» ситуацию с помощью осветительных ракет и аэростата. Насчитали шестьдесят тяжело груженных мулов. Что это было — оружие, боеприпасы, продовольствие для мятежников? Остановить караван оказалось невозможным — слишком далеко.

Той же ночью неизвестные обстреляли КПП, охраняющий старинный монастырь. Солдаты заметили лишь хвост авто, из которого стреляли, — вроде «опель-кадет». Искали днем и ночью, перевернули всю Жупу... Безрезультатно.

20 марта

В Сува-Реке на минном поле подорвался местный житель. Взрывающиеся ловушки эти здесь повсюду. В Гниланах, например, предупредительными знаками огорожен весь главный путь, сойти с обочины нельзя даже по малой нужде. Военные саперы привлекаются только в случае обнаружения новых зарядов. «Обыденным» же разминированием занимаются гражданские бригады, накопившие богатый опыт такой работы в Боснии, Герцеговине. В их составе — канадцы, британцы, босняки. Люди с весьма интересными взглядами на жизнь и собственной психологией. Многие занимаются разминированием по десять и более лет и, как ни странно, другой судьбы не ищут.

21 марта

Нооруз отмечали на российской базе в Малишеве. «Настоящий десантник должен быть тупым, прожорливым и решительным!» — то и дело повторяли отцы-командиры... С трудом отпросив у комбата Булата, рванули в Приштину. По дороге, в Липляне, пообедали настоящим ошским пловешником, любовно приготовленным женой Урмата, красавицей Назгуль. А вечером собрались все вместе, подошли Эльзира и Данияр, хорошо посидели. Вот только военный был чуточку шумноват... Зато по дороге домой он хорошо поставленным голосом долго развлекал нас песнями из десантного фольклора. Завидев «батяню-комбата», успокоился на удивление быстро.

22 марта

Обнаружив очередной рвущийся в Македонию караван, снайпер подстрелил двух лошадей. Еще две и девять караванбаши скрылись в складках гор. Свезли вниз кучу изъятых с места происшествия патронов для АКМ. Такие вот грузы нынче возят контрабандисты.

Косово митингует в поддержку «албанских братьев, воюющих за свободу в Македонию». В инициированных ветеранами ОАК демонстрациях в Приштине, например, участвовало четыре тысячи, в Призрене — три с половиной тысячи человек. «Все, кто говорит по-албански, независимо от места проживания, — братья. И мы будем поддерживать их свободолюбие!» (из спичей с трибуны). Албанцы же здесь живут

повсюду: в Черногории, Греции, Турции, Македонии, Сербии. Кто следующий? И кто, интересно, стоит за всем этим?

23 марта

И вновь КФОР арестовал пятерых македонских албанцев, пробравшихся в Косово нелегально. Раненого осколком ручной гранаты боевика поместили в госпиталь, выставили охрану. Четверо других — в тюрьме. Идут и беженцы.

24 марта

Прощались с зимбабвийцами, отработавшими здесь полтора года. На прощание, облачившись в национальные костюмы, африканцы устроили пляски «под звук там-тамов». Особо старалась Маргарет. Крупных габаритов, она просто потрясала пластикой. Толковый следователь, Маргарет раскрыла десятки преступлений, мы были большими друзьями. Подарили ей кыргызские сувениры: изящно вырезанные из дерева «джигита», «келин», «аксакала». Растрогалась...

При очистке канавы работы нарвались на натовскую авиабомбу. Небольшую, но способную разнести все вокруг. Применив спецтактику, саперы вывезли ее за город и обезвредили.

25 марта

Беженцы пошли косяком. Первыми в 20.30 границу пересекли двадцать женщин с детьми. Потом еще и еще. Работали всю ночь, на той стороне, со слов прибывших, собралось пятнадцать тысяч «желающих» попасть в Косово. Бошняки помогают бегущим от войны албанцам, предоставляя кров и пищу без лишних слов. Провиант, одеяла и прочее везут и международные организации. Такая кооперация вселяет уверенность.

26 марта

К 11 часам в пяти местных селах собралось уже полторы тысячи беженцев, две трети — в Горнеа и в Донея Любине. Местные не ропщут, но говорят, что новых размещать будет нигде. На КПП отсеяли и сдали военной полиции девятнадцать вооруженных мужиков. Изъято три АКМ, пистолет, гранаты, сотни патронов.

27–28 марта

Двое суток «фильтруем» беженцев. Нельзя же допустить, чтобы и в без того взрывоопасную Жупу проникли боевики! Но как распознать их? Ясно, когда с оружием, а если нет? Поднаторевшая военная полиция отобрала сорок подозреваемых и устроила им тотальную проверку. Четыре офицера в разное время опрашивали их, задавая практически одни и те же вопросы, преподнося их всякий раз под иным соусом. И семеро попались-таки!

29 марта

Патрулируем села, где размещены беженцы. Не хватает лекарств, продуктов, но в целом ситуация терпима. Покидая насиженные места, люди захватили скот, и сей-

час здесь скопилось две-три тысячи «пришлых» баранов, коров, коз. Чем кормить их? Проблемы, проблемы...

30 марта

Ночью миномет с македонской территории обстрелял приграничное косовское село. Двое убитых, двадцать раненых. Что это: попытка вновь втянуть Косово в бесконечный балканский конфликт?!

Той же ночью случились и другие ЧП. В Призрене военный патруль во время комендантского часа попытался остановить и проверить приподнявшуюся машину. В ответ прозвучал «калашников», и авто скрылось. Запомнив номер, солдаты объявили тревогу. Через пару часов брошенную легковушку отыскали, внутри нашли автомат и стреляные гильзы. КФОР и полиция осмотрели ближайший дом, нашли пистолет и боеприпасы. Трое жильцов задержаны.

В соседнем Ораховце противотанковая граната разнесла пустующий сербский дом. Связав все эти факты воедино, начальство справедливо решило, что обстрел патруля — это ответ экстремистов на аресты возвращавшихся из Македонии вооруженных боевиков. И решилось на беспрецедентные меры безопасности. Военные базы оцетинились танками и пулеметами, превращены в неприступные крепости. Нам разрешено патрулировать только в сопровождении спецназа, что катит следом на броневике. Вторая бронемашина при этом прикрывает подходы к полицейской станции. И так — круглые сутки.

31 марта

Всех всполошила граната в Призрене. Взрыв слышали многие, и патрули с ног сбились, отыскивая эпицентр. Обычное здесь явление — оказалось, в одном из районов жители наткнулись на бесхозную лимонку. И обратились к патрулю. Те вызвали турецких саперов, рванувших находку на месте.

Много беспокойства при патрулировании доставляют... пластиковые пистолеты, их в темноте легко принять за настоящие. По решению мэрии и мы, и КФОР нещадно изымаем «оружие» с витрин и прилавков местных магазинов, предупреждаем, а то и штрафуем хозяев. Но тут родилась мысль: а что, если попытаться выменять револьверы у детворы?! Обратились в неправительственные организации, и те откликнулись, предоставив взамен пару сотен мягких игрушек. Пришли в школы, поговорили, и сегодня под девизом «Игрушки против оружия» провели первую сделку с речанскими пацанами. Надо было видеть: задолго до назначенного срока школьный двор заполнила до зубов вооруженная малышня, подтянулись и старшие. К месту события стекались и взрослые сельчане, вездесущие репортеры. Подкатив на полицейской «Кока-коле», мы распахнули вместительный багажник, куда немедленно полетели пластмассовые ружья и автоматы... Взамен выдавались мягкие зайки, мишки, мартышки. Вскоре наш короб оскудел, и, возвратившись, мы насчитали 97 «добровольно сданных», а вернее сказать, выменянных, разнокалиберных стволов. Прознав об акции, высокое начальство долго хвалило и выспрашивало, кто додумался.

Мытьем спецтранспорта здесь занимаются спецфирмы, неплохо на этом зарабатывающие. Только-только отдраил джип и приехал домой, вдруг — радио: стрельба на полицейской мойке, что недавно покинул... Выяснилось, страж порядка — косовар пытался досмотреть показавшуюся подозрительной машину. Хозяин и пассажиры воспротивились, давай пинать офицера. Водитель с простреленной ногой — в больнице, случай расследуется.

Айнура познакомила с Асыл, приехавшей из Бишкека в соседний Урошевац по контракту с «FINCA». Ну до чего же смелые у нас девчонки! Телевизор и пресса полны жуткими подробностями о происходящем здесь, а они едут работать... Пообщались за пинтой популярного здесь рома «Баккарди» (дамы пили сладкий «Мартини»). Приятная, располагающая собеседница. С развитым чувством юмора.

1 апреля

Такого роскошного пловешника Призрен наверняка еще не видал! На славу расстарались Айнура с Асыл — прекрасный плов а-ля «Анкл-Бенц», и настоящий, разве что только на импортной лапше, бешбармак, и наваристое шорпо, и вкуснящий торт. Праздник живота, да и только! Вместе с прибывшим по случаю Урматовым семейством мы долго благодарили и нахваливали хозяйку. Жаль, Данияр и Павел с Эльзирой не смогли приехать.

2 апреля

Политические игры: беженцев приказано называть не иначе как «временно перемещенные лица». Легче от этого ни им, ни нам не стало. Сегодня, к примеру, на станцию пришел представитель села Горне-Любине. «Беглецов приняли, разместили, у меня, к примеру, десять живут. Но теперь они через горы и свой скот тянут! Тех сто семь барашков, что наскоро пригнали с собой первые бедаолаги, еще удалось распахать по дворам. Но вот теперь привели еще триста да почти пятьдесят коров. Что делать?! Где взять фураж?»

Вызвали уполномоченных представителей ООН, поставляющих пищу и лекарства. Ситуацию те восприняли серьезно, так как как раз вовремя пришли военные и рассказали, что, во-первых, на подходе еще несколько отар. И, во-вторых, ночью они чуть не расстреляли группу, которая шла из Косова за своими стадами и пыталась перейти границу. В темноте их приняли за подмогу македонским мятежникам. Ооновцы приняли меры, и скоро в Жупу потянулись караваны с сеном...

КФОР считает, что война в Македонии принимает затяжной характер. После того как правительству удалось рассеять противника, тот, скорее всего, впредь будет избегать прямых столкновений и изберет партизанскую тактику. На охрану границы со стороны Косова переброшены дополнительные силы.

3 апреля

В региональном отделе уголовных расследований создается спецподразделение по пресечению наркотрафика. Объявлены четыре вакансии. И хочется, и колется... Жаль покидать Речане.

4 апреля

Контрразведка арестовала шесть офицеров ОАК. Прямо в униформе их водворили в камеру предварительного заключения. Делалось это под большим секретом. Дежурившим полицейским пояснили: «За сопротивление». Скорее всего они — «герилье-рос» из Македонии. И не просто стрелки, а полевые командиры.

По данным КФОРа, македонская армия завершила войсковую операцию против мятежников и сейчас ведет «зачистку» близ Тетова. Следует ожидать новых «перемещенных лиц»...

5 апреля

Конвой доставил в Мушниково двадцать сербов с «Большой земли», как здесь зовут Сербию. Раз в месяц, под усиленной охраной, в порядке очередности привозят их на поклон родным могилам, для встречи с местными родственниками. Подходы к селу стерегли два наших патруля, внутри дежурила немецкая танкетка. Вечером подпитых гостей увезли. И мы вздохнули с облегчением. Ведь у всех еще на слуху два кровавых нападения на конвои. Кстати, одно из них, мартовское, близ Приштины, когда направленный радиовзрыв унес одиннадцать жизней, раскрыто. Арестованы четверо албанцев.

Улан сегодня припозднился. Пришел домой в полночь, взволнованный. Разнимая пьяную драку, отобрал два ножа. Такое здесь — редкость. И надо же, «повезло» именно полицейскому-кыргызстанцу, которых здесь, в миссии, всего четверо.

6 апреля

Двое албанцев в Призрене напали на местного цыгана. Избили, грозили ножом. Уходя, пальнули из пистолета, но не попали. Дежурил в тот вечер Улан, и по горячим следам он с приданным военным патрулем задержал виновных, стрелка удалось расколоть. Оружие изъято.

7 апреля

С небольшим опозданием пришла оперсводка за 5 апреля. Ох и не спокойно же в Косове!

- в Витине неизвестные подстрелили серба. Позже грянул взрыв у дома еще одного представителя той же этнической группы;
- в Гниланах хулиганы с дубьем обрушились на полицейский патруль, пришлось отстреливаться. Один из нападавших арестован. Обычное дело: жена заявила на пьяницу-мужа. При нем нашли пистолет и патроны;
- Каменица: кто-то открыл автоматный огонь по дому местного албанца. Пострадавших нет. Из заявления сербки: неизвестный спалил её амбар;
- четверо, видимо наркоманы, пытались ограбить аптеку в Урошеваце. Арестованы;
- в Ораховаце — налет на цыганскую семью. Убита хозяйка дома;
- происшествие в Джаковице: неизвестные обстреляли проезжавшую машину. Водитель-албанец сумел затормозить. Жив, но авто серьезно повреждено. Здесь же заявлено о вооруженном нападении на ресторан, на ооновских полицейских;

- в деревне Рома жестоко избит местный цыган;
- в Печи патруль нашёл неразорвавшуюся лимонку, замаскированную у входа в церковь. Сработав мастерски, саперы уничтожили находку, даже не повредив старинного здания;
- взрывчатку нашли и в Клине. Обезврежена;
- в Србице при осмотре машины найден «ГТ» с патронами. Водитель и двое пассажиров арестованы.

8 апреля

Косовары, оказывается, еще и страстные футбольные фанаты, настоящие тифозы! Вчера недовольная судьейством публика (приблизительно пять тысяч человек!) устроила погром на городском стадионе в Призрене. Стянув все силы, десять наших патрулей так и не смогли навести порядок. И только когда во всеоружии прибыл польский спецназ, ситуацию удалось взять под контроль. Зачинщики арестованы.

А вечером поздравляли Нурлана, получившего «капитана». Как положено, с доставанием звездочек со дна бокала. Думаю, это первый случай присвоения очередного звания кыргызстанцу в длительной (и дальней) загранкомандировке. Дома, в родном министерстве, помнят о нас! Поздравив Нурика, подсевший за столик местный старейшина и авторитет Азис-бей сказал, что завтра о событии будет говорить вся Жупа: здесь, дескать, очень любят и почитают полицейских-кыргызстанцев. Особенно после публикации в газете «Косовски Аваз» подготовленной мной большой статьи о горном крае Ала-Тоо и о вручении нам медалей «За службу во имя мира». Может, и приукрасил старик, но все равно приятно!

9 апреля

Ночной камнепад с гор перекрыл ведущую в Речане «Львиную тропу» (все магистральные пути на военных картах имеют условные обозначения: «Леопард», «Конь», «Лев» и т.д.). Расчистили довольно быстро, но не дай бог попасть под такой «роллинг стоунс»!

10 апреля

Неделю назад в запарке шеф среди прочего поручил Улану расследовать кражу кур. Тот отказался, заметив, что даже стажеры смеяться будут. Сегодня начальник взял реванш: вручил дело о разбойном нападении с четырнадцатью(!) потерпевшими.

На границе с Сербией, где ведутся перманентные бои, погиб солдат из российского контингента. Саперы снимали мины с тропы, когда их накрыл минометный залп. Тяжело раненный, бедняга скончался в госпитале.

Проверяя данные разведки, под мостом у Горне-Любине КФОР раскопал тайник с оружием. Кому предназначался груз? Македонским мятежникам? А если «беженцам», коих в этом селе более восьмисот?! Недаром же местные жители нашептывают патрульным, что иногда те попрекают их за сербский язык. Неудобно как-то шерстить лишившихся крова людей, но надо посоветоваться с военными.

11 апреля

И здесь не перевелись «джигиты»: в Приштине арестован албанец, укравший невесту против ее воли. Там же, в косовской столице, при обыске изъяты лимонки, АК-47, пистолет и патроны к ним. В тот же день:

- неизвестные обстреляли полицейский патруль;
- на базаре в Витине трое арестованы за подстрекательство к бунту;
- гранатной атаке подверглись одновременно три бизнес-точки в Ораховаце;
- полицейский патруль наткнулся на пакет с двумя взведенными гранатами (Призрен);
- неизвестный автомат продырявил литую входную дверь итальянской фирмы в Джаковице. Здесь же арестован местный житель, паливший в воздух во дворе школы;
- «Калашников» и патроны найдены в машине в Србице.

Сенсация случилась в Гнилянах. Под стражу взят работавший под ооновским флагом африканец. Оказалось, по обвинению в геноциде и преступлениях против человечества, совершенных еще в 1994 году в Руанде, его давно разыскивал Международный трибунал. Поговаривают, что и здесь, в Косове, после войны он, пользуясь должностным положением, помогал уйти от ответственности виновным в массовых расстрелах...

12 апреля

Ничто «грозы» не предвещало. Обычный в этих краях спор из-за земли вылился в настоящее побоище. Два дня мы пытались предотвратить силовые разборки, беседовали с конфликтерами, увещевали дожидаться решения суда. Те обещали, но... Вечером, во время «корзо», паренек из одного противоборствующего клана словесно «достал» девушку из другого. Вмешался брат, и понеслось! В драке участвовали двадцать три человека, полицейскую станцию взяли в кольцо, блокировали подступы патрулям. Пришло подкрепление из Призрена, напуганный радиокриками, на место примчался спецназ, областной начальник полиции. Зачинщики арестованы.

Наутро с повинной пришли старейшины. Задержанных отпустили под их поручительство. Но теперь состоится не только гражданский, но и уголовный суд.

13 апреля

Жупу опутали блокпосты. По данным КФОРа, на помощь македонским мятежникам пытается прорваться разделенная на три части вооруженная группировка в составе двухсот пятидесяти бывших оаковцев.

Окрыленные поддержкой, беженцы-македонцы устроили сегодня демонстрацию с требованиями освободить албанцев, задержанных за участие во вчерашнем конфликте. В Призрен стянули все силы, но холодный проливной дождь остудил страсти. Ограничившись скромным митингом, бузотеры разошлись быстро.

14 апреля

Несмотря ни на что, в Призрене все еще живут несколько сербских семей. Вернее сказать, влачат жалкое существование, рассчитывая только на помощь международных организаций да на охрану КФОРа. Главным образом старики, не смеющие выйти за пределы сербского гетто. Но есть и один молодой мужик, вот ему-то и достается

больше всех. Сегодня в его дом швырнули очередную гранату, разрушив стену и выбив окна. Хозяин же, тридцатисемилетний Йованович, жив всем назло. И уезжать не собирается.

Случайный водитель сообщил о стрельбе в дальнем селе Кобай. Прибыли двумя патрулями. Оказалось, «воюют» между собой два психбольных брата. Окопавшись, стреляют не понарошку. Вмешались, разоружили, отконвоировали в госпиталь. Дома же обнаружили АКМ с двумя магазинами, 120 патронов к нему, ручную гранату и заряженный пистолет «Застава». Такая вот «братская» разборка...

15 апреля

Реванш от зимы: снег буквально завалил Косово, в горах застряли сотни машин. И все же погода на нашей стороне: позавчера из соображений безопасности военные задержали на Превалаце двести пятьдесят сербов, мечтавших попасть на Пасху в родные села Мушниково, Драйчиче, Средска. Возмущенные, те вызвали подмогу и решили идти напролом. Могло кончиться большой кровью, но жестокий буран остановил их, остудил воинственный пыл.

17 апреля

На редкость спокойные два дня. Сегодня были в Манастирице, меняли игрушки на оружие (пластиковое). «Разоружили» аж сто шестьдесят пять тамошних пацанов! Один принес целых семь револьверов, получив взамен пять зайцев, драконов и крокодилов. Вообще же акция эта проходит весьма успешно. И носит чисто практический характер. Пластмассовые стволы в большинстве выглядят как настоящие, с затвором и магазином. Недалеко до греха: выскочи с такой пукалкой ночью, и патрули наверняка начнут стрелять совсем не игрушечными пулями. Начинание наше подхватила местная пресса. А коллеги в Германии начали сбор мягкой игрушки, чтоб переправить в Косово.

18 апреля

Недолгим было затишье. Ночью горы вокруг расцвелись ракетами, зазвучали выстрелы. В Македонию, в помощь мятежникам, снова пыталась прорваться группировка из Косова. КФОР вступил в огневой контакт, развеял «добровольцев». Примерно двадцати из них все же удалось прорваться. Жди эскалации.

...Завтра — домой, в отпуск. На целых три недели!

10 мая

...«Бишкекские каникулы» позади. Скопье, куда из Москвы мы прилетели вместе с Данияром, встретил сурово. Уже в аэропорту узнали о непрекращающихся столкновениях в македонских районах Тетово и Битово. Только за последние двое суток убиты двенадцать военных и полицейских! Потери мятежников доподлинно неизвестны, но визави наши говорили о десятках жертв. Начались албанские погромы — в столице Македонии жестоко избит косовар-албанец, на свою беду оказавшийся здесь, взорвано принадлежащее албанской семье кафе. Скопье усиленно патрулируется.

Границу меж тем пересек без проблем и уже к вечеру был в Призрене. До полуночи «транслировал» ребятам кыргызстанские новости.

11 мая

В мое отсутствие случилось следующее:

- Вновь (в который уже раз!) взорвано югославское Представительство в Приштине, есть раненые. Виновный — рожденный в России и женатый на местной албанке немец — задержан. Память ассоциативно подсунула образ стрелявшего в Президента Кеннеди Ли Харви Освальда, который тоже был связан с Советским Союзом. Американцы тогда долго искали «русский след» и «руку Москвы». Совпадение?
- С обострением македонского конфликта возрос и поток беженцев. Их количество в Жупе возросло до трех тысяч. Но местные жители уже не так радушны, да и возможности их ограничены. И большинство так называемых «перемещенных лиц» потянулись в Призрен и дальше, вглубь Косова. Военные рассказали, как, едва перейдя границу, две беженки принялись... рожать, произведя на свет уже не македонцев, но косоваров. И еще одну женщину вывезли с границы вертолетом — множественные переломы ног. Утверждала, что преодолела горы сама, а тут, в Косове, вдруг обезножела. От радости, что добралась живой?!
- Раскрыто, наконец, резонансное убийство видного деятеля ОАК Дрини. С приходом КФОРа он вроде прекратил заниматься политикой, чем подал добрый пример. Но от дел полностью не отошел и, по официальной версии, «занимался обеспечением безопасности региона». А вскоре был «заказан» и убит. Год велось следствие, и, как результат, арестованы шестеро во главе с действующим генералом Корпуса защиты края. В его защиту поднялись было кордоны, но после того, как наши пригрозили вынести политический сор из косовской избы и рассказать, что Дриню убрали его же бывшие сподвижники, демонстрации мгновенно прекратились.
- По разработке Улана обезврежены «маски», подозреваемые в вооруженных разбоях. Пятеро арестованы, изъяты многочисленные вещдоки. Среди них — исправный «шмайсер» времен Второй мировой. В бандгруппу входило семнадцать человек, имена известны. Все были прекрасно экипированы: при задержании в доме главаря найден АК-74, шесть пистолетов, охотничий карабин, множество патронов и маски, маски. Расследование продолжается.

12 мая

Познакомился с таджиком Ильхомом, финансистом призренской тюрьмы. Родом из Худжанта, он пять лет сотрудничает с международными организациями. Начинал в Душанбе, работал в Женеве, Боснии. В этой балканской стране раз попал в переделку: «Представляешь, всю таджикскую войну провел на родине, и ни разу никто не тронул. А тут, в Боснии, довелось. Готовили выборы, раз выехали с коллегами за город. Глядь — сербский патруль. Проверив документы, отделили американцев, и — к нам: «Эти останутся, а вы убирайтесь!» Ну да, посмотрелся я на такое дома, где то «юрчики», то «вовчики», выбрав добычу пожирнее, прогоняли остальных: «Они вас скоро догонят...». А после находили трупы. Короче, уйти мы отказались и тем спасли «штатовцев».

После «своей» войны Ильхом уже ничего не боится, привез жену и младшего сынишку. Правда, целыми днями те сидят взаперти, развлекаясь привезенными с собой русскими видеоклипами и фильмами. Зато вечерами семья вместе.

13 мая

Охота в Косове запрещена. И хищников развелось — тьма. Зимой волчьи стаи буквально терроризируют сельчан, для отстрела одичавших собак под присмотром военных создавались специальные ветеринарные команды. А тут еще одна напасть: окрестный медведь повадился разорять ульи. Прошлой ночью настал черед Локвицы. Мишка полакомился-таки медком из тринадцати пчелодомиков. Ну что нам теперь, медвежьи ямы рыть или засаду в каждом селе устраивать?! Охота здесь запрещена, егерей нет.

14 мая

Наконец-то определена дата выборов — 17 ноября 2001 года. Косовары выберут сто двадцать представителей в Ассамблею, которые в дальнейшем выберут Президента и премьер-министра. Десять мандатов резервируется для местных сербов, десять — для представителей других нацменьшинств. Статус Косова при этом по-прежнему тактично умалчивается... И потому сразу же выявились разногласия между политическими силами. В прошлом видный военный, лидер Демократической партии Косова Хашим Тачи тут же отмежевался от поддержавших идею выборов Руговы и других, заявив, что выборы в таком виде на руку лишь Белграду. Надо, дескать, уже сейчас придать краю самостоятельность и начать президентскую гонку...

Опять грядет обострение?

15 мая

Прознав про нашу акцию, Германия прислала большую партию мягкой игрушки. По призыву полиции и армейских их там теперь собирает население нескольких регионов! В школах Доне-Любиня и Локвицы выменяли сто восемьдесят пять пистолетов. Надо видеть, как радуются дети! В пятницу с той же миссией едем в Стружье, единственное албанское село в Жупе, на самой македонской границе. Параллельно с обменом рассказываем и детям и взрослым о международном положении, о политике ООН по укреплению мира, о Кыргызстане. Может, западет наша агитация в память, поспособствует взаимопониманию.

16 мая

По перевалу Превалац наша Жупа граничит с сербским анклавом Стрепче, где, кстати, расположена прежде всемирно известная лыжная база Брезовица. Сейчас там полно беженцев, народ обозлен. И потому границу усиленно охраняют немецкий и украинский батальоны. И если сербоговорящим бошнякам мы иногда даем разрешение на поездку туда, то албанцам путь в анклав заказан. И вдруг приходит один и начинает права качать — албанцам, дескать, нет места на родной земле, их даже на перевал не пускают! Объясняем, что это делается в интересах их же безопасности, чтоб не допустить кровопролития, — не действует! Пришлось изменить

тактику и объявить, что как свободный гражданин он вправе ехать куда хочет, но ни полиция, ни КФОР не могут гарантировать его безопасность. «Поборника прав» как ветром сдуло!

17 мая

В унисон вчерашнему «подслушал» радиопереговоры из соседнего Ораховаца. В населенном сербами селе Велика-Хоча пропал свет. А в единственной на весь район ремонтной команде — одни албанцы. Чтобы доставить их на место и дать «потерпевшей» стороне электричество, понадобилось стянуть полицейские силы со всего района! Ну не абсурд ли?! Но такова балканская действительность. При этом в том же Белграде проживает свыше ста тысяч албанцев, и — никаких проблем...

18 мая

Ночью пришли еще трое беженцев, одного, раненого, немедленно переправили в полевой госпиталь.

Начал осуществляться чей-то дьявольский план: в Жупу вернулись первые сербы. Каким-то силам ну просто не терпится отрапортовать, что проблема этнического противостояния в Косове разрешается. Используя различные рычаги, силы эти, несмотря на сопротивление армии и полиции, давно будируют вопрос о возвращении славян. Каждый, даже высказанный на сверхсекретных совещаниях, такой призыв немедленно становится достоянием гласности и влечет эскалацию жестокости — взрывы, поджоги в сербских кварталах и селах, убийства. И все понимают — ставить вопрос о возвращении еще слишком рано. Даже сербоговорящие бошняки-мусульмане рассказывают, что ездить в Приштину, например, они боятся... Но политикам плевать, в ход идут расхоже-глумливые лозунги о нарушении прав человека, права проживать на родной земле. Но хотя большего цинизма здесь сейчас и представить трудно, акция началась: усиленный конвой доставил в Драйчичи троих сербов, имеющих в селе кровлю. И если с двумя, стариками 80-ти лет, особых проблем нет, то безопасность сорокалетнего Ж.С. вызывает опасения. Местные шепнули, что во время войны он был мобилизован сербами и разгуливал здесь с автоматом... Побывал в Драйчичах, встретился с переселенцами, спросил о нуждах. Старики пожаловались на сожженный сеновал, порушенное хозяйство. Будем стеречь возвращенцев.

20 мая

В последнее время в крае развелось много частных компаний, специализирующихся на обеспечении порядка при проведении массовых мероприятий, охране магазинов, складов и т.д. И все бы ничего, но некоторые из них не хотят регистрироваться, предпочитают действовать нелегально. А это порождает слухи о незаконных формированиях... Вот начальство и решило разобраться. И начали с Печи, где в операцию вступили одновременно испанский спецназ и военная полиция. Атаковав базу «Черной пантеры» и преодолев сопротивление, они арестовали двадцать шесть здоровяков в униформе, изъяли оружие и связь.

Прощались с немецким батальоном, что вместе с нами обеспечивал безопасность Жупы. Военные здесь служат по полгода, затем личный состав, согласно рекомендациям психологов, полностью меняется. Выводимым досталось: события в Македонии, охрана границы, ребята достаточно повоевали... И прощание было трогательным, под звуки марша, под факелы и, что необычно, под батальонную песню на английском. С неперменной раздачей заслуженных наград.

21 мая

В крае объявлена амнистия на оружие. Всякий может сдать его анонимно. Но местный народ не особо торопится, рассчитывая, что стволы еще пригодятся. Но вот сегодня селянин из Небрегошта принес «Калашников» с подсумком и пятью забитыми магазинами. И потребовал «сертификат» с указанием, кому, когда и какое оружие он сдал. Зачем? «А вдруг об автомате дознаются „плохие парни“ и захотят его получить?! А я им — сертификат: сдал, мол»... Бумагу выдали беспрекословно. И даже с доставкой на дом.

Судя по местной прессе, в американском секторе сдались сто семьдесят четыре бойца «Освободительной армии Прешево, Медведже и Буяноваца», воевавшие на сербской территории. В том числе, возможно, и те, кто обстреливал совместный американско-русский патруль, а позже убил русского солдата-миротворца... Всем им обещана амнистия. Что это — маловероятное сворачивание конфликта или дана команда о передислокации в Македонию, где, кстати, опять вовсю стреляют?

23 мая

Ночью тревожная немецкая рота вышла в поддержку пограничным заслонам. На той стороне, в Македонии, слышался интенсивный артобстрел — домой с боем прорывались воевавшие против правительственных войск «добровольцы»-косовары. Близ Манастирицы КФОР задержал тринадцать боевиков — из тех, кому удалось оторваться от преследования и перейти кордон. Двое были тяжело ранены. Допрошенные на скорую руку, они показали, что подорвались на минах уже на косовской стороне. Значит, блокируя проходы, македонцы похозяйничали уже на сопредельной стороне? Или так, «превентивно», действуют наши вояки? Предстоит разобраться, ведь могут пострадать местные жители.

24 мая

Встречался со старейшинами. Закончив официальную часть, порасспрашивал их об истории края. В войну здесь стояли болгары, итальянцы, а после капитуляции Италии вошли немцы. Болгары отбирали и крали все подряд. Итальянцы блюли себя, если что и брали, то обязательно платили. Не чинил произвола и германец. В горах партизанили, но как в Сербии четники, в Хорватии — усташи, здесь против партизан активно выступали баллысты. Проводя так называемые «акции устрашения», они перебили немало народа. Раз в Ландовице карателям попались два друга-соседа, серб и албанец, состоявшие в одном отряде. Баллысты предложили албанцу уйти, а серба вознамерились расстрелять. Первый отказался — погибли оба.

25 мая

С первым патрулем узнали о ночной гранате в доме представителя небольшой сербской общины Жупы Веско Тодоровича. С наступлением темноты сербы не смеют высовываться, и потому, заслышав взрыв, Веско с женой лишь затаились и всю ночь пролежали под кроватью. Взорвавшись на втором этаже, лимонка разворотила мебель, разметала и посекала платье, выбила одиннадцать оконных стекол. Это уже вторая граната, в феврале взрывом начисто смело крышу. Всего же с ноября 1999 года бомбы в здешних сербских усадьбах рвались шесть раз да дважды — в церкви Святого Николы в Мушникове.

С Тодоровичами, во многом благодаря моему познанию в сербском, сложились самые добрые отношения. А тут я разговаривал и прятал глаза, ну не можем мы их защитить! А всего то и надо, как и в других сербских селах, не наезжать сюда патрулями, а установить в Мушниково армейский КПП. Но несмотря на наши многочисленные просьбы, прекрасно понимая, что другого выхода просто нет, КФОР, ссылаясь на нехватку сил, отказывается делать это. А ведь грядет массовое возвращение сербов, и трудно поверить, что у «Великой Германии», направившей в Косово сотни бундесверовцев и полицейских, танки и бронемшины, боевые вертолеты и вложившей в обустройство своих военных баз здесь миллионы, нет в запасе десятка солдат...

Как это часто и бывает, пресекая массовую драку, патруль вдруг сам мгновенно стал объектом нападения. Стреляя в воздух, полиция разогнала толпу. Крепко досталось стражу порядка из местных. Ведем поиск зачинщиков.

26 мая

День начался с сюрприза. Мужик принес в дежурку сумку с чем-то, похожим на кирпич. Смущали только торчащие отовсюду провода. Саперы подтвердили — самодельная бомба. А позже — что стальная оболочка начинена килограммом взрывчатки. Вывезли и рванули.

Стемнело, когда ко двору призренца Гаши Ружди на двух машинах подкатили «плохие парни» и попытались выкрасть его. На шум сбежались родичи, в драке прикладом «калашникова» разбили лицо брату жертвы, нападавшие трижды стреляли. Сомкнув ряды, родне удалось разоружить и задержать до прихода полиции троих гангстеров. Кроме изъятого на месте происшествия, в доме одного из них нашли «запасной» АКМ со ста пятьюдесятью двумя патронами.

27–29 мая

Ну прямо как дома, на юге Кыргызстана: пришла жара, и здесь, в Жупе, начались проблемы с водой. Вечно жаждущие Горни-Любине договорились с Драйчицами, где воды в избытке, использовать один из тамошних родников. Скинулись и начали строительство трубопровода. Но тут проснулось Мушниково: мы, дескать, пользуем тот же источник. И — порушили стройку. Вовремя вмешалась полиция — чуть было не началась настоящая война. Обе стороны высказывались достаточно недвусмысленно. Усиленные патрули отнюдь не решили конфликта, лишь держат зеленую линию. Муниципалитет обещал рассмотреть спор до 5 июня с.г. Но, согласившись отсрочить «начало

войны», мушниковцы тут же заявили, что, если понадобится, они блокируют военную магистраль и готовы биться всерьез. Готовимся, подтягивается и КФОР.

30–31 мая

Одним из первых косовских миссионеров побывал в соседней Черногории. Входящая в Югославию, небольшая страна эта с населением около семисот тысяч стремится к независимости и де-факто уже получила ее. Здесь, как и в Косове, в обращении дойчмарка (своей валюты пока не придумали), создана собственная полиция, правит всенародно избранный президент. А стабильность экономики в какой-то мере гарантируют порты Адриатики и традиционно развитый туризм. Но внешнюю границу все еще охраняют сербские солдаты. Те, что прежде арестовывали наших коллег, случайно или по ошибке пересекавших границу, и обвиняли их в шпионаже. Факты эти не придавали уверенности, но все обошлось. Суровые пограничники внимательно изучили диковинный кыргызский паспорт и взяли под козырек. Сам по себе факт незначителен, но лишний раз подтверждает добрую волю югославского президента Коштуницы, как минимум, твердый отказ от диктаторской политики Милошевича. И — вселяет надежду.

1 июня

Даже не в зоне войны, а близ македонской столицы Скопье на минах подорвались правительственные солдаты. Эскалация конфликта? Кто установил? Начался поиск.

Компьютер выдал исчерпывающую информацию, и наш опер Нурлан Сагыналиев на днях конфисковал у местного мафиози похищенное в Германии авто. Тот возопил, что купил «мерс» за пятьдесят тысяч дойчмарок, и вознамерился жаловаться. Дотошный Нурик взял да и проверил машину, на которой тот приезжал качать права. Вердикт Интерпола: разыскивается в Италии. Ну, дела...

2 июня

Ранний звонок в дежурку: выйдя из ворот, житель призренского пригорода наткнулся на пластиковый контейнер. Открыл и увидел 6 невзведенных гранат. Из тех, что, взрываясь, разлетаются на двести метров вокруг. Здесь это отрегулировано — саперы ждать не заставили.

На командирском часе объявлена воля свыше: несмотря ни на что сербов будут возвращать в родные места. «Страшно далеки они от народа»...

Корпус защиты Косова все стремится легализоваться. Запятнанные в Македонии и в Прешево-Буяноваце, а больше всего участием в мафиозных разборках, под угрозой потери лица, а следовательно, и бюджетной поддержки, замкнутые прежде отцы-командиры жаждут теперь общения с ооновской администрацией. Призренский региональный командир генерал Луштаку даже договорился об еженедельных контактах «на высшем уровне» с полицией. А еще, в ознаменование второй годовщины окончания военных действий, 12 июня учковцы решили пройти маршем из конца в конец Косова. Но официальный марш, демонстрация силы — это уже признание факта существования собственной армии. Мало того, командование Корпуса обратилось к КФОРу с

предложением маршировать вместе. Это означало бы и его международное признание! Благо, натовское командование отказалось не только от совместной демонстрации, но и предостерегло устроителей марша от каких-либо самостоятельных действий.

3 июня

Устроили в Речанах настоящее действо. Рассыпали на мосту более полутора тысяч выменянных пластиковых пистолей и на глазах малышни, прочей публики размазали их гусеницами танка! Символично и зрелищно.

5 июня

Ходят слухи, что Россия в кредит «отпустила» Македонии истребитель МиГ последней модели. Зачем маленькой стране супермашина, способная в миг достигать сверхскоростей? Только очнулся, а самолет уже и за границей. Вот то-то и оно, ведь за граница-то в данном случае Косово, откуда главным образом и подпитываются мятежники. Раньше в составе македонской армии их успешно громили два вертолета украинских ВВС, говорят, даже с киевскими экипажами. Славянская солидарность — налицо.

8 июня

Пару дней назад на КПП в Средске накоротке поболтал с «русским» вермахтовцем. И забыл, поскольку, во-первых, это уже не в новинку, а во-вторых, карагдинец этот родился через год после того, как я окончил Карагинскую высшую школу МВД СССР — в 1979-м.

Но Витек оказался пареньком шустрым и, подсев сегодня за обедом, рассказал невероятную историю. Не имей мы, несмотря на разницу в возрасте, общей ментальности — ни за что бы не поверил:

«Качу я себе за баранкой и думаю: неплохо бы вечером вмазать — и так три дня пропустили. Рядом — кореш, тоже из наших и тоже не прочь. А талоны в ПХ (ПХсами здесь называют военторги. Солдаты раньше пользовались ими без ограничений. Но, поскольку цены там в три раза ниже гражданских, особо одаренные, главным образом из бывших «русских», приноровились посылать алкоголь, сигареты и парфюмерию домой посылками, а там перепродавать. С мая с.г. в ПХсах введена талонная система на «дефицит») мы давно пропили. И, в нарушение всех и всяческих приказов, решили купить водку в местной «продавнице», куда вход нам категорически запрещен. Дождались, пока въедем в сербский анклав, где можно говорить по-русски, и я рванул. Друг же снимал меня «крутого» на камеру. Не мелочась, взяли сразу четыре «смирнова». Сдали смену, достали маслины, прочую местную закуску, и — огонь! На втором пузырье включили видео. Глядь, захожу я в магазин с автоматом, А ВЫХОЖУ БЕЗ (вне зависимости от погоды, времени суток и года, вермахт здесь носит обязательные бронежилеты и автоматическое оружие)! Ночью, абсолютно трезвый, ходил уже на губу местную, камеру присматривал. Наутро, слава богу, тот же маршрут. Думал, ни за что не вернуть ствол. Но только зашел в магазин, серб с улыбкой извлек его из-под прилавка. «Потому, что по-русски, браток, говоришь...». А может, у него и своих винтарей хватает? Короче, на радостях я его сотней марок одарил...».

10–15 июня

Перешел преподавать в полицейскую Академию в Вучитрн, где готовят косовских «солдат правопорядка». А поскольку подчинена она уже не ООН, а ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), сначала в Вене, потом уже в Приштине прослушал вводный курс, где говорят обо всем понемногу. Узнал, что:

- в ОМИК (миссия ОБСЕ в Косове) — свыше 700 сотрудников, это самая большая миссия Организации;
- по экспертным оценкам, в Косове зафиксировано примерно 120 000 фактов захвата собственности, принадлежащей другим этническим группам. В 1999–2001 годах же официально заявлено всего тринадцать таких случаев;
- с июня 1999 по апрель 2001 года в Косове взорвалось более пятисот мин, погибли и ранены почти полторы тысячи человек. Мине претит быть одной, а потому существует непреложное правило: нашел противотанковую — ищи рядом растяжки, противопехотные или мины-ловушки. Последние приспособливают под любые предметы обихода, игрушки и т.д. На слуху случай, когда боец поднял с земли «бесхозный»... магазин от АК-47, рванувший прямо в руках;
- на грядущих 17 ноября с.г. выборах будут избраны сто двадцать семь членов Ассамблеи. Десять мест зарезервировано за сербами и десять — за другими этническими меньшинствами. Ассамблея-де изберет президента и премьер-министра. Вопрос — чего? Статус Косова («самостийная» держава? Федерация? Автономный край?..) до сей поры не определен;
- невообразимо богата партийная палитра Косова. Здесь голосуют не за политическую платформу и программу, а за конкретную личность. Так, на муниципальных 28 октября 2000 года выборах край проголосовал главным образом за профессора-интеллектуала Ибрагима Ругову, чья Демократическая лига Косова — набрала пятьдесят восемь процентов голосов. Возглавлявший самую богатую (офисы в Швейцарии, Германии) Демократическую партию Косова, воинствующий Тачи «поднял» двадцать семь процентов. С семи целых семи десятых процента на третье место политпьедестала поднялся популярный командир ОАК Харадинай — Альянс «За будущее Косова» (ААК). Во вновь избранных муниципалитетах, таким образом, пятьсот четыре из восьмисот шестидесяти девяти мест досталось ЛДК, двести шестьдесят семь — ПДК, семьдесят одно — «будущему» Альянсу. Входящие в «Сербский Национальный Совет» и «Сербскую Национальную Ассамблею» партии выборы просто проигнорировали, и сейчас ОБСЕ проводит большую работу, чтоб на предстоящих, «решающих», сербы в стороне не остались. Партии других этнических меньшинств — босняков, горанцев, цыган и турок — «популярны» лишь в пределах своей улицы;
- заканчивается разработка будущего косовского бюджета. Полмиллиарда долларов заложено на содержание восьми министерств, сюда не входят полиция и армия. Окончательные расчеты, таким образом, — приблизительно один миллиард долларов. А это же наш, кыргызский республиканский! При том, что население здесь ровно в два раза меньше, а территория — всего десять тысяч квадратных. Евростандарт!

16 июня

«Файнэншл Таймс» сообщает о боях близ Скопье, что жители столицы выстраиваются в очередь за визами на Запад. А в Приштине многотысячная толпа блокировала центральный ооновский офис: Белград-де так и не принял решения об освобождении албанских политзаключенных. Разошлись только после обещания еще раз проработать вопрос на высшем уровне.

17 июня

Прослышав про новую демонстрацию, приштинская секьюрити в 12:00 сегодня буквально выгнала ооновский рабочий люд из кабинетов. Кто артачился — опечатывали, и выпустили только в 18 часов. Пикета, правда, так и не случилось. Что ж, «лучше перебдеть, чем недобдеть»...

Завершив ознакомительный визит в полевой офис ОБСЕ, ненадолго завернули на место знаменитой (1389 год) битвы турок с христианами в Косово-поле, по албански — Фуш Косова. Ее знаменует возведенная уже в 1953 году декорированная сторожевая башня, на вершине — выбитая на бронзе карта и описание баталии на сербском языке. Реликвию блюдет норвежский КФОР, потому как и некоторые «везучие» церкви и монастыри по всему Косову, ее еще не порушили. На каменной стене, в бронзе, выбито «послание», переводится примерно так: «И пусть у всякого серба, кто мог, но не пришел на войну, не будет продолжения рода...». Тридцатипяти тысячное сербское войско противостояло тогда ста тысячам турок. Но все же они если и не победили, то приостановили нашествие. Из учебника истории помню картинку, как, прорвав кольцо янычар-Неистребимых, витязь Милош Обилич сразил султана Мурата, предопределив исход битвы. Тогда никто не спорил о национальной принадлежности богатыря, наряду со Скандербегом и прочими он был национальным героем югославов. Теперь же новоиспеченные историки с пеной у рта доказывают, что летописи врут и что серб Обилич на самом деле албанец Кобилич. Подвергается сомнению и сам факт убийства султана в том бою. Такая вот «история»...

19 июня

Растиражировано официальное сообщение, вернее даже два. В Македонию, во-первых, по согласию обеих конфликтующих сторон вводятся натовцы. Они, дескать, будут контролировать противостояние. Параллельно ведутся переговоры. А на границе Косова и Черногории, во-вторых, при таможенном досмотре обнаружено триста «калашниковых», тысяча гранатометов «Муха», сотни гранат, патронов. Остановив длиннущую фуру с лесом, таможенники потребовали документы. А водила и был таков — нервы, что ли, не выдержали? Тогда взялись перебирать груз по досточкам... Интересно, выяснятся ли банальные в таких случаях вопросы: происхождение, кому предназначалось оружие?

22 июня

Начал преподавать. Здесь это делается так: команда из трех инструкторов берет класс (двадцать пять кадетов) и ведет их три месяца, читая основные темы. Специ-

альные же занятия ведут т.н. «узкие» специалисты — по задержанию вооруженного преступника, например, тактике проведения обыска, организации расследования и т.д. Со мной работают хорошие парни — француз Марк и англичанин Тони. Часто беседем на отвлеченные темы. Как-то заговорили о де Голле, и парижанин был искренне удивлен моим познаниям: «Алекс, откуда ты все это знаешь?» Думаю, сумею доказать, что мы тоже чего-то стоим и уж во всяком случае «не вчера с дерева слезли».

Массмедиа сообщили об обнаружении в Петрово-Селе (Сербия) еще одного массового захоронения албанцев-косоваров. Эксгумированы останки двадцати пяти — тридцати человек, в основном мужского пола. Их выводили в Сербию маршем и там расстреливали...

24 июня

На минах подорвались два американских солдата. Одному ампутировали правую ногу.

25 июня

Белград: судебные власти приняли-таки решение об экстрадиции (выдаче) Милошевича Международному трибуналу. Говорят, что за это Югославия получила американский безвозмездный кредит в пятьдесят миллионов долларов. Другие утверждают, что выдача военного преступника дала стране возможность получить миллиардный транш... Как бы то ни было, свершилось... Косовары восприняли такой жест Белграда с воодушевлением, они полны оптимизма.

26 июня

Ночью пятитысячная толпа во главе с солдатами-резервистами и некоторыми полицейскими штурмовала здание македонского парламента: люди недовольны нерешительностью в борьбе с албанскими мятежниками, требуют отставки правительства, президента. В Скопье — стрельба, хаос. Американцы эвакуировали тридцать сотрудников посольства. А в Косове уже почти пятьдесят тысяч беженцев из Македонии. Вообще какая-то странная там ведется «война»: страна открыта, в режиме нон-стоп работает международный аэропорт. Болгары, только что вернувшиеся из дома через Македонию, рассказывали, что прямо на их глазах вертолеты расстреливали село близ Скопье. При этом нам четко говорят, какими дорогами следует пользоваться, пересекая страну на пути к пляжам Греции, на аэродром. Как будто заранее известно, где будут стрелять. Все время не оставляет чувство, что военным «оркестром» этим руководит скрывающийся до поры до времени «дирижер», которому почему-то было нужно озвучить там артиллерийскую «симфонию»...

27 июня

Всему международному ооновскому персоналу в Косове дано указание отправить домой членов семьи, друзей и подруг. В противном случае, как указано в распространенном здесь официальном меморандуме, «в случае необходимости план безопасности и эвакуации распространяться на них не будет». Международникам категоричес-

ки запрещен бизнес в Македонии за пределами Скопья, появление в северной части города, выход из дома после 20:00. Грядет что-то серьезное?

28 июня

Милошевич уже был доставлен в Гаагу, где его допросила прокурор Дель Понте. Российская Госдума меж тем, 268 голосами против 91 проголосовала против выдачи экс-диктатора. Вот уж воистину «независимый» орган — от него ровным счетом ничего не зависит!

Выдача Милошевича всколыхнула СМИ, общественность. Много говорят и пишут о роли личности в истории, о том, как нелегко управлять многонациональным государством. Кадеты задают нам вопросы, занятия приходится начинать и заканчивать с ответов на многочисленные «почему?». Какой будет дальнейшая судьба Югославии? Единой и сильной, как при Тито, ей уже не бывать. В то время как Европа объединяется, вводит единые валюту, законы, армию, на Балканском полуострове возникают самостоятельные государства: Босния, Хорватия, Македония, которые с радостью отложились от Белграда, от проблемы сербов как «титупольной нации». По-моему, именно на этой проблеме «сломался» Милошевич, стремившийся во что бы то ни стало ввести сербов во все госструктуры, чтобы они там занимали большинство, притеснял нацменьшинства, бросил армию против босняков, хорватов и других. И проиграл. Придется теперь отвечать.

Нелегко и нашему Акаеву решать национальную проблему, ведь в маленьком Кыргызстане проживают представители около восьмидесяти различных национальностей. Каждая со своим менталитетом, историей, чувством национальной гордости и стремлением быть представленной в парламенте, властных структурах. Хорошо, что президент Акаев, как истинный ученый-аналитик, стал инициатором создания Ассамблеи народа Кыргызстана — народного парламента, общественного советника президента, объединившего двадцать шесть национальных культурных центров. И русский язык как второй официальный, и назначение русского человека Николая Танаева премьер-министром, и равное наделение землей всех кыргызстанцев свидетельствует о том, что Аскар Акаев намерен и впредь проводить гибкую, умную национальную политику. Хотя, к сожалению, в моей стране есть немало политиканов, стремящихся изнутри подорвать государство, столкнуть диаспоры, регионы, чтобы только дорваться до власти. Не дай бог!

29 июня

Интересно наблюдать, как в полицейской школе закладываются основы будущей этнической терпимости. Даже косою взгляд, любой выпад на этой почве грозит немедленным исключением. А потому вынуждены искать общий язык сведенные в один класс бывший активный оаковец и сербский милиционер; начали, наконец, общаться поначалу забившиеся на последние ряды местные сербы и представляющие большинство албанцы. И даже списывают друг у друга! Кто-то из кадетов-призренцев разнес слух, что я говорю по-сербски. И от желающих пообщаться, главным образом хорошо знающих этот язык албанцев, ну просто отбоя нет.

30 июня

Невдалеке от Белграда нашли еще одно захоронение косовских албанцев, вывезенных сюда в войну 1999-го. Извлечены тридцать шесть тел, в том числе несколько детских...

1 июля

Раньше лишь вскользь, теперь же по долгу службы внимательно изучаю местное законодательство. Во времена Югославии здесь, как и в бывшем СССР, действовал Федеральный уголовный кодекс, но каждая из шести республик и два автономных образования имели свои УК. Как и у нас, здесь в уголовном порядке преследовалась кровная месть. Но, самое интересное, уголовное законодательство Черногории, например, содержало норму, предусматривавшую ответственность за... «убийство изменившей жены». Оказывается, здесь издревле существовал всячески поддерживаемый общественным мнением обычай, когда муж ну просто обязан был разделаться с изменницей. В далеких горных селах, к примеру, блудница пекла пышный каравай с крестом на корке, клала его себе на голову и покорно ждала своей участи. Муж покрывал его специальным отрезом шелковой ткани и со всех сил бил дубиной... Не знаю, насколько часто, но традиция эта была столь глубока, что нуждалась в превенции через Уголовный кодекс! И это — в наше-то время, в просвещенной Европе! Лишний раз убеждаюсь: Балканы — это нечто особенное.

2 июля

Вновь прибывшим педагогам прочел установочную лекцию директор школы Стив Беннет. Военный моряк, служивший затем в Госдепе США, он был в свое время брошен на горячее направление — подготовку косовских полицейских кадров. С нуля поднимал школу, «воевал» за бюджет, подбирал команду единомышленников. В основу концепции подготовки положил «беннетовскую теорию куриного салата»: нельзя-де приготовить хороший салат, имея в распоряжении только куриное дерьмо... А потому, учитывая, что срок превращения куколки-кадета в бабочку-полицейского составлял на первых порах каких-то восемь недель (теперь — двенадцать), больше внимания следует уделять подбору материала. Выбирать благо есть из чего: по словам Беннета, в 1999-м было получено более 30 000 заявок от желающих встать на стражу порядка. Сегодня же в компьютерной базе данных — сорок тысяч кандидатов. Новобранцев поначалу отличал высокий процент бывших оаковцев. Им шли навстречу, давая возможность интегрироваться в госструктуру. Но со следующего, семнадцатого, набора вход в полицейскую службу Косова для боевиков, пусть даже бывших, будет закрыт. И пусть сегодня полиция пока и не имеет своего места в вырабатываемой структуре будущих государственных органов Косово, директор полон решительности подготовить пять тысяч семьсот полицейских и со временем вытеснить «конкурентов» — международные полицейские силы ООН. А в планах — подготовка начсостава, переподготовка, курсы для сыщиков, транспортных полицейских, специалистов борьбы с наркобизнесом. Здесь, как задумывалось, но, к сожалению, до сих пор не получилось в Кыргызстане, на базе единственной «силовой» школы в будущем планируют готовить всех, кто носит униформу: пограничников, таможенников, млад-

ших армейских офицеров, сотрудников служб безопасности международных организаций и т.д. Я предложил подумать и о возможности обучения и лицензирования кадров для многочисленных частных охранных фирм. Выслушали с интересом.

4 июля

Отметили День независимости США. Построились, кое-кому вручили медали «За службу миру». В приветственной речи директор говорил больше о будущем школы и полиции Косово, лишь парой фраз обмолвившись о национальном празднике. И только потом, по секрету, Марк рассказал, что в преддверии празднования едва не разгорелся конфликт: как требует ритуал, американцы хотели поднять звездно-полосатый флаг, сыграть гимн, чему резко воспротивились французы и англичане, заявившие, что тогда и они будут делать то же. По мне, так пусть бы и делали. И не только они, но и представители других двадцати четырех государств, работающих в школе. Глядишь, в августе подошел бы черед Кыргызстана...

5 июля

Кадет из граничащего с Албанией косовского Драгаша рассказал такую историю. На отару напали из-за кордона. Скрутив руки за спину, чабану приторочили скотчем гранату. Баранов угнали в горы, пастух же пошел в полицию. Отмотав семнадцать километров, он так и вошел на станцию — ладони стянуты сзади, а в них — лимонка! Еле дождалась саперов...

9 июля

Скандал: американская разведка дозналась, что широко развернутая ОАК кампания по сбору донорской крови якобы для инвалидов прошедшей «войны за независимость Косова» на самом деле имела целью обеспечить ею раненных в недавних боях в Македонии. Назывались имена причастных к акции пяти высших офицеров. Руководителем ооновской администрации г-ном Хаеккерупом все они были смещены с руководящих постов. Командир Корпуса защиты края генерал Чеку и его замы в знак протеста подали было в отставку, но тут, как водится, подали голос рядовые бойцы и младшие офицеры и уговорили-таки отцов-командиров остаться.

А наш Павел Морозов рассказал еще одну историю на ту же тему. Его команда, как известно, отвечает за косовский бюджет. И вот дошли слухи, что все бюджетники (о бизнесменах я уже писал) добровольно-принудительно должны перечислять в фонд армии три процента от зарплаты. На практике это выглядит примерно так. Получив зарплату, скажем, для многочисленного коллектива окружного госпиталя в Приштине, бухгалтерия тут же, по отработанной схеме, передает оговоренную часть представителям Армии освобождения. Ооновские финансисты доложили наверх, там сначала загорелись расследовать, потом все спустили на тормозах.

10 июля

К каждому классу полицейской школы, кроме нас, преподавателей-международников, прикреплены инструкторы из местных, полицейских первой волны. Нацио-

нальный баланс при этом поддерживается неукоснительно: количество наставников-албанцев и сербов выдерживается пропорционально этническому составу кадетов. Среди инструкторов есть и турки, цыган, несколько женщин.

В нашем классе командуют албанец Эшрем и серб Горан. И французу Марку, дабы, как он выразился, «сплотить команду», пришла идея пригласить всех на кофе в местный ресторан. Меня это насторожило, но возражать не стал — «молодой» еще.

Мороженое и кофе оказались на славу. Но было это не в кайф: пока шли, встречные буквально сверлили Горана глазами. На их памяти это первый, пусть даже и в полицейской форме, серб, осмелившийся выйти на улицу! Завидев нас, растерялся и хозяин ресторанчика. С одной стороны, хорошо зная весельчака Марка, боясь потерять клиентуру (французов здесь много, и они — главные посетители), с другой же, боясь пасть в глазах местных, обслуживая серба. Когда шок прошел, официант все же принял заказ. Отдадим должное Эшрему — тут же, не стесняясь, он принялся притчить по-сербски. Свободно общаясь на этом языке, вступил в разговор и я. Лишь изредка, отвечая Марку, переходил на английский. Атмосферу разрядила шутка: в ответ на реплику хозяина, впервые увидевшего кыргызстанца, я сообщил, что в таких случаях у нас делают подарки. Перевод вызвал дружный смех. «И все же времена меняются. Еще год назад я никогда бы не вышел за ограду. А если б и вышел, то уже б не вернулся», — сказал по возвращении Горан. Меняются, говоришь? Дай-то бог!

12 июля

Разговорился со шведом, преподающим здесь специальную тактику. Миссионер со стажем, он начал мотаться по свету под флагом ООН с 1978-го. Побывал на Синае, в Мозамбике, Анголе, на Кипре, в Хорватии, Боснии, других горячих точках. «Где было опаснее всего? Пожалуй, в южном Ливане. Двигаясь, например, по трассе, там, завидев израильские танки, было принято сворачивать на обочину и немедленно останавливаться. Иначе броня могла и „спихнуть“. Я только прибыл, правил не знал, и уверенно, — ведь не на чем-нибудь, а на ооновском джипе, — двинулся навстречу бронеколонне. И тогда, выждав дистанцию, передняя машина чуть накренила башню и уставила грозную пушку мне прямо в лобовое стекло... „Тебе бы в тыл“, — оклемавшись, сказал сидящий позади шеф. Но все же оставил на передовой».

13 июля

Весь день, под тридцатью семью градусами, провел с классом на стрельбище. Зато впервые попробовал австрийский «Глок»: машина! А главное, после стрельбы чистить не надо, пистолет выполнен из пластмассы. Легкий, при этом почти без отдачи. И, хотя большинство (с их слов, по крайней мере) стреляли впервые, инструкторы остались довольны. Вновь отличился Арбен. Вчера, на уроке по картографии, этот бывший югославский военный летчик прочел настоящую лекцию об ориентировании. Сегодня он же, бывший лейтенант-оаковец и будущий полисмен, набрал в стрельбе пятьдесят девять очков из шестидесяти возможных.

15 июля

Четырнадцать сотрудников Косовской полицейской службы, отвечающие за профилактику и работу с общественностью, побывали на стажировке в США. Среди них — мой бывший кадет Байрам Гаши из Призрена. Днями же первые 27 полицейских получили офицерские чины, в т.ч. один полковничий. Его удостоен 48-летний Шермет Ахмети, бывший высокий чин югославской милиции, а затем и политический узник режима Милошевича. Он и возглавил полицейские силы Косова; остальные 26 старших офицеров стали начальниками разных уровней.

17 июля

В одном из массовых захоронений близ Белграда нашли, наконец, тела трех американцев албанского происхождения, пропавших без вести еще в июле 99-го. Известно, что трое братьев во время натовских бомбардировок находились в Косове, в последний раз живыми их видели на следующий день после окончания бомбежек.

Возвращаются сербы. В преддверии выборов вопрос этот обсуждается уже официально, заседания рабочей группы транслируются по ТВ. Местное население, в основном, категорически против, но наиболее продвинутая часть албанцев говорит, что уж если и возвращать, то только тех, чьи руки не замараны кровью. Мы, дескать, знаем подноготную каждого... Может, и так. Но даже если допустить возможность такого, «дозированного», возвращения, оно наверняка потянет за собой новые жертвы. Замкнутый круг!

18 июля

Волнуются сербские анклав. Вчера, например, для движения была полностью перекрыта Грачаница. Требовали найти своих родичей, пропавших в войну.

19 июля

В нашей полицейской школе представлены двадцать четыре государства. По традиции, некоторые закладывают здесь маленькие выставки, рассказывающие о стране, ее полиции. Шикарную экспозицию, например, устроили британцы, немцы, штатовцы. Представлены Венгрия, Словения, Болгария, Австрия, Россия, Нидерланды, Франция, Норвегия, Дания, Швеция. А сегодня появился и «кусочек» Кыргызстана. Флаг, вызывающие неподдельный интерес «реликтовые» шевроны, кокарда, прочие милицейские прибабасы, мини-юрта с фигурками в национальных костюмах и обязательный ак-калпак. Осмотрев, многие жали мне руку...

20 июля

Болтал с россиянами, преподающими в школе вождение. Ребята рассказали: только что встретили в буфете (на базе школы проходят краткое обучение прибывшие готовить косовские выборы специалисты со всего мира) не российского вида парня и женщину, что хоть и с великим акцентом, но говорили между собой по-русски. Позже, когда к ним присоединилась другая пара, те перешли на правильный English. «Вот

ведь, — сетовали визави, — когда-то, видать, учили русский, а практиковаться негде. Вот и решили воспользоваться случаем. А некоторые «братья» по бывшему СССР сегодня не желают общаться с нами по-русски». И рассказали такую историю. Сюда они перевелись из Боснии. Региональным командиром там был уже в годах русский полковник. На английском, как и все в подобных миссиях, говорил он сносно. Но когда на станцию прибыла молодая эстонка, по-отечески поинтересовался по-русски: «Как устроилась, доченька? Помочь чем?» В ответ, на английском: «Я забыла этот язык...» С тех пор полковник, виртуоз матерщины, что за пять минут может ни разу не повториться, выводил при ней настоящие рулады. Та вечно стояла пунцовая, и, не выдержав, мой собеседник сказал как-то: «Сергеич, хватит. Женщина как-никак». «Так не понимает она, забыла ж все», — беззлобно ответил полковник...

Трое международных наблюдателей и двое сопровождавших их переводчиков подорвались на mine в Македонии. Из развороченного джипа извлекли только трупы...

22 июля

Приезжали наши из Призрена, по дороге прихватили Урмата с семейством. Не виделись полтора месяца, хорошо посидели. Среди прочего ребята рассказали неприятную вещь: Нурлан решил получить кфоровское, как у меня, удостоверение личности. Оно, собственно, привилегий особых и не дает, в военный лагерь пускают и по карточке полицейского. Но — решил и решил. А ему — от ворот поворот. «Страна ваша, — заявили немцы, — в особом списке, кому карточки не выдаются». Что это за новый «Список Шиндлера» такой?

24 июля

В Косове побывал президент Буш с женой. Официальных визитов и приемов не было, лишь поддержал своих на военной базе Бондстил. В отличие от Клинтона, с представителями местных политических партий не встретился. Говорят, Штаты повернулись спиной к албанскому национализму. Ну, тогда он продержится недолго! Администрация Буша в качестве предупреждения опубликовала «черный лист». Тридцать запятнавших себя национализмом полевых командиров и партийных функционеров остались без американской поддержки, им заказан въезд в США.

25 июля

Вчера вечером толпа, вплотную прильнув к посольствам Соединенных Штатов и Германии в Скопье (Македония), пыталась бесчинствовать. Ну здесь-то не прошло, зато уж в здании ООН и ОБСЕ погромщики порезвились на славу. Ворвавшись внутрь, толпа в двести-триста человек сожгла тринадцать машин, разгромила первый этаж. Внутри здания находились семеро сотрудников международных организаций, им удалось спрятаться. Они видели, как двадцать-тридцать местных полицейских наблюдали «акцию», ничего не предпринимая.

Аппарат премьера чернит международные организации, обвиняя их в поддержке албанских мятежников и давлении на Македонию с целью признания незаконных требований повстанцев.

26 июля

Студенческая демонстрация в Джаковице. Закрыт целый регион.

27 июля

По сообщениям прессы, сын югославского экс-президента Марко Милошевич считается одним из самых видных представителей сербской мафии и тамошнего теневого бизнеса. Ему двадцать семь, в прошлом — автогонщик. Сегодня — хозяин дискотеки, торговых лавок, магазина косметики. Крупные деньги пришли впервые, когда беспошлинно ввозил в страну сигареты. В интервью, место которого держится в секрете, заявил, что не заработал незаконно ни одного динара, а прибыль вкладывал исключительно в национальную экономику. Журналисты предполагают, что сейчас Милошевич-младший скрывается в России или в одной из постсоветских республик.

28 июля

Вечерком заглянул Данияр. Аналитик, умница, он внимательно следит за событиями на Балканах. Рассказал, что американцы срочно эвакуировали из Скопья посольство, то же ожидает и другие западные диппредставительства. Интернетовские сайты, куда влез Даник, сравнивают ситуацию с той, что складывалась на начало натовских бомбардировок Косова в 99-м.

В Охриде (Македония) меж тем под нажимом Запада вновь начались переговоры правительства и мятежников. И так как прежде придание албанскому языку статуса второго государственного не прошло (обстоятельство это, как указывалось, — главный камень преткновения, грозящий гражданской войной), теперь будет обсуждаться возможность введения его в этом качестве в местах, где албанцы составляют более двадцати процентов населения. Но пройди такое — завтра же эти «двадцать процентов» будут жить и в столице, и в других местах. А не пройди — быть войне. Ходят слухи, что в местах компактного проживания албанцам разрешат даже создавать свои собственные, «этнически выдержанные», полицейские силы...

Трехтысячная толпа вновь окружила македонский парламент. Самый расхожий плакат — «НАТО хочет полностью албанизировать Македонию». До беспорядков все же не допустили.

29 июля

Из засады обстреляна машина министра внутренних дел Македонии, который в сопровождении нескольких журналистов ехал на переговоры в Охрид. Пострадавших нет. «Стреляли албанские мятежники» (из официального заявления).

30 июля

Несмотря на наметившийся переговорный прогресс, сообщается, что албанские боевики напали сегодня на македонские силы безопасности. А по ТВ показали сюжет о «повстанцах» и интервью их «команданте»: «Че Гевара» в одежде и манерах, с красной банданой на камуфлированной шее, парень этот ну просто кайфует в отведенной ему кем-то роли «освободителя». И веди ты хоть какие переговоры, «артист» этот оружия уже не сло-

жит... А значит — известный сценарий — периодические провокации и эскалация конфликта. И если только НАТО займет роль наблюдателя, то при поддержке «товарищей по оружию» из Косова и Албании маленькой Македонии придется туго. Ну что же, в 1999-м они, македонцы, не имея другого выхода, впустили КФОР и разместили у себя военные базы. Тем самым практически сдали братьев-сербов. Теперь вот расплачиваются.

31 июля

Ну надо же! Год планировали, как приедет жена, прикидывали, как лучше взять билеты, и решили наконец лететь через Стамбул в Скопье. А тут такое! Македонская граница закрыта, мы все стали заложниками — билеты из аэропорта в Приштине раскуплены на два месяца вперед! Неужели не встретимся?!

В Албании задержан грузовик с итальянскими номерами, за рулем — македонский албанец. Прибыв со стороны Рима, машина везла на войну полный кузов оружия, в том числе ракеты класса «Земля-Земля».

1 августа

В Косове создан сербский Комитет по розыску пропавших без вести с центром в Грачанице. По его данным, с момента ввода натовцев в июне 99-го жертвами похитителей стали тысяча триста шестьдесят сербов. Еще тысяча двести были убиты.

2 августа

ОБСЕ и Белград достигли соглашения, что проживающие ныне в Сербии и Черногории сербы-беженцы из Косова будут регистрироваться и примут участие в предстоящих ноябрьских выборах. Предполагается, что голосовать будут приблизительно 200000 сербов и других убежавших в свое время из Косова «неалбанцев». А это значит, что туда, в места их проживания, будут доставляться урны, бюллетени и т.д. Интересно, как отнесутся к этому албанские политические партии? И как, будучи избранными, будут заседать в Ассамблее сербы — под охраной КФОРа?

В районе Косово-Поля провели демонстрацию водители маршруток, протестовали против «дискриминации» их бизнеса (?). Уж не знаю, чего они там добились, только движение съехавшиеся со всей округи такси парализовали надолго.

3 августа

Мой коллега, француз Марк, ввел что-то вроде ежедневного ритуала. Каждое утро, не смотря на народ, он марширует ко мне и докладывает: «Мой полковник! У нас все в порядке. Бишкек по-прежнему находится где-то между Парижем и Пекином...» Хохмач, блин!

4 августа

Вновь возобновились приостановленные еще в мае военные действия Армии освобождения Прешева, Медведжа и Буяноваца (АОПМБ). Напав на полицейский блокпост, повстанцы убили двоих и ранили еще двух сербских полицейских.

Война в Прешевской долине идет уже шестнадцать месяцев. С обеих сторон убито шестьдесят человек.

5 августа

Ездили в Печ. Машину вел военный-отставник датчанин Крис. Рассказал, что в годы Второй мировой его отец партизанил, участвовал в знаменитой переправе тамошних евреев, коим грозил холокост, в Швецию. Между прочим поведал и о растущих расистских настроениях — Данию, с его слов, заполонили беженцы-азиаты...

Особо запомнились две «новеллы». В 99-м датский танковый батальон дислоцировался в одном из сербских анклавов. Во время очередной бузы местные попытались поджечь «Леопард». И тогда над толпой заурчал крупнокалиберный пулемет. Больше похожие на мини-снаряды, пули рвались в ближних горах, толпа схлынула.

Происшествием заинтересовалась военная юстиция. «Лейтенант, вы уверены в необходимости стрельбы?» — «Да я и палил-то больше для острастки...» — «Но зачем понадобилось выпускать восемьдесят девять пуль?» — «А у меня больше не было...»

А еще в 92–93-м Крис служил в миссии в Ираке. Платили хорошо, но и стреляли чуть не каждый день. Особенно на севере, в курдской зоне. Однажды джип расстреляли почти в упор. Четверо пассажиров-офицеров целехоньки, лишь сидевшему за рулем фиджийцу отстрелили кончик... носа. В самой же машине насчитали потом двадцать одну пробоину. Решето!

НАТО втихаря договаривается с Белградом об использовании его военных баз на случай гражданской войны в Македонии. Нонсенс: бомбили-бомбили, и вот! У политиков, воистину, нет друзей. Есть интересы!

6 августа

Вроде бы удалось договориться об увеличении количества полицейских-албанцев в Македонии на тысячу в ближайшие пару лет. При этом якобы они остаются под контролем правительства и не подвластны никаким политическим партиям. С учетом тех, что уже служат в полиции, дополнительная тысяча означает, что 23 % македонских «солдат правопорядка» составят этнические албанцы.

То же — о языке. Там, где более 20 %, албанский становится официальным. Албанцы составляют треть двухмиллионного населения Македонии.

Демонстрировали безработные в Стрепче. Движение закрывалось на два часа.

В Цернице близ Гнилан (Косово) взрывом гранаты ранено пять сербов. Преступление связывается с согласием Белграда на участие в будущих выборах двухсот тысяч сербов и выдвинутыми в связи с этим требованиями обеспечить безопасность тех из них, кто живет в Косове.

Македония: объявлено, что представители Национальной освободительной армии не принимают участия в охридских переговорах! А значит, оставляют за собой право не выполнять почему-то не устраивающие их решения. Сегодня, например, в северной Македонии были опять обстреляны позиции правительственных войск.

7 августа

Буквально через несколько часов после наметившегося переговорного компромисса в ходе полицейского рейда в Скопье убиты пятеро этнических албанцев: стремятся любой ценой не допустить мира!

8 августа

Нет худа без добра — по наблюдению Запада Македонию спешно покидают «жрицы любви», успешно промышлявшие здесь последние несколько лет. Натовские базы, наплыв «отдыхающих» из Косова создавали для них просто райский микроклимат. Теперь вот бегут. Крысы? Так, значит, корабль тонет?

9 августа

Албанская вендетта за позавчерашние жертвы в Скопье — из засады расстреляны десять солдат македонской армии.

10 августа

Купленные на Украине, истребители-СУховы сравнивают с землей албанские деревни в Македонии. Жертвы!

11 августа

Выстроившись в сплошную линию, с зажженными фарами, дико гудя, сотни такси привлекли к себе внимание властей и жителей Приштины. Действо сильно смахивало на психическую атаку. В годы Великой Отечественной так началась битва за Берлин — под убийственный вой сирен, с включенными фарами на немца пошли тогда советские танки...

14 августа

В Косово вернулись первые пятьдесят четыре серба. Размещены на северо-западе, усиленно охраняются.

15 августа

Мятежники обещают разоружиться в течение сорока пяти дней с момента вступления в силу договора между ними и македонским правительством. Объявлено об амнистии тем, кто расстанется с оружием добровольно.

17–30 августа

На «косовские каникулы», наконец, прилетала жена. Встречал в Скопье, а через два с небольшим часа, уже в Приштине, узнали, что границу опять закрыли. Надо же, проскочили. Повезло.

Возил в Призрен, были на моей полицейской станции в Речанах. Ирке понравилось. А потом недельку провели в Будве, на Адриатике. Не верилось, ну никак не верилось, что она здесь, со мной. Побывали и в моей школе. Со своим прекрасным английским Ирина нашла там множество благодарных слушателей, делилась, кроме прочего, сомнениями по поводу отъезда — Скопье-то все еще закрыт. Потом меня еще несколько дней расспрашивали, как она улетела...

А случилось так. 29-го возвращались домой и строили планы, как завтра отметим годовщину свадьбы. Подумать страшно — двадцать один год вместе! Зашли к Эльзире, с чьей мамой они прилетели вместе, чтоб пригласить. А там нас

встретили... билеты на завтра. Но уже не из Скопье, а на Стамбул из Приштины. Эльзира по своим каналам «пробила» ситуацию и выяснила, что македонцы перерыли трассу и под лозунгом «Они не пройдут!» выставили блокпост, охотятся на иностранцев.

Вот уж слез-то было! Но делать нечего — улетела...

31 августа

По случаю Дня независимости наши в Призрене устроили сабантуй — с бараном, приглашенными и т.д. Днем у меня как назло были лекции, да еще и по наркотикам, никак не сачканешь. Да и остальные приштинские кыргызстанцы приехать не смогли. Зато вечером собрались у Данияра и отпраздновали событие на славу.

...Удивительный человек Данияр. Высоко интеллигентный, коммуникабельный, он располагает к себе не только природным чувством юмора, умением поддержать тему, любую компанию, но каким-то особым умением расположить к себе собеседника, уважительным отношением к старшим, к личности каждого, кого он хорошо знает, с кем свела его судьба. Наверное, это и есть как раз подлинное проявление национального менталитета. Мы познакомились 10 лет назад в офисе Программы развития ООН в Бишкеке, где Данияр работал координатором проектов, а я пришел за советом, как лучше разработать проект «Ошский узел», направленный против афганской наркоэкспансии в Центральной Азии. Данияр дал ряд дельных, толковых советов. Он приятно поразил своим безупречным знанием английского, процедур ООН, исключительным трудолюбием, умением внимательно слушать и понимать собеседника. За многие годы работы в ПРО-ООН Данияр Дубанаев курировал разные проекты, способствовал привлечению в развитие экономики, культуры, совершенствование политической структуры и общественной жизни Кыргызской Республики средств стран-доноров, из международных фондов и организаций, умело, мягко вел переговоры. И когда я здесь, в далеком Косове, встретил его, искренне обрадовался, что будет с кем посоветоваться, пообщаться, излить душу...

2 сентября

Натовский пресс-центр заявил, что у мятежников в Македонии изъято уже более трех тысяч стволов. И, хотя официальные тамошние власти говорят, что это — мизер, военные преподносят как явный успех операции. Тем более, что она, дескать, только началась и рассчитана на сорок пять дней. А еще поговаривают, что уже сейчас НАТО собирается продлевать срок пребывания в Македонии. Никого такой поворот событий не удивляет.

3 сентября

Согласно косовской прессе, официальная Македония готовится к войне и намерена развязать ее уже этой осенью. Используя британский антитеррористический опыт, тамошнее МВД якобы тренирует спецназ. А в аэропорту Скопье в обстановке полной

секретности приземлились русские «антоновы», выгрузившие тринадцать ракетных систем. Газета называет Путина «македонским шефом».

В Осло встретились главы косовских религиозных конфессий — мусульман, католиков, православных. Призвали к терпимости, заявили, что всегда готовы встретиться и искать компромисс. Начало сближения или очередной фарс?

4 сентября

В южной части Митровицы двое с автоматами ворвались в банк. В суматохе клерк успел вызвать полицию. Увидев работающую сигнализацию, налетчики скрылись. Никто не пострадал.

5 сентября

Встретил знакомого полицейского-россиянина. Только из отпуска, рассказал такую историю: «Прилетаем в Скопье, надо ехать в Косово. Таксисты в один голос — не повезем, путь к границе блокирован. На свой страх и риск, по двойному счетчику, уговорили-таки одного. Километрах в десяти от границы — кордон. Да какой! Стоит человек триста, дорога перекопана... Народ злой, таксист в крик — убьют! Выходим и объявляем, что так, мол, и так, мы — офицеры-россияне, воюем там, в Косове. Веришь, расцеловали нас и наказали крепче бить „врага“. А еще передали, что готовы пропустить через кордон весь бывший СССР. Кроме прибалтов. „Те в НАТО рвутся“».

6 сентября

В Вучитрне дислоцирован эмиратовский КФОР. Местные говорят, что за риск и опасность простой солдат там получает... тысячу баксов в день. Вот что творят нефтедоллары! А теперь вот ОАЭ жертвуют на реконструкцию пятидесяти косовских мечетей 1 250 000 долларов. И это в крае, где не работает ни одно промпредприятие! Запад уже выступил с протестом.

7 сентября

Мой класс выдержал выпускной экзамен (тест) без единого провала. А четверо набрали высший балл. И мы что-то можем!

А сегодня устроил им практическое занятие. Усадил в машину переодетых парня с девушкой, передал имитированные оружие, взрывчатку, наркотики, фальшивые бабки. Разработал сценарий: патруль получил радио о неправильно запаркованной машине. Все очень просто, так мои и приехали — составить протокол. А в ответ (в любой момент полицейский должен быть готов ко всему) получили сопротивление, стрельбу, побег, букет других преступлений. «Артисты» сработали великолепно, сцену надо было видеть! Особый ажиотаж вызвала реплика, когда в ответ на требование выйти из машины девчонка предложила полицейскому... поцеловать ее в задницу! Бравый страж порядка, из оаковцев, стусебался и покраснел... А потом два часа вместе азартно «разбирали полеты». Всем очень понравилось.

8 сентября

Сербы грозят, что если опять начнет действовать албанская Армия освобождения Прешева, Медведжа и Буяноваца, они в ответ создадут Сербскую освободительную армию. Предполагается, наверное, что она будет биться за Косово?

А в южной Сербии, близ косовских границ, тамошняя полиция накрыла подпольный оружейный склад той самой Албанской освободительной. Что ж, к войне готовятся всерьез. Неужели опять?

9 сентября

Для участия в выборах Национальной Ассамблеи 27 ноября зарегистрировалось меж тем двадцать семь тысяч сербов. А это значит, что выбираемая Ассамблея уже не будет мононациональной и в дальнейшем выберет уже не президента одних лишь только косовских албанцев, но всего Косова.

Распоряжающиеся в Косове ооновские лидеры задумали «Сербский корпус защиты» в рамках преобразованного из ОАК «Корпуса защиты». Нашлись и добровольцы — сто семьдесят молодых сербов пожелали надеть униформу и, соответственно, получить в руки оружие. Причем на законных основаниях. Военное руководство противится. Не то чтобы совсем против сербов в составе войска, но против параллелизма. Что это еще за корпус в составе Корпуса?! С его, военного начальства, точки зрения, нерезонно.

10 сентября

По официальным данным, пять тысяч македонских албанцев вернулись домой из Косова, где были беженцами с самого начала македонских событий. Но сорок тысяч все еще остаются здесь.

Словно в отместку начавшемуся комендантскому часу, в Тетово (Македония) взорвалось здание бизнес-резиденции.

11 сентября

«Сербско-косовский» взгляд на американский кошмар (из прессы): «Как женщина я не одобряю случившегося. Как сербка же я предпочла бы убрать со сцены невинных и поместить в один из рухнувших небоскребов Билла Клинтона. Может, это Божье возмездие». (Подразумевается, что именно экс-президент США принимал решение о бомбардировках Югославии)

...Не отходим от телевизора. Американки плачут, мужики сжимают кулаки. Сегодня, по сути, начался новый отсчет, пришла Эпоха Терминатора. Какой-то будет она для Косова? Думаю, в рамках новой глобальной политики антитеррора («Антитерминатора») Штаты, очевидно, пересмотрят свои позиции на Балканах. А что несет она Кыргызстану, что давно противостоит международному терроризму практически в одиночку? Сплотятся ли народы в борьбе с терроризмом? Как отреагирует ООН?

Убит полицейский из местных, тяжело ранен другой. Первые жертвы в Полицейской службе Косова. Коллеги пытались остановить бандитов, напавших на

Петровац. Подстрелен один из нападавших. Информирова о случившемся, директор школы, американец Стив Бенет, поставил эту жертву в один ряд с жертвами «американской трагедии»...

12 сентября

Демонстрируя поддержку Америке, на улицы Косова сегодня организовано вышли тридцать пять тысяч человек.

13 сентября

Целый час сегодня над Приштиной гордо реял югославский (сербский) флаг. Поднять его наряду с традиционным албанским в честь открытия муниципальной Ассамблеи упростили трое сербов-депутатов.

На сегодня для участия в предстоящих косовских выборах зарегистрировалось 52 057 сербов — как ныне проживающих здесь, так и косоваров, согнанных с родных мест войной, живущих ныне в Сербии, Черногории, Македонии.

Переходя македонско-косовскую границу, пятнадцать вооруженных албанских мятежников нарвались на правительственную засаду. Огнем отброшены, потери не сообщаются.

Экстремисты обстреляли полицейские позиции в Буяноваце.

Сербская пресса сообщает о взрыве подброшенной якобы албанцами гранаты в одном из сербских сел Косова. Тяжело ранен пятидесятидвухлетний Предраг Лазич.

14 сентября

В центре Приштины — поросшие травой руины спортцентра. Думалось, дело рук НАТО. Но зачем было равнять сугубо гражданский объект? Тут в руки случайно попал отчет о пожаре в феврале 2000-го. Конечно, на фоне недавних событий в США это — пустяк, но все же: «Пожаротушение продолжалось сто (!) часов. Температура внутри доходила до 800 градусов. Стянули пожарных из шести косовских региональных центров и сто пожарных-международников. Огонь сожрал и многочисленные магазинчики, размещавшиеся под трибунами. Ущерб — 150–200 миллионов дойчмарок».

Пришло сообщение, что Совбез ООН единогласно принял резолюцию, осуждающую международный терроризм, и санкционировал военную акцию против талибов и «Аль-Каиды» в Афганистане. Создается единый фронт против террористов, орудующих и на Ближнем Востоке, и в Чечне, и в Кашмире, и в Индонезии. Как-то отзовется это решение здесь, на истерзанных войнами и напичканных оружием Балканах?

15 сентября

Торжественный выпуск в университетском городке Приштины. Сербов не взяли — опасно. Бедняги, они хотели отпраздновать самостоятельно в Грачанице, но в свете последних терактов запретили и это. Не осведомленный об отсутствии на торжестве нацменьшинств, гость — кфоровский генерал — распространялся о «равных

для всех возможностей в демократических сообществах». Звучало кощунственно. Зато шеф международной полиции, комиссар Альбирстон (Великобритания), выступил хорошо. Далекий от политики, он то и дело перемежал спич албанскими словечками и поговорками. Естественно, принимали на бис.

Как встарь, я прошел в строю торжественным маршем. Завершая церемонию, в воздух по команде взметнулись курсантские шапочки. Одна, на память, досталась мне.

16 сентября

Провожали Урмата — конец миссии. Народу собралось много, пришли местные — его здесь любят. Как командира кыргызстанского контингента, Урмат попросил меня сказать тост. Потом подходили его сослуживцы, хором хвалили парня, просили отметить. Приятно. И, как всегда в таких случаях, грустно.

17 сентября

В качестве менеджера антинаркотических программ я сегодня начал службу на кафедре подготовки сыщиков. Предстоит разработать обширную, в три недели, учебную программу. Что ж, не впервой. Справимся.

18 сентября

В Приштине неизвестный стрелял в толпу, тяжело ранив троих. Здесь же двое пытались похитить гостя из Македонии. Тот, не промах, открыл огонь. Киднепперы тоже достали стволы, пошла перестрелка. Разбежались, потерпевший заявил в полицию. Среди прочего расследуется и происхождение его собственного оружия.

Взрывное устройство с тротилом нашли в Урошеваце, в Пече — две мины. Там же на КПП изъяты четыре карабина с патронами. Да плюс за сутки по Косову — пять пистолетов с полными магазинами.

Урошевац. Задержан албанец, изрубивший тридцатисемилетнюю сербку. Искромсанное тело нашел муж — албанец. Редчайшее исключение, подчеркивающее правило крайней редкости смешанных браков. И такой страшный конец!

19 сентября

В 2 ночи взрыв разнес легковую машину в Каменице. Жертв нет.

Нелегально пробравшись в Косово, двое бывших местных сербов хотели поднять соплеменников на протест. Арестованы за... причастность к воинским преступлениям.

20 сентября

Натовский офицюз заявил, что в ходе операции «Урожай» у македонских мятежников изъято три тысячи триста стволов. «Ни много, ни мало, а именно столько», — заявлено в коммюнике. Оружие отвезут в Грецию, где на одной из военных баз уничтожат.

Из сербских тюрем начали возвращаться албанцы-политзаключенные. Двое — в Дечаны, столько же — в Урошевац. Явный прогресс, не зря под лозунгами «Свободу узникам совести» весь прошлый год демонстрировали косовары.

Судя по прессе, в косовских верхах всерьез обсуждается вопрос об обучении в местном университете на языке бошняков. Практически это тот же сербский, а потому местные славяне проявили к этому неподдельный интерес. Есть, например, предложение начать совместное обучение на металлургическом факультете в Митровице и сербов, и албанцев. Пока же, по заявлениям лидеров местной бошняцкой общины, на студенческие скамьи могли бы сесть девятьсот их представителей. Могли бы, но... Возглавляющий департамент образования чиновник-международник по этому поводу заявил: «Хотят учиться на сербском — пусть едут в Сербию. Хотят получить образование здесь — пусть учатся на албанском». И вся недолга!

21 сентября

Македонцы, похоже, арестовали важную «шишку» из албанской Национально-освободительной армии. Сегодня с требованиями «освободить боевого командира» у македонской границы собралось тридцать пять косоваров-албанцев. Границу, впрочем, они пересечь не решились.

В сербской прессе вовсю обыгрывается тандем «Бен Ладен — Балканский терроризм». Преступник № 1, якобы, имеет боснийский паспорт, бывал в Албании, имеет базы в Косове, Герцеговине, Македонии... Главное, официальные лица указанных стран оправдываются, разъясняют. Боятся США? В этой связи вспомнился рассказ моего призренского подшефного, хорошо информированного Байрама Гаши. Во время войны «братья-мусульмане» предлагали албанцам объявить джихад. Тогда, мол, под знамя «Священной войны» встанут правоверные всего мира — афганцы, арабы, чеченцы. Намекали и на серьезные финансовые вливания. Прознав об этом, заправляющие всем действием американцы немедленно заявили, что в этом случае они «умоют руки». И моджахеды получили от ворот поворот.

22 сентября

Со мной в группе — две женщины-полицейские, шведка Гунилла и англичанка Сьюзан. Первая — могуча и широка в кости, а по плечу бьет, так невольно жмуришься. Вторая, как и положено дочерям туманного Альбиона, худая и субтильная. Но обе — умницы, с большим опытом и, что немаловажно, с хорошим чувством юмора. Гунилла приехала сюда, завершив полицейскую (под эгидой ООН) миссию в восточном Тиморе. «С работой там справлялась. Но вот климат тамошний... И болезни тропические. А еще — сонмы москитов и всяких гадов ползучих. Раз, толком еще не проснувшись, прошлепала в душ. Хорошо, что ногу не сунула, в ванне — змея здоровенная, белая, и надулась! Закричала, конечно, а потом... пристрелила из кольта...»

23 сентября

На выходной повез коллег в Призрен. Понравилось. Не обошли и Речаны, долго фотографировали местную свадьбу. Навестил друзей, зашел к ребятам в полицию. А еще показал монастырь, тот самый, древний. Настоятель принял как старого знакомого, напоил чаем, налил ракии. Долго рассказывал об истории, философствовал.

Оставили крупное для этих мест пожертвование. Что ни говори, а тянет в Речаны, чувствую себя здесь как дома.

24 сентября

Началось политическое ралли. В том числе и криминальное. Хозяин популярного приштинского ресторана, видный деятель ЛДК, получил телефонную угрозу с требованием 2 000 000 марок и условием немедленно покинуть Косово. Угроза расследуется.

В Косове полно мусора. Особенно в столице. А сегодня подслушал такой разговор на кафедре:

Международник: Ну почему у вас так много мусора?

Переводчик: У нас не хватает земли, где бы его хоронить.

Международник: Ну тогда вы не зря претендуете на «великую Албанию от моря до моря»...

25 сентября

Чтобы быть признанным международным сообществом, недостаточно, оказывается, выполнить только политические или экономические требования, предъявляемые к кандидатам на вступление в Евросоюз. Одно из основных условий — привести в соответствие с международными демократическими нормами и принципами всю деятельность полиции. Есть, оказывается, писанные правила, нормы поведения полицейских в различных ситуациях и нормы проведения различных полицейских процедур — задержания, ареста, обыска и т.д. Нормы эти практически едины для всех стран — членов Евросоюза. Французские коллеги рассказывали, что Испанию, например, какое-то время не принимали в ЕС, поскольку ее полиция не отвечала стандартам.

Быть признанным европейским сообществом желает и Белград. Свои намерения он подкрепляет готовностью преобразовать полицейские силы и обратился к ОБСЕ с просьбой помочь в этом. И инструкторы Косовской полицейской школы теперь работают на базе одной из полицейских школ в Сербии, готовят «полицейских новой формации». С удовольствием принял бы в этом участие. Но туда, в основном, направляются американцы.

Из «хроники происшествий»:

- гранату подбросили во двор цыганского дома в Витине. Никто не пострадал;
- в Печи столкнулись две машины. Водители вышли, заспорили. Один достал из своей легковушки «Калашников» и изрешетил другую. Хозяина не тронул;
- там же, в Печи, влетевшие в окно две ручные гранаты разрушили пустующий дом;
- в северной части Митровицы из промчавшейся машины швырнули гранату в сад к сербу. Посекло осколками деревья, люди не пострадали.

26 сентября

- В Каменице двое албанцев (арестованы) напали с топором на сербских женщин. Те еле отбились;

- мину нашли в Гнилане; вчера — в Подуево;
- неизвестный швырнул гранату в кафе (южная Митровица). На счастье та не взорвалась, а посетителей было много;
- в северной Митровице, прямо на фабрике Трепче, где в основном работают сербы, некий албанец стал палить в воздух, но явно в направлении работающих. Во избежании беспорядков полиция и войска усиленно патрулируют территорию.

27 сентября

Гнилане, 9 утра. Группа вооруженных албанцев пыталась перейти македоно-ковскую границу. КФОР попытался остановить нелегалов миром, но двое прыгнули в кусты и открыли огонь из АК-47 и пистолета. Натовцы дружно ответили и ранили одного, второй скрылся. Военные не пострадали.

28 сентября

В Горне-Любине, селе близ Призрена, где я служил раньше, по дороге в госпиталь умерла четырехлетняя девочка. Двух ее братишек еле успели спасти. Оказалось, пытаюсь лечить кожную сыпь, мать собственноручно изготовила детям какую-то мазь, оказавшуюся ядовитой.

1 октября

В Ораховаце подрались сербские и албанские подростки. Трое раненых, шестеро арестовано. Опасный инцидент!

3 октября

Провожу занятия с полицейскими, прибывшими на недельные антинаркотиковые курсы. Тяжело с ними: проработали год-полтора, но уже знают все! Шерлоки Холмсы, блин. Приходится прикрикивать, ну и, чтоб заинтересовать, рассказывать массу интересных вещей, приводить примеры. Хорошо, что хватает их. А еще разрабатываю программу будущих трехнедельных антинаркотиковых курсов. Получается, хвалят. За основу взял то, что мы делали в «Ошском узле» («Ошский узел» — общепринятое название Международного антинаркотикового проекта ООН, где автор работал в 1997–99 годах. Проект координировал усилия трех среднеазиатских республик в противостоянии афганскому наркотрафику), программу курсов переподготовки сотрудников по борьбе с наркобизнесом родного МВД, добавил опыт американцев, специфику местную. Получается неплохо.

4 октября

Копая яму у восточных ворот полицейской школы, рабочие внезапно обнаружили человеческие скелеты. С экспертами прибыли спецы из подразделения по раскрытию военных преступлений. Они-то и разобрались, что новым находкам никак не меньше сорока лет, а значит, тут было когда-то кладбище. Что и подтвердили местные старожилы. Но работы сразу прекратили — негоже тревожить мертвых.

7 октября

Вместе с Дирком побывали в северной Митровице. Там сейчас тихо, спокойно. Походили, поболтали с местными. Но патрулей военных — на каждом углу, бдят. Мой сербский, как пришлось убедиться, уже вполне достаточен для легкой светской беседы.

Я-то уже бывал здесь, а Дирк — впервые, и ему тоже очень понравилось. Всерьез подумываем перебраться сюда на жительство. Жилье недорогое, вот только ездить восемнадцать километров. Говорят, ходит школьная машина, что ежедневно возит сербских переводчиков. Надо бы разузнать подробнее.

10 октября

В сербском селе Грачаница КФОР нашел много спрятанного оружия и сербской полицейской формы. Арестованы организаторы подпольных складов. И, что не похоже на военных, раструбили об этом «достижении» прессе. Подогревают албанцев?

15 октября

Зреет еще одна болевая точка. Несмотря на протесты местных, сербское правительство (формально оно такое право имеет, де-юре Косово все еще часть Югославии) решило перенести «сербский» университет из Приштины в северную Митровицу. Албанские лидеры считают, что таким образом создается параллельная система образования, базирующаяся на этнических различиях.

Пока перепалка слышна лишь в прессе...

16 октября

В рамках разработки антинаркотиковой программы встречаюсь со специалистами, знатоками проблемы. Побывал, например, в центральном офисе пограничной службы. Народ здесь подобрался опытный. Патрик, он работает в пограничной полиции Германии с 1978-го, рассказал, например, что уже в те времена югославы, в том числе косовары, вовсю занимались угонами и продажей ворованных авто за границу, изготовлением и реализацией фальшивых денег, наркотранзитом. А потому любая югославская машина досматривалась на германской таможне по пять-шесть часов.

Пограничники жаловались, что нет официальной границы с Сербией, объясняя этим тот факт, что наркотики, да и проститутки в большинстве проникают оттуда.

17 октября

Подсказали Фадила Сулевича, что еще в югославские времена отвечал за борьбу с наркотиками в Приштине. Отыскал, встретились. Фадил служил в полиции с 1985 по 1998 год, с 1991-го «воевал» с наркотиками. В 1999-м, завершив учебу в нашей школе, не задумываясь вернулся в теперь уже косовскую полицию. Опыт оказался востребованным — раскрывает убийства.

Фадил помнит некоторую статистику. До 1989-го уровень наркотизации здесь был невысоким. Но когда албанцы начали массово выезжать на заработки за грани-

цу, цифра поползла вверх. Потребление зелья и наркобизнес особо поставлены в трех косовских центрах: Гнилянах, Приштине и Призрене. Албанское село Терновац в Прешевской долине (южная Сербия), близ македонской границы, сделало трафик своей профессией. Здесь наркокараваны разгружались, здесь заключались оптовые сделки, отсюда героин расходился мелкими партиями.

Наркотики в регион попадали по имевшему множество ответвлений знаменитому Балканскому маршруту. Наиболее интенсивное направление — Карачи (Пакистан) — Турция — Болгария — Македония — Косово — Албания — Италия. Другой — Пакистан (морем) — Италия — Албания — Косово — Сербия — Болгария. Третий — Пакистан — Турция — Македония — Косово — Германия (Швейцария). Этот последний маршрут действовал как до, так и после войны в Косове. Специалисту понятно: имеющий выходы к морю Пакистан использовался главным образом как страна-транзит. Роль же основного поставщика, как в девяностых годах, так и теперь, отводится Афганистану.

В 1993 году цены на героин в Турции колебались от одиннадцати тысяч марок за один килограмм до девяти тысяч, если брать оптом свыше пяти килограммов. В Гниляне (Косово) тот же килограмм стоил уже двадцать восемь-тридцать две тысячи дойчмарок. В Приштине цены на героин с тех пор стабильны — сто марок за грамм. Много фальсифицированного наркотика: из грамма героина, перемешивая его с чем попало, делают два-три и продают по той же цене. Есть факты отравлений, смерти от передозировки. Лаборатория по изготовлению героина функционировала и в самой Приштине, куда завозился опий-сырец. Местный «герыч» стоил гораздо дешевле.

В 1990 году в Приштине образовывается единственное в Югославии специализированное полицейское антинаркотиковое подразделение (пять человек). В штаты многих других полицейских станций также вводятся антинаркотиковые единицы. Приштинская группа проводила операции и в Сербии, и в Македонии, не говоря уже о самом Косове. В 1998 году на официальном учете здесь значилось три тысячи потребителей. Чтобы получить реальную картину, цифру эту, по мнению моего визави, следует умножить на три (?). На марихуану тогда внимания не обращали, хватало проблем героиновых. В 1995 году спецгруппа, в которой работал Фадиль, обезвредила семьдесят три наркодилера, если считать только тех, у кого было изъято более килограмма зелья.

В настоящее время «умерший» было в войну «Балканский маршрут» возродился и функционирует даже более интенсивно, чем ранее. Три-четыре весьма разветвленные группировки, создав преступную цепочку, снабжают «белой смертью» все Косово. Край активно используется и для международного наркотранзита.

С началом октября 2001 г. работу над наркопрограммой пришлось прервать. Добровольцем, среди шести других коллег, направился в воюющую Македонию. Там срочно понадобились специалисты и, пока их подберут по миру, «дыру» предстояло заполнить нам...

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА (МАКЕДОНСКИЕ)

Раздел дался Югославии нелегко, повсеместно с войной и кровью. Повезло, казалось, одной лишь Македонии — на удивление красивой маленькой двухмиллионной республике, входившей прежде в СФРЮ. Обретя «бескровную» независимость, македонцы очень дорожили этим. Гордились, что не участвовали в братоубийственной войне, что сохранили кириллицу, что умудряются не портить отношений ни с сербами, ни с Западом.

Но «балканский синдром» чрезвычайно заразен. И в прошлом году, предположительно из Косова, болезнь эта перекинулась и в Македонию. Бои шли нешуточные, с участием танков, артиллерии, авиации.

Конец противостоянию, считается, положили Охридские мирные соглашения. Выполнять же их по большому счету особо не торопятся — уж очень много там спорного, размытого, явно навязанного извне. Собрав с «повстанческой нивы» урожай в три тысячи стволов, натовцы, оставив лишь малочисленные охранные отряды, военное присутствие свернули. В мирном процессе сегодня активно участвуют ООН, Евросоюз, разворачивает наблюдательную миссию и ОБСЕ.

В этих рамках в Македонию в качестве полицейских советников и были командированы шестеро наиболее подготовленных специалистов из косовской миссии Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе. Перебрасывали нас партиями, по два-три человека. Мне досталась компания Саймона, он очень гордится своими уэльскими корнями. Боец противостоящей ирландскому терроризму английской штурмовой бригады, британец преподавал в школе спецтактику. Немногословный, деловой. Выслушав рассказ о потерянном накануне и возвращенном мне портмоне (вспомнил, что оставил на столике в кафе, вернулся, а бармен с улыбкой протянул портмоне: «Вы родились в рубашке, босс». От щедрых чаевых не отказался) с документами и немалыми деньгами, Саймон сообщил, что я более чем счастливчик. И пояснил, что удачливость — такая же вполне материальная субстанция, как телепатия, например. И такая же редкая, доступная немногим. Вот почему он предпочел бы пройти македонскую эпопею в паре со мной...

Прибыли еще тридцать советников. В основном, американцы, из тех, что прошли Боснию, Косово. Несколько британцев, француз, финн. Пока оформляются дипломатические, личные карты, нас активно знакомят с ситуацией. История противостояния, мины, политпартии, текущий момент. Американец из посольских рассказал, что летом, когда недовольная натовским вмешательством толпа громила здесь всё и вся, он провел ночь в... клетке ламы в зоопарке — самом на тот момент безопасном месте в столице Скопье. Следы того погрома, когда в один момент были сожжены пятнадцать миссионных джипов и разгромлена прежняя штаб-квартира, видны до сих пор. Чтобы не демаскировать новую, парковка вблизи запрещена, вечерний свет строго лимитирован.

Как во всякую тяжелую годину, растет криминал. В Куманове, к примеру, за первые полгода изъято сто двадцать пять килограммов героина. В развитие процесса политического сопровождаем полицию в патрулях, рейдах. Возвращаем стражей порядка на прежние места, откуда их выбила война. В Грушино, первом селе, встречали насторо-

женно, но без напряжения и агрессии. Патрули смешанные — по два македонца и столько же албанцев, есть женщины. Да и в отличие от Косова албанцы здесь охотно общаются на македонском. На улицу вышли старики, угощали знаменитыми местными арбузами. Первая в Македонии «акция возвращения» прошла удачно.

Но так бывает далеко не везде. Многие села до сих пор под контролем повстанцев. Нет, с оружием они не показываются, не воюют. Но чувствуется — готовы. В любой момент. Полиции сюда заказано ультимативно. Заявлено, что, пока не будут выполнены все мирные договоренности, внесены поправки о статусе албанского языка, объявлена амнистия бойцам, ни один представитель официальной власти сюда не войдет. «Непокорные» деревни обложены наблюдательными пунктами, выстроенными по всем правилам фортификации, в армии преобладают резервисты. Периодически, в основном по ночам, с обеих сторон палят трассирующими — по-пугивают. Пресса полна локальными перестрелками. А вчера обратился за защитой местный селянин. Пас корову и был обстрелян с вершины горы, вроде бы людьми в камуфляже. Поехали на место. Чувство, будто на машине нарисована мишень. А когда свернули в сектор обстрела, подменявший отпускника Саймона американец ехать дальше отказался категорически. Как старший группы, я оставил его охранять машину, пошли пешком. Место происшествия осмотрели. Без нас, судя по всему, никто бы этим не занимался.

Районный центр Арачиново, откуда ежедневно начинаем путь, порушен капитально. Повсюду следы прошедших боев. Стены сохранившихся строений посечены пулями, осколками. Говорят, здесь две недели держались моджахеды — то ли арабы, то ли чеченцы.

А еще — мины. Они здесь повсюду. У всех на слуху гибель пятерых наблюдателей ОБСЕ, подорвавшихся на антитанковом монстре. А днями на мину наскочила «скорая помощь». Повезло, «игрушка» оказалась противопехотной, люди внутри не пострадали.

Начальство советует быть осторожными и на многочисленных КПП. Ни полиция, ни несущие здесь службу армейские нас не жалуют. Сегодня обстреляли почему-то не остановившуюся на посту машину австрийской гуманитарной организации. Не обходится без курьезов. Я был за рулем, сидевший рядом Бред наряду со всеми протянул для проверки кучу документов. Развернув, служивый с усмешкой вернул оказавшийся там... презерватив. Моментально вспомнив, чему учили на курсах, американец обошелся без перевода, извинился на македонском. Попавшийся с чувством юмора резервист простил...

- Это здорово пахло провокацией. Камнем преткновения стали двадцать гектаров пшеницы, простершихся вокруг армейского укрепункта в горах над Грушином. Принадлежавшие местному хаджи, гектары эти армия запрещала убирать категорически. И даже приближаться к ним сельчанам. Понадобились долгие переговоры и согласования, пока, наконец, в сопровождении нас и полицейских комбайну разрешили подняться к пашне. Но тут хлебобобов ждало разочарование: сначала мы три часа на морозе ждали прибытия коменданта района. Когда тот все

же появился, из сопровождавшего БТР тут же выскочили несколько судя по всему хорошо обученных бойцов в новеньких камуфляжах. Направив «калашниковы» в нашу сторону, они как бы невзначай потеснили воинов местных и заняли оборону. Нам объявили, что мы здесь — «нон грата», и предложили немедленно покинуть позиции. Деревенские возмущались, грозили поджечь урожай, но нехотя развернулись вслед за нами.

- В Охриде, городке на берегу красивейшего одноименного озера, есть мечеть с... крестом на верхушке. Легенда гласит, что захватчики-турки возводили ее на месте разрушенной древней церквушки, и минарет неизменно рушился. И тогда старуха-ворожея из местных посоветовала осенить его святым крестом. Так и стоит та мечеть вот уже более пятисот лет.
- Владо Малко, известнейший археолог, посвятивший жизнь охридским раскопкам, изрек: «Историю пишет позиция (имеются в виду стоящие у власти), оппозиция и аспиранты. И всяк — свою».
- Конверт с содержащим микробы сибирской язвы порошком поступил в натовский штаб в Скопье. Заразу вовремя распознали.
- Зазевался чабан, и овцы забрели за границу «цивильной» территории, в зону, контролируемую армией. Наше вмешательство спасло отару от неперенной экзекуции. Почти семь километров вместе с переводчиками гнал баранов вниз, где ждал до смерти напуганный чабан. Идти с нами к македонским позициям пастух-албанец отказался наотрез...
- Переводчик-македонец, тридцатитрехлетний Тони, свободно владеет четырьмя языками, известный в республике тележурналист. Переводил английским парашютистам, занимавшимся здесь сбором оружия у повстанцев. Раз вместе с ними шесть часов был под перекрестным огнем. Десантники, говорит, вели себя геройски, работали на совесть. Тони даже поинтересовался — оно вам, дескать, надо? Те очень удивились: «А как по-другому может вести себя солдат Великобритании?»
- В Тетове — напряженка: повстанцы напали на полицейский КПП. Трое офицеров убиты, несколько ранены. Захвачен автобус с заложниками. Опасаемся эскалации, ждем ответных мер от властей. В эпицентр стягиваются войска. Любопытно, но произошло это вскоре после визита Генсека НАТО, прибегшего на ТВ к прямому шантажу. На вопрос, не грянет ли новый виток конфликта, лорд ответил: «Прогнозируется. Если парламент в ближайшее время не выполнит охридских соглашений об амнистии участникам вооруженных формирований «освободительной армии», о придании специального статуса албанскому языку и т.д.»
- На пятиминутке огласили письмо местного МВД: те более не гарантируют здесь безопасность международным организациям... Во!
- В Прилепе видел мечеть XVI века, разрушенную до основания два месяца назад. Повстанцы тогда жестоко казнили восьмерых местных полицейских, державших вахту в зоне конфликта. В день похорон на родине толпа и снесла мечеть. А несколькими неделями раньше повстанцы сравняли с землей монастырь, возведенный в XI веке! Вандализм политизированной неуправляемой толпы.

- У Грушина взорвался пустой автобус, арендованный специально для перевозок в дальних районах. Выяснилось, что это месть конкурентов.

Неожиданно отстранили от работы. Терся в офисе день, другой, а потом «наехал» на старшего — что случилось!? Тот привез в штаб-квартиру, к шефу секьюрити. Полковник-натовец рассусоливать не стал: «Наши наблюдатели встретились с представителями „освободительной армии“. Те опознали тебя, Алекс. Говорят, ты арестовывал их в Косове. Пригрозили, что, если еще раз въедешь в их зону, расправятся. Рисковать не хочу. Возвращайся назад, в школу. Это — приказ». Что ж, прощай, Македония!

Январь 2002-го

В полицейской школе — новые инструктора-бельгийцы. Один неплохо говорит по-русски. Объяснил, что в военном училище, кроме родного и английского, требовался дополнительный иностранный. Предлагался и русский, но язык «железного занавеса» тогда мало кого интересовал. И начальство приняло «стимулирующее» решение: «русские»-добровольцы освобождаются от обязательных, но нелюбимых будущими жандармами... бальных танцев. «Вальсировать учила уже невеста», — сетует бельгиец.

Интересную историю рассказал Данияр Дубанаев. Довелось ему когда-то вести набор в патронируемую самим президентом высшую школу менеджмента в Бишкеке. На собеседовании особой выправкой выделялся молодой мужчина. В отличие от других, не волновался. Особого желания пройти в элитный вуз не выказывал. «Пришел по настоянию стариков. Что возьмете — не верю. Почему? Ну, во-первых, кыргыз я русскоговорящий. Продолжать? Зовут Ихтиандром, отец любил фантастику. И, в-третьих, по специальности я... минометчик. И не плохой. Раз на спор послал мину за пару сотен метров прямо в печную трубу. Но теперь это не важно, советской армии больше нет, кыргызской же я оказался не нужен». Приняли! Каким, интересно, бизнесом занят теперь Ихтиандр-минометчик?

В Бишкеке на восемьдесят третьем году скончался отец кыргызстанца Павла Морозова. Оповестил наших, собрались у него в Приштине, помянули. Полковник-чекист, покойный в совершенстве владел китайским, долгие годы организовывал там разведку. Морозовы — из казаков, в Средней Азии — в четвертом поколении. Пройдя фронты, Александр Морозов остался служить в Германии. Но все писал рапорта, просился на родину. И в начале пятидесятых отправился все же в Ошский погранотряд. Забрал туда стариков, дед Павла похоронен в Гульче.

В Косове обозначился политический кризис. Всенародно избранная Ассамблея никак не может выбрать президента. Дважды прокатали популярного Ибрагима Ругову, чья Либерально-Демократическая партия имеет сорок пять процентов голосов в муниципалитетах и столько же — в Ассамблее, где он не может набрать требуемого большинства. Электорат требует прямых президентских выборов, Администрация на это почему-то не идет. А может, так выгоднее? Во-первых, сохраняется ооновский протекторат. Во-вторых, Ругова, да и все другие кандидаты не раз высказывались за независимое Косово. И, получив власть, сразу же начнут

претворять независимость в жизнь. И пусть де-факто Косово независимо уже почти два года, де-юре, что гораздо важнее, оно все еще «под Югославией». Такое положение закреплено в международных договорах. И, может быть, во избежание новой крови, что наверняка повлечет заявление о суверенитете, в поисках политического решения пока выгодно держаться без президентов? Особенно, если все они настроены экстремистски.

Арестован очередной видный деятель ОАК. Проводившая арест немецкая военная полиция заявила: «Криминальный авторитет». Газеты шумят...

Взорван деревенский дом, погибла семья — муж, жена, ребенок. И вновь расследование говорит о криминальных разборках.

Никак не ждал такого от обычно чопорных австрийцев! На параде по случаю вручения медалей они, в присутствии многих гостей, устроили «музыкальный стриптиз». На сцену вдруг вышли семеро голых мужиков в стыдливо накинутых плащиках. Меж ног привязаны сковородки, к лодыжкам — бубенцы. В танце получалось «соло ударных». Исполнители при этом абсолютно трезвы! Ну, может, чуть пивом тронуты...

У сербов — беспорядки. Явно спровоцированные bestолковым решением извне. Главой муниципала в анклав, на 85 процентов населенный сербами, назначен албанец. Отдадим должное, мужик смелый. Приехал и расположился в административном здании. Тут и началось! Штрпце блокирован войсками, внутри — полный хаос.

В самом центре Приштины полиция накрыла явку албанских спецслужб. В здании, где располагался Информационный центр Албании, произведен обыск, аресты, задействован спецназ. Официальных разъяснений пока не последовало.

В сегодняшнем Косове — все «впервые». Впервые по суду конфискован большегруз, перевозивший наркотики. Впервые наложен арест на двадцатитысячный (в немецких марках), принадлежащий наркодилеру банковский счет. Вместе с напарником ездил изучать эти дела. Используем при обучении курсантов.

О напарнике — особо. Оказывается, отработав в полиции шестнадцать лет, четырнадцать лет тому назад он перешел в ФБР. В подразделение по расследованию серийных убийств. Немного словен. Деловит. Вот бы разговорить!

По обвинению в военных преступлениях, опять же впервые, в Подуеве арестованы трое албанцев. Раньше такое случалось лишь с сербами. Троица активно третировала сотрудничавших с официальными властями соплеменников, мстила славянам. Теперь вот предстанет перед судом. Конечно же, для Гааги это слишком мелко, но по местным масштабам — буря! В столице и Подуеве — нескончаемые демонстрации. Требуют немедленно освободить задержанных. Надо сказать, арест этот — смелый шаг властей. Подчеркивается равенство перед Законом.

Февраль

Невероятно, но факт: в Косове отмечено существенное снижение преступности! Экономики нет, безработица, наркотики — а преступность снижается. Достойный изучения феномен. Или она приобретает все более латентный характер? Тем не менее:

	2000	2001 год
Убийство	245	136
Покушения на убийство	275	225
Киднепинг	190	165
Покушения на киднепинг	108	91
Изнасилования	115	133
Разбои	226	288
Поджоги	523	218
Грабежи	22	6
Всего	1704	1255

В дорожно-транспортных происшествиях в прошлом году погибли сто пятьдесят девять человек против двухсот пятидесяти в году 2000-м.

Махмуд Баккали, коммунист-косовар, будет свидетельствовать против Милошевича в Международном трибунале в Гааге. Ему гарантирована «программа защиты свидетеля», кодовое имя. Марксист заявил, что ему есть что сказать, но выступать он будет открыто и ни в чьих защитах не нуждается. Коммунисты, вперед!

Спецслужбы Албании создали в Косове «младшего брата» — «Информационную службу Косова». И даже открыли офис в центре Приштины, который, как я писал, не так давно буквально штурмовали спецназовцы из международной полиции. Обнаружены доказательства, что сотрудники офиса были широко вовлечены в организованную преступность. Газеты, меж тем, подняли шум — нужна, дескать, Косову собственная секретная служба!

Как сообщалось, назначение в сербский анклав Штрпце администратора-албанца вызвали демонстрации, неповиновения, блокаду. За участие в этих событиях арестованы двое сербов, что подбивали толпу напасть на главу муниципалитета. Сейчас тот отсиживается в американском военном лагере «Бондстил». Но, как заявил прессе, скоро рассчитывает вернуться. Вообще-то он не трус, явился-таки в муниципалитет! Правда, спровоцировал беспорядки.

В сербском Зубин-Потоке изъято одиннадцать карабинов, пять автоматов, граната и пистолет. А в населенном сербами Звечане после кфоровской зачистки за незаконное хранение оружия возбуждено сорок уголовных дел! «Самой продуктивной акцией» в северном Косове с момента прихода сюда НАТО и международной полиции окрестила эту операцию пресса.

Косовский бюджет нигде не раскрывается. Сообщается лишь, что в прошлом году край получил на сто миллионов евро (!) больше, чем планировалось. Ничего себе!

Нарастают протесты по поводу арестов обвиненных в военных преступлениях троих лидеров ОАК. Переливаясь из города в город, протесты эти блокируют все Косово. А сегодня, 10 февраля, демонстрации утратили мирный характер. В Приштине толпа громила машины и швыряла камни в полицию. Ранено семеро, в том числе трое американцев. Что будет, когда об этом узнают в Штатах? Моя квартирная хозяйка прокомментировала так: «Эти джунгларцы (живущие в джунглях, дикари) рубят руку, что кормит их. Где бы мы были сейчас без Америки?»

Названных выше арестованных оаковцев обвиняют главным образом в расправах с албанцами-коллаборационистами. Газеты же пишут, что они, дескать, герои, все обвинения надуманы, а главная свидетельница обвинения получила за свои показания от ооновской администрации двести тысяч долларов. Чушь какая! Но «новость» всерьез обсуждается. Правда, раздаются и трезвые голоса: «Если преступления действительно совершались, виновные должны понести наказание. В этом — основа демократизма», — написала одна из газет. Журналисту принялись угрожать, обвинять в измене. Но это уже плюрализм.

В Брюсселе, меж тем, неизвестная прокурор Карла Дель Понте начала расследование «террористической деятельности» некоторых бывших членов ОАК. И до конца года надеется завершить дело. Аресты трех местных полевых командиров выглядят в этом свете звеньями одной цепи. Но ранее заверялось, что преступления их — масштаба местного. Демонстрации протеста тем не менее ввергли Косово в ураган. Что будет, если доберутся до верхов? Не с рядовыми же бойцами будет сражаться Дель Понте?

Сегодня вдруг раскрыл душу наш начальник кафедры. Полтора года назад, возглавляя Службу по борьбе с наркобизнесом МВД Словении, Стефан провел интересную операцию, сняв с «балканского маршрута» 1,7 тонны героина. Сначала ходил в героях, но следы наркотрафика повели наверх. «Теперь вот скрываюсь в миссии», — подвел он грустный итог.

На приграничной территории Албании задержан полицейский джип, начиненный двадцатью килограммами героина. Груз ждали в Косове, буквально в пятнадцати километрах. Взяли случайно, следили за трассой, где часто грабят рейсовые автобусы. Заметили незнакомый авто с полицейскими номерами. Преследовали, стреляли. Вестерн!

Знай наших! Удовлетворив иск кыргызстанки Айнуры Тургунбаевой, косовский суд признал неправомочными действия американского полицейского.

А было так. Два с половиной года назад поднаторевшую на кредитовании малого бизнеса бишкекчанку Айнуру Тургунбаеву пригласили в Косово. Авторитет завоевала, когда в стремлении поставить дело, даже в первый небезопасный постконфликтный год работала одна, без всяких телохранителей — так доверяя больше.

В Урошеваце в тот день предстояла серьезная, давно назначенная деловая встреча. На въезде джип остановил американец из международных полицейских сил. И через переводчика долго и нудно принялся выговаривать водителю какую-то мелочь.

Время — деньги, бизнес явно срывался. Айнура корректно поинтересовалась, в чем, собственно, дело. Ну не джентльмен, хоть и американец, дорожный страж резко прервал женщину — я, дескать, не с вами общаюсь. «Да, но я очень спешу, извините». Ах так! Взыграло ретивое, и — прямо в суд! А там — штраф в двести марок. За пререкания!

На помощь из соседнего города примчались наши ребята, что носят здесь голубые береты полицейских-миротворцев. Но кыргызстанка обратилась к закону. И выиграла: на днях региональная Фемида признала действия рейнджера неправомочными, а постановление нижестоящего суда — недействительным. «Решение окончательное, обжалование не подлежит». Создан правовой прецедент. Впервые в Косове.

На недавней пресс-конференции командир американского КФОРа заявил, что США не собираются сокращать военное присутствие в Косове. «Может быть, иные страны и сократятся, чтобы бить террористов в других частях света. Но не US». Короче, «ни шагу назад!».

Сельчане из деревни, что близ македонской границы, вышли было в поле. Да не тут-то было — нагрянувшие с сопредельной стороны солдаты погнали их в шею. Давай разбираться, а две с половиной тысячи гектаров косовских земель отошли Македонии! Когда? Да в январе прошлого года, согласно известному косовской администрации ООН совместному решению Белграда и Скопье. «Доколе? — вопрошает народ. — Когда нас перестанут обманывать? Почему нашими землями распоряжается Скопье и Белград? И почему молчит ООН? Конечно, это же не от родной Швейцарии или Франции кусок отняли». Македонская армия заявила, что будет отражать любые попытки нарушить границу. КФОР со своей стороны говорит о готовности защищать желающих работать на своих полях крестьян-косоваров. Через пару дней НАТО призвал всех уважать предыдущие договоренности. И в Косове сразу же отреагировали: «ООН и НАТО способствуют аннексии Македонией 2500 гектаров нашей земли!»

На границе с Сербией, в Каменице, случился инцидент. Сербские солдаты перешли рубеж, прогнали албанцев с полей, стреляли. Пока примчался КФОР, «супостат» скрылся. Инцидент расследуется.

К вопросу о ядерных бомбардировках Косова:

«Согласно Ассоциации онкологов Косова, с июня 1999 по июнь 2000 года рак поразил 1190 новых жертв. Это много больше, чем в 96-м, когда, согласно Национальному институту здоровья (Приштина), был зарегистрирован лишь четыреста один случай заболевания раком» (Из газет).

В Косово перевезены эксгумированные останки трех албанских активистов, что в 1982 году были убиты югославским КГБ в Штутгарте (Германия), где просвещали Европу по «албанскому вопросу». Состоялся траурный митинг, останки затем торжественно перезахоронили.

Вновь назначенный шеф косовской ООН-администрации в «тронной речи» заявил, что возвращение сербов является для него приоритетной проблемой и он намерен ее решить. Официально, меж тем, со времени прихода сюда НАТО в июне 1999-го в одном только Липляне убито тридцать девять сербов и похищены еще четырнадцать. На днях здесь, например, нашли израненный труп старушки-сербки. Преступление не раскрыто.

Халил Моруна, свидетель на процессе над Милошевичем, рассказал о депортации албанцев из Косова. Подсудимый, кстати, депортацию категорически отрицает и заявляет, что в некоторых селах ее спровоцировала ОАК. Согласно свидетелю, тогда, в девяносто девятом, танк вошел в его деревню и принялся палить и давить. Следом вошла пехота. В тот день были убиты восемнадцать албанцев от полутора до шестнадцати лет. А в соседнем населенном пункте — сорок.

Выдвигается версия, что Милошевич в Гааге выступает столь успешно только потому, что его линия защиты готовилась российским КГБ и югославской Академией наук.

Югославия: амнистированы террористы, входившие в состав Армии освобождения Прешево, Медведже, Буяноваца, заселенных албанцами районов в Сербии близ косовских границ. Армия эта в 2000–2001 годах чинила серьезные проблемы безопасности региона. В боевых действиях были ранены русские и американские миротворцы, погибли десятки местных. Амнистия распространяется и на тридцать пять высших чинов, создавших и руководивших «освободительной армией». Легализоваться, впрочем, те не торопятся: «Подождем одобрения сербского парламента».

В северной Митровице все не прекращаются беспорядки, спровоцированные решением администрации закрыть местный муниципалитет. Так, в режиме нажима, решается проблема «воссоединения» единого прежде, но разделенного враждой и рекой на две, албанскую и сербскую, части крупного промышленного города.

Вечером здесь двое напали на представителя международной администрации. За последнюю неделю камнями разбито девять полицейских машин.

Арестован полицейский из местных, который за две с половиной тысячи марок перекупил и раскручивал проститутку в собственном баре в Любизте.

В Ораховаце по жалобе жителя-серба за превышение власти арестованы трое местных и один полицейский-австрияк. В тюрьме международник вдруг заболел, а на следующий день сбежал из госпиталя. Охраняли немец и австрияк. Беглец вскоре объявился в Вене, но арестовали и там. Уже родная Фемида.

Оглушило, не лезет в голову — умер Данияр Дубанаев! В двадцатых числах января он сильно заболел, в три дня стал походить на мумию. Ни в российском, ни во французском военных госпиталях диагностировать не смогли. Спецрейсом, под кислородом увезли в Вену. Там — три операции. Гепатит С (самый страшный!) спровоцировал цирроз. Собирались, вспоминали. Мой крик души опубликован в «Вечернем Бишкеке»:

О ДАНИЯРЕ — С ЛЮБОВЬЮ...

Гражданская панихида, вечер Памяти в штаб-квартире миссии ОБСЕ в Косово. Соболезнующие письма по Интернету. Скорбит Международная полицейская школа, где работал Данияр последние месяцы. Десятки людей жмут мою руку, просят связи с семьей, с Кыргызстаном. Пришли бангладешцы, будут молиться. Шведы: «Как тепло говорил он об учебе в Стокгольме...». Все знали и искренне любили Данияра.

Хорошо сказал директор школы американец Стив Беннет: «Этот кыргызский парень поднял наши кадры на недосягаемую высоту. Он поражал работоспособностью и профессионализмом, фонтанировал идеями. Я говорил с ним за несколько дней по телефону, и Данияр сказал, что нигде ему не работалось так легко, нигде он не встречал такой команды, как здесь, в Вучитрне. Страшная потеря!» Единственный из гражданских, земляк наш в силу особых заслуг удостоился медали ООН «За службу во имя мира». Как радовался он этой награде!

Мы были знакомы еще по Бишкеку. Удивительно тонкий, дипломатичный, Данияр слыл в Косове стариком, когда Кыргызстан направил в горячую точку своих миротворцев. Нам помогали его советы. Стало доброй традицией не предпринимать серьезных шагов, не сверившись с Даником. Он, что называется, «сек» ситуацию.

Мы жили вместе, дружили. Общение здесь носит особый смысл. Оно — как глоток воздуха с родины. Данияр «терзал» все кыргызские сайты, надежно снабжал нас родными новостями. Большая редкость в наши дни — он бредил желанием помочь! Не важно — деньгами ли, простым участием, советом. Словом и делом.

Я позвонил в госпитальную палату за час до роковой операции. И первое, что услышал: «Как ты, Алекс? Как там ребята?..»

Вечная память!

Март

Вчера смотрел югославский фильм с немудреным названием «Тито и я». Мальчишеским взглядом из далекого 1954-го режиссер сделал талантливую попытку осмыслить явление культа личности. В данном случае югославского президента Иосипа Броз Тито. В который раз удивила общность истории: песни, рукоплескания, здравницы в честь местного коммуниста № 1.

В Митровице двое в масках напали на конвой, что из банка в банк (четыреста метров) вез полмиллиона евро. Задержаны по горячим следам.

В Боснии натовский спецназ — сорок рейнджеров, два вертолета — пытался взять обвиняемого в военных преступлениях экс-лидера Республики Сербской Радована Караджича. «Спец» остались с носом. Республика Сербская заявила протест.

Наконец-то объявлено о формировании правительства Косова. Ибрагим Ругова — президент, Байрам Реджепи, доктор по образованию, — премьер (прочили этнолога(!) Дриту Статовцы). Консенсуса не было три месяца, Европа уже ворчала...

Из биографии Руговы: родился 2 декабря 1944 года в Истоке (Косово). В декабре сорок пятого югославские коммунисты убили его отца и деда, известных борцов против местных фашистов-четников. Закончил школу в 67-м, учился на философском факультете, в 1976–77 стажировался по теории литературы в Париже...

Даже этот малый официальный кусок биографии рождает вопросы. Например, зачем «югославским коммунистам» в далеком сорок пятом, когда всюю разбирались с четниками-коллаборационистами, понадобилось мстить родственникам будущего местного лидера и убивать «известных борцов с фашизмом»?

Сербия выдвинула обвинение в убийстве против вновь избранного косовского премьера Реджепи. Во время конфликта он якобы нанес смертельные ножевые раны попавшему в плен сербскому воину. По делу свидетельствует заместитель югославского премьер-министра Небойша Чович. Господин Реджепи был в ОАК хирургом. Говорит, что лишь лечил раненых, но горд тем, что таким образом участвовал в борьбе за независимость.

В правительственной структуре Косова — десять министерств: финансов и экономики; торговли и промышленности; культуры, молодежи и спорта; образования, науки и технологий; труда и социальных вопросов; здравоохранения, окружающей среды и планирования; транспорта; общественной службы; сельского, лесного хозяйства и ин-

дустриального развития; министр без портфеля (прообраз МИДа?). Сербам достался пост сельхозминистра. Они тужатся заполучить еще один. Но — вряд ли.

Узаконен университет в северной Митровице. Обучение здесь будет вестись на сербском.

На сербском подворье в Гниланах взорвались две брошенные с проезжавшей мимо машины гранаты. Пострадавших нет. Так, порушено кое-что...

Как вам такая статья из популярной местной газеты «Bota Sot»:

«КАННИБАЛ ПОДДЕРЖИВАЕТ КОЛЛЕКТИВНЫЙ КАННИБАЛИЗМ»

Сербское общество, вперемешку с военной полицией и пиратами из народного ополчения, внушают ужас цивилизации. Кроме славянского, китайского и греческого миров, которые хотят участвовать в кровавых оргиях за традиционным сербским преступным столом, человеческая цивилизация должна создать моральную оппозицию каннибализму на этом прожорливом кровавом сборище. За их животным преступным столом они осушали бокалы албанской крови, выковыривали человеческие глаза, разрушали людские мозги и сердца еще даже не родившихся албанских детей. Общая оргия каннибалов вершится ныне публично на трибунале в Гааге представителем каннибалов Милошевичем. Этот монстр против человечества и цивилизации старается защищать свой прайд, спасти каннибализм от правосудия, дабы не быть наказанными и продолжить действие без всяких задержек...

Албаноязычная газета «Bota Sot», 28.02.02.

Дайджест in English сделан штаб-квартирой ОБСЕ в Приштине.

При обмене валют косовары выменяли 2 000 000 000 евро! Много больше, чем соседние страны...

Служащие со мной коллеги-кыргызстанцы, Улан и Нурлан, лелеяли мечту: поднакопить и под занавес миссии съездить в США. Обоим отказали в визе... «Вы из зоны с повышенной эмигрантской опасностью», — заявили в посольстве. Не посмотрели, что служат ООН, миротворцы. Страхуются после 11 сентября? Страшно обидно!

Из официального сообщения македонских массмедиа: в боестолкновении близ села Люботень убито семеро вооруженных террористов в форме УЧК. Все семеро — выходцы с Востока, якобы готовились к терактам против македонских официальных лиц и западных диппредставительств. Двое паков, по информации МВД, воевали в Афгане и на Балканах. ОАК кричит о провокации. Заявляет, что полиция просто-напросто расстреляла группу незаконных мигрантов, «вооружила» их и обрядила в униформу УЧК. Косовско-македонскую границу, меж тем, опять закрыли.

Под мостом, соединяющим албанскую и сербскую части Митровицы, нашли мину. Обезврежена.

В классной комнате, где проводим занятия со следователями, уборщица нашла кондомы. Пуритане подняли было шум, но быстро выяснилось, что находка — из раз-

ряда учебных вещдоков, используемых при осмотре места происшествия. Вот только как они выпали из закрытого шкафа? Реакция инструкторши-англичанки: «Вот, нашли презервативы, шум идет», — объявил на пятиминутке шеф. «Использованные?» — заинтересовалась британка...

8 марта, как водится, поздравил коллег-англичанок, вручил милые кыргызские сувенирчики. Были счастливы, долго целовали. Говорят, что о таком празднике никогда не слышали.

Обыскав в Приштине две машины, американо-российский патруль «наткнулся» на шестнадцать стволов и полкило наркотиков.

Югославия заявила, что собирается открывать собственные полицейские станции в сербских анклавах Косова. Пустое, но вместе с тем весьма опасное сотрясение воздуха. «Этого не случится», — оперативно отреагировала ООН-администрация.

В трех километрах от Качаника «отыскалось» минное поле сто на пятьсот метров (мины противопехотные).

По подозрению в шпионаже македонская полиция арестовала семерых сотрудников из ООН-офиса по делам беженцев и двоих натовцев. Фотографировали «стратегические цели» — таковы официальные комментарии властей. «Беженцы» же в свою очередь заявили, что фотографировали дома, которые собираются реставрировать. НАТО от комментариев отказался.

Министр внутренних дел Македонии Любо Башковский, прозванный «непримиримым» за отрицание любых компромиссов с террористами, обвинен Гаагой в «албанской резне» в селе Люботень. Тогда были жестоко убиты десять человек. Намечена эксгумация.

Через семь месяцев после знаменитых Охридских соглашений, знаменовавших зыбкий мир в Македонии, парламент этой страны объявил, наконец, предусмотренную амнистию для «албанцев-мятежников, членов Повстанческой армии». Этот шаг, рассчитывают, должен упрочить здесь равновесие.

ООН предостерегла Вену от содействия сбежавшему от косовского правосудия австрийскому полицейскому Мартину Алмеру. Тот, оказывается, избивал подозреваемого албанца (а не серба, как сообщалось ранее), заставил его выкопать могилу, а потом провел через сербский анклав с плакатом на груди «Я ненавижу сербов». Будучи арестованным, сказался больным. И скрылся из-под охраны из дислоцированного в Косове австрийского военного госпиталя. Появился в Вене, где якобы арестован...

Всерьез поднимается вопрос о размытости некоторых положений ооновской Резолюции 1244 по Косову. Особенно тех, которые по-прежнему полагают Косово в составе Югославии. «Нужна международная конференция по статусу Косова», — заявляют американские дипломаты. Тактика ясна: всенародные выборы — президент и премьер — правительство — независимость. Вот и старые югославские паспорта уже признаны недействительными...

Вот тебе на! Нет больше Югославии! Теперь уже не только де-факто, но и де-юре. «Союз Сербии и Черногории» — так официально называется теперь новое государство. Рвение Подгорицы к независимости Евросоюз погасил обещанием многомиллионных кредитов. В ответ те заверили, что три года не будут и помышлять о самостоятельности...

...Косово — в эйфории. Согласно Резолюции 1244, край должен был оставаться в составе Югославии. Теперь ее не стало. Что это — независимость? И если да, то как тонко все организовано! Стереть с карты мира название Державы, чтоб дать Косову независимость. Вот это размах! И конечно же, американцы не побоятся теперь создания еще одного мусульманского государства в Европе. Под надзором возведенных уже военных баз, полностью зависимое от дотаций, оно станет их форпостом в мусульманский мир.

Штаты выделили 5 000 000 долларов на возвращение в Косово сербов. Что же, по крайней мере не оставляют попыток создать здесь мультиэтническое общество!

По обвинению в шпионаже в Белграде арестован вице-премьер, двое военных из высших эшелонов и американский дипломат из посольства. Якобы передавали США военные секреты.

Скопье: во время футбольного матча македонского «Вардара» и албанской «Слоги» схлестнулись этнические фанаты. В первый день ранили четверых, не успокоились и наутро. Ранены полицейские. Только изощренный провокатор мог допустить проведение такого матча в такое время!

За последние два месяца в Прешево (южная Сербия, граничащая с Косово) четырежды взрывали албанские подворья. Дважды подброшенные бомбы не взорвались. Албанцы клянут сербов. Те же винят в провокациях не сложивших, несмотря на амнистию, оружие албанских боевиков.

« СЕРБСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП » ...

В апреле 2002-го я получил назначение в Сербию, инструктором в тренировочный центр ОБСЕ в Митрово-Поле. Действующий на бывшей лыжной базе сербского МВД, центр этот в три месяца готовит «мультиэтнических» полицейских для постконфликтного региона Прешево — Медведже — Буяновац. Будущие стражи порядка в большинстве — амнистированные бойцы ОАК, что, впрочем, считается нормальным для таких вот «проблемных» территорий. Преподаватели — немцы, американцы, канадцы, румыны, шведы, британцы, эстонцы, норвежцы, финны. Живут в двадцати километрах, в курортном местечке Врнячка-Баня. Там поселился и я. Успел уже дать урок наркотиковой идентификации. Вроде понравилось...

Прошло всего-то десять дней, а уже снесли шефа-британца. Толком никто ничего не объясняет, догадки же самые разные, вплоть до обвинений в шпионаже...

Руководителем центра назначен старый знакомый Фалько, бывший командир украинских полицейских в Косове. Поздравил. Вспомнили, как однажды, во время «медаль-парада», надел ему кыргызский калпак, головной убор «почетного аксакала». Вячеслав рассказал, как они с Сергеем Геворковым (Сергей Геворков, сотрудник МВД Украины, участник многих миротворческих миссий. В настоящее время — ответработник миссии ОБСЕ в Югославии) в 1995 году в Хорватии въехали на минное поле прямо на ооновском джипе. Счастье, что вовремя заметили

растяжки. Выезжали задом, след в след. Чтоб не нарушить колею, Сергей прилип тогда к смотровому оконцу и корректировал движение. С тех пор, несмотря на двадцатилетнюю разницу, дружат...

Дошли новости о недавних волнениях в Косове, конечно же, в северной Митровице. Там разбили девятнадцать полицейских и кфоровских машин, ранили восьмерых офицеров...

Сдружился с греками, что прибыли в центр неделей позже. «Джорджи первый и второй» — так в официальных бумагах.

Начался новый совместный проект ОБСЕ и МВД Сербии в Буяноваце. Мне приказано возглавить его. Будем дело иметь уже не с новичками, а с «ментами» продвинутыми, с двадцатилетним опытом порой. Со мной пока пятеро: оба грека, британец, румын... Условия — полевые: ведем занятия в хоровой студии местного Дома культуры.

...Еще недавно здесь воевала Армия освобождения Прешева, Медведже, Буяноваца. Помню, в мои самые первые призренские денечки там хоронили троих местных, что добровольно ушли в эту самую освободительную армию. Сейчас она распущена, официально военные действия не ведутся. КФОР даже арестовал попавшего в черный список Буша бывшего руководителя АОПМБ. Но провокации не стихают. Частенько что-то взрывается. Вчера, например, рванула граната на албанском подворье в Прешеве. Сегодня в Буяноваце при обыске нашли десяток «калашниковых» — «made in China». Неделей раньше здесь же на противотанковой mine подорвалась армейская цистерна, что везла на позиции воду. Горы вокруг пестрят укрепками армии и жандармерии. Но, главное, войны и открытых этнических столкновений нет. Сквозь призму Косова все это выглядит странным: когда по телефону разъяснял тамошним коллегам здешнюю ситуацию, те неподдельно удивились: «Там что, албанцы и сербы все еще вместе живут?!»

Хоронили двадцатидвухлетнего полицейского-албанца, выпускника учебного центра из Митрово-Поля. Разбился в аварии. Упоминались его заслуги в борьбе с «сербскими убийцами в Косове». Ведущий зачитал скорбную телеграмму от командующего(!) Армией освобождения Прешево, Медведже, Буяноваца. А в заключение на могилу возложили многочисленные венки от бригад из «освободительной армии». Интересная ситуация?

Пользуясь статусом, я побывал в Трноваце — селе в километре от Буяноваца, подарившем миру «команданте Леши» — создателя АОПМБ. Позже он был убит. В центре села воздвигнут величественный монумент с вырезанным в камне портретом «команданте». Над комплексом реет флаг «освободительной армии». Государственный флаг Албании висит и над местной мечетью. Но ведь это же Сербия! Знаточи объяснили, что полотнище висит еще со времен вооруженного конфликта. И снимать его местные жители отказываются, считая это предметом «особых переговоров» с сербским правительством.

Известный прежде как крупнейший перевалочный пункт наркотрафика, Трновац во время конфликта был превращен в укрепленный пункт АОПМБ. Здесь шли тяжелые бои. Сегодня, когда считается, что все улеглось, отмечается годовщина этих кровопролитных сражений. Добившись официального разрешения, терновчане пригласили дипкорпус, братьев по оружию из Косова. Сербы же вопрошают: как можно разрешать

такое террористам, порушившим страну? Ведь боевики эти признаны террористами официально, в том числе и международным сообществом. И, разводя руками, ну чисто по-сербски, восклицают: «Чудной мир!»

Факт: располагая значительными деньгами, албанцы скупают недвижимость в ковском приграничье. Платят, не торгуясь. За те суммы, что дают, например, за незначительную сербскую кучу в Буяноваце, можно купить вполне приличное жилье в Белграде или Нише. Так за последние пять-семь лет практически моноэтническими стали Прешево и Трновац, центр Буяноваца. В конце июля здесь, в бывшей конфликтной зоне, грядут муниципальные выборы. Вполне возможно, албанцам больше не придется драться за свои права, власть они получают «демократически», скупив все окрест.

...Ситуацию явно пытались спровоцировать. Сегодня по центру Буяноваца, отчаянно сигналив и нарушая все мыслимые ПДД, носились легковушки; из окон усиленно размахивали албанскими флагами, выкрикивали предвыборные лозунги. Буйство продолжалось минут сорок, местная полиция бездействовала.

«Как я могу доверять моим албанским коллегам? — не стесняясь присутствия в классе офицеров-албанцев, вопрошал курсант-серб. — Мы получили ориентировку от Гаагского Международного трибунала об аресте одного из местных лидеров ОАК. После долгих целенаправленных поисков я случайно наткнулся на него, возвращаясь со службы. Вместе с подвернувшимся пожарным задержал, но тут подоспел «коллега-албанец» и буквально отбил преступника....».

Среди двенадцати курсантов-сербов каким-то образом «затесался» единственный албанец. Оказалось, ОАК казнила его отца «за коллаборационизм»: тот позволил себе роскошь состоять в одной из югославских политических партий, представленной, главным образом, сербами...

Проблема: в одной учебной группе собрались серб, чьего брата якобы убил брат присутствующего здесь же полицейского-албанца. Едва погасили нешуточные страсти!

Беседовал со старым полицейским-сербом. Раз двадцать повторил, что никакой он, дескать, не националист. Но и забывать о том, что их короли во времена, когда дикие франки-германцы еще рвали мясо руками, уже едали золотыми вилками (здесь, кстати, аргумент этот любят повторять всюду), не намерен. Россию не любит — «отчего не применила вето при бомбардировках Югославии?» Похоже, даже не знает, что вопрос этот Совбезом ООН не обсуждался, обошли тут русских. Но уж вовсе возмутило, когда оппонент заявил, что если бы не сербы, оттянувшие на себя главные немецкие силы, Россия б Великую Отечественную проиграла. И вообще, ту войну за русских-де выиграл «генерал-мороз»... И это сербы, братушки?

Весьма и весьма религиозные, сербы считают себя божьими любимчиками. Услышал такую хохму на этот счет: в день великой Аудиенции, когда Бог допустил к себе представителей всех народов, сербы не торопились — «Он нас и так любит, успеем...» Французы уже выторговали себе привилегию любить без меры, русские — пить, американцы — вершить судьбы мира. Пришел, наконец, и ленивец-серб. «Ну, дитя мое любимое, а ты что хочешь?» — «Да не знаю я, Отче. Не придумал еще. Можно, приду завтра?» «Вот так, — шутят сербы, — любит нас Боже. И все у нас будет. Но — завтра...»

Тяжело им: эти люди не имеют навыка быть бедными. Получив месячную зарплату, без дополнительных накоплений, еще совсем недавно могли целый месяц расслабляться в Греции. Теперь же — грошовый (и это при европейских-то ценах!) заработок и вовсе смешные пенсии, шикарная недвижимость, продать которую невозможно. Страна, в одночасье скукожившаяся до смехотворных размеров...

Сербия отчаянно стремится в Европу, тянется за кредитами. Телевидение полно социальных роликов о борьбе с пьянством, наркоманией, криминалом, манерах поведения — «Будем как вся Европа»... Повсюду искусно выполненные антикоррупционные плакаты, телефоны доверия. Из той же «оперы» и наши учебные курсы — стремление демократизировать полицию в соответствии с европейскими требованиями, другие многочисленные программы ОБСЕ и Евросоюза. Может, прорвутся?

Прецедент: итальянское правосудие уголовно преследует премьер-министра Черногории. «Черногорец № 1» обвиняется ... в организованной контрабанде сигарет! Ничего себе обвинение для главы правительства?! На запросы Скупщины итальянские Катаньи не отвечают, подробности «преступления» неизвестны...

Пришло известие о награждении меня медалью «Эрдик». Других кыргызстанцев-косоваров президент Аскар Акаев наградил Почетными грамотами республики. Ждем его спецпредставителей с наградами. А еще наслышан, что МВД Кыргызстана готовит новую группу миротворцев. Значит, наши встречи, беседы с руководством, пресс-конференции и репортажи услышаны!

...Получив награды, провез Кабая (Кабай Карабеков, известный журналист, бывший руководитель пресс-службы президента. Ныне — депутат Жогорку Кенеша (парламента) Кыргызской Республики) и прибывших с ним журналистов по местам «боевой славы». Побывали в разрушенных брошенных селах в окрестностях Речан, тамошнем монастыре. Через все кордоны провез гостей в Богошевац, где на пожарище живут сегодня шесть древних старух... Увидев такое, Альбинка (Альбина Ищенко, корреспондент «Вечернего Бишкека», преподаватель кафедры международной журналистики Кыргызско-Российского (Славянского) университета) всплакнула. Репортажи, думаю, получатся.

Обмывал награду с коллегами. Вдруг Гретта, норвежка, и говорит: «Слушай, Алекс, а почему тебе дали медаль? Я тоже была в Косове...» «Джорж-1» дипломатично подкорректировал ситуацию: «Дорогая Гретта, это — привилегия кыргызстанцев...»

Моих греков в эти дни не оторвать от ТВ: в Афинах арестованы неуловимые прежде террористы из группы «17 Ноября»! Активничая с 1975-го, группа эта лишила жизни двадцать три человека. Налеты были дерзки и внезапны, стреляли в бизнесменов, политиков, экспроприировали банки. Переодевшись в форму, штурмовали гарнизоны и полицейские участки. Напали на музей Вооруженных Сил — понадобились гранатометы!

17 ноября середины семидесятых, в пик студенческих волнений, в Греции пала диктатура «черных полковников». Отсюда и название группы. Ее создал и возглавлял шестидесятилетний профессор, «наследный» марксист. Его отец в далеких двадцатых годах прошлого столетия активно сотрудничал с Троцким. В главных же боевиках ходили три брата, «три поколения» — сорока пяти, сорока и тридцати лет. Интересно, что

их отец был православным священником! Полиция выходила на след неоднократно, но террористы оказывались удачливее и уходили от преследователей. В преддверии же Олимпиады-2004 в Афинах американцы пригрозили бойкотом, если преступников не выловят. А тут террористы, обвинив в планировании бомбардировок Сербии, убили военного атташе посольства Великобритании в Греции, занимавшего прежде высокий пост в НАТО. На помощь грекам-сыскарям пришли аналитики Скотланд-Ярда, поднаревшие в борьбе с Ирландской освободительной армией. Работали больше года, и вот результат. Идут аресты. Впервые заявив о себе в 1975-м, группа, таким образом, просуществовала двадцать семь лет. Ходят слухи, что ее боевики готовились на арабских базах в долине Бекаа.

На простой вопрос, популярна ли в Греции профессия полицейского, «Джорж-2» загорелся: «Сегодня-то да, государственные гарантии, солидная плата, никакой безработицы. Но я — потомственный и от отца знаю, как раньше было. Состоя в полувоенной, с воинской же дисциплиной организации, полицейские прежде жили тогда по казармам. Да и платили немного. Но, главное, до определенного, вполне солидного, возраста жениться им не разрешалось, представляешь?! Следуя отцу этому правилу, и меня, пожалуй, на свете б не было. Увидев маму задолго до дозволенного, влюбился без промаха. Венчались тайно, в далеком горном монастыре. Не только отец, но и настоятель рисковал сильно. Так зародилась наша династия полицейская. Теперь вот и брат в спецназе...» Такая вот история романтическая.

Еще в Митрово-Поле понравился Билли, британец. С юмором, любитель попить и попеть. Да и мужик, чувствовалось, крепкий. А тут — история: приехал в очередной отпуск, а жена, вместе двадцать девять лет прожили, к другому ушла. Да еще и все деньги с общего счета перекачала... Пока решал лондонские проблемы, здесь, в Сербии, обчистили квартиру. Среди прочего — утащили дорожкой компьютер-ноутбук последней марки. Но и это не все. Вдруг позвонил босс: «В пять дней не возвратишься, теряешь работу...» Билли не унывает: «Плевать, Алекс. Что я там потерял?! Дети взрослые, жена ушла. Пенсию я выслужил...». И нашел себе новую пассию в Белграде, пишет жизнь заново. А что, в сорок шесть-то?

Чтоб не пустить голосовать дважды, на выборах здесь будет применяться специальный спрей. Смыть с руки, говорят, его 48 часов ну никак невозможно! Пришел на участок — получи порцию. Попробовал сунуться еще, пусть даже изменив фамилию — специальный индикатор не позволит, высветит. Ноу-хау, однако!

...28 июля на муниципальных выборах албанские партии взяли верх в Прешево и Буяноваце, сербские — в Медведже. Голосовали, как и ожидалось, лишь по воле этноса, брали большинством. Некоторые считают такие результаты «началом конца» Сербии, 29 сентября грядут президентские выборы...

Спокойствия после выборов не прибавилось. Недовольные результатами сербы устраивали демонстрации. Потрясая державным флагом, собирались вокруг мэрии, выкрикивали слоганы. Нет-нет швырялись помидорами, яйцами. Коллега-румын прокомментировал: «Бросали бы лучше в мой холодильник...» В общем, те самые пресловутые кулаки после драки. Однако полиция, жандармерия и армейский спецназ бдели неотлучно. Однажды им чуть было не досталось работы: в центре

одновременно демонстрировало триста-четырееста сербов, а во Дворце спорта, где давала концерт косовская секс-дива, зрительствовали полтысячи албанцев. А ведь расходиться потом и тем и другим в одно время! И Буяновац — не Белград, всего две улицы.... На недоумение, почему разрешили, начальник полиции только плечами пожал... Обошлось, но пришлось усиленно бдеть в спортцентре, где размещена наша учебная база.

Албанцы выборами продемонстрировали единство: съехались все, даже те, что работают в Германии, Швейцарии. Что ни неделя — поднимала дух очередная гастрольная группа из Приштины. О местных же сербах, казалось, Белград забыл: кампании в поддержку выборов не проводилось, поддержки не оказывалось. Короче, как в национальном гимне: «Живе, живе дух словенский...», и — все! Не прошло. Для голосования требовалось предъявить удостоверение со свежим фото. Для сельчанина это — трата времени и денег, многие на участки не пошли. Другим же все это — и вовсе до фонаря: одна «простонародная» бабуся в ответ на приглашение прийти завтра на избирательный участок сообщила: «Сынок, завтра никак не смогу. Но послезавтра — обязательно... Некоторые отдавали голоса за албанские партии в знак протеста — надоела коррупция, предательство, пофигизм. Кое-кто, как серб-хозяин престижного местного ресторана, например, голосуя за албанские интересы, попросту эпатировал, привлекал к себе внимание.

Меня часто спрашивают: за что полегли сербские войники в Косове, державу-то не спасли? И кто за это в ответе? Албанцы, кстати, знают свои потери поименно. Количество же убитых сербов — солдат, полицейских — до сих пор в секрете.

На одиннадцати участках, где предыдущие выборы, 28 июля, прошли с нарушениями, 11.08.02 голосование повторили. Я мониторил в моноэтническом селе Несалце. Шестьсот тридцать из шестисот тридцати семи поддержали мэра-албанца (семь листовок оказались испорченными). Такое единодушие потрясло обозревателя-итальянца, он на Балканах лишь три недели. Никак не мог взять в толк, бедный, что голосуют здесь лишь по принципу «мы с тобой одной крови...». Удивило другое. Некоторые, и не такие уж старые, заверяли регистрацию отпечатком пальца. Неграмотные! Это в Европе, в третьем тысячелетии!! Вспомнился недавно виденный социальный теле-ролик: девочка-школьница просит отца расписаться в дневнике, тот не может... Кроха догадывается, бережно, как слепого, берет мужчину под руку и трогательно так ведет за собой. И — титры: в Германии — около ПОЛУМИЛЛИОНА неграмотных! В Германии! В XXI веке! Или все они — эмигранты?!

От нас ушел переводчик-албанец. Сербским владел свободно, но, подозреваю, пользоваться им официально не захотел. В Митрово-Поле, готовя мультиэтническую полицию, лекции переводились на два языка. Здесь же почему-то используется только сербский. Бывало, слушатели из молодых заявляли, что им трудно. Вопрос дискутировался, но политического решения не принято. Напоследок Арбер разговорился. Ему двадцать два, английский, как и многие здесь, выучил по фильмам и книгам, самостоятельно. Да так, что прошел официальное тестирование. С восемнадцати лет — в ОАК. Сначала — в Косово, потом уже и здесь, в Армии освобождения Прешево, Медведже, Буяноваца. С гордостью показал два номерных армейских

жетона, что носят на груди. Осуждает известного партийного функционера, который агитирует от имени погибших оаковцев. Говорит, что жизнь они положили за права человека, а не за какую-то, пусть даже самую известную, партию. За то и он воевал. Готовили бойцов в лагерях в Албании. Однажды, уже с фронта, в гражданском, ехал на побывку. В кармане — предписание за подписью командира прешевской оперативной зоны. На границе — американский патруль. Пока приближались, бумагу съел! И все равно отсидел восемь дней в тюрьме в Бондстиле, обрили... Не доказав причастности к АОПМБ, отпустили.

Существует так называемый «Список восьмидесяти восьми». После амнистии, когда оаковцы интегрировались в полицию, сербская сторона составила список наиболее активных бойцов. И всячески противилась их закреплению в правоохране. Валили на медкомиссии, экзаменах. Большинство из «88» едва умело читать и писать. Зато очень хорошо — стрелять. Чтоб протащить и создать видимость объективности, были организованы независимые комиссии, приглашали докторов из-за рубежа. Тестирование «восьмидесяти восьми» проходили не как все, на местах, а в Белграде. И — под особым патронажем. Большинство, говорят, служат-таки в полиции...

Местные коллеги пригласили на рыбалку. На Дунай. В выходной поехал, оказались на Тисе. Невольно вспомнилось, как в детстве отец тренировал по географии: «Запомни, Сашок: Сава, Драва, Тиса, Прут — все в Дунай они текут...». Даже не мечтал, что этот сказочный слоган когда-нибудь станет явью. Надо же, довелось! Ночью профессионалы ставили невод, жарили свежатину. Бригадиром — полицейский пенсионер. Четырежды раненный в Косове. Трижды — легко, в очередной раз списали. Рассказывает: «В Косово начали ездить в 1981-м в Приштине тогда студенты бузили. Вели мы себя корректно, нарушения строго наказывались. С большим перерывом попал туда вновь уже в конце 90-х, дралась с ОАК. Албанцы, отдадим им должное, были разные. В одном селе, например, собралось их пять тысяч. И кто там разберет: беженцы ли, оаковцы? Приказали нам приступить к зачистке. Смерть, значит. И тут пожаловали трое местных, наиболее уважаемых. Дабы кровь не пролить, готовы впустить нас в село. С опаской вошли. И, знаешь, — обошлось. Даже в доме одного из них, Исой, помню, звали, отобедали. Дочь его мне тогда приглянулась. Но вскоре смена пришла, уехал. Вернулся месяца через три. И узнал, что их, всех троих, ОАК расстреляла...» И, хлебнув пива: «Разговорились с одним албанцем. Дом — палаты, три „мерседеса“, один другого новей. И — плохо ему, видишь ли, в Косове ущемленным он себя чувствует. Давай мы допытываться: Слушай, мы вот по многу лет в полиции, а кое-кто еще и угла своего не имеет. А ты помоложе будешь, все есть, чего ж еще тебе надо? А он — знай свое, ущемлен, дескать, прав маловато. Ну, один и пальнул ему прямо в лоб... А знаешь, как меня ранило подчистую? 28 марта девяносто девятого, на четвертый день бомбардирования, нас, сорок ментов, везли на позиции. Вдруг — атака! Аккумулятивной гранатой наш транспорт насквозь прошло. А после еще и гранату швырнули, да чеку снять позабыли. Отстреливались долго, восьмерых наших тогда убили, семнадцать ранили. Меня и двоих еще минометом накрыло. Очнулся на третьи сутки. Гляжу: медсестра-албанка. Конец, думаю, в плен попал... Оказалось — в больнице, в Пече. Голодный! Кругом — капельницы. Сестра, а поесть тут у вас дают? — А видишь, это гриль, роштиль, бифштекс

капают. — А салат? — И салат, «шопска», с сыром. — А пиво, запить бы надо? — Ну, этот вроде бы оклемался, — повеселел заглянувший в палату доктор...»

Вот за такой приятной беседой коротали мы незабываемую ночь на красавице Тисе, прихлебывая ароматную ушцу.

Вдруг позвонила жена коллеги-британца. В панике, плачет. Сын забрался на высоченное дерево, а слезть не может... Дункан, манчестерский констебль, инструктор рукопашного боя, абсолютно спокойно: «Дорогая, звони на 911. Скажи, что ситуация критическая, тогда не придется долго ждать соединения с пожарными. И пусть приезжают. Всё...» Перезвонил через полчаса, восьмилетнего хулигана уже сняли. С четырнадцатиметровой высоты, между прочим.

Услышал интересное о знаменитой здесь 63-й сербской парашютно-десантной дивизии. Это элитное подразделение, с богатым боевым опытом. Всегда на передовой. Однажды, в 1989-м, когда идея расчленения Югославии уже набирала силу, в загребском аэропорту приземлился американский «боинг». Гражданский. Но под завязку начиненный самым последним оружием израильского производства. Готовясь к войне, хорваты делали на него большую ставку. Однако ночью прямо на взлетку десантировались парни из шестьдесят третьей, сняли часовых и угнали самолет «в неизвестном направлении»...

...Были в Скопье. Видимый из любой точки, над городом висит рукотворный сорокаметровый крест. Установленный на вершине довлеющей над столицей горы, иллюминированный, в темноте он потрясает. Показалось даже, что крест горит! «Православие или смерть»... Вообще же в Македонии опять неспокойно. В городке Гостевар несколько дней тому назад похитили сразу нескольких местных авторитетов. Последовали аресты. В ответ — нападения на полицию. Регион вновь объявлен «закрытым». Пугали, что и в Скопье, где во всех бедах винят ООН и ОБСЕ, молодежь тормозит и обыскивает принадлежащие этим организациям авто. Вроде бы ищут оружие, которое якобы перевозят мятежникам. Нас, правда, досмотру не подвергали. Но на джип косились...

Говорил с коллегами из полицейской школы в Косове. Связи не теряем, ведь Вучитрну (городок, где расположена школа) посвящен без малого год балканской эпопеи. Директор школы, американец Стив Беннет на днях вернулся из Афганистана, где по заданию Госдепа изучал возможность начать обучение тамошних полицейских по косовскому образцу. Остался недоволен, мол, там, в азиатском Афгане, пока нет для этого никаких предпосылок. А ведь можно было бы толково обосновать и предложить готовить их в Академии МВД в Бишкеке! Там прекрасная учебная база, опытнейшие преподаватели, располагающий менталитет, территориально ближе...

Коллега-британец получил свежий номер «Полицейского обозрения». Издаваемый в Лондоне, журнал этот стал правопреемником популярного «Международного полицейского обозрения», где в 1999-м публиковалась моя статья «О наркоситуации в регионе». В «Ревью» мы нашли канадские предложения о вербовке британских полицейских для работы в Торонто. Условия — блеск, плюс гражданство. По желанию индивида — двойное. Рассматривается уже шестьсот рапортов. Британские стражи порядка считаются лучшими в плане выучки и подготовленности. И пользуются на родине непрерываемым авторитетом. Наш Герцен еще в XIX веке писал, что к лондонским

полицейским, пожалуй единственным в Европе, испытываешь искреннюю симпатию и доверие. Я же на всю жизнь запомнил рассказ профессора из Академии МВД СССР в Москве, который изучал в Англии опыт подготовки тамошних констеблей: «Друзья, я просто не представляю себе ситуации, с которой не смог бы справиться лондонский бобби...». Канада, таким образом, решает проблему подготовки кадров и экономит на этом солидные средства.

В Сербии началась политическая кампания за возвращение беженцев в Косово. Повсюду плакаты, типа «Хотим под родные крыши!»! Грядут демонстрации. Сентябрь здесь объявлен месячником «борьбы за возвращение». В Косове для возвращения сделано немало. Ситуация стабилизировалась настолько, что сняты КПП у многих сербских анклавов. Заработал «славянский» университет в Митровице, албанцы уже не столь жестки и даже сами заговаривают на бывшем югославском госязыке, предпочитая, правда, называть его «бошняцким» или «сербско-хорватским». Сербская речь, сам слышал, звучит и в приштинских коридорах власти. Программы возвращения хорошо финансируются и — работают. А ведь еще два года назад такое казалось утопией.

Главной же в Косове, как ни странно, по-прежнему остается проблема «электрическая». Прошло уже больше трех лет после прекращения здесь военных действий. И, как уже было сказано, многое решено. В том числе на первый взгляд «неразрешимые» проблемы политические. А эту, чисто техническую, ну никак! И кто только за нее не брался! А сколько кредитов, в том числе целевой, многомиллионный германский, потрачено! Оборудование закупалось на Западе, энергию экспортировали из Болгарии. Но свет, как и в первые послевоенные дни, отключают каждые два-три часа. И если прежде в отключеньях этих просматривалась хоть какая-то система, теперь и того нет. И объяснения происходящему на самом высоком уровне даются самые туманные. Летом, которое было здесь невероятно дождливым и грозовым, молния (надо же приключиться такому) ударила прямо в здание электростанции в Обиличе, питающей энергией все Косово. Трагедия, погибли люди... И вот сейчас официально объявлено, что в октябре подача электричества будет полностью прекращена как минимум на две недели! Будут менять оборудование. При этом подчеркивается, что время это, возможно, будет самым сложным для постконфликтного Косова. Мужайтесь, мол!

Побывал у миротворцев-кыргызстанцев в Косове. Их четверо, трое патрулируют Драгаш, район близ нашего родного Призрена. Последнего еще инструктируют на вступительных курсах в Приштине. Командиром — Азамат Кутманалиев. Старый приятель, мы знакомы без малого лет тридцать. Ребята с гордостью рассказывали, что за месяц с небольшим снискали здесь уважение, авторитет. На День Независимости устроили фуршет, во вступительном слове рассказали о Кыргызстане, подняли флаг. А запись гимна все выслушали стоя. Достойная смена! Экзамены в Бишкеке у них принимал посланник ооновской штаб-квартиры, полицейский-иорданец. Поскольку у его брата жена украинка, этот тоже решил жениться у нас, ведь мы для всех них — «Россия»... Сопровождаемый нашими парнями, в бишкекском ЦУМе встретил красивую девушку. Пристал, а та в ответ (сюрприз!) — на

хорошем английском. Оказалась выпускницей Славянского университета. Женились в неделю, да еще и пару медовых дней прихватили в «Авроре» («Аврора» — сохранившееся в народе еще со времен ЦК КПСС название респектабельного санатория на берегу «кыргызской жемчужины», высокогорного озера Иссык-Куль). Расторопный старлей Феликс Дюшеев, он сейчас тоже в миссии, рекордно пробив американскую визу, быстро отправил молодую кыргызстанку в Нью-Йорк, вслед улетевшему раньше счастливицу-иорданцу...

Возвращаясь, поднимался на перевал. Вдруг прямо под колеса метнулся мужик, еле затормозил. Схватив дубинку, которая всегда под рукой, хотел уже защищаться, как вдруг увидел — несут раненого. Решил, авария. Ан нет — мина! Встречные помогли затянуть жгут, рванул в ближайший госпиталь, двадцать пять километров по серпантину на одном дыхании. А раненый, в сознании, лишь постанывал, да еще и успокаивал норовившего запаниковать и вырвать руль брата! В операционной увидел: нет правой ступни... Еще не так давно обочина вдоль всего перевала была обтянута лентой в черепах: «Мины повсюду!» Поторопились снять предупреждение: Косово!

По долгу службы занимался кормежкой наших курсантов. Они питаются в столовой местной полицейской станции, обеды оплачивает ОБСЕ. Так вот, их коллеги, которые к курсам отношения не имеют, умудрились «просачиваться» и трапезничать на халяву. Прослышав, Дункан, британец, воскликнул: «Смотри-ка, везде одинаково! Когда нашим констеблям предлагают добровольно помочь соседям держать порядок во время регби, желающих обычно мало. Но стоит сказать, что в ответку там выставляют ленч — от волонтеров нет отбоя. И это не потому, что они голодны. Такова уж ментальность копа... Однажды с участием высокого начальства шел инструктаж — готовились к «матчу века», ожидался наплыв футбольных фанатов. В Англии это — беда, хуже потопа или землетрясения! Обсуждение шло уже два часа, обговорили все детали. «Вопросы?» «А сэндвичи от казны подадут как обычно?»!

...Недавно, по инициативе шефа ооновской администрации, в Косово была создана новая мультиэтническая молодежная организация, преподнесенная как чуть ли не панацея в решении этнических проблем. Лейтмотив — «сближение молодых». Сблизились... При первой же совместной акции, во время манифестации в южной (албанской) части Митровицы, две девушки из северной, сербской части города были похищены. Их вывезли в Приштину, где группой изнасиловали. Четверо насильников задержаны, двоих разыскивают. Газеты полны заголовков типа «Мультиэтническое изнасилование», «Мультиэтническое фиаско». Последнее очень похоже на правду.

«Джорж-1» рассказал, что во время миссии в Боснии встал вопрос о его назначении на должность инструктора по обучению вновь прибывающих. На собеседовании шеф учебного центра, индонезийка, вдруг спросила: «Правда, что вы грек?» И, убедившись, продолжила: «А я думала, что греки жили много веков назад, а теперь же их уже нет...» Так, за счет своей «экзотичности», эллин и стал инструктором.

28 октября в Косово прошли муниципальные выборы. На первых, ровно два года назад, выкладывались мы, первые. Обстановка тогда была не в пример круче. Но и теперь ребята пахали на совесть, чему был свидетелем лично. Не обошлось без эксцессов: в Драгаше передрались фанаты различных партий, в ход пошли ножи. Слышал, как истошно

вопил по радиции офицер-турок, вызывая подмогу. Наши успели вовремя. А в Сува-Реке из пистолетов расстреляли телохранителей одного из политических лидеров. Двое «гардов» погибли, застрелив нападавшего. Итог — три труп...

В преддверии деловой поездки в Белград по телефону резервирую место в «Рояле». Диалог на английском подходил к концу, когда администратор на другом конце поинтересовался моей фамилией. «Зеличенко», — отвечаю. «Зеличенко или Величенко?» — переспрашивает. Сообразно принятому в НАТО спеленгу, где каждой букве соответствует свое слово, автоматически отвечаю: «Зулу». Пауза, затем на сербском: «В пичку матерь (... твою мать) зулу! В Косове — зулу, здесь нема зулу!» И, в другой тональности, in English: «Добро пожаловать, сэр! Увидимся завтра».

28 ноября. Албанцы отмечают День флага. В Косове, помнится, с пальбой в воздух, шумом. Здесь такого не было, но над некоторыми селами в южной Сербии взвился албанский флаг. После официальных переговоров, правда, флаги с мачт снимали.

За семь месяцев группой инструкторов-международников подготовлено семьсот местных полицейских. Отзывы хорошие, дошли поздравления из самой Вены. Проект наш стал своего рода «визитной карточкой» ОБСЕ в Югославии. Начавшись в Буяноваце, его подхватил Белград, а в сентябре по той же программе начали работать и курсы в Митрова-Поле. Вообще же это первый подобного рода опыт Организации европейской безопасности. «Мультиэтнические» курсы, скажем, давно заявили о себе в Косове и Македонии. Переподготовка же под эгидой ОБСЕ «продвинутых» полицейских впервые началась именно здесь. Кстати, по нашему «образу и подобию» вот-вот начнут готовить милицию дома, на юге Кыргызстана, в Оше. В который раз на своем веку опять стою «у истоков»...

Утром 26 декабря, готовя завтрак, как обычно, слушал последние известия по «Эхо Москвы». Волну этой радиостанции здесь чисто принимает наш радиоприемник. Так вот, поджарил яичницу, поставил на плитку чайник и застыл на месте от неожиданной новости, что передавало «Эхо Москвы»: «26 декабря 1902 года „Московские ведомости“ опубликовали сообщение о том, что российские солдаты на Балканах подверглись нападению албанцев-католиков, которым было запрещено паломничество в Рим. Российским миротворцам стреляли в спину, когда они тушили пожар в албанской деревне». Вот такую «новость» сообщило «Эхо Москвы» в постоянной рубрике «Московские старости. Сто лет тому назад». 11 апреля 2003 года в обозрении «Сто лет назад» радиостанция «Эхо Москвы» озвучила еще одну старую печальную «новину», подтверждающую, как тревожно было на Балканах: «11 апреля 1903 года выстрелом албанского террориста убит консул России в Сербии господин Щербина. Стрелявший задержан». Неужели эта неприязнь, межнациональная, межконфессиональная ненависть будут существовать и отравлять жизнь вечно? И каждому новому поколению придется воевать снова и снова? Завтракать что-то расхотелось.

...Наступил 2003 год. Контракт продлен, перед группой — новые задачи: помогать коллегам и обучать их ведению антинаркотиковых операций, пресечению черного оружейного и сексуального невольничьего рынков, подпольной миграции, противостоянию терроризму, криминалу организованному.

«Балканская эпопея» продолжается. Пошел мой 31-й «миссионерский» месяц...

...Отгремели январские торжества. 14 января «славили» «Православный Новый Год», или «Серпску Нову Годину». Дата эта здесь гораздо популярнее официальной декабрьской! На улице — от мала до велика. Из столицы прибыла известная поп-группа «Рыбля чорба» — «Уха», значит. Музицировали прямо на площади, под скрипучий аккомпанемент тридцатиградусного мороза. И ничего, под утро расходились веселые. По ходу расписались на нашем, припаркованном неподалеку, джипе: «NATO go Home». Таковы уж реалии: независимо от целей и задач, международные организации теперь ассоциируются здесь с НАТО...

А 4 февраля, теперь уже де-юре, приказала долго жить Социалистическая Федеративная Республика Югославия. Новая держава зовется «Республика Сербия и Черногория». В народе же — «Черносербия»...

Меж тем в Сербии, инициированная премьером правительства Зораном Джинджичем, активизировалась борьба с криминалом, коррупцией. Во взаимодействии с американскими спецами в Белграде накрыли подпольную лабораторию, снабжавшую дешевыми амфетаминами все страны окрест. С восемью килограммами героина задержан активный наркотрафикант. Вскоре еще с десятью — перевозчик номер два. В связи с явной реанимацией наркобизнеса, по нашему предложению в программу антинаркотического обучения местных полицейских включен раздел «Балканский наркомаршрут»; его разработка поручена мне. А на днях прямо в нашем городке, блестяще завершив многоходовую операцию, столичные сыщики с полицным взяли двух местных «коллег», пытавшихся за восемьсот евро продать сорок граммов героина. Как выяснилось, из ранее конфискованных запасов...

Но вот повеяло ветрами Средиземноморья. На юге Сербии сошел снег. Пришло традиционное «весеннее обострение»:

- на рынке Буяноваца, городка, где функционируют наши курсы, человек в маске расстрелял сотрудника государственной спецслужбы, албанца по национальности;
- в соседнем селе гранатами забросали сербскую хату;
- одновременно участились нападения на сотрудников полиции-албанцев, обученных инструкторами ОБСЕ. Раньше им хотя бы просто угрожали, однажды отобрали оружие. Пытались даже после подметных записок расправиться с семьей полицейского. Угрозы действовали: некоторые бросали службу. Вчера троих наших учеников жестоко избили прямо в центре города. Они были вне службы и в парикмахерской ожидали очереди. Нападавшие задержаны. Но какова дерзость!
- на косовской границе на свежей mine подорвался полицейский джип. Погиб страж порядка из сербов;
- жандармерия провела «акцию устрашения». В камуфляже и масках, с «калашниковыми» наперевес, рано утром бойцы вошли в Велики-Трновац — форпост албанского сепаратизма. Досталось даже полицейским из местных, что пытались предъявить удостоверения. У них отобрали табельные «Глоки», одного избили. Всего же по подозрению в терроризме задержаны 12 человек, изъято оружие, боеприпасы, взрывчатка. С мемориала местного уроженца, организатора АОПМБ «команданте Леши» низвергнут провисевший годы флаг-символ. Международные организации призна-

ли акцию законной. В рамках установления конституционного порядка и борьбы с терроризмом. Албанская же община южной Сербии ответила демонстрациями протеста, блокированием дорог. В акциях участвуют до семи тысяч протестующих!

- сербско-косовскую административную линию патрулируют бронированные УАЗы с пулеметными турелями на крышах. Одному такому «танку» не подчинилась бросившаяся бежать легковушка. Убиты двое, водитель и пассажир. Албанцы. По официальной версии, в багажнике машины с косовскими номерами нашли взрывчатку, детонаторы.

Реанимировавшаяся албанская Армия освобождения Прешева, Медведж, Буяноваца объявила мобилизацию...

13 марта 2003 г.

...«Сегодня Сербия проснулась не той, что была еще вчера утром», — заявила на следующий день после убийства премьера председатель Скупщины Сербии Наташа Мичич. Убит известный реформатор, активный сторонник евромодели развития.

...Балканская рокировка. В Македонию прибыли триста двадцать воинов-миротворцев из Европейского Союза. Они сменили миротворческие вооруженные силы НАТО и по соглашению с правительством Македонии пробудут там полгода, после чего «по мере необходимости срок их пребывания будет продлен» (из газет). Можно не сомневаться, что так и произойдет, потому что местные экстремисты захотят «пощупать», на что способны новые «евровояки»: возрастут эксцессы, и это создаст «фактор необходимости продления контракта». Знаменателен сам факт: НАТО поддерживало в свое время план бомбардировок Югославии, участвовало в них, поэтому-то Северо-Атлантический блок здесь никак не хотят считать истинно миротворческим. Так, страшилкой, не более. Отсюда сравнительно частые эксцессы с местными жителями. Европейский же Союз пока ничем себя не запятнал. Его солдаты впервые ступили на обильно политую кровью балканскую землю. В дальнейшем им, несомненно, легче будет найти контакт с местными... Но нельзя сбрасывать со счетов, что у натовцев уже были серьезные оперативные наработки, разведка имела довольно четкие позиции и уверенно предупредила о грядущих неприятностях. Сможет ли евросоюзовский воинский контингент быстро освоиться в сложной обстановке? Но то, что ЕС намерен самостоятельно навести порядок в европейском доме и постепенно будет вытеснять из этого процесса ООН, НАТО, становится все более очевидным.

О намерении вывести свой миротворческий армейский контингент (девятьсот семьдесят человек) из Косова, Боснии в связи со стабилизацией обстановки 12 апреля заявила Россия. Ежегодные расходы на содержание миротворцев обходились Москве в 25 миллионов долларов. Эти средства решено потратить на модернизацию российской армии. Кто заменит россиян в беспокойном регионе? Вездесущий ЕС?

Но есть и хорошие новости. Как перебрался в Сербию, пытался найти здесь одноклассницу из фрунзенской (Фрунзе — старое название столицы Кыргызстана, ныне Бишкек) четырнадцатой школы. Еще в 1987-м Ирина Сомова вышла замуж за югослава, с тех пор не виделись. Дал объявление в популярную газету. Рыдая в трубку, от-

кликнулась... Ирина Васич, фермерша, мать двоих пацанов. Уже дважды был в гостях, навспоминались, познакомился с мужем. С Ириной — мама. В бишкекской квартире в восьмом микрорайоне она растила кактусы, так и оставшиеся на полюбившейся лоджии. На память подарил купленного по случаю «мексиканца» в горшочке. «Баба Нина», как зовут ее в деревне, растрогалась... Хотя муж и настаивал, женщины наотрез отказались покидать страну во время натовских бомбардировок. Так и дрожали, пряча под одеяла тогда еще маленьких сыновей. Зато и радовались вместе со всеми, когда «наши» сбили американский самолет-невидимку...

Веселую историю рассказал недавно переведенный из Косова наш новый переводчик Аца. Он там толмачил на военной базе у финнов с норвежцами. «Однажды — переполох. Русские в селе, прорвали блокпост! После знаменитого марша российской колонны из Боснии натовцы до колик боятся повторения! «На разведку» выскочила тревожная группа. Потом еще одна, еще... Российский БТР обложили, навели орудие. С криками «Стреляем!» с брони соскочило двое русских. Не разобрав, что те безоружные, скандинавы, как один, повалились лицом в грязь. Потом была рукопашная... Скрутив, «героев» подвели к офицеру. Брезгливо скорчив гримасу, «викинг» сорвал с рукава бушлата российский флаг. И тут же получил пинком по гениталиям... А ведь спеленат был боец по рукам и ногам!

Как выяснилось, двум дембелям просто не хватило водки...

...Здесь «беззаботные» новости заканчиваются. Хотя чрезвычайное положение и отменено, в воздухе постоянно «пахнет грозой». В Верховный Суд переданы материалы на 45 непосредственных организаторов и участников мартовского убийства сербского премьера. Среди них — немало известных политиков, общественных деятелей.

А в Косове вновь волна демонстраций! Недавно было объявлено о создании теперь уже Албанской Национальной Армии (АНА), призванной «бороться за гражданские права албанского народа». Повсюду — и здесь, в южной Сербии, и в Македонии. Понадобится — так и в Косове, а может, в самой Албании?! Действующая от лица ООН косовская администрация немедленно объявила АНА вне закона, причислила «армию» к организациям террористическим. Меж тем двое ее новобранцев, готовивших, как считается, теракт, подорвались собственной взрывчаткой. Их-то и вознамерились похоронить в Косове как героев. Администрация воспротивилась, подполье ответило маршами протеста...

Буяновац, май 2003 года

САФАРИ НА СЕРБОВ. МАРТ 2004 Г.

В заголовок вынесена фраза из выступления в прямом эфире Небойши Човича, руководителя координационного центра по Косову при сербском правительстве. Именно так популярный политик оценил происходящее в крае. А еще он метко заметил, что, пока в руководители косовской администрации один за другим назначаются «клонированные» личности, изменений к лучшему здесь не предвидится.

От политических оценок воздержусь. Однако фиаско пятилетнего международно-го присутствия в превращенном в протекторат ООН Косове очевидно. Процесс урегу-

лирования отброшен гораздо ниже «уровня zero» — лета постконфликтного 1999-го, когда край перешел под контроль НАТО. Вновь льется кровь, идут этнические чистки, горят дома, церкви, монастыри и мечети...

...Свыше тридцати погибших, восемьсот пятьдесят один раненый, сожжено семь сел, двадцать пять православных церквей и монастырей — констатировал представитель международных полицейских сил. Резня и огонь начались после того, как в Ибаре утонули трое албанских мальчишек, бросившихся в реку, спасаясь от якобы травивших их собаками сербских детей. Факт этот еще не проверен, но то, что свершилось — свершилось. В интервью австрийскому телевидению официальные лица заявили, что вспышки насилия случались и раньше, но в этот раз налицо мощная скоординированная акция. «Насилие низверглось в одно и то же время сразу в нескольких местах, что свидетельствует о хорошо спланированной операции».

Опустели ооновские офисы в Гнилянах, Призрене, Пече. Бегство объясняется наступлением «хрустальной ночи». Анонимы от администрации называют случившееся не иначе как сербским погромом: церкви горят и людей атакуют только за их этническую принадлежность. Семью нашего переводчика-сербца спас коллега-эстонец: в последнюю минуту он вывез ее на собственной машине. Рассказывают, что, обнажив штурмовой нож, инструктор заявил, что служил в охране президента и хорошо знает, как эту штуковину применять. Нападавшие расступились...

Сербский премьер Воислав Коштуница потребовал срочно собрать Совет Безопасности ООН. «Только территориальная автономия может обеспечить безопасность сербов в крае», — заявил он. Отметив, что существующая система администрирования провалилась, сербско-черногорский министр обороны заявил, что армия, с согласия НАТО, готова защитить своих сограждан.

Массовые протесты против эскалации насилия в Косове идут по всей Сербии. Полиция, православное духовенство пытались предотвратить, но толпа подожгла мечети в Белграде и Нише...

ХРОНОЛОГИЯ КОНФЛИКТА (по мере поступления информации)

16 марта, 13:00

Протест в Чаглавице

Чаглавица. Сотни сербов перекрыли главную, ведущую в Приштину, дорогу. В селе из огнестрельного оружия ранен восемнадцатилетний подросток; его доставили в больницу, прооперировали. Еще ночью, сразу же после выстрелов, сербы вышли на улицы Чаглавицы и Грачаницы, протестуя против случившегося. С утра же они блокировали путь на столицу. Очевидцы свидетельствуют, что стреляли из красного «Гольфа», скрывшегося в направлении Приштины. Полиция говорит о восьми выстрелах из пистолета с глушителем. Йовица Илич получил два ранения в живот и одно — в руку.

13:21

Стрельба по протестующим

Студент из Чаглавицы легко ранен выстрелом, раздавшимся из албанского дома напротив. Стрелявший и хозяин дома задержаны. Выстрелу предшествовала драка с учениками местной школы, которых протестующие забросали камнями.

15:20

В Грачанице создана кризисная группа

Сербы из Грачаницы организовали кризисную группу и требуют срочно децентрализовать власть в Косове.

20:30

Протест Сербии в Совете Безопасности

Сербия заявляет протест в Совет Безопасности ООН по поводу ранения юноши. Министр иностранных дел разъясняет: ранение восемнадцатилетнего Йовицы Ивича еще раз подтверждает, что после более чем четырехгодичного присутствия международных миротворцев сербы в Косове все еще не чувствуют себя в безопасности.

17 марта, 12:15

Столкновения в Митровице: начало

Начинаются столкновения между КФОРом и тысячными толпами албанцев, пытающихся перейти мост, разделяющий южную (албанскую) и северную (сербскую) части города Митровица. Против атакующих применяется слезоточивый газ, резиновые пули. Волнения начались после того, как из реки извлекли трупы двух албанских мальчиков, пропавших без вести накануне. «Мы нашли два тела, одно прошлой ночью и другое этим утром, и мы все еще ищем третье», — сообщила местная полиция. В ночном выпуске новостей косово-албанское TV показало четвертого мальчика, рассказавшего, что, спасаясь от травли собаками, затеянной сербскими подростками, мальчишки бросились в реку. С младшим братишкой на спине он пытался выплыть, но тот соскользнул и скрылся под водой...

14:08

Полиция: официальное сообщение

Подтвердив обнаружение двух мертвых албанских детей, полицейское начальство заявило, что их просто шокировали сообщения некоторых массмедиа о травле собаками. «Мы расследуем причины того, как дети оказались в воде...» Утонувшие были девяти и двенадцати лет.

18:00

В Пече пылают сербские дома

Печ. Сербские репатрианты из Бела-Поле сообщили, что их дома подожгли факельщики-албанцы. Тридцать человек укрылись в сельской церкви, вокруг живой стеной стоят итальянские солдаты. Нападающие бросают камни, грозят спалить храм. Около тысячи

албанцев рвутся через живую цепочку. С приходом подкрепления сербов вывозят в военный лагерь. Село превращено в пустыню. Сгорели все двадцать пять домов, что были построены совсем недавно для тех, кто, поверив пропаганде, вернулся в родное село...

18:17

В Митровице — комендантский час

Приштина. Администрация ООН вводит в Косовска-Митровице комендантский час. «Всякий, кто появится на улице после семи вечера, будет арестован. Ситуация в северной части города разряжается, но в южной большие группы албанцев все не расходятся». Официальный представитель международных полицейских сил отметил, что контроль за эскалацией конфликта потерян. «В дополнение к Митровице мы получили еще и Чаглавицу, где также идут столкновения. Мы не контролируем ситуацию там», — заявил он.

18:43

Горит семинария в Призрене

Призрен. Горит православная семинария. Пожарные пытаются спасти древнюю святыню, в них швыряют камни. Полиция применяет слезоточивый газ, подожжены две полицейские машины. В Призрене служат и наши, кыргызстанцы-миротворцы. В то время они были на передовой.

По сообщениям с места, в Призрене уничтожены все христианские храмы и монастыри, в том числе и знаменитейшие памятники церковной архитектуры XIV–XVI веков. Разрушено и старинное здание семинарии в Пече, сожжена церковь. Судьба большинства православных священников до сих пор неизвестна... По данным сербской стороны, с момента ввода в Косово миротворцев-международников здесь так или иначе уничтожено сто тридцать православных святынь.

20:10

Взорваны и горят дома в Липляне

Липлян. Две бомбы взорвались вблизи православной церкви в центре города. По сообщениям наблюдателей, по сербским домам стреляли со всех сторон, разрушив более пятидесяти из них. «На улицах не видно ни военных, ни полиции», — отмечает наблюдатель.

21:00

Тысячный протест в Белграде

Тысячи белградчан протестуют против этнических чисток в Косове. Митинги начали таксисты. Народ вышел на улицы, скандирует: «Сербия нарождается!», «Мы идем в Косово!»

23:25

Приштина

Полиция сообщила о гибели четырех сербов в Липляне. Когда войска эвакуирова-

ли население, албанцы ворвались в один из домов и открыли огонь. Обстреляны дома в соседнем селе Добросин.

18 марта, 01:58

Сербы ни при чем?

В ходе пресс-конференции представитель международных полицейских сил сообщил, что оставшийся в живых подросток из Митровицы сразу после случившегося рассказывал родителям, что они с тремя друзьями вошли в реку сами и сильное течение тут же подхватило их. Он смог переплыть реку, но товарищи утонули. О преследователях с собаками ничего не говорилось. Расследование продолжается.

02:10

Белград: столкновения с полицией

За полночь, прорвав полицейский кордон, сотни бунтовщиков ворвались во двор мечети, разбили стекла и забросали здание бутылками с горючей смесью. Прибывший сюда православный архиепископ Амфилохий пытался остановить атакующих, успокоить пыл. Ситуация контролируется, сообщается о множестве раненых. Сто десять человек арестовано.

(Позже бесчинства осудили. Правительство оценило поступки поджигателей мечетей в Нише и Белграде как ничем не отличающиеся от действий экстремистов-поджигателей православных храмов в Косове).

02:42

Насилие скоординировано и спланировано

Вена. В интервью австрийскому телевидению представители международной полиции и КФОРа еще раз подтвердили, что нынешняя трагедия в Косове заранее спланирована. Годы безуспешных попыток определить статус Косова породили сильное напряжение в обществе. И оно взорвалось! Конфликт продолжается, десятки тысяч албанцев со всех сторон идут в Приштину. Никто не знает, что произойдет, когда толпа ворвется туда...

10:30

Армия должна защитить сербов в Косове!

«Ситуация критическая. Армия обязана защитить жизни сербов, их имущество, культурные и исторические памятники», — заявил министр обороны Сербии и Черногории.

Идут переговоры с командованием Северного Альянса, вопрос внесен на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Российская Дума поддержала Сербию, потребовав немедленного решения о направлении в Косово сербских батальонов. «Россия не может оставаться безучастной к косовским событиям. Это настоящая этническая чистка», — заявил президент Путин.

В ответ прозвучало, что НАТО располагает достаточными силами для наведения порядка. «Сейчас в крае дислоцировано восемнадцать тысяч пятьсот наших солдат.

В ближайшие часы прибудет пополнение из Боснии, Италии, наших резервов». Семьсот пятьдесят солдат дополнительно направит Великобритания. Вскоре с германских военных баз прибыло восемьсот американцев.

13:07

Совет Европы осудил насилие в Косове

Страсбург. «Насилие не принесет решения, — заявил Генсек Совета Европы, — оно должно быть остановлено немедленно, чтобы предотвратить еще большие потери. Будущее Косова может быть построено только на соблюдении взаимных интересов различных этнических групп».

14:23

Демонстрации в Приштине и Пече

Тысячи албанцев демонстрируют в Приштине и Пече. Все дороги в столицу перекрыты и контролируются КФОРом.

15:40

«Обилич очищен от сербов!»

Оставшиеся в живых сербы эвакуированы из Обилича, их дома сожжены. Пылает соседний городок Косово-Поле. Здесь, чтоб было сподручнее жечь, толпу погромщиков сопровождает автоцистерна с горючим. Дотла сгорел российский военный госпиталь, где после вывода россиян располагалась местная больница.

16:00

Столкновения в Белграде

Группы студентов забросали камнями посольства Хорватии и Германии, пытались прорвать кордоны у американского и албанского. Протестантов возглавляют лидеры ультраправого крыла националистической группировки «Образ». Крупные силы полиции оттеснили их. Среди стражей порядка тридцать раненых, трое — тяжело.

17:20

«Только одно решение — независимость!»

Приштина. Три крупнейшие партии косовских албанцев заявили, что только скорейшее принятие независимости Косова может остановить кровопролитие и нормализовать обстановку.

18:20

Опять горит Липлян

Группа албанцев попыталась поджечь уцелевшие сербские дома в центре Липляна. Сработав оперативно, финские военные разогнали толпу. Проведены аресты.

Несколько позже толпа прорвалась к церкви, где прятались несколько сербов, и забросала ее взрывчаткой... Потери не сообщаются.

23:00

КФОР сообщает потери

Лондон. Сообщается о тридцати пяти раненых военнослужащих. НАТО планирует дополнительно направить в Косово две тысячи солдат. Потери полиции не сообщаются.

19 марта, 00:17

Нападение на полицейскую станцию

Албанцы напали на полицейскую станцию в Липляне, забросали ее гранатами. Досталось и станции в Призрене. Здесь подожжены три полицейских машины, еще несколько серьезно повреждены. Полковник-кыргызстанец Азамат Кутманалиев рассказывает, что, окруженный толпой, он спасся только благодаря собственной выдержке. Нападавшие промедлили, и подоспел спецназ...

00:35

Насилие дирижируется

Прибыв в Приштину, командующий войсками НАТО в южной Европе сообщил как об очевидном факте, что насилие в Косове хорошо организовано и дирижируется.

10:00

ООН осуждает...

Нью-Йорк. Осудив смертельное насилие, Совет Безопасности ООН подтвердил приверженность идее мультиэтнического Косова. Состоящий из пятнадцати членов СБ собрался на чрезвычайное заседание после кровавого двухдневного хаоса, унесшего жизни минимум тридцати одного человека, в то же время пятьсот других были ранены.

«Основание многонационального, толерантного, демократического общества в стабильном Косове остается главным стремлением международного сообщества. Насилие неприемлемо и должно быть остановлено немедленно. Виновные должны быть переданы правосудию. Преступники должны понимать, что атака на международное присутствие — это атака на международное сообщество в целом. Экстремизму не место в будущем Косове...»

Министр иностранных дел Сербии и Черногории заявил Совету, что случившееся имело целью очистить ооновский протекторат от сербов. «Мы все получили сигнал: сербы должны уйти».

10:30

**Белград оставляет право
пересмотреть политику в Косове**

«Если миротворцы не справились со своими обязанностями, Белград оставляет за собой право пересмотреть свою политику в Косове» — заявил министр обороны Сербии и Черногории после встречи с Генсеком НАТО и британским министром обороны. — Я предложил включить в состав КФОР профессиональное подразделение нашей армии, но это предложение было отклонено».

10:40

Марш протеста

Правительство призвало провести марш протеста против «погрома в Косово». В нем приняли участие тысячи человек по всей стране, православное духовенство, сам Патриарх, премьер, спикер, члены правительства и парламента. В полдень на три минуты прекратили вещание радио и ТВ.

Исламское сообщество Сербии назвало события в Косово «выходкой албанских хулиганов-дикарей» ...

11:10

Натовский «набег»

Около трехсот французский солдат и жандармов из международных миротворческих сил прочесали населенный албанцами многоквартирный дом в Митровице, откуда их подвергли обстрелу. Пятнадцать бронетранспортеров перекрыли мост, и до зубов вооруженные «спецы», прочесав три многоэтажки, нашли и обезвредили снайперскую позицию на крыше одной из них. Снайперы убили и ранили нескольких жителей северной (сербской) части Митровицы.

11:20

Ситуация нормализуется?

На пресс-конференции объявлено, что ситуация нормализуется. «Однако сегодня будут хоронить одного из утонувших детей, и ситуация может быть взорвана».

20 марта, 07.00

Герострат из Прешево

В городе Прешево (южная Сербия) задержан албанец, поджегший мечеть в пригородном селе. Провокация?

23:50

Пожары в Обиличе.

Двести тридцать сербов, в постоянном страхе за жизнь ожидают эвакуации в местечке Црквена Водица и наблюдают пожарища в Обиличе.

21 марта, 09:00

Еще одна церковь в руинах

В ночь на 21 марта разрушена церковь в селе Живиньяны, где проживают сербоговорящие босняки — мусульмане.

12:00

Похороны прошли спокойно.

Состоялись похороны двух утонувших в Ибаре албанских мальчиков. Присутствовало шесть-семь тысяч человек, выступал премьер-министр. Опасались нового взрыва насилия, а потому КФОР и полиция готовились всерьез. Церемония прошла спокойно.

21:00

Потери военных и полиции

Сообщается о девяти восьми раненых международных и местных полицейских, пятидесяти пяти военнослужащих КФОРа.

22 марта, утро

«Сербский дом» будет восстановлен!

Выгорели все двести квартир так называемого «сербского дома» в Приштине. В нем под усиленной охраной больше трех лет проживало несколько сербских семей. Позже охрану сняли...

Косовский премьер перед телекамерами пообещал, что восстановление Дома начнется уже через пятнадцать дней.

Обнародована цифра: за три дня Косово покинуло три тысячи сербов, множество цыган. Министр обороны Сербии и Черногории, меж тем, говорит, что первоочередной задачей является скорейшее восстановление порушенного, возвращение беженцев и должное обеспечение их охраны. В ближайшее время, по его словам, надлежит обеспечить возвращение в край... двести тысяч сербов (!) «После четырнадцати лет мировое сообщество впервые признало, что жертвами в Косово являются сербы, а агрессорами — албанцы», — заявил глава оборонного ведомства.

«Сербия, помоги!» — под таким лозунгом по всей стране собирается гуманитарная помощь. Первые автокараваны с лекарствами, одеждой, продуктами уже доставлены в Косово.

21 марта

День траура в Сербии

Президент Косова Ругова объявил траурным днем двадцать второе. Чтоб даже здесь, несмотря ни на что, подчеркнуть «самостийность»?

Уже в конце апреля, наконец, озвучено официально: версия о травле албанских детей собаками, вызвавшая волну насилия и «сафари на сербов», проверена досконально и не подтвердилась ...

Научное издание

Н А Ш И М И Р О Т В О Р Ц Ы Н А Б А Л К А Н А Х

Редактор *Т.И. Томашевская*
Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

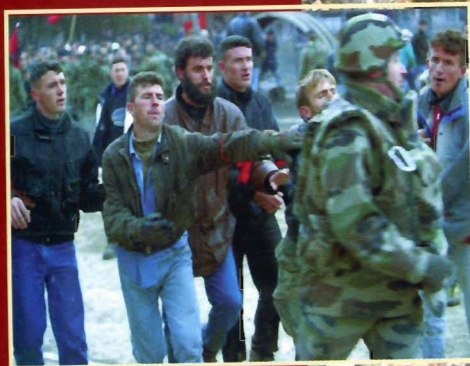
Издательство «Индрик»

Исключительное право оптовой реализации книг издательства «Индрик»
принадлежит книжной галерее «Нина»
www.kniginina.ru
тел./факс: (495) 959-21-03

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Гарнитура «Minion». Печать офсетная.
22,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 4824
Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

НАШИ МИРОТВОРЦЫ НА БАЛКАНАХ